

An aerial photograph of a city, likely Kovdor, with a dense forest in the foreground and mountains in the background. The sky is clear and blue. The text is overlaid on the image.

Яков МАХЛИН

КОВДОР
И КОВДОРЧАНЕ

Яков МАХЛИН

**КОВДОР И КОВДОРЧАНЕ
(Семидесятые, восьмидесятые
и начало
девяностых годов XX века)**

Аннотация

С большинством героев книги «**КОВДОР И КОВДОРЧАНЕ (Семидесятые, восьмидесятые и начало девяностых годов XX века)**» автор, журналист Яков Махлин, был хорошо знаком по долгу службы. Работал редактором многотиражной газеты «Рудный Ковдор» и районной газеты «Ковдорчанин» («Знамя пятилетки»), затем – собственным корреспондентом областной «Полярной правды». Книгу составили воспоминания автора и впечатления по горячим следам – публикации в газетах и журналах. В качестве приложений к основному тексту предложены эпиграммы, их тоже можно считать документами времени.

2021 год

Раздел I

ЛЮДИ И ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

Лицом к лицу лица не увидать. Пока жил в Ковдоре не очень-то задумывался о том, как мне повезло со средой обитания. Встречались, прямо скажем, и не очень симпатичные люди. Но их было немного. И не они являли собой лицо комбината и города.

Более девяти лет редактировал многотиражку Ковдорского ГОКа. Пропускал сквозь себя все статьи и заметки каждого номера, а их до сорока на четырёх полосах. Почти двое суток в неделю занимала типография, верстаться приходилось в Кандалакше. Это к тому, что времени на сесть, помыслить и задуматься фактически не оставалось. За все многотиражные годы, затем за два года в Ковдорской районной газете и чуток более года работы собкором «Полярной правды» – не наберётся и дюжины дней, когда выбирался на бруснику или грибы. О морошке и голубике не говорю – так ни разу не получилось вырваться. Зато как-то по борту рудника «Железный» наполнил малиной баночку из-под майонеза – совместил визит к парторгу геолого-разведывательной партии Коле Голиковус осмотром окрестностей. Кстати сказать, «Рудный Ковдор» в те годы за глаза величали (или порицали) «двухпартийной газетой», поскольку орган парткома Ковдорского ГОКа очень много внимания уделял перспективе. То есть, разработкам Ковдорской геолого-разведывательной партии.

В Киев вернулся спустя год после распада страны. Уезжать из Ковдора не хотелось, да сыграли роль семейные обстоятельства. В городе, где родился, где обитали пять поколений моих предков, приживался с трудом. Всё чаще всплывали в памяти картинки севера. И тамошние взаимоотношения между людьми.

Так постепенно сложилась повесть в зарисовках о людях Ковдора семидесятых, восьмидесятых и начала девяностых годов. Возможно, не обо всех достойных рассказал. А лишь о тех, с кем плотно сталкивался, кто был для меня интересен. Опять же, не по горячим следам. По памяти, по зарубкам на ней. Потому образы людей несколько не полны и вообще субъективны. Но что поделаешь, я всё-таки журналист, а не сотрудник отдела кадров, в чьи обязанности входило составление «объективов».

В завершение первого раздела книги позволю себе оглянуться на северную природу, на фоне которой жили и трудились герои моих беглых заметок. Чаще всего четверостишия появились как бы вынужденно – под пятнами фотографий Наили Ганиевой, призванных оживить «слепую» полосу газеты. К ним добавил ностальгические всплески о картинах севера, что продолжают время от времени возникать.

ОХОТА К ПЕРЕМЕНЕ МЕСТ

Редактор областной газеты перелистал папку с моими публикациями. На паспорт не взглянул. Оказывается, мы из одного гнезда. Он тоже закончил заочную журналистику Уральского университета. Перемыли кости преподавателям. Наши симпатии и антипатии в основном совпали.

Обменялись добрыми словами о методистке факультета Алевтине Николаевне. Скольких из нас она поддержала тёплым словом, советом и напоминаниями – не сосчитать. Оба, оказывается, храним, не выбрасываем, её открытки. Помянули преподавателя истории партийной печати – не буду, чтоб не накликать беду, вспоминать его фамилию – но совершенно иначе.

Вернулись к началу разговора. Редактор никак не мог взять в толк, почему хочу переехать в Пермь, когда в Киеве газет побольше и рангом они повыше?

– Кама – замечательная река, но с Днепром не сравнить. А природа?! У вас там дырн воткнёшь в землю – зазеленеет. Неужто от жены сбегашь, допекла? – доискивался истинной причины редактор.

Раскрываю паспорт, показываю: не женат и не был. Пока. Бормочу, что надоело работать временно исполняющим обязанности, что вместо клейма «хода нет» хочу носить в ранце маршальский жезл.

Не понимает или прикидывается? Перешёл на прямой текст:

– Меня с моей родины всё настойчивее выдавливают на Ближний Восток – ни работы по душе, ни перспективы. Но я выбираю Дальний...

Вроде дошло. Разговор вернулся в русло беседы старшего коллеги с младшим. Обсудили, какой отдел редакции мне подходит, где на первых порах буду жить. Посудачили о том, как пригодится газете моё увлечение юмором – редактор обратил внимание на мои эпиграммы и фельетоны в журнале «Спутник Крокодила». Это любопытное сатирическое издание много лет регулярно выходило на одном из мощнейших пермских «почтовых ящиков».

Расставались довольные друг другом. У двери редактор похлопал по плечу, наклонился к уху:

– Признайся, всё-таки баба причиной?

ПРАВИЛА ИГРЫ

В город, где сын родился и провел детсадовские годы, мы возвращались спустя семь лет. Сопки расступились, вдали засверкало озеро огней. Сын сострил:

– Подъезжаем к исторической родине.

Вскоре мы уже сидели в гостях у дяди Вити, у Виталия Федоровича Михайлова. Дружим с техникума, с четырнадцати-шестнадцати лет. И вот опять вместе.

...Таким счастливым Виталия давно не видел. На дворе – июнь, солнечный, но по-осеннему холодный. Друг зашёл в редакцию в толстой осенней куртке, сидел не раздеваясь. Спешил на оперативку – в строящийся цех кера-

мической плитки. Утром я заикнулся по телефону и вот, улыбающийся, Витя сидит против меня. Выложил на стол 500 рублей, хлопнул по плечу и поклонился. Не мне, двери. Рост не позволял ему входить-выходить, не согнувшись.

Обычная для Севера история. Сейчас, наверное, и там рубля без расписки в долг не получишь, а тогда люди верили друг другу на слово. Троячку до полочки одолжить всё равно было сложновато, другое дело – полтыщи, тыщу и более. Это запросто. Ради такой суммы можно пойти в сберкасса и постоять в очереди. Одолженная пачка купюр вместе с отпускными гарантировала нормальный отдых в местах, обласканных солнцем. Позволяла особо не экономить на клубнике, яблоках и прочих витаминах. Заодно прикупить одежду на зиму.

Витя сам так поступал всю дорогу, хотя зарплату получал отнюдь не маленькую – работал заместителем директора Ковдорского горно-обогатительного комбината по капитальному строительству. Денег на машину или квартиру в средней полосе так и не накопил. Сначала треть заработка уходила на алименты – пока сын и дочь от первого брака не окончили институты. Потом, думал, что успеется. Только-только отметил 55-летие, достиг северного потолка для оформления пенсии. Её и собирался класть в копилку.

В тот день Витя впервые за долгие годы нашего совместного проживания на севере смог дать мне в долг деньги. Без ущерба для семейного бюджета. Спустя два месяца, когда отдавал долг его жене, узнал, что это – деньги тещи. Она продала квартиру в Северодонецке Луганской области и перебралась жить к дочери и зятю.

С Виталием, с Витей, или, как мне нравилось говорить, с Виктóром («Виктóр и я – уже победа!»), мы учились в Киевском горном техникуме, номера наших групп стояли рядом. Моя – 55, его – 56. Он получил диплом горного техника-шахтостроителя, я – горного техника-электромеханика. В отличие от меня Витя не изменил своей первой профессии. Пусть оснований, в смысле способностей, у него было побольше. Познакомились мы поначалу в техникумовской литстудии. Стихи его запали в душу: «Всё потому, что ему девятнадцать и девятнадцать лет ей!». Этому рефрену я, поскольку был младше года на полтора, завидовал.

Витя ещё блистал на самодеятельной сцене. Знал наизусть Владимира Маяковского. Мог часами читать, не повторяясь. И такое бывало. Его пригласили в народный театр Клуба пицшевиков на роль Богдана Хмельницкого. В 1954 году, когда мы защищали дипломы, широко праздновалось 300-летие воссоединения Украины с Россией. Для меня тот месяц май остался в памяти двумя яркими событиями: открытием цельносварного моста им. Е. О. Патона через Днепр и премьерой в народном театре Клуба пицшевиков. Насколько знаю, после армии Витя поступал в театральное училище одновременно с Сергеем Юрским. Дошёл до второго тура.

Несколько месяцев довелось нам поработать вместе в одном из киевских проектных институтов. Опять же в разных отделах. Он в строительном, я в электро. Годы переписки и редких встреч в Киеве и Северодонецке. Пока Ви-

тя не оказался на Севере. Сначала в Апатитах. Оттуда его перевели в Ковдор. Это он убедил местное партийное руководство пригласить меня редактировать многотиражку горно-обогатительного комбината. Бросил мне спасательный круг. Все возможности прижиться в редакциях Киева я исчерпал, перспектива постоянной работы даже не маячила. «Инвалидность пятого пункта», как тогда говорили, мешала.

В Ковдоре разворачивалась реконструкция железорудной обогатительной фабрики. Из той же руды предстояло извлекать апатит и бадделеит (двуокись циркония) – довольно радиоактивный минерал. На Витины плечи впоследствии возложили полный перевод комбината на стопроцентное использование добываемой руды. Кальцит в отходах оказался отличным сырьём для изготовления дефицитной керамической плитки.

Наверное, в управлении комбината не сыскать более собачьей должности, чем заместитель директора по капитальному строительству. При бесконечных стройках, которые, надо или не надо, сотрясали страну, подрядчики, в отличие от заказчиков, находились в привилегированном положении. Примерно по той же модели, которая позволяла любой продавщице возвышаться над очередью в магазине: «Вас много, а я одна!». Строители всегда оставались на высоте, а заказчики в проигрыше. Надо сказать, умело пользовались своим привилегированным положением. Профессиональные навыки помогли, уверен, Б. Н. Ельцину взлететь в Перестройку.

Как не ложились карты, а всегда в строительных просчётах виновным оказывался заказчик. Задержка со сдачей жилого дома или с вводом в эксплуатацию детского сада... Ошибка в 180 градусов при привязке к площадке водоочистительных сооружений... Мощности хлебозавода, превышающие потребности города в три-четыре раза... Отсутствие ливневой канализации... И так далее, и тому подобное. Всё это, разумеется, отражалось на размерах премиальных и на количестве орденов с медалями. В отличие от подрядчиков и субподрядчиков. Им всегда доставались корешки. Вершки, то есть выговор за выговором, с занесением, со штрафами – главной фигуре заказчика в лице зам. директора по капстроительству – В. Ф. Михайлову.

В тот год Витя поехал в отпуск спустя месяц после меня. И не вернулся. Сердце не выдержало перепада давления и жары. Что угодно мог предположить, но только не то, что придётся участвовать в написании некролога, листать его «личное дело». Солидная папка, а в ней всего лишь одна благодарность... Кажется, ко Дню милиции, как активному дружиннику. Святая святых – общественные нагрузки, Витя от них не увиливал. Но половина папки, или, как сказали бы самодеятельные стилисты, – бóльшая половина: выговор за выговором. С занесением и без. «За необеспечение, за срыв, за ошибки в чертежах. И т. д., и т. п.».

Витя отдал Ковдорскому ГОКу свыше двадцати лет, более четырёх пятилеток, если по тогдашнему счёту. Из заштатного посёлка при карьере и обогатительной фабрике Ковдор превратился в компактный город, в райцентр. Население увеличилось впятеро. На улицах повыврастали пяти и девятиэтажки современных на то время серий. Витя оставался жить в двухкомнатной

квартире, доставшейся от предшественника. Когда приехала тёща, он лишился угла в комнате пасынка, перебрался со своими бумагами и чертежами на кухню. Перелопачивал строительные объёмы на десятки и сотни полновесных в то время рублей. Приходил домой в обнимку с портфелем поздно вечером, уходил по утрам.

В многотиражке, а спустя годы – в районной газете, о чём и о ком только не приходилось писать. Не пропустил вклада ни одного мало-мальски заметного действующего лица в развитие комбината и города. А Виталий Михайлов появлялся на страницах исключительно как автор проблемных и аналитических статей – как авторитетный комментатор хода стройки. Встречались мы чуть ли не ежедневно. Если не на объектах, то у него или у меня в кабинете. Допоздна засиживались в гостях друг у друга, могли и без рюмки. Связывала душевная близость, которая может возникнуть только в юности, а цементируется годами дружбы.

Хорошо знаю, чего стоили Вите те или иные объекты капитального строительства. Какие он наматывал концы между главками и научно-исследовательскими институтами, сколько раз его вызывали в горком (в Апатиты) и обком, как приходилось унижаться в министерских кабинетах. И то сказать, Ковдорский ГОК, вскормленный министерством чёрной металлургии, на полном ходу сделал шаг в сторону большой химии. Новая продукция никак не укладывалась в привычные рамки родного министерства. Крайним опять оказался В. Ф. Михайлов. (В скобках, справедливости ради, надо сказать, что о комплексном использовании руд Ковдорского месторождения задумался ещё Мурманский совнархоз. Задолго до появления Михайлова в Ковдоре. Минчермет так и не смог отбояриться от наследия самодеятельности на местах. Отводил душу на ни в чём не повинном ответственном за капстроительство.)

Не особо жаловали Михайлова и коллеги по управлению комбината, остальные работники ГОКа. В огрехах подрядчиков и субподрядчиков они винили отдел капитального строительства и его руководителя. Даже тот бесспорный факт, что именно Виталий Фёдорович добился прибавки в 10 процентов к полярному коэффициенту, которая была положена добытчикам апатита, авторитета ему не прибавил.

Несправедливость всегда отзывается двойной и тройной перегрузкой – сердца. Витя держал удар. А я? Что я! У меня были свои принципы, прописанные в профессиональном кодексе. Мне казалось не этичным воздавать должное другу на страницах газеты, которую редактирую. На страницах областных или всесоюзных изданий – тоже. Хотя бы в том же академическом журнале «ЭКО», чьим нештатным корреспондентом по Северо-западу страны долго являлся. Со школы помнил, что «радеть родному человечку» интеллигентным людям не пристало. Нет, не боялся обвинений в кумовстве. Демагогические приёмы и тогда претили. Но писать о друге считал всё-таки неудобным.

(Припомнился Ковдорский эпизод, когда город превратился в райцентр и обзавёлся районной газетой. Газета опубликовала заметку о растущих в дет-

ской художественной школе талантах. Автор перечислил фамилии юных гениев. Целиком и полностью они совпадали с фамилиями секретарей райкома, ответственных работников райисполкома и... редактора газеты. Не постеснялся, обратил на сей факт внимание секретаря по идеологии. Она вскинула на меня наивные глаза и произнесла:

– А если эти дети действительно талантливы!).

Никак не уйти от мысли, что нужно было пересилить себя. Прилюдно подставить плечо другу. Нуждался он в поддержке. Святая обязанность! Может быть, это укрепило бы его сердце.

С годами постигаю мудрость простых истин. Хорошие слова надо говорить человеку при жизни. Желательно вслух. Не стесняться. Не оставлять благодарность для некролога, для подписантов из «группы товарищей». Чтобы потом не сожалеть и не думать, что ты, именно ты, виноват.

«МЕНЬШЕ ТЕКСТА – МЕНЬШЕ ГЛУПОСТЕЙ»

Газета – занятие коллективное. Здесь, как в театре и кино, результат зависит от слаженности всех частей творческого организма.

В докомпьютерную пору главным техническим звеном любой редакции было машбюро. Почему-то считалось, что потогонное стуканье по клавишам пишущей машинки при норме 40 страниц (по 30 строк через два интервала) в день – женская работа.

В каждом машбюро имелись асы своего дела, к ним не иссякала очередь корреспондентов, желавших перевести свои каракули в удобочитаемый текст. В республиканском «Комсомольском знамени» на рубеже семидесятых годов таковой считалась машинистка по имени Люся. По возрасту она годилась в матери половине пишущего состава, но в молодёжной газете считалось нормой быть между собой «на ты».

Люся могла одновременно делать несколько дел, с которыми вряд ли справился бы такой признанный многостаночник, как Юлий Цезарь. Печатала под диктовку со скоростью пулемёта, жевала пирожок, пила кофе, обменивалась впечатлениями от нового фильма с соседкой. Иногда учила по телефону уму-разуму дочь.

К столу подсел литработник Аркадий С. Он и здесь, в машбюро, пытался править свою рукопись. Возникала пауза за паузой. Люсин пулемёт захлёбывался. В конце концов, женщина не выдерживала:

– Аркаша, мне с вами скучно, мне с вами спать хочется!

Следующее серьёзное звено процесса выпуска газеты – машинисты строкоотливных машин типографии. Линотиписты. У них та же норма качества, что и у машинисток – не больше 4 ошибок на сто строк. И сдельщина. Но в больших газетах редко знаешь, кто тебя набирает. В отличие от районов, где линотипистов один-два и обчёлся. Ах, какие среди них попадались виртуозы. Линотипистка кандалакшской типографии Маша по кличке Блин умудрялась, не теряя скорости, заталкивать в строку длиной два квадрата с четвертью

(около 41мм) до 27 знаков. Потом запятую не втиснешь. Она же никогда не ленилась достать с каретки матрицу буквы «Ё» и вставить в строку.

Лучшие машинистки, поверьте на слово, выходили опять же из лिनотиписток с опытом работы в малой типографии. Если наборщица допускала ошибку в гранках, ей же потом приходилось исправлять её в полосе. Когда в многотиражке «Рудный Ковдор» машинисткой стала Галина Афанасьевна Котельникова, работавшая прежде линотиписткой, я несколько лет горя не знал. В типографию уходили материалы почти без помарок. «Почти» – на моей совести. Всегда хочется в последний момент, как упомянутый друг Аркадий, что-то исправить и подправить.

Что же касается вклада остальных полиграфистов, ограничусь одной цитатой. В киевской областной типографии подрабатывали на многотиражке завода «Арсенал» верстальщики из «Вечернего Киева». Быстрее всех отпускал нас домой некий Ньюма. В отличие от своих коллег, он не кривился от морочливой необходимости ставить на полосу клише – иллюстративный материал, цинковую пластину на деревяшке. Приговаривал:

– Меньше текста – меньше глупостей!

А первый свой урок в обоснование тезиса, что газета – творение коллективное, я получил ещё в техникуме. Литературным кружком у нас руководил Леонид Александрович Масленков.

В тот вечер мы отложили в сторону стихи, ямбы, хорей со спондеями, и придумывали всем хором название сатирической газеты, каковую мне предстояло редактировать. Опробовали вариант за вариантом, пока не остановились на приспособлении к врубовой машине. Раскатистое название, да ещё с ярким горняцким оттенком. К режущей цепи крепилась вращающаяся штука, отсасывающая штыб (пыль). Леонид Александрович одобрил вариант названия. Дескать, много полезных смыслов в себе несёт, а это так важно.

Гордый собой и своими товарищами по литстудии я отнёс бумажку со словом «Расштыбовщик» художнику, уполномоченному комитетом комсомола техникума оформлять стенгазеты. Парень покрутил заказ перед глазами, хмыкнул и обещал через два дня принести лист ватмана, украшенный заголовком. Я попросил оставить побольше места для карикатур и текстов. Он пообещал. Действительно, справился в срок. Перед самым звонком на лекцию сунул мне в руки рулон и убежал.

Раскрываю и глазам не верю. Никакого горняцкого антуража. Сверху листа ватмана машет крыльями и грозит жалом полосатое насекомое. Чтобы никто не сомневался, какое именно, жирно написано «Оса».

Сроки поджимали, номер газеты вышел под этим заголовком. Самое смешное, название прижилось. Стенгазета два года регулярно выходила. Несколько экземпляров мама сберегла – до сих пор где-то на антресолях валяются.

ДЕЛО И ТАБАК

Большинство моих сверстников могли повторить вслед за Николаем Глазковым:

Илюша Френкель, фронтовой поэт,
Однажды мне сказал: «Давай закурим!».
И я курил все двадцать девять лет...
А мы тут о влияниях толкуем,
Напрасно вспоминаем имена.
Есенин, Маяковский, Северянин
Не оказали вместе на меня
Столь долгого и вредного влиянья!

Справедливости ради надо сказать, что славу автора слов популярной песни должна разделить первая исполнительница «Давай закурим!», легендарная Клавдия Шульженко.

Пить и курить в наших широтах всегда умели. Но война и её лишения укрепили, если не сказать углубили, вредную привычку. В самый тяжёлый военный год не где-нибудь, а на страницах газеты «Правда» официальный фельетонист страны Давид Заславский подверг критике бракоделов, выпускавших некондиционную махорку – важнейший солдатский доппаёк. О фронтовых ста граммах вообще умолчим. Выпивка, веками сопутствовавшая исключительно праздничным дням, стала будничным делом. И сократила жизнь многих выживших в огне, особенно – инвалидов.

Когда я повзрослел до бритья, курение считалось воистину занятием «мужским и мужественным» – по меткому замечанию писателя Ильи Ильфа. Курильщики уже переходили с папирос на сигареты, но фольклор ещё сохранял отзвуки довоенных названий курева: «Мы любим «Труд», но только папиросы, мы любим «Спорт», но только шоколад».

Имущественное расслоение на тех, кто живёт в коммуналке и в отдельной квартире, кто имеет дачу и машину, а кто экономит на трамвайном билете – ещё впереди. Но градация по возможностям удовлетворить те или иные пристрастия уже давала знать о себе. Одни довольствовались «Московской» водкой за 2.87, другие могли себе позволить «Столичную» за 3.12. Самые высокооплачиваемые употребляли трёхзвёздочный коньяк, даже коньяк «КВ». Но я в их кругу не вращался.

Значительно позднее, узнал, что качество водки определялось не формой и цветом бутылки, не надписью на этикетке. Это – внешние признаки. Как правило в тару продукт разливали из одного и того же резервуара. Начинку папирос и сигарет тоже готовили в одном смесителе. Потом разделяли потоки по разным набивочным аппаратам. Тут уже начинались различия. Курильщики особо ценили папиросы «Беломор» ленинградской фабрики им. Урицкого

и ростовской фабрики без имени. Славился табак киевской фабрики, но набивка страдала, одна-три папиросы в пачке всегда оказывались полупустыми.

Окончательно я пристрастился к курению тогда, когда исчезли из продажи дешёвые албанские сигареты. Взамен появились махорочные. Начинал с «Примы» за 14 копеек, её сменил «Спутник» в синей упаковке, за те же деньги. Дешёвые и очень горлодёрные папиросы назывались «Север». «Беломорканал» стоил 22 копейки, «Любительские» – 25, «Казбек» – 30. Столько же стоили самые дорогие сигареты «Друг». Но их в пачке 20 штук, а папирос – 25.

В 1964 году на совещании, посвящённом подготовке к празднованию 200-летия Киевского завода «Арсенал», как водится, говорили и курили, не отходя от стола. Запрет на курение касался только залов стационарных кинотеатров и театров, а также «вагона для некурящих» (уничижительное прозвище) в поездах. Участники совещания выложили курево рядом с блокнотами и ручками. В соответствии с пристрастиями и возможностями. Я, как и многие, дымил «Спутником», начальники цехов и члены парткома – «Беломором», а директор завода мог себе позволить стучать папиросой о картонную коробочку «Любительских».

Сигареты с фильтром появились потом. Они стоили дороже, по 30 копеек, хотя поначалу были и по 18. Без наценки продавались импортные сигареты. Блок, десять пачек, «Кента» как-то купил за 3 рубля. В свободной продаже. Правда, не где-нибудь, а в буфете ЦК ВЛКСМ в Москве.

Дольше всего курил «Беломор». Папироса, в отличие от сигареты, гаснет, если о ней забудешь на секунду. Сигарета, нужна она тебе в этот момент или не нужна, дымит и тащит на себя внимание. А самое яркое воспоминание о сигаретах связано с раскомандировкой рудника «Железный» в Ковдоре. Мой друг, начальник рудника, не курил. Потому его подчинённые удовлетворяли своё пристрастие снаружи, на железной лестнице. Под ней вырос оранжевый холмик из сигаретных мундштуков. Он выделялся на фоне чёрной рудничной пыли. Зимой – вообще, когда всё вокруг белым-бело.

КНИГИ «ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ»

Пополнять свою библиотеку книгами стихов начал ещё в техникуме, когда побывал на практике в шахтёрском посёлке Подмосковского угольного бассейна. Там добывали бурый уголь для теплоэлектростанций и электростанций. В библиотеке шахты выменял томик Алексея Толстого из малой серии «Библиотеки поэта» и сборник литературных пародий Александра Архангельского – на самоучитель по эсперанто и словарь к нему. Слава Богу, книги фактически совпали по цене. Оформили стихи, как пропажу. Приняли замену с некоторой благодарностью. Поскольку стихами никто из посетителей не интересовался. Как получили из распределителя, так они и пылились на полках.

По тогдашним правилам значительная часть тиража рассылалась по библиотекам. А, что оставалось—отправляли в книжные магазины. В городах стихи всё-таки раскупали, при тиражах, немислимых в теперешнее время. Специально сверил: Архангельский в 1946 году был издан 25-тысячным тиражом, стихи А. К. Толстого в 1952-м — 20-тысячным. Впоследствии тиражи значительно выросли. Томик Юлиана Тувима в переводах Ахматовой, Самойлова, Светлова, Маршака и других не менее известных поэтов в 1965 году вышел 50-тысячным тиражом. Ну а сборники Евтушенко, Вознесенского, Ахмадуллиной выпускались сотнями тысяч.

Тот же Тувим (его пропустил в магазине, как ещё несколько десятков книг) у меня украшен библиотечным штампом. Нет, не воровал и не выманивал. Поступил благородно, спас книги от уничтожения. В приклеенных к обложке формулярах — сплошная девственностьна предмет читательского интереса.

У библиотек свой план — оборачиваемость книги. И если какая годами стоит без движения, она подлежит списанию и отправке в макулатуру. Чтобы не портила отчётность и не занимала дорогого места.

К чему веду? Да к тому, что вместе с рынком — пусть я не сторонник рыночных отношений, поздновато меняться — ушло в прошлое хвастовство иных членов Союза писателей. Дескать, издавались они многотысячными тиражами. Возможно, и даже точно их издавали. Но ещё надо разобраться: сколько их книг пошло в макулатуру с пересадкой на библиотеки. И без пересадок.

Понимаю, при теперешних тиражах что-то стоящее может пройти мимо читателя. Хотя история литературы подсказывает: настоящее всё равно заметят и оценят. Как было, скажем, со стихами Есенина или с поэтами, взошедшими в горбачёвскую Перестройку. С тем же лауреатом Нобелевской премии Бродским.

Когда-то прочёл в научно-популярной книжке по физике: если массу бумаги, превышающую объёмом Земной шар, произвольно пропечатать буквами, то вместе с хламом из-под пишущей машинки вполне может выйти «Война и мир». Ничем, ни запятой, не уступающей роману Льва Толстого. Но что делать с триллионами триллионов тонн испорченной бумаги? Вот вопрос.

НЕУМЕСТНЫЕ ФЕЛЬЕТОНЫ

Знал бы, что меня провалят на госэкзамене по истории партийной печати, наверное, не переживал бы так и не пытался пробить лбом стену редакторского непонимания. Диплом защищать и госэкзамены сдавать предстояло в конце первого полугодия 1966 года. А за полмесяца до этих событий должен был состояться XXIII съезд партии, первый съезд после отстранения Хрущёва от власти.

Это потом я стал умным и опытным. Перестал ухмыляться по поводу дежурной инициативы газетчиков из г. Апатиты, которые годовщины революции отмечали соответствующим количеством ударных трудовых недель, а

съезды партии – ударных трудовых декад. Никогда не прогадывали с почином. Вгоркоме и обкоме их за такую прыть похваливали.

Дёрнуло меня выпендриться и придумать себе тему дипломной работы: «Стихотворный фельетон в газете, практическая». Приписка «практическая» означала, что нужно было не только написать с десяток фельетонов, но и опубликовать их. Накануне приближающегося партийного съезда последнее оказалось практически невозможным. Редактор областной газеты «Полярная правда», куда, как студент-заочник, попросился на преддипломную практику, – твёрдо обещал опубликовать мои фельетоны. После мая-июня. А мне нужно было до. Той же линии придерживались руководители газет ниже рангом – комсомольских и многотиражных. Еле-еле удалось представить рецензенту и руководителю практики минимальное количество опубликованных фельетонов.

История партийной печати, история КПСС, диалектический материализм и прочие подобные дисциплины мне трудно давались. Нужно было зубрить и заучивать, а это скучно и нудно. Ну не казались мне означенные предметы наукой. Говорю не для того, чтобы задним числом протиснуться в диссиденты. Если не считать нескольких эпиграмм, ходивших по рукам, на моём счету не было ни одного решительного поступка. В том числе в переломные годы – в 1956-м, когда моя страна танками подавила восстание в Будапеште; через 12 лет, в 1968 году, когда танками же была попрана Пражская весна. Не знаю, то ли по глупости, то ли ещё почему, вырослел и набирался ума весьма и весьма медленно.

С другой стороны, интуитивное отторжение суконного «партийного языка» газет сыграло положительную роль. Так и не смог овладеть обтекаемыми фразами. Благодаря такой своей неповоротливости писал не так затаскано и безлико, как полагалось.

В общем, не торопился бы, сверялся бы с календарём общесоюзных мероприятий, – защитил бы спокойно диплом осенью, а не весной. Так и случилось, но по другой причине – пришлось пересдавать госэкзамен по истории партийной печати.

Кстати сказать, в годы, когда учился, факультет журналистики считался весьма и весьма престижным. Большая часть изучаемых предметов, так или иначе касалась истории, теории и практики КПСС. При определённой тренировке, сдавать эти премудрости было не так уж и сложно. Но чего-то полезное почерпнуть для ума и сердца – это вряд ли. Как говаривал красноармеец Сухов в «Белом солнце пустыни» ...

Поздно, но уразумел: представлять стихотворные фельетоны в качестве дипломной работы – никакой не выпендрёж, а обыкновенная глупость. Впрочем, не такая уж неожиданная для выпускника факультета журналистики.

КТО СВИСТЕЛ?

В отдельные квартиры люди начали вселяться при Хрущёве. Никита Сергеевич, надо отдать ему должное, упрямо гнул свою линию и следил, чтобы строительные материалы, предназначенные для жилья, не утекали на дорогие нетиповые проекты. Это он назвал «тортами и пирожными» дома на Крещатике и, рассказывают, ругался куда энергичнее, чем при знакомстве с произведениями художников абстракционистов в московском Манеже.

С не меньшим рвением энергичный лидер попытался наводить экономию на Севере. «Век позднего реабилитанса», вестником которого явился «наш дорогой Никита Сергеевич», оголил здесь стройки и предприятия, державшиеся на труде каторжан. Рабочую силу пришлось завлекать северным коэффициентом и полярными надбавками. Вахтовый метод, принятый на таких широтах в других странах, нам не указ. Мы пошли своим путём. Строили «голубые города».

Кто подготовил Никите Сергеевичу экономические выкладки во время его визита на Кольский полуостров – неизвестно. Озвучение их он взял на себя. Предложил ограничить надбавки за выслугу лет восемью «полярками», 80-ю процентами зарплаты. Сначала Хрущёв поделился своими государственными соображениями с местным партийным активом. Как водится, возражений не последовало.

На следующий день жители Мурманска и пригородных зон заполнили городской стадион. Несколько странная для столь большого скопления народа тишина не насторожила Никиту Сергеевича. Его, как с ним не раз случалось, понесло. Он отбросил заготовленные страницы и произнёс:

– Дорогие северяне! Дважды дорогие северяне! Во-первых, потому, что мы, вся страна, вас любим и ценим за самоотверженный труд. А во-вторых, уж очень дорого вы обходитесь. Ваши зарплаты...

Окончание фразы заглушил свист многотысячной чаши. Испуганные чайки взмыли с глади Кольского залива.

Никита Сергеевич оторопел. Обвёл взглядом местный президиум, повернулся и зачастил по ступенькам. Свист сопровождал кавалькаду чёрных «Волг» до здания обкома, высившегося с противоположной стороны стадиона.

Несколько недель город и область ждали: что будет? Ничего страшного не последовало. Если не считать, что количество «полярок» для вновь прибывших ограничили восемью. Кто накопил больше – тем оставили, «заморозили». Ещё был, говорят, заменён руководящий состав обкома, горкома, облисполкома и горисполкома. За что этим людям досталось? Уж они на стадионе не свистели. Стояли рядом и молчали в тряпочку.

СЕДЬМАЯ БУКВА

«Обозначено в меню, а в натуре нету» – эти строки из поэмы Твардовского «Тёркин на том свете» – вполне можно поставить эпиграфом красказу о букве «Ё». Сверялся с Толковым словарём Даля, Толковым академическим четырёхтомником, с орфографическими словарями. Шестая буква алфавита –

«Е» – на месте, за ней сразу идёт восьмая буква – «Ж». Седьмая – «Ё» – лишена самостоятельности, скромно арендует площади у своей родственницы без точек на голове.

Проверял себя по словарям, выпущенным в свет на рубеже восьмидесятых годов прошлого столетия. В те времена, когда вспыхивали дискуссии по поводу вопиющей дискриминации буквы «Ё». Ревнителю языка в ранге академиком, профессором и доцентом не жалели красок, доказывая, как важна обиженная буква для понимания смысла написанного и произнесённого. Иначе, мол, глазом не успею моргнуть, как докатимся до тех языков, на которых пишется одно, произносится другое, понимается вообще третье...

После каждого всплеска дебатов гонимая буква появлялась в школьных учебниках, в изданиях для детей. И только. Пыталась надавить личным примером зачинательница дискуссий – «Литературная газета» – но вскоре выдыхалась и буква-великомученица опять исчезла с её страниц. Даже в статьях, написанных в защиту «Ё».

А чего было копыя ломать? Ларчик просто открывался. Без малого сто лет отечественная полиграфия держалась на строкоотливной машине – линоTYPE. На аппарате, что пришёл на смену ручному набору Гуттенберга и первопечатника Фёдорова. Производительность линоTYPE достигала 150 и даже 700 знаков в минуту.

Строкоотливные машины пришли к нам из Германии. Разработаны они были для латинского шрифта. В латинице букв меньше, чем в кириллице, это вам любой второклассник подтвердит. А каждая лишняя буква утяжеляет и усложняет механизм, требуя дополнительной дорожки для матрицы. Отечественные умельцы постарались уменьшить клавиатуру за счёт мало употребляемых знаков. Их выносили на каретку, сбоку, их Матрицы предписывалось вставлять в строку не нажатием клавиши, а рукой. А кому охота на сдельщине спотыкаться и терять ритм из-за буквы?

Знатоки языка тянули в одну сторону. ЛиноTYPEистам и линоTYPEисткам бюджет собственных семей оказывался ближе. Дискуссии тихо сходили на нет. О чём думали инженеры-полиграфисты – не знаю. Но гонимая буква так и не появилась на клавиатуре самых популярных в СССР линоTYPEах последней марки под названием «Россия».

Интересно, что на клавиатуре компьютеров «Ё» имеется. А в набранных текстах она всё равно почти всегда отсутствует. Где местоимение «все», а где наречие «всё» – читателям остаётся самостоятельно догадываться. Как и о многом другом. И думать при этом: «Неужто инвалида, хромящего на седьмую букву, кто-то назвал великим и могучим? Не иначе, как неграмотный чудак!».

СНЕЖИНКИ – АГЕНТЫ СИОНИЗМА

Во времена, когда считалось, «что-то физики в почёте, что-то лирики в загоне», познакомился в Киеве с профессиональным физиком. Кандидатом наук и даже, кажется, завлабом. Заведующим лабораторией.

Для проведения научных исследований физик воспользовался в Днепропетровске устаревшим двухмоторным ИЛом-14. Пока общались, самолёт, переоборудованный в летающую лабораторию, прогревал двигатели, всем своим видом демонстрируя полную готовность к старту. Предстояла погоня за тучными переохлаждёнными облаками. Экспериментаторы засеивали их измельчённой углекислотой, чем стимулировали образование снежинок. Снежинки, сцепляясь друг с другом, постепенно тяжелели и устремлялись к земле, оставляя в обескровленном облаке громадную прогалину. Подходящая цель никак не находилась. Да ещё у бдительных вояк проходили учения и они не спешили давать штатским физикам добро. Вместо двух-трёх часов, мы проболтались в небе до позднего вечера.

Эксперимент удался на славу. Углекислота – сравнительно дешёвый продукт, производство давно налажено. С её помощью не сложно к весне увеличить на полях запасы живительной влаги. Заодно освободить города от снежных заносов – если засеять облака на подходе.

Но переохлаждённые облака барражируют в небе в основном в зимнее время. Летом, когда позарез нужен дождь, воздействовать углекислотой бесполезно. Требуется более дорогой ингредиент – порошок на основе серебра. Американцы засеивали таким порошком небо над Вьетнамом и заливали потоками воды партизанские тропы. Мой знакомый физик вознамерился найти замену дорогому серебру. Нашёл ли – сказать не могу. Вскоре я уехал на север и потерял учёного из виду.

Зимой 2010, а затем 2013 года, Киев неделями оказывался обездвиженным. Снег с проезжей части коммунальщики не успевали убирать. Неужто об удачных экспериментах сорокалетней давности забыли? Отвести беду от столицы страны можно бы за несколько смен полётов. Но, видимо, ни самолётов, ни углекислоты не нашлось.

Прикосновение к научному эксперименту долго грело душу. Жаль, полностью поделиться своей радостью с читателями так и не смог по горячим следам. В двух республиканских газетах взяли у меня материал. Не скрывали зависти к журналистской удаче. Однако в обеих публикациях увеличенные под микроскопом снимки зарождающихся снежинок почему-то смахивали на грязноватые пятна.

Наивный я человек, не вник, не сопоставил. В годы, когда американцы окончательно завязли во Вьетнаме, в Советском Союзе проклюнулись люди, именовавшие себя державниками и патриотами. Они объявили поход против враждебных символов. Возглавил компанию журнал «Огонёк», ведомый редактором Софроновым. Авторы разноса обрушились на весьма популярную полутолстую «Юность». В прицел охранителей нравственности попали звёздочки, коими предваряют стихи без названия. Или подразделы в прозаическом тексте. Звёздочки со времени изобретения строкоотливной машины (лино типа) и ещё раньше, с ручного набора, были шестиконечными. Никто на эту особенность типографского шрифта не обращал внимания.

«Огонёк» раскрыл идеологам глаза. Дескать, великой литературе вообще, и социалистическому реализму – в частности, угрожают подспудные происки сионизма.

Можете смеяться над ахинеей. Но те, кому следует, сигнал услышали. Низкопоклонство перед сионистами во всех типографиях Союза было выкорчевано на корню.

Я знал, что магендовид – шестиконечная звезда. Подказала поэма Иосифа Уткина «Повесть о рыжем Мотеле...». Рисуется магендовид проще пятиконечной – его образуют смещённые на 60 градусов два равнобедренных треугольника. Мне отец показал. До революции он пару лет проучился в хедере, на Подоле, в черте оседлости Киева.

Много позднее постиг простую истину, хорошо известную геологам и петрографам – специалистам, изучающим состав и происхождение горных пород. Большинство природных кристаллов – будь то прозрачный горный хрусталь или железный магнетит – шестиконечные! Видимо, так кристаллу проще избегать взаимного натяжения граней, противостоять их деформации.

В природе ни одна из снежинок – с лучами наружу или вовнутрь – не похожа друг на друга. Все разные. Изготовлены не на конвейере. Исключительно в индивидуальном порядке. И все как на подбор – шестиконечные. Закон мироздания.

ПРАБАБУШКА УНИВЕРСАЛЬНОЙ ОТМЫЧКИ

Первые месяцы и годы на Севере, пока полярные надбавки не увеличили зарплату в два раза с хвостиком, приходилось туговато. И не только мне. Не удивился, что машинистке многотиражки профком комбината регулярно выписывал материальную помощь в размере оклада.

Примерно через полгода, в ответ на очередное приглашение из профкома, машинистка отказалась идти туда и писать заявление на материальную помощь. Дескать, поищите другого малооплачиваемого. Рассказала, что только пятая или шестая часть помощи оставалась у неё на руках, остальное несла в нелегальный фонд снабженцев и прочих командированных. Для улаживания в министерствах запросов комбината.

Не знаю на каких основаниях, но мурманское областное начальство старалось урвать из улова «Тралфлота» рыбопродукты для жителей Кольского полуострова. Отца с мамой, приехавших в гости, приходилось чуть ли не силой оттащить от рыбного отдела в ковдорском гастрономе. Они никак не могли понять: почему такой деликатес, как атлантическая селёдка, продаётся дешевле, чем в Киеве тюлька? Да ещё жирные спинки! А секрет прост. Селёдка с потёртой чешуёй не шла на экспорт. Некондиционные куски отрезали, остающиеся части тушек пускали в местную продажу.

От мурманского магазина с оригинальным названием «Океан» жители «средней полосы» чумели не меньше, чем мурманчане от супермаркетов в Финляндии. Чего в том магазине только не было – солёного, свежего, моро-

женого, горячего и холодного копчения. Плюс пончики с рыбной начинкой, плюс консервы мурманского производства...

Но местное население, я себя уже мог к нему отнести, требовало мяса. Сосиски или мясные пельмени покупатели предпочитали такому закусочному деликатесу, как океанический окунь горячего копчения. Может, потому – так сегодня думаю, – что колбаса не оставляла на пальцах никаких следов, а жирную рыбу положено есть руками.

Кстати сказать, в самые скудные годы, когда даже в праздник нельзя было достать французских курей в целлофане (или югославский бекон в пятикилограммовых банках, или жирную китайскую тушёнку – куски мяса в белоснежном жире), всё равно из меню ресторанов не исчезали мясные блюда. Например, котлета по-мончегорски. Не знаю, кто сию вкуснятину изобрёл, но прямо со сковородки это была не еда, а объедение. Хотя и состояла из белого мяса трески, перемолотого со свиным салом. В больнице, в Мурманске, где довелось полежать, два-три раза в неделю кормили ухой из трески. Рыбьих хлопьев в ней плавало столько, что ложка стояла.

По разнарядке из области копчёный палтус в наш городок доставляли исправно. Пусть не вдоволь, но попробовать мог бы каждый. Жаль, полномочные представители предприятий скупали на корню ароматную продукцию, везли её в качестве «презента от души» в министерства и ведомства. Дабы ни одного клерка, от которого зависело прохождение бумаг, не обидеть.

К чему веду? Да к тому, что взяточничество и коррупция, густо замешанные на искренней благодарности чиновникам, выполняющим свои служебные обязанности, появились не сегодня и не вчера. И не на Севере – уточню. Обидно, но город Киев, в котором родился и вырос, знающие люди именовали не иначе, как «Хабаровском-на-Днепре».

Ну, а что спустя десятилетия аппетиты мздоимцев на несколько порядков возросли, так их можно понять. Копчёная рыбка разжигала жажду и требовала залить пожар в горле. Опять же, единожды начавши – трудно остановиться. Опять жевкушать дары приятнее на лоне природы, в собственном коттедже. А его на материальной помощи профсоюзного комитета не построишь...

Как ни крути, а иные пороки современного общества достались нам в наследство от тех времён, когда процветала прослойка людей, обслуживавшая аппарат, которому Хрущёв вернул привилегии и тем переиграл Маленкова...

Но я рассказываю про то, что лично видел и в чём убедился. Где-то ближе к своим пятидесяти годам сам выбился в номенклатуру. Районного масштаба, а всё-таки. С удивлением узнал, что мне, как редактору районной газеты, положены разные добавки к оплате. Например, 120 рублей на ежегодное оздоровление, на приобретение целевым назначением путёвки. Оздоровлять же сотрудников редакции и типографии (я работал редактором и директором в одном лице) позволялось лишь из редакционно-типографского фонда.

Тогдашняя пропаганда постоянно выпячивала непосредственных тружеников – рядовых рабочих и колхозников, – морально третировала служащих и прочих интеллигентов, «не создающих своими руками материальных ценностей». Однако в подтексте, не для печати и огласки, имело место понимание

важности труда управленцев. Отсюда привилегии в оплате труда, в снабжении пайками, квартирами и прочими дефицитами.

Человек слаб. К хорошему привыкает быстро. Постепенно приходит к мысли, что он недооценён. Особенно в сравнении с благами, отпускаемыми стоящим на ступеньку выше. Волей-неволей возникает желание прибираться к рукам то, что плохо лежит. Использовать в личных целях служебную машину, нагружать подчинённых работой на собственной даче и такое прочее. Компенсировать моральные затраты подношениями и взятками.

Не думаю, что данный порок относится исключительно к общественным отношениям, которые в нашей бывшей стране именовались «эпохой развитого социализма». Коррупция, как ржавчина, за историю человечества разъела не одно государство и не одну общественную систему. Способ борьбы тоже известен, другого человечество так и не придумало: время от времени замена вертикали власти. Насильственной, как практиковал Сталин и прочие диктаторы. Или демократической, на выборах.

Очень бы хотелось дожить, до торжества демократии. Хотя понимаю, что правила игры устанавливают опять же управленцы. Дон Кихотов, романтиков, подающих личный пример беззаветного служения идеалам – во все времена было раз, два и обчёлся. Потому надеяться на то, что соотношение альтруистов и эгоистов когда-нибудь изменится, попросту глупо.

НА ГРАНИЦЕ ТУЧАТ ХОДЯТ ХМУРО

Пограничники, отслужившие срочную, оседали в горно-обогачительных комбинатах города. Руководители такими кадрами дорожили, потому всячески покровительствовали шефским связям. Ну, там телевизор подбросят или баньку техникой оборудуют.

В общем, 28 мая, День пограничника, считался в Ковдоре третьим по значению праздником. После Дня металлурга и Дня шахтера. Хотя стоял в календаре впереди. В редакции всю дорогу приходилось ломать головы, как бы пооригинальнее представить людей в зелёных фуражках, ничего не рассказывая и не называя фамилий офицеров. Надоело из года в год помещать один и тот же кадр: собака задерживает нарушителя границы.

Цифра пойманных нарушителей, разумеется, под запретом. А слухи из коммандатуры растекались по городу. Большинство злоумышленников соблюдали предосторожность до «колючки». Перемахнувшие «систему» на ходулях расслаблялись. Тут их и вязали по рукам и ногам, ибо оставалось пройти километр по бездорожью, пронизанному тоненькими проволочками. Проморгают беглецов – не велика беда. Финляндия договор строго соблюдала, через Хельсинки и Ленинград препровождала перебежчиков обратно.

– А как мы поступаем с перебежчиками с той стороны? – спросил в банке офицера, чьи стихи полюбились читателям моей многотиражки. Офицер мигом протрезвел, напомнил мне, что дружба дружбой, а служба службой. Но тайной поделился:

– После 1945 года на участке нашего погранотряда ни один перебежчик с сопредельной стороны не появлялся...

И СЕБЯ ПОКАЗАТЬ

О доброжелательности северной публики актёры, приезжавшие на гастроли по линии общества «Знания» и других гонорарных ведомств, всегда вспоминают с удовольствием. Высокая ставка в сравнении со средней полосой – само собой. Плюс полные залы, длинные антракты, цветы и долгие овации на прощание.

За годы работы в Мурманской области брал интервью у многих звёзд кино и сцены. У Бориса Андреева, Виталия Соломина, Валерия Золотухина, Светланы Крючковой. Последнюю вообще принимал у себя в доме, в Умбе. Актрисе нужно было привести себя в порядок после утомительной дороги, поест горячего перед обратным путешествием к железнодорожной станции.

Гастролёры не скупались на слова благодарности зрителям. Не дежурный комплимент, а реакция творческих людей на атмосферу в зале, заполненном до отказа. «Левые подработки» не от хорошей жизни. Но приятно же убедиться, что твой скромный вклад в искусство люди отметили, запомнили и оценили. Моральная поддержка для творца подчас дороже материальной.

На самом деле всё обстояло не так. Скорее, не совсем так. На Севере большую часть года – восемь, а то и девять месяцев, – люди ходят в пальто и в шубах. Женщинам показать обновки удаётся лишь в отпуске. И то неизвестно кому.

Приезд гастролёров – отличный повод пойти в Дом культуры, сбросить с себя зимние причиндалы, включая сапоги, пройти туда сюда по фойе. Себя показать и на соседей посмотреть. Заодно поблагодарить заезжую знаменитость за предоставленную возможность.

САМ СЕБЕ ЦЕНЗОР

В областных и выше газетах УССР после подписи редактора в выходных данных, над адресом типографии, стоял странный инициал «БФ». Иномер. Инициал расшифровывался, как Борис Фёдорович. Обычно цензорами работали отставники либо выпускники филологических факультетов с проверенной родословной. Военный цензор обходился одной буквой – Г. Офицеры редакции газеты Киевского краснознамённого округа за глаза называли его панибратски – Гришкой. Хотя он мог обернуться Галиной Ивановной. В РСФСР в штатских газетах цензор выступал под другими инициалами. В Пензе – ФЛ, в Мурманске – ПН.

Пишущая братия свысока относилась к работе этих вынужденных внимательных читателей. И я туда же. Лишь когда вдали от областного центра возглавил многотиражную газету, потом – районную газету, понял, как был неправ.

Цензорам вменялось в обязанность блюсти государственные секреты. Однако иметь сотрудника, то есть официального соглядатая, в каждой редакции было накладно даже для такого богатого ведомства, к которому цензоры были прикреплены. Многотиражек в стране издавалось около пяти тысяч, районных газет – почти четыре тысячи. Попробуй обеспечить всех квалифицированными надсмотрщиками.

Посему в глубокой провинции обязанности цензора взвалили на редактора. Для чего кабинет оснастили стальным сейфом с никелированной ручкой. Кроме Перечня запретных для печати сведений в нём хранилась разве что запасная пол-литра. У меня, правда, лежал ещё бронзовый бюст Ленина. Мой предшественник тыльной стороной бюста забивал гвозди. Ставить на стол, поцарапанный статуей, было опасно – обвинят в святотатстве. И сдать в металлолом нехорошо. Такое бы пришили!

Помню, как изводил меня начальник местного отделения КГБ, когда узрел, что рабочие сварили перед зданием управления комбината святые символы – Серп и Молот – в неуставном виде. Молоту полагалось быть обращённым к серпу обушком. А он бил лбом по лезвию сельхозинструмента и, значит, призывал к розни между рабочими и крестьянами... Назавтра, ремонтные работы на одном из участков обогатительного комплекса были свёрнуты. Сотни тонн железного концентрата в те сутки комбинат не отгрузил потребителям. Зато злополучный трёхметровый молот, повернутый на 180 градусов, больше не грозил затупить сельскохозяйственную часть герба.

Пункты и подпункты Перечня связывали по рукам и ногам, когда, приходилось писать о героической службе наших воинов в мирное время. Любая поломка техники объявлялась государственной тайной. Помню, интервьюировал в Севастополе матроса с подводной лодки. Образцово-показательного, избранного в горсовет. Парень, спавший вместе с сослуживцами-срочниками в обнимку с торпедами, на просьбу одним словом охарактеризовать службу – ответил: «Каторга!». Разумеется, его ответ воспринял бы как красную тряпку. Потому цензор даже не записал, хотя и запомнил.

На учебном крейсере «Слава» (в прошлом «Вячеслав Молотов») напал на интересные факты для героического материала. Гвоздём очерка предполагал сделать поломку одной из турбин корабля во время боевого похода. Механики устранили её за считанные часы, корабль даже не сбавил хода. Цензор вымарал весь эпизод вместе с его героическими участниками. Объяснил, что поломка на боевой технике быть не может. Если супостаты узнают, они очень обрадуются и поблагодарят мою пионерскую газету за раскрытие слабых звеньев в боевой единице советского флота.

Ещё больше поднаторел в запретах, когда работал в газете Киевского военного округа. Как-то поехал в командировку к бригадиру механизаторов, дважды Герою Соц. Труда А. В. Гиталову. Привёз его в воинскую часть. От-

чѐт о встрече, посвящённый экономии хлеба, занял целую полосу. Да в последний момент цензор разглядел, что на петлицах у солдат, внимательно слушавших Героя, – скрещѐнные пушки. То есть, они – ракетчики. Это теперь все знают, что на Кировоградщине стояли ракетные части стратегического назначения. В начале семидесятых информация считалась большим секретом.

В общем, вступив в должность редактора, я долгое время не напарывался на каверзные рифы. Опыт работы бок о бок с цензорами сказался. Опять же, любой пишущий подтвердит: запреты всегда можно обойти. В шестидесятые годы (и позднее) Эзопов язык существовал наравне с государственным. Люди умели читать между строк, улавливали смысл, просочившийся между реплик и фраз.

Однако и на старуху бывает проруха. Поместил в многотиражке заметку о том, что «обогатители Ковдорского ГОКа побывали с шефским концертом на заставе пограничников, расположенной не так-то далеко от Ковдора». И прокололся – раскрыл дислокацию пограничной заставы. Хотя, убеждѐн, сведения эти давно были рассекречены финской стороной и подтверждены съѐмками из космоса. А редактор городской мончегорской газеты пострадал вообще из-за объявления. Местному КЭЧ требовались сантехники. А КЭЧ – это квартирно-эксплуатационная часть у военных. Гарнизоны же, согласно Перечню, могли располагаться исключительно в областных центрах. То есть, газета рассекретила... И т. д. и т. п.

Редакторы боялись проколов. Несколько подобных неприятностей – явно обнажали твою неблагонадёжность. Следом увольнение по соответствующей статье и прощай профессия. Не хотелось давать такой козырный повод в руки работодателей. Без того у них хватало аргументов.

АССЕНИЗАТОР И ПЕНСИОНЕРКА

В прежние годы лицо газеты определяли ведущие публицисты. В «Известиях» – Анатолий Аграновский, затем Эдвин Поляновский. В «Литературке» – Леонид Лиходеев, в «Комсомолке» – Василий Песков. (Не изменилась эта закономерность и в постсоветский период. Ещё недавно киевляне покупали газету «Сегодня» в надежде на очередную статью Олеса Бузины.)

Раскрыв свежий номер, читатели искали материал полубившегося автора. Узнавали не только по подписи или заголовку – по особенностям стиля. До сих пор перед глазами строка из очерка А. Аграновского о новом населѐнном пункте на карте страны: «Идѐшь по городу по колено в детях...».

Мне везло на авторов. Они придавали моим малым газетам особый шарм, и, как мне кажется, украшали многотиражку, затем районку. Неменьше, чем корифеи от журналистики всесоюзные издания. Пусть в сопоставимых масштабах. Алмаз в 100 карат и в 2 карата – всё равно алмаз. И в этом вся штука. Недаром спец. корр. «Известий» Эдвин Поляновский утверждал, что частуш-

ки Апполинарии Сахно из Умбы сделали бы честь его газете, с тиражом в несколько миллионов. Подтвердил своё слово, опубликовал их в «Известиях».

Кругу постоянных авторов многотиражки «Рудный Ковдор» могла бы позавидовать иная областная газета. Инженеры, врачи, учителя пробовали перо на страницах маленькой газеты и это у них получалось. Особо читатели (и рецензенты) выделяли ассенизатора Евгения Бородина. Ассенизатора по штатному расписанию – в городе ещё хватало двухэтажных домов да бараков, выгребных ям при них.

Война оборвала у нашего автора возможность учиться в школе. За плечами два-три класса. Почерк корявый. Буквы располагал в словах так, как слышатся, а не пишутся. Однако запас слов и умение нащупать интонацию – выдавали человека с тонким лингвистическим чутьём.

Надеюсь, эти строки не попадутся на глаза Галине Афанасьевне Котельниковой, которой в те годы приходилось перепечатывать заметки Бородина. Дважды и трижды. Иначе не получалось довести текст до ума.

О чём бы не писал Бородин – о наведении порядка на свалке или о происшествии на рыбалке – в каждом абзаце таилось словосочетание, которое по смаковал бы любой читатель-гурман. Специально полистал старую подшивку: «В лесу куда приятнее собирать грибы, чем то и дело наткаться на горы хлама и мусора», «Вот все изобретают, выдумывают, а моё понятие такое: почему бы не выдумать рыбацкую водку? Таковую, чтобы душу грела, а память не отшибала».

В районной газете на Терском берегу того же Кольского полуострова, на землях, освоенных поморами семь-восемь веков тому назад, возшла звезда Лидии Софроновой. Позднее на неё обратили внимание в областном издательстве, выпустили книжку рассказов-воспоминаний, впервые опубликованных в районке. А поначалу доводилось на полном серьёзе отбиваться от ретивых работников райкома, которые знали всю подноготную автора и не желали, чтобы в «их органе» выступали люди с сомнительным, на их взгляд, прошлым.

Софронова владела сочным русским языком. Умела видеть, запоминать и выпукло, образно рассказывать. На фронте ей побывать не довелось, но бремя работы в тылу испытала полной мерой. Выращивала извечный овощ поморов – капусту, собирала чайчьи яйца – основу диетического питания в госпиталях. После войны работала в леспромхозе. Древесину, как основной экспортный товар России лишь в XX веке потеснили нефтепродукты.

Острая на язык, Софронова резала правду-матку в лоб, не взирая на лица. За ней тянулся шлейф, как бы это выразиться помягче, «неблагодёжной». В ответ на настоятельную рекомендацию не давать слово скандалистке, предлагал попробовать самим написать хоть что-нибудь, хотя бы отчёт с очередного партхозактива – близко к уровню зарисовок Софроновой.

Понимаю, не всем и не всегда суждено стать писателями. Десять тысяч профессиональных поэтов и прозаиков – членов Союза писателей – нонсенс. Вершины, в том числе и вершины слова, покоряются единицам. Однако не покидает уверенность: была бы у ассенизатора Бородина и пенсионерки

Софроновой возможность с юности учиться, ограничить свои природные способности, их имена знали бы не только читатели многотиражной и районной газет.

ОТ ПЕРВОГО КОЛЫШКА

Многое роднит Ковдор с «голубыми городами», возникшими на северных просторах нашей бывшей родины. В том числе и в первую очередь – контингент первостроителей. Чаще всего состоявший из заключённых. До войны, спустя несколько лет после открытия месторождения геологом Кошицем, у подножья горы Железной возник посёлок из бараков, обнесённых колючей проволокой. В середине семидесятых годов здесь, за городской чертой, огородники наткнулись на следы картофельного поля. А ведь на Кольском полуострове местные жители прежде картошку не выращивали, только капусту и репу.

Заключённые лопатами возвели насыпь железной дороги, по которой из Ковдора вывозят железный, апатитовый и бадделеитовый концентраты, несколько видов слюд и сырья для фарфоровой промышленности. Первый поезд приехал к озеру Ковдор в памятный день 22 июня 1941 года. Вскоре рельсы демонтировали и отправили в Мурманск на нужды фронта. Бараки у озера и в старинном лопарском селе Ёна служили в войну базой для диверсионных отрядов, отправлявшихся по тылам союзника фашистской Германии – Финляндии. Насколько знаю, личный состав этих отрядов поначалу сформировался из охраны лагерей. Что стало с заключёнными – документов не осталось. Только жуткие находки в песках Ёна и Слюда. Там иногда наталкиваются в песках на братские захоронения...

К строительству горно-обогатительного комбината, сырьевой базы Северной Магнитки – Череповца, у озера Ковдор вернулись в 1953 году. Вскоре после смерти Сталина и разоблачения Берии. Наверное, многие читали о прокладке железнодорожной ветки во времена ГУЛАГа вдоль побережья Северного Ледовитого океана. Такие же пути намечались вдоль северного и восточного побережий Кольского полуострова. Этих-то строителей-заключённых и перевели после смерти вождя вглубь полуострова.

Среди них – зэка с почти двадцатилетним стажем, Александра Васильевича Косарчука. Человека с типичной для своего поколения биографией. В Гражданскую – беспризорник. На Украине было не так холодно и голодно, как в других регионах страны. И в школу пошёл на Украине. Потому, наверное, окончания глагола второго лица настоящего времени никогда не писал с мягким знаком. Обходился, как принято в украинской орфографии, без него.

Казалось бы, судьба улыбнулась. Косарчук учился, работал, поступил в аэроклуб, мечтал об авиации. Но в его чемодане бдительные товарищи нашли

номер газеты «Заря Востока» со статьёй Троцкого, посвящённой памяти Ленина. Вещественное доказательство! Достаточно, чтобы арестованному дали десять лет, потом ещё раз продлили. И то хорошо, что под каток репрессий человек попал в сравнительно бескровное время, до 1937 года. Иначе Ковдор остался бы без летописца.

Как у большинства осуждённых, у Косарчука не было другой возможности доказать, что он не враг советской власти, кроме как «вкалывать изо всех сил». Такими словами объяснял мне отношение к подневольному труду отец моего друга детства Вали Прянишников – Корнил Иванович. Он всю войну валил лес в глухой глубинке Архангельской области, в тех местах, где много лет спустя появился космодром Плесецк.

В неволе А. В. Косарчук досконально освоил большинство строительных профессий. Недаром в тресте «Ковдорстрой» он – специалист без среднего специального и высшего образования – возглавил учебный комбинат.

Первую прослойку интеллигенции будущего городка составили расконвоированные. Многим некуда и не к кому было уезжать с Севера. Уже при мне, то есть в середине семидесятых годов, известному буровому мастеру рудника «Железный» (к сожалению, запомнил его фамилию) вернули ордена, восстановили в воинском звании «капитан». Он прошёл всю войну, окончил её комбатом, Победу встретил в Австрии. Решил на радостях прокатиться по Европе. Посадил на «додж» двух автоматчиков и совершил туристический марш-бросок. В особом отделе армии ему напомнили, что он – сын кулака и проявил во всей красе свою вражескую сущность. Присудили 25 лет, из них 10 лет провёл на стройках в Мурманской области.

Поначалу база строительного треста, занимавшегося Ковдором, размещалась в районе Пинозера, – станции на линии Кандалакша–Мурманск. В воспоминаниях Косарчука – факт за фактом. Их не придумать, только пережить. Тут и поиски пластов глины, иначе не изготовить раствор для укладки кирпичей. Тут и мешки с вермикулитом – гидротированной слюдой, сверкавшей на солнце и потому принятой рабочими за золотоносную руду. Или обои, скрутившиеся на полу в рулоны, когда комиссия утром пришла принимать дом у отделочников. Или часть барака, преобразованного в клуб, где можно было потанцевать, согреться и обсушиться.

Посёлок расположился в километре от рудника и обогатительной фабрики. Поначалу эта экономия не отразилась на экологической обстановке, но со временем каждый взрыв на руднике (иначе породу не разрыхлить) стал вздымать над улицами чёрный гриб дыма и пыли. В перерывах трубы обогатительной фабрики, как заметили бы Ильф с Петровым, «воздуха тоже не озонировали». Особенно, когда реестр готовой продукции пополнился апатитовым концентратом.

Несколько лет подряд моя многотиражка из номера в номер публиковала по 200–300 строк воспоминаний Александра Васильевича. Впоследствии за этот труд его удостоили звания «Почётный гражданин Ковдора». Удостоверение № 1.

Постоянный автор нашей газеты вдохновил на подвиги остальных ветеранов. Говорю о воспоминаниях кандидата наук, Ольги Михайловны Римской Корсаковой. Она написала дюжину очерков о геологах, открывших весь спектр ковдорских месторождений. Затем к работе подключился многолетний директор Ковдорского ГОКа Алексей Иванович Сухачев, активный участник пуска и становления комбината. Предприятия, первым в стране перешедшего к комплексному использованию добываемой руды. Ничего – в отвал, в хвостохранилище. Всё – железо, апатит, двуокись циркония, даже кальцит – в дело!

Приятно, что наследники, в лице нынешних руководителей Ковдорского ГОКа, нашли средства для издания отдельными книгами трудов О. М. Римской-Корсаковой и А. И. Сухачева. Жаль, что больше нет организации, построившей город и комбинат – треста «Ковдорстрой». Упразднена в связи с уменьшением объёмов строительства. Некому позаботиться, чтобы история города предстала перед потомками в трёхмерном – геологи, строители, производственники – измерении.

Время не потеряно. Подшивками газет в своё время снабдил не только городской музей. Подождём, вдруг какой благородный спонсор заявит о себе.

ЖЕНСКАЯ ЛОГИКА

Киев. Что ни щелчок тумблера телевизора, то открытие. Убелённый сединами лектор сводит счёты с императрицей Екатериной II. Более двухсот лет тому назад она, видите ли, «ликвидировала, как класс, Запорожскую сечь». Кто спорит, у императрицы, присвоившей себе при жизни титул «Великая», достаточно прегрешений перед историей. За 30 лет правления она вела больше кровавых войн, чем оба её внука вместе взятые. Оставила после себя долговые обязательства, соразмерные с несколькими годовыми бюджетами страны.

Но обвинять её в предвзятости к запорожским казакам всё-таки перебор. Запорожская сечь возникла и в течение нескольких столетий поддерживалась сначала литовскими великими князьями, потом польскими королями. Исключительно как преграда от набегов Крымского ханства. Этот осколок Золотой орды несколько веков существовал на дивиденды от грабежа приграничных и глубинных областей соседних государств, от продажи угнанных в рабство. При Екатерине IIосиное гнездо было ликвидировано. Запорожская сечь выполнила свою историческую миссию. Её сократили. Надобность в защите ближних южных рубежей от набегов кочевников отпала.

Уверен, Екатерина так поступила по причине своей женской сущности. Предлагаю сопоставить с историей, произошедшей лет шестьдесят тому назад в одном маленьком заполярном городке, тогда ещё рабочем посёлке. Градообразующий железорудный комбинат постепенно становился на ноги, появилась возможность строить капитальное жильё взамен временных бараков. Вместо комнаты на семью с общим коридором и удобствами во дворе – предоставлять отдельные квартиры со всеми удобствами.

Все были довольны. Начальство вместе с парт- и профорганизациями отправило победную реляцию в область и выше. К революционному празднику намечалось сдать первые три двухэтажных дома на двенадцать квартир каждый. Претендентов на улучшение условий проживания – вагон и маленькая тележка. Долго сидели и колдовали над списком.

Сравнение с вагоном и тележкой пришло в голову не случайно. Вечером счастливые отцы семейств получили в торжественной обстановке, под аплодисменты зала, ордера на квартиры, а с утра в управление строительного треста и в комбинатууправление потянулись огорчённые жёны. У хозяев начальных кабинетов глаза на лоб полезли. Чего угодно ожидали, только не решительного отказа женщин от свалившегося счастья. Посетительницы приводили одни и те же доводы:

– Вы что, предлагаете нам жить, как в купейном вагоне? Всё под рукой. Нам-то без разницы, на чём варить – на буржуйке или на электрической плите. А мужикам что делать? Ни воды из колодца не принести, ни дров наколоть, ни печь затопить! Они же от безделья сопьются! А кто детей кормить будет?

Зачем же обижаться на Екатерину, нашедшую на Кубани другую работу для своих новых подданных призывного возраста? Тоже ведь опасалась, что бывшие защитники от безделья сопьются, в разбойники подадутся. Наподобие Пугачёва...

ВНУЧКА РИМСКОГО-КОРСАКОВА

В Ольге Михайловне Римской-Корсаковой поразило гармоничное сочетание облика и поступков. Всё то, что в книгах именуется «старой петербургской интеллигенцией».

Высокая, стройная женщина легко преодолела крутую лестницу, ведущую в редакцию, сразу заставив забыть о своём пенсионном возрасте. Несколько поколений учеников и учениц Ольги Михайловны по минералогическому кружку в ленинградском Дворце пионеров, по Ленинградскому университету составляют цвет геологической мысли «жемчужины Кольского полуострова» – Ковдора. Определение принадлежит Ольге Михайловне. Воспитанники и ученики продолжают её дело. И дело её учителей.

Как не расспросить человека, стоявшего у истоков? Интервью не получилось. Ответы на мои вопросы требовали всё новых и новых пояснений. А время подпирало. Ольга Михайловна успокоила:

– На сегодня ограничимся знакомством. Об истории освоения Ковдорского месторождения всё равно собиралась написать. Так что давайте оговорим объёмы.

Через месяц газета опубликовала первый полосный очерк кандидата минералогических наук Римской-Корсаковой. Посвящен он был первооткрывателю месторождения К. М. Кошицу, искавшему в этих местах слюду, а нашедшему уникальную по своему составу железную руду – с природными леги-

рующими добавками. Судя по фамилии, предки первооткрывателя явно родом с Украины. Таки не дошли руки выяснить это.

Всего Ольга Михайловна прислала 12 очерков, они охватывали историю освоения месторождения с 1934 года по 1982-й. О послевоенном времени писала, как очевидец, провела в Ковдоре 25 полевых сезонов. Была среди тех, кто обнаружил и обсчитал ураганное (в смысле запасов) месторождение слюд – флогопита и вермикулита. Чуть ли не первый в геологической практике случай, когда от открытия залежей до введения их в промышленную эксплуатацию прошло всего два года. Группа геологов и производственников получила Ленинскую премию. Об Ольге Михайловне почему-то забыли.

Скрупулезный и дотошный историограф, Римская-Корсакова внесла в реестр все фамилии действующих лиц – от начальников разведочных партий до картографов. Для каждого нашла доброе слово, показала в работе. Лишь о своём участии – почти ничего. Разве что не удержалась и описала, как, закрыв глаза, скакала на жеребце начальника погранзаставы. А ещё воспела дополнительный паёк – рыбу, в изобилии водившуюся в озере, у которого со временем вырос город. В подробностях рассказала, как варили в ведре на костре банку сгущёнки – умопомрачительное лакомство. Простительная слабость для человека, перенесшего блокаду.

Может, не к месту, но уж очень хочется вставить в текст подпись под фотографией Ольги Михайловны Римской-Корсаковой, помещённой в номере «Рудного Ковдора», посвящённого Дню печати:

Мы благодарны Вам безмерно,
Нам стали ближе и родней
Все исторические керны
От Кошица до наших дней!

В квартиру Ольги Михайловны, на улицу Маклина, попал промозглым ленинградским вечером. Возможно, моя фамилия вызвала в своё время у хозяйки некоторые ассоциации, потому не отказалась тогда от встречи с газетчиком. Как потом узнал, обычно она нашего брата не жаловала.

Долго не отходил от шкафов, набитых образцами минералов. А мог бы по сторонам посмотреть – на рояль, перегородивший гостиную, на фотографии на стенах. Хозяйки, мать и дочь, погасили свет. Решили угостить заезжего северянина изысканным музыкальным блюдом – балетным спектаклем. Трубка старенького телевизора подсела, люстра ей мешала.

Ольга Михайловна звала на дачу, в Комарово. В этом посёлке она многие годы вела детский самодеятельный театр. Планчик начертила – с какого вокзала ехать и как найти. Не воспользовался, всегда в отпуске спешил в Киев. Упустил возможность расспросить о великих соседях Ольги Михайловны по знаменитому дачному посёлку.

Некролог в многотиражке Ленинградского университета подвёл черту.

Узнал, что О. М. Римская-Корсакова приходилась внучкой великому композитору. Муж Ольги Михайловны, достойный представитель рода Фаворских, тоже был минералогом. Раны свели его в могилу вскоре после войны.

Вдова в одиночку вырастила и воспитала двух дочерей. Вот ещё откуда её пристрастие к Ковдору. Командировки давали приличную прибавку к зарплате преподавателя университета.

О многом мог бы расспросить О. М. Римскую-Корсакову. Не удосужился.

Проклятая составляющая журналистского труда: всё, что не в номер, – пойдёт. Как будто номер газеты и есть главное в жизни.

СМИРНОВ, КОТОРЫЙ ЭЙДЕЛЬМАН

Снег на Кольском полуострове лежит восемь месяцев в году. Лето короткое и прохладное. Весна и осень низведены до едва различимых прослоек. Кислорода в воздухе почти на процент меньше нормы. А дышится легче.

Среди новых знакомых через одного – раскулаченные и репрессированные. Или представители «некоренных национальностей»: финны, немцы, греки, чеченцы, евреи, шведы. Инженеры и техники, врачи и уборщицы, счетоводы и швеи, коллеги журналисты, буровики и геологи. На работе, за рюмкой никто из них не спросил: почему бросил благодатный Киев и перебрался за Полярный круг? Сами такие.

Но всегда найдутся желающие напомнить страусу, кто есть что. Неважно, прячет он голову в песок или в снег. Начальник рудника «Железный» Эйдельман перенёс на страницы многотиражки разногласия с начальником транспортного цеха Румаковым. Обиженный транспортник с цифрами не спорил. Ударил в спину. Написал в горьком донос: два еврея – начальник рудника и редактор – третируют русского...

Номер не прошёл. В парткоме комбината со склочником поговорили на горняцком языке. Убедили съездить в Апатиты и забрать бумагу.

Близился к завершению эксперимент начальника рудника. Он выкроил трое добавочных суток для откатки горной массы, стал проводить взрывные смены не раз в неделю, а раз в месяц. Разрыхлял породу одновременно тысячу тонн взрывчатых веществ. Одной двадцатой атомной бомбы, брошенной американцами на Хиросиму, – если в эквиваленте. Это же как нужно было рассчитать направления сотен буровых скважин, их зарядку, чтобы в городе, в километре-двух от карьера, не треснуло ни одно стекло.

Навестивший меня знаменитый автор 16-й страницы «Литературной газеты» поэт Владимир Орлов, не переставал удивляться: как это машины не скользят по накатанному насту? Потомственному крымчанину не объяснить, что зимник и есть лучшая дорога в этих краях. Перебил впечатление массовый взрыв, которым решил угостить гостя.

Темнеет в феврале быстро. Дно ямы покрылось синеватой дымкой. С борта карьера хорошо видно, как тонкие белые молнии пронизали сумерки – по шнурам пробежали импульсы к детонаторам. Бетонная подушка под ногами

заходила ходуном. Воздушная волна ударила в лицо, усилив глухой звук взрыва. Глаз не оторвать. А начальник рудника Виктор Азариевич Эйдельман кричит:

– Вверх, вверх смотрите! Предупреждал же!

Камни, размером с чемоданчик и чемодан висят в воздухе, будто по мановению рук Гулливера-жонглёра. Но и поменьше, величиной с яйцо, защитную каску раскроют – охнуть не успеешь. Пронесло.

Владимир Орлов смотрел не на камни, не на разрастающийся на глазах чёрный гриб – эту визитную карточку добычных карьеров. Смотрел на начальника рудника.

– Знаешь, твой Витя – настоящий поэт! Такие расчёты лишь вдохновению подвластны.

В устах Орлова – всем комплиментам комплимент. Звание поэта он ставил превыше всего.

Подшло время старшему сыну Эйдельмана – Алику – поступать в институт. В Ленинградский горный. По стопам отца и деда. Куда же ещё! Но Эйдельман по национальности русский, – это же раздражитель для приёмной комиссии. Витя решился, взял фамилию жены. Ради детей. Представляю, как ему икалось из-за тройные фамилии «Смирнов, который Эйдельман».

Расчёт оправдался. Алик поступил в институт с первой попытки. И Смирнов, и спортсмен. Сказался пример отца, мастера спорта по гимнастике. В институте увлёкся дзюдо и... предпочёл спортзал лекциям и зачётам. На первой же сессии провалился на экзаменах. Неуспевающего Смирнова отчислили без разговоров.

Урок пошёл впрок. Алик до весны работал на руднике горнорабочим.

Вновь поступил и закончил. Уже без приключений. Горным инженером стал и младший сын – Юрий. Горный окончили внуки Виктора.

ИГОРЬ, ИГОРЬ ДМИТРИЕВИЧ

На место первого секретаря Печерского райкома комсомола был рекомендован никому не известный Игорь Безгин. Быстростал своим. Благодаря Игорю стандартные, много раз обкатанные, мероприятия типа конференций и пленумов окрасились в весёлые и жизнерадостные цвета.

Очередную отчётно-выборную районную конференцию Игорь вообще превратил в праздник. Сейчас бы сказали – в шоу. Речи и отчёты перемежались сценами из спектаклей, кадрами из кинофильмов. Специально для этого мероприятия самому знаменитому композитору Украины, Константину Фёдоровичу Данькевичу, заказали песню о комсомольцах Печерска. Она прозвучала со сцены, зал подпевал.

В общем, никто не удивился, когда Игоря назначили директором республиканского театра юного зрителя, располагавшегося в двух кварталах от райкома комсомола. Скоро о Безгине заговорил весь Киев. Ещё бы и года не прошло, а задрипаный ТЮЗ приобрёл всесоюзную известность, удостоился премии Ленинского комсомола.

Мы проводывали Игоря в его новом кабинете. Заодно театрами стали. Правда, Игорь возмутился:

– Все люди, как люди, пожелают девушку на спектакль сводить, сначала заходят ко мне, а уже от меня в партер спускаются. А эти, пижоны-арсенальцы, заходят, здороваются и билеты мне демонстрируют.

На восходящую звезду театрального менеджмента обратили внимание органы, отвечающие за культуру. Плюс к ТЮЗу Игорь возглавил кукольный театр и Академический драматический театр имени Ивана Франко.

Не знаю, как кукольный, а театр имени Франко, преемник дореволюционного театра Соловцова, представлял собой печальное зрелище. Не мне судить, то ли репертуар подводил, то ли режиссёры, но спектакли там проходили при полупустых залах. В отличие от конкурента, от русской драмы им. Леси Украинки, где блистали молодые и талантливые Олег Борисов, Павел Луспекаев, Ада Роговцева. В театре им. Франко ещё играли корифеи – Наталья Ужвий и Амбросий Бучма со товарищи. Но что-то в театральном механизме сломалось. Дорога в сей храм зарастала травой забвения. Её начал выкашивать молодой и энергичный директор. То пригласит из Москвы и введёт в спектакль русскоговорящего Михаила Жарова, то устроит неделю гастролей для Борисовой Ульяновой с «Варшавской мелодией». В общем, оживил интерес публики к полузабытому зданию. А там пошло-поехало.

Но уже без виновника торжества. Молодой директор позволял себе разговаривать с заслуженными-перезаслуженными на их домашнем языке. Они ему мат-перемат, он им отвечал той же монетой. Но ушли не их, а возмутителя спокойствия. Из остальных двух театров – тоже. В этот мрачный период я и повстречал Игоря на Крещатике. Он тыкал носки ботинок в снежный сугроб. Направлялся к очередному начальству на собеседование, приводил обувь в порядок.

Вскоре Игорь окончательно наплевал на своё строительное прошлое и поступил в Ленинграде в аспирантуру по театральной части. По возвращении преподавал в Киевском театральном институте экономику театра. В отпуске как-то случайно столкнулись. Опять на Крещатике. Тогда все дороги вели на центральную улицу города. Ну ещё на Парковую аллею или набережную Днепра, но это с девушкой и не днём. Списались.

Игорь приехал в Ковдор, на ударную комсомольскую стройку. За ним по пятам ходил весь народный театр местного ДК во главе с режиссёром. Он выступал в цехах горно-обогатительного комбината и в школах с лекциями о театрах Ленинграда, Москвы и Киева, о новых кинофильмах. Некоторых из них сам играл. Не главные роли, но запоминающиеся. Привёз Игорь с собой коллекцию орденов, в их числе награды заката Австро-Венгерской империи, отлитые не из золота-серебра, как полагалось по статусу, а из чугуна. Ещё одна грань. Оказалось, Игорь блестяще разбирался в полудрагоценных камнях. И опять собрал неравнодушную аудиторию. Не знаю, как отразилась поездка на карьере киевского преподавателя, но память о себе в Ковдоре он оставил надолго. Благодаря Игорю местные любители камня долго делились со мной своими сокровищами.

К моему возвращению в родные пенаты Игорь, простите, Игорь Дмитриевич, организовал и возглавил кафедру экономики театра. Его воспитанники – в связи с изменившимися экономическими отношениями – стали очень даже востребованными. Когда улицу Ярославов Вал и прилегающие переулки в начале девяностых загромождали иномарки, это означало, что питомцы гнезда Безгина собрались навестить своего кумира и учителя, вице-президента Академии искусств Украины. Ещё одна должность И. Д. Безгина.

ЗАКОНЫ ГОСТЕПРИИМСТВА

Капитан Иван Семенихин писал стихи на профессиональном уровне, что подтвердил чуткий на слово мурманский поэт Владимир Смирнов. От него же позднее узнал, что Ваня без отрыва от службы поступил в Литературный институт.

Семенихин служил заместителем начальника заставы. Начальник заставы – тоже капитан, а помполит – прапорщик. Вот и все товарищи-командиры.

Кроме каменного здания казармы, где заодно размещались кабинеты офицеров с неизменным брусничным напитком на столах, на территории заставы имелся жилой дом на три квартиры. Для семей офицеров. На двери каждой почему-то стояли двух и трёхзначные номера – это жёны скопировали цифры с домов, где родились и выросли. Цифры так вдохновили Володю Смирнова, что он посвятил поэму номерам квартир погранцов.

Несколько раз мы с Володей навещали в гости к поэту-пограничнику. Просиживали в баньке всю солнечную ночь, изредка охлаждаясь в речке, где температура воды не позволяла сделать больше трёх-четырёх гребков. Сидели на полке, читали стихи, говорили о поэзии. Володя ещё умудрялся выкроить часок-другой и побродить с удочкой. Демонстрировал улов из нескольких форелек с большой палец толщиной и указательный – длиной. Что с уловом делать – никто не знал. Кошки на заставе не водились, а варить добычу не имело смысла.

Как-то в гости к капитану Семенихину мы отправились вместе с секретарём парторганизации Ковдорской геологоразведочной партии Николаем Голиковым. Мою многотиражку деятели из Кировского горкома ехидно обзывали «двухпартийной». Как полагалось, она была органом парткома Ковдорского ГОКа, но много писала о геологах Ковдорской ГРП. Шла реконструкция комбината и кому, как не геологам, знать о перспективах.

Николай, водитель, я с женой и сыном на руках. Ему только год исполнился. Подороге завернули в магазин. Высчитали, нас, мужиков, трое да хозяин. Четырёх бутылок хватит. Плюс закусь – варёная колбаса. Редко её в наши глухие края завозили, а тут подбросили. Взяли пару палок (популярная на севере единица измерения колбасных изделий). Капитан варёнке обрадовался, почитай лишь в отпуске её пробовал. Отрезал кусок для командира – тот на

дежурстве. Взамен вывалил в тарелку хрустящие круглые огурцы. За неимением ледника их прямо в бочках погружают на дно речки. Оттого и холодные – зубы ломит.

Под замечательную еду да под разговоры о поэзии мы легко приговорили привезённые с собой поллитры. Сходили в баньку, специально вытопленную гостеприимными солдатами, засобирались домой. Ехать километров сорок, да по темноте. Дорога, правда, утрямбована вездеходами, но вниз вверх да вправо влево постоянно вихляет. Несколькими месяцами ранее, ещё до снега, мой приятель возвращался из отпуска на новых «Жигулях». Кинул вещи в багажник. Невзвесил, соответствуют ли допустимым 400 кг. На первом же ухабе рессоры – вдребезги. В несколько этапов домой добирался.

Жена стала одевать в дорогу заснувшего сына. Открываются двери и появляется гостеприимный хозяин. С ящиком в руках. Водки.

– Пора, – говорит, – по законам гостеприимства выпить за хорошее знакомство!

У выпивки то качество, что, начав – трудно остановиться. А пьяному море по колено. Включая море водки. Мутно в памяти всплывают разговоры, перемежаемые вновь банькой и ледяным бассейном. Поэт-капитан вызвался нас покатать на снежном мотоцикле под названием «Буран». Оба раза оказывались головой в сугробе. Под утро всё-таки отчалили домой.

Тут только до меня дошло, что водитель внимал тостам с нами наравне. На руках мирно посапывал сын. Прижимал его к себе и трезвел с каждым поворотом. С тех пор хорошо понимаю, что такое поседеть за одну ночь. Хотя доехали вроде быстро и без особых происшествий.

ИСТОРИЯ МОЕЙ МАШИНКИ

О портативной пишущей машинке мечтал давно. На новом месте работы мечта обросла насущной необходимостью. Типография за сто с лишним километров от редакции, в Кандалакше. Туда четыре часа, обратно четыре часа. Время впустую уходит – попробуй писать письма на тряском столике. Без того почерк требует моего присутствия при чтении.

Зарплата позволяет, да где купишь её, заветную? Очередь в Мурманском Союзе журналистов за пишущими машинками движется ещё медленнее, чем за автомашинами.

Чтобы скоротать время в дороге – часто совмещал необходимое с полезным. Не торопясь интервьюировал гостей города. Всё равно не разминуться. Самолёты из-за переменчивые погоды на Кольском полуострове – транспорт весьма ненадежный, автотрасса – в проекте. Единственное средство передвижения – пригородный поезд. Вечером туда, утром обратно.

За разговором с музыкантами из концертной бригады «Тундра» областной филармонии не заметил, как приехали. Название бригады несколько контрастировало с набором музыкальных инструментов – пианино, скрипка, виолончель. Ноникак не отпугивало любителей классической музыки. Залы

Домов культуры не ломались от зрителей, как на сеансах индийского кино, но и не пустовали.

Наверное, я поделился своими трудностями, упомянул о машинке. Собеседник легче раскрывается, когда видит, что и ты чем-то не удовлетворён.

Напрочь позабыл о приятном музыкальном моменте. Тема для газеты не главная – всю разворачивалась ударная стройка. Да пришла телеграмма из Паневежиса, из Литвы. Руководительница бригады, она же укротительница фортепиано, увидела на прилавке магазина югославскую машинку «Унис» стоимостью в 230 рэ. Готова купить.

Почему Литву завалили машинками со шрифтом-кириллицей, не удивился. В Москве в тот год вышла книга воспоминаний о еврейском поэте родом с Украины Льве Квитко, составленная киевлянином Мироном Петровским. В Киев книга попала в ограниченном количестве, а в книжный магазин Канда-лакши почему-то поступил целый контейнер.

Отправил перевод в Паневежис, лишь потом задумался. Даже для Севера деньги немалые, а человек почти незнакомый. Ни мурманского адреса, ни телефона. Не звонить же в филармонию. Да и что я им скажу?

Иду на работу, переживаю. В кабинете на столе застаю картонную коробку, а в ней – белый футляр с машинкой. Двух недель не прошло со дня перевода. Путь машинки из Паневежиса в Мурманск и дальше оказался ещё интереснее. Знакомый пианистки отвёз её в Апатиты, там подхватили и передавали из рук в руки геологи из трёх разведочных партий, пока не переправили в Ковдор.

Когда на душе скребут кошки, вспоминаю обычную для отношений между людьми на Севере историю с моей машинкой. И снова жить хочется.

НА ВКУС И ЦВЕТ

До войны стихотворец и песнеписец Лев Ошанин какое-то время работал в Хибиногорске. Так поначалу назывался Кировск. Каждый приезд московского гостя в Хибины по линии «Общества по распространению» в горком партии брал под свой контроль. Строго следил, чтобы залы заполнили читатели таланта.

На сей раз Ошанин гастролировал вместе с новой женой и юной дочерью. Публика, высчитав разницу в возрасте, осталась довольна потенциалом поэта. О своих заслугах перед изящной словесностью гость сам напомнил. Рассказал, что правильное ударение в слове «молодёжь» он подарил стране, написав слова «Гимна демократической молодёжи»: «Эту песню запекает молодёжь, молодёжь // Эту песню не задушишь, не убьёшь».

Сюрприз ждал поэта в Ковдоре. В первые ряды поклонниц пробились дама с охапкой разноцветных сборников и стала шпарить наизусть юношескую поэму столичного гостя. Лев Иванович протёр толстые очки, смахнул слезу. А время торопило. У дверей Дома культуры урчала горкомовская «Волга». Ехать километров двести пятьдесят, оттепель вот-вот провалит дорогу.

Поэт отвёл корреспондента местной газеты в сторону и дружески порекомендовал:

– В отчёте о встрече не забудьте процитировать строки из моей давней поэмы. Сверьте слова, возьмите у женщины книгу. А если захотите написать для центральной газеты – вот вам мой домашний адрес...

ТЕНЬ НА ПЛЕТЕНЬ

В застойные времена орган Кировского горкома партии – «Кировский рабочий» – регулярно помещал животрепещущую информацию: «Вчера первый секретарь горкома партии товарищ... отбыл на пленум обкома партии. На вокзале в г. Апатиты его провожали...». Следовал список фамилий местных руководителей. В следующем номере газеты читателей ждало не менее важное сообщение: «Вчера первый секретарь... вернулся с пленума обкома. На вокзале г. Апатиты его встречали...». В обоих списках членов почётного караула присутствовал председатель парткомиссии горкома Михеев.

Главного местного инквизитора нисколько не смущало, что подобная светская хроника пахнет не столько информацией, сколько пародией, что авторитета отъезжающему-приезжающему и провожающим-встречающим она не добавляет. Не обращал он внимания и на полууголовные деяния иных руководящих товарищей, о которых газета не знала и знать не хотела.

Зато при рассмотрении дел, вступающих в ряды партии Михеев включал бдительность на полную мощность. Каждого просвечивал злым глазом. Лёня Фролов, редактор апатитской строительной многотиражки, перебрался при живой жене к другой женщине. Лёня долго объяснял, что это его личное дело. Парткомиссия так не считала, требовала подробностей. Лёня выложил контраргумент:

– Владимир Ильич Ленин дружил с Инессой Арманд, и это никак не повлияло на...

Нашёл перед кем метать бисер эрудиции. Договорить Лёне не дали, единогласно отобрали кандидатскую карточку.

Витя Попытайленко, дважды орденосец, начальник ведущего строительного управления в Ковдоре, профессионал своего дела, один из героев возведения апатито-бадделеитовой фабрики – попал на подозрение по другому поводу. Нагрузки на перекрытия здания фабрики предполагались максимальные. Он браковал бетонные панели, не имевшие сертификата. Но... Не зарыл брак вместе со строительным мусором, а через бухгалтерию продал по остаточной стоимости рабочим. На гаражи. Себе таким же образом будку для автомобиля сляпал.

На парткомиссии Попытайленко показывал документы, сыпал марками бетона, диаметрами арматуры. Его не слушали. Михеев, по-отечески намекнул, что надо покаяться и тогда, возможно, отделается выговором.

Витя не понял. Витя подошёл к столу и швырнул кандидатскую карточку:

– Не желаю находиться в одной партии с Михеевым. Мне рядом с ним дышать нечем!

Через неделю Попытайленко сдавал дела новому начальнику СМУ. А товарищ Михеев досидел в своём кресле до конца Перестройки и с почётом ушёл на пенсию.

«КОГДА Я БЫЛ ПРЕМЬЕР-МИНИСТРОМ...»

Иван Павлович Казанец разделил судьбу многих талантливых управленцев, осевших в столице СССР и ставших «мозгами, а то и рукой Москвы». На сегодняшнем языке, он происходил «из донецких», зарекомендовал себя на посту первого секретаря Донецкого обкома партии. Три года работал вторым секретарём ЦК КПУ и два года – председателем Совета министров второй по величине и значению республики Союза. Лишь затем возглавил, и надолго, союзное министерство чёрной металлургии.

В качестве министра Казанец прибыл в Ковдор, в город, где День металлурга, припадавший на третье воскресенье июля, считался заглавным праздником. Ковдор вырос из посёлка вокруг горно-обогатительного комбината, построенного на месторождении, идентичном знаменитым шведским железным рудам. Природные легирующие добавки позволили череповецким сталелитейщикам производить из ковдорского сырья холоднокатаный прокат для нужд автомобилестроения. Но руководство ГОКа всюду доказывало, что при минимальном увеличении затрат из той же руды можно извлекать сырьё для фосфорных удобрений (Минудобрения) и приборостроения (оборонка).

Чтобы лично убедиться в малой угрозе побочных производств для объёмов железорудного концентрата, министр прибыл на край света. На границу с Финляндией.

Как не воспользоваться визитом члена правительства и не задать ему вопросы, волнующие читателей многотиражки? Будет ли открыт в Ковдоре давно обещанный филиал Ленинградского горного института? Заложат ли в план расширения комбината средства на строительство асфальтированной дороги до трассы Мурманск – Ленинград? И т. д., и т. п.

В записной книжке остался лишь ответ на первый вопрос – о перспективах развития Ковдорского ГОКа. Остальные мои попытки Иван Павлович останавливал глухо и отрешённо. Привожу дословно:

– Когда я был премьер-министром, для меня ваш вопрос – был бы не вопрос. В нынешнем своём положении не могу однозначно сказать. Помощник зафиксирует, обмозгуем...

Венчал визит высокого гостя банкет в узком кругу, в столовой санатория профилактория комбината. Начальникам цехов и руководителям отделов запомнилась та же фраза. Министр поднял стакан, наполовину закрашенный коньяком, глянул на свет и приступил к тосту:

– Когда я был премьер-министром...

КОВАРНЫЙ ПРОЦЕНТ

Стада гаражей опоясали город. Машины били копытами в ожидании строительства дороги до автотрассы Мурманск – Ленинград. Появление в горотделе милиции инспектора дорожного движения автолюбители восприняли как признак скорого прорыва блокады. Никто не обижался на сержанта Бориса Дмитрука за то, что каждое воскресенье он торчал на площади у Дворца культуры с жезлом в руке. С готовностью мигали ему подфарниками, повизгивали тормозами и демонстрировали содержимое дорожной аптечки. Водители хозяйственного автотранспорта тоже улыбались сержанту. Они помнили, как в весеннее половодье Борис бросился вплавь спасать человека. Утопил форменную фуражку с кокардой, но тракториста на берег вытащил.

Радовалось энергии сержанта и начальство. Процент дорожно-транспортных происшествий неуклонно снижался. Пока не достиг нулевой отметки. Тут-то Дмитрук пригорюнился. Мы его, как активного рабкора, под Новый год с премией поздравляем, вручаем в качестве довеска новенькую милицмейскую фуражку, а он грустит.

– Не учёл, – говорит. – Первое же ДТП в наступающем году обернётся ростом негативных показателей на сто процентов.

Как в воду смотрел. В конце января, в пургу, самосвал коммунальщиков врезался в КраЗ, везший вермикулит – гидротизированную слюду – на обогагательную фабрику. В область ушли сведения о резком росте числа дорожных происшествий. Фамилия сержанта перекечевала в конец списка на выдвигение и внеочередное присвоение звания.

Офицерское звание Дмитруку присвоили два года спустя. Благо форму одежды в милиции тогда меняли не часто. Припасённые погоны и звёздочки пригодились.

ПСЕВДОНИМ!

Журналистам периферийных газет не полагалось имени. Рядом с фамилией стоял первый инициал. И довольно. Лишь редактор газеты имел право на два инициала. Вконец номера. Тоже подручный партии, но облачённый двойной ответственностью. А что буквы при этом порой сталкивались лбами и высекали не те искры – так это мелочи. Чего далеко ходить, моё имя, сокращённое до нескромного местоимения, досаждало мне довольно часто.

Случались сочетания понеприятнее. Зашёл к редактору областной комсомольской газеты, а он радуется:

– Практикантка Леночка из Ленинградского университета попалась сообразительная. Надо убедить перейти на заочное отделение. Взять в штат. Её репортаж – на первой полосе. Дочитаю, сам убедишься.

Вдруг лицо редактора перекеосилось. Одним прыжком он преодолел расстояние до двери и гаркнул:

– Практикантку ко мне!

Явилось создание, сплошь сотканное из лепестков ромашки.

– Что ты тут изобразила в конце репортажа?

– Имя и фамилию... Е. Баева.

– Псевдоним! – завопил редактор.
– Хорошо, подпишусь маминой девичьей.
– Да хоть, бабушкиной девичьей, – поостыл редактор. И мы побежали на областное журналистское совещание, ради которого я и приехал в Мурманск.

Уезжал, как всегда, ленинградским скорым, с него удобно пересаживаться в Кандалакше на пригородный до Ковдора. Утром в киоске на вокзале купил пачку свежих газет. Интересно же, какой псевдоним придумала себе девочка? Репортаж стоял на прежнем месте, развёрстан на пять колонок. Сразу под заголовком газеты. Гляжу на подпись: «Е. Бабаева».

СУПРУГА ПУШКИНА

Не скажу, что Галина Чистякова, техник центрального конструкторского бюро, блистала в литературной студии киевского завода «Арсенал». Но что-то такое в её стихах о голодном военном детстве присутствовало. Вскоре она уехала в родную Москву и пропала из виду. Доходили слухи, что в Литинститут поступила и закончила, Окуджаве на концертах аккомпанировала и подпевала, сборник выпустила, в Союз писателей приняли. Но стихи её не попадались на глаза.

Безжалостный пародист Иванов вынес в эпиграф строки Чистяковой и жестоко потоптался на них. А мне Галкино произведение понравилось. Искреннее и естественное, как вдох и выдох. Привожу по памяти:

Невозможно не заметить
Вам моих блестящих глаз,
У меня – медовый месяц,
И уже не в первый раз...

Длинный междугородный звонок. Саша Тимофеев, редактор Мурманского книжного издательства, спрашивает, могу ли организовать в Ковдоре выступление московских поэтов Чистяковой и Пушкина? Литераторы частенько ездили по провинциям, прирабатывали к гонорарам.

Обрадовался Галке. Лет двадцать не виделись. Её муж, Вячеслав Пушкин, не портил обедни, в смысле обедов и ужинов. Когда выпьет – вообще душа парень. Обеспечил им в городе около десятка выступлений, даже к пограницам свозил. Такая отметка в командировке особенно ценилась у культуртрегерского начальства.

Выросла Галка, добротные, запоминающиеся стихи пишет. Чувство юмора прорезалось. Зрители на «ура» воспринимали её коллекцию детских высказываний. А Вячеслав Пушкин, даром, что автор нескольких сборников, стихами не запомнился. Такие полотна при определённой усидчивости можно писать километрами.

Моей знакомой перевалило за сорок, она была счастлива в новом браке, замечала лишь достоинства своего спутника жизни. Таковые имелись, но, на мой взгляд, не на уровне поэзии. Много раз вынужденно прослушал его выступления и ни строчки не запомнил. Отскуки набросал четыре строки:

– Галка, Пушкин, что ты, право,
Ошалела, милая?
– У него есть имя: Слава!
Пушкин лишь фамилия.

Не удержался, подарил на память. Галка сделала вид, что не обиделась. Переменила тему разговора. Глаза светились, ей было хорошо.

В ОСОБО КРУПНЫХ РАЗМЕРАХ

Известие о том, что в Апатитах арестовали заведующего горздравотделом Думбадзе, жители Ковдора восприняли, как личную трагедию. Думбадзе начинал врачебную карьеру на Кольском полуострове с посёлка при Ковдорском ГОКе, организовал здесь первоклассную поликлинику и больницу. О его хирургических талантах, о блестяще проведённых операциях ходили легенды спустя годы после того, как замечательного врача забрали на повышение – в химическую столицу области, чьей пригородной зоной (на расстоянии за 200 км по зимнику, летом – по бездорожью) считался город Ковдор.

Перед заслуженным человеком замаячила решётка. Слухи ходили разные, а подробности узнал по прошествии пары лет. Когда ближе познакомился с Леонидом Тумаркиным, адвокатом, защищавшим Думбадзе на суде. Как мы с Лёней познакомились – особстатья. Его фамилия мне что-то напоминала. Так и есть, Лёня – сын Якова Тумаркина, многолетнего заведующего отделом информации в заглавной киевской газете «Радянська Україна». По странному стечению обстоятельств, именно в этой, старейшей республиканской центральной газете, евреи занимали ответственные посты. В отличие, скажем, от русскоязычной «Правды Украины», тем более – от двуязычной «Рабочей газеты», появившейся спустя годы после войны.

У Лёни Тумаркина брал почитать книгу, изданную «для служебного пользования» учебным заведением МВД, дислоцированным в Киеве – «Словарь воровского жаргона». Тогда не было ксерокса, а зажать томик и не вернуть – не позволил себе. Запало, насколько образны эти выражения. Верхний карман пиджака, например, карманники, называли «чердаком» ...

Ко времени нашего знакомства Лёня основательно юридически подковался, много лет прослужил в милиции, поработал в отдалённых районах большой страны. Осестьрешил в Кандалакше, на берегу Белого моря. Успел обрести солидным авторитетом, недаром подследственные и заключённые называли этого адвоката не иначе, как «отец родной». Спустя годы после распада страны Лёня приезжал в Киев, показал мне удостоверение «Заслуженного адвоката России», подписанное широко известным юристом. То ли Падвой, то ли Резником. Кем-то из них, это точно.

Но вернёмся к Думбадзе. Доктор стал жертвой очередной кампании по борьбе с пережитками капитализма. По сути, партийные лидеры Апатитов подставили его и тем отвели подозрения от себя. Думбадзе отгрохал для медиков базу отдыха в Хибинах. С катанием на лыжах, с сауной и прочими прелестями. Разумеется, начальство Апатитов и Кировска считало базу горбольницы своей вотчиной.

Наверное, патронам из горкома удалось бы погасить пожар, да бдительные дознаватели докопались: у Думбадзе поддельный диплом об окончании медицинского института, сварганенный в Ставрополе. Человек не имел права получать зарплату врача. За два с хвостиком десятилетия набежало свыше 70 тысяч рублей. Сумасшедшие по тем временам деньги. Ущерб в особо крупных размерах...

Думбадзе дожидался суда за решёткой. А Лёня пошёл по следам следователей. Поездил и полетал. И добился правды. По истечении четырёх лет отсидки в КПЗ доктора освободили прямо в зале суда.

Что верно, то правильно, Думбадзе купил себе диплом. Вскоре после реабилитации. Но до ареста закончил четыре или даже пять курсов медицинского института в родном Тбилиси.

Враньё, будто в годы сталинских репрессий грузины отделались лёгким испугом. Им досталось наравне с представителями других национальностей. Если не больше. В том же Ковдоре я подружился с Тамарой Давыдовной Цхакая и её сыновьями. Осудили женщину только потому, что она была женой дальнего родственника Михи Цхакая, одного из активных социал-демократов Кавказа. (Этот профессиональный революционер долгое время занимал руководящие должности в Грузинской ССР и Закавказской Советской Федеративной Социалистической республике, в Коминтерне, в 1937-м страшном году был избран депутатом Верховного Совета СССР. Скончался в Москве в 1950 году). Под нож репрессий попали близкие Тамары Давыдовны по отцовской линии – уже как потомки древнего княжеского рода. Тамара Давыдовна не без гордости говорила: «Я – урождённая Дадиани».

В Магадане вчерашнему студенту Думбадзе повезло. Его определили в санчасть. Он ассистировал медицинским светилам, прошёл университеты, какие иным кандидатам и докторам наук не снились. Всё-таки хирург – не только диплом, назначения и талант. И тем, и другим доктор Думбадзе не был обделён. Адвокат предъявил столько документальных свидетельств высочайшей квалификации подзащитного, что за судейским столом было в пору учёное звание присуждать, а не срок давать.

Обвинение не успокоилось, ударило с фланга. Пока звучали нервные филиппики прокурора, адвокат просил Думбадзе не высовываться. И сам молчал. Сидел, подёргивал себя за мочку уха – такая у него привычка. Но как обвинитель иссякал, Лёня передавал судье очередной документ или пользовался правом на короткую реплику. Судья в очередной раз оглашал перерыв в заседании.

Не буду утомлять читателя аргументами защиты, приведу только один. Следствие, потирая руки, сообщило, что жена обвиняемого, Нино Думбадзе,

перепродала за последние десять лет аж два автомобиля «Волга». На дворе – семидесятые годы прошлого века. «Волга» – предел мечтаний советского гражданина. А тут аж две приобретённые вне очереди и проданные...

Адвокат и не подумал отрицать, что Нино Думбадзе продавала «Волги». Видимо, с приличным наваром. Адвокат лишь попросил суд обратить внимание, что автомашины этой самой Нино Думбадзе Правительство СССР выделяло целевым назначением – как самой знаменитой в мире метательнице диска, чемпионке и герою страны. Жена доктора Думбадзе – всего лишь тёзка и однофамилица великой спортсменки. Даже отдалённо не родственница. В Грузии Думбадзе – довольно распространённая фамилия. Не такая, как Иванов в России, но тоже популярная. Вот справка.

Дальнейшей судьбы хирурга Думбадзе не знаю. Ко времени второго освобождения он достиг пенсионного возраста. Если обиделся да уехал на историческую родину – правильно сделал. А Лёня до сих пор в Кандалакше. Сменил пропахший бензином «Запорожец» на «Мерседес». Видимся, когда он приезжает в отпуск. При встречах меня гложет тоска. Мог бы тоже не уезжать с Севера. Хотя понимаю, что и там теперь всё иначе. Но так хочется обратно, в молодость.

РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬ ДУХОВНОЙ ПИЦЦЫ

Из теперешнего далека некоторая туповатость деятелей райкомовского звена в сочетании с сановным апломбом представляется мелочёвкой, не стоящей внимания. А тогда их потуги рулить всем, и вся очень даже раздражали. С преобразованием Ковдора в районный центр и появлением райкома партии, в городе появились представительства всесоюзных организаций, в том числе – Общество книголюбов. Разумеется, курируемое и направляемое райкомом. Начиная с подбора сотрудников – ихноменклатура.

Книголюбы перемены ощутили сразу же. Единственный в городе книжный магазин считался неофициальным культурным центром. Здесь люди встречались, может быть, чаще, чем в фойе кинотеатра. Тоже единственного на весь город. Обменивались впечатлениями от новинок и узнавали, когда очередной завоз или подписные издания. В любую погоду, в снег и мороз, книголюбы занимали очередь с ночи. Приятно проводили время в кругу единомышленников.

С появлением райкома ручеек новых книг заметно иссяк. Идеологи районного масштаба взяли его под контроль. Стоять с ночи стало бессмысленным – в открытую подписку поступали считанные экземпляры. Всё, что оставалось после указаний, спущенных райкомом.

Про подписки я не очень огорчился. Давно пришёл к выводу, что под рукой надо держать книги, которые раскроешь более одного раза – справочники и словари, поэзию, томики любимых авторов. Затаил обиду, когда остался без однотомника Энциклопедического словаря – первое издание райкомовцы распределили между собой.

В остальном, говоря честно, не очень страдал от появления книжного распределителя. Модными детективами и фантастикой не увлекался. А на поэзию желающих всегда было немного. Хотя, как сказать. Ни Мандельштам, ни Пастернак из большой серии «Библиотека поэта» мне так и не достались. Те несколько экземпляров, что попали в Ковдор, опять же осели у райкомовцев. Они, видимо, посчитали своим гражданским долгом оградить читателей от зловредного влияния раскритикованных поэтов.

Доступ к подпискам на приложения к журналу «Огонёк», к журналу «Советская молодёжь» – исключительно через райком. Повторюсь, не переживал, что и здесь меня обошли. Разве что, жалею о не доставшемся трёхтомнике О'Генри.

А вот работники почты, с кем у меня, как у редактора единственной (до появления райкома) газеты в городе сложились хорошие отношения, негодовали. Думаю, ещё и потому, что, когда тираж многотиражки перевалил за 5 тысяч, типография в Кандалакше стала печатать газету на ротационной машине. В отличие от плоской печатной, ротационка складывала газету сразу вчетверо. Чем значительно облегчала труд почтальонам.

Может, по этой причине, или просто им газета нравилась, не знаю, почтальоны считали меня не самым последним начальником в городе. Бывшая соседка по лестничной клетке, она же старейшая работница почты, с возмущением делилась с моей женой:

– Как же так, такой уважаемый человек, а в отличие от других начальников у него только одна подписка...

КОЛБАСНЫЕ ОБРЕЗКИ

О колбасе по 2.20 за кг вспоминают всё реже. Сужается круг лиц, её покупавших и евших. Было у той колбасы не одно, а целых два названия. Они отличались по вкусу и разводам на разрезе – «докторская» и «ветчинно-рубленая». Первая, так сказать, для диетпитания, вторая – с вкраплениями прожилок сала. Впрочем, и в той, и в другой колбасе процент мяса был довольно велик. По крайней мере, такие разборчивые диетологи, как домашние коты, носа от колбасы не воротили. Норовили, наоборот, стащить со стола. Хоть 100, хоть 200 граммов, а то и целую палку. Вру, целыми палками колбасу мало кто покупал. Холодильники имелись далеко не в каждой семье.

Меньше известно, что до 1961 года оба сорта ностальгических колбас стоили по 1 руб. 70 коп. Смешное, на нынешний взгляд, подорожание – примерно на 25 процентов – подняло волну протестов по всей стране, прорвалось восстанием в Новочеркасске. По мирным демонстрантам солдаты стреляли боевыми патронами.

Тогда же, одновременно с переоценкой стоимости колбасы власти ликвидировали как класс сезонную скидку на молоко, творог и яйца. Прежде держались две цены – зимняя и летняя. Осталась одна – зимняя. Удорожания никак невозможно было подвести под постоянные уверения прессы о том, что «происходит неуклонное повышение жизненного уровня советских людей».

Опять же не выветрились из памяти ежегодные снижения цен, с 1950 по 1954 гг. включительно. Снижались они на 5–10 процентов в год (пирожок с ливером подешевел за четыре года с 54 до 40 копеек). А тут враз цены подскочили на четверть. Плюс ликвидация летних скидок.

Впервые вслух о расстреле в Новочеркасске заговорили во времена Перестройки. Жаль, после тех лет, прикрашенных небывалыми надеждами, гласность и остальные свободы исчезли с постсоветского пространства. Быстрее, чем колбаса по 2.20.

Новочеркасские события дамокловым мечом висели над любыми попытками изменений цен в государстве. Из-за чего захирела даже автоматизация в общепите. В Киеве дислоцировался институт по производству торговых автоматов. На западный манер. Очень удобно, остановился в коридоре, сунул монетку в прорезь и без всякой очереди получи порцию первого или второго. В консервной упаковке.

Всё упёрлось в устоявшиеся цены на единицу продукции. Казалось бы, чего проще – увеличьте или уменьшите содержимое консервной банки. Чтобы она стоила, ровно 50 копеек, а не 53 или 49. Всем удобно. Но это же ползучий подрыв цен! А вдруг? А что?

Короче, из-за того, что монетник должен был заглатывать любой набор мелочи, его стоимость порой превышала цену самого автомата вместе с предторговым подогревом и открыванием банки. Преодолеть эту диспропорцию не удалось. Торговые автоматы тихо сошли со сцены. Оставив после себя лишь автоматы с газировкой. За трёхкопеечную монету – стакан воды с сиропом, за однокопеечную – холодная пузырьковая масса без сиропа. Автоматы эти дожили бы до наших дней, да подвели стаканы. Их постоянно заимствовали любители «сообразить на троих».

После Новочеркасска стабильные цены держались три десятилетия, до самого распада Советского Союза. Разве что товары поступали в продажу под другим названием и с надбавкой в стоимости. Так пролетарскую «Московскую» водку за 2.87 сменила «Андроповка» («Коленвал») за 3.62. «Коленвал» потому, что буквы на этикетке прыгали вверх и вниз.

Довелось в конце семидесятых в крымском доме отдыха сидеть за одним столом с сотрудниками Всесоюзного комитета по ценам. От них и узнал, что с 1980 года собирались продавать автомобили «Жигули» вместо 7 тысяч рублей по 10 тысяч. Шли также разговоры о повышении цен на сигареты с папиросами, на обувь. Однако ни в Госплане, ни в ЦК не нашлось смелых сблизить соотношение себестоимости и цены. Новочеркасск не позволял.

ЕСТЬ КОНТАКТ!

Директриса Дома культуры к любой лекции готовилась по ... учебникам начальной школы. О сложных вещах говорила просто и понятно. Не упускала случая выступить на каждом оперативном совещании горно-обогатительного комбината, у которого ДК висел на балансе. О чём бы на совещании не шла

речь – о грядущей зиме, о помощи подсобному хозяйству, о массовых взрывах в карьере – директриса неизменно брала слово и начинала:

– Как известно, театр начинается с вешалки...

Мгновенно устанавливала контакт с аудиторией! Большинство инженеров, мастеров и начальников цехов не могли отличить ямба от хорея, стиль Чехова от Пикюля. Но фразу о вешалке в театре знали. И радостно кивали головой. Дескать, и мы не лыком шиты, разбираемся в искусстве, а не только в оттенках горных пород, глубинах взрывных скважин, в дроблении горной массы и её обогащении.

Говорила директриса обычно о бедах своего здания, о прохудившейся крыше, искрящей электропроводке, забитой канализации. В общем, обо всём том, что могла легко и свободно решить одним звонком начальнику ремонтного цеха или руководителю профкома. Но когда директор или главный инженер комбината переадресовывали вопрос виновнику микроаварии – другой коленкор получался.

Все присутствующие враз ощущали себя причастными к очагу культуры. Моральный вес директрисы взмывал вверх. Из пешки у кассы кинозала, она в момент вырастала до борца за полнокровный и полноценный досуг жён, детей и внуков участников совещания.

КТО ВО ЧТО ... «ГАРАЖ»

Отпуск всей семьёй проводили в Киеве. Сыну после полярной ночи требовалось солнце и витамины. Как всем этим обеспечить без бабушкиного и дедушкиного участия? Самтоже подзаряжался – посещал друзей, учителей, приятелей. Тосковал по привычному окружению. Опять же у них тут больше источников информации. Да и привык соизмерять свои поступки со словами и делами людей, на кого с юности равнялся.

Случалось, и чем дальше, тем чаще, что не я выспрашивал, а меня подробно интервьюировали. Пришлось, например, пересказывать сюжет и ключевые фразы фильма Эльдара Рязанова «Гараж». В Ковдоре, Кандалакше и в Мурманске картина прошла пусть не с таким аншлагом, как продукция индийских кинематографистов, но задержалась на экранах, удалось посмотреть её два и три раза. В Киеве же эту весёлую сатиру на «борцов с частнособственническими инстинктами» и порядками вокруг кооперативов не видели. Идеологи, отвечающие за репертуар кинотеатров, в столицу Украины «Гараж» не пустили.

Догадывался, откуда ноги растут. Сверхбдительные ноги. Но как-то довелось лично удостовериться. Проведал приятеля по комсомолу на его новом рабочем месте, в здании ЦК КПУ, на ул. Орджоникидзе. Нынче известном, как (Офис) Секретариат Президента страны. Сидим, вспоминаем минувшие дни. Распахиваются двери, вбегает начальник моего приятеля, самый главный по пропаганде и агитации человек в этом здании. Ноне будем уточнять.

Не обращая на меня никакого внимания, вроде я не посетитель, а что-то вроде ненужной мебели, начальник клокотал. Перевожу:

– Куда вы смотрели?! Кто позволил!? Любой недавний зэк может приехать в столицу Советской Украины и ему сразу дадут лучшую площадку для выступления!

Это он так о Сергее Захарове, популярнейшем баритоне, грозившем затмить Кобзона с Магомаевым. Парень по молодости и глупости попал в скверную ситуацию и угодил в тюрьму. Несмотря на показательный процесс (придраться, видимо, особо не к чему было), певец вскоре вышел на свободу и отправился в гастрольную поездку. В Киев. Нет, чтобы поначалу смыть пятно в своём Ленинграде или в Москве.

Назавтра афиши, извещавшие о концерте Захарова в Октябрьском дворце, были перечёркнуты сообщением, что выступление по «техническим причинам» не состоится.

Если совсем честно, порой взгрустнётся от того, что нашу нравственность перестали оберегать. Куда-куда, а на эстраду за последние годы хлынуло и сыплется такое, что, как говорили на моём Подоле, «на голову не налазит». Врачи утверждают: если человека всю жизнь держать под колпаком, в футляре, и вдруг вывести за линию заслонов, он подхватит все болезни сразу. Боюсь, это наблюдение касается не только микробов и вирусов.

ОТДУШИНА

В сравнении с районной газетой, академический журнал ЭКО («Экономика и организация промышленного производства», Сибирский филиал академии наук СССР) казался неповоротливым, как океанский корабль. Материалы для ежемесячника готовились год-полтора, предвыпускные полгода шла скрупулёзная переписка между авторами и редакцией. Вплоть до того, что тебе гранки для вычитки присылали. По выходе журнала в свет автору полагалось 25 оттисков материала. Тоже приятно.

Столпы экономики сплотились вокруг «ЭКО». Около сорока лет тому назад, если не раньше, обратил внимание на статью в журнале – о том, как, каким образом Александр II давил чиновников и запустил реформу освобождения крестьян от крепостной зависимости. Любопытный опыт. Иным современным преобразователям стоило бы поучиться, дабы избежать осечек. А толчком к реформе послужил не указ, не рескрипт, а... личное письмо царя губернаторам. В нём Александр номер два изложил суть реформы. Ну, а когда в российской Тмутаракани получают письмо от Самого, что они делают? Правильно – под козырёк! Советники сообразили, что к чему лишь на утро. Явились к императору с просьбой отозвать личную корреспонденцию. Да фельдъегеря уже разъехали. Остановить бюрократическое колесо, когда оно завертелось, и тогда никому не по силам было.

Недавно решил оживить в памяти ту статью, достал с полки старый журнал и ахнул – автор Гавриил Попов. Ещё не член Межрегиональной депутатской группы и не мэр Москвы. Просто экономист.

Другой постоянный автор «ЭКО», Григорий Явлинский, в июльской книге более массового журнала («Знамя» за 1991 год) написал, что если к августу не изменится экономическая ситуация в СССР, то страна перестанет существовать. Не прислушались к Явлинскому, не обратили внимания. А я с тех пор жалею, что этот уроженец Львова и выпускник средней русской школы этого же города, так и не вернулся работать в Украину. Или его плохо звали? Если вообще звали.

Но вернусь к урокам «ЭКО». Для меня, как для журналиста. В гранках одного из очерков была красным подчёркнута моя фраза: *«межотраслевое социалистическое соревнование доказало свою жизнеспособность»*. Сбоку приписка зам. редактора: *«Я. М.! Запомните, за все годы советской власти ни один вид социалистического соревнования не доказал своей жизнеспособности»*. Довольно смелое замечание, если учесть, что редакция с автором знакома лишь по переписке. Шёл 1984 год, у власти Черненко. Затакое высказывание против основополагающих устоев можно было легко поплатиться. Люди слетали с должностей за менее едкие намёки.

Тираж «ЭКО» быстро рос, журнал стал настольным для руководителей предприятий. Помнится, в Киеве, в республиканский Госснаб привёз письмо из журнала с просьбой показать «Выставку наших упущений» под Обуховым. Мне тут же, единственному пассажиру, предоставили туристический Икарус. Других транспортных средств в Главке под рукой не оказалось. А предстояло написать репортаж о том, как Госснаб УССР борется за экономию ресурсов, в том числе топлива.

«ЭКО» стал для меня отдушиной. Привлекали широкие горизонты его редакторов. Живой, как они гордились, «экошный язык» изложения материалов. Журнал умудрялся сложные вещи подавать лёгким и понятным слогом. Без тупых канцеляризмов.

Гордился я удостоверением, которое мне, постоянному автору, редакция прислала на Кольский полуостров. Чтобы, значит, меня ещё больше зауважали местные производственники. Жаль, ни разу не смог воспользоваться этим удостоверением. Никому его не показывал. Всёпотому, что редакция самого прогрессивного на то время в стране экономического журнала объявила меня своим корреспондентом «по Мурманской области Российской Федерации и по Карело-Финской республике». Такой республики на политической карте Советского Союза давно не было. Была Карельская АССР.

РОМАН В ТЕЛЕГРАММАХ

Получил телеграмму с вызовом Ковдорского ГОКа на работу за подписью директора Сухачева. С указанием номера квартиры, которая ждёт меня и мою семью в новом доме. Слава Богу! Полутороговой эксперимент с попыткой прижиться в Киеве закончился. Впереди – опять Север. Вновь задышу полной грудью.

Рассчитался, собрался, упаковал вещи. Жду разрешения милиции на въезд в погранзону, каковой является город Ковдор. Неожиданно обухом по голове

– другая телеграмма: *«Ковдорский райком партии не рекомендует вам выезжать по вызову Ковдорского ГОКа».*

Рекомендации этих ребят меня не очень волновали, когда работал редактором многотиражки. Это их порядком возмущало. Всё-таки они показали мне, кто в районе хозяин. Пришлось уехать. Теперь же, если вернусь, поставлю директора комбината в двусмысленное положение. От своих слов он не откажется. Но работать придётся не в «Рудном Ковдоре», а в техбюро, чего не умею и не хочу. Стоит ли из Киева уезжать, если и на Севере для меня запрет на газету?

Звоню Николаю Бакшевникову в «Полярную правду», в Мурманск. Он поставил в известность завсектором печати обкома Полтева. Константин Владимировича не напрямую, ему не положено, перезвонил в Киев дня через три. Спросил: не соглашусь ли я поехать на юг Кольского полуострова и возглавить газету в Терском районе?

Про себя высчитываю: газета маленькая, шесть полос в неделю. Но районная, не многотиражная. Рангом повыше. Прошу передать, что согласен. Ещё через день пришла телеграмма, подписанная первым секретарём Терского райкома партии. *С приглашением на работу и с сообщением о предоставлении жилья.*

Забегая вперёд, скажу, что месяца через три после приезда в Умбу мне вернули «полярки», полярные надбавки, которые надо выработать 5 лет и которые фактически удваивают заработок – прибавляют 80 процентов к зарплате. Да плюс 40 процентов северного коэффициента.

Знаю, во время и сразу после войны орденосцам доплачивали за государственные награды. Отец получал. Затем эту практику отменили. Орденов у меня нет. А вот то, что зарплату так быстро удвоили, вполне могу приравнять к высокой правительственной награде. Говоря честно, горжусь этой наградой.

Надо бы передать «роман из трёх телеграмм» внукам, да не смогу. Первые две телеграммы имеются, а третью, телеграмму Терского райкома партии, пришлось переслать в областное управление печати. Она послужила основанием для досрочного возвращения мне «полярок», 80-типроцентов ежемесячно оклада.

ДИРЕКТОР

Получил письмо из редакции популярного в те годы издания Новосибирского филиала Академии наук СССР – журнала «ЭКО» («Экономика и организация промышленного производства») с просьбой выяснить, останется ли директор Ковдорского ГОКа А. И. Сухачев в седле или нет. Мой очерк о директоре запланирован в такой-то номер, но «Правда» поместила критическую заметку в адрес героя. Пусть критика проходит по другому ведомству, однако «в последнее время позиция журнала и органов, назначающих и снимающих директоров, всё чаще расходится».

Директор остался в седле. Корреспондент главной газеты страны напраслину на него возвёл. В железный концентрат всегда попадала вода по пути следования—везли в полувагонах, в вагонах без крыши. Но в тот месяц действительно участок сушки работал недели две не на полную мощность. История с полупросушенным концентратом ещё долго икалась директору. Вплоть до Перестройки. Стала тем камнем преткновения, который поставил крест на его карьере.

А дело было так. Реконструкция комбината, то есть переход на выпуск трёх видов продукции из одной и той же руды, потребовала перестройки инфраструктуры. Строители, как водится, припаздывали с вводом новых мощностей для хранения мазута, а эшелоны с цистернами прибывали в срок. Что делать? Сентябрь на дворе, в октябре-ноябре – самые морозы. Комбинат остановится без горючки, город замёрзнет. Директор принял волевое решение: слить мазут в ещё не опрессованные ёмкости. Несколько тонн горючего просочились в землю.

Они-то и стали гвоздём обвинений доморощенных экологов. Спустя десять с хвостиком лет. На демократических перевыборах директора комбината.

Хотя уж за что-за что, а за охрану природы директор заслуживал особого уважения. Ковдорский апатит вслед за ковдорским железом поначалу казался нестандартным. В городе высадился десант проектировщиков. Они приехали с идеей перерабатывать строптивый концентрат в жёлтый фосфор. Получать чистый элемент, а его уже можно пустить, на что хочешь – на удобрения или военные нужды. Стоимость завода жёлтого фосфора оценивалась в полмиллиарда рублей. Тут ещё такой нюанс: готовилась к пуску Кольская атомная электростанция. Рядом с почти дармовым сырьём для фосфора грозил появиться избыток дешёвой электроэнергии.

Обогатитель по образованию и опыту работы, Сухачев представлял, чем грозит экологии полуострова производство жёлтого фосфора. Мончегорский медно-никелевый и Кандалакшский алюминиевый заводы, изничтожавшие вокруг всё живое, рядом с таким производством – бледные поганки. Нет, общественность через прессу не будоражил. Зачастил в кабинеты да инстанции, от которых зависело утверждение или не утверждение строительства завода жёлтого фосфора в Мурманской области. Но этот весомый вклад директора в экологию остался за кадром.

О заговоре «красных директоров» одно время много судачили. Не знаю, возможно, они все враз переродились. Подобно бывшим комсомольским деятелям. Последнего, предперестроечного периода. Но что на них, на руководителях предприятий и организаций, десятилетиями держалась страна – кто возразит? Это в кресло секретаря райкома-обкома или, да простят меня правоохранительные органы, в прокурорское, могли посадить человека, не прошедшего огонь, воду и медные трубы. Руководить предприятием без знаний и опыта номенклатурный выдвиженец долго не смог бы. Как говорят шахматисты, тут думать надо. Каждый день. И каждую минуту принимать решения. Да ещё постоянно находиться под прессом всевидящих очей парт., проф. и комсомольской организаций.

Не знаю в деталях, как шла жизнь на комбинате в нулевые годы XX века. В главном А. И. Сухачев оказался прав. Комбинат, а с ним и город, выжили благодаря добавке апатита и бадделеита к «первородному» железу.

Судя по сведениям из российской прессы, за лакомый ковдорский кусочек воевали крупнейшие банки. Ещё бы, фосфорное сырьё из Ковдора не только добавляет силы растениям, но легко преобразуется в отменную пищевую добавку на корм скоту. Бадделеит – двуокись циркония, – соседи норвежцы вообще с руками рвут.

Живёт город, процветает. Одну из улиц, ту самую, на которой директор ГОКа жил все годы, называли его именем.

Алексею Ивановичу общественное признание его заслуг сил не прибавило. Но последние пенсионные годы скрасило.

ИСТОРИЯ МОИХ «БОГОСЛОВОВ»

Быль. На праздник к Сталину на дачу пригласили артистов. Хозяин попросил знаменитого Василия Качалова прочесть что-нибудь новенькое. Качалова угораздило вспомнить короткие басни, написанные авторами сценариев фильмов «Весёлые ребята» и «Волга-Волга» – Николаем Эрдманом и Владимиром Массом. Всего-то четыре строки.

НКВД пришёл к Эзопу
И хватя его за ж...
Мораль сей басни ясен:
Не надо басен.

На утро обоих авторов везли под бдительной охраной в ссылку. С тех пор и до самого путча в 1991 году, ни Эзопу, ни эзопову, то есть иносказательному, языку не везло. Чему пример, уж простите за то, что высываюсь, история с лучшим, на мой взгляд, моим фельетоном «Богословы».

Обычный басенный приём, но в роли «козла», «осла» или «косолапого мишки» выступил у меня воображаемый судья из папской курии. Так я попытался образно пересказать историю, произошедшую с начальником рудника «Железный» Виктором Эйдельманом. Инженер во втором поколении (его отец командовал сапёрами в годы войны), Виктор безконца спорил с директором комбината. Теперь бы я, обогащённый жизненным опытом, наверное, стал бы на сторону директора. А тогда ругал себя, что не могу ничем, кроме слова, помочь другу. Директор считал, что надёжнее ежегодно улучшать качество концентрата на десятую долю процента, чем разом замахнуться на целый процент и тем оставить на следующий год итээровцев без прогрессивки... Планы верстались от достигнутого, прыгать вверх на десятую процента или процент – разница и большая.

Виктор вместо того, чтобы умножать своих единомышленников, плодил врагов. Мог в качестве аргумента в споре высадить из своего «козлика» главного горняка комбинатана нижнем горизонтекарьера. Дескать, проветришь и

подумай. А подчинённых держал в строгой узде, считал, что демократия – вещь хорошая, но не там, где касается горного дела.

Гуманитарная моя составляющая не давала покоя. Опять же не истёрлись воспоминания от массовой реабилитации бывших «врагов народа и их пособников» при правлении Хрущёва.

Фельетон получился. Хуже с публикацией. Родная «Полярная правда», столь доброжелательно относящаяся к моему побочному увлечению, – ответила отказом. Издания повыше рангом – туда же. В отпуске занёс своё творение в «Правду Украины». Там меня обвинили, чуть ли не в подрыве международного порядка. Объяснили, что с Ватиканом у Советского Союза налажены дипломатические отношения и нечего бросать тень на такое благое дело.

Везде от ворот поворот. Года через три в центральной газете проскочила информация со ссылкой на папу Иоанна Павла. Дескать, великий итальянский учёный несправедливо пострадал от церкви. Спустя ещё года два – сообщение о создании в Ватикане комиссии, которой предстояло объяснить несправедливость обвинений католической церкви, выдвинутых астроному Галилео Галилею. В 1984 ватиканские газеты, наконец, разразились: «обвинение Галилея в ереси не имело под собой никаких оснований».

Чутьли не провидцем я оказался, Нострадамусом. Правда, о Джордано Бруно, сожжённом на костре в 1600 году, обвинённом в той же ереси, что и Галилей, никаких сведений из Ватикана не поступало. Прикрепил историю с реабилитацией Галилея в качестве эпитафии. Предварительно на одном из совещаний в Мурманске переговорил с редактором «Полярной правды» Николаем Васильевичем Беляевым. Тот обрадовался прогрессивным сообщениям из Ватикана и пообещал злополучный фельетон напечатать. Запомнил он его с первого раза, даже процитировал несколько строк, чем очень даже потешил авторское самолюбие. Но сказал: «Выберем время и опубликуем. Пусть мелким почерком, то бишь шестипунктовой нонпарелью, но найдём место».

Редактор сдержал слово. В точности. Но увидеть свой фельетон напечатанным в «Крокодиле» или на 16-ой стр. «Литературной газеты» так и не довелось. А без такого признания заикаться о собственном сборнике сатиры и юмора даже в областном издательстве было бесполезно.

МЫШКА НАРУЖКА

Самый молодой город области обрёл самостоятельность, стал райцентром со всеми атрибутами – райкомом, райисполкомом, райотделом КГБ и милиции, районной газетой. Тем временем тираж многотиражки комбината при 5 тысячах рабочих превысил 6 тысяч. По подписке. Газету считали своей в городе и в пригородной зоне, то есть в соседних посёлках.

Хвастаться – так хвастаться. Когда работал на Терском берегу – южной оконечности Кольского полуострова – тираж районной газеты за несколько

лет дошёл до 3330 при населении в 9300. Обошёл на 2–5 процентов рекорды аналогичных газет в Эстонской ССР.

Но я забежал вперёд. Райкомовцы давили на редактора многотиражки, как могли. Донос в районное отделение КГБ направили, потребовали прижучить меня за пародийные заметки по адресу их газеты. Впал в грех, не смог себе отказать в удовольствии поиздеваться над суконными статьями за подписью Кольский, Карельский, Уральский, Вологодский. Это идейно выдержанные сотрудники редакции новой районной газеты намекали, из какого леса и бора их собрали по сосенке. Прежде никогда не пользовался псевдонимами, а тут не удержался, скаламбурил на названии нашего города – Я. Ковдорский. Или Яков Дорский, что ещё смешнее.

В тамбуре пригородного поезда Ковдор – Кандалакша курил вместе с майором в штатском Галкиным. Он и рассказал, что недавно попросил третьего секретаря райкома по кличке Моль не перекладывать свои недоработки на плечи занятых людей. Предупредил меня, что милицейский начальник взял под козырёк и что-то там затевает – ищет компромат.

Дошло, наконец, почему соседи зачастили к жене и шушукаются на кухне. Впечатлениями делятся. Участковый обошёл лестничную площадку ниже и выше этажом. Интересовался: бью ли я свою супругу и не валяюсь ли пьяным у порога? Милиционер – человек подневольный, ему приказали вывести меня на чистую воду, он и старался. Согласно своему разумению.

...В типографии поселка Умба, что километрах в 250-ти к востоку от Ковдора, линотиписткой работала жена местного начальника КГБ. Неплохо работала, ничего не скажу. Как-то отпросилась пораньше, в гости приехал коллега мужа, мой старый знакомый, уже подполковник, Галкин. Хочется принять его как следует. От линотипистки узнал, что Галкина в своё время перевели с повышением в Мурманскую область из Рязани. Там молодой сотрудник вёл наружное наблюдение за писателем Солженицыным.

РЕЦЕНЗЕНТЫ

Вмемуарах Бард Александр Городницкий тепло отозвался о редакторе Мурманского книжного издательства Александре Тимофееве. Александр Борисович работал рядовым редактором. Над ним и около – до десятка ответственных сотрудников. А вспоминают только его. Первый набор Мурманского отделения Союза писателей – в полном составе.

Не скажу, что мы с Тимофеевым дружили. После двадцати люди редко сходятся. Но какая-то взаимная симпатия сближала. Перезванивались. Когда приезжал в Мурманск, обязательно приходил в гости – домой или в издательство. Пообщаться.

Дружеские отношения встали между нами стеной, когда стал подумывать об издании сборников своих стихов. Что касается лирики, про поцелуи и вздохи, если тебе сорок и больше – печатать стыдно. А вот эпиграммы и стихотворные фельетоны – почему не попытаться? Саша облегчил мои страдания. Объяснил: всё, что касается сатиры и юмора, решают исключительно

московские инстанции. Потому могу не переживать, всё равно из Мурманска рукопись уйдёт на утверждение.

Папка с первым машинописным экземпляром уехала в Москву. Куда именно – не скажу, не знаю. Прибыла обратно месяца через два-три, с рецензией за подписью сотрудника журнала «Крокодил». Фамилию её автора мог бы привести, но лень рыться в старых папках. Она ничего не скажет нынешнему читателю. Как, впрочем, и тогдашнему.

Московский рецензент стихи похвалил. Те, что пробились на страницы центральных газет – «Труда», «Известий». Не нашёл рецензент словесных огрехов, за что начинающего автора легко подвесить на рею. Почти не нашёл. Зато там, где касалось соответствия разным постановлениям, он покуражился всласть. Взъелся на весьма удачную, на мой взгляд, эпиграмму:

И какой бы не вскрыли изъянец,
В строгих пунктах решительных мер
Вспоминаем прогульщиков, пьяниц,
И т. д., и т. п., ИТР.

Отчеркнул все четыре строки и приписал:

– Какое имеет право автор так неуважительно отзываться о тяжёлом труде инженерно-технических работников!

Я всё понял. Саша Тимофеев меня не успокаивал. С тех пор мы с ним дружили без всяких меркантильных нюансов.

Хотя – вру. Те полтора года, что провёл в Киеве в перерыве между Севером и Севером, времени зря не терял. Обложился газетными подшивками, написал книгу очерков о молодом городе Ковдоре и его строителях.

Привёз с собой, из Умбы послал в издательство, в Мурманск. Издательство направило рукопись председателю облисполкома, в недавнем прошлом – ковдорскому кадру, по фамилии Комаров. Он был вторым в райкоме партии, затем председателем райисполкома. Товарищ начальник раздраконил книгу очерков в пух и прах. Во-вторых, она не понравилась ему из-за легкомысленного, а, местами, несерьёзного изложения. А во-первых, и это главное, на взгляд высоко стоящего товарища в очерках слабо отражён фундаментальный вклад обкома партии в строительство и расширение Ковдорского горно-обогатительного комбината.

Ну и ладно. Не хотите, не надо. Пишите сами.

А могильщик моей рукописи о Ковдоре и в новых условиях долго оставался у кормила власти.

СЕВЕРНАЯ ЭКЗОТИКА

Ни фото, ни киноплёнка, ни цифровая электроника не в состоянии передать неземную красоту Северного сияния. Когда зеленоватые облака со стеклянными прожилками на изломах мечутся по небу, от переливающегося холодного пламени глаз не отвести. Но задрав голову, долго не простишь.

Сияние полыхает исключительно в трескучие морозы. Тогда небо свободно от облаков.

На Кольский полуостров неожиданно надвинулось похолодание. Областной партхозактив скомкали. Районных начальников разослали на места отвечать за возможные происшествия.

Сияние освещало трассу получше, чем Луна в полнолуние. Предстояло пересечь область от Баренцева до Белого моря, километров 300 с хорошим гаком. Каждые десять-пятнадцать минут останавливались. Смазка руля у «Волги» замерзала, по очереди разминали баранку. Лишь на подъезде к дому мороз слегка отступил. Белое море, конечно, всего лишь аппендикс Ледовитого океана, а всё же не сплошь покрыто льдом и чуток отогревает дыхание Заполярья. Дома пришёл в себя, потащил домашних на улицу полюбоваться необыкновенным зрелищем. Куда там! Ветерок с моря затянул небо тучами.

Иной информированный читатель продолжит загибать пальцы. А охота с рыбалкой? А брусника с морошкой? А грибы, которые не собирают, а выбирают – столько их в урожайные годы! Согласен, могу добавить солнечные ночи, лыжные прогулки по освещённой трассе все восемь месяцев зимы. И т. д. и т. п. Опять же, морально легко. Не только для романтических пар, решивших на новом месте начать новую жизнь.

Северное бытие, да простит меня классик марксизма-ленинизма, не то чтобы определяло сознание, но избавляло человека от мелкой денежной зависимости. Полярный коэффициент вместе с полярными надбавками увеличивали зарплату более чем вдвое. Этого допинга хватало, чтобы в такси ли, в ресторане тебе давали сдачу до копейки. Люди не чувствовали кандалной привязки от дня получки. Сияли не вымученной – искренней доброжелательностью. Везде. В кассе вокзала, на почте, в гостинице. Там, конечно же, никогда не было мест, но после полуночи холл всегда пустел – пристанище находилось.

Ковдор долго связывала с Большой землёй лишь однокорейная железная дорога. Добраться до трассы автомобилем можно было разве что на платформе. Всё равно гаражами населённый пункт прирастал быстрее, чем домами. Застрял в ушах возглас одного начальника цеха:

– Да я, – говорит, – за двадцать пять лет в партии на одни взносы две «Волги» потратил!

Большинство семей жили на одну зарплату, вторую откладывали на сберкнижку. На машину. Или на квартиру в средней полосе. Потому, скажем, одолжить на отпуск 500 и 1500 рублей – нет проблем, с дорогой душой. Но бежать и снимать с книжки несколько рублей – никому не с руки.

БРАТЯ МЕНЬШИЕ

С костей лохмотьями свисали мясо и шкура, густо обсаженные насекомыми.

– Это Мужик себе на похмелье оставил, обязательно вернётся! – втолковывал сучкоруб, вызвавшийся показать оленя, задранного прошлой ночью медведем.

Частенько в тайге натыкался на следы пребывания Хозяина. На следы его жизнедеятельности. Подставишь руку – отдают теплом. Мужик, как уважительно называют медведя охотники, где-то рядом. Может быть, за той сосной притаился, оценивает непрошенных гостей.

Отчётливы отпечатки от мощных пяток да коротких острых когтей на мокром песке дороги. Мужик сыт. Кругом полно его любимой ягоды – вороники. Если её не есть, а только посасывать, говорят, хорошо жажду утоляет. Медведь захватывает воронику пригоршнями. Как любая ягода или овощ вороника слабит живот. Вот и метит зверь свою территорию под осень чаще, чем обычно. Недаром понос поморы называют «медвежьей болезнью». Повесне ягода ещё не созрела, потому «мужик» и напал на оленя.

Мало рогатых красавцев в тайге осталось. Прежде не только саамы, поморы их разводили. До сих пор натыкаешься в тайге на прогнившие загородки из тонких сосенок. Так прежде загоны оконтуривали. Как-то, ближе к весне, за поворотом увидел набычившуюся лосиху. Стояла, не давала проехать, пока лосёнок – сотни три килограммов диетического мяса – не перешёл дорогу. В том же месте по весне глухари в красных шапочках набивали зоб камешками. Там же два медведя убегали от автобуса, смешно задирая задние конечности.

Сколько разных легенд наслышался ещё в первый свой северный отрезок, в Ковдоре. Про то, как финны, согласно межгосударственной договорённости, перебежчиков доставляли в погранотряд. И тут же сообщали, что через пролом в системе из колючей проволоки на нашу территорию перебежало стадо их, финских, оленей. Пограничники не спорили, подписывали акт и заказывали в Ловозере, в оленеводческом совхозе, партию оленей для депортации.

Летом брусничники частенько натыкались на останки оленей, до блеска обглоданные лисами, мышами и совами. Следы браконьеров. Убивали зверя, вырезали язык, а всё остальное бросали. Не волочь же тушу по сугробам.

В тех же глухих местах довелось зимой увидеть лисицу. Или лúса. Кто их издали разберёт. Позднее зимнее утро вот-вот готово было смениться ранними сумерками, солнце в ту пору не выглядывает, вокруг цвета – смесь серого с белым. И вдруг мелькнул язык пламени. Междузелёно-бронзовыми стволами сосен пробежало живое и нарядное сырьё для воротника. Поймал себя на том, что руки потянулись к ружью. Хотя никогда не охотился, да и не было в кабине ружья.

А в охоте, вернее, в убийстве беззащитных животных довелось принять невольное участие. В конце сентября срочно вызвали на какое-то совещание, а последний автобус уехал. К счастью, на станцию, а это более чем за сто километров, отправлялся милицейский газик. Водитель рассказал, что нынче, во время отлива, окрестные медведи спешат к морю лакомиться морской капустой. Зачастую наперегонки с зайцами. Друг другу не мешают, еды всем

хватает. Холода задерживаются. Зайцы в большинстве шубки сменили на белые, а снега всё нет.

– Да вот же он! – Обрадовался старший машины, – вылутился у обочины.

Луч света выхватил мягкую пушистую игрушку, поднявшуюся на задние лапки и уставившуюся на два ярких маленьких солнца. Ещё один, ещё. В белых или серо-белых шубках. То ли шум мотора их останавливал, то ли свет фар заставлял замирать на месте. Но с дороги не убегали. Поворачивались лицом к свету и замирали. Машину резко бросило влево вправо. Это водитель пытался объехать любопытного. Сосед грустно заметил:

– Снова наповал.

Резкий зигзаг и – щелчок под задним сиденьем. Оглянулся, бесформенный комок остался на дороге. Сбили задним мостом. Пока доехали до Кандалакши, насчитал четыре или пять глухих ударов под сиденьем.

До сих пор неловко вспоминать об этом.

ЛАПША НА УШАХ И В МАГАЗИНАХ

В горбачёвскую Перестройку ведущие и ведомые публицисты наперегонки размышляли о том, что такое государство и его аппарат. Сталин, оказывается, оседлал аппарат и до конца своей жизни его перетряхивал. Хрущёв не решился повторить опыт вождя народов, за что поплатился.

О всемогуществе аппарата, то есть кадров, которые решают всё, моё поколение было слышано со школы, с детского сада. Жаль, в жизни отличить кадры, которые решают, от кадров, которые не решают, не всегда удавалось.

Ах, как приятно было сознавать в Перестройку, что перед всеми ветвями вертикали власти поставлена задача: говорить народу правду, ничего не скрывать. Не вешать лапшу на уши, вводить в истинный курс дела. С этой целью печатные органы, вплоть до районных газет, получили указание публиковать ежеквартальные статистические отчёты о промышленной и хозяйственной деятельности. Где обязательно обнародовать все подробности – от выпуска тонн стали и пряников до количества учащихся и воспитанников детских садов.

Чтобы упростить задачу, на места была спущена болванка с текстом, где оставалось проставить цифры. По методу старинного базарного фотографа: вставляешь голову в отверстие картины, и ты уже скачешь на лошади.

Всё бы ничего, но текст отчёта был отработан ещё в те времена, когда бурные аплодисменты собравшихся венчали каждый чих высокопоставленного докладчика. Отчёт начинался знакомыми до боли словами, давно вступившими в противоречие с реалиями жизни. В первой строке стояло: «Продолжается неуклонный рост благосостояния советских людей...». Эту новость предлагалось проглотить читателям, и главное, поверить в неё. Не взирая на пустующие полки магазинов, доводящие до нервного шока. То масло исчеза-

ло, то сыр. Такие вещи, как дамские сапоги или хлопчатобумажные джинсы, в виду постоянного отсутствия, развалили не одну семью.

Дальше – больше. Заявленный неуклонный рост должен был подтверждаться цифирью местных успехов. А где их, успехи, взять, если, например, ведущее предприятие Умбского района – леспромхоз – давно подорвало свою базу, лесосека из года в год сокращалась. К тому же, оборудование лесозавода фактически не обновлялось с дореволюционной поры, когда предприятием владели меценаты «могучей кучки композиторов» – купцы Беляевы.

Не блистали успехами и, так называемые, единоличники. Несколько лет кряду графу «Крупный рогатый скот в частных руках» в районе поддерживали лишь один энтузиаст. А теперь в графе прочерк – товарищ отказался держать корову.

Районное начальство отчиталось: выполнило директиву о гласности в экономической сфере. Но задумалось ли, оно как эта самая гласность отзовется в сердцах избирателей – большой вопрос. Очень может быть потому на первых (и последних) свободных выборах в Верховный Совет Союза и Верховный Совет РСФСР в районе, да и в области, победили совсем не те руководители, коим было вменено в обязанность информировать население о неуклонном росте его благосостояния.

ЗАКАТ

Предложение стать доверенным лицом первого секретаря обкома партии на выборах в Верховный Совет воспринял как запоздалое, но всё-таки признание своих успехов на ниве журналистики.

До той зимы 1989 года представление о порядках за обкомовскими и выше дверями имел самое приблизительное. Годом раньше попал в санаторий советских органов в Ессентуках. Поразился шиком помещений и оборудования в сравнении с профсоюзными здравницами. Обрадовался отсутствию очереди к зубному врачу. Оказалось, существовали оазисы покруче. Стоматолог развлекала меня разговорами о том, что на каждого пациента ей отводится по 40 минут, а вот в санатории ЦК, что напротив расположен, при такой же зарплате положено на пациента тратить по часу.

А я-то думал, что санатории лишь размерами бассейнов отличаются. У них – 25-метровая ванна, у нас – 18-метровая...

Ощущение, что за дверьми партийных комитетов творится что-то серьезное и глобальное, у меня держалось долго. Это потом наслышался рассказов о том, как ушлые люди забежали на минуточку в здание горкома партии и даже киевского ЦК. Показывали партбилет с уплаченными взносами и проходили. В туалет. С этими гигиеническими заведениями на улицах Киева и в советские годы было туго. А в партийных домах они содержались в чистоте и порядке. Как, впрочем, и остальные помещения.

Говоря честно, кандидатура первого секретаря обкома в новых условиях выборов была заранее обречена. Прибыл он в Мурманск на волне горбачёв-

ской ротации кадров. Совсем недавно, с полгода назад. Новичка приняли не то что в штыки, но своим ещё не считали.

Аппарат старался. За считанные дни, что мы на машине, самолёте и вертолёте побывали в разных закоулках области, не было случая, чтобы номера в гостиницах не утопали в коврах, а холодильники не распирали от всевозможных яств. На пути следования – ни одного затора или снежного заноса. Както в тумане вертолёт пересёк финскую границу. Встречавшие – руководители района, командир дивизии и начальник погранотряда – успели порядком замерзнуть. Инцидент, насколько знаю, заглох, не дойдя до столиц.

Меня, доверенное лицо первого, тоже окружали заботой. Как на местах её понимали. Селили в номере с двумя холодильниками и двумя телевизорами. На случай, если техника подведёт. Но ни одного стола, даже тумбочки. Инструктор райкома очень удивилась моей привередливости. Втолковать, что мне не столько живот набивать да телесериалы смотреть, сколько описывать встречи делегата с избирателями предстоит – так и не удалось.

Гласность развязала языки. Новый первый секретарь Мурманского обкома на партийную работу был направлен с должности директора шахты на Дальнем Востоке. Люди на севере, в других окраинах страны всегда умели работать лучше, чем говорить. Однако для поросли демократов мой доверитель стал скорее символом, мишенью. Старались вовсю. Кочевали из одного красного уголка в другой, задавали одни и те же вопросы. С подковыркой.

С моим отчётом с предвыборного собрания, проходившего в городе, где прожил почти 10 лет, случился прокол. На трибуну поднялся человек – притча во языцех милицейского вытрезвителя. Смотрю, жив курилка! При его-то подвигах. Взобрался и стал жаловаться на мизерную пенсию. В комментариях я позволил себе возмутиться, дескать, мужик упорно не работал, пропивал зарплату жены, но всерьёз считает, что государство виновато и обязано. В отчёте я сослался на перифраз библейской истины о том, что кто не работает, тот пусть не ест.

Подкинул, сам того не желая, аппетитную косточку конкурентам и оппонентам. Профсоюзный деятель крупного комбината, то есть освобождённый от вкалывания и создания материальных средств работник (зато причастный к распределению путёвок, квартир и прочих благ) завопил на всех перекрёстках: кандидат от власти не уважает человека труда и не заботится о его старости!

Теперь-то, когда позади столько предвыборных компаний, понял беспроигрышность позиции тогдашних оппонентов. Рядовые избиратели не считают грехом пристрастие к выпивке. Политтехнологи сразу нюанс учли. А я, получается, подвёл своего доверителя.

РАВНОПРАВИЕ

Полковник, командир дивизии, расквартированной в Алакурти, на самой границе с Финляндией, обрадовался случаю посчитаться с журналистами. Весь накопившийся гнев обрушил на меня. Полковник пребывал в уверен-

ности, что пустые прилавки, забастовки шахтёров, падение производства – всё это спровоцировано газетами и телевидением. Не писали бы, не показывали бы – ничего такого и не было бы.

Столы военторговского кафе ломались от еды. Бутерброды с красной и чёрной икрой, отбивные размером с тарелку. В углу, законспирированные под минеральную воду, марочные коньяки. Эдакий вызов сходящей на нет антиалкогольной кампании. Изобилие предназначалось для областного начальства, в свиту которого я случайно попал.

Вышколенная официантка подбила итог на миниатюрных счётах. Никто из нас, включая полковника, не наел, не напил даже на рубль. Так, на копейки, на стоимость пачки болгарских сигарет.

Впрочем, когда касалось воплощения второй части святого лозунга – «...каждому – по потребностям», – всегда было чем восхищаться и в невоенно-зированных ведомствах. Не изгладились впечатления от посещения буфета в ЦК ВЛКСМ, ещё некоторых столь же закрытых точек общепита. В Киеве, Мурманске, Ленинграде. Просто в силу специфики некоторые нюансы в хозяйстве военных ярче бросались в глаза.

...По командировочному предписанию газеты Краснознамённого Киевского военного округа в начале семидесятых прибыл в Кривой Рог. Меня разместили в номере кэчевской (КЭЧ – квартирно-эксплуатационная часть) гостиницы, предназначенном для члена совета армии. В четырёхкомнатном, с залом заседаний, спальней, уголком отдыха. Номер за время командировки так и не обошёл. На сервис в виде телевизора, самовара, разнокалиберной батареи бутылок, бильярда – не обращал внимания. Меня больше беспокоило: как расплатиться за эту роскошь?

Напрасно истязал себя, растягивал на день бутылку кефира и булочку. Не то, что офицеры, обитавшие ниже и выше этажами в приспособленном под гостиницу жилом доме. По утрам и вечерам они сновали по лестничной площадке в поисках свободного санузла.

У кассы гостиницы – столпотворение. Ну, думаю, опоздаю на самолёт. Однако очередь на удивление быстро рассосалась. Да и чего там было считать? Такса за сутки с каждого проживающего, независимо от того, где он спал – в лейтенантском номере или в генеральских покоях, – 70 копеек.

С тех пор, как услышу залихватскую песенку «Как хорошо быть генералом», так вижу перед глазами квитанцию из той гостиницы. Жаль приложил её к отчёту о командировке, не догадался сохранить.

В ВОЗДУХЕ ПАХЛО ГРОЗОЙ

Повезло с семейной путёвкой. Жарким летом 1991 года оказались на Белгородчине, в межколхозном доме отдыха. Пустующем в сезоны посева и уборки. Здоровая пища. Без разносолов, но свежеприготовленная. Вечерами кино у видеозэкрана. Днём купание в озере, грязевые аппликации. Что ещё человеку с севера надо!

Спрятаться в сельской глуши от сквозняков, пронизывающих страну, не удалось. На второй или третий день проявился правдолюбец, депутат горсовета, учитель музыкальной школы из Апатитов.

Депутата всё раздражало. Сегодня котлеты, завтра отбивные, послезавтра опять котлеты. В репертуаре видеотеки мало отечественных фильмов. Депутат приставал к директору санатория с требованием установить на детской площадке вторые качели. Громогласно презентовал свои претензии в столовой, слал в Белгород и Мурманск злые телеграммы.

Мы так и эдак пытались вразумить активиста. Высмеивали, демонстративно уходили из столовой или кинозала. К счастью, путёвка у него была на полсрока. Так что целую неделю мы всё-таки вкушали отпускное блаженство. Насобирать шиповника в лесу получилось, а приборохлиться – нет. Магазины в райцентре сияли первозданной пустотой, разве что купил себе, жене и сыну зелёные куртки из толстого хлопчатобумажного материала. При ближайшем рассмотрении оказавшиеся рабочими комбинезонами производства местной швейной фабрики.

До Киева ехали на автобусе, через пол-Украины. Жара, духота, бензиновая гарь в салоне и за окнами. Слева и справа от дороги кланялись нам качалки, добывающие нефть, горели факелы попутного газа. В Киеве первый же знакомый по издательству «Наукова думка» огорошил новостью. Заведение осталась без парторганизации. Люди принялись повально писать заявления о выходе из КПСС. Назвал фамилии. Мои глаза всё выше лезли на лоб. Что ни деятель, – то ортодокс из ортодоксов. Один, помню, требовал призвать к ответу отщепенца, который в день всенародного траура по случаю смерти Леонида Ильича Брежнева ходил по коридору и песенки распевал. Другая изводила соседа по кабинету – у него в портфеле лежал «Один день Ивана Денисовича» сочинения клеветника Солженицына.

Все они вдруг и враз прозрели, заявления под копирку настрочили. Возмутились, в печати развернулась кампания по дискредитации коммунистов, а партия молчит. Поскольку партия не может защитить своих членов от нападок, члены считают себя вправе покинуть её ряды. М-да. Пока партбилет открывал дорогу к хлебным должностям, партия их целиком устраивала. Теперь пелена с глаз спала.

Часть пути домой, на север, опять провели в автобусе, – от Вильнюса до Риги. В Вильнюсе чуть не опоздали на автобус. Дежурного из камеры хранения на автостанции, куда сдали вещи вечером, никак не найти. По аэропорту Вильнюса, по автостанции ходили молчаливые плечистые парни с трёхцветными повязками на руках, – активисты движения «Саудюс». Когда в отчаянии, что пропадут билеты на автобус, обратился к самодеятельным стражам порядка за помощью, они пожали плечами и на чистом русском языке ответили, что их такие мелочи не касаются и не интересуют.

Елгава, родина легендарного микроавтобуса «РАФ», и столица Рига поразили обилием товаров на прилавках. Но продавцы требовали соответствующие талоны. Так и ушли ни с чем, хотя жене понравилась безделушка с янтарём посередине.

Неприятно поразил Ленинград. Сунулся было позвонить по межгороду в Киев, но на почте обещали лишь через час-полтора, а для междугородных телефонов-автоматов требовались пятнадцатикопеечные монеты. Попытался обменять купюру в магазине и ларьках. Не тут-то было. Порция гривенников нашлась, но по два рубля за штуку...

Пощипанные и обескураженные добрались до Ковдора. Утром – включили телик, а там одно «Лебединое озеро». Путч имени ГКЧП...

КОРNET ОБОЛЕНСКИЙ

Генератор идей, завлаб Геофизического института Кольского филиала АН СССР Владислав Борисович Ляцкий снял с обсуждения свою кандидатуру. Сослался на второй инициал в комплексе с фамилией. Пояснил: неизбежные ухмылки погубят дело. Вместо себя предложил скромного профсоюзного труженика Александра Оболенского. Пороха не выдумал и не выдумает, но шлягер о поручике Голицыне и корнете Оболенском даёт ему добавочные шансы. Опять же отсутствие его на работе не отразится на науке.

Институтский штаб Добровольного общества содействия Перестройке согласился с доводами и приступил к разработке плана действий. По недолгому размышлению решили не забивать головы избирателей замысловатыми программами да экономическими выкладками. Пусть другие кандидаты взывают к разуму. Штабисты сознательно опустили планку. Лозунг «Если хочешь счастья женского – голосуй за Оболенского!» украсил уличные заборы и машины кооператоров, золотом горел за спиной Александра Митрофановича на встречах с избирателями.

Шутка сработала! Сборщик профвзносов из академического института триумфально проскакал сквозь четыре тура предвыборной борьбы, обошёл генерала с незапоминающейся фамилией – командующего военным округом. И генерала от публицистики – Отто Лациса. Стал Народным депутатом СССР. В Москве на Съезде сработала ещё одна домашняя заготовка штаба. Скромняга из города Апатиты Мурманской области сам себя выдвинул в соперники М.С. Горбачеву за пост Председателя Верховного Совета СССР. Проиграл, но отхватил более тысячи протестных голосов. Наверное, они перепали бы Б.Н. Ельцину, но тот предусмотрительно снял свою кандидатуру до голосования.

Человек, заброшенный игрой случая на головокружительную высоту, первым делом теряет чувство юмора. Пока Оболенский требовал себе персональный чёрный лимузин с государственным флажком на капоте, квартиру с кабинетом в каждом из городов избирательного округа от Мурманска до Петрозаводска – штабисты посмеивались. Но когда депутат стал покрикивать на прежних сослуживцев и допускать их к своей особе исключительно в часы приёма, которые постоянно переносил, а если не переносил, то опаздывал, – терпение лопнуло. Ребята обиделись и отказались писать корнету от демократии тексты выступлений.

Звезда Оболенского на глазах померкла, а там и совсем скатилась с политического небосклона.

БАЦ, БАЦ И ВСЁ ПО СВОИМ

Монополию партии и цензуру, махрово процветавшие в советские времена, принято считать чуть ли не главной удавкой на горле гласности. Но чем дальше от того времени, тем яснее, что рычаги в руках власти зачастую вели к обратному результату – пропагандистским материалам люди всё меньше верили.

Об экономике, приведшей к развалу великой страны, пусть судят специалисты. А мы поговорим о пропаганде. Начнём с того, что четыре факультета, выпускавшие журналистов – в Московском, Ленинградском, Киевском и Уральском университетах – считались партийными наряду с историческими и философскими. Туда с улицы не принимали. Только проверенных лиц, желательно с рекомендацией райкомов партии. Правда, преподаватели факультета пытались доказывать, дескать, журналистика – профессия творческая, потому абитуриенты как минимум должны уметь писать и обладать некоторым культурным уровнем. Но кто их слушал? Когда мне наконец-то удалось перевестись с филологического факультета на журналистику, меня поразило обилие людей, с кем невозможно было ни пообщаться, ни поговорить о новом фильме, новой книге или даже о статье Аграновского.

Не удивительно, многие выпускники факультета журналистики не задерживались в газетах, на радио и телевидении. Среди тех, кого называли «золотыми перьями», кто умел внятно и доходчиво писать, были кто угодно – врачи, инженеры, учителя – только не журналисты по диплому. Это факт. Он зафиксирован не только Карелом Чапеком в эссе «Как делается газета», но и в личных делах ведущих журналистов советского периода. Как союзного и республиканского, так областного и районного уровней. Всё-таки газета – такое средство массовой информации, которое должно читаться, и значит, требует творческого подхода.

Примеры глупой пропаганды – артиллерии, которая бьёт по своим – встречались на каждом шагу. В солидном промышленном районе Мурманской области к каждой годовщине Октября местная газета выступала с почином – в смысле – организовывала, объявляла. Своими глазами читал призыв: «70-летию Октября – 70 ударных недель!». А в магазинах мяса, колбасы, сыра и водки днём с огнём не сыскать. Рыба, которая по настоянию обкома, ещё оставалась на прилавке, застревала в горле. Намеченные для освещения почина передовики бежали от журналистов городского органа, как от чумы. Никому не хотелось стать посмешищем в цехах комбината «Апатит». Однако газета упорно вела ударную рубрику, из номера в номер.

Или призывы ЦК КПСС к революционным праздникам. Как сейчас сказали бы – слоганы. Долженствующие вдохновить на ударную работу. В те годы

связь центра с областями поддерживалась исключительно по телефону и телеграфу.

Районные газеты могли черпать официальную информацию лишь по линии Бюллетеней ТАСС (почтовые переводы). Или перепечатывать из центральных газет. Обычно районки выходили три раза в неделю – по вторникам, четвергам и субботам. По чисто техническим причинам столь ответственный материал попадал лишь в номер на четверг. К тому времени большие газеты с животрепещущими призывами лежали на мусорниках. И на тебе – снова на первой полосе позавчерашний обед. Разумеется, ничего, кроме рвотных позывов, у читателей он вызвать не мог. Но райком доволен и редактор счастлив – от генеральной линии партии не отступили...

К чему я? Да к тому, что подобно гоголевской вдове, руководящая и направляющая партия столько раз, не понимая того, сама себя высекала, столько раз была сдуру по своим, что остаётся удивляться, как долго ей удалось продержаться у власти...

АКТИВИСТ ОУЧВа

Взносы я начал платить с 14 лет, с получением комсомольского билета. Постепенно количество моих ежемесячных и ежегодных долгов росло. ДОСААФ, общество «Знания», профсоюз и т. д. и т. п. Стал, а куда денешься, полноценным членом ОУЧВа – Общества уплаты членских взносов. Не скажу, чтобы взносы меня разоряли. Комсомольские, например, у школьников и студентов не превышали 2 копеек в месяц. Дешевле трамвайного билета.

Окончательно оформил членство в ОУЧВе, когда в 28 лет, на граничном рубеже пребывания в комсомоле, вступил в партию. Тут уж копейками не обходились. Прогрессивная шкала. Начиная с половины и одного процента зарплаты вплоть до трёх, – при получке в 300 рублей и выше. Приличная сумма набегала. Начальник обогатительного цеха Ковдорского ГОКа посчитал, что внёс за годы в партийную кассу стоимость «Волги». Или двух. На момент нашего разговора госцена «Жигулей» 8 тысяч рублей, «Волги» – 15.

При двойных северных зарплатах ежемесячный партвзнос всё равно был меньше платы за квартиру – вместе с водой, электричеством и прочими коммунальными услугами. Батареи источали тепло месяцев по девять-десять в году. Щедро грели, форточки не закрывались.

Мужики хранили партбилеты бдительнее значек. Дань партвзносов взималась с премии и прогрессивки. Сгонораров – тоже. Словом, желательно, держать красные книжечки подальше от глаз жены. После решительного декрета Ельцина о запрете компартии на территории Российской Федерации, мужья поприносили учётные карточки в дом, партбилеты – нет. Бережёного Бог бережёт.

В условиях севера люди спокойно платили взносы до копейки со всех видов заработка. Подумаешь, рубль туда, рубль сюда. А в Киеве деньги считали. В издательстве «Наукова думка» не было отбоя от желающих вступить в

народную дружину и посвятить порядку на улицах целый субботний вечер. Срабатывала пробивная помесь сознательности и экономического интереса. Дружиннику полагался месячный проездной билет на все виды городского транспорта. Стоил он 6 рублей – эквивалент почти двух бутылок водки.

Как-то послали меня по разнарядке райкома партии проверить, как сотрудники филиала музея В.И. Ленина (в этом здании теперь располагается Украинский дом) платят членские взносы. Приняли меня в музее так, как в Ковдоре личного посланника министра. Согласно инструкции, спросил о гонорах по линии общества «Знания» и других денежных организаций. Секретарь парторганизации музея сменил тему, заверил, что половина сотрудников отсутствует не из-за лекций на стороне, а по причине респираторных заболеваний, столь характерных для людей, вынужденных ежедневно напрягать головные связки.

Поневоле пришла в голову диссидентская мысль о том, что люди, обязанные по должности и месту работы тщательно блюсти заветы вождя мирового пролетариата, пребывают в уверенности, что партийный долг писан для всех вокруг, кроме них самих...

ГОРОД ДУРАКОВ

В начале семидесятых ощутил на своей шкуре последствия первой волны эмиграции евреев в Израиль. Уволиться – всегда пожалуйста, найти другое место работы – почти невозможно. Дёрнуло меня сунуться в «Ленинское знамя», газету военного округа. Лично убедился, что лучше быть евреем в антисемитском «Вечернем Киеве», чем штатским в военной газете. В общем, опять оказался без работы. Спасибо редактору «Юного ленинца», Г.И. Архиповой. Благодаря оплачиваемым командировкам детской газеты колесил по стране. Приближалось 50-летие образования СССР, СМИ нуждались в материалах, демонстрирующих нерушимую дружбу братских республик.

Пермь и Свердловск как нельзя лучше отвечали требованиям момента. Где ещё, как не в индустриальном регионе самой большой республики Союза искать героев, иллюстрирующих победную поступь братских народов? С удивлением узнал, что Свердловск, оказывается, поставлял снегоуборочную технику в Индию, там не могут обойтись в горах без рукастых уральских подборщиков. Пермь снабжала авиацию страны моторами, а телефонные будки – телефонами-автоматами.

Умудрился не оправдать доверия редактора. Нет, как и договорились, привёз очерк о герое труда со знаменитого Уралмаша, завода-гиганта, выпускавшего для главных строек страны шагающие экскаваторы. Но Галину Архиповну смутила фамилия передовика. Подбирая слова, она пыталась мне втолковать, что дети понимают всё буквально, и что если фамилия Героя Труда – Дураков, то юные читатели именно этот факт и запомнят. На процен-

ты трудовых достижений обратят внимание в последнюю очередь. Кажется, у меня хватило мудрости промолчать, не огрызнуться.

Смысл огорчения редактора дошёл до меня спустя три пятилетки. Бушевала Перестройка. Анекдоты из дотов и блиндажей кухонь выпорхнули на страницы газет, демонстративно шагали из передачи в передачу на радио и телевидении.

Дело было в Ленинграде. Собрался в гости к давнему мурманскому знакомому на ул. Ударников. Назвал таксисту адрес, а тот отчеканил: «Знаю, знаю, это в новом микрорайоне, – в городе Дураков».

Таксист выдержал паузу и смачно поведал, что в этом спальном микрорайоне всего четыре улицы – Ударников, Стахановцев, Передовиков и Героев труда. Удалённость от центра плюс названия улиц – вот и объяснение, почему там теперь прописаны не самые умные люди...

Таксист веселился от души, пока я не буркнул, что оплачу по счётчику и ни копейкой больше. Водитель не относил себя к дуракам, вкалывающим за одну зарплату. Насупился и молчал до самого дома.

ОТРАБОТАННЫЙ МАТЕРИАЛ

Курсы переподготовки журналистов при Ленинградской Высшей партийной школе запомнились исключительно по причине свободной – от редакционной текучки – головы. Сплошное ничегонеделание на лекциях и в перерывах. По вечерам – походы в лучшие театры культурной столицы России.

Радовало общение. Подружился с редактором Елгавской газеты Игорем Мовелем и его соседом по комнате, сотрудником сектора печати ЦК партии Латвии с запоминающейся фамилией – Ульянов. Они дуэтом меня убеждали, что латвийский национализм, – всего лишь внешний отголосок жажды свободы. В Латвии людей ценят за деловые качества, не обращают внимания на паспортные данные, в смысле национальности. Ульянов – коренной русский, Мовель – вообще еврей. А ему доверили руководить газетой чуть ли не во втором по значению после Риги городе республики.

Лиепая, бывшая Митава (столица Курляндского герцогства), и в советские времена не уронила марку. Производила микроавтобусы «РАФ». Игорь познакомил меня со своей женой – дочерью советского офицера-лётчика и латышки. Видимо, местные девушки быстро сориентировались за кого надо было после войны выходить замуж. В конце дружеской трапезы, и, что меня больше удивило, – утром, на свежую голову, дама дважды сообщила мне, что я – оккупант, ибо родился за пределами Риги и Латвии. Дразнилка меня оскорбила и не показалась такой уж добродушной.

Почти два десятка лет перед развалом страны я проработал за пределами Киева и Украины. Иногда рассказы о поступках общих знакомых сбивали с

толку. Всё равно был на стороне тех, кого клеймили как «украинских буржуазных националистов». Иных близко знал. Многие друзья словом и делом поддерживали отщепенцев. Кормили, давали приют. Или устраивали находящемуся под подозрением командировку на другой конец Союза. На полгода и год, пока ситуация не утихнет.

Не буду указывать пальцами и мотать головой. По разные стороны баррикад вдруг оказались родные и родственники, что уж говорить о приятелях. Однако сошлюсь на судьбу латвийских знакомых. Сведения о них приходили всё глуше и глуше, после 1991 года вообще прекратились. Они перестали писать и на письма не отвечали.

По косвенным сведениям, в том числе полученным от лучшего пера «Полярной Правды» Людэ Павловой (в Перестройку Людэ вышла на пенсию и променяла Мурманскую квартиру на квартиру в Лиенае), понял, что с обретением Латвией независимости обоим моим приятелям пришлось туго. Ульянова вышибли из ЦК вместе с партией. Он остался без работы и средств к существованию. Помнится, на курсах в Ленинграде, латвийские журналисты утро начинали с приветствия ему лично. Ни один из редакторов латвийских газет, а многие остались в своих креслах после обретения страной независимости, работу бывшему куратору не предложил.

Городскую газету в Елгаве закрыли, другой работы Игорю Мовелю не предложили. Жена, несмотря на то, что у них общая дочь, порвала с позорящим её, гражданку свободной Латвии, супругом.

НА ЛИХОМ КОНЕ

Перестройка вкатилась в выборы. Местные, всесоюзные, республиканские. Жить стало хуже, зато веселее. С утра до вечера в телевизоре и по радио – претенденты с претендентками. В былые годы кавалькады машин из области в глухих уголках Кольского полуострова редко наблюдались, а тут что ни день – призывы прийти на встречу в «красные уголки» предприятий, в кино-театр, в Дом культуры.

На первую должность в Российской Федерации претендовало несколько человек. Возглавил список бывший первый секретарь московского горкома партии Борис Ельцин. В каждой своей речи он утверждал, что все республики живут за счёт России, что она кормит свору нахлебников, поит бензином и обогревает газом.

Людам, задавленным дефицитом, очень даже ложились на душу слова, что если бы не дармоеды из союзных республик, в России давно настало бы полное изобилие. В подтверждение тезиса о том, что Борис Николаевич знает, как быстро добиться изобилия, – броские листовки и плакаты, отпечатанные на лоснящейся белой финской бумаге.

В центре плаката – фото спасителя. В цветном изображении. Прежде эдакой чести удостоивались разве генсеки ЦК. Цветными портретами, как церковью иконами, принято было украшать кабинеты начальства. А тут по улице не пройти, с каждой стены смотрят на тебя честные глаза главного претендента.

Бросающийся в глаза контраст с предвыборной агитацией его основного конкурента – бывшего предсовмина СССР Николая Рыжкова. Даром, что несколько лет был вторым человеком в стране, а фото – обычное, чёрно-белое.

Думается, цветные фото активно воздействовали на подсознание избирателей. В комплексе с обещаниями и с разоблачением республик-тунеядцев.

Даже сейчас цветные иллюстрации обходятся в разы дороже чёрно-белых, а тогда, более тридцати лет тому назад, и подавно. Однако деньги нашлись.

Интересно бы узнать, кто всё же раскошелится на предвыборную агитацию первого президента Российской Федерации?

МОЗАИКА ВРЕМЁН ПЕРЕСТРОЙКИ

Шерстил старые папки. Решил сжечь лишнее, всё то, к чему уже не вернуться. Оказалось, больше всего архивов – со времён Перестройки. Некоторые выписки всё-таки сделал.

Пусть в таком лоскутном виде они и останутся. Дóроги они ещё потому, что это были последние годы на Севере перед возвращением домой, в Киев. Подействовала угроза Председателя президиума Верховного Совета Украины Кравчука. Дескать, кто не вернётся к указанному сроку – он, Кравчук, не виноват и снимает с себя ответственность. Тогда я ещё не знал, что снимать с себя ответственность – профессиональная черта этого политика.

Итак, что же осталось от целой горы записей и черновиков?

... В первом же абзаце раскованного публициста из толстого журнала наткнулся на слово «недоукомплектованные». Дальше читать не смог.

... Старость – учил меня седовласый газетчик – это когда идёшь по Крещатику, навстречу – красивая женщина и она смотрит сквозь тебя. Крещатик вместе с Киевом отстоит от меня на две с лишним тысячи километров ниже по меридиану. Так что по сугубо техническим причинам пребываю пока в неопределённом возрасте.

... Титул у новомодного политика длинный и тяжеловесный, как разбойничья дубина. Обладая такой харизмой можно тёмной ночью ходить по лесу без оружия.

... Вобластном Союзе журналистов пообещали путёвку в Международный дом отдыха в Шиофоке, в Венгрии. Неужто, вечный вопрос шубы и сапог для жены удастся решить? Было бы здорово!

... Одинаково неприятно выступать в споре близких тебе людей в роли пастыря и пластыря.

... Когда ко мне обращаются с просьбой – мне делают одолжение. Мне! Отвечать на просьбу всегда легче. Это Кола-Бруньоновская формула до сих пор представляется мне верхом философии.

... Куда приятнее любить человека и ценить его за достоинства, чем стараться раскусить его недостатки.

... В массе своей читатели не читают статей и заметок, ограничиваются меню из заголовков.

... Андрей Вознесенский давно не интересен. Хочется глубины, а не поверхностных каламбуров. Каламбуричь и мы можем.

... У Троцкого со ссылкой на Ленина прочёл, что самый большой порок для политика – быть старше 55 лет.

... Май 1991 года. Наконец всем коллективом редакции вырвались на природу. Пекли картошку, запивали тем, что отоварили по талонам. Радости мало – отовариться удалось по минимуму.

... 1991 год. Август. Вильнюс. На заборе надпись латинскими буквами: «Иван – домой!»

... Интересно, что диссидентами (то есть инакомыслящими, людьми, не согласными с политикой государства) называли польских протестантов, выступавших с ревизией господствующей католической религии.

... Ежедневная суэта в редакции смахивает на энергичный бег в мешках. Выматывает физически, выщелачивает и вымывает из головы всё полезное.

... Ниже 40 градусов по Цельсию. Трасса вымерла. Мчимся к Белому морю, там теплее. У машины заклинило руль. Затем – спидометр. Затем ещё кое-что. Еле доехали.

... Книжки о Квитко, Бабеле, Пильняке и других писателях, попавших в сталинскую мясорубку, напоминают запоздалое надгробное слово. Не сказанное вовремя по причине запретов.

... Слабость высвечивает женщину изнутри, как ночная подсветка бывшего Киевского музея искусств (архитектор Городецкий) на бывшей Александровской улице.

... После долгой разлуки с первых же слов понимаешь, почему всегда вспоминал об этом человеке с удовольствием и почему с другим знакомым отношения не наладились.

... При встрече с родственным по духу – созвучным тебе человеком – охватывает радостное состояние душевной близости. Оно посещало в детстве и юности, посещает до сих пор.

... Ни расслабиться, ни сосредоточиться. Живёшь, как под репродуктором в аэропорту.

... Юношеские ощущения и впечатления продолжают жить с нами. Да, мы развиваемся, да, мы меняемся, но чаще всего, не покидая своей колеи. Просто милые складочки становятся морщинами. На том же месте.

... Горбачёв пытается опереться на народ, минуя партийный аппарат. Неужто получится? Во многих странах побеждала белая революция – революция сверху. А до эволюции, до постепенных перемен, мы вряд ли доживём. Или доживём?

... Один из создателей современных Соединённых Штатов Европы (Европейского Союза) бельгийский социалист Анри Спаак как-то прокомментировал речи советских представителей на трибуне ООН:

– Длинно, путано и сердито!

... Атмосфера страха опять крепчает. Каток выборов руководителей предприятий подминает лучших, не идущих на поводу у бездельников. Отстрел начальства, процветавший в тридцатые годы, вспыхнул в новых условиях.

Теми же руками – «органов» и прокуратуры. Они в неусыпных поисках виноватых. Неужто нет других способов поддержания равновесия в обществе?

... Герой фельетона дореволюционного фельетониста Власа Дорошевича бросился целовать еврея-абитуриента – за возможность безболезненно вычеркнуть из списков. Живуч пассаж авторитетного сатирика. Только вместо «еврея» надобно вписать другое существительное – «интеллигент». Даже если это понятие ко мне не относится.

... Сын, как подобает северянину, привык к консервам. За обедом предлагает: «Давайте сегодня откроем самый большой арбуз, а то завтра понедельник».

... Избитые фразы порой режут слух. Наверное, не следует писать: «Они дали клятву у вечного огня...». Невольный каламбур превращает высокое в фарс.

... Пошёл на разрыв в райкоме. Руганулся всласть. Давно не пацан, мог бы учитывать, что тут напролом не проходит. Но всю дорогу в обход да в обход – надоело. Хочется нормально психануть. Хоть иногда.

... Жаль, за последние три пятилетки мне только дважды довелось побывать по весне в Киеве, съездить в Пущу-Водицу и нарвать ландышей. Так что, не я Красной книге растений, а она мне должна.

... Эхо катастрофы в Чернобыле докатилось до Мурманска. Впервые за многие годы никто из коллег-журналистов на очередном семинаре не сказал мне: «Тебе хорошо, у тебя квартира в Киеве...».

... В окно общежития при высшей партшколе в Ленинграде заглядывает местная Андреевская церковь, близнец киевской. Правда, тут она называется Смольницкой. Табличка на заборе перед церковью бросает в дрожь: «Площадь Растрелли».

... Сотрудники редакции – почти сплошь выпускники высшей партийной школы. С запасом слов, полагающихся партийным публицистам. До вечера вправляю язык и всё без толку. С утра тексты опять состоят из «работы», «вопросов», наспех склеенных союзом «по» ... Повеситься можно!

... От мяса с колбасой и десять лет тому назад полки в магазинах не ломились. Зато теперь чтива – и какого! – вдоволь!

... Перефразируя наблюдения Ильфа, могу сказать, что возраст не повлиял на мои способности писать, скажем, о затмении солнца. Но на организацию этого затмения уже нет ни сил, ни желания.

... Любое насилие над законами – естественными или социальными – заканчивается для законов печально.

... Постоянно гнуть свою линию не получается. Волей или неволей порой уступаешь, идёшь, как заметил один старый газетчик, на компримусы (сиречь, компромиссы). Лучше бы уступать близким по духу, но где их взять?

... Пришла в голову мысль – запиши, не ленись. Потом, как ни припоминать, она выльется в приблизительные слова.

... Чем дальше, тем чаще хочется говорить вполголоса. Без всяких красивостей. И со всё большим количеством оговорок.

ДЕЛО ПРИНЦИПА

Ельцин и Полозков (возглавлял компартию РСФСР) побывали в 1990 году в Мурманске с разницей в пару недель. Выступали перед избирателями. Прикроешь глаза – будто одно лицо. Те же словесные обороты, тот же набор штампов.

Среди местных активистов, окруживших Ельцина и Полозкова, выделялся некий тип, всё время норовивший попасть в кадр, покрасоваться рядом с высокими гостями. Давно знаю его. Попортил он мне крови. Его, тогда заместителя редактора «Кировского рабочего», горком привлёк к рецензированию моей многотиражки. Секретарь горкома по идеологии всё-таки отреагировал на донос начальника цеха технологического транспорта по поводу двух зловредных евреев. Принял меры, в рамках своих возможностей.

Зам. ред. Шиганов исстарался. Часа полтора доказывал, что «Рудный Ковдор» разбазаривает дорогую площадь, помещает необязательные материалы. Мало того, потакает частнособственническим инстинктам, ратует за огородничество. В ущерб субботникам по озеленению города.

Что правда, то правда, вёл «Рудный Ковдор» такую кампанию. После урожая картофеля в средней полосе и после завоза подмороженной картошки из Польши. Читатели подсказали. Напомнили, что поморы издревле выращивали капусту и репу, что к сентябрю в наших краях у любителей вызревает даже клубника. А юго-западнее, в Алакурти, финны до войны сеяли рожь.

Все эти сведения в порядке не лобовой агитации публиковал из номера в номер. Долбил камень недоверия. Появились-таки сады-огороды вокруг Ковдора. Эстафету подхватили в Кандалакше, Апатитах, Кировске, даже в Мурманске. Нынче, друзья пишут, область до половины потребляемых овощей сама выращивает. Жизнь заставила.

Комиссия, собравшаяся по зову идеолога горкома, в туманную даль не заглядывала. Долбила меня почём зря. Особенно старался Шиганов:

– Разве газета может называться партийной, когда она о каких-то огородах пишет больше, чем о партийной учёбе!

– Факты? – спрашиваю. – Приведите!

– За полгода многотиражка отвела партийной учёбе всего 28 материалов, а садоводам – аж 29...

Спасибо заведующему отделом печати обкома Константину Владимировичу Полтеву. Специально приехал в Апатиты из Мурманска, прикрыл меня, спустил дело на тормозах.

Спустя годы рецензент оброс жирком, среди первых переориентировался. Постригся в демократы. Обслуживал Оболенского, поставил на Полозкова, затем на Ельцина.

Столь вольное обращение с принципами меня тогда удивляло. А Шиганов же из своих принципиальных колебаний извлёк реальные дивиденды. Дорос до поста главного редактора «Вечернего Мурманска».

СП И ЧП

Примерно за полгода до принудительной трансляции балета «Лебединое озеро» по всем центральным телеканалам, иначе говоря – до августовского (1991 год) путча, в Мурманской партийной организации случилось ЧП. Несколько офицеров областного управления КГБ и особого отдела Северного флота все враз подали заявление о выходе из КПСС. Беспартийным на таких ответственных постах не место. Нарушителей конвенции вычеркнули из списков личного состава и, поговаривали, уволили без выходного пособия.

А колесо истории закрутилось с невероятной быстротой. Повсходились неведомые прежде совместные предприятия – СП, с иностранным уставным капиталом. В Ковдоре некая бельгийская фирма решила заняться подъёмом... топляка. Сплавных рек в радиусе двухсот километров нет и вряд ли появятся, однако на представительских стендах СП демонстрировались изделия, как-то можно выточить из древесины, годами киснувшей в воде без доступа кислорода. Больше поразили непривычный джип «Тойота» у входа и компьютеры с факсами в офисе. Прямо, как в кино из забугорной жизни.

... Несколько часов кряду пил кофе и беседовал с главой новоявленного СП. Мешал межгород. Моложавый, военной выправки, хозяин кабинета произносил интернациональное «але» и сыпал, как из автомата, английскими и французскими фразами. Реже – по-русски, с упором на числительные в тоннах, кубометрах, цистернах. Цистерн больше всего, с горючим. Русский текст начинался со слов: «Здравия желаю, товарищ капитан первого ранга». Или заканчивался: «Будет исполнено, товарищ полковник!»

– Это с коллегами из местных СП! – объяснил мне человек с рукой на факсе.

С интервью заколдобило. Вроде не первый год в газете, а ни на один вопрос так и не получил внятного ответа. Наконец сообразил:

– Послушайте, вы не из тех полковников, которые год назад строем вышли из партии?

– А разве это имеет сейчас значение?

Согласился, сейчас – никакого значения.

СЛУЧАЙНОЕ СОВПАДЕНИЕ

Правом первой ночи на складах ОРСа (отдела рабочего снабжения) в Ковдоре пользовался ограниченный контингент лиц во главе с начальником БХСС (отдел борьбы с хищениями социалистической собственности и спекуляцией) райотдела милиции. Модницы городка извлекли пользу из создавшегося положения. Как увидят на супруге главного борца с хищениями обновку – бегут в магазин. В надежде поживиться тем, что осталось.

Долго ли, коротко – муженёк дорос до заместителя начальника райотдела. Отпраздновал назначение в кругу единомышленников и поехал добавлять на природу. Начало сентября – золотое время. Ночные морозцы подрезают ко-

марью крылья. Хочешь – собирай бруснику, хочешь – дыши в своё удовольствие. Или разведи костерок у речушки, пока сети наполнятся форелью.

Не доехал подполковник с друзьями до привала. Перебрал, не рассчитал силы. Врезался на лесной дороге в легковушку. У его спутников хоть бы царапина, а четырёх встречных пассажиров покалечил.

Хорошо, что подросли охотники за брусникой. Но пока добрались до ближайшей заставы, пока дозвонились в больницу, пока дотелепалась «скорая» – прошли долгие часы. Обратная дорога тоже не асфальт. В общем, дежурный врач не обнаружила у подполковника признаков алкогольного опьянения. Но взяла кровь на анализ. Как водится, порцию запечатали в пузырёк из-под пенициллина и отправили в Мурманск, в лабораторию.

Крепкая тара. Собственноручно экспериментировал, сбрасывал со второго и третьего этажа на бетонный пол. Ни царапины на пузырёке.

Анализ крови подполковника милиции разбился в пути, не доехал до Мурманска. Главврач райбольницы развёл руками:

– Пятнадцать лет, как отправляем в область анализы, тысячи посылок дошли нормально. Разбилась только одна бутылочка. Именно эта...

КОРМИЛИЦА И ПОИЛИЦА

Питьевой спирт не застал в продаже. Когда я появился на Севере, спирт перенаправили в отдалённые пункты, не связанные с Большой землёй железной или шоссейной дорогами. Разливали его в обычные поллитровки. Концентрация – 90 градусов алкоголя. В отличие от медицинского не обезвоженного спирта – у того 96 градусов. Или обезвоженного, для тонких производственных нужд – тут уже 98.

Водку с прожилками льда под стеклянной одеждой – пробовал. Ничего продукт, звонкий и полезительный. Если под стоящую закуску, то есть под колбасу или пельмени. С мясом на севере начались перебои ещё в конце семидесятых. Зато от рыбы – свежемороженой, копчёной, вяленой, консервированной – прилавки магазинов ломились. В столовой мутило от рыбных дней. В остальные дни тоже не легче, ибо обязательные «котлеты по-мончегорски» обозначали собой опять же рыбу, перемолотую пополам со свиной. Довольно сытное блюдо, если не нюхать.

Водка вперемешку со льдом появилась в Ковдоре в продаже после переселения популярного магазина из цоколя пятиэтажки в старую деревяшку, сопряжённую с неотапливаемыми складскими помещениями. Прежде в том здании размещалась городская библиотека. У бывшего культурного заведения сразу прибавилось почитателей. За «Горьким в стеклянном переплёте» выстраивалась очередь с 11 часов утра. С риском не выйти из давки живым. И такое случалось.

Лет десять спустя, на закате Перестройки, когда обещанные её прорабами перемены принялись судалаться с космической скоростью, я вернулся в став-

ший для меня родным город. В качестве редактора районной газеты, то есть лица, приближённого к районному начальству.

Покосившееся здание бывшей библиотеки давно ликвидировали – благодаря возросшим возможностям градообразующего горно-обогатительного комбината. А современная железобетонная стекляшка – винно-водочный магазин, – оказывается, исполняла в некотором роде и положительную функцию. Напрямую связанную с разумным, добрым и вечным.

Битый час сидел в кабинете председателя райисполкома, а поговорить о нуждах моих избирателей никак не удавалось. Председатель висел на телефоне. Попеременно звонил то в Мурманск, то в Петрозаводск – на ближайший к нам ликёроводочный завод. И опять в Мурманск. Со слёзной просьбой:

– Богом заклинаю! Учителям и врачам второй месяц нечем платить зарплату. Нет в банке дензнаков. Пришлите три, ну хотя бы один вагон водки. Об охране не беспокойтесь, срочно выехала. Войдите в положение, люди голодают!

ДВА ОЧКА

Железный занавес, точнее, железный тюль, сотканный из колючей проволоки, плотно отгораживал Мурманскую область от северных провинций Финляндии. Финская Лапландия и Кольский «Лапландский заповедник» расположены на одной широте, но попасть в резиденцию сопредельного Санта Клауса можно было только кружным путём, через Ленинград. В начале девяностых строгости поослабли. Делегация мурманчан поехала налаживать культурные контакты напрямую, через северное пропускное окошечко.

Вереница автобусов часа четыре тряслась на лесовозной грунтовке. У пропускного пункта, совмещённого с погранзаставой, мы размяли ноги и попытались избавиться от въедливой дорожной пыли. Ощущение такое, будто вывалились не из плотно закупоренных «Икарусов», а из гигантских пылесосов. Хоть пиши пальцем разные слова на чемоданах, сумках и спинах. Надо ли говорить, как мы обрадовались городским удобствам в казённом здании на финской территории. Зеркала, кафель, горячая и холодная вода, мыло в брусочках и тубиках, рулончики бумажных полотенец и пипифакса.

Чудеса сопровождали всю неделю. Широкие асфальтовые шоссе между городами то и дело утюжили поливочные машины, тщательно протирали и без того блестящее полотно. То справа, то слева по лесу прогуливались олени и лоси. Хотя и проштемплёванные, но живые, мало похожие на своих гипсовых собратьев с площадей Оленегорска и Мончегорска.

Денег членам делегации не полагалось. Принимающие организации накормили, поили и заботились о гостинице. Правда, хозяева позволили взять с собой для личного потребления по две бутылки водки да по блоку сигарет. Запаса спиртного, эквивалентного ста с лишним финским маркам (по ценам

чёрного рынка, в магазинах – дороже), вполне хватило для отоваривания людям, одуревшим от дефицита.

На обратном пути финны пропустили без особых придирок. Зато бдительность проявили родные таможенники и пограничники, по два часа мурыжили каждый автобус. Стой, надейся и жди. Ни поесть, ни стрельнуть сигарету. А вокруг июнь, время солнечных ночей. Не спрячешься за кустиками. Волей-неволей пристраиваешься к очереди у единственного удобства. В нём ни кафеля, ни воды, ни туалетной бумаги. Дворовый скворечник на два очка. Из всех достижений цивилизации снабжён только электрической лампочкой, укутанной железной сеткой. Но прибит светильник не внутри помещения, а снаружи.

Любознательные дамы поинтересовались у прапорщика, почему лампочка свешивается с козырька? Надо бы переместить. Или внутри тоже прикрутить лампочку.

– А зачем? Свет нужен, чтобы видеть, кто входит и выходит...

РЕНТАБЕЛЬНОСТЬ

Трёхцветный флаг взвился над главным административным зданием Ковдора на сутки позднее, чем над Кремлём. Дирекция фабрики спортивной одежды пожертвовала для столь важной государственной надобности тремя костюмами. Тут же последовали заказы из соседних районов. В результате месячный план фабрика провалила, ибо получала из Финляндии сырьё строго под стопроцентный выход готовой продукции. Без скидок на возможный брак.

На флагштоке флагу места хватило с лихвой. Чего не скажешь о новых арендаторах площадей в четырёхэтажном здании строгой административной архитектуры. Ещё недавно в нём свободно размещался райком партии и райисполком со всеми их отделами. А теперь разветвлённой сети руководителей района стало очень даже тесновато. Притом, что за считанные месяцы половина детских садов города была перепрофилирована под административные здания.

В боковой комнатке здания администрации оказался и я. Ещё по договорённости с райкомом, мне, как корреспонденту областной газеты, выделили помещение для корпункта. Сбылась-таки мечта идиота, пошёл на повышение. В моём ведении – три, а то и четыре района юга области, по площади, могущие поспорить с территорией европейского государства. Но главная прелесть в том, что в кои-то веки сбросил с себя груз текущих обязанностей и забот о редакции.

Не работа – лафа. Ни одного подчинённого, сам себе начальник и исполнитель. Некого убеждать и вразумлять. Хочешь, пиши. Не пишется – запас ма-

териалов без того солидный. Над тобой всего один начальник и тот за 300 км, если по автотрассе. По железной дороге – ещё дальше, плюс пересадка. Связь – по телефону или через стенографистку, если материал срочный. Об интернете и компьютере мы тогда имели чисто теоретическое представление.

Быстро ли, коротко ли, но районный совет, избранный на демократической основе, то есть из трёх-пяти претендентов на место, пожелал заслушать руководителей районных новообразований. Дольше всех говорил глава налоговой службы. В первой, теоретической, части выступления долго и нудно развивал мысль, позднее впечатанную в афоризм: «Уплати налоги и спи спокойно». Во второй поведал о том, как удалось набрать новый коллектив, решить вопросы с мебелью и оргтехникой, разместиться на двух этажах бывшего управления бывшего горного комбината. Пробить отдельный вход, чтобы лишить посторонних доступа.

Выступавшему показалось, что депутаты недостаточно бурно приветствовали достижения отряда налоговиков. Он взял быка за рога, привёл цифры успехов. А они сводились к тому, что всего лишь за три месяца ударной работы его службам удалось собрать средства, достаточные для годовой зарплаты и премий личному составу. Оставшиеся девять месяцев налоговики приносят району и государству чистую прибыль!

Для достижения столь сногшибательных показателей не требуется обслуживать тысячи единиц горнодобывающей и обогащательной техники, как на градообразующем предприятии. Не нужно содержать свиней и коров, как в подсобном хозяйстве. Можно обойтись без электроэнергии, муки и пара, как на хлебозаводе... Нет, таких выкладок налоговик вслух не приводил. Они остались в подтексте. А в тексте – стало ясно и понятно, какое учреждение на карте района полезное и рентабельное. От кого наибольшая польза.

Не удержался, попросил слова. От имени себя и своих избирателей высмеял экономиста. На сессии высмеял. Под одобрение депутатов. Президиуму пришлось несколько раз переделывать заранее заготовленную болванку решения сессии. Вечером наш собкор продиктовал в областную газету стенографистке фельетон.

День проходит, второй. Звоню, спрашиваю. Редактор объясняет, что печатать моё ехидство не будет. Мол, нельзя так в лоб и по лбу лупить по нарождающимся важным государственным органам...

Много воды с тех пор утекло. Но критика в адрес налоговых органов попадает на глаза ещё реже, чем в трескучие годы «порочащие» материалы о высоких чинах в партийной иерархии или о сотрудниках госбезопасности.

В пору задуматься: с чего бы это?

МОБПРЕДПИСАНИЕ

Об умственных горизонтах работников военкоматов составил собственное мнение, когда достиг призывного возраста. Неделю или две гоняли меня по Киевскому Подолу, приказали разносить под расписку повестки. Занятие мурное, но не обидное. Война ещё свежа в памяти, от армии никто не скры-

вался. Наоборот, отсрочка по здоровью воспринималась пятном на биографии.

Прежде, чем вручить очередную пачку повесток, офицер подробно объяснял, по какой улице идти и куда завернуть. Человек приезжий, в названиях путался, но запомнил нестандартные приметы, по ним и ориентировался. Долго втолковывал мне, что нужно повернуть на Фроловскую улицу около памятника Шолом-Алейхему. Я его перебивал, офицер терпеливо начинал сначала.

В те годы переименования довоенного времени местами ещё сохранились. Мой район, правда, вернул себе исконное имя, но улица Константиновская называлась ещё ул. Шолом-Алейхема. Другие старые улицы – Межигорская, Введенская, Воздвиженская – тоже носили еврейские фамилии – в память о дореволюционной черте оседлости.

В скверике, многожды перекапываемом и недавно уступившем место очередному новоделу под старину, почему-то высился бюст Мичурина. Преобразователя природы мой работодатель принял за Шолом-Алейхема. А как иначе? На улице писателя и бюст в честь его!

Давний эпизод всплыл в памяти через много лет и за много километров от Киева. В Ковдоре, на границе с Финляндией. Благодаря мобилизационному предписанию. Письменному.

Военкоматовский майор послал гербовую бумагу в адрес администрации местного леспромхоза с требованием предоставить грузовой МАЗ-509 с прицепом *«для осуществления контрольного пробега в 500 км для проверки состояния техники»*. Никак не иначе. С недвусмысленной припиской: *«за некачественное или неполное выполнение наряда на поставку техники виновные несут ответственность по закону»*.

Кто ни разу не видел, как по северным дорогам вывозили лес, – тот ни с чем страшным в жизни не сталкивался. В кузов грузили хлысты – освобождённые от сучьев брёвна. Грузовик разгоняется и шпарит, не останавливаясь, вверх-вниз по сопкам. Стоит завязнуть – весь воз леса долой в кювет, иначе куковать до второго пришествия. До прибытия подъёмного крана, а он один на всё хозяйство, водитель жмёт, хлысты бьют по выдолбам дороги, оглашая округу усиленным в тысячу раз звуком кнута деревенского пастуха.

Майор лично сел в кабину лесовоза и показывал дорогу. Справился. Доставил груз на станцию. Там поджидал вагон для отправки леса на Украину, по месту его жительства. Маленькая житейская хитрость майора заключалась в том, что он соединил приятное с полезным. Полезное – это проверка техники, на случай мобилизации, а приятное – вывоз лес, лично на корню купленный.

Провёл я, как теперь говорят, журналистское расследование. Убедился: для военкомата подобные мобпредписания не в новинку. Когда горисполком выделил учреждению новое цокольное помещение – тут же были вызваны на военные сборы из треста «Ковдорстрой» бригады сантехников и отделочников. Они мигом привели комнаты в божеский вид. Под тем же соусом можно, оказывается, вывезти и вагон с лесом. На то вокруг и Перестройка, с её кооперативами и разрешённым предпринимательством.

От себя добавлю, не будь Перестройки, кто со мной в районном и областном военкомате разговаривал бы? Кто бы позволил «лить грязь на нашу славную армию?» Знакомая логика. Позорить честь мундира втихую можно. Делать такие факты достоянием гласности – нельзя.

Интересно, если при окончательном переходе на профессиональную армию сократят военных, комиссариаты, в чьих руках останется такой указующий жезл, как мобилизационные предписания?

АВТОГРАФЫ МАКСИМИЛИАНА ВОЛОШИНА

На летний полевой сезон в Ковдор слетались стаи геологов и геологинь, большей частью – москвичи из закрытого Института редких металлов. Размещались по общежитиям да по квартирам горожан, вывозивших бледных северных детей ближе к солнцу. По осени мать инженера опытной фабрики Виктории Новожиловой недосчитывалась редких книг в домашней библиотеке. Исчезли с концами первые прижизненные издания Сергея Есенина, отпечатанные в военных типографиях, подведомственных Троцкому. Когда мне довелось побывать в гостеприимном доме, раритетов на полках почти не осталось. Разве что томик Маяковского «Я – сам», 1915 года издания, с вклеенным под обложку некрологом из «Известий». Поминальный текст венчал любопытный пассаж. Дескать, нехорошо поступил Владимир Владимирович, самовольно покинул ряды строителей будущего. Но ничего, «ему на смену идут стройные ряды пролетарских поэтов».

Привёз в Киев неплохую коллекцию Кольских самоцветов, многие из них – подарки Виктории Васильевны, её подруги и коллеги Татьяны Николаевны. Но лишь перед самым отъездом из Ковдора узнал трагическую историю этой гостеприимной семьи. К тому времени хозяйка похоронила мать, сама стала бабушкой.

Родители Новожиловой – коренные крымчане. Отец, Василий Васильевич, – русский, мать – гречанка. Отец преподавал математику в Симферопольском университете, мать работала в библиотеке. Давняя дружба, ещё со студенческих лет, связывала отца с Максимилианом Волошиным. О чём свидетельствуют автографы поэта, с посвящениями и без, его акварели.

В войну отца оставили в городе для связи с партизанами. По освобождении его наградили орденом. Вряд ли Василий Васильевич сообщал в центр, что некоторые свои задания совмещал с посещением Коктебеля. Пешком или на перекладных приносил продукты Марии Степановне, вдове своего друга.

Вскоре после освобождения Крыма Берия приступил к депортации татар. Заодно, что менее известно, и других «антисоветских элементов». Их определяли по пятой графе в паспорте – армян, греков, болгар, немцев. А также турецких, греческих, иранских подданных. Пришла оскорбительная повестка матери семилетней Виктории. Отец взял бумагу, надел награды и пошёл по инстанциям. Отстоял. Но через три года отца не стало.

Не успел свежий холмик на кладбище обветриться, как о маме вспомнили. Дали несколько часов на сборы и выдворили за пределы области. Как ей уда-

лось при этом вывезти часть домашней библиотеки и другие реликвии – остаётся только догадываться.

Дочь вырастила, дала образование. Правда, не университетское. В горном институте стипендия повыше и не так придирчиво родословной студентов интересовались. А что Вику направили работать на Кольский полуостров, на противоположный конец меридиана – думала временно. Оказалось, на всю жизнь.

ШТАМПЫ И ШТАМПИКИ

В дореволюционном журнале «Сатирикон», осенённом талантом Аркадия Аверченко, много места отводилось защите языка от пошлости и штампов. Журнал из номера в номер вёл рубрику «Потёртые пятаки», посвящённую давно потерявшим изначальную свежесть фразам и потому ничего не выражавшим. Не заставляющим читателя остановиться и задуматься. Пролетающим мимо сознания, «как фанера над Парижем». Уж извините за современный аналог потёртых пятак.

Что правда, то правда – человеку, жаждущему «глаголом жечь сердца людей», считалось неприличным употреблять стёртые выражения. С головой выдающие низкий уровень профессионализма и квалификации журналиста.

Выписал первые попавшиеся «пятаки» из того списка. *«Он прижalsя горячим лбом к холодному стеклу». «Волосы зашевелились на его голове». «Кровь стыла в жилах». «Солнце золотило верхушки деревьев». «Руки повисли, как плети». «Он побледнел, как стена». «Перед ним зияло дуло пистолета. В одну минуту перед ним пронеслась вся его жизнь...».*

... В девяностых годах прошлого века в мои руки попал документ, возносивший безликие идиомы на пьедестал чуть ли не образцовой изящной словесности. Многостраничный комплект кубиков фраз, которыми рекомендовалось насыщать – цитирую заголовков – «Материалы по подготовке документов». То есть болванка для написания докладов, отчётов и прочих официальных бумаг райкома. Потребителям этой словесной продукции надлежало не думать, а токмо исполнять. Указанный документ оказался в стопке бумаг одного из киевских райкомов партии, перевезённый в каморку какой-то конторы да там и позабытый.

Даже беглого знакомства с рекомендуемыми текстами было достаточно, чтобы понять, почему передовые статьи «Правды» или «Призывы ЦК КПСС» к праздникам отскакивали от сознания читателя, как теннисные мячики от стенки.

Судите сами. При «отражении недостатков», следовало пользоваться такими словесными оборотами: *«Далеко не всё делается...», «Оставлено без внимания...», «Не наведён должный порядок...», «Низкая эффективность...», «Медленно внедряют в практику...», «Затягивается разработка...», «Не сокращается количество...», «Не сделали соответствующих выводов...».*

Для «отражения положительных сторон» – свои слова-наклейки: «Предпринятые меры...», «Дальнейшее развитие получили...», «Наметился качественный сдвиг...», «Сложилась новая эффективная форма...», «Всё это позволяет...», «В результате осуществления широкого комплекса мер...», «В ходе практического решения этой задачи...».

Кстати, о задачах, то бишь о планах на будущее. Им было отведено две с половиной страницы из семи. Вчитаемся. «Считать одной из первостепенных задач...», «Усилить внимание...», «Всемерно повышать...», «Обратить особое внимание...», «Усилить влияние... повысить уровень...», «Строже спрашивать...», «Одной из ключевых проблем считать...», «Ускорить подготовку и внести на рассмотрение...», «Этой цели должны быть подчинены...», «Опираясь на богатый опыт...».

Пробежали глазами? Не откладываете в сторону. Сверьте со стенограммой различных пленарных заседаний с высказываниями иных радетелей за благо народа... И сами решите, можно ли верить заверениям да обращениям в безликой упаковке из словесных штампов и штампиков? Всерьёз они нам вещают или жеваную лапшу на уши вешают?

Пудрят мозги, так сказать.

«НАШЕЕ – ПУСТЬ ПОЛЕЖИТ!»

На севере брусника в сентябре, перед снегом и морозом, мне напоминала вишню. И по цвету, и по вкусу. Уже который год всё наоборот. Спелая вишня кажется похожей на бруснику. С той разницей, что бруснику собирать приходилось, чуть ли не на корточках. Надаивать с веточек тёмно-красные ягоды. Вишни отрываете, стоя на цыпочках и притягивая ветки к земле.

Поймал себя на том, что прохожу мимо собственного вишнёвого сада, очерченного забором. Всё норовлю сначала обогнуть деревья, растущие на нейтральной территории. Бросаю исходящие соком ягоды в рот, а фраза, давно засевавшая в мозгу и явно к вишням не относящаяся, всё не вспоминается. Писатель В. В. Конецкий сравнил попытку припомнить давно забытое с застрявшей в зубах воловьей жилой. Вроде и не мешает жевать, а всё равно отвлекает и отвлекает на себя внимание.

Наконец поймал полузабытое за хвост. Начало девяностых годов. Год или два, как вернулся с Севера в родной Киев после длительной отлучки. Перебои с топливом. И это в Украине, где дороги в Полтавской, Сумской, Черниговской и Харьковской областях пронизывают полчища нефтяных качалок, рядом жёлтые языки пожирают сопутствующий газ.

Тема для сотрудника автомобильного журнала животрепещущая. Нефтяники жаловались, дескать, если бы государство не урезало ассигнования на разведку залежей углеводородов, Украина могла бы резко уменьшить зависимость от импорта. Кадры подготовлены. Высшее учебное заведение, по-

ставляющее кадры для нефтяников и газовиков, расположено не где-нибудь, а в Ивано-Франковске.

Поддерживаю разговор: газ пришёл в Киев (до сих пор перед глазами праздник в нашей квартире на Подоле, где газ стал первым и единственным из удобств) именно из Дашавы. Восточные отроги Карпат явно хранят в себе много углеродных богатств. Собеседники соглашаются. Дескать, иначе и быть не может. Но! И в этом суть. Западные геологические власти придерживаются особого мнения. В изложении на житейском языке оно звучит: «Наше – пусть полежит!». Жаль, фраза в переводе с украинского, потеряла половину своей экспрессии.

Пока обрывал вишни за забором, фраза всплыла в мозгу в своём первоначальном варианте. Оправдав наблюдение низвергнутого классика о том, что бытие определяет сознание. Вишни на придомовой делянке от меня никуда не убегают, а за забором их могут оборвать. Ноги сами собой привели меня сюда. Сработал инстинкт. Становлюсь собственником.

«ХАБАРОВСК-НА-ДНЕПРЕ»

Рубль падал, доллар взлетал. Стоил уже несколько десятков деревянных, и останавливаться не собирался. А тут ещё из Киева пишут, что бывший главный оппонент Руха, ведущий пропагандист и второй секретарь ЦК КПУ Кравчук, возглавив независимую Украину, издал указ, из которого значило, что, если кто не успеет к концу года вернуться в Украину, он, Кравчук, не виноват. Пришлось приватизировать и продать квартиру в Ковдоре. Иначе было не оплатить переезд семьи в Киев. Ещё недавно зарплаты вместе с отпускными с лихвой хватало на смотаться туда и обратно, прикупить витамины, да кое-что из одежды. Теперь месячного заработка на дорогу до Кандалакши, до первой узловой станции, – не хватит...

В общем-то, легко отделался. Более-менее легко. Устроился в родном Киеве на работу, стал привыкать к формуле три «д» – доедаем, донашиваем, доживаем... Купоны-карбованцы догаллопировали до миллиона и перевалили. Ни о каких приобретениях речи не могло быть.

Прописываться в забронированной по случаю работы на Севере квартире пришлось довольно долго. Сложности начались через несколько лет, в период обмена советских паспортов на украинские. Сдал четыре документа – отца, жены, сына и свой – в паспортный отдел ЖЭКа и стал ждать. Как обухом по голове! Отцу новый паспорт выдали, моей жене, уроженке Череповца, – тоже. Амне и сыну в гражданстве отказали.

Пошёл искать правду. Добился приёма у начальницы паспортного отдела райотдела милиции. В чине полковника. Трудно общаться с человеком, который смотрит сквозь тебя и не слышит твоих аргументов. Хотя бы такой: мне, единственному из четырёх членов семьи, метрика выдана в Киеве, по месту рождения.

Кстати сказать, до отъезда на Север и после возвращения, во всех киевских редакциях, где довелось работать, я был чуть ли не единственным уроженцем

Киева. По линии предков по отцу – киевлянином в четвёртом-пятом поколении. Как минимум. Обитали они в черте оседлости. В районе, что при литовцах-поляках и был собственно Киевом. Подол присоединили к Городу, наряду с Печерском и Киево-Печерской лаврой, при Николае I. Заодно при нём снова заселили Гору, где во времена Киевской Руси располагался детинец вместе с Золотыми воротами.

Вряд ли я переживал бы по поводу капризов госпожи полковницы, если бы дело не касалось сына. Он к тому времени учился в Харьковском госуниверситете. Отсутствие паспорта гражданина Украины могло нехорошо отразиться на его статусе. Пришлось напрячь силы и пойти по городским паспортным инстанциям. Не знаю, то ли убедительно составил жалобу, то ли возымела действие моя работа в автомобильном журнале, издаваемом милицией, но вскоре документ мне выдали. Сыну – тоже.

О том, что Киев ещё до моего отъезда на север называли «Хабаровском-на-Днепре» (от украинского слова «хабар», то есть взятка) – я знал. Но что мздоимство доведено до такой виртуозности сомневался до истории с собственным паспортом гражданина Украины.

ОДНА СТРОКА

У старых газетчиков полно историй о том, как одно слово или строка, механически вычеркнутые из текста самоуверенным литературным правщиком, ставили смысл репортажа с ног на голову. Убелённые сединами коллеги вставят байку о жутких репрессиях из-за провалившейся при печати буквы «Л» в слове «Главкомандующий». И пошло – поехало. Следом припоминают оттепель и застойные годы. Никого, слава Богу, не расстреливали. Но весь секретариат редакции республиканской газеты вместе с дежурным редактором и «свежей головой» вылетели с работы из-за случайно выброшенной верстальщиком строки про то, что выступавший на Пленуме был не только первым секретарём партийной организации республики, но ещё и членом политбюро ЦК КПСС...

Но может ли одна вычеркнутая строка изувечить целый роман в триста с чем-то страниц? Может. Обиднее всего, что случилось это в эпоху торжества гласности, в 1991 году.

Книга киевлянина по рождению Анатолия Васильевича Кузнецова «Бабий яр» в Советском Союзе издавалась четыре раза. И все четыре раза в разных редакциях. Сначала с пометкой «журнальный вариант» она была опубликована в трёх номерах популярнейшей «Юности». На следующий год вышел в московском издательстве «Молодая гвардия». Вскоре произведения А. Кузнецова изъяли из библиотек – в отместку за бегство автора на Запад. Вновь издали роман на родине только в 1991 году. В Москве тиражом в 100 тысяч экземпляров и в Запорожье издательством «Интербук» – тиражом в 200 тыс. экземпляров.

Зафиксируем, чтобы потом не возвращаться. Тираж «Юности» во время публикации романа – 2 миллиона экземпляров, «Молодая гвардия» взрывоопасную книгу выпустила тиражом в 150 тыс. экз. Оба названных посмертных отечественных издания (умер писатель в 1970 году) воспроизвело эмигрантское лондонское издание.

Анатолий Васильевич объяснил, почему решил опубликовать произведение в эмиграции. Обращение «К читателям», предваряющее роман, заканчивалось справкой, цитирую:

«Различия в настоящем издании сделаны так:

Обыкновенный шрифт – это было опубликовано журналом «Юность» в 1966 году.

Курсив – было вырезано цензурой тогда же.

Взятое в скобки – дополнения, сделанные в 1967–1969 гг.».

Слова, строки, абзацы и страницы, набранные курсивом в лондонском и московском изданиях, ярко высвечивают идиотские установки прежних блюстителей идеологической нравственности. По мне, я ввёл бы историю издания романа Кузнецова отдельным спецкурсом на филологических и журналистских факультетах университетов. Больше никаких экскурсов не надо. Яснее не скажешь о том, как власти боялись своего собственного народа и правды.

Все названные издания стоят у меня на полке рядом. Вместе с вырезками из газет, дружно ополчившимися на Кузнецова после его эмиграции. В статье, судя по шрифту, напечатанной «Комсомольской правдой» за подписью Гр. Огнев, в двухколоночном разное в «Литературной газете», учинённым редактором «Юности» и автором «Повести о настоящем человеке» Борисом Полевым (ему-то уж чего было бояться?), отщепенца поносили разными грязными словами. Но ни разу не упомянули о романе «Бабий Яр». Не иначе, само название книги старались придать забвению.

Казалось бы, с выходом в свет полного текста романа-документа на родной Украине справедливость была восстановлена. Пусть тиражом в разы меньшим, чем начальная фальсификация, но всё-таки.

Напрасные надежды! Неизвестное дотеле издательство из Запорожья умудрилось вбить свой осиновый кол в могилу автора многострадального произведения. Запорожцы (фамилии редакторов в книге приведены, так же как и типография, отпечатывавшая тираж) умудрились в отличие от москвичей сократить перепечатку лондонского издания романа всего-то на одну строку. Помните, Анатолий Кузнецов написал, что *курсивом выделены места, вырезанные цензурой при первой публикации*. Именно эта строка и не вошла в авторское предисловие. Запорожцы, соответственно, «выпрямили» текст, который автор посчитал нужным набрать курсивом. Притом, в сопроводительной справке издатели не преминули сообщить: «печатается по тексту издательства «Посев».

В запорожское издание вклеена «Программа фонда «Память Бабьего Яра», составленная «Украинским республиканским обществом еврейской культуры». Тогда его возглавлял И. М. Левитас. При случае спросил Илью Михай-

ловича, как же он мог благословить надругательство над многострадальным романом и над волей автора?

– Зато мы в то сложное время издали полный текст романа. А кто пожелает, возьмёт журнал «Юность» и сам сверит...

Ну, что тут будешь делать! Ещё печальнее, что в Киеве, в родном городе писателя, роман-документ «Бабий Яр» так и не был издан.

НАС НЕ НАДО ЖАЛЕТЬ

Не скажу, что моему поколению выпали счастливые годы. Но нашим родителям довелось намного труднее, это точно. Они были обделены самыми минимальными условиями для жизни.

Как большинство потомственных киевлян, я рос в коммунальной квартире. В одной комнате ютились отец с мамой, бабушка, и мы с братом. На ночь раскрывали раскладушки, днём их подвешивали к стенке. Колонка с водой во дворе. Туалет на три очка обслуживал два трёхэтажных дома.

Об одежде говорить нечего. Любая обновка – будь то парусиновые туфли на микропорке и курточка-бобочка с молниями на карманах – запоминалась надолго. Могу по минутам воспроизвести редкие походы в обувной магазин за покупками или к тётке Соне-портнихе.

Что же касается одежды родителей и их сверстников, то вот эпизод, вернее, рассказ демобилизованного солдата. Лето 1945 года.

– Понимаешь, – говорит, – в каждом доме у немцев или венгров, румыны – те победнее, – в каждой квартире стоит шкаф! Раскрываешь, а в нём одних женских платьев двадцать штук!

Ещё бы не впечатлило такое богатство. Моя мама всю эвакуацию проходила в латаном-перелатаном платье, зимой и летом носила берет из выгоревшего сукна. У меня второй костюм и вторая пара туфель появились, когда давно работал и перешагнул предел комсомольского возраста – 28 лет. Бахрому на штанах регулярно подстригал и подшивал, на свет глядел – не протрутся ли хотя бы ещё месяц?

Всё равно детство и юность вспоминаются, как светлая пора, густо пронизанная праздниками и радостными событиями. За час прогулки по городу, мы, пионеры, насчитали десять встречных отечественных машин «Победа»... Целый месяц на летучих собраниях болельщиков у стадиона «Динамо» смаковали, как наш вратарь Зубрицкий отбил пенальти, а их Хомич – пропустил... Впервые взял девушку под руку... А голубой огонёк газовой горелки? ... Он зажёгся в коридоре, превращённом в кухню, от его бесшумного пламени трудно было глаза оторвать. Сверху поблёскивал цифрами газовый счётчик, тоже не стоивший моим родителям ни копейки. Платили только за потреблённые кубометры газа.

Недавно дочь соседа по даче рассказала, что прочла замечательную книгу – «Три мушкетёра», а в классе поделиться не с кем. Никто толстых книг не читает. Нашб-А в её возрастве играл у б-Б право первым прочесть «Двенадцать стульев» Ильфа и Петрова. Всю неделю на уроках мы передавали друг

другу страницы, подвергаясь наказаниям со стороны преподавателей. Особенно придиралась за посторонние занятия учительница истории. Оставляла после уроков. Мы ведь учились на третьей смене, без того приходили домой в десять-одиннадцать вечера.

От школы до пенсии я жил общими со всеми заботами. Это была моя жизнь и моё время. Потому имею полное право громко говорить о том, что портило настроение. О мелких и крупных недостатках в родной пробирной палатке, как сказал бы незабвенный Козьма Прутков. Не потому, что хочется плюнуть в своё прошлое. Оно у меня одно и другого не будет. Исключительно по причине соображений, что точно так же думал и поступал тогда, потому сейчас имею право, как участник событий.

Смотрю со стороны. Сравниваю и сопоставляю. Понимаю, теперешним безусым, как во все века, «минуса от плюса никак не отличить». Тем не менее, на месте молодых не ругал бы прошлое – моё прошлое, а сосредоточил бы усилия на сегодняшнем и будущем. В годы брежневского застоя был популярен анекдот. Дескать, для того, чтобы холодильник наполнился продуктами, надо его подключить к радиосети.

Мало что на дворе изменилось. О счастливой поре, о торжестве демократии узнаём исключительно из телевизора. А так хочется самому на зуб попробовать.

КРЫЛАТЫЕ СОСЕДИ

«Птичка Божия не знает ни заботы, ни труда» – хрестоматийная дезинформация. В этом уверен научник (научный работник) Кандалакшского природного заповедника Феликс Николаевич Шкляревич. Парень с Украины. После окончания университета получил направление на острова Белого моря и прикипел к ним. К их пернатым обитателям.

Полярное лето – короткое, зато жизнь бьёт ключом все двадцать четыре часа в сутки. Благо солнце не заходит, а бегаёт по горизонту, как привязанное. Если повезёт, можно наткнуться на маленькую чайку – полярную крячку. Великую путешественницу, каких на нашей планете не так уж и много. В середине июня полярная крячка прилетает на Кольский полуостров с побережья антарктических морей, оставив под крылом свыше 20 тысяч километров – более половины длины экватора. Едва отдышавшись, крячка выводит птенцов, выучивает их летать и снова в путь – вдоль побережья Европы и Африки.

У обитательниц приморских птичьих базаров нет времени для тщательного обустройства гнезда. Кладут яйца, где попало. Иные крылатые мамы, например, морские утки, отчаявшись отыскать подходящий мягкий мох, рвут на себе волосы, то есть перья. Устилают ими гнездо. Этих уток ещё называют гагами. Ничего более лёгкого и менее теплопроводного, чем гагачий пух, человечество не изобрело. После отлёта птиц пух собирают по граммам, вшивают в подкладку одежды полярников.

В войну школьники Заполярья собирали для госпиталей яйца чаек. Тысячами штук. Упомянутый мной научник, он же орнитолог, считает, что чайчьи

яйца по вкусу не отличить от куриных. Рыбой не пахнут. Во что я не поверил, ибо даже брусника на острове Медвежьем отдавала морем.

Морские чайки, не в пример речным и озёрным, – громадные птицы. И умные, как вороны. Они быстро поняли, что на помойках и свалках легче найти пищу, чем в море. Если бы не подрастающие чаёныши – так поморы величают птенцов чаек – давно перебрались бы на сушу. Слава Богу, природный инстинкт берёт своё. Птичьи мамы (или папы – кто их разберёт?) учат громкоголосых недорослей плавать, взлетать с воды, а во время отлива ковыряться в водорослях.

Чаёныши с разинутым кошельком-клювом напомнили мне скворчат. Даже цветом оперения похожи – серовато-голубые. Быстро вымахивают ростом, с родителей. Не просят, а требуют пищи. Кажется, даже голоса у них одинаковые. Произносят что-то вроде усечённого: «Дай!». Тянут и тянут: ай-ай-ай! Букву «д» ни те, ни другие не выговаривают.

Как только нам дали квартиру в Киеве на Оболони, отец прилепил к балкону скворечник. Десятки лет, пока берег Днепра не застроили элитными высотками и коттеджами, скворцы кормились на береговой полосе. Прилетали в конце февраля-начале марта. Сначала селился хозяин в чёрном лощёном округлом котелке и во фраке с павлиньими разводами. Следом появлялась самочка в одеждах поскромнее, но тоже переливающимися на солнце. Оба как бы выпорхнули с рисунков учебников по истории Египта. Скворцы зимуют на берегах Средиземного моря.

У меня сложилось впечатление, что приёмы восточных единоборств скворцы хорошо усвоили. За раз отвадили ворону от воробьиной кормушки на крыше скворечника. Согласовано, как два истребителя, нападали, сменяя друг друга. Ворона вертела головой, вертела и бросилась наутёк. Выплёвывая по дороге суточный запас букв «р». Жёлтые клювики скворцов сверкали на солнце, как трассирующие пули. Больше ворона к скворечнику не подлетала.

Каждую весну крылатые хозяева начинали с приведения скворечника в порядок. Вытаскивали в клювах перепревшие веточки вместе с удобрениями, оставленными прошлогодней сменой. И аккуратно так, грудка к грудке, раскладывали по всей длине балконного поручня...

По утрам грохот и скрежет проезжей части умасливали скворчиньи мелодии. Больше всего им почему-то нравилось петь на все лады фамилию композитора Кюи. Говорят, скворцы могут подражать даже соловьям. Но я ни разу не слышал. Или не понял. Отец выставлял на балкон клетку с кенаром. Всё надеялся, что скворцы станут петь с ним хором. Ошибся. Кенарь выучил фамилию композитора Кюи и впрямь другие звуки отказывался исторгать из своего горла.

В конце апреля скворчиха всё реже вылетает из скворечника. Несёт яйца. Глава семейства сидит на жёрдочке, что-то ворчит себе под нос. Охраняет. Ближе к маю ни тот, ни другая уже не поют. Посменно высидывают цыплят. Как вылупятся – начинается карусель. Где только родители находят зелёных, коричневых, полосатых гусениц и прочих несимпатичных тварей. Подлетают к окошечку, кормят клюв в клюв. По всему, пища весьма калорийная, клювы-

кошельки скворчат растут не по дням, а по часам. Прямо удивительно, как они, птенцы и родители, там, в однокомнатном скворечнике помещаются. Порой скворцы по два выводка за сезон выкармливают и ставят на крыло.

На сто процентов прав заполярный орнитолог Феликс Шкляревич, он же научник и птичник. Если птицы не знают ни заботы, ни труда, то кого тогда называть трудоголиком? А в свободное время от забот по продолжению рода пусть себе поют и порхают. Трудоголикам отдых тоже нужен.

ХОТЬ НА ОДНУ ШЕСТНАДЦАТУЮ

Главный корпус Киевского госуниверситета им. Т. Г. Шевченко сохранил цвета орденской ленты ордена Св. Владимира – красной с чёрными полосками. Зримое напоминание о том, что до революции университет носил имя Святого Владимира.

Однако ни революционный красный цвет (в своё время популярен был миф, будто это студенты накануне 1 мая ночью перекрасили корпус), ни смотрящий с пьедестала (на котором в царские времена стоял памятник императору Николаю I – основателю университета) на колонное здание великий революционно-демократический поэт (стилистика послереволюционных лет) Т. Г. Шевченко – не могли прикрыть антисемитизм, расцветший в университете в пятидесятые годы прошлого века.

Как о чём-то фантастическом и нереальном читал у Паустовского (выпускника Первой киевской гимназии, в здании этой гимназии теперь – гуманитарный корпус университета) о заговоре гимназистов выпускного класса, специально проваливших экзамены, чтобы золотые медали достались соученикам-евреям.

В Киеве до революции евреи составляли добрую четверть населения. Даже после Бабьего Яра, на Подоле, в бывшей черте оседлости, «этнически не коренное население» преобладало. В нашем 7 «А» классе школы № 10 из 40 учеников – 35 были евреями.

В киевских вузах после войны пропорция обратная. А в такие учебные заведения, как в институт иностранных языков, и, в первую очередь, университет, вообще принимали считанные единицы «некоренных». И то на заочное отделение. С начала же пятидесятых годов «нежелательные элементы» отменяли на дальних подступах. Ещё в приёмной комиссии, до вступительных экзаменов. Мне, например, хватило одной душевной беседы, чтобы я попросился и поехал поступать в Свердловск, на заочное отделение.

После Перестройки и распада Союза, после выхода на пенсию возвратился с семьёй в Киев. Предпринял все возможные усилия, чтобы сын оказался подальше от гуманитарных дорожек и поступил в знаменитый Киевский политехнический. Там он успешно проучился три года. Но гуманитарная составляющая взяла верх, сыну захотелось попробовать свои силы на классическом отделении филфака университета. Приняли! Благодаря рекомендации известного в Киеве латиниста, профессора мединститута Ю. В. Шанина, но всё-

таки! Я решил, что проклятое прошлое позади. Гордился успехами сына. Дескать, отцу дали от ворот поворот, а сын за отца докажет, как это было несправедливо.

Ошибся. Весьма болезненно. В конце второго курса, который сын с блеском заканчивал, даже отличился курсовой по латинскому языку, вдруг известие – сына исключают. Пока пытался разрулить эту историю, познакомился с благородными людьми, доцентами нескольких факультетов. Они защищали сына. Началось с того, что одна преподавательница пришла ко мне в редакцию:

– Спасайте ребёнка, его третируют из-за еврейские происхождения.

Отреагировал на автомате:

– Почему еврея? Он же наполовину...

– А им всё равно, хоть на одну шестнадцатую!

Переговоры с деканом филологического факультета, попытка найти защиту у ректора – всё впустую. Им, блюстителям чистоты титульной нации, поперёк горла даже одна шестнадцатая...

ГОСТы ВОПРЕКИ

В советские времена, когда всё и вся было дефицитом, в том числе – овсяное печенье, в Ковдоре и в других городах Мурманской области этот деликатес не пропадал с полок магазинов. Но покупатели не спешили разбирать. По причине необычайной приторности. Печенье впору было бросать в чай вместо сахара. Вприкуску – тоже не получалось. Чрезмерная сладость напрочь отбивала приятный горьковатый привкус овса.

Овсяный деликатес покупал в отпуске. Особенно, в Киеве. Егоможно было есть, не запивая водой. И это при том, что ГОСТы – государственные стандарты – строго и неукоснительно выдерживались по всей стране, сужая до минимума количество сортов пищевой продукции. Хлеб – подовый или кирпичиком. Пряники – медовые или ванильные. Полукопчёные колбасы – одесская или краковская. Варёные – докторская или любительская. Водка – «Московская» или «Столичная». Не взирая на место изготовления, ингредиенты продукта и способы обработки были идентичными.

Так на бумаге. На практике – несколько иначе. На Севере, подтверждаю, строго следовали предписаниям ГОСТа. Положено в 1 кг печенья положить столько-то граммов сахара – получите. В те времена полярный коэффициент и полярные надбавки удваивали зарплаты, но цены в магазинах, несмотря на отдалённость, – почти такие же, как в «средней полосе». Потому эпидемия мелкого воровства на производствах почти не затронула Север.

Лозунг из школьной программы: «Если от многого отнять немножко, это не кража, а просто делёжка» – долгие годы был в Мурманской области не в чести. За исключением некоторых рабочих инструментов типа электродрели.

Непотому, что они стоили солидную часть зарплаты. Исключительно по причине постоянного отсутствия вспомогательных, нужных в доме, механизмов в продаже.

Туристы, приезжавшие поглазеть на Северное сияние, искренне удивлялись местным таксистам, что давали сдачи до копейки. И официантам в ресторанах, которые чаевые приравнивали к оскорблению действием.

Отступление от рецептуры в областях, расположенных южнее 68 параллели, несомненно, ухудшали пищевые качества. Одинаковые по названию и цене рыбные консервы, изготовленные в Мурманске, были куда вкуснее, чем в Прибалтике. И постным маслом их заливали обильнее.

Не скажу, виноват тут ГОСТ или какие другие указания, но та же визитная карточка Киева – Киевский торт – пользовалась всесоюзным успехом исключительно по причине того, что деликатес выпекали на натуральном сливочном масле. В большинстве городов Союза кондитерам дозволялось пользоваться исключительно маргарином. Торты радовали глаз не хуже киевского, но на второй день оказывались почти несъедобными.

О масле в тортах могу судить по косвенной улике. В Киеве масло тоже частенько исчезало с прилавков магазинов. Сотрудники одного из расположенных на Подоле родильных домов этого не замечали. Их сосед через дорогу – хлебокомбинат – выпекал не только хлеб и батоны, но и торты. Медички у соседней отоваривались и ещё со знакомыми делились. Расплачивались за услуги спиртом – универсальной валютой во все времена.

Закончу воспоминания о ГОСТе и отступлениях от него историей с Виктором Попытайленко. Он долгие годы руководил строительно-монтажным управлением в тресте «Ковдорстрой». Возводил и реконструировал все значительные объекты обогатительного комплекса Ковдорского ГОКа. В неизменной чёрной шляпе и в чёрном пластиковом плаще сутками не покидал стройплощадку. Он же в самый разгар застоя (а не десять лет спустя) бросил в горькое партии на стол кандидатскую карточку. Ушёл с поста начальника в каменщики.

Родом Виктор с Полтавщины, окончил в Полтаве строительный институт. Не раз за рюмкой подчёркивал, что аббревиатура его вуза звучит как песня – ПИСИ. Уйдя на пенсию, Попытайленко купил в Новой Каховке дом и решил на заслуженном отдыхе заняться чем-то полезным для души. Организовал на берегу Каховского моря рыбокоптильню, дабы придавать лещам и подлещикам товарный вид.

Завёз оборудование, договорился о сырье, нанял работников. На начальных этапах всё шло нормально. Тушки закладывали в жаровню, их обволакивало теплом и дымом. А на выходе – недостача за недостачей. Витя вновь и вновь собирал рыбообработчиков, объяснял, что тот, кто ворует, тот в изменившихся условиях жизни обкрадывает свой коллектив. К осени терпение, а с ним и северные заначки, иссякли. Виктор плюнул, свернул лавчонку и уехал к дочерям в Питер. Поближе к Северу...

НАЧАЛО КОНЦА

Никогда не знаешь, чем перемены обернутся. Пять лет жили Перестройкой. Всё надеялись позабыть, что такое дефицит. Выходило наоборот. Былые нехватки стали казаться признаком золотого века изобилия. Начал исчезать из продажи бензин, десятки лет продававшийся по цене газированной воды без сиропа. За ним не нужно было ездить на бензоколонки. Шофера из гаражей городских предприятий всегда готовы были слить излишки. Если за пол-литра – так вообще!

Да что говорить! При всём голоде на запчасти, владельцы «Волг», «Нив» и «Уазок» не очень бедствовали. Они за ту же высоко конвертируемую «валюту в стеклянных переплётках» добывали необходимое у профессиональных шофёров. Труднее приходилось владельцам «Москвичей» и «Запорожцев», на таких машинах начальство не возили. Когда мне посчастливилось побывать за рубежом, – в Международном доме отдыха журналистов, в Венгрии – долго соображал, как на обменные 500 рублей отовариться одеждой и обувью, кока-колой на худой конец. Автолюбителям было легче, они целенаправленно покупали запасные части для своих непрестижных тачек.

Завёл было у себя в районной газете новомодную рубрику «Происшествия». В первый же день закрыл лавочку. Утром на летучке сообщил идею, вечером в городке случилось ЧП. Но писать ли о нём? Злоумышленники под покровом ночной темноты пробрались в гараж строительного треста и обчистили бензобаки у четырёх подготовленных к рейсу грузовиков. К счастью, охрана проявила бдительность, позвонила в милицию. Те мгновенно примчались. За поворотом ещё виднелись габаритные огни грабителей.

Бравые милиционеры ударили по газам, догнали злоумышленников, потребовали через громкоговорители прижаться к обочине. Но заглох мотор. Выданный на суточное дежурство бензин, все десять литров, закончился. Как-никак второй час на колёсах.

Участники погони так огорчились, что на госномер машины грабителей не обратили внимание.

Огоньки растаяли в темноте вместе с вещдоками.

НА ШАРУ, СЭР!

Старый советский анекдот: самолёт иностранной компании, стоимость выпивки входит в цену билета. Наш человек не знал о существовании таких льгот и всячески сопротивлялся. Пока стюардесса его не успокоила понятными словами: «На шару, сэр!»

Дни культуры Мурманской области в Финляндии длились почти неделю. Я попал в группу журналистов. В остальные группы – учителя, врачи, работники культуры, другая бюджетная интеллигенция. Принимающая сторона оплатила гостиницы, кормёжку. Потому денег с собой, даже на обмен, не дали никаких. А их, если по правде, ни у кого и не было. Разве что в карманах завалялась почти бесполезная копеечная мелочь.

Хотя, не скажите. В природном парке поразили громадные бинокли на ножке. Воспользоваться ими можно было лишь с помощью монеты в несколько финских марок. Представляете радость, когда мы обнаружили у себя совпадающие по диаметру и весу пятидесятикопеечные монеты. Словом, вволю насмотрелись на белых и бурых медведей, на прочую живность, характерную для этих и наших мест.

Удивляло многое. Улицы в Рованиеме, на широте моего Ковдора, обсажены берёзами. Обстриженные толстенные белые столбы в чёрную полосу подпирали широкополые зелёные зонты. Начало июня деревья только-только распустились.

Поражали супермаркеты. Даже в маленьких городках их по два, а то и по три. Глаза разбегаются. Примерно тот же ассортимент, как в последние годы повсеместно у нас, но ведь это 1992 год. А мы ещё не привыкли к слову «покупать», чаще употребляли понятие «достать».

Бывалые люди посоветовали взять с собой по две бутылки водки (финская таможня больше не позволяет, а если тебе не исполнился 21 год – вообще одну бутылку, вторую без разговоров конфискуют) и по блоку сигарет для личного пользования. Две бутылки предстояло продать из-под полы жаждущим финнам и получить взамен $50 \times 2 = 100$ марок. Ни грошем больше. Как нам поведали наши финские коллеги по профессии, местные власти рекомендовали платить именно такую сумму русским. Торговля неуместна, хотя у них на официальных прилавках водка в три-четыре раза дороже. Приезжих нечего развращать!

Со 100 марками в кармане мы бегали по магазинам за подарками родным и близким. А марку в тот год финское правительство пустило в свободное плавание (сказалось резкое падение внешней торговли после распада СССР), американский доллар стал стоить у них пять или шесть марок. Всё равно финская ассигнация в сравнении с рублём – весьма твёрдая валюта. К тому времени доллар подскочил до ста рублей и выше.

Так бы, наверное, и вернулся порожняком, если бы не наша переводчица, мурманчанка, закончившая факультет финского языка в Петрозаводске. Письменность в Карельской АССР до сих пор на финском. Для карелов письменность так и не создана – по причине обилия диалектов. Переводчица по секрету рассказала нам о благотворительных комнатах при церквях, где неимущим предлагают кучу одежды. Тряпки, примерно такого же качества, как на прилавках нынешних секунд-хендов. Нобесплатно.

В гостиницах по утрам и вечерам нас кормили на шведском столе, поили чаем с кофе. Пакетиков для горячих напитков хоть завались. Ими мы набивали карманы до неприличия. Если верить дореволюционным книгам, студенты платили в университетских столовых только за первое-второе-чай. Хлеб стоял на столах горой – ешь, сколько влезет. А тут горы пакетиков с чаем и растворимым кофе. Из супермаркетов тоже выходили не с пустыми руками. Нет, на ананасы, бананы или клубнику смотрели и облизывались. На пиво с мороженым (стояли жаркие дни) – само собой. Зато уважающие себя супермар-

кеты предлагали бесплатно целлофановые пакетики разных калибров. Их-то мы впихивали в карманы, освободившиеся от заготовок во время завтрака.

Домой приехали отоваренными. Было чем порадовать домашних и сотрудников. Яркие пакеты в сравнении с привычными сетками, то бишь, авоськами, считались криком моды. Их донашивали до дыр.

ОТТОПЫРЕННЫЕ УШИ ТУПИЦЫ

По возрасту мне давно положено ворчать на современную молодёжь. Лелею надежду, что дело не только в моих почтенных годах.

Восемь лет рабкоровского стажа и более полувека журналистской штатной работы дают мне право высказать собственное мнение.

Понимаю «новые песни придумала жизнь, не надо ребята о песне тужить!». Да ещё, после столь резких общественных перемен. Но ведь отношение к профессии, к своему ремеслу, к его законам и требованиям – прежде всего. Как сапожник обязан грамотно орудовать шилом, гвоздиками, клеем и дратвой, так журналисту необходимо владеть словом. Своим инструментом. То есть, обладать не только краткостью, которая сестра таланта, но талантом – тоже.

Когда я начинал, журналистов готовили всего четыре специализированных факультета в университетах Москвы, Ленинграда, Киева и Свердловска, а газет было много. На самом верху – центральные, ниже – республиканские, областные, городские, районные, вплоть до многотиражных (заводских, фабричных, колхозных). В Киеве, например, выходило около 25 больших газет и столько же многотиражных. Плюс несколько журналов. О телевидении не говорю. Один, два, потом три канала. Не то что сейчас – свыше сотни.

Где нынче владельцы телеканалов набирают столько талантов – ума не приложу. Помнится, профессионалов, что задавали тон и на которых неизменно ссылались преподаватели журфаков, на всю большую страну десятка не набиралось. Газеты в те глухие времена не помещали фотографии авторов статей. Корифеев узнавали по тексту, по злободневным проблемам.

Всё правильно. Ведущих, лидеров, никогда не бывает много. Даже если в штатах студий появилась должность, которая так и именуется – «ведущий(ая)». Вряд ли такая запись в трудовой книжке равнозначна выдающимся способностям человека. Впрочем, тут уж точно не мне судить. С детства заикался, потому любой разговорный жанр для меня – тайна великая. Но, хоть убей, не представляю, какое же надо иметь самомнение, чтобы каждое своё появление на экране обставлять словами: «Для вас работаю я, Тата Пупкина». Врёт. Тата сначала работает на себя, на свою зарплату. А нас, зрителей, исходя из её же неприкрытых интонаций, имеет в виду. Иначе регулярно не меняла бы точку зрения, следуя за финансовыми предпочтениями хозяина телеканала.

Лицо республиканской или областной газеты обычно составляло одно бойкое перо, от силы два. В центральных изданиях – другое дело. «Извес-

тия», к примеру, имели возможность выделить ставки для должности специального корреспондента. Таковым со времён редакторства зятя Хрущёва Аджубея работал кумир нашего поколения журналистов Анатолий Аграновский.

Люди, непригодные для литературной работы (должности так и именовались – литературный работник, литраб) в редакциях не задерживались. Особенно в РСФСР. Там газетам не были положены литературные редакторы. Они имелись лишь в изданиях союзных республик. Обязанность литредакторов – перелопачивать неудобоваримые тексты сотрудников. Видимо, поначалу местная пишущая братия слабо владела литературным языком своей национальности. Дополнительная должность, насколько знаю, без изменений дожила до наших дней.

Как-то слышал спич одного киевского главного редактора на редакционной летучке. Он на полном серьёзе утверждал, что вмешательство литредакторов в тексты повышает их читабельность. И заголовки надо искать под ногами, то есть в самом тексте. Поневоле припомнилась присказка старых газетчиков, дескать, телеграфный столб – это хорошо отредактированная сосна. Так всегда выходит, когда литправкой занимаются люди, для которых перебивание мыслей в слова – механический процесс, а не творческое озарение.

Довелось поприсутствовать в Киеве на собеседовании (кастинге, если понынешнему), где подбирали сотрудников для новой газеты. Вербовщиков интересовали исключительно неофициальные связи претендентов в государственных, силовых и правоохранительных структурах. Вопрос: владеет ли соискатель работы словом? – даже не рассматривается. Дескать, редакции нужны поставщики горячих фактов, остальное – дело техники.

Удивительно, но на фоне повального падения профессионализма, образовалась прослойка деятелей пера и микрофона, что считает себя передовым отрядом современной журналистики. Эти завсегдатаи брифингов и пресс-конференций заполняют самую громкоголосую скамейку на различных телешоу. Одно время среди них выделялась некая молодая дама из Киева с усечённым именем, типа Тоня. Она проявляла удивительную осведомлённость на предмет личной жизни обсуждаемого лица, готова была предать огласке информацию о том, кто с кем обедает, кто кого провожает и почему.

Видимо, считая, что такие сведения крайне интересуют зрителей, операторы постоянно держали в объективе Тонино личико. Становилась красноречивой даже бессловесная реакция дивы. То она ухмылялась, то закатывала хорошо отредактированные глаза, то теребила лоснящуюся от лака прядь волос. Самое интересное, эта царица телешоу всегда была готова вступить в спор с экономистом, с политиком, с аграрием, с представителями других узких специальностей. Коих она, если верить её гримасам, конечно же, выше на голову по аналитическим способностям.

Обычно Тоню представляли, как ведущую сотрудницу энской газеты. Не поленился, купил, нашёл на полосе знакомый абрис, прочёл. Попытался прочесть. Материал эдак на 500 строк, по теперешнему исчислению – на 12 000–15 000 знаков. В каждом абзаце – закавыченные слова и словосочетания. Ав-

торица явно не затрудняет себя поисками точного слова, берёт первые попавшиеся. На скорую руку скрепляя их замшелыми канцеляризмами «сдержки и противовесы», «цена вопроса», «свои вопросы» ... и т. д.

Понимаю, нынешним журналистам неинтересно знакомиться с книгами, по которым нам преподавали стилистику родной речи. Иначе бы они запомнили слова Юрия Олеши и вели бы себя осторожнее. Этот сотрудник знаменитого в двадцатых годах «Гудка», работавший рядом с такими ассами, как Валентин Катаев, Михаил Булгаков, Илья Ильф и Евгений Петров, Михаил Козачинский (по мотивам его повести «Зелёный фургон» поставлены в 1959 г. и в 1983 г. два фильма и оба хорошие), любил приговаривать, что кавычки напоминают ему красные оттопыренные уши тупицы...

И ещё одна отличительная черта творений означенной Тони. Через строчку, если не чаще, она опирается на местоимения «который», «которое», «которые» и т. д. На те слова, которые Ильф и Петров, считали, извините, соплиями.

Надо бы, наверное, поговорить о приёмах работы в современных СМИ. Они вообще к журналистике не имеют никакого отношения. В интервью на первом плане мнение и размышления самого журналиста, а что говорит и думает собеседник – его активно не интересует.

Передёргивание, а чаще – умалчивание фактов, противоречащих линии хозяина средства массовой информации... Запас слов, уступающий Эллочке Щукиной из «Двенадцати стульев» ... И при всём при этом скудном багаже – апломб, апломб...

ВНАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО

Закат Перестройки люди моего поколения встретили в предпенсионном или пенсионном возрасте, весело посмеиваясь над своим прошлым и прошлым страны. Радовались возможности говорить вслух, а не на кухне, за плотно закрытыми дверями. Скажи нам кто тогда, что бывшие порядки оживут в запредельных размерах, мы бы, наверное, нашли способ привести в чувство такого провидца. Теперь вот помалкиваем по углам, стряхивая лапшу замшелой пропаганды с ушей.

В Киеве недавно ответственное лицо, приближённое к вершине власти, заявило, что настоящий гражданин страны тот, кто любит Украину. А кто сомневается, тот «украинофоб, ненавистник государства и его коренного населения». В детстве и юности, помню, в подобные постулаты мы верили не глядя. Никак иначе. Все сборы, октябрятские и пионерские, комсомольские собрания начинались и заканчивались с письма-клятвы вождю и учителю – товарищу Сталину. Участие в коллективной клятве считалось одним из неперменных признаков патриотизма.

Четверти века не прошло после окончательного низвержения сталинистов и всего-то года-двух после сокрушительного ленинопада, после сбрасывания с пьедесталов руководителя Октябрьского переворота и его соратников, как фактически всё те же заклинания новые власти стали вдалбливать людям в

головы. Присодействии радио, телевидения, газет и прочих средств массовой дебилизации. С пресечением любых попыток возразить и объяснить...

На сём замолкаю. Понимаю, что никого из окопавшихся на самой киевской верхотуре не переубедю. Они развешивают по стенам и заборам инструкции, куда звонить и кому сообщать, ежели вы усомнились в благонравии соседа...

Дед мне рассказывал, что в Гражданскую войну в Киеве власти менялись более десятка раз. Каждая накладывала свою контрибуцию. Поляки заставляли пацанов мыть лошадей в Днепре. Отец с товарищем согласились, да не рассчитал возможности этих четвероногих бороться с бурным течением реки. Короче, утопили лошадок и неделю скрывались на Трухановом острове, пока солдаты в конфедератках не оставили город. Гуманное всё-таки было время. Вояки рыскали по дворам, искали нашкодивших мальчишек, а взять в заложники их родителей не додумались.

Однако вернусь к современной трактовке по-киевски патриотизма и его проявлений. Что бы ни утверждали партийные лидеры и их пресс-секретари, меняется, как заметил один мудрый турок, только вода в графине. Стакан и графин остаются неизменными. Не буду о деталях, их выше крыши. Присмотримся к рекламным растяжкам на дорогах. Заглавная из них не меняет своего содержания четверть века. Напоминает приказ, руководство к беспрекословному исполнению: «Любите Украину!». На украинском языке – ещё энергичнее, ибо ударение падает на последний слог корневого слова: «любіть».

Приказ и есть приказ. Он предполагает, как вольную, так и невольную реакцию испытуемого. О чём красноречиво свидетельствует давняя частушка: «На стене висит табличка: «Гражданин, не плюй на пол!» Гражданин прочёл табличку, плюнул на пол и пошёл».

В последние годы в Киеве и окрестностях стало общим правилом поминать недобрым словом Северного соседа. Одно это говорит о том, что у ведущих политиков страны плохо с географией. Ибо Северный сосед у нашей страны один. Это Белоруссия, или, как теперь пишут, Беларусь. Страна, обделённая природными богатствами, почти как Япония. И металл, и нефть с газом ввозит из-за рубежа.

Мне приходилось бывать в Минске сорок лет тому назад, потом десять. Имел возможность сравнить. И ощутить не только по трелям мобилки, что пересёк границу. Дороги, не сравнить. Во-вторых, ни одного не засеянного клочка земли, ни одной провалившейся крыши на фермах. В самом дальнем селе улицы по ночам освещаются. И так далее, и так далее. Поневоле подумаешь, что в отдельных случаях диктатура (тамошнего президента называют не иначе, как диктатором) приносит больше пользы, чем демократия.

Обратил внимание, казалось бы, на мелочь. На тот факт, что за неделю насчитал на белорусских дорогах всего лишь три «Мерседеса», два из них устаревшие, трёхсотые... Поднимаешь глаза вверх и натыкаешься на призыв, висящий над дорогой: «Цвети, Беларусь!». Не приказ любить и никаких гвоздей. Пожелание процветать. И уже в подтексте – призыв приложить для этого благородного дела все силы.

Не хочешь, а припомнишь, что в начале было слово. Если оно искреннее и доброе – обязательно отзовется.

ВОШЛИ ВО ВКУС

Беру на себя смелость предположить, что ненависть ко всему не украинскому внедрялось в сознание населения УССР ещё в застойные годы имени товарища Брежнева. И раньше. Обкатывалась на модели отношения к некоренному населению – к евреям. После обретения независимости оставалось только переключить ненависть с евреев на русских. Ився недолга.

Оглянемся хотя бы на мутацию взглядов первого президента Украины Кравчука. Этот деятель долго руководил отделом пропаганды ЦК КПУ, закончил партийную карьеру вторым секретарём партийного ареопага УССР. Во времена оно при нём и под его непосредственным кураторством проходила чистка кадров в республиканских газетах, под горячую руку которой и я в своё время попал. Испытал на себе, что это такое запрет на профессию в городе, где родился и вырос, в городе, где жили несколько поколений моих предков.

Говорил не раз и ещё повторю: в *техтоталитарных*, как теперь утверждают, условиях на разных ступенях партийной лестницы всё-таки встречались люди, которые не боялись тебя прикрыть и за тебя заступиться. Чем дальше от Украины и Киева, тем такие интеллигенты попадались чаще. А в городе, где родился, не покидало ощущение, что вокруг полно желающих вытирать о тебя ноги, ловить кайф от такой возможности. Доводилось слышать часто: раз тебя зачисли в штат, ты обязан вкалывать за себя и за парня, который, несмотря на инвалидность твоей «пятой графы», предоставил тебе в столице Украины возможность работать.

Стоило ответственному секретарю Евгению Михайловичу Северинову разругаться с редактором «Комсомольского знамени» и завербоваться замполитом на гражданское судно, как сменивший его на посту активист показал своё лицо. Написал я полуполосный отчёт о встрече с разведчиком, послужившим прообразом «Майора Вихря» в одноименном телесериале. На утро разворачиваю газету, впереди моей вклинилась фамилия нового ответсека. Материал априори претендовал на рекорды читабельности, как тут не присвоить чужую работу.

Пару лет спустя, когда в поисках пристанища оказался в редакции окружной военной газеты, её редактор, полковник, журналист с опытом работы не где-нибудь, а в самой «Правде», вызвал меня в кабинет, пожурил за споры с другим полковником. В конце перешёл на прямой текст:

– Что вы себе позволяете? Вас же в Киеве ни одна газета не возьмёт на работу, а вы, штатский, смеете не соглашаться с мнением старших офицеров...

По возвращении с северов не раз и не два сталкивался со своими бывшими притеснителями. Не переставал удивляться резкой смене их ориентации. Чуть ли не строем они стали *истинными патриотами* новой страны. С тем же остервенением, с каким выкорчёвывали происки сионистов в моём лице,

переключились на агентов Кремля, в коих видят любого русского или русскоязычного. Особо стараются бывшие партдеятели, с пеной у рта набрасываются на *врагов народа*. С остервенением, обкатанным в своё время на евреях...

Господин Кравчук сделал своё дело задолго до Перестройки, воспитал отряды последователей. Теперь с улыбкой пожинает то, что посеял.

УЧИТЕЛЬ ФИЗКУЛЬТУРЫ

Владимир Николаевич Нерода работал в ковдорской школе № 2 более двух десятков лет. Не знаю, как сейчас, а лет тридцать тому назад, когда произносили в Ковдоре слово «учитель», вначале вспоминали Владимира Николаевича.

Что же такого сделал учитель физкультуры Нерода? А ничего особенного. Из подручных средств, тех же списанных покрышек от самосвалов, соорудил при школе спортивную площадку. В Ковдор стали ездить за опытом не только из Кировска и Апатитов. Из Карелии. Без Нероды не обходился ни один спортивный праздник в городе или любое начинание типа лыжной освещённой трассы.

Особо хочу сказать о мини-футболе. В те годы этот подвид игры с мячом ещё не приобрёл мирового статуса. Владимир Николаевич разглядел в мини-футболе способ вернуть школьников в спортзал. Из добавочного инвентаря – обычные хоккейные ворота. Снабжённые дополнительной штангой у пола, чтобы нельзя было закатить мяч издали, только забить.

Вскоре мини-футболом заболел весь город. Желających играть пришлось разбить на первую, вторую и третью лигу. По полгода, с октября по апрель, по субботам и воскресеньям, взрослые дяди самого пьющего возраста, с двадцати до сорока лет, гоняли мяч.

Про футболистов понятно, а для Владимира Николаевича – дополнительная (и неоплачиваемая) нагрузка по субботам и воскресеньям. После напряжённой рабочей недели и работы на полторы-две ставки. Владимир Николаевич судил большинство матчей. А если не судил, то расследовал споры с возражениями, как непререкаемый авторитет.

В Ковдор мне удалось вернуться в самом конце Перестройки. Разгорались страсти на предмет путей улучшения жизни. Зарплаты учителей, врачей, да и газетчиков, то есть на сегодняшнем языке – бюджетников, враз подскочили до предельных высот и окончательно повымели товары из магазинов.

Помню собрание, на котором женщины требовали (и записали в резолюцию) выплаты средней зарплаты матерям до достижения ребёнком семилетнего возраста. На другом собрании, ветераны, отработавшие на Севере пятнадцать и более лет, желали бесплатного предоставления квартир в Средней полосе. Всё бы ничего, но уже начались перебои с наличными деньгами. Мэр города звонил в Петрозаводск и просил поставить хотя бы два вагона водки. Ему не отвечали. Областное начальство подумывало о чеканке собственных денег из никеля, благо этот металл выплавляли в Мончегорске.

Врачи да учителя, в том числе музыкальной и художественной школ, повалили в депутаты районного и областного советов. Чтобы, значит, лично взять в руки рычаги реформ. А Владимир Николаевич, даром что весьма авторитетная личность, не отважился застолбить себе место в либеральной очереди. Посчитал, что знаний маловато. Признаюсь, я воспользовался этой его скромностью, попросил стать моим доверенным лицом. Прежде для редактора районки депутатство было эдаким приложением к должности, придавало общественный вес. Райком тебя вносил в список и вся недолга. Теперь нужно было самому добиваться расположения избирателей. Заигрывать, обещать и такое прочее. Спасибо Владимиру Николаевичу, он меня избавил от этой необходимости. Внёс в райсовет на своих плечах.

Совсем не престижная должность преподавателя физкультуры явилась основанием для присуждения Нероде звания Заслуженного учителя РСФСР, награждения орденом. Но главное, ученики школы № 2, в которой он преподавал, поступали и заканчивали самые престижные вузы страны, многие из них вернулись в город и сейчас работают на ответственных постах.

По возвращению с Севера в родной посёлок Немешаево под Киевом, Владимир Николаевич весьма поспособствовал тому, чтобы скромная местная школа выдвинулась в образцовое среднее учебное заведение области. Одной из первых в области ей было выделено футбольное поле со всепогодным покрытием.

Несколько лет отдал Владимир Николаевич немешаевской школе, и ещё столько же пролежал без движения – разбил инсульт. Всегоды болезни его бывшие ученики (посещавшие уроки физкультуры до отъезда учителя на Север и после возвращения) дежурили у постели. На похоронах, в дождливо-снежный день января, за гробом шла чуть ли не половина посёлка.

ЛЯП ЗА ЛЯПОМ

Академический Словарь русского языка утверждает, что выражение «тяп-ляп» употребляется для обозначения быстрой, но небрежной, грубой работы. Бытовавшее в журналистике определение «газетный ляп» целиком и полностью совпадает с мнением словаря. Но любой редактор (прежде газету подписывал просто редактор, а не главный) понимал, что выпустить к строго определённом часу номер в печать без сучка и задоринки – без ошибки, то есть ляпа, весьма сложно. Где-нибудь да что-нибудь проскочит мимо бдительных глаз «свежей головы».

Возможно, коллекция газетных ляпов, которую я собирал во второй половине XX века, никого из нынешних читателей не заинтересует. В сетях и не такие глупости проскакивают, но никто от стыда не умер. И не собирается.

В общем, представлю подборку в сокращённом виде. Начну с номера газеты, подписанного моей фамилией. Многотиражка «Рудный Ковдор» от 9 февраля 1979 года. Тираж газеты превысил количество работников Ковдорского горно-обогатительного комбината, достиг отметки в 5020 экз. Директор типографии в Кандалакше пришёл к выводу, что нас надо перевести с

плоской на ротационную машину. Быстрее печатать, проще фальцевать, то есть складывать вчетверо.

В первый же день вышла накладка, печатники перепутали третью с четвёртой страницей. Из-за чего подпись редактора да объявления оказались на внутренней полосе, что не позволялось. Самое обидное, почти никто, кроме меня и сотрудника сектора печати в обкоме партии, этого не заметил.

Не всегда ляпы были следствием сбоев в работе редакции или типографии. Вносили свою лепту основные поставщики внешней информации: телеграфное агентство ТАСС и его украинское подразделение РАТАУ. Недаром же заместитель редактора «Полярной правды» Евгений Борисович Бройдо никому не доверял сверку набранного текста с тассовскими восковками, всегда сам скрупулёзно вычитывал вместе с корректорами.

В конце шестидесятых годов прошлого века я работал литсотрудником (литературным сотрудником) республиканской газеты «Комсомольское знамя», выходившей в Киеве на русском языке. В моё дежурство пришла из Москвы бумага под заголовком: *«Всем! Поправка № М-3. В сообщении № 1-13 (В президиуме Верховного Совета СССР) в части первой во второй строке снизу вместо «К. Мустай», писать: «М. Карим».* Речь, как понимаю, шла о МустаеКариме (псевдоним Каримова Мустафы Сафича), народном поэте Башкирии, позднее ставшем Героем Социалистического Труда и Лауреатом Ленинской премии.

Та же газета поместила отчёт о демонстрации в Киеве 7 ноября 1967 года. Судя по подписи, его подготовили журналисты РАТАУ. Привожу дословно: *«Блистательным каскадом 15 мировых рекордов «Антея» увенчан в канун юбилея труд талантливого коллектива, которым руководит лауреат Ленинской премии О. К. Антонов. Воздушный Геркулес, пилотируемый заслуженным лётчиком-испытателем И. Е. Давидовым, поднял на высоту 7 800 метров груз весом в 100 тонн».* Название самолёта-гиганта, созданного в киевском КБ, созвучно с именем главного конструктора. Это понятно. Но ведь мифический Антей терял свою силу, как только противнику удавалось оторвать его от земли. Самолёт же силён именно в небе. Уже одно это противоречие должно было озадачить любителей красивых эпитетов. Но журналисты прилепили детищу О. К. Антонова ещё одно название: «воздушный Геркулес». Двойной перебор. Мифического Антея победил, как известно, другой мифический герой – Геракл, Геркулес. Согласитесь, одновременно быть Антеем и Гераклом – довольно сложно.

В те годы почему-то считалось, что иные ошибки – никакие не ошибки, а намёки с пристрастием. В «Правде Украины» в стандартном официальном сообщении то ли о приёме делегации, то ли о совещании в ЦК КПУ выпала строка о том, что первый секретарь П. Е. Шелест является членом Политбюро ЦК КПСС. При горячем наборе часто терялись строки. В «Правде Украины» после этого конфуза недосчитались нескольких ответственных работников. А что Шелеста вскоре действительно вывели из членов Политбюро, так этот бесспорный факт никого из пострадавших не реабилитировал.

Особым успехом у журналистской братии пользовались ляпы в главной газете страны, в «Правде». Считалось, что эта газета никогда не ошибается. Не было выпускника факультета журналистики, который бы не знал о героешахтёре из Донбасса, чьему рекорду главная газета страны посвятила целый разворот. Или полосу. Автор очерка – толи в спешке, то ли по невнимательности – перепутал буквы в фамилии героя. На шахту пришла газета, а в ней ошибка... Она продержалась, говорят, только до конца дня. Наутро герою вручили новые документы – от паспорта, до военного билета, – где значилась его фамилия в правдинской транскрипции. Герой шахтёр вошёл в историю стахановского движения не под своим именем. Пострадал только журналист, автор очерка. Его уволили из «Правды»...

В центральных газетах количество сотрудников отдела сверки и проверки достигало трети состава. Так что злорадство газетчиков, оказавшихся за бортом главной газеты страны, понять можно. Дескать, нас учите, а сами! Возможно, имелся и некоторый элемент фронды по отношению к начальству. Какowymi действительно являлись сотрудники «Правды» – по льготам и привилегиям приравненные к ответственным работникам аппарата ЦК, а то и к членам ЦК.

Что же касается обычных ляпов, то самая правдивая газета в мире тоже их допускала. Например, 7 июня 1971 года, в очередную годовщину со дня рождения А. С. Пушкина, опубликовала материал под шапкой «Встреча с Пушкиным» и подзаголовком «Репортаж с всесоюзного праздника поэзии». Читая и глазам не веришь: «...*Едва отзвучали речи, как раздался голос народного артиста СССР И. С. Козловского: в сопровождении хора он исполнил «Вечерний звон», «Выхожу один я на дорогу» и другие произведения поэта ...*». Всё бы ничего, но слова этих романсов принадлежали не перу А. С. Пушкина, а Н. М. Языкову и М. Ю. Лермонтову.

7 января 1972 года эта же газета на той же четвёртой полосе поместила фото с подтекстовкой: «*В сказочном зимнем уборе киевский парк имени М. Рильского. Сотни горожан приходят сюда покататься на лыжах, побродить по заснеженным аллеям*». Надо сказать, и снег, и лыжники на фото – подлинны, но снимок... прошлогодний. В 1972 году первый снег выпал в Киеве спустя неделю после того, как это событие обрадовало «Правду».

Понимаю, мелочи. Или, как говорят газетчики, не столько «ляпы», сколько «блохи». Всё так, но когда в мелочах столь кричащие накладки, то и в крупном верить не очень хочется.

Иные из ляпов пробирались на страницы печатного издания не случайно, а намеренно, по воле авторов. Шестидесятые-восьмидесятые годы прошлого века – время научной фантастики. Жанр, тому свидетельство книги классиков, – Стругацких, Ефремова и др. – позволял, пусть иносказательно, но довольно чётко говорить о вещах и проблемах, находившихся под запретом. Кудаконь с копытом, туда и рак с клешней. Дымовую завесу фантазии иные из литераторов использовали для прикрытия обыкновенного хулиганства. На страницы «Комсомольца Заполярья» проник рассказ, в котором космонавты-

астронавты отправились в путешествие на красивую планету под названием «Коитус вини» ...

Однако самым интересным экспонатом подборки считаю газету «Радянська Україна» (орган ЦК КПУ) за воскресенье 14 марта 1965 года. Думаю, этот номер и стал началом моей коллекции. Номер отпечатан в две краски. Наиболее значимые по замыслу секретариата иллюстрации и шапки (большие заголовки) были выделены красным. Что, кстати сказать, в тогдашних типографских условиях оборачивалось двойной ценой за печать. Но разве будешь экономить на выборах, коим посвящён выпуск газеты?!

Такие номера готовят загодя. Открывшее четвёртую полосу «Письмо из-за океана» под заголовком «Слово далёкого друга» тоже, надо думать, пришло не в последний перед сдачей в печать момент, а было тщательно подготовлено отделом литературы. Или как он там в «Радянке» назывался.

Над стихами заголовок: «Дума канадського українця». А сами стихи предваряли размышления безымянного сотрудника редакции. Дескать, как бы не исходили слюной буржуазные националисты, а рядовые выходцы с Украины глубоко любят свою далёкую родину.

Стихотворение поместили по максимуму. Разве что выбросили из середины две строфы. То ли потому, что действительно не очень совершенны, то ли не хватило места. Врез к стихам Петра Собкива из Торонто набрали самым мелким шрифтом – нонпарелью.

Банальные строки об Украине, что в мощном Союзе стала «космокрылой», оказались сюрпризом, акростихом. Заглавная мысль автора зашифрована в первых буквах строк: «На москалів, ляхів та юд ножи точітьотам і тут». Две строфы, выпавшие из публикации, смысла не меняли. Посыл о москалях, ляхах, юдах остался не сокращённым.

Прошло, считай, 50 лет. Давно вышли из подполья и развернулись во всю мощь своих глоток наследники бандитов, что воевали под чёрно-красными знамёнами и провозглашали ксенофобские лозунги. В открытую, не таясь, и не камуфлируя, не шифруя своих притязаний, они шагают по главной улице столицы, проходят с факелами в руках перед зданием службы безопасности Украины в день рождения своего кумира Степана Бандеры... А про лозунг, который сумели протащить даже сквозь рогатки советской цензуры, забыли. Не скандируют его. С чего бы это такая застенчивость? Или этот лозунг у этих мирных, как они утверждают, людей, стоит пока на запасном пути?

ПОГОНЩИКИ «ПОДСАДНЫХ УТОК»

Подзабылось, в каких годах эти телеведущие замелькали на украинских телеканалах. Молодым зрителям кажется, что и Шустер, и Киселёв присутствовали всегда. Мало кто уточнит, что оба сначала засветились в Москве, на частном телеканале, возглавляемом российским олигархом Гусинским. Не только они. Намного ярче тогда сияла звезда Сорокиной, начинавшей на ленинградском Пятом канале в программе 600 секунд (Пятый киевский – всего

лишь клон, появился позднее). Правда, Сорокина не сменила места жительства, а мужчины решились.

Неужто они – бескомпромиссные борцы за идею? Готовы ради своих идеалов сражаться до конца? Хотелось бы верить, да не получается.

Уж слишком неприкрыто оба используют приёмы из арсенала шулеров от журналистики. Среди гостей прячут «подсадных уток», всегда готовых прийти на выручку ведущему.

Вслух гордятся, дескать, всегда дают высказаться неудобному оппозиционеру. Дают. Но на речь несогласного постоянно накладываются саркастические гримасы и ухмылки политических противников. В старом советском фильме это называлось «ловкость рук и никакого мошенства».

Иные из «подсадных уток» оперились и вышли в самостоятельные политики, стали членами Верховной Рады. Это факт. Говорящий о том, что политика не самое чистое дело и что в неё всегда окунаются люди, не отягощённые присутствием совести.

Наверное, специалисты – радисты и телевизионщики – поставят в упрек обоим названным выше героям прямого эфира недостатки в дикции. Отметят глубокомысленные паузы, скорее смахивающие на банальное заикание, меканье и беканье. Мне в глаза и уши бросается другое. С первого своего дня появления на киевских экранах оба не устают восхищаться свободой слова, в которой, по их утверждению, купается Украина. Впрочем, в устах этих манипуляторов комплимент довольно сомнительный. Навевает мысль: им хорошо в том случае, когда нам, зрителям, плохо.

Характерно первое явление Киселёва народу. Его приезд на шоу Шустера анонсировал Шустер. Подогреваемые ведущим зрители ждут-пождут, а Киселёва всё нет. Объявился в конце передачи. Из пятизвездочной гостиницы до студии добирался на машине, попал в пробку. Битый час проволновался. Кто-кто, а киевляне знают, от гостиницы до киностудии всего-то две-три остановки метро. Плюс минут десять медленной ходьбы.

Но ездить, как советовал поэт Светлов, в общественном транспорте, вместе с населением – звезде экрана не с руки. Пообщаться, сходить на рынок, на ту же Бессарабку, узнать: что? почём? – не для Киселёва. Вместе с Шустером он без того знает, что нужно народу и в чём народ нуждается. Потому не желают расставаться с пятизвездочными хоромами или приравненными к ним апартаментами.

Им положено, они за народ переживают.

У ПАРАДНОГО ПОДЪЕЗДА

Перестройка застала меня на северной окраине большой страны. Знал в лицо и по делам местных выдвиженцев, всплывших на её волне. Ничего плохого в такого рода общественных пертурбациях нет. Энергичные люди получили шанс быстрее продвинуться вверх по служебной стремянке.

Но устоявшиеся взаимоотношения тоже ведь работают не во вред обществу. Человек постепенно поднимается со ступеньки на ступеньку, обрастает опытом и знаниями. В одночасье из грязи в князи не проскакивает. Что является определённой гарантией от попадания в руленую будку случайных людей.

Другой коленкор, что в эпоху застоя для продвижения наверх требовались не столько достоинства, сколько связи и протекции. Однако, как говорилось в классическом фильме: «Связи – связями, но нужно и самому что-то уметь делать». Потому случайные люди на ответственных постах долго не задерживались. Хотя успевали наделать в свою каденцию достаточно глупостей и попортить окружающим кровь.

Новоявленных спасителей отечества из Ковдора я хорошо знал. Предвидел, что их пустопорожним обещаниям скоро перестанут верить. Так оно и случилось. Самовыдвиженцы, пробравшиеся в кресла начальников цехов, через год-другой с позором слетали. Задержались на орбите лишь те демагоги, кто успел проскочить в область, а ещё лучше – за её пределы.

Несколько лет во фракции «Яблоко» и в российской Думе заседал профсоюзный деятель из Мончегорска. О сотруднике апатитского филиала Института геофизики Оболенском уже не говорю. Тот даже соперничал с Горбачёвым в борьбе за пост Президента СССР. Вскоре обе эти звёздочки, как китайские воздушные шарик сдулись, и тихо спустились на землю. Не выдержали проверки делом.

К чему веду? Да к тому, что забеги энергичных демагогов к месту под солнцем (или у кормушки) в родном Киеве и в Украине в целом проходили без меня. Могу только догадываться – по словам и поступкам политиков, – кто из них, кто на самом деле.

Не покидает подозрение, что киевские властные коридоры густо засорены ещё со времён Перестройки. И что очень нескоро удастся их очистить...

ВИСЯЧАЯ ДОЛЖНОСТЬ

Полжизни мы с Толей Азаренко шли параллельными курсами. Я окончил горный техникум в Киеве, он в Кривом Роге. Я поступил на заочное отделение филологического факультета в Свердловске, он в Киеве (тоже на русскую филологию).

Встретились в Ковдоре. Толя успел поработать в Заполярном машинистом экскаватора. Резкосменил профессию, перешёл в корреспонденты «Североморской правды». Оттуда переехал в Ковдор, снова сел за рычаги экскаватора. Я к тому времени возглавил многотиражку Ковдорского ГОКа и страдал от отсутствия кадров.

Те, кого прибывало к редакции, оказывались алкоголиками, явными и скрытыми. Не работа, пытка. Приходилось всю дорогу держать в голове три варианта номера. Если сотрудники будут трезвыми и выполнят задание. Если выполнят наполовину. Если вообще уйдут в запой. А на комбинате разверну-

лось строительство второй очереди, требовалось постоянно держать руку на пульсе.

Выручил меня Анатолий Григорьевич. Мало того, что писал легко и быстро, так ещё разбирался во всех нюансах горного дела. Разве что позволял себе длинноты. Но вычёркивать – не дописывать. И не переписывать. Уж не помню, как уговорил его перейти в редакцию. Несколько лет подряд работал с ним рука об руку. Вотпуск, благодаря ему, ездил. Правда, работали-то мы вместе, а зарплату машиниста экскаватора он продолжал получать на руднике «Железном». Благо администрация комбината и рудника с пониманием отнеслись к этой добавочной нагрузке.

Большинство многотиражных газет страны, а их в Союзе на фабриках, заводах, колхозах, вузах и т. д. и т. п. выходило свыше пяти тысяч, не обходились без таких висячих должностей. Я сам пять лет работал литсотрудником многотиражки киевского завода «Арсенал», а числился мастером какого-то цеха.

Почему-то считалось, что многотиражные газеты должны существовать исключительно на энтузиазме масс. Как стенные. С энтузиазмом, чем дальше – тем хуже. Всё меньше желающих работать «за безденьги». Как, впрочем, и за те копейки, которые платили официальным сотрудникам малых газет. Моя зарплата, редактора газеты, на Ковдорском ГОКе равнялась первой инженерной. Недаром начальник рудника «Железный», В. А. Эйдельман, предлагал перейти к нему в техотдел – бумажки подшивать. Обещал сразу прибавку минимум рублей на сто. Плюс премии, которые сыпались на цех гораздо обильнее, чем на управление комбината, к которому многотиражка приписана. Это он сманил у меня машинистку-корректора себе в секретари. Разумеется, удвоил зарплату.

Толя вынашивал роман о жизни родного Кривого Рога и Гуляй Поля в первые годы советской власти. Говорил, копил материалы. Спустя год партком предложил Азаренко перейти партторгом на рудник. С сохранением ставки машиниста экскаватора и без газетной нервотрёпки. Опять же не надо при появлении очередной комиссии являться в раскомандировку... Толя устоял. Может быть, так продолжалось бы и продолжалось, да рудник возглавил новый начальник. К тому времени к редакции прибилась опытная газетная кадرا из Подмосковья, сбежала от мужа. С женщинами, конечно, лучше работать через стенку или через улицу, да выбора не было. А у Толи семья, алименты, и прочие обязанности. Он вернулся на экскаватор.

В Киеве получил от Азаренко письмо с противоположным Ковдору обратным адресом. Он переехал к новой жене на самый дальний юг, в Душанбе. Работал опять же машинистом экскаватора. На добыче золотой руды. Где-то высоко в горах, куда вертолётами доставляли очередную вахту. По письмам я живо представил себе его новое окружение. Умел Толя подмечать детальки. Его помощник, местный житель, во время перекура припевал: «Не сыпь мне соль на рану, а сыпь мне соль на чай!».

Толя обустроился на новом месте, обзавёлся автомашиной. Ради чего продал двухсоттомное Собрание всемирной литературы. Тогда ещё книги цени-

лись. В деньгах получилось баш на баш. После почти двух десятков лет, проведённых на северах, Толя купался в солнце и объедался витаминами. Для чего нужно было лишь выйти во двор.

События, венчавшие Перестройку, ударили по русскому населению Таджикистана. Ни работы, ни средств к существованию. «Жигулёнок» ушёл в оплату за место в товарнике. Зато вещи удалось увезти. В том числе – коллекцию значков с профилем Ленина, которую Толя собирал, чуть ли не с первого класса.

Азаренко было подался на малую Родину, в Кривой Рог, да пулей вылетел оттуда. По пути заглянул ко мне в Киев. Я тогда ещё жалел Горбачёва, а Толя энергично порасставлял все точки над «i». Вернее, восклицательные знаки. Он не стеснялся подкреплять своё мнение решительными выражениями. Если попытаться пересказать, что он говорил и писал о будущем президенте Таджикистана Рахмонове, о Ельцине, о Горбачёве, потом и о Путине, пришлось бы перейти на одни многоточия.

В ту же компанию, с ещё более энергичными комментариями, попали грузины – Гамсахурдиа и Саакашвили. Это уже из писем с последнего места жительства Азаренко, из Карачаевска. Там купил дом, устроился на работу электриком. Опять удар, уже от природы. Половодье смыло усадьбу со всеми пожитками. Пришлось вновь начинать сначала.

Мечты о романе из жизни наследников Нестора Махно улетучились за время вынужденных переездов вместе с черновиками и документами. Да и сил для писательства не оставалось, приходилось всё время искать приработок. Проводить электрику на виллы богатеньких карачаевцев. В начале десятых письма от Анатолия Григорьевича иссякли. На мои запросы никто не ответил. Может быть, кто из бдительных соседей доложил местным активистам о коллекции ностальгических значков. Или сердце у человека не выдержало. Возраст всё-таки.

Как на самом деле – не знаю. И не знаю, к кому обратиться.

СТОП, КАДР!

В моё время фотокоров в университетах не обучали, они овладевали тайнами мастерства самостоятельно. «Самотужки», как выражаются украинцы. Видимо по той же методе, по которой доброхоты в эпоху Гаврилы Романовича Державина учились *«языкам без грамматики; исчислению и измерению без доказательств; рассуждению без логики; музыке без нот; рисованию и стихотворству без правил, и тому подобное»*.

При всём при том, лицо газеты или журнала определяли исключительно фотокорреспонденты. Их фамилии считались полновесными синонимами изданий, в которых они работали.

Доводилось наблюдать вблизи корифеев. Легендарный фотокор «Радянки» Яков Давидзон, автор фототеки партизан Украины, предпочитал постановочные кадры. Часами мурыжил массовку, пересаживал с места на место, менял освещение. И непрерывно клацал фотоаппаратом. Фотокор ТАСС по Каре-

лии и Мурманской области Семён Майстерман поступал иначе, он просил своего героя не обращать внимания на фотоаппарат, бегал вокруг, взбирался на стремянку или припадал к полу. Примерно также работал ветеран РАТАУ Владимир Фалин.

Понимаю, сегодняшняя техника позволяет любому обладателю телефона ощутить себя мобильным репортёром. Но станут ли отснятые кадры достоянием искусства, дадут ли они пищу уму или «пройдут стороной, как косой дождь»?

В доэлектронную эру обработка плёнки и фотобумаги занимала кучу времени, лишь на финише становилось понятно, правильно ли выбран момент да нажата кнопка? Пойдёт фото в номер или коту под хвост?

Не знаю и не догадываюсь, с чего начинали выдающиеся мастера фотодела, но могу сказать, откуда фотокоры приходили в многотиражные и районные газеты. Из рабселькоров. Было такое определение для активистов печати. В редакцию многотиражки киевского завода «Арсенал» Петю Довгодько привёл за руку ответственный секретарь газеты Михаил Павлович Семёнов. Он убедил партком. Слесаря-сборщика цеха, производившего знаменитые фотоаппараты «Киев» и «Салют», перевели в газету с сохранением ставки рабочего. Возможно, цех потерял своего будущего главного конструктора. Первое же рационализаторское предложение молодого сборщика значительно улучшило механику фотоаппарата.

Очень много приобрела газета. Чуть ли не половина экспонатов музея завода – кадры, зафиксированные для истории Петром Довгодько. И какие кадры! Документально точные, одухотворённые мастерством самородка. Тут и великие труженики «Арсенала», тут и гости завода – космонавт Попович, академик Келдыш.

Чуть ли не первый жанровый снимок Петра (до сих пор помню название – «Колется!») запечатлел юного односельчанина, который бежал босиком по свежей стерне и как бы завис в воздухе. Петя стал призёром республиканского конкурса. Насколько знаю, его так и не прельстили весьма престижные приглашения изданий республиканского масштаба. До пенсии проработал Довгодько в заводской многотиражке. Хотя таким изданиям должность фотокора не полагалась. Так же, как машинистки и корректора.

Почти след в след на газетном поприще прошла с Петей Довгодько Наиля Ганиева. Родилась она, правда, не под Киевом, а в глубинном районе Татарии, выучилась в ПТУ на сварщика. Распределили на рудник «Железный» Ковдорского ГОКа. Первая же зарплата позволила осуществить детскую мечту. Купила фотоаппарат ФЭД (выпускался в Харькове, расшифровывался, как Феликс Эдмундович Дзержинский). Когда товарки по общежитию уходили на работу или на свидание, занавешивала окна одеялами, проявляла и печатала снимки. Стала работать в редакции многотиражки «Рудный Ковдор», а числилась сварщицей рудника. Лет десять спустя, когда Ковдор стал районным центром Мурманской области, Наилю пригласили в районную газету.

Но вернусь к Пете. В единственной комнате редакции ему соорудили будку из фанеры. Если химикаты позволяли, он выскакивал наружу, чтоб глотнуть воздуха. Стой поры Довгодько взял за правило в конце месяца разрезать плёнки на отрезки по 12 кадров, складывать рядком и делать контактные оттиски. Мало ли какой снимок потребуются – не трудно найти и распечатать. За сорок с хвостиком лет набрался полный железный шкаф – типа сейф – толстенных папок, в каждой 12 отделений.

Многотиражную газету давно ликвидировали. А пенсионер Довгодько частенько приходил в свою лабораторию, ещё и ещё раз приводил в порядок плоды рук своих. Всё надеялся сдать содержимое сейфа. Хотя бы музею завода. Там отказывались принимать экспонаты, свои девать некуда. Петя добивался и добился, чтобы официальное лицо из новой администрации завода подписало-таки акт приёмки. Покоробило, что молодой администратор подмахнул бумаги на ходу, не глядя.

Как в воду смотрел. Зашёл Довгодько за какой-то справкой на завод и вдруг в коридоре обнаружил свой сейф. Но уже с другим содержимым. Знакомый охранник с проходной рассказал, что Петины папки вывалили в КА-МАЗ – и на свалку.

Прошлой весной посетил Петра. Из дома он уже не выходил. Не было сил дойти до лифта. Возраст и болезни прижали к земле. Не только они.

УЧЕБНИКИ ЖИЗНИ

Продавцы в книжных магазинах меня любили. Не претендовал на дефицит, спрашивал сборники стихов, справочники, словари. Словом, книги, которые откроешь более одного раза. У остального начальства в районе, а редактора газеты к этой категории лиц причисляли, другие интересы. Они покупали исключительно детективы.

В Ковдоре, Умбе, да и в Кандалакше детективы разметали ещё на подходе к полкам. Вместе с престижными корешками подписных изданий – и двухсоттомную «Библиотеку всемирной литературы». Она доставалась исключительно избранным. Но вряд ли читающим. Иначе бы комиссионные полки не ломались бы от произведений классики эпохи Возрождения. И поэтов, разумеется.

Тома и томики, где движущую силу сюжета определял личный корыстный интерес отрицательных героев, охотники за дефицитом, по всей видимости, читали, как учебники жизни. Как увлекательные варианты возможного личного обогащения. Как истинный кодекс взаимоотношений между людьми. Или я ошибаюсь? Не исключено, эта мысль пришла на пенсионном досуге. Но, мне кажется, версия достойна рассмотрения.

Посевы детективов буйным цветом взошли на исходе Перестройки. Оказалось, очень даже выгодно взять в долг и сделать вид, вроде ничего не брал. Оболгать конкурента или претендента на должность. Просто присвоить всё то, что плохо лежит. На такие поступки читатели умных книг и поэзии неспособны. Априори, как говорится. А любили детективов и прежде считали, что можно купить в магазине по одной цене, а продать с рук втрое дороже. И что это никакая не спекуляция, а разумный и деловой подход.

Кто и как сейчас правит бал в городах на севере, не знаю. Могу лишь догадываться. Зато по возвращению в Киев больно ощутил локти ненасытных охотников за денежными знаками. Сколько их развелось! Существует много версий падения нравов – смены наивно-романтических законов на волчьи. Но что не обошлось без влияния детективов – уверен.

В Киеве, у метро «Петровка», книжный базар разросся за счёт букинистических рядов. Стихи, повести, романы, за которыми прежде гонялись и читали в очередь, – лежат грудями, продаются за копейки. Как в прежние годы – макулатура. Зато детективов, ни старых, ни новых – не найдёшь.

Учебники жизни в ходу. Надеяться на перемены наивно.

ВОСПОМИНАНИЯ О ДЕТСКИХ САДАХ

К рассказам о населённых пунктах, выросших вокруг горно-обогатительных комбинатов или металлургических заводов Кольского полуострова, можно смело ставить в эпиграф легендарную строку из очерка кумира моего поколения газетчиков Анатолия Аграновского: «Идёшь по городу по колёно в детях»! Так оно и было. Ковдорский ГОК в смету реконструкции обогатительной фабрики и карьера, в строительство новых фабрик обязательно вписывал очередной детский сад. Они появлялись чуть ли не каждый год, мест всё равно не хватало.

Любопытная подробность. Цены на продукты в стране строго лимитировались в зависимости от пояса. В магазинах Киева, к примеру, картошка стоила 8 копеек за килограмм, в Мурманске – 12. Буханка хлеба, соответственно, 14 и 16. А 10–12 часов пребывания в детском саду с четырёхразовым питанием двумя обязательными прогулками на свежем воздухе по всей стране стоили одинаково. В ясельных группах – 10 рублей в месяц, в детсадовских – 12, 50.

И ещё одно неколебимое правило. Мясо, овощи, крупы, фрукты, соки, ОРС ГОКа был обязан сначала поставлять в детские сады, лишь потом в магазины. Не помню, чтобы сына после садика нужно было кормить. Жена зимой на школьных каникулах и летом в июне уезжала в Мурманск сдавать экзамены. Как-то под Новый год разжился в Кандалакше мандаринами, пацану понравились. Наутро глаза его превратились в щёлочки. Из-за аллергии на цитрусовые. В садике детям давали по одному плоду на брата, а я расстарался.

С молоком проще. Положено каждому северянину выпить за год такое-то количество молока – извольте обеспечить. Хотя бы в виде мороженого. Специально для этого в Мурманске фабрику построили. Но везти скоропортящийся продукт можно лишь в рефрижераторах. В мех-пятёрке, если по же-

лезной дороге. А где в Ковдоре столько порций хранить? Потому мороженое в город завозили исключительно зимой, с октября по апрель.

По осени в цехах комплектовали несколько бригад и посылали в подсобное хозяйство комбината. Бригады косили овсяно-гороховую смесь на сено. Первым делом подхоз направлял молоко в детскую молочную кухню. Там из него производили детский кефир – полагался каждому младенцу. Сын мой с трёх месяцев перешёл на это питание, и ничего, вырос здоровым.

Перестройка развязала инициативу и языки. Что ни собрание, то резолюции с требованиями. Особенно часто звучало предложение продлить мамам оплачиваемый декретный отпуск до поступления ребёнка в школу. Дескать, тогда дети будут меньше болеть. Детские сады вмиг обезлюдели. Закрывались куда интенсивнее, чем открывались. Освободили помещения для контор.

В Киеве – та же история. Во дворе моего дома за красивым чугунным забором вырос прекрасный парк с двухэтажным зданием детского сада посередине. Теперь в нём обитает какое-то получастное высшее учебное заведение. Зато через дорогу появились современные детские сады. Без зелени, с плиткой на тротуарах, но с навесами. Пребывание ребёнка в них превышает в разы минимальную зарплату. Плюс отдельная плата за кружки и секции, за бассейн, за пребывание в саду более восьми часов вкряду. Обитателей элитного микрорайона такие расценки нисколько не смущают.

НА ТРЕЗВУЮ ГОЛОВУ

Революция – это обещание всего сразу и сейчас. В пику эволюции, постепенным преобразованиям. Превращение обезьяны в человека заняло миллионы лет. А всё равно до сих пор дают о себе знать перекосы роста. Типа почти бесполезного аппендикса или докучливого остеохондроза – следствия перераспределения с четырёх лап на две ноги.

Горбачёвская Перестройка споткнулась и грохнулась исключительно из-за резких революционных преобразований типа борьбы за трезвую жизнь. Правда, статистика свидетельствует о резком падении в те годы смертности среди трудоспособного населения. Но и болезненных минусов хватало.

Разгар антиалкогольной компании. В Мурманске умер наставник большинства журналистов полуострова, ветеран войны. Просто отличный журналист, пользовавшийся уважением и любовью коллег. Кому-то в обкоме партии пришла в голову мысль превратить поминки уважаемого человека в образцово-показательное мероприятие, соответствующее последним партийным установкам. После кладбища собрались, как водится, в кафе. Организаторы строго-настроено предупредили: никаких бутылок с собой. Трезвость и ещё раз трезвость!

А как стресс снять? Столы накрыты по-первому разряду, но фирменные котлеты по-мончегорски в горло не лезут. Разбились мы по группам и разъехались по квартирам и гостиницам. По возвращению в свой город, за 300 км от областной столицы, выстоял очередь в новом водочном магазине. Накануне, здесь в дверном проёме испустил дух врач местной больницы. Не выдержал давки за «Горьким в стеклянном переплёте».

«Стеклянный переплёт» – находка местных острословов. Прежде, в этом деревянном бараке располагалась городская библиотека, её переселили в новое здание, поближе к центру. К бараку примыкал огромный неоттапливаемый сарай. Принесёшь домой бутылку, а в ней звякают кристаллики льда. В любой – в «московской», в «столичной», в «пшеничной» или в новинке последних лет – «андроповке», прозванной коленвалом из-за прыгающих на этикетке букв.

Водки утекло не меньше, чем воды. Очереди в специфических отделах магазинов не редуют, хотя цены подпрыгивают несколько раз за год. Злят, но не отпугивают. Неужели нет другого пути кроме запрета и удорожания? Удалось же за жизнь одного-двух поколений превратить целые страны в «вагоны для некурящих». Всё меньше желающих повторять за классиком, что «курение – занятие мужское и мужественное...». И призыв «Давай, закурим!» звучит теперь отнюдь не знаком дружбы, а чуть ли не оскорблением.

ДЕЛО СЛОВА

Бежит время. Наиля Ганиева, прислала по Интернету коллективное фото ветеранов районной газеты «Ковдорчанин». «Дочерью одного из великих народов Поволжья» Наиля представлялась при первом знакомстве в далёких семидесятых. Таким образом, обрезала возможные вопросы, почему она путает в русском падежи и время. Надо сказать, за прошедшие почти без отрыва от Ковдора годы, Наиля не только овладела всеми секретами построения кадра, но и основательно поднаторела в литературном русском. Её зарисовки о людях родного северного города, на мой редакторский взгляд, украсили бы любую газету.

Мои дороги с газетой «Ковдорчанин» на года два пересеклись в самом конце горбачёвской Перестройки. Многие ветераны этой тридцатипятилетней газеты мне знакомы ещё по «Рудному Ковдору» – многотиражке Ковдорского ГОКа. Большинство из ветеранов, в том числе сама Наиля, начинали именно в многотиражке, хотя в «Трудовой» значились совсем другие профессии. Четырёхполоске, вернее двум спаренным двухполоскам, полагалось всего два штатных сотрудника, включая редактора.

Приятно, что слово «ковдорчанин» благодаря названию районной газеты прижилось. Вытеснило неудобоваримое, на мой взгляд, слово «ковдорец». Именно так в семидесятых-восьмидесятых назывался пионерский лагерь ГОКа, отвозивший летом детей сотрудников комбината поближе к овощам и солнцу. Наверное, то был отголосок равнения на «старшего брата», – на Оле-

негорский ГОК. Но для трёхсложного слова «Оленегорск» суффикс «ец» ограничен, по кальке: Новгород – новгородец. А в присоединении к двухсложному «Ковдору» он режет ухо. Помнится, приобщил к полемике на сей предмет гостившего в Ковдоре поэта Льва Ошанина. Но его рекомендации к делу не пришлись.

Поначалу ковдорская районная газета называлась «Знамя пятилетки». Стыдно признаться, но и к этому названию я имел самое прямое отношение. В 1980 году пригородная зона Апатит во главе с Ковдором стала районом, а Ковдор – райцентром. Райцентру по штату полагался не только райком партии, но и прочие атрибуты, включая районную газету.

Со штатами райкома вышла заминка. Нет, ковдорчане радовались отделению от Кировского горкома, от Апатит. Туда приходилось, чуть ли не каждый месяц отправляться караваном на разного рода совещания, именуемые партхозактивами. Но выдвинуть из своей среды кандидатов в секретари райкома и в завотделы – не торопились. За исключением разве второго по значению комбината, – «Ковдорслюды». Насколько знаю, от лестного предложения возглавить районную парторганизацию отказался многолетний начальник обогатительного комплекса ГОКа Анатолий Сидоренков.

Основные райкомовские должности позанимали разные выдвиженцы из других районов. Третьим секретарём райкома стал товарищ по комсомольской кличке «Моль». Его только так за глаза и величали. О нём я уже, кажется, упоминал на предыдущих страницах. Первым делом секретарь по идеологии взял в свои руки распространение книжного дефицита. Помнится, «Энциклопедический словарь», однотомный, впервые выпущенный в начале восьмидесятых, достался исключительно районной партноменклатуре.

Недавно у меня, наконец, дошли руки до архивов, жгу без сожаления. Раскрыл папку с «датскими стихотворениями» – текстами, которые писал для разного рода городских торжеств и сборищ по случаю праздничных дат. Прежде сходило. Как напишу, так и будет. Разумеется, пользовался возможностью втиснуть в традиционные приветствия деток актуальное содержание. Ну а чтоб президиум не очень гневался, добавил в конце приветствия, давно апробированные строки: «Вы нас простите, будьте любезны, //Мы ведь друзья вам, а не подлизы. //И конференции слушать полезно: //Потому что критика снизу!».

На утро Моль вызвал меня в райком, вручил мне текст приветствия с собственноручной резолюцией: «Критика любая – хороша. И сверху, и снизу» ...

Стыдно признаться, к прежнему названию районной газеты я тоже имел прямое отношение. Моль просил выручить райком, набросать проект названий райгазеты. Отнёс полторы страницы на машинке. Разумеется, начал с «Ковдорчанина». Однако, зная с кем имею дело, дописал кучу железобетонных названий, во главе со «Знаменем пятилетки». На дворе – 1982 год. До начала Перестройки ещё три долгих года. Моль выбрал железобетон.

ОБЕРШТАГ НА СУШЕ

Начало века. Киев, разгар ещё той, Оранжевой, революции. Крещатик на всю восьмисотметровую длину заставлен палатками армейского образца. Приезжие революционеры приспособили буржуйки под мангалы для шашлыков. Запахи гуляют, словно это не заглавная улица столицы, а лесопосадки в степи.

Государственные учреждения продолжают работать. С утра в здании рядом со знаменитым Центральным универмагом собралась солидная публика – члены Высшей аттестационной комиссии. Водяное отопление еле-еле функционирует, академики и доктора наук сидят, не снимая пальто. Обмен мнениями затянулся до вечера. То ли соискателей степеней оказалось сверх меры, то ли иные из дотошных членов комиссии настояли на рассмотрении по полной процедуре.

В тот день ВАК рассматривал заявку рассекреченного сотрудника Службы безопасности Украины, господина N, – на присвоение учёной степени доктора исторических наук. Соискатель накопил кучу неопровержимых фактов о борьбе воинов украинской повстанческой армии и теоретиков из организации украинских националистов с убийцами из НКВД и МГБ СССР. Восстановил историческую справедливость. Голосовали единогласно. Опять же, соискатель докторской степени не чужой для науки человек – кандидат исторических наук.

Что правда, то правда. Лет за пятнадцать до означенного заседания многоуважаемый ВАК, правда, в несколько другом составе, одобрил кандидатскую диссертацию нынешнего претендента в доктора наук. На членов высокой комиссии произвели неизгладимые впечатления убедительные примеры автора осражения сотрудников НКВД и МГБ с бандитами из УПА и УНСО.

... Как свидетельствует Военно-морской словарь, оверштаг – есть поворот парусного корабля на 180 градусов путём пересечения носом линии ветра. Что касается образной связи между чувствительным носом корабля и движением в противоположную сторону – тут не посмотришь, она самая прямая. И на море, и на суше – главное вовремя уловить носом направление ветра перемен. А если факты при этом бьются лбами – тем хуже для фактов.

ХУДО И БЕДНО

Администраторы Древнего Рима – строго следили за ценой на хлеб для простого народа. Его стоимость в тогдашней твёрдой валюте не менялась веками. Только в форс-мажорных обстоятельствах – из-за засухи-недорода или военных действий, перерезавших транспортные артерии, – высочайше позволялось... Нет, не повысить отпускную цену буханки. Она обязана была оставаться неизменной. Пекарям разрешалось переходить при дорогой муке на меньшие формы для буханок. Простенько и со вкусом. Никакая оппозиция в лице очередного претендента на кресло императора не подкопается.

Не пропадать же в туне полезным наработкам римлян. Поводыри наши свою соображалку направили поначалу на водку. Вместо традиционных 0,5 литра выпустили в продажу «огненную воду» в 0,37 литра, «чекушку» заме-

нили двухсотграммовой ёмкостью... Вроде пронесло. Тут же принялись колдовать с подсолнечным маслом. Взамен литровой бутылки – ёмкость в 0, 91 литра, затем в 0, 87 литра... И молоков пакетах уменьшилось на десятые доли литра.

После революции, ещё той, Октябрьской, хороший поэт говорил, что ему сложновато «задрать штаны, бежать за комсомолом...». Интересно, какую метафору употребил бы он, живи в наше с вами время, в XXI веке? За ценами погонишься – рискуешь остаться и без штанов, и без трусов. Как приверженцы модного нудистского пляжа.

А нам с вами не до отдыха по моде богатеньких иностранцев. Нам просто выжить охота.

ПОДВИГ РЕДАКТОРА РАЙОНКИ

Знаю, знаю, Кандалакша никакой не райцентр, а город. Вокруг простирается не район, а пригородная зона. И что газета, в которой Ефим Федотович Разин проработал свыше сорока лет, из них двадцать лет – возглавлял её, считалась городской. Хотя штат имела точно такой же, как газеты в остальных райцентрах по всей России.

Можно ещё сказать, как и во всём Советском Союзе, но это было бы не совсем точно. Печатным изданиям в союзных республиках полагалась дополнительная ставка – литературного редактора. Последнему вменялось в обязанность следить за чистотой языка коренного народа, так сказать, помогать товарищам на местах овладевать «рідною мовою». Это к вопросу о том, были ли во времена советской империи национальные особенности в заgone.

Нет, не случайно всплыло в памяти штатное расписание районных газет в РСФСР и в остальных республиках бывшего Союза. Хотя, в книге Ефима Разина «...И не только о Саласпилсе» о районке – почти ни слова. Книга рассказывает об одном из лагерей смерти, устроенном фашистами на захваченной территории СССР. Лагерь этот находился под Ригой. Щемящие эпизоды страшных дней и ночей автор помимо воли накладывает на сегодняшние реалии. Оскорбления в адрес невольников, на которые так щедры были полиция и охранники, в наши дни являются образцом государственного языка в иных независимых странах. Тех самых, кого представительница Серебряного века русской поэзии Зинаида Гиппиус называла «Прибалтийскими пуговицами».

Книга Разина читается, как захватывающий роман. Нет, автор не сражается подобно героям «Трёх мушкетёров» с гвардейцами кардинала, не гоняется вместе с Остапом Бендером и его поделниками по стране за сокровищами мадам Петуховой. Всё равно читатель нетерпеливо ждёт, что же там, на следующей странице?

Материал о Саласпилсе никак не ложился на страницы, редактируемой Разиним газеты. Поскольку не касался Кандалакши и окрестностей. Тем не менее, несколько десятилетий своей жизни, вернее отпусков и редких, свободных от газеты, выходных дней, автор посвятил сбору и обработке информации об узниках лагеря смерти. Потому, настаиваю, книгу можно и нужно считать подвигом Разина.

В начале июня 1941 года, мама, учительница, вывезла 13-летнего Ефима и 15-летнего старшего брата Пашу из Кандалакши на каникулы, поближе к солнцу, в Псковскую область. Отдых, как читатель догадался, закончился, не начавшись. Псков захватили рвавшие к Ленинграду гитлеровцы. Мыкания по территории, захваченной врагом, привели в тюрьму, в лагерь Саласпилс, затем – на каторжные работы в Германию, во Францию, опять Германию.

Возможно, молодой читатель скажет, что издевательства оккупантов и полицаев, порядки в концлагерях, ему достаточно известны из фильмов и книг. Не спешите. Один лишь эпизод из жизни Саласпилса. Куражась над людьми, страдавшими не только от голода, холода, но и вшей, погнали их зимой мыться. В кранах – ледяная вода. После «бани» взамен одежды выдали старое женское бельё. Ноу-хау охранников лагеря под Ригой наполовину выкосило бараки.

Разин даёт ответ на давний невысказанный вопрос: как, благодаря чему люди выжили в немыслимых условиях? Сохранили своё человеческое достоинство. В большинстве изданий прошлых лет, на которых воспитывалось моё и последующие поколения, авторы делали упор на веру в победу Красной армии. Не дремало подполье, а «партком разрешал самоубийство слабым».

Страницу за страницей, Ефим Федотович написал о том, как он сам, его брат и мама делили последнюю крошку.

Моральной опорой для подростка Разина стал побег из Саласпилса шести заключённых – псковичей, парней ненамного старше его. Побег, по всему, закончился удачно. В противном случае его участников казнили бы на виселице у ворот лагеря. Слух о побеге облетел бараки. После – тишина и никаких телодвижений. Кроме ужесточения и без того жутких условий содержания в этом аду.

Всю свою жизнь журналист Разин пытался восстановить имена шести храбрецов. О них ничего не знали в советские времена сотрудники музея в Саласпилсе. Не слышали о подвиге юных псковичей и на родине героев.

Легко сказать, что Ефим Федотович старался установить имена неизвестных шести псковитян. Труднее представить. Особенно людям, знающим объём обязанностей редактора районной газеты. У редактора ни на что другое, кроме как на материалы для своей газеты, ни сил, ни времени не остаётся. Во-первых, всегдашняя нехватка кадров в районке, да ещё усугублённая «северными» профсоюзными отпусками. Во-вторых, своих, кандалакшских тем невпроворот. От времён расцвета Соловецкого монастыря и его филиалов, от Крымской войны, что огнём докатилась до Белого моря. Не говоря уже о Великой отечественной.

Под армейские даты часто гоняют по телеку киноленту о поединке немецкого аса и нашего солдата, чудом спасшегося из разбомблённого этим самым асом судна. Закончилась дуэль тем, что солдат последним патроном перебил бензоподачу в самолёте и тот уткнулся в берег. Эту историю, она документально подтверждена, я впервые прочитал на страницах газеты, которую редактировал Е. Ф. Разин. Лишь потом её подхватили киношники.

О круге забот редактора из Кандалакши знаю не понаслышке. Лет восемь работал на такой же должности сначала в Умбе, потом в Ковдоре. В населённых пунктах справа и слева от города Разина, если по карте. А прежде много лет редактировал многотиражку Ковдорского ГОКа, в типографию ездил опять же в Кандалакшу, раз в неделю виделся и общался с Разиным. Часами разговаривали, когда вместе ехали в Мурманск на какой-нибудь семинар или совещание.

Ни разу Ефим Федотович не вспоминал о своей жизни под немцами. Обмолвился как-то, что во Франции побывал. И замолчал. Яне расспрашивал. Жизнь на территории, занятой врагом, воспринималась в послевоенных анкетах чем-то вроде измены родине. Если человек не хочет распространяться, чего лезть в душу?

Как проводят отпуска – проводили, по крайней мере – большинство северян, не секрет. Кто по путёвке, кто как иначе, но обязательно – к югу. Ефим Федотович, даром что был своего рода дуайеном журналистского периферийного корпуса Мурманской области, ни разу, насколько знаю, не воспользовался этим маршрутом. Сначала, пока заочно учился в Ленинградском университете, брал профотпуска для сдачи экзаменов. Потом, в редкие недели отпусков, ездил по дорогам Псковщины и Латвии, по местам своей искорёженной юности.

Разин раскопал-таки сведения об отважной шестёрке беглецов. Их всё-таки поймали немцы. Не сразу, спустя несколько суток после побега, километрах в ста от Риги. Ребята успели переодеться. Их арестовали и направили на работу, но уже не в лагерь. Копали заграждения, пока их не освободили наши наступающие части, и они не влились в их ряды.

Распространяться о своём пребывании в Саласпилсе все шестеро не очень-то спешили. Без того клеймо находившегося на вражеской территории предстояло смыть кровью. К мирной жизни вернулись с наградами. Некоторые на родную Псковщину, иных судьба разбросала по Союзу, вплоть до украинского Донбасса.

С одним из героев Ефим Федотович лично побеседовал, с другим завязал переписку, о некоторых узнал уже от их детей. Когда материал созрел, и последняя фамилия героя перестала быть неизвестной – Ефим Федотович засел за книгу на громадной, ещё редакционной машинке. В годы редакторства он выстукивал пулемётные дроби, печатая материалы боковыми подушечками указательных пальцев именно на этом агрегате.

Догнали болезни – наследие лет, проведённых в концлагере. Наполовину парализовало. Книгу о Саласпилсе Разин настукал одной рукой. Потом ещё лет десять ждал возможности её опубликовать. И прежде-то Ефим Федотович зрением не отличался. Представляю, как ему было трудно вычитывать типографскую вёрстку.

Думаю, книга помогла Ефиму Федотовичу дожить почти до 80 лет. Ощущение невыполненного до конца долга перед подвигом мальцов из Псковщины – держало на этом свете. Может быть, ещё пожил бы. Дате страшные годы напомнили о себе. Федеративная Германия изъявила готовность опла-

тить в лучших санаториях лечение пожилого человека, пострадавшего от нацистов. Правда, скрупулёзные немцы запросили медицинские справки. Кандалакшские эскулапы сказали «есть!» и провели пожилого человека сквозь анализы по полной программе. Это им удалось. А сердце пациента не выдержало.

Книгу Разина я бы считал учебником для молодых журналистов. Слогу, стилистике, экономике и прочим премудростям – можно поднабраться в университете. А вот отношению к журналистскому долгу на примере Ефима Федотовича не грех поучиться. Достойный пример!

СИЯНИЕ СЕВЕРА

Чего не хватало на Севере, так это весны. В родном Киеве она растягивается на неделии месяцы. Сначала проклёвываются почки, потом цветы, потом... В Ковдоре всё разнообразие уплотнено до одного дня. Первая тёплая ночь, если можно назвать ночью ту пару часов сумерек между закатом и рассветом. С утра солнце. Почки на берёзах едва заметны. Идёшь с работы – вся улица в новом отглаженном наряде. Через неделю-две – небольшая остановка на цветение рябины и черёмухи. Вот и вся весна. Ждешь её, ждёшь, а она раз – два и обчёлся.

Если по-честному, меня раньше срока повымело с Севера совсем не строгое распоряжение новоиспечённого председателя Верховного Совета Кравчука. Дескать, если кто желает остаться гражданином УССР, надо в считанные месяцы вернуться к месту прописки. Саднило, конечно, что после смерти мамы отец остался один в четырёхкомнатной квартире на киевской Оболони, нуждается в помощи. К тому же сын перешёл в одиннадцатый, выпускной, класс, ему на следующий год поступать в институт.

Была ещё одна, сугубо личная причина. О ней боялся самому себе признаться, но она всё явственней напоминала о себе. С разницей в год-полтора провёл по месяцу в больнице. Годами не позволял себе болеть, разве как-то неделю провалялся на больничном. В лучшем случае забегал подышать в сауну, благо к тому времени они расплодились повсеместно, даже в гостинице Кандалакши. Постоишь, подышишь и снова как огурчик. Но чаще и чаще стал ощущать, как тяжело подниматься на пятый этаж в шикарную трёхкомнатную ковдорскую квартиру с видом на лес и озеро. Сердце явственно придавливала сверху невидимая планка.

Ощутил полной мерой, что кислорода в северных широтах меньше нормы. Словом, позволение выйти на пенсию на пять лет раньше обычного срока, при пятнадцати лет северного стажа, никакая не льгота – возмещение потерянного здоровья.

После возвращения в Киев сердце перестало напоминать о себе, ещё долго не напоминало. А в памяти, чем дальше, тем резче вставали картины жизни в тех широтах. Длинные, почти двухмесячные полярные ночи, когда солнце не показывается на горизонте, а серый рассвет тут же сменяют серые сумерки.

Зато всюду полыхает северное сияние – если небо не покрыто тучами в безветренные сутки. Наслаждаться этим природным зрелищем лучше из окна квартиры или кабинета, на улице – мороз под тридцать и ниже.

Летом сияние тоже полыхает. Но солнечные лучи отбеливают его зеленоватые грани. Светило крутится по горизонту и норовит поцелить в глаза. Солнцезащитные очки на севере никакая не роскошь, а насущная необходимость. И летом, и зимой. Особенно, зимой, когда снег того и гляди сфокусирует ослепительные лучи на твоём зрачке.

У северного сияния есть не менее звучные синонимы – «сполохи» и «полярные зори». Данные имена заполярных красот стали названиями улиц Мурманска. Точно знаю. Это адреса моих друзей.

Газетная работа ни на что другое почти не оставляла времени. Знаю, в окрестностях Умбы сохранились так называемые лабиринты, начерченные камнями спирали, выложенные у берега моря. До сих пор учёные спорят, что это – ловушка для рыб, забредавших сюда в прилив, или культовое сооружение времён легендарных Гипербореев? На острове Медвежий в Белом море во времена Анны Иоанновны соловецкие монахи добывали серебро. Один из рудников так и назывался: «Дал Бог счастья».

А пляжи на том же острове «Медвежий»! Выстланы отполированной серой галькой, как в Батилимане, на юго-западной оконечности Крыма. Камешки пружинят под ногой, не причиняя боли. Рядом – бухта с песчаным, солнечным пляжем. Жаль ни тем, ни другим воспользоваться по прямому назначению невозможно, морская вода за неделю-другую летней жары не поднимается выше десяти градусов.

Железо, апатит, никель и прочие полезные ископаемые – не единственное богатство Кольского полуострова. Гранитами и мрамором заинтересовались Итальянские фирмы. В этой стране ещё со времён Рима разбираются в качестве материалов для строительства. Там же, на берегу Белого моря по дороге из Умбы в Кузомень, есть небольшой мыс Корабль – месторождение уникальных аметистовых друз, тёмно-сиреневого цвета. Жаль, добытчики их не выпиливали осторожно из каменного ложа, а взрывали.

Такая подробность. В годы, когда полки в магазинах пустели до неприличия, в Умбе можно было купить медвежатину, добытую местными охотниками. Или пакетики с нарезанной ломтиками сёмгой. Деликатесом, который в столицах редко можно было увидеть. Из Умбы в Москву, в 1980 году, на Олимпийские игры поставили 100 тонн свежесолёной сёмги. Выращенной не в инкубаторах-фиордах, как в Норвегии, а выловленной в те месяцы, когда рыба заходит «на пресницу» в устья рек из Белого моря. В общем, попробовать не от пуза – 300 граммов сёмги стоили 4,20, дороже бутылки коньяка – но можно было. И ещё с друзьями из других городов поделиться.

А ещё север – это грибы и ягоды. В южных районах Кольского полуострова иногда и боровики попадаются. Но в основном моховики и волнушки. Зато бери – не хочу. Не собираешь, – выбираешь. За морошкой ни разу не дове-

лось съездить. Не потому, что она, подобно клюкве, обитает на болотах. Исключительно по причине комарья и гнуса, охраняющих эту витаминную добавку в период созревания. Зато время брусники наступает с первыми заморозками, в бескомарный период. Цветом и гроздьями брусника напоминает вишню.

О каньонах, украшающих природные парки Америки, доводилось читать. А неподалёку от Ковдора в тайге спряталась между двумя отвесными гранитными стенами глубокая расщелина. Где-то внизу течёт ручей, вернее речушка. В ней даже форель водится. По бокам сопки, заросшая ягелем и покрытая соснами и елями тайга. Нормальными для этих мест деревьями, примерно высотой до второго-третьего этажа. Вдруг почти вровень с ними видишь верхушки громадных корабельных стволов, в два обхвата, высотой с девяти-двенадцатиэтажный дом. В расщелине, то бишь в каньоне, они защищены от перепадов температур и ветров, вот и вымахали в оранжерейных условиях.

Это сейчас модно меняться жёнами и мужьями, а в до перестроечные времена перемена семейного статуса часто означала конец служебной карьеры. Везде, но не на севере. Там работать надо, там анкетные данные – на втором и третьем месте.

Может быть потому, что на север людей приводила любовь, лица сослуживцев светились радостью. Этот отсвет окрашивал взаимоотношения в коллективе в светлые тона. Убеждён, по количеству счастливых семейных пар любой северный городок дал бы сто очков вперёд областным центрам средней полосы. Да и столицам – тоже.

Без малого в сорок приехал на Кольский полуостров. Обычно в этом возрасте, сближаться с людьми трудно. Если вообще получается. Воздух воздухом, кислород кислородом, но есть ещё одно определение – атмосфера. Благодаря ей север стал для меня воистину страной обетованной. Не для меня одного.

Проработал там почти два десятилетия перед распадом страны. Обострялись и обострились донельзя противоречия в обществе. Везде. Только не в краях, где люди получали фактически двойную зарплату за ту же работу – компенсацию за суровые условия жизни. Фактически плату за потерю здоровья. Но более-менее сносное бытие определяло сознание. В крупном и в мелочах. Зарплата позволяла обходиться без мелких подачек, чувствовать себя не прислугой, а равноправным рабочим человеком.

Такой важный момент. Ставки и круг обязанностей работника по всей стране расписаны под копирку. А загруженность, всё-таки разная. Двойные северные отпуска, предусмотренные щедрым государством для подпитки северян солнцем, принуждали, особенно в малых коллективах, работать с перегрузкой. Хорошо знаю, редактировал многотиражку и две районные газеты.

И всё-таки, и всё-таки – восемь месяцев зима. Глаза от белого с серым устают. Любому цветному пятну радуешься. В Ковдоре к углу карьера приту-

лилась раскомандировка. Чёрно-серая пыль от массовых взрывов покрыла всё вокруг грязным ковром. Только у входа в раскомандировку всю зиму желтело оранжевое пятнышко. Начальник рудника попался некурящий, не переносил табачного дыма. Сей недостаток недоброжелатели ему припомнили. Но это уже другая история.

Чем дальше от меня то время, тем чаще в памяти всплывает сияние севера. Где северное сияние – всего лишь строка, хотя и яркая. Из красивой песни.

БРОНЕБОЙНАЯ ПОДПИСЬ

Время выпалывает детали и детальки. Каюсь, не могу припомнить имя-отчество начальника СпецСМУ, занимавшегося ремонтом механизмов Ковдорского ГОКа. Хотя был коротко знаком, мало того, начальник СМУ меня и мою семью лично выручил. Предоставил благоустроенную квартиру в здании своей конторы, где мы жили, пока достроят дом, в который семья редактора районной газеты, то есть моя, вселится в трёхкомнатную квартиру. А вот фамилию сего уроженца кубанских просторов – Могильный! – не вытравить никакими позднейшими событиями. Она-то и стала фигурантом предлагаемой истории.

В город, где с начала семидесятых проработал почти две пятилетки, вернулся на излёте горбачёвской перестройки. Как раз под выборы в местные советы всех уровней. В те месяцы избиратели отдавали предпочтение людям, которых знали с хорошей стороны – учителям и врачам. В ряды бюджетной интеллигенции кое-где протиснулись авторитетные хозяйственники. Наш герой среди них очень даже выделялся.

Его знали. По повышенным в сравнении с другими предприятиями города, зарплатам и ставкам. Могильный соорудил для своих сотрудников первую в городе сауну. Стабильные заказы ГОКа позволили урвать некоторую сумму средств для запуска карьера по добыче и обработке северного габро и прочих ценных камней для надгробий. Потребители новой для Ковдора продукции вскоре обнаружили буквально рядом, за пограничной полосой, в несколько км от города и его горно-обогачительных предприятий.

Необходимо добавить, что предприимчивый начальник обзавёлся первым в Ковдоре факсом, благодаря чему сумел наладить контакты с ближним и дальним зарубежьем. Попутно организовал на собственных площадях выпуск дефицитных, и весьма прибыльных, мужских носков. Надо ли говорить после всего этого, чья звезда ярко сияла над городом.

Сказанное выше позволило скромному начальнику СМУ стать владельцем новейшего «Москвича». Автомобиля, почти догнавшего начальственную «Волгу» по комфортабельности и скорости. Не смутила счастливого автовладельца реакция финских бизнесменов, посетивших СпецСМУ и его подразделения, и не расстававшихся с цветным видеомоноитрофоном. Финны цокали языками, осматривая готовые к экспорту каменные плиты, высказали удовлетворение по поводу механизмов обработки камня, но не нашлось у них ни одного доброго слова или жеста в адрес белоснежного «Москвича».

Признание заслуг начальника СМУ ждало впереди, на депутатском поприще. Перестройка окончательно пошла вразнос. Просьбы и вопли о помощи с периферии разбились о хладнокровное молчание выше стоящих организаций. Только на письма, заверенные депутатом облсовета Могильным, следовал реактаж за реактажем. Весьма оперативно.

И то сказать, из какого-то Ковдора по факсу приходят бумаги, отпечатанные типографским способом, да ещё за подписью полужирным шрифтом: **Могильный**. Иди знай, что это такое – просто фамилия или угроза? Тогда ведь с утра до вечера телеэкраны заполняли Кашпировский с Чумаком.

Не раз и не два заставлял председателя райсовета за одним и тем же занятием. Он названивал директору Петрозаводского алкогольного завода и умолял прислать один (два-три) вагона водки, поскольку нечем платить зарплату учителям, врачам и рабочим коммунальных служб города. На том конце провода держали круговую оборону и кормили обещаниями. До тех пор, пока в Петрозаводск не ушла депеша с фамилией Могильный, венчающей текст.

Могу подтвердить, до самых двадцатых чисел августа 1991 года вагоны с сорокаградусным грузом приходили в Ковдор из столицы Карельской автономии регулярно и без напоминаний. Благодаря волшебной подписи...

ПЕРЕЧИТЫВАЯ КОНЕЦКОГО

С годами, оброс привычками и забобонами. Любая большая журналистская работа начинает у меня спориться тогда, когда вечерами перечитываю Виктора Викторовича Конецкого, писателя и морехода. Человека, бороздившего моря и океаны, в качестве штурмана или капитана.

О том, какой Конецкий писатель, мои современники могут судить хотя бы по фильмам, автором сценариев которых он стал ещё в шестидесятых годах двадцатого века. Это ему кинорежиссёр Георгий Данелия отчасти обязан своим дебютом в кино – фильмом «Путь к причалу», затем кинокомедией «Тридцать три». А «зверино-морской» фильм – «Полосатый рейс» – крутят по телеку не реже, чем «Иронию судьбы или с лёгким паром!» Эльдара Рязанова.

У киносценариста всё-таки имеется тяжеловес-соавтор – режиссёр. После стольких лет внимательного чтения первоисточников я на слух определяю, какая реплика принадлежит Конецкому, а где отсебятина соавтора. Повести и путевые заметки этого автора позволяют, как бы окунуться в атмосферу, в которой он прожил большую часть своей жизни. С её радостями и невзгодами. О последних, правда, не дают забыть на Украине нынешние средства

массовой информации, что видят в прошлом исключительно оттенки чёрного, серого и никаких других.

Конецкий замечал и фиксировал внимание не «после того, как», а во время. Когда писали исключительно о великой дружбе между народами СССР, лишь Конецкий заметил, что у коллег из пароходств, принадлежавших прибалтийским республикам, *ведро воды забортной* не выпросишь, не то, что несколько тонн горючего или электропаяльник. Когда газеты (и моя тоже, чего уж скрывать) вещали *онеуклонном улучшении благосостояния советских людей*, Виктор Викторович на всю страну сообщил, что в восьмидесятых годах впервые после войны увидел в Мурманске карточки на сахар и крупу, хотя они и назывались иносказательно – талонами...

Мне представляется, именно Конецкий, несмотря на сугубо морской профиль своих произведений, выпуклее всех показал производственные отношения между людьми, царившие во времена, когда тема труда не сходила со страниц и экранов. Автор не боялся касаться фактов, от которых большинство служителей пера и кинокамеры, бежали, как чёрт от ладана. Чтобы их, не дай Бог, и не заподозрили в антисоветчине.

Это Виктор Викторович раскрыл каналы, по которым в комиссионные магазины страны проникали заграничные шмотки. Мы-то, жители сухопутной глубинки, представления не имели об инвалютных рублях и торговых точках с камуфляжным названием «Берёзка». В них дефицит из дефицитов без всякой очереди. И какая шла подковёрная борьба среди экипажей судов за получение этих не деревянных рублей прочесть можно только у Конецкого. Заодно и о том, как и в каких магазинах в заграничных портах лучше потратить валюту, обратив её в женское бельё, парики, джинсы, дублёнки, жевательную резинку.

А борьба за план? Только самиздатписал о том, что «Арифметика у нас куда академии – так и сходится баланс на вопросе премии!». Конецкий в открытую рассказал о лазейках в законе, позволяющих обойти запреты под дымовой завесой красивых лозунгов и обыкновённой ловкости рук. Примерно в то же время, когда я открыл для себя этого ленинградского писателя, на горно-обогатительном комбинате, где редактировал многотиражку, случился конфликт между начальником ведущего цеха и директором. Начальник цеха утверждал, что если поднажать да поднапрячься, можно увеличить содержание железа в концентрате не на одну десятую процента в год, а сразу на полпроцента! Громадная экономия для государства!

Директор не клюнул на перспективу резкого увеличения размера прогрессивки. Под каким-то предлогом, кажется, за плохой контакт с профсоюзной организацией, начальника цеха уволили. Комбинат ещё лет пять подряд продолжал увеличивать на одну десятую процента содержание железа в концентрате. Гарантируя коллективу и его руководству, пусть минимальную, но стабильную премию. А герои Конецкого на судне-лесовозе различными уловками уменьшали объём перевозимых кубометров древесины. Но, результат один. Производство то и дело буксовало даже там, где рентабельность была априори обеспечена.

Отрицательные герои Конецкого при проводке судна во льдах убегают в штурманскую, чтобы «сверить хронометр или полистать карты». Или искренне радуются, когда в магазине вольного города Гамбурга им случайно запаковали вместо дешёвых мужских кальсон пенистое дамское нижнее бельё.

Прочтёшь о таком поступке плохого человека и с нетерпением ждёшь, когда и как автор его накажет. Конецкому это удавалось. Высмеивал на полную катушку. Хотя с каждой книгой – всё труднее и труднее. Маразм, поразивший общество, крепчал. Всё чаще бурные мужские выяснения отношений на производстве заканчивались противоположно – очередной благодарностью доносчику в приказе. Дескать, пусть себе болтается в проруби. Так спокойнее.

Давно на территории бывшей страны приспособленцы и прочая несимпатичная публика окопалась и «вышла в люди». Или, как они говорят, в элиту. В годы Перестройки, о которых Конецкий уже не писал, их называли демагогами и болтунами. Теперь стали популистами и политическими деятелями. Захватили власти рычаги, – в смысле средства массовой информации. Так что родился новый Конецкий, он бы свои повести напечатанными не увидел.

Благодаря книгам любимого писателя погружаюсь в привычную атмосферу. Начинаю снова верить, что добро может победить зло. Согласитесь, без сего нюанса (словечко Конецкого) трудно жить на этом свете.

Приложение

ИЗ ЦИКЛА «СЕВЕРНЫЙ КАЛЕЙДОСКОП»

Философское

С каждым годом постепенно
Мы умнеем хоть на миг,
Познаём и вкус, и цену
Старых вин, друзей и книг.

Предвкушение

Ещё не верим в перемены,
Ещё мы у зимы в плену,
Но ветки – чуткие антенны –
Настраиваются на весну.

Осень погрозила пальчиком

Осень погрозила пальчиком,
Ветер злится, дождь простужен.
Но как солнечные зайчики
Листья прыгают по лужам.

Тень на плетень

Если уж пошло на откровение –
На душе тоска и дребедень.
Без шепотки чудного мгновения
Сер Международный женский день.

Опыт рубан

Мы чувствуем, взрослее становясь,
Как нас засасывает этой жизни грязь.
Скажите мне, ужели мы счастливей
Тех, что не мылись в бане отродясь?

В цветном изображении

Не в телевизоре одном
Досуг и утешение.
Притихла осень за окном
В цветном изображении.

Каламбур

А вас не дразнят разве сны
На тему солнца и весны?
И если поделиться снами –
Она, весна, и в нас, и с нами.

Дождёмся!

Нам бы ночь переспать. Полярную.
И найдём просвет между туч,
И ударит струной гитарною,
И забрызжет солнечный луч!

Приметы весны

Солнце ярче, дни светлее,
Больше добрых лиц,
С каждой нотой веселее
Позывные птиц.

Не лыком шиты

Нам пора от комплексов избавляться, братцы!
Мы крепки генетикой, смёткою не слабы.

Самый умный робот, если разобраться, –
Прапра-пра-пра-правнучек снежной бабы!

Воспоминание

Здесь время солнечных ночей,
А там иная жизнь:
Каштаны в тысячи свечей
Над городом зажглись.

Где я?

Сдавила грудь тупая грусть.
Я всё тужу, я всё брожу.
В лесу хожу – не нахожусь,
А нахожусь, где не хожу.

На прогулку

Какая ель – в красе и в росте.
И воздух свеж, и снег не ватный.
Давайте просто сходим в гости –
Ей хорошо, и нам приятно.

Новогодняя открытка

Ах, весна, она за тучкой,
Дразнит и тревожит.
Слушай, сделай тёте ручкой –
Родственница всё же.

Новогодний тост

Чтобы год прошёл фейерверком,
Веселясь, смеясь, балагуря,
Чтобы счастье с первой примерки
Или без, пришлось по фигуре!

Пример для подражания

А сосна на судьбу не кивает,
А сосна стоит, намекает,
Что не поздно начать сначала,
Как бы жизнь узлом не вязала.

Клумба

Что за краски да узор!
Что за точность прорисовки!
Ну какой другой ковёр
Можно гладить по головке?!

Панацея

Защитят мороз и ветер
От забот и от невзгод.
Будьте вежливы, ответьте,
Ежели «Лыжня – зовёт!»

Весенний снегопад

Прощай, зима! Зачем ты в мае?
Зима сопит... Не понимает!

Время, ау!

Трудно прошлое востребовать,
Держится на волоске:
То ли было? То ли не было?
То ли с нами? То ли с кем?

Тем более...

Соглашайся, и не трать слова,
Рыцарски смирись с мужскою долею.
Да, сегодня женщина права!
Ну а в остальные дни – тем более...

Ах, север, север...

Неумолимо скачет время,
Длиннее день, и солнце пенится,
И звёзды пропадут, и темень...
Зима лишь никуда не денется!

Истоки бодрости

Выйдешь поздно, выйдешь рано –
Возвращаешься румяным,
Невозможно не взбодриться,
Ежели мороз под тридцать.

Дождались

И лёд сошёл, и море света,
Вовсю деревья разодеты.
Не только из программы «Время»
Мы узнаём о красках лета.

Кредо оптимиста

Весна стучится в каждый дом –
Цветком, ручьём, весёлым смехом,
Международным женским днём,
И, обязательно, успехом!

Здравица

Чтобы счастье Брахмапутрой
Разливалось у порога,
Чтобы добрым было утро
И чтоб утра было много!

За всё, за всё благодарю!

Спасибо за лучи сквозь просинь,
За миги счастья – и давно,
За то, что Праздник номер восемь
Считал когда-то самым главным!

Ещё немного

Счастья, радости – сполна!
В лучшей упаковке!
Что нам осень? Ведь весна
Через остановку

Близорукость

И если мы порой грустим,
То это же нечаянно:
В себе из-за текущих зим
Весны не замечаем мы.

Гармония

Луч выписывает «здравствуйте!»
Как волшебная струна,
Если на душе, и в паспорте,
И на улице – весна!

Две разницы

Там солнце проснуться спешит на заре,
А здесь, извините, дразнится.
Весна на дворе и в календаре
Две, и большие, разницы.

Северный комплимент

К встрече с отпуском и с югом
Я готов. Готовь букет!
Как соседке и подруге
Передай весне привет!

Ничто, кроме –

И мороз, и ветер,
Тучи ходят низко.

Что ещё нам светит
Кроме счастья близких?

Тост

Мы ещё в состоянии
Жить на полном накале.
«Северное сияние» –
Да не прокисает в бокале!

Кому что

Чего из пожеланий делать тайну?
Весны тебе, и счастья без помарок!
Могу преподнести и Север дальний,
Хоть понимаю, это не подарок.

Итого

По седые волосы
Что-то выкамаривал,
А хватило голоса
Лишь для мемуария.

Бежит время

Не думал я, что так случится,
Что жизнь отмерит столько сроку,
Что я предстану очевидцем
«Преданий старины глубокой».

ДВЕНАДЦАТЬ МГНОВЕНИЙ ЗАПОЛЯРЬЯ

Январь

Сверкая золотистой стружкой,
Играя веером лучей,

Вот-вот появится горбушка –
Предвестник солнечных ночей.

Февраль

Манит хвоя нежным кружевом.
Как бы там зима не вьюжила,
Верись, что весна жива –
Зеленеют кружева!

Март

Пусть пока недолог день,
Пусть мороз настороже,

Но деревья набекрень
Шапки сдвинули уже.

Апрель

Ликует солнце, сняв очки,
Повыше ищет место.
И чайки пробуют смычки
Весеннего оркестра.

Май

Комары на волю просятся,
Море солнца, море света.
А вокруг – чересполосица
Из весны, зимы и лета.

Июнь

Вроде правильно всё делаем,
И характером не вздорны.
Почему же морю Белому
Изменяем с морем Чёрным?

Июль

А зимой взгрустнётся, а зимой приснится,
А зимою трудно и поверить в это:
На зелёной ножке белая пушица –
Тёплая снежинка северного лета.

Август

Оглушительно слышна
Тишина.
Упивайся от души.
И дыши!
Пусть охотничий сезон –
Есть резон
Отправляться без пальбы
По грибы.

Сентябрь

Было небо тучами стёсано
И закрыто дождями сизыми,
Всё равно мемуары осени
Ярко-жёлтым солнцем пронизаны.

Октябрь

Давно ли всё в лесу цвело и пело?

А нынче снег под лыжами скрипит.
Когда деревья по макушку в белом,
Как не сказать: «Октябрь уж насупил...».

Ноябрь

Где-то солнце с небосводом,
Где-то дождь и Днепр чуден...
Для кого – «Прогноз погоды»,
Для кого – «Живут же люди!»

Декабрь

Злее с каждым днём прогноз,
Въедливее вьюга.
Куролесит Дед Мороз
И его подруга.

Раздел II

СТРАДА СТРОЙКИ

Тысячи строителей оставили свои виртуальные автографы на стенах корпусов апатито-бадделеитовой фабрики, на здании новой школы, помещениях детских садов и целой цепочке пятиэтажек. Маленький город за Полярным кругом стал Всесоюзной ударной комсомольской стройкой. Особенно бурно кипела работа летом, в полярный день.

Бойцы студенческих отрядов настилали твёрдое покрытие дорог, опоясывающих город, утюжили первые асфальтовые тротуары. В Ковдоре работали студенты Ленинграда и Москвы, других городов Федерации, посланцы вузов Армении. Полномочных представителей этой солнечной страны наставлял и курировал один из руководителей

штаба ударной стройки Николай Радостев. Спустя 15 лет он возглавил посланцев ковдорчан в Спитак после страшного землетрясения.

К угрозе мудрых китайцев: «Чтобы ты жил в эпоху перемен!» – мы ещё вернёмся. А пока сфокусируем внимание читателя на том, что жить и работать в городе, погружённом с головой в стройку, – тоже не мёд. Забот выше головы, а зарплата без премий да прогрессивок скукожилась. Из-за вынужденного падения показателей. Но люди работали, чтобы не сказать, вкалывали. За себя, и за того парня. В прямом, не в переносном значении этого постулата – из-за удвоенных по советским северным законам отпусков.

Вместе с корпусами АБОФ росли кадры, их возводящие. Страда ковдорской Всесоюзной стройки позволила многим талантливым специалистам и организаторам проявить себя. Сошлюсь хотя бы на пример одного из самых успешных губернаторов Мурманской области – Юрия Евдокимова. Первая запись в трудовой книжке этого молодого специалиста треста «Ковдорстрой» была «Начальник штаба Всесоюзной комсомольской стройки в г. Ковдоре» ...

Газеты недаром называют консервами времени. В них спрессованы взаправдашние, а не эфемерные (подчищенные задним числом), свидетельства очевидцев. В разгар перестроечных лет кооператоры из вольного города Одесса додумались до продажи «Одесского воздуха» – запаянных пустых консервных банок. Газетные материалы, если с них стряхнуть пыль, и впрямь являют собой документы жизни. Без грима и прочих украшательств позднейших идеологов.

Подшивки газет пожелтели, краски поблекли. Настраницах информация, которую не вырубешь топором. В «Рудном Ковдоре» я ввёл за правило переплетать годовые подшивки и награждать ими ко Дню печати наиболее активных рабкоров и сотрудников газеты. Подменял материальное вознаграждение (многотиражка гонорарного фонда не имела) моральным поощрением. Оставил комплекты и себе. Вот и пригодились.

Привожу материалы из газет и журналов в основном в хронологическом порядке. Исключение составляют несколько очерков о людях, помещённых в конце этого раздела. Никакая ни манипуляция. Просто в перестроечные и следующие за ними годы писалось без оглядки на явную и скрытую цензуру. Появилась возможность воздать хорошим людям должное. Людям, которые и в круто изменившихся общественных условиях остались верны идеалам и устремлениям своей юности.

А что захотелось заключить раздел «Экспромтами по горячим следам», так они тоже – в некотором роде документы времени. Хотя не предназначались для печати.

ВЗВАЛИЛИ МЫ ПО СИЛАМ БРЕМЯ
(«Рудный Ковдор», № 52 (684), 28 декабря 1973 г.)

I

Под Новый Год возможно ль прозой?
Припишем смело Дед Морозу
На свой и риск, и страх,
Что вдруг желанье в нём выиграло
Созвать начальников немало,
Как на планёрку генералов
Кутузов звал в Филях.

II

Кивком приветствует чин чина,
Все в сборе – веская причина,
Понятная без слов:
Где, значит, изыскивать резервы
БелАЗов, запчастей и нервов,
Ремонтников, ну и, во-первых,
АБОФ! АБОФ! АБОФ!

III

Где силы взять, где приналечь нам,
Чтоб договор о плане встречном
Был делом подтверждён?
Отладить лучше, как цепочку,
Как срезать выемки и кочки,
Ритмично чтоб, без проволоочки
Шли миллионы тонн.

IV

АБОФ – объект из исполинских,
Но утверждает Ю. Зелинский
И, говорят, не зря,
Что понимает он задачу,
Что сдюжит, так или иначе,
Что стены подготовит к сдаче
Не позже декабря.

V

За ним не менее толково
Сычук, Михайлов, Королёва
Ответ сбывают с рук.
По институтам да по главкам
Они пока наводят справки,
Чтоб пресс-папье в недопоставках
Не оказалось вдруг.

VI

Начальник рудника «Железный»
И тут затеял спор любезный:
– Жить без машин доколь?!
Что вырвались вперёд по взрывам,
Что внутренних давно нет срывов...
Но мы ему напомним живо,
Что в перегрузах соль.

VII

У ЦТТ – свои напасти:
То нет порядка, то запчасти,
То дворницкой метлы.
И как тут встать на ноги парку:
Зимой – морозы, летом – жарко!
Опять же сводят всё насмарку
Ремонтные тылы.

VIII

Откуда вдруг у «фабрикантов»
Такое множество талантов?
Все гении подряд!
Танцуют, мастерят куплеты,
В дружине, в спорте, в шефстве – спеты,
И выдают ещё при этом
Сверх плана концентрат!

IX

Цех подготовки производства –
Объект для жалоб руководству,
Мол, тянет всех ко дну.
То груз застрял, то неувязка
На почве льда, песка и смазки.
Зато машиносмен, как в сказке.
Там больше на одну.

X

Ай-ай-ай-ай! Забыт не вписан
Весомых виз творец – Саркисов!
Прошу иметь в виду,
Что к прежним спорам нет возврата,
Что быть хочу я вашим братом,
Тогда б выдерживались свято
Лимиты по труду.

XI

Скажите, чьи это ответы:
«Лимитов нету, фондов нету,
Запас исчерпан весь...
А если спичек не хватило,
То извернуться надо было,
Могла ж цыганская кобыла
По десять дней не есть...».

XII

Здесь не картина, здесь наброски,
Оперативок отголоски,
Планёрок, наконец.
Коль не того я вызвал к рампе,
Споткнулся на словесном штампе,
То пусть меня поправит Кампель –
Универсальный спец.

XIII

Когда мы ощутить сумеем
Соседа боль бедой своею –
Наступит торжество.
Гудовский что сказал: «Ребята,
Не подводи меньшого брата!
Ведь меж цехами дружба свята,
И более того».

XIV

Оркестр с места взял аллюром,
Вновь танцы в очаге культуры.
Полтинники несут!
Твердят нам вслух и втихомолку:
«В таком охвате много толку!»
А мы и верим, как те ёлки,
Что родились в лесу.

XV

Ну, кто ещё недоотмечен?
Дружина выпала из речи,
И ЖКО грехи,
И ОРС, и спорт, и общежитья...
Но тут прерву рассказа нить я –
Нельзя же разом все события
Переложить в стихи...

XVI

Взвалили мы по силам бремя.
Да, есть герои в наше время!
Да, есть богатыри!
Прорвёмся, не такое было,
Желанья хватить, хватит пыла,
А критика – есть признак силы,
Таящейся внутри.

XVII

Знамён добьёмся, славы, чести,
Коль каждый на рабочем месте
Ответственность учтёт.
За план (в процентах – сто четыре)!
За знак отличья на мундире!
За радость в новой жить в квартире!
Друзья, за Новый год!

К ДРУГУ – ЧИТАТЕЛЮ

(«Рудный Ковдор, № 17–18 (602–603), 12 апреля, 1974 г.)

Раскрыв сегодняшний номер «Рудного Ковдора», постоянный читатель может удивиться. Дескать, что за праздник, почему четыре полосы? Действительно, двенадцать лет газета выходила «на одной страничке», только по большим праздникам подписчики получали сдвоенные номера.

Но время идёт, растёт Ковдорский горно-обогатительный комбинат, растёт город. Внимательный читатель, наверное, заметил, что газета всё чаще стала прибегать к мелкому шрифту – к нонпарели. Однако, и она не спасает. Постоянные рабкоры «Рудного Ковдора» могут подтвердить, как порою их заметки «не влезали» в очередной номер.

Нынешний год для коллективов ведущих предприятий города –Ковдорского горно-обогатительного комбината и треста «Ковдорстрой» – важная веха в истории. Предстоит построить и включить в число действующих апатито-бадделеитовую фабрику. Страна должна получить новый вид продукции Ковдорского месторождения – апатитовый концентрат, важнейшее сырьё для развития сельского хозяйства. Особое значение приобретает ковдорский апатит в связи с недавним Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства нечерноземной зоны РСФСР».

С сегодняшнего номера вторая полоса газеты будет целиком посвящаться рассказу о делах всесоюзной ударной комсомольской стройки. Её название – «Даёшь АБОФ!» – говорит само за себя.

Естественно, у редакции появится возможность больше места уделять во-

просам партийной жизни, социалистического соревнования, быта и досуга трудящихся. Газета сможет предоставлять свою площадь и для рассказа о делах коллективов других предприятий города. В частности, комбината «Ковдорслюда».

Словом, увеличение объёма газеты – праздник для редакции, для рабкоров и, надеемся, для читателей. Но сделать праздник постоянным, значимым, силами только сотрудников редакции невозможно. Сейчас, как никогда, «Рудный Ковдор» нуждается в поддержке рабкоров, в поддержке читательского актива.

**КАРМАННЫЙ СЛОВАРЬ
МОЛОДОГО СПЕЦИАЛИСТА
(«Рудный Ковдор», № 30–31 (615–616), 31 мая 1974 г.)**

Барда спиртовая

Польёшь и нету пыли.

И нету шлейфа у автомобиля.

Но скептики давно твердят про то нам,

Что не сравнить её с асфальтом и бетоном.

Геолог

знает по повадке

Богатую руду.

А ошибётся – взятки гладки,

Уйдёт в «Ковдорслюду».

Зуб–

инструмент за ширмой губ.

Силён, когда в ходу.

Ну, скажем, ковш «имеет зуб»

На вскрышу и руду.

Ковёр–

утолщённый напольный плед.

И в спальне хорош, и в гостиной.

Но чаще – обыкновенный паркет

За дверью, за дерматиновой.

Телефон–

открытие века прошлого.

В веке нынешнем – надёжная опора.

И, как утверждают люди дошлые,

Через век дойдёт и до Ковдора.

Оперативка,
сиречь конференция,
Где выясняется, правда, робко,
Что виноваты во всём снабженцы,
Недоставившие заклёпку.

Управление,
Престижем его дорожа,
Не могу я отгадку найти:
Размещалось свободно на двух этажах,
А теперь ему тесно в пяти.

Юг –
адрес отпуска. И всё. Замолкни тут.
Не расшифровывай, не надо. Отзовут!

Явка.
Слово не самостоятельное.
Ходит в паре. И всегда в заботах.
Как увидишь рядом: «обязательная»,
Так совсем являться неохота.

ДАЁШЬ АБОФ!
Боевой листок штаба стройки
апатито-бадделеитовой фабрики
(«Рудный Ковдор», № 62–63 (647–648), 4 октября 1974 г.)

ИНФОРМАЦИЯ ДНЯ

КОРПУС ОБОГАЩЕНИЯ

Комсомольско-молодёжная бригада А. Дробота завершила монтаж стеновых панелей.

Кровельщики СУ «Отделстрой» не загружены работой из-за отсутствия утеплителя. Стекольные работы прекращены, так как на складах УПТК нет армированного стекла. Требуется около 4.000 квадратных метров стекла и 40

кубометров пенополистирола для утепления кровли.

Монтажники участка Мончегорского монтажного управления «Промвентиляция» устанавливают вентиляционное оборудование. Коллектив бригады Е. Столярова 15 сентября сдал 11 притонных камер. Теперь, вместе с бригадами И. Смыслова и С. Смирнова, они монтируют вентиляционные системы.

В мельничном пролёте корпуса бригада Г. Сердюкова («Металлургпрокат-монтаж») смонтировала три мельницы, сейчас занята центрировкой приводов и двигателей.

КОРПУС СУШКИ

Серьёзным остаётся положение с металлоконструкциями каркаса корпуса, которые задерживает Тульский завод. Из-за чего участок «Севзапстальконструкции» не может закончить монтаж колонн и предоставить фронт работ строителям бригады П. А. Корнюха для навески стеновых панелей.

Бригада П. А. Корнюха завершила строительство электропомещений и сдала их участку «Севзапэлектромонтажа» для установки оборудования.

КОРПУС СГУЩЕНИЯ

Звенья комсомольско-молодёжной бригады А. Дробота заканчивают монтаж стеновых панелей на насосной.

ГАЛЕРЕИ. ПЕРЕГРУЗОЧНЫЙ УЗЕЛ

Возглавляемая М. Муратовым бригада монтажников закончила установку металлоконструкций перегрузки № 4 и галереи № 3. Продолжается монтаж галереи № 2.

БОЛЬШОЙ СЕКРЕТ **(«Рудный Ковдор» № 84–85 (669–670), 20 декабря 1974 г.)**

Человек идёт по городу. По сторонам смотрит, во дворы заглядывает. Обойдёт вокруг дома, потыкается в подъезды и далее направляется. Всё ясно – новичок. Или приезжий какой, командировочный. То ли постричься ему приспичило, то ли часы в ремонт сдать надобно. А может, у него направление в общежитие в кармане имеется. Кто его знает.

Не успел обвыкнуться, главное. Всё ему кажется, что раз он грамотный, то дорогу отыщет. Мол, в солидном облцентре не заблудился, а в городе, который за пятнадцать минут пешком обмеряешь, и подавно. Самоуверенный тип, одним словом. Много на себя берёт. Думает, если ботинки на платформе и галстук шанцевый, так уже к старожилам можно не приставать с расспросами.

Хотя старожил старожилу рознь. Обратитесь к жителю Микрорайона, по-

интересуйтесь, где тут приёмный пункт прачечной. Только десятый, и то если крупно повезёт, ответит, что в подвале тринадцатого дома, в первом подъезде от улицы.

Идите, идите. По стенам глазами не шарьте. Никакой таблички всё равно не отыщете. Нету её, яркой таблички на фасаде. Засекречен приёмный пункт прачечной. И то правда, вдруг вы не своё, а чужое грязное бельё постирать хотите.

Кто пообтёрся, тому легче. Он по приметам ориентируется. Он знает, что мужское общежитие треста «Ковдорстрой» расположено в том же здании, где «Штаб народной дружины», а женское общежитие Ковдорского ГОКа – первый подъезд от «Детской комнаты милиции». Просто и ясно. Раз запомнишь – больше не собьёшься.

Небудем зря наговаривать. Чаще, если очень присмотреться, табличку в половину тетрадного листа у дверей обнаружить можно. Когда она у «Кулинарии», что рядом с «Гастрономом № 1», – тут вроде без вопросов. Всё-таки столько говорили о молодёжном кафе и на тебе – питайтесь полуфабрикатами. Но когда такие же стыдливые надписи у парикмахерской и пункта проката в Микрорайоне или у телеателье на Зелёной – как-то не сразу сообразишь почему. Особенно в размышлении длинной полярной зимы и некоторого, если не сказать решительней, отсутствия освещения у данных указателей.

Не так давно справили новоселье три уважаемых кита, на которых наш город покоится. Однако куда какое управление въехало и какому министерству оно подчинено – только с помощью косвенных улик догадаешься. Начиная со строительных недоделок, которые, оказывается, иногда могут и не оставаться ни на фасаде, ни внутри здания. И кончая метражом с кубатурой.

Мы понимаем, вы понимаете, они тоже понимают, что город растёт и разным нужным учреждениям и заведениям не всегда сразу можно предоставить место сообразно чину и значению. Что иногда приходится тулиться, где придётся. Но ведь заведения создаются не только ради того, чтобы их уважаемые руководители пополняли ряды административно-хозяйственных активистов. Заведения создаются для посетителей, и как-то невежливо оставлять последних в неведении на предмет географического расположения прачечной, парикмахерской или мастерской по ремонту сложной бытовой техники. Не говоря уже о более серьёзных конторах.

Можно, конечно, помечтать, это не возбраняется, что хорошо было бы, если бы неоновая реклама горела не только на ресторане под интригующим названием «Гирвас», но и над большими магазинами. Что переливающиеся огни станут когда-нибудь соперничать с северным сиянием. Как фасада Дворца культуры, так и кинотеатра «Юность». С плавательного бассейна – тоже. А что – разве не красиво было бы?

Но это – в будущем. Покамест у нас другие заботы. Покамест не будем забывать, что человек идёт по городу. Может, он прибыл по срочному делу. Может, он недопоймёт, почему обязательно нужно делать секрет из месторасположения парикмахерской.

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ ОПЕРАТИВКА? («Рудный Ковдор», №83–84 (757–758), 14 ноября 1975 г.)

Кажется, нет такого направления в производственной и общественной жизни, где бы коллектив обогатительного комплекса Ковдорского ГОКа не радовал хорошими примерами. Чего бы ни коснулись – соблюдения технологической дисциплины, школ коммунистического труда, добровольной народной дружины. Самодеятельности, наконец. Вроде бы обогатители живут в тех же тисках объективных причин, а никто не припомнит случая, чтобы на железорудной фабрике вдруг ни с того, ни с сего отказало оборудование. Или было сорвано дежурство народной дружины. Или товарищи дружно не вышли на воскресник.

С точки зрения объяснения причин, особенно ежели взглянуть со стороны, тут у нас не заржавеет. Дескать, «фабрикантам» легко, у них все люди на виду, их сдружил и сблизил технологический процесс. А вот у нас на руднике или у нас в цехе технологического транспорта условия не те. Хотя, как могут влиять условия работы на свободное время членов добровольной дружины – трудно понять.

Словом, разрешение этого спора оставим до лучших времен. Пока что заострим внимание на текущей оперативке, которая состоялась в кабинете начальника обогатительного комплекса в понедельник, 3 ноября.

Естественно, на ней рассматривались в первую очередь производственные вопросы, связанные с итогами октября и перспективами на ноябрь. Но, когда главный инженер комплекса Борис Федорович Белов в числе других, важных на его взгляд, событий упомянул критические замечки в последнем номере «Рудного Ковдора», это не вызвало у присутствующих ни удивления, ни непонимания. Всё правильно, авторы заметок – контролёры отдела технического контроля – высказали серьёзные замечания в адрес администрации, обратили внимание на факты, мешающие техпроцессу. Что касается гранулометра – должен принять меры и ответить редакции начальник участка дробления, про освещение на дорогах – главный энергетик комплекса.

Начальник обогатительного комплекса Анатолий Петрович Сидоренков поддержал главного инженера и в свою очередь потребовал исправить замеченные газетой недостатки. Об исполнении доложить. Устно – на следующей оперативке, письменно – в редакцию.

Возможно, мы бы так не расписывали рядовой эпизод оперативного совещания, если бы он не явился приятным сюрпризом для редакции. Обычно после выхода газеты мы рассылаем письма уважаемым руководителям с просьбой отреагировать. Невсегда ответы получаем после вторичных напоминаний. А тут товарищи в пятницу получили газету, а в понедельник уже меры приняли.

Поэтому, когда говорят, что у обогатителей условия особые, что им легче, соглашаться с таким мнением как-то не хочется. Может, суть не столько в

условиях, сколько в отношении к делу?

Даже, если оно измеряется не тоннами, кубометрами, килокалориями, киловаттами, а всего-навсего газетными строчками.

ПРАКТИЧЕСКИ ВОЗМОЖНО **(«Рудный Ковдор», №19–20 (892–893), 11 марта 1977 г.)**

Школьный анекдот: трамвай работает на постоянном, а не на переменном, токе потому, что в противном случае рельсы пришлось бы укладывать по синусоиде. Что практически невозможно. Как всегда, наукообразный язык скрадывает (или усиливает) нелепицу. В жизни мы то и дело сталкиваемся с подобного рода синусоидами. По умению срезать углы, выравнивать их судят о профессиональной подготовке исполнителей. Поскольку много ума не надо, чтобы привести объективные причины, из которых выплывает беспомощное «практически невозможно».

Не так давно вопрос ритмичной, по часам, подачи руды на фабрику упирался в непреодолимые сложности. Но как закрепили экскаватор за буферным складом руды, так графики обедов, неожиданные поломки и т. д. перестали влиять на ритмичность. По крайней мере, в том неразрешимом объёме, как это бывало в прошлые месяцы.

Буферный склад сгладил синусоиду количества. Но резче обозначил другую синусоиду – стабильного состава руды по содержанию полезных компонентов. Известно, что перепад между бедной и богатой рудой достигает в месторождении сорока процентов. Как этого верблюда провести в игольное ушко допустимых колебаний?

Об этом и разговор. В нём участвовали старший геолог рудника «Железный» *Л. Т. Амахин*, начальник участка экскавации рудника *В. С. Бондарь*, заместитель начальника цеха технологического транспорта *Н. Г. Лена* и начальник группы эксплуатации АСУ технологического процесса цеха КИПиА *Г. К. Иванов*.

Извечный спор между обогатителями и горняками оживляет в памяти чеховскую «Жалобную книгу». Одни обижаются, что не нашли в станционном буфете необходимых постных блюд (подали им не ту руду), вторые утверждают: «Лопай, что дают!» (горная наука – искусство, предусмотреть всякие отклонения не представляется возможным). Однако в феврале только к пяти сменам у обогатителей не было претензий. В те смены, когда на руднике усилили геологическую службу, когда геологи дежурили и утром, и вечером.

Значит, есть выход? Не совсем. Много ещё сложностей, из-за которых почти невозможно точно и своевременно определить качественный состав руды. К тому же, часто мешают механические причины – поломки экскаваторов, самосвалов.

И тут мы подошли к той самой автоматизированной системе управления горнотранспортным оборудованием, о которой главный горняк комбината *Ф.*

Б. Кампель несколько лет подряд сообщал, что писать ещё рано, а теперь утверждает, что уже ... поздно. Система, однако, работает. Горняки и транспортники считают, что она нужна, что без неё не справиться. Во-первых, – весы, во-вторых – своевременная информация. То есть, уже никого не надо агитировать. То есть, к системе, как к подручному инструменту, привыкли и приспособились.

Однако использовать систему в полной мере и рады бы, да нельзя – устарела. Рассчитана она была на 99 самосвалов и 12 экскаваторов, а самосвалов уже 135, экскаваторов 15. Вот и ездят по карьеру БелАЗы с разными номерами на борту, но с одинаковыми кодовыми номерами. То есть, оперативные перфоленты машина выдаёт, а итоговых нет, обсчёт тонно-километров идёт по-старинке, на арифмометре.

И ещё. Даже в лучшие времена машина в открытом цикле работала считанные смены. Геологи вместе с мастерами теперь жёстко закрепляют самосвалы за экскаваторами и чуть что с помощью логарифмической линейки вносят необходимые коррективы. Пока это ещё можно. А когда комбинат выйдет на проектные мощности по выпуску апатита и бадделеита?

Разные есть предложения. Например, создать усреднительный склад. Насколько он выгоден – считать экономистам, но уже ясно, что влетит он в копеечку. И немалую. Может, всё же выгоднее усреднять на колесах? В конце концов, большинство машиностроительных и приборостроительных заводов «усредняют» комплектующие детали именно так, ибо никакими складскими помещениями эту проблему экономически оправданно не решить. То есть, переход на автоматические системы управления производством не мода, а необходимость.

Позволю себе высказать предположения, которые вылились из разговора со специалистами. Возможно, они вызваны моей некомпетентностью, так что пусть проходят по разряду частного мнения. На обогатительном комплексе заработок рабочих-технологов напрямую зависит от качества конечной продукции – концентрата. Зарплата экскаваторщиков и белазистов тоже должна быть завязана на качество продукции (комбинат получает премии за количество и качество). Однако экскавация получает деньги за «кубы», водители – за тонно-километры. Ну, а дело инженерно-технических работников следить, чтобы при этом выдерживались технологические параметры. На руднике за плохие показатели по качеству снимают итээровцев с рассмотрения по итогам социалистического соревнования. Есть у них и другие рычаги. В проекте. Касаются они только среднего руководящего звена.

А ведь экскаваторщики и водители, по сути тоже являются рабочими-технологами. Будь какой-то *поправочный коэффициент* на качество добытой и перевезённой руды, не возникало бы вопроса слушаться или не слушаться системы, в открытом или закрытом цикле работать. Да, пока плохо с транспортом, да нужны, позарез нужны, тонно-километры. Чем больше – тем лучше. Но, может быть, если подсчитать, маленькая потеря темпа всё же не отразится на качестве?

По крайней мере, тогда бы не ломались так часто передатчики на са-

мосвалах. Водителю было бы *выгодно* слушаться машины, было бы *выгодно* ехать под тот экскаватор, который высвечен на табло.

Пока что «синусоида» качества руды зависит от принципиальности ОТК, от геологической службы комбината и рудника, от работы добывающих и транспортных механизмов. И от многого, многого другого.

В феврале всего пять смен вызвали претензии обогатителей. За неделю марта – ни одной. Значит, можно и в нынешних условиях выдерживать необходимые параметры.

Впрочем, вот суммирующее мнение главного горняка *Ф. Б. Кампеля*:

– Система «Пуск» пока используется на руднике как технический, а не как технологический рычаг в борьбе за усреднение руды. После модернизации положение должно измениться. Модернизация эта заложена в проект четвертой очереди расширения комбината. Ритм же работы комбината зависит больше от количества, чем от качества руды. Претензии обогатителей можно назвать скорее капризами. В среднем у нас неплохие показатели в сравнении с другими горно-добывающими предприятиями. С этого года введены более жёсткие технические условия. Обязанность различных служб рудника, экскавации и транспортников – их строго выполнять. Система должна и может работать в открытом цикле. Водители обязаны придерживаться скорости на технологических дорогах – не более 30 километров в час. А когда «Пуск» сможет управлять не 99, а 176 самосвалами, надо ввести в работу итоговое устройство и строго по нему вести учёт.

На будущее надеемся, а пока что «синусоида» качества руды целиком в руках геологической службы, вооружённой профессиональной интуицией и логарифмической линейкой. На неё и вся надежда.

ЗАМЕТКИ ПИШУТ ДОБРОВОЛЬНО **(«Рудный Ковдор», № 33–34 (906–907), 29 апреля 1977 г.)**

Пятнадцать лет подряд в цехе заводских лабораторий выходит газета «Исследователь». Каждый её выход – праздник. Во-первых, почему-то все праздники обязательно приурочиваются к выходу стенгазеты. Во-вторых, члены редколлегии вкладывают в каждый номер много труда и фантазии. Как положено, в редколлегию время от времени вливаются свежие силы. Есть у «Исследователя» и постоянный авторский актив: Д. В. Панков, Т. Н. Поганкина, В. В. Богданович и другие официальные лица.

Редколлегия «Исследователя», как правило, не перепечатывает передовых статей из отрывных календарей. Мало того, вместо шершавого языка деловой прозы, часто пользуется стихами (Однако, администрация цеха жалуется, что люди перегружены на основной работе). Недавно одному занятому человеку пришла в голову весёлая идея сгруппировать лучшие материалы стенгазеты за все годы. В редакции «Рудного Ковдора» после тщательного ознакомления с историей стенгазетного дела в ЦЗЛ появилось жгучее желание перепеча-

тать всю эту историю целиком.

Но поскольку наша многотиражка, как говорят печатники, не резиновая, ограничимся фрагментами. Вот первый, о круге повседневных забот ЦЗЛ:

Нам доверяют разные работы:
Руды и концентрата пробы брать,
Писать свои научные отчёты,
И даже грязь в дроблениубирать.

Сотрудники лабораторий, не прочь в рабочее время побывать на руднике:

А на руднике – вот благодать!
Можно целые дни проводить:
Образцы для музея собрать,
Заодно сувениров добыть.

А сотрудники горной лаборатории посещают рудник сугубо в размышлении перспектив:

Горняки – народ бывалый,
И забот у них немало:
Рассчитают взрыв любой,
Чтоб хорошим был забой.
Скоро все негабариты
Будут вдребезги разбиты!

Появилась АБОФ (не без активной помощи технологической лаборатории ЦЗЛ). Но одно дело полупромышленные испытания и совсем другое – промышленное производство:

Ох, уж этот апатит!
Сплошные неприятности:
То мешает форстерит,
То модуль карбонатности,
То нет жидкого стекла,
То вдруг пена «поплыла»,
То «переборщили» мыла –
Есть над чем подумать НИЛу!

Семья лабораторий всё расширяется.

И вот нам дали геофизиков.
Пока – не пряники, хотя и физики.
Ребята – смелые, внедряют новое,
Теоретически вполне подкованы...

Что хорошо в стенгазете, так это порядочная порция здоровой самокритики, не взирая на дипломы и должности.

Аналізу технолог рад,
Когда хороший концентрат.
А если бедный концентрат,
Все знают: химик виноват!

ЦЗЛ находится в окружении производственных цехов, в которые время от времени работники отправляются по различным производственным надобностям. Иногда они почему-то недовольны такими командировками:

От НИЛа до АБОФ дорога,
Нет не дорога, – наказание
(Что там фигурное катанье!) –
Скользим мы с вёдрами по льду,

Теряя каски на ходу.

Не было, наверно, случая, чтобы работники цеха отказали в помощи смежникам, например, отделу рабочего снабжения. И там они работали не просто, а с песней. В данном случае безвозмездно позаимствовав мотив у Юрия Гуляева:

– Картошка славная
В отсеках канула,
И мы с ней встретились,
Чтоб сделать заново,
Чтоб гнили не было,
Чтобы не сгнула,
Нам её нужно перебрать...

Раз уж заговорили о песне, нельзя не обратить внимания на старания, с которым администрация цеха относится к подбору кадров и, естественно, к песенному репертуару.

Если в цех к нам работник пришёл
И работает он хорошо,
Ему должен начальник сказать:
«Научись на гармошке играть».
И тогда ты для нас сущий клад,
И тебе мы повысим разряд!
...Может быть, ты запишешься в хор?
А не то каждый месяц позор:
Для того, чтоб догнать ОТК,
Нам всегда не хватает очка.

Пора уделить место самой технологи производства стенгазеты. Как-то на Восьмое марта редколлегия со знанием дела воскликнула:

На мужчин надежды нету,
И придётся нам опять
Выпускать самим газету
И друг друга поздравлять.

О любви работников ЦЗЛ всех рангов к своей стенгазете мы уже говорили. Вот ещё пример, достойный подражания и распространения:

Начальник Новожилова
Вбежала – не вошла.
Заметку положила
И за другой пошла.

Тем более, вызывают удивление строчки, непонятным образом затесавшиеся на страницы «Исследователя». Видимо, в спешке не успели проверить факты:

Заметки пишут добровольно,
Когда хоть чем-то недовольны.
А если все дела в порядке,
То в принудительном порядке.

Закончить это шутовское обозрение стенгазеты цеха заводских лабораторий хочется стихами, которые предварили рукописную историю «Исследователя». Такую книгу получили в качестве подарка наиболее активные члены редколлегии стенной газеты. Вот когда сотрудники «Рудного Ковдора» по-

жалели, что не писали заметок в эту газету. Да и не только они.

Газеты, конечно, давно запылились.
А заметки у нас сохранились,
И в каждой из них хоть какая-то вежа
В истории ГОКа и нашего цеха.
Быть может, когда-нибудь, лет через двадцать,
Читая их, будете вы улыбаться.
И вспомните цех наш, и вечер вот этот,
Родной коллектив и стенную газету.

СКОЛЬЗКО!

(«Рудный Ковдор», № 90–91 (963–964), 18 ноября 1977 г.)

Учёные, известно, витают облаках. Архимед просил зафондировать ему точку опоры. Тогда он обещал перевернуть Землю. Всё понятно, этот древнегреческий академик жил на берегу тёплого моря и про наличие в природе снега даже не подозревал. Поскольку справочная литература печатала тогда антинаучные сведения про белые перья, окутывающие края далёкой Скифии. Словом, живи этот выдающийся рационализатор в наши дни и в наших краях, он бы знал, на что употребить точку опоры с пользой для окружающих.

И тут мы простимся с Архимедом (с надеждой, что он, как человек интеллигентный, не обидится на шутку) и оглянемся вокруг. Картина, прямо скажем, достойна телерепортажа комментатора Кононыхина. Оно, конечно, до уровня мировых стандартов нам далеко, но некоторые пассажи фигурного катания, то бишь хождения на скользких тротуарах, все жители Ковдора разучили. За столько лет чему угодно научишься.

Шестнадцатый год выходит «Рудный Ковдор», и каждую осень редакционная почта приносит письма: «Дайте точку опоры, тротуары песком не посыпают». И каждый раз принимаются решительные меры. Виновные несут соответствующие наказания. А как новая осень – так опять начинай всё сначала. А ведь в этом году ещё задолго до первого снега в горисполкоме напомнили, кому следует и приняли заверения от кого положено. Мало того, чуть ли не ежедневно родная световая газета во всю свою длину шпарит печатными буквами предупреждение: «ожидается гололедица!». Но такое впечатление, что этот огненный призыв читает кто угодно, только не домоуправы и не вверенные им дворники.

В частности, работники метлы из Микрорайона ни букв не читают, ни под ноги не смотрят. Жители дома № 7 на Слюдяной, например, коллективно возмущаются. Дескать, на площади, заботливо окаймлённой гастрономом, рестораном, почтой и универмагом, можно появляться только со страховым полисом в кармане. Немало сигналов касаются и столбового тракта на промплощадку. К сведению коммунальщиков и профсоюзных активистов! Задва последних дня на скорую помощь обратились около десяти человек с ушибами, переломами и прочими неприятными последствиями. Всем им выданы больничные листы.

Наверное, во время недавнего собеседования в горисполкоме коммунальщики всех предприятий выглядели один другого передовее. Каждый в тоннах

отчитался, сколько куч песка впрок заготовил. Лежат эти кучи нетронутые. Выходит, коммунальщики решили соревноваться: кто больше килограммов этого самого песка за зиму сэкономит...

Такое у нас предчувствие, что реаж на данную критику будет здоровым и оперативным.

А пока, пусть каждый ищет точку опоры. Какую сможет.

ОБОЗНАЧИТЬ ИСПОЛНЕНИЕ **(«Рудный Ковдор», № 23–24 (998–999), 24 марта 1978 г.)**

Куда деваются глаголы? Кажется, только-только видел, чувствовал горячее желание глагола строить и мечь, и он уже упорхнул, стал именем существительным. Вроде и значения своего не изменил, а спросу с него уже никакого. Поскольку «стал обозначать не действие, а видимость оногo». При помощи безличного инфинитива.

Удивляетесь, чего это мы подались в чужую епархию лингвистов? У нас же совсем другое ведомство. Мы же производством занимаемся, а также удовлетворением бытовых и прочих запросов населения.

Сейчас объясним, почему. Было такое счастливое время, когда каменщик клал кирпичи, дворник подметал улицы, шофёр управлял машиной, а швея шила брюки. Этими святыми делами они и теперь занимаются. Но вотчётах и протоколах их работа именуется иначе – *решением вопросов по кладке стен, по борьбе за чистоту тротуаров, по возждению автомобиля и т. д.* Усекаете, в чём разница? Раньше можно было сказать, что такой-то каменщик плохо кирпичи уложил, или такая-то швея не там прострочила. Теперь пока выговоришь, что бракодел недостаточно полно решил вопрос по..., уже забудешь, а что собственно он должен был решать.

В декабре над домом № 15 в Микрорайоне сломалась наружная антенна. В начале февраля бригадир телеателье тов. А. Н. Н. через газету заверил телезрителей, что до 10 февраля телемолодцы решат вопрос по ремонту антенны. А ещё раньше, 20 января, опять же через газету тогдашний начальник автобусного парка Е. В. Д. со своей стороны заверил читателей, что средства городского транспорта решат поставленную перед ними задачу «посредством перехода на строгий график движения».

Времени прошло более чем достаточно. Но антенна всё ещё не отремонтирована, а что с «посредством перехода на строгий график» – тоже неизвестно. Поскольку табун автобусов продолжает по утрам стоять на площади между магазинами и направляет выхлопные газы в форточки зазевавшихся квартирoсьёмщиков.

Словом, как в старом солдатском анекдоте про человека, который понял службу: *«Исполнять, держать слово – хлопотно и накладно. Легче обозначить исполнение»*. Пообещал, успокоил просителя, а там хоть трава не расти. Начнёшь напоминать, сам же прослывёшь неуживчивым и нехорошим человеком. Дескать, тебе пообещали, чего тебе ещё надобно, старче?

Если бы телемастера и автобусники одни были такие! Вспомните, сколько раз в служебной обстановке вас заверяли, что примут меры к ликвидации..., разберутся в вопросе..., решат поставленную задачу... *Обозначили исполнение – и дело с концом.*

А как хочется призвать дорогих граждан, уважаемых сослуживцев. *Давайте не будем обозначать исполнение! Давайте будем исполнять!* Каждый на своём месте, каждый, кому что положено. Решим вопрос по вопросу о решении вопроса! Чего нам стоит?

ОТ ПОСЁЛКА ДО ГОРОДА **(«Рудный Ковдор», № 25–26 (1000–1001), 31 марта 1978 г.)**

Весной 1957 года состоялись первые выборы в Ковдорский поселковый Совет. Председателем исполкома поссовета был избран (с небольшим перерывом оставался на этом посту до 1964 года) Григорий Иванович Карвасовский. Его и председателя исполкома Ковдорского горсовета народных депутатов Николая Павловича Позднякова корреспондент «Рудного Ковдора» попросил ответить на вопросы.

–Расскажите, пожалуйста, об основных наказах избирателей, которые легли в основу работы возглавляемых Вами исполкомов Советов.

Г. И. Карвасовский. В 1957 году посёлок Ковдор был сплошь деревянным. В бараках размещались и школа, и больница, и пекарня, и клуб, и все городские учреждения. В первый же срубленный дом въехал детский сад. Но он далеко не решил проблем. Ко мне как к председателю исполкома поссовета, к руководителям строящегося Ковдорского ГОКа избиратели постоянно обращались с просьбами об устройстве детей в детские учреждения. Скорейшее строительство их было первейшим наказом избирателей. Потом уже клуб, кинотеатр, баня, телевизионный ретранслятор и т. д. Когда я в 1964 году сдавал свои полномочия, функционировали четыре детских сада. Но удовлетворить всех желающих всё равно не могли.

Н. П. Поздняков. Не скажу, что проблема детских садов окончательно снята, хотя сейчас в городе их уже тринадцать. В ближайшие годы в строй вступят ещё несколько. В городе три средних школы, одна восьмилетняя, школа рабочей молодёжи. Дворец культуры, спорткомплекс с плавательным бассейном Ковдорского ГОКа, кинотеатр, больница. Строится новое здание поликлиники и санэпидстанции. Телевизоры – буквально в каждой семье. Хотя мы находимся в зоне неуверенного приёма, но около ста ковдорчан уже смотрят цветные передачи.

Какие изменения за эти годы коснулись Ковдора, видно по наказам избирателей. Совету народных депутатов шестнадцатого созыва избиратели дали такие указы: обеспечить детскую музыкальную школу новым зданием, построить молокозавод, цех безалкогольных напитков, новый хлебозавод и Дом быта, открыть химчистку, снести бараки. Те самые, с которых начинался посёлок Ковдор.

–Каким двадцать лет назад представлялось будущее и каковы сейчас перспективы развития Ковдора?

Г. И. Карвасовский. Хорошопомню статью в «Кировском рабочем» в 1957 году. Тогда предполагалось, что в посёлке Ковдор к 1977 году будет жить 10 тысяч человек, и он только-только выйдет за границы улицы Победы. То есть, нынешнему Дворцу культуры отводилось место на самой окраине. Считалось, что основным промышленным предприятием города останется Ковдорский ГОК, а единственная продукция – железный концентрат.

Н. П. Поздняков. Наверное, даже геологи не могли в то время точно предсказать, что с подъездных путей головного городского предприятия – Ковдорского ГОКа – кроме железного будет отправляться заказчикам апатитовый, и бадделеитовый концентраты. Что Ковдор станет основным поставщиком Кольских слюд. Вырос в одну из крупнейших строительных организаций области трест «Ковдорстрой». Городу уже тесно в границах Микрорайона. Там, кстати, остались отдельные не застроенные пятна, на которых будут, видимо, посажены многоэтажные дома. Ковдор будет развиваться в сторону ул. Комсомольской, центральной его магистралью станет со временем Комсомольский проспект.

– Наши ковдорский «экспресс» давно уже стал притчей во языцех, особенно у командированных...

Г. И. Карвасовский. Двадцать лет назад этот же поезд тащился до Кандалакши более 12 часов. О том, чтобы на дорогу тратить менее четырех часов, как сейчас, мы только мечтали.

Н. П. Поздняков. С развитием промышленности города к нам будет проложена вторая колея железнодорожных путей. А значит, дорога будет электрифицирована со всеми вытекающими отсюда удобствами. Уже сейчас можно на машине добраться не только зимой до магистрали Мурманск-Ленинград. К концу пятилетки от Пиренги до Чалмы дорога будет заасфальтирована. Поэтому не за горами открытие автобусного сообщения. Есть перспективы и в развитии воздушного транспорта.

МОЩНОСТИ ПРИНЯТЫ

(«Рудный Ковдор», № 54–55 (1133–1134), 13 июля 1979 г.)

Государственная комиссия приняла в эксплуатацию дополнительные мощности Ковдорского ГОКа по добыче одного миллиона тонн сырой руды и производству 400 тысяч тонн железного концентрата.

Кнедоделкам отнесены незавершённые объекты принятых мощностей, не влияющие на эксплуатацию в течение июля-сентября на сумму – в 1 миллион 210 тысяч рублей. Их Государственная комиссия поручила председателю рабочей комиссии принимать в эксплуатацию отдельными актами до 30 сентября с. г.

В эксплуатацию приняты оконченные строительством объекты: вторая и третья секции корпуса обогащения, ЛЭП–154 кв, административно-бытовой

корпус цеха технологического транспорта и очистные канализационные сооружения.

Руководители треста «Ковдорстрой» гарантировали, а «Главмурманскстрой» подтвердил, что до конца сентября с. г. будут введены в строй следующие объекты пускового комплекса, а также ликвидированы недоделки, оставшиеся от прошлых лет:

база материально-технического снабжения в полном объёме – 25 сентября;

базисные склады с железнодорожным тупиком и внешними сетями – 30 сентября;

главная понизительная подстанция обогатительного комплекса – 20 августа;

пульпонасосная №1 – 20 июля;

склад горюче-смазочных материалов – 25 июля;

подстанция 40 «А» – 30 сентября;

воздушные линии 6 кв.(№ 39, 40, 43–46)–30 сентября;

ТЭЦ (котёл № 7 и № 10) – 30 сентября;

открытые стоянки автосамосвалов (80 мест) – 30 сентября;

освещение карьера и отвалов – 30 августа.

К недоделкам отнесён и ряд других объектов. Сроки ввода – в июле, августе и сентябре.

ПРОПАВШАЯ ГРАМОТА

(«Рудный Ковдор», № 72–73 (1150–1151), 14 сентября 1979 г.)

На одной из августовских оперативок на стройплощадке расширения ТЭЦ остро всплыл вопрос фланцев и прочей арматуры для установки приборов автоматики. Как известно, котлы без средств автоматики (в отличие от, скажем, мельниц обогатительного комплекса) запустить никак невозможно. Громогласная тревога генподрядчика понятна.

Вопрос поставлен, на него надо отвечать. Без промедления. Пусть устно, но с фланцами в руках. Тут-то выяснилось, что на складах отдела оборудования ОКСа Ковдорского ГОКа необходимой амуниции для приборов нет. Завод не поставил, проектировщики чертежей не предусмотрели. Значит, необходимо:

а) изготовить чертежи;

б) изготовить в ремонтно-механическом цехе арматуру.

Соответствующий приказ отдан, бумаги с грифом «срочно» замелькали между этажами управления комбината и осели на столе у начальника РМЦ. Но выплыл ещё один «арбуз» – нет на складах отдела материально-технического снабжения комбината цельнокатаных труб, из которых эта самая арматура может быть изготовлена.

Однако по порядку. Первым, с кем встретился корреспондент «Рудного Ковдора», был *начальник отдела оборудования Г. Ф. Боровской*:

– В заказной спецификации арматуры к приборам не было. Для сверки же

чертежей и заказных спецификаций у отдела просто не хватает сил. Считаю, что это брак проектирующих организаций. Да, седьмой котел ТЭЦ был запланирован вводом в конце прошлого года. Но только во втором и третьем кварталах нынешнего года стали поступать приборы КИПиА.

В штатах отдела появился инженер-комплектовщик, думаю, положение поправится. Но комплектовщик будет в первую очередь заниматься крупными узлами. Идём мы и по другому пути. Просим участвовать в составлении заказных спецификаций подрядчиков, эксплуатационников. (Мда... в отделе оборудования сидят инженеры, а не учётики. Кто-то должен был проявить инициативу и сверить заранее: что есть? чего нет? Здесь и далее в скобках приведены вопросы, оставленные собеседниками корреспондента без ответа).

Всё ясно, всё бывает. Какие-то доли объёмов невозможно предвидеть, приходится доводить их до ума на месте. Там вдруг может всплыть фланец, там – труба. (Опять же нужно, наверное, уметь расставлять силы. Призыв не расплывать средства и силы, а сосредоточить их на главных, пусковых объектах, касается не только строителей, но и всех обслуживающих звеньев).

Считанные недели остались до пуска котла, а отдел оборудования только 5 сентября (и то после строгого приказа) передал отделу снабжения заказ на материалы.

Г. Н. Денисов, заместитель начальника ремонтно-механического цеха:

– 3 сентября поступила срочная заявка из отдела оборудования. Обсчитали чертежи, сделали эскизы. Для изготовления заказа уйдёт неделя, не больше. Но нет цельнокатаных труб. Не из чего делать.

В. Д. Лейзель, начальник отдела материально-технического снабжения:

– Действительно, из требуемых 14 наименований труб на складах нашлось только 5. Никто раньше таких материалов не заявлял. В срочном порядке обзваниваем соседние предприятия, снабженческие организации. Хотя бы за месяц поставили бы в известность, тогда никакой нервозности не было. Пока поиски безрезультатны.

Кажется, круг замкнулся. Однако, *старший инженер ТЭЦ В. К. Вечеров*, куратор стройки от эксплуатационников, не так пессимистично настроен. Оказывается, он совместно с наладчиками ещё в мае, по прибытии приборов мазутного хозяйства, участвовал в составлении заявки проектно-конструкторскому отделу комбината. Подавали они заявки и в июне, последние, – в июле.

– Всё правильно, – подтвердил *начальник отдела П. А. Лапшин*, – чертежи на арматуру мы выполнили и сдали отделу оборудования ещё 5 июня с. г., 30 июля и – чертёж на один фланец – 4 сентября.

(Так, значит, дело не в сверхзанятости сотрудников отдела оборудования. Значит, можно было загодя передать заказ РМЦ. Но чертежи застряли в папке, а в отделе оборудования не нашёлся человек, обеспеченный их продвижением по адресу, в РМЦ).

Ещё одной любопытной информацией поделился *Виктор Константинович Вечеров*. В начале сентября упомянутые приборы некуда было ставить – трубы не проложены. Потребуется они 15 сентября, не раньше. И то по частям,

в зависимости от очередности установки.

(Словом, не пахивает ли «арбуз» с арматурой для приборов КИПиА рецидивом болезни заказчика и генподрядчика, когда часть дорогой энергии в предпусковые дни тратится на изыскание соринки в глазу друг друга?).

Тем не менее, история с пропавшей в недрах отдела оборудования комбината грамотой, то бишь чертежами, настораживает. (Иди знай, какие ещё сюрпризы всплывут?).

* * *

Материалы для этой корреспонденции были собраны в минувшую пятницу, 7 сентября. В понедельник, 10 сентября, сотрудники отдела снабжения обрадовали: есть металл, посылаем машину в Мурманск. В среду, 12 сентября, первую партию фланцев ремонтно-механический цех изготовил.

УСЫПЛЯЮЩАЯ МАГИЯ ПРОЦЕНТА **(«Рудный Ковдор», № 1–2 (1277–1278), 9 января 1981 г.)**

Изобрели проценты, внедрили, а теперь мучаемся. С одной стороны, вроде как универсальный показатель. А с другой – вчитываешься, всматриваешься, а понять ничего не можешь. Нет, если 100 процентов – конечно, хорошо. Больше ста – так ещё премией пахнет. Пустьёе даже в процентах начисляют. Лишь бы выплачивали в рублях.

Этоприсказка. А вот звонок в редакцию. Товарищ, пожелавший остаться неизвестным, невинно этак спросил:

– 300 процентов нормы выработки это хорошо или плохо?

– Как это плохо? Прекрасно! Если бы все так, мы бы...

– На первой странице свежего номера вы написали, что-такой-то машинист экскаватора нагрузил столько-то тонн горной массы и выполнил нормувыработки на 300 процентов!

– Сведения нормировщики дали, разве в тоннах ошибка?

– Да нет, вес горной массы указан правильно– как раз научно обоснованная норма на 8 часов для такого класса экскаваторов. Но в ту смену машинист получил задание грузить из расчёта имеющихся в наличии машин. И вот это задание, а не норму выработки, он и выполнил на 300 процентов. А чтоб дать 300 процентов нормы, надо не скальную породу грузить, а песок.Ине в кузова самосвалов, а на ленту конвейера. И то вряд ли получится.

Конфуз, одним словом. Проклятый процент попутал. Как будто сложно запомнить, что экскаваторы грузят не проценты, а тонны. Или кубометры. И самосвалы перевозят опять же тонны и кубометры горной массы, а не проценты.

Спасибо за подсказку. Оживим свои экономические знания, больше не будем.

В цехе технологического транспорта сейчас одиннадцать сквозных бригад водителей. Бригады дружно потрудились в ноябре минувшего года и перевыполнили план. Кто на десятые процента, кто на десяток процентов, но в

среднем, если всю эту арифметику округлить, выполнили план на 105 процентов. А цех справился с заданием месяца лишь на сто и ноль десятых процента. Куда же пять процентов подевались?

А никуда. Не было их. Были издержки учёта.

Факт этот всплыл во время разговора, серьёзного разговора, на последнем расширенном заседании парткома комбината. Комиссия проанализировала работу цеха технологического транспорта и доложила свои выводы. Участники прений добавили.

Картина не из весёлых. Который год транспортники являются наиболее узким звеном в технологической цепи производства железного и апатитового концентратов. Что уже обернулось миллионами кубометров породы, которая лежит в карьере и затрудняет доступ к руде. Только минувший год добавил, по скромному определению руководителей транспортной службы комбината, ещё десять процентов отставания от плана вывозки горной массы. А десять процентов горной массы – это не красная десятка, которую любой приятель тебе до зарплаты одолжит. Это миллион, если не больше, кубометров всё той же горной массы.

Клич горняков известен: «Дайте больше машин!». На наших глазах количество их удвоилось, утроилось. Горнякам всё мало – стоят с протянутым ковшом и требуют. В свою очередь транспортники загибают пальцы: запчастей, ремонтная база. Водителей не хватает.

На сей раз извечная дружеская перепалка не затянулась. Горнякам предложено до конца первого квартала запустить дробильную установку для производства щебня и снять с повестки дня дорожную проблему раз и навсегда.

С транспортниками сложнее. Но и здесь ясно, что без решительного перехода на большегрузные автосамосвалы – 75-ти и 110-тонные, как и предусматривает проект – не обойтись. Пока же грузоподъёмность среднесписочного автомобиля всего 43 тонны.

Да, цех одним из первых в отрасли перешёл на прогрессивную бригадную оплату труда. Организовано двенадцать сквозных бригад. Выгоды за шесть месяцев эксперимента получены – в виде дополнительных семисот тонн горной массы.

Больше, чем было ещё полгода назад, но меньше, чем ожидали. Почему? А потому, что, когда шофёр случайно перепутает рычаги управления машиной, – будет нехорошо. А если перепутаны экономические рычаги?

Из лучших побуждений в цех ввели показатель корректировки на отсутствующих по уважительным причинам в бригаде работников. Так сказать, чтобы все были в равных условиях. К нововведению быстро приспособились. Теперь бригадиры неделями одной рукой ремонтом занимаются, а другой – корректируют.

Или такой пассаж. Бригада Н. А. Самодурова, которая первой стала хозрасчётной, работает в общий котёл. Остальные – в котёл экипажей. Чтобы привыкли, чтобы постепенно вошли во вкус. Как водится, на период освоения несколько завышен процент премии. А процент и есть процент. Его возить легче, чем тонны. Вот и вышло, что самодуровская бригада перевезла больше

всех тонн, но не добрала в процентах. Зарплату ей выплатили за проценты. Естественно, меньшую.

Чего же удивляться, что средний показатель работы бригад в процентах ниже среднецехового?

Известна притча о своеобразных умельцах, которые делают из мухи слона и ещё умудряются сбывать слоновую кость. Знаете, как это у них получается? Думаете, таскают на себе тонны запчастей, монтируют их по чертежам? Как бы не так. Они, умельцы, переводят тонны в проценты. Атам уже деловых техники...

Но хватит о материальных стимулах. Моральные, они тоже могут злую шутку сыграть. Не будем называть фамилии, человек этот заслуженный, много и ударно потрудился во славу цеха и комбината. Одним из первых пересел с МАЗа на 27-тонный БелАЗ. До сих пор ездит на нём, добиваясь рекордных пробегов и производительности. Не будем попрекать пожилого человека, что он недооценил прогрессивности 40-тонных машин, тем более – 75-тонных. Не захотел переучиваться или не смог – его дело. Спасибо за то, что продолжает трудиться не хуже, чем десять и двадцать лет назад.

Но что получается? Его маломощная машина по тонно-километрам явно уступает акселератам последующих серий. Хотя и нагнала завидный километраж. А в процентах? Сумасшедшая цифра! Потому как план на 27-тонник соответственный. И проценты растут исходя из этого плана.

Но как итоги подводить – процент первое дело. Кто тут передовик? Наш опытный и уважаемый. Ему и почести. Однако попробуй повторить на своем рабочем месте его опыт? Попробуй догнать и перегнать! Взглянешь на процент – руки опускаются.

А мы удивляемся: и почему это в цехе технологического транспорта мало желающих пересесть на более мощные машины? Почему руководители цеха всё ещё раздумывают – 40-тонники им заказывать или 75-тонники? Да если самый передовой водитель на 27-тонной машине ездит – кому же захочется в отстающие поступать?

Разговор на парткоме чуть опять не сполз к проблеме ремонтников. Нету их, не хватает. Как пять, как десять лет назад. Вновь всплыло предложение: принимать в ремонтники водителей. Чтобы они заодно машину на зубок выучили, почувствовали, почём фунт полочки. Потому же в кабину пересаживались. Временная мера. Не от хорошей жизни. Как пять и десять лет назад.

Вряд ли стоит гордиться тем, что почти сто процентов водителей прошли стажировку на ремонте, если ремонтники как были в дефиците, так и остались. С переходом на бригадную работу ремонтом вынуждены заниматься все 11 бригадиров вместе с помощниками – это 55 самых опытных водителей оторваны от непосредственного выполнения плана на линии. 55 шофёров асов латают сиюминутные дыры, подчищают огрехи менее опытных коллег.

Куда ни кинь, всюду клин. От него надо освободиться. Иначе БелАЗ не вывезет возросший план.

Надеюсь, серьёзный читатель не возмутится столь легкомысленным изложением животрепещущего вопроса. В решении парткома записано всё, как

положено: на кого возложить, кому поручить и с кого спросить. Поскольку все понимаем, что *именно* от транспорта – нынче зависит выполнение плана комбината.

Просто показалось заманчивым взглянуть на проблему с иной точки зрения. Потому как очень хочется, чтобы наш технологический транспорт нагружал свои автотонны на все сто процентов. Или чуть больше. Только тогда каждый процент обернётся полновесными кубометрами. Чего от него и требуется.

КРЕСЛО ОСКОЛКОВА

(«Рудный Ковдор», № 3–4 (1279–1280), 16 января 1981 г.)

Есть такое кресло. В прямом и переносном смысле. Но сначала о том кресле, которое в прямом. Потому как о переносном смысле – весь остальной наш разговор.

Так вот, лет восемь тому назад водитель цеха технологического транспорта Осколков В. И. выбросил из кабины сорокатонного БелАЗа заводское сиденье, изготовленное на основе последнего слова большой и малой химий, заменил его самодельным, собственного изобретения. Ничего хитрого в кустарном кресле не было. Разве что дверные пружины, купленные по случаю в хозяйственном магазине. Да амортизатор от «Жигулей». Вся штука была в том, как сии запчасти расположить и прикрепить.

Получилось не сидение, а мечта. Машина на ухабах скрипит и скрежещет, а водитель вроде в нежной люльке сидит. О том, что у него позвоночник имеется, – не догадывается. Послесмены не качает, как моряка на суше. Спокойно идёт, улыбается очередным мыслям.

Да и как не улыбаться! Если поборол извечного врага – рудничную дорогу, с её гребёнками-выемками. Несколько лет баранку крутил и думал. Пока не осенило. Прямо как в довоенных фильмах про поэтов. Или каких других творцов. Задумался и открыл! И опять задумался. Уже не как в старых фильмах. Тебе-то хорошо, следи, чтоб не укачало и вся забота. А машина-то, железный самосвал, не выдерживает постоянной вибрации...

Словом, думай, Владимир Иванович, думай. Теперь уже на участке ремонта, куда Осколкова вскоре перевели. Кресло на линии осталось, третью машину сменило за эти годы. Водитель первым делом, когда БелАЗ получает, новое сиденье выбрасывает, осколковское ставит. Такое оно оказалось живучее и удобное. Хотя экономического эффекта на личный счёт рационализатора не добавило.

Кто интересуется – может забраться в кабину БелАЗа с бортовым номером 127 – лично посидеть в уютном кресле.

Я так себе думаю: повезло им обоим. Ковдорскому ГОКу – что в цехе технологического транспорта имеется такая светлая голова. Счастье улыбнулось и Осколкову, что на его пути оказался коллектив, где умеют ценить творческих людей. Сколько ещё предприятий, где рады бы, да не в силах шагать в

ногу. И сколько ещё специалистов, что могли бы, хотели бы, да условий нету. А здесь такая идиллия.

Никакой идиллии! Трудно это, в обычные представления не укладывается. Тяжкопод одной крышей уживаться с ищущим человеком. Не побоюсь высоких параллелей, но вспомните про героев книг из серии «Жизнь замечательных людей». Или, что не менее убеждает, из серии «Жизнь замечательных идей». Уж так мы устроены, что любое отступление от привычного стереотипа нас обижает. И не всегда хватает выдержки обиду эту подавлять.

Давно доказано, что изобретают, сочиняют, открывают – короче, двигают прогресс – люди, умеющие удивляться. И эти индивидуумы, как правило, туго постигают прописную истину, что не все подобным умением обладают. Отсюда конфликты. А если учесть, что товарищи индивиды с широко распахнутыми глазами обычно не опускаются до дипломатии и компромиссов, то понятно, почему количественный перевес редко им сопутствует.

Первое же рационализаторское предложение молодого помощника машиниста экскаватора (ещё в родном Рудничном Кировской области, где добывают фосфориты) привело к обструкции. Освистали рационализатора. Нужно было какую-то штуку поднять для парового двигателя поворота. Делали это обычно с помощью системы клиньев. А молодой Володя Осколков предложил столб поставить и трансмиссию использовать. Вспоминает, как обиделся, когда вместо похвалы услышал:

– Много, вас, инструкторов, развелось. Вам лишь бы не напрягаться, а стоять и указывать. А ну, берись за верёвку!

И так всю жизнь, чуть ли не с каждым его рацпредложением. Поскольку оно расходится с устоявшимися привычками и навыками, то поначалу воспринимается в штыки. Потом чаще всего противники становятся союзниками, но первая реакция всегда воинственна.

Осколков не унимается. Хотя характер его заметно испортился. Вместо того, чтобы промолчать, дать освоиться и подумать – на высокие ноты переходит. Хорошо ещё, что в последние годы его авторитет на него работает, а то был бы цех технологического транспорта отдельно, а он, Осколков В. И., сам по себе. Пока же конфликтные ситуации, хоть подчас и в высоких инстанциях, а гаснут. Оно, конечно, покой и ровные взаимоотношения – дорожке. Новедь тонно-километры для микроклимата коллектива тоже необходимы.

В том-то, и штука, что идеи Осколкова воплощённые собственноручно в металле, как раз содействуют увеличению количества тонно-километров.

Вспомним ту же пескотруску, или, как она зарегистрирована в «Карточке рационализатора (изобретателя) Осколкова В. И.» 27 декабря 1974 года за номером 1013–Т: «Пескоразбрасывающая машина на базе БелАЗа» Простая конструкция не сразу нашла сторонников. Теперь безпескотруски карьер рудника «Железный» зимой нельзя представить. Действует она. Ходит безотказно. На сотню метров, если не больше, карьер с тех пор углубился, но мощные самосвалы не пробуксовывают на дорогах в любой гололёд.

В той же карточке рационализатора в графе «образование» написано «10

классов». Мне очень не хотелось бы, чтобы рассказ о рационализаторе Осколкове Владимире Ивановиче напомнил набившую оскомину схему: инженеры недопередумали, а современный рабочий полистал ночью книжечку и утром утёр этим итээровцам носы. Не надо, недостойно. Инженерный труд не только из-за повышенного расхода калорий заслуживает всяческого уважения. В том числе (пусть не по теме нашего рассказа) – труд проектировщиков, которых за ошибки не ругает разве самый ленивый подсобник. Дома, в которых мы живём, машины, на которых ездим, предприятия, где работаем, сначала возникли в чертежах. Самолёты со спутниками тоже создали не выпускники неполной начальной школы.

Отец Осколкова, машинист экскаватора с далёкого приуральского рудника, погиб на фронте, когда Володе два года едва минуло. Отца только по фотографиям знает. Не получилось сыну учиться после десятилетки. Понятно. Мать троих детей на ноги ставила. В не менее трудные, чем военные – в послевоенные годы.

Не устаёт человек пополнять образование. Тут и солидная личная библиотека, и журналы специальные. Без посещения технических выставок отпуск не представляет. Не для того, чтобы отметить да попить в киоске заморской воды. Каждую машину, каждый винтик тщательно осматривает. Где позволят – руками потрогает. Идея кресла к нему там пришла, в Москве, на Выставке достижений народного хозяйства, где в одном из павильонов иностранная фирма сельхозтехнику демонстрировала. Ну, а что кресло не хуже фирменного, а лучше (пусть из подручных средств изготовлено) – так это личная заслуга рационализатора. Отечественные умельцы и блоху запросто подковывали.

Одним словом, талант у человека. Как ни странно, отсутствие систематического образования порой помогает. Нет противоречия, всё правильно. Просто Осколков не всегда знает, как надо делать, как принято и освящено учебниками. Сам ищет, сопоставляет. Опыт работы водителя, машиниста экскаватора, электросварщика, рабочего высокой квалификации самого широкого профиля – добрую службу служит. Вот и сталкивается он подчас с техническими решениями из разных областей. Под руками Осколкова они начинают вертеться в нужную сторону. Ну, а что порой много лишнего делает, в тупики попадает, так это издержки. Они, как черновики писателя, за кадром остаются.

Недостаток образования всё-таки сказывается. Не всё сам может просчитать, вычертить. Инженеры приходят на помощь. Не гнушаются. И не один-два – целая служба отдела главного механика комбината считает Осколкова своей надёжей и опорой в цехе технологического транспорта. А конструкторский отдел комбината идеи Осколкова документацией подтверждает. Для полноты картины следует добавить, что БРИЗ и ВОИР комбината за него горой стоят. И правильно делают.

Так что за ним, за электрогазосварщиком ЦТТ Осколковым В. И., – целые коллективы. Плюс творческая бригада, которую он возглавляет. Это та бригада, что его идеи вместе с ним в металле осуществляет. За минувшую пятилетку 29 внедрённых предложений Осколкова принесли комбинату 101-у ты-

сячу 786 рублей 28 копеек.

Предвижу ухмылки некоторых самодельных экономистов, потому сразу приведу выкладки. Да, Осколков придумывал не бесплатно, в вышеназванной карточке рационализатора есть даже специальная графа – «сумма вознаграждения». Неполенился, просуммировал. Получилось, что Осколкову из более чем ста сэкономленных тысяч причитается около трёх процентов – 3.150 рублей и 91 копейка. Разделим эту сумму на 60 месяцев пятилетки и получим ежемесячную прибавку в 50 рублей с копейками. Много! Не мало, по крайней мере. А теперь пусть эти самодельные экономисты подбивают итога дальше сами. Пересев из кабины самосвала в кресло руководителя творческой бригады Осколков ежемесячно стал терять в зарплате минимум 120 рублей.

Деньгами. А по времени? Творчество – понятие круглосуточное. Потому после смены у человека голова не свободна от мыслей, связанных с работой. Зато сколько радости, когда видишь, что дело рук твоих приносит пользу. Привожу названия внедрённых изобретений из карточек рационализатора Осколкова: стенд для проверки гидроусилителей и насосов НШ–46; гидравлический подъёмник автомобилей с фиксацией; стенд для наклейки тормозных колодок; приспособление для шлифовки головок блока; гидравлическая машина для обрубки изношенных тормозных накладок...

Большой список. Иному коллективу изобретателей до пенсии хватило бы.

Не все предложения Осколкова можно сопроводить экономическим эффектом. Тот же рычаг центрального тормоза, который, как заведено, под сиденьем расположен. Одна из заповедей водителя – не трогаться с места, не убрав его. На многих машинах и не сдвинешься, мотор заглохнет. А мощности БелАЗа и не на такие препятствия рассчитаны. Потому Осколков предложил рычаг удлинить гибким шлангом. Теперь положение тормоза локтем ощущаешь и уже не забудешь дернуть его, когда надо.

Недаром, когда Осколков приезжает в Жодино на автозавод, где БелАЗы выпускают, его без длинных формальностей пропускают на территорию, и сам заместитель главного конструктора к себе в кабинет Владимира Ивановича заводит. Начальников отделов созывает. Вместе сокрушаются, что нет у Осколкова диплома. А без диплома – какую ставку ему предложишь?

Возможно, Владимира Ивановича, в конце концов, сманят автомобилестроители. Но пока что он уезжать из Ковдора не собирается – идея застопорилась. И какая! Родилась мысль, как ликвидировать на карьерных дорогах ту самую гребёнку, что БелАЗу жизнь укорачивает. Пружинное кресло только водителя спасает, и то одного. Поскольку в одном экземпляре изготовлено. Зато на ровных дорогах исправно послужатобычные заводские кресла. Но главное, машина дольше сохранится.

Струг придумал Осколков. Тяжёлый железный утюг. Поднищу ножи в разных направлениях расположены. Если струг тянуть по дороге, ножи шероховатости срежут, камешки, ища выхода, ямки по пути заполнят. Просто и надёжно. Сначала действующую модель изготовил – вроде получилось.

Всё началось с осмеянной бригадой идеи водителя Осколкова. Он пред-

ложил всем вместе на воскреснике делом заняться: ямки на дорогах песком засыпать да гребёнку ломиком подолбать. Думал, как лучше, а ребята за животы держались.

Здесь не будут, здесь техника. Но снова занесло Осколкова. Там, где цифры и расчёты, где какой металл выбрать, как его отрихтовать и приварить – там всё в порядке. Но он изобретатель, поэт одним словом, в облаках витает. Недоучёл, недовник, понимаете ли, что многотонный струг не потянешь наличным в цехе тягачом. Сказали ему вовремя, предупредили. А он, наивная душа, говорит:

– Ну и что, вдобавок прицепим рудничный колёсный трактор. Когда вместе, сил у них, тягача и трактора, хватит.

Что с ними, с наивными идеалистами, делать? О межведомственные барьеры и не такие идеи разбивались. Конечно, конечно, два цеха – далеко не два ведомства. Тем не менее, уже второй месяц бьётся Осколков, чтобы хотя бы на испытания струг вывезти. Дефекты чтоб выявить, ещё чего. Уже и приказ по этому поводу подготовлен, уже и сроки названы. А два тягача никак не состыковать.

Думаете, унывает Осколков? Он надеется. На то, что всё равно цеху тягач на базе 75-тонного БелАЗа потребуется. Тот уж точно потянет, сил у него хватит. Осколков надеется. А бригада, творческая его бригада, не выдержала. Не то, чтобы разбежалась – тихо рассосалась по разным участкам.

И вот в эти дни, когда решается, быть стругу или не быть, мы расстаёмся с нашим героем. Пусть посидит в кресле имени себя. В том самом, в переносном значении слова. В кресле рационализатора (изобретателя) Осколкова. Посидит, подумает, поразмышляет.

По штатному расписанию кресло это именуется «газоэлектросварщик 5 разряда». Плюс десять процентов бригадирских. Больше не предусмотрено.

Да он и не претендует.

От автора. Очерк был подготовлен к печати (то есть заслан в типографию и набран), когда пришло сообщение, так удачно ложащееся в строку.

12 января сего года в присутствии членов комиссии по испытаниям струга Осколкова начались первые пробные рейсы. На этот раз в качестве второго (или первого, если по порядку номеров цепочки) тягача был запряжён мощный ДЭТ. Несколько часов кавалькада из двух тягачей и струга утюжила рудничную дорогу. По предварительным данным членов комиссии – результаты обнадеживающие. После четырёх-пятиразового прогона два километра дороги стали гладкими, как асфальт.

Но члены комиссии несколько раз повторили, что испытания только начались, что продлятся они до 15 февраля, что только после тщательного изучения, которое отразится в пунктах инструкции для эксплуатации (если струг будет признан дееспособным), можно будет вслух говорить о результатах.

Потому и ограничимся самой, что ни на есть предварительной, информацией.

НЕРВЫ НАЧАЛЬСТВА

(«Рудный Ковдор», № 57–58 (1333–1334), 7 августа 1981 г.)

Замечали, что происходит? Возрастает персональная ответственность руководителей любого ранга за многогранную жизнь вверенного им коллектива. И это правильно. Взятся за гуж – тяни. И тянут, организуют, утрясают, направляют, добиваются. Испытывая при этом такие перегрузки, что врачи только руками разводят.

В семье не без урода, бывают исключения. Не о них речь. Однако настораживает, что становится, чуть ли не правилом шпынять начальника – мастера ли, или повыше – чем попало и как попало. Чтоб знал и не зазнавался!

Про разного рода оперативки в предпусковые дни строек умолчим. Утверждают: это специфика. Но и в менее накалённой обстановке то и дело слышишь: «Начальство недодумало, начальство недопересмотрело!». Фамилии обычно не упоминают, лупят не глядя, скопом. Чего церемониться, начальство и есть начальство. Средний род. Стерпит, не впервой.

Мастер не позволит себе разговаривать с рабочим в унижающе приказном порядке. Потому как уважает достоинство собеседника. В общении с руководителями о таком этическом правиле не принято вспоминать. Они и так слопают, на то и поставлены. Из приказа в приказ кочуют: «...*есть над чем подумать администрации... в ближайшее время навести порядок*». «*Хозяйственным руководителям надо наладить надёжное хранение...*». При сём, учтите, мы выбрали не самые смачные перлы, а что ни на есть рядовые, стёртые от частого употребления. Так и представляешь, как вызвали к доске седовласого, умудрённого опытом, мужика и вдалбливают ему таблицу умножения.

Во всех таких нравоучениях свысока присутствует, извините обыкновенное хамство. Не очень компетентный, мягко говоря, человек, покраснев от радости вопрошает: «*А знаете ли вы, что дважды два – четыре? Запомните эту истину, она вам пригодится!*».

Что это, как не подрыв авторитета специалиста, призванного руководить коллективом? Пусть из благих намерений, пусть не осознанный, но подрыв. Действительно, какими глазами будет подчинённый смотреть на своего мастера или начальника, который даже не знает, что оборудование нужно хранить, что на ошибках надо учиться и что дважды два – четыре?

Последнюю очную оперативку директор комбината А. И. Сухачев начал с того, что поднялся и попросил при всех прощения у начальника цеха В. Т. Шестопалова за необоснованные обвинения в некомпетентности, высказанные в его адрес на предыдущем совещании. Затем предложил сделать то же самое начальнику ОНОТиЗа В. С. Саркисову, который ввёл директора в заблуждение.

Это был урок. Урок этики. Урок взаимного уважения. Надо думать, командиры производства взяли его на вооружение.

У начальника рабочий день ненормирован. Но нервы у него – точно такие, как у подчинённых. Так может, стоит подумать, прежде чем швырять в него таблицей умножения?

ЗУБ РАСХЛЯБАННОСТИ

(«Рудный Ковдор», № 65–66 (1341–1342), 4 сентября 1981 г.)

Ах, какие мы храбрые, когда устраиваем инструкциям обструкцию. То есть, в упор их не видим. Усамих от радости грудь колесом. Как же, святое дело делаем, инициативу проявляем. На самом деле перекрываем, словечками-лялечками, как звонкой шелухой, элементарную недобросовестность. Поди, разберись, что к чему. Инициатива, –как ни взгляни, звучит современно!

Какой машинист экскаватора не знает, что необходимо в течение смены следить за состоянием зубьев ковша и немедленно принимать меры, ежели что не так. Про зубья ковша машинист должен спрашивать у своего помощника в десять раз чаще, чем о программе телепередач. Обязанность, инструкция.

Тем не менее, только в августе конусная дробилка на обогатительной фабрике дважды выходила из строя по причине попадания зуба экскаватора. Почти пятьдесят тысяч тонн руды из-за этого комплекс, а значит и комбинат, потеряли. Не продробили, не переработали. Из-за ремонта дробилки. Ещё неизвестно, сколько она протянет после такого подарочка.

В первый раз опасный гостинец попал на фабрику в ночь с 14 на 15 августа. Безымянный машинист экскаватора поленился сообщить о потере зуба по инстанциям. Сам решил, ему из кабины, конечно же, виднее, попадёт потерянный зуб на фабрику или не попадёт. Спал после смены спокойно. Нервы у человека!

Разбор, конечно же, был. И напоминания, и разные нервные обещания. Потому, когда через десять дней конусную дробилку сотрясло из-за очередного зуба, объяснительные записки не заставили себя долго ждать.

Интересные документы, вчитаемся: *«Начальнику участка экскавации Галигузову А.М. от машиниста экскаватора № 13 По... ..ва Ф.С. 24.08.1981 года... в 15 часов отъехал я от забоя, помощник пошёл смазывать ковш и обнаружил, что нет зуба. Я спустился с экскаватора, убедился: потерял зуб ковша. Сказал помощнику, чтобы он позвонил диспетчеру рудника. Приехав в АБЗ, я предупредил мастера Гладковского Г. Н., чтобы позвонил и наказал диспетчеру – пусть сообщит на фабрику о потере зуба».*

«Начальнику участка экскавации Галигузову А.М. от помощника машиниста экскаватора Па... ..ва В. В. В 15.00 я пошёл смазывать ковш и увидел, что нет зуба».

«Начальнику участка экскавации Галигузову А. М. от горного мастера Гладковского Г. Н. ... О подаче зуба на фабрику я узнал 25 августа в начале второй смены. А 24 августа в 15.00 машинист экскаватора По... ..в Ф. С. сообщил мне, что потерял кусок зуба, о чём я сразу сообщил диспетчеру сле-

дующей смены. А накануне, в 15.00, этому машинисту было дано указание по рации прекратить подачу руды на фабрику из-за низкого качества руды. Но вместо отгрузки вскрыши, он после 15.00 грузил руду на фабрику. Что подтверждает учётный листок машиниста экскаватора и выписка из фабричной карты».

Цитировать докладную записку, к которой эти объяснительные приложены, не будем. В ней поступкам всех действующих лиц дана оценка, выраженная энергичными глаголами: *объявить выговор, перевести на нижеоплачиваемую должность и лишить премии.*

Сердобольному читателю впору возмутиться. За что? Люди же вовремя сообщили.

Если бы! Прочитайте объяснительные записки. В 15.00 машинист По.....в получил указание прекратить грузить руду и переключиться на вскрышу, но не отреагировал. Проявил инициативу. Ему из кабины показалось, что так будет лучше.

Маленькое нарушение инструкции. Интересно бы послушать, как комментировали эту инициативу машиниста экскаватора ремонтники участка дробления? Они потратили больше суток на ликвидацию аварии.

Хорошо, что горняки и обогатители ходят на работу разными дорогами!

КОВДОРСКИЙ ГОК:

вехи, цифры, факты

(«Рудный Ковдор», № 99–100 (1374–1375), 30 декабря 1981 г.)

1933 год. Накануне 16-й годовщины Великого Октября группа ленинградских геологов, возглавляемая К. М. Кошицем, открыла в районе озера Ковдор железорудное месторождение. В годы второй пятилетки здесь велись активные поисковые работы, было начато сооружение железнодорожной ветки от станции Пинозеро.

22 июня 1941 года. Первый пассажирский поезд прибыл к конечному пункту новой ветки в районе нынешнего аэропорта. Вскоре железнодорожная линия была демонтирована, рельсы требовались для укрепления районов.

1948 год. Группа учёных, в том числе и К. М. Кошиц, чьи работы способствовали созданию чёрной металлургии на Северо-западе страны, награждена Государственной (Сталинской) премией второй степени.

1951 год. По восстановленной ветке открыто грузопассажирское сообщение между станциями Пинозеро и Ковдор.

1 июня 1953 года. Первый строительный отряд рабочих прибыл на место будущей стройки.

1954. Образовано СМУ «Ковдорстрой» треста «Кольский».

1955. Образовано самостоятельное Ковдорское рудоуправление.

1956 год. Разработан проект посёлка на 5.000 жителей. Построено первое каменное здание будущего города – трёхэтажная школа (ныне в ней размещена вечерняя школа рабочей молодёжи). Президиум Верховного Совета

РСФСР издал указ об образовании в пригородной зоне Кировска посёлка городского типа Ковдор.

1957 год. Вступила в строй ЛЭП Кандалакша – Ковдор, запитанная от каскада Нивских ГЭС.

1959 год. Организован трест «Ковдорстрой».

1960 год. Коллектив геологоразведчиков, возглавляемый В. И. Терновым, открыл в Ковдоре богатейшие запасы слюдо-флогопита и вермикулита.

1961 год. Решением Мурманского совнархоза Ковдорское рудоуправление преобразовано в Ковдорский горно-обогатительный комбинат.

21 июля 1962 года. Вышел в свет первый номер многотиражной газеты «Рудный Ковдор».

5 сентября 1962 года. В Череповец отправлен первый эшелон с ковдорским железным концентратом.

1963 год. Ковдорский ГОК запустил опытную установку по обогащению вермикулита.

1964 год. Построена такая же установка для обогащения апатита.

1965 год. Посёлок Ковдор стал городом районного подчинения, одна из улиц его названа в честь первооткрывателя месторождения – Константина Михайловича Кошица.

1966 год. За открытие и промышленное освоение крупнейшего в мире месторождения слюды-флогопита группа геологов и производственников была награждена Ленинской премией. Среди них – директор Ковдорского ГОКа Алексей Иванович Сухачев и нынешний главный геолог Ковдорской ГРП Борис Иванович Сулимов.

1967 год. Открыл двери Дворец культуры профкома комбината, заработал телевизионный ретранслятор.

1970 год. Принял первых отдыхающих санаторий-профилакторий профкома комбината.

1973 год. Строительство АБОФ объявлено Всесоюзной ударной комсомольской стройкой.

1975 год. Введена в эксплуатацию первая очередь апатито-бадделеитовой обогатительной фабрики – составной части обогатительного комплекса комбината.

1976 год – выпущена первая промышленная партия бадделеитового концентрата. С начала разработки месторождения горняки добыли 100-миллионную тонну руды.

1977 год – началась реконструкция магнито-обогатительной фабрики.

29 ноября 1979 года – подписан Указ Президиума Верховного Совета РСФСР об образовании Ковдорского района в Мурманской области с центром в городе Ковдор.

1981 год. Окончание реконструкции магнито-обогатительной фабрики обогатительного комплекса, мощности комбината по выпуску железного концентрата возросли до 5.600 тысяч тонн в год.

ВЕДОМСТВЕННЫЕ «БАСТИОНЫ» НА УЛИЦАХ КОВДОРА («Рудный Ковдор», № 7–8 (1382–1383), 29 января 1982 г.)

Интервью заместителя директора Ковдорского ГОКа по капитальному строительству Виталия Фёдоровича Михайлова (см. «Р. К.» от 15 января: «Хорошо – это аванс») заканчивалось ссылкой на заседание Коллегии Минчермета, которому предстояло утвердить выводы госкомиссии по пусковым объектам-81, планы по кастроительству на 1982 год. Продолжим беседу именно с этого момента.

– Итак, Виталий Фёдорович, сказали «А» – очередь за «Б». Пора ввести читателей, в курс дальнейших событий и решений.

– Газета расширяет аудиторию участвующих в обсуждении серьёзных вопросов жизни нашего комбината и города, даёт возможность более широкому кругу в различной степени заинтересованных лиц либо утвердиться в своих позициях. Либо, как говорят, «вступить спор с возражениями».

В любом случае возникает элемент сопричастности и уже, как в данном случае, судьбы комбината и города начинают интересоваться не только тех, кто занимается данными проблемами по долгу службы, а более широкий круг.

Однако, вернёмся к концу нашего предыдущего разговора. 15 января Коллегия Минчермета СССР утвердила акт государственной комиссии. При обсуждении доклада председателя госкомиссии все проблемы, с которыми столкнулись в декабре на пусковых объектах-81, были внимательно рассмотрены членами Коллегии и были приняты решения, призванные способствовать нормальной работе комбината в 1982 году и последующих годах.

В частности, в 1982 году комбинату будут выделены автосамосвалы грузоподъёмностью свыше 100 тонн (по проекту – 75-тонные). Самосвалы закупаются по импорту. Количество и сроки окончательно не определены, но программа коренного технического перевооружения карьерного транспорта в течение 1982–1983 годов не вызывает сомнений. Уверенность у комбината в этом появилась.

Есть также реальные надежды на увеличение объёма строительно-монтажных работ в промышленном строительстве по плану поправок 1982 года. Правда, я, быть может, рановато на эту тему говорю. Но то, что увеличение объёмов 1982 года обсуждается в самых высоких инстанциях и может реально осуществиться в плане поправок – это факт.

– Конкретизируйте, пожалуйста, во что именно выльются эти надежды.

– На 1982 год планируется ввод в эксплуатацию хлебозавода, убойно-санитарного пункта в подсобном хозяйстве, появится устойчивое электроснабжение подсобного хозяйства. Можно, пока с оговорками, говорить об увеличении темпов расширения станции «Ковдор», о начале работ по энергоцеху, участку вулканизации кабеля и ремонта передвижного электрооборудования карьера, о расширении склада сухого железного концентрата. Ну и,

наконец, будут поправлены наши дела в благоустройстве территории комбината и по ряду других работ.

А в части объектов жилищно-коммунального назначения, к сожалению, ничего радужного пока не вырисовывается. Обидно, что начало строительства Юго-восточного микрорайона отодвигается на более поздние сроки.

– *Надо ли Ваши слова понимать так, что на жилищное строительство нет средств?*

– В 1982 году в сравнении с 1981 годом комбинат почти вдвое увеличивает затраты на эти цели. Мы планируем ввод 9.000 квадратных метров жилой площади. Задел по двум-трём домам, а это ещё 195–300 квартир. В прошлом году заделов было мало, один дом законсервировали. Нынче же предусмотрены затраты на задел детсада, магазина типа «Универсам». Согласитесь, не так уж мало.

Но я о другом. Пока не вижу сегодня перспектив в улучшении самого хода и качества строительства городских объектов, в равномерности по кварталам года, в ликвидации вечной штурмовщины в ущерб качеству при сдаче жилья.

– *С ритмом и качеством строительства Вы сталкиваетесь по долгу службы. Читатели далеко не так полно информированы.*

– Руководители всех предприятий города дебатировали этот вопрос два года. Решение опять отодвинуто, на неопределённый период. Речь о создании в Ковдоре единого заказчика-застройщика жилищно-гражданского строительства. Ещё в 1979 году вышло специальное постановление о необходимости и порядке создания такой службы повсеместно. В том же году Мурманский облисполком определил, что в Ковдоре единым заказчиком должен быть Ковдорский горно-обогатительный комбинат, в посёлках района (кроме пос. Лейпи) – комбинат «Ковдорслюда». Минчермет СССР и, соответственно, Ковдорский ГОК дали согласие. Мы начали подготовку к переходу на строительство города в условиях единого заказчика-застройщика с 1 января 1981 года. Каки было положено.

– *«Единый заказчик» – новый термин. Собеседники, обычно, в начале разговора договариваются о терминах...*

– Правильно. Давайте поговорим на примере нашего города, где 60 процентов населения связано с деятельностью предприятий чёрной металлургии. Эта цифра определяется просто: делим население города на число работающих на всех предприятиях (без учёта предприятий, подчинённых облисполкому) и умножаем на число работающих в Ковдорском ГОКе, в ОРСе Ковдорского ГОКа и в СпецСМУ.

Так вот, если в сумме 60 процентов, то ясно, кому быть единым застройщиком. Остальные ведомства призваны участвовать в жилищно-коммунальном строительстве на долевых началах.

Объединённые средства направляются на городское строительство по единому титульному списку, в котором определено комплексное развитие – вместе с жильём, объектами соцкультбыта, торговли, благоустройства, коммунального хозяйства и т. д. Отдельно в таком же порядке собираются средства на объекты просвещения. Готовая жилплощадь, места в детских садах

распределяются пропорционально долевному участию. Всё ясно, всё справедливо.

Выгоды от объединения сил и средств для города очевидны. Тут и возможность обеспечить более ритмичную работу строителей по вводам и заделам, тут и возможность комплексной территориальной застройки. Хотя бы нового микрорайона.

— Прекрасно, так за чем остановка?

— На словах все «за», третий год «за». Зафиксировано в протоколах нескольких совещаний в райисполкоме. Более того, в декабре 1981 года даже вышло решение Ковдорского райисполкома о создании службы единого заказчика. Но только Ковдорский ГОК и трест «Ковдорстрой» документально оформили готовность выполнить это решение. Комбинат «Ковдорслюда» добросовестно заготовил ряд документов и доводов, чтобы... не участвовать в этом деле. Настаивает на своих позициях весьма активно.

Да что говорить! Даже Ковдорский райисполком, выпустив упомянутое решение, продолжает, тем не менее, выступать через ОКС облисполкома самостоятельным заказчиком по своему дому. Остальные заказчики не удосужились дать письменные подтверждения своего согласия. Устно мотивируют тем, что не имеют средств на 1982 год, а также информации по средствам до конца пятилетки. Так сказать, выжидают, чем всё закончится.

— Может быть, у них есть на то основания?

— Такая позиция вызвана скорее тем, что, понятие конкретного строительства путают с признанием факта создания единого заказчика. Это разные стороны одной медали. За единым заказчиком — согласование принципа взаимоотношений в планировании жилищно-гражданского строительства. Выделение же средств — всего лишь конкретная реализация этого принципа по годам.

Если более точно, здесь мы сталкиваемся с закостенелой ведомственностью, переходящей в равнодушие к будущему нашего города.

Упомянутое Постановление правительство выпустило не только ради создания удобств для строительства, а ещё потому, что в городах, где одно ведомство является основным (не путать с единым) застройщиком, объекты общего пользования строятся в пределах расчётной численности работников этого ведомства. Малые же застройщики, пытаются любой ценой построить «чистое жильё» без вложения средств в объекты общегородского пользования. В результате, либо не хватает магазинов, клубов, бытовых учреждений на расчётную численность города, либо все тяготы по этому обеспечению ложатся на одно ведомство. А ведь каждому ведомству Госплан СССР выделяет средства пропорционально численности трудящихся.

— Убедили. Перейдём к преимуществам, которые обеспечит единый заказчик.

— При едином заказчике устанавливается единая расчётная стоимость квадратного метра жилой площади, в которой учитываются все затраты на объекты общегородского пользования, о которых сказано выше. То есть, все застройщики участвуют в комплексном жилищно-гражданском строительстве

пропорционально затратам на чистое жильё.

Позволю себе небольшой экскурс в прошлое. Министерство чёрной металлургии СССР построило в Ковдоре поликлинику, весь больничный комплекс, Дворец культуры, почти все магазины, все столовые и ресторан, молокозавод, Дом связи, три школы, базу ОРСа, две очереди очистных канализационных сооружений, типографию. Строит хлебозавод, проектирует гостиницу на 52 места, профтехучилище. Вроде из крупных объектов остаётся только комбинат бытового обслуживания, но ведь и он возводится за счёт средств, которые «Ковдорслюда» ... не передала в десятой пятилетке нашему комбинату на долевое участие в строительстве объектов общего пользования. Объектов (смотри выше приведённый перечень), которые наш ГОК построил за прошлые годы.

– Список объектов, финансируемых комбинатом, большой. А как в денежном выражении стоимости в рублях?

– Давайте лучше в процентном соотношении. Будет наглядней. Общая сметная стоимость построенных комбинатом для города объектов, составляет более 90 процентов стоимости всех объектов культурно-бытового, торгового и социального назначения в Ковдоре. Численность работников нашего ведомствана считывает, как я уже говорил, только 60 процентов работающего населения. То есть комбинат перекрыл часть невыделенных другими ведомствами средств.

Как называют человека, стремящегося прожить за счёт другого? Кажется, нахлебник? Потому ссылки типа «нам не выделяют средств», «нам не разрешают принимать долевое участие», «нам неизвестно, будут средства на пятилетку или нет» – это отговорка, ширма, этакое создание видимости дела при полном безразличии к судьбе города. Помните знаменитый лозунг времён строительства первой очереди АБОФ: «Кто хочет делать – ищет пути решения вопроса! Ктоне хочет – прячется за причины».

– Откровенно, так откровенно. Выходит, Ковдорский ГОК, построивший 90 процентов объектов соцкультбыта вместо 60, нарушил финансовую дисциплину?

– Нарушил. Ковдорскому ГОКу «не было положено» строить поликлинику, хлебозавод, молокозавод, Дом связи – есть чёткие, регламентированные Госпланом, порядки. Есть законы. Но Ковдорский ГОК хотел построить необходимые городу объекты и добился разрешения Совета Министров на строительство и хлебозавода, и поликлиники, и Дворца культуры. Нашёл пути для возведения Дома связи, построил сверх утверждённого проекта свинарник на 1.560 голов. Даже тогда, когда родное министерство не очень поддерживает комбинат (понятно почему, мы просим и просим сверх положенного по расчётам), дирекция ГОКа использует любые пути, вплоть до прямого обращения в Совет Министров и Госплан СССР. Хотя куда проще и спокойнее прикрыться параграфами законов.

– В начале Вы напомнили о планах строительства Юго-восточного микрорайона города. Его в Ковдоре не будет?

– Во-первых, неожидая передачи долевого участия по лимитам на проек-

тировании средств для этого, комбинат заказал проектно-комплексной застройки нового микрорайона. Но поскольку своими средствами покрыть затраты мы не сможем, придётся «заморозить» это строительство до начала двенадцатой пятилетки. А на имеющиеся средства залатать «пятна» в старой части города. Возможно, только в 1984–1985 годах появятся первые заделы по *отдельным* домам в Юго-восточном микрорайоне. Но уже ясно, что вновь повторится печальной памяти история Микрорайона –1, образно названного молвой «Мокрорайоном».

–Ещё немного о минусах, что несёт отсутствие единого заказчика, когда ведомство финансирует лишь «свои» дома...

– Именно поэтому в планах строителей – полная аритмия. В один год –3–4 задела, во второй – 3–4 ввода без заделов, затем 2 задела и т. д. Зато сиюминутная выгода «своему» предприятию обеспечена.

– Уж слишком мрачная нота для завершения беседы. Не находите?

– Невсё так безнадежно. Думаю, найдутся в Мурманской области и вне её силы, которые заставят повернуться лицом к проблеме единого заказчика-застройщика. Кстати, не обязательно в лице Ковдорского ГОКа. В конце концов, поймите, эту лишнюю мороку комбинат взваливает на себя добровольно.

Но пока что констатирую: время упущено. Это факт.

ТЁПЛЫЙ СНЕГ

(«Полярная правда», № 100 (16.389), 30 апреля 1982 г.)

Мальчишки Страны Советов бредили Испанией. Знали наизусть имена республиканских генералов, названия испанских городов звучали для них музыкой. Всем сердцем мальчишки были в Испании. Новстретить грудью фашистские орды им довелось позднее. На своей земле.

...Вершины освободились от снега. Если забраться на гору, снег можно есть, как мороженое. Настоящее мороженое, каким Теодоро Рико угостили на пасху. Только, говорят, совсем не сладкое. Подумаешь, зато как много!

В тот день Теодоро надолго простился с отцом. Отец забежал на минуту и ушёл во главе батальона, созданного из членов коммунистической ячейки, которую он возглавлял. Ушёл на фронт бить путчистов.

А ещё через несколько месяцев настала пора прощаться матери и старшему, четырнадцатилетнему, Виктору с младшими – Педро, Теодоро, Алехандро и пятилетней Марией-Лусией. Три брата и сестра уезжали во Францию на испанском пароходе с символическим, как бы мы сейчас сказали, именем «Гаванна». Немного было тогда у республики пароходов, она их отдала для спасения детей. Вот строки из «Испанского дневника» Михаила Кольцова:

«Гидез (лётчик) и Кармен поедут пароходом «Гаванна», на котором отправляют новую партию баскских детей... Я и сам не прочь плыть на «Гаванне», но когда она отойдёт?»

Гаванна отошла и беспрепятственно достигла французского порта Бордо,

хотя на пароход с детьми фашистский эсминец пытался навести пушки. Его отогнали военные корабли сопровождения.

Рабочие приносили ребятам еду. Официальная Франция соблюдала нейтралитет, сделала всё, чтобы быстрее избавиться от изголодавшихся детей. Алехандро и Мари-Луисе, вроде, повезло. Их согласилась приютить французская семья. Решать пришлось двенадцатилетнему Педро и десятилетнему Теодоро – они отвечали за младших. Рассуждали так. Хочется, конечно, всем быть вместе, к тому же, кто из ребят не мечтает попасть в Советский Союз. Дорога дальняя. Да это и ненадолго, на год-два, а там война непременно кончится победой республиканцев. Зато младшие уже сегодня поедят вдоволь.

Третий день лежали в трюмах. Наматрацах, вповалку. Качка выворачивала наизнанку. Вдруг остановка. Подвалил катер с пулемётом на носу и флагом со свастикой. Ребята столпясь у люка, крепко держались за руки – попробуй оторвать. Непрошенные гости проверили документы у капитана и отчалили. Пронесло.

А ещё через несколько дней – Ленинград. Красные флаги.

Опять вернёмся к «Испанскому дневнику» Михаила Кольцова:

«...чернявые ребятишки, отосланные бездомными отцами под укрытие надёжного советского неба, широко раскрывают глаза и рты на первые бутерброды со сливочным маслом, на просторные пионерские дворцы, на весёлые площадки с играми всмолистом сосновом бору».

Эту партию испанских детей привезли в город с трудным названием – Евпатория. Здесь было почти так же тепло, как в Басконии.

В одной из здравниц обосновался их детский дом.

Учились. Сначала по-испански. Русские учителя преподавали, испанские «профессора» переводили. В Евпатории Теодоро окончил шесть классов. Запомнились экскурсии на каникулах – в Киев, в Москву. Впервые зимой увидел снег. Много-много. Он совсем не таял. Сначала было жалко по нему ногами ступать.

Появилось много друзей. С ними разговаривали без переводчика. Понимали друг друга. «Но пасаран!» – «Они не пройдут!». Лозунг сражающейся с фашизмом Испании был как пароль. Мальчишки и девчонки в красных галстуках брали шефство над испанскими пионерами. Форма у них была почти такая же, правда, рубашки не белые, а голубые. И ещё пилотки-испанки. Синие, с острыми углами и красными кисточками.

Советские пионеры. С ними в 1937 году разговаривал Михаил Кольцов:

«—А когда дом разбомбили, они куда идут?»

— Им тогда, бедняжкам, идти некуда. Они тогда бездомные. Разве что в метро идут.

— Красивое метро?

— Некрасивое.

— Пускай они к нам приедут. Мы им дадим дом. Пусть живут в нашем метро, пусть забирают хоть пять станций.

— А мы как же будем?

— А мы на остальных станциях будем ездить. Нам хватит. Или новые по-

строим».

Из Испании письма приходили всё реже, потом вообще перестали. В 1939 году отец, мать и старший брат Виктор вместе с не покорившимися врагу республиканскими частями перешли через Пиренеи во Францию. Их разоружили и интернировали. Направили в концлагеря. Только через много лет после войны Теодоро и Педро узнали, что отец принимал участие во французском движении Сопротивления, что Виктор партизанил в горах Испании.

Сообщение о нападении фашистской Германии на СССР оборвало солнечные каникулы. Несмотря на страшные лишения первых месяцев войны, страна, приютившая детей испанских коммунистов, посчитала первоочередной задачей эвакуировать их подальше в тыл. Детский дом вывезли под Саратов. Ребята продолжали учиться. Уже без переводчиков.

Как-то зимой пришёл в детский дом командир и спросил, любят ли юные испанцы играть на музыкальных инструментах. Война и вдруг музыка? Нашёл время шутить. Ребята молчали. А командир подумал, что они не понимают по-русски.

– Хорошо, – сказал он директору детдома, – отберите самых истощённых, я их заберу в пехотное училище. Будет у нас испанский музыкальный взвод.

Так тридцать юных испанцев в 1942 году стали военными музыкантами. Среди них и Теодоро. Мальчик, о здоровье которого так тревожилась мама. Уж очень часто он болел дома. Откуда ей было знать, что перемена климата благотворно отразилась на самочувствии сына. Что Теодор Юлианович (правильнее, наверное, было бы Хулианович, но так записано в паспорте) за всю свою трудовую жизнь лишь раз взял бюллетень. Но это мы с вами забегаем вперёд.

Там, в училище, Теодоро десятилетку окончил. Уже после войны поступил сначала в лётное училище, потом на геологический факультет Криворожского горного института. На Украине и любовь свою встретил. По очереди с женой на последнем курсе занятия посещали – некому было с сыном сидеть.

Сложилась судьба и у брата Педро. В войну он окончил ФЗУ, работал на заводе. Учился в техникуме, потом поступил в политехнический институт. Живёт в Москве, работает мастером смены на Останкинском телецентре.

В 1967 году Теодор Юлианович посетил во Франции родителей. Они так и остались там. Во франкистской Испании для коммунистов были открыты только двери тюрем.

Отец из-за травмы уже не мог работать в мраморном карьере. Скреперистом там же продолжал трудиться старший брат Виктор, но вскоре стал инвалидом. Опять же травма на производстве.

Александр (помните, младший брат, которого приютила вместе с маленькой сестрой французская семья) стал шофёром. Зарабатывает на междугородных и международных перевозках неплохо. Но и ему не по силам оплатить учёбу своего старшего сына, если бы тому, как первому ученику класса, не полагалась государственная дотация. Благодаря дотации сын стал дипломированным ветеринаром. Однако высшее образование счастья не принесло. Работы по специальности не нашёл – пристроился грузчиком на скла-

де.

Ветры перемен коснулись Испании. Коммунистическая партия вышла из подполья. Закалённая в борьбе, она, наверное, ещё скажет своё слово. Но это внутреннее дело самих испанцев.

Не думают пока возвращаться на землю отцов сыновья Рико, ставшие французскими подданными. В Испании для своих подданных рабочих мест не хватает. К тому же родственников в родных краях не осталось. Отец умер на чужбине, мать всю радость видит во внуках.

После окончания института Теодор Юлианович работал участковым геологом, затем старшим. В последние годы возглавлял геологическую службу крупного рудоуправления в Криворожье. Работала по специальности – геологом – и его жена, Инна Сергеевна. Окончил институт и стал геологом их сын Виктор.

Об уважении, каким окружён на своей новой Родине сын испанского, коммуниста, говорит хотя бы такой факт – в течение семи созывов, с 1964 года по 1978, Теодор Юлианович Рико избирался депутатом Криворожского горсовета.

А в 1978 году он приехал в Ковдор. К сыну. Вместе и работают. Отец – заместитель главного геолога Ковдорского горно-обогатительного комбината, сын возглавляет геофизическую тематическую группу. В семейственности их трудно упрекнуть. Скорее надо говорить о преемственности, о династии.

25 лет проработал Теодор Юлианович на одном месте – в Кривом Роге. Медаль ветерана труда честно заслужил. Ковдор – вторая запись в его трудовой книжке.

В эти дни геологи комбината совместно с коллегами из Ковдорской геологоразведочной партии заканчивают подсчёты запасов комплексных и мало-железистых руд Ковдорского месторождения. Для них яснее «апатитовый уклон» в продукции Ковдорского горно-обогатительного комбината.

А что снега в Заполярье более чем достаточно – к этому Теодор Юлианович тоже привык.

МОЛОДОСТЬ КОМБИНАТА **(«Рудный Ковдор», № 53–54 (1427–1428), 16 июля 1982 г.)**

Пять собеседников

Братство по труду сродни братству по оружию. Если в праздник выдаётся свободная минута – как не провести её вместе. Обычно текучка заедает. А тут сама обстановка вроде располагает к разговору. Стоит кому-то случайно проронить «А помнишь...», как перед глазами всплывает кадр за кадром. Подслушивать, конечно, нехорошо. Но если кому из молодых повезёт в эти

дни оказаться в компании ветеранов комбината, пусть они не спешат вставлять своё слово. Молча мотают на ус.

Не будем делать секрета: по просьбе редакции накануне главного праздника нашего предприятия состоялась встреча ветеранов. Представим собеседников по алфавиту: рабочий кранового хозяйства обогатительного комплекса *Иван Федорович Литомин*, участковый геолог рудника «Железный» *Вилей Андреевич Мороз*, водитель цеха технологического транспорта *Султан Бесланович Нахушев*, директор комбината *Алексей Иванович Сухачев*, главный механик комбината *Вениамин Михайлович Хабаров*.

Просьба редакции понятна: готовим номер ко Дню металлурга. И это, кажется, был единственный вопрос вслух. Знаете, когда речь о знакомом, пережитом, тут подталкивать разговор не надо. Слова сами рождаются. Любой из нас с радостью вспоминает о хорошем. А хорошее – оно всегда с тобой, в отличие от текущих неурядиц. Без них тоже не обходится, но они забываются. Уж так мы устроены.

Проще было бы, не мудрствуя лукаво, взять да изложить рассказы в порядке выступлений. Но не будем забывать, что люди к разговору специально не готовились. В таких случаях всегда оказывается, что о самом главном, интересном, и не вспомнили. Тем более, что сотрудник «Рудного Ковдора», стенографировавший беседу, по своей легкомысленной привычке напирал на смешные истории. Но не будем отбирать хлеб у юных следопытов, которые, наверное, всё-таки сумеют убедить каждого ветерана оставить воспоминания. Для истории.

Сотруднику же газеты хочется поделиться с читателем своими впечатлениями от беседы по свежим следам. И пусть не согласно записям, а так, как эта беседа отложилась в голове.

У истоков вермикулита

Сейчас всё чаще в различного рода серьёзных изданиях публикуются предложения о создании в нашем городе промышленного объединения «Ковдорский горно-обогатительный комбинат». Оно понятно: когда разные ведомства черпают фактически из одного месторождения железо, апатит, бадделеит, вермикулит, флогопит и известняк, – это в итоге расточительно. Оставим научным работникам экономические обоснования (держа, однако в уме выгоды для города, района и народного хозяйства от такого объединения). Сами оглянемся назад и задумаемся. За год до того, как Ковдорский ГОК официально вступил в строй действующих, он отправил потребителям сотни тонн необходимейшей готовой продукции. Вермикулитовый концентрат! Отнюдь не по профилю «железного» ГОКа, но крайне необходимый тогда для промышленности.

Горняки и обогатители, не забывая об основном задании – освоении Ковдорского месторождения, – построили опытную вермикулитовую фабрику, получили готовую продукцию. Ничем не отличающуюся по кондициям от той, которую теперь отправляет потребителям рудник «Ковдор» ГОКа «Ков-

дорслюда».

В то время строящийся Ковдорский ГОК стал первым поставщиком вермикулита на внутреннем рынке. Термостойкие свойства этой продукции весьма привлекательны. А как она выглядит – мало кто знал. Потому и приходили письма от молдавских овощеводов, от грузинских чаеводов: пришлите столько-то тонн в рулонах, столько-то декалитров в жидком состоянии...

Впрочем, на веселье по поводу того, что возможные потребители не были знакомы с внешним видом вермикулита, времени не оставалось. Пусковой период, со всеми вытекающими перегрузками.

Да и чего требовать отовощеводов, когда местные товарищи не сразу разобрались, что к чему. Первыми вызвались поставить вермикулит заказчикам... строители Ковдора. Ничтоже сумняшеся, они начерпали экскаватором полный состав небогатого, естественно, вермикулита и отправили в Ленинград. Когда на судостроительный завод прибыли посланцы комбината – договариваться об условиях – их, извините, выставили за дверь. Дескать, у нас своего песка навалом.

Газетный кулёк с концентратом

Первый признак силы – вспоминать о собственных неудачах с юмором. Сейчас-то весело посмотреть на себя со стороны своего опыта. А тогда какой смех? Пусковой период! Про отпуск, выходные и прочие законные послабления оставалось только мечтать. Что ни запуск оборудования, то загадка. Кому теперь рассказать, что первое же пробное заполнение зумпфов водой обернулось сотнями фонтанов. То ли неопытность строителей, то ли ещё что, но щелей в стенках ёмкостей оказалось предостаточно. Как полагается, густо замазанных штукатуркой. Вода её и выдавила. Так что акт на скрытые работы можно было не подписывать.

А сушильные барабаны? Они поступили в Ковдор под номерами 1, 2 и 3. Это вам не порядок распределения призовых мест, это начало серии. Без того не густо с опытом, а тут ещё осваивай новое, не испытанное в работе оборудование. От тех барабанов лишь внешние параметры остались, всю начинку пришлось переделать. Исходя из рекомендаций ковдорчан. Надёжное оборудование получилось. После соответствующей переделки. А тогда, представьте, сидит в полном составе государственная комиссия, ждёт торжественного момента, чтобы акт подписать на основании полученной готовой продукции – газетного кулёка с парящим концентратом. Его сам главный инженер комбината собрался принести, никому не доверил. Только комиссия наострила авторучки – звонок. Главного инженера потихоньку к телефону просят:

– Беда! Топка развалилась...

Подождали пока остынет, вновь сложили, ещё железными листами укрепили. Опять затопили. Опять развалилась. И так десять раз, пока не нашли причину.

Это же представить надо: сутками, неделями, месяцами – на нервах. Спали по очереди, в остывающей топке. А теперь – смеются: как молоды мы были!

Или мазутохозяйство на той же сушке? Не шёл мазут, хоть плачь. Насосы по винтику перебирали, трубы продували... Не идёт мазут. Иди знай, когда бы и чем эта эпопея закончилась, если бы не вовремя брошенная шутка:

– Что ж ты, вроде опытный слесарь, а в трубе прокладку с дыркой поставил?

– Как с дыркой? Без дырки!

Хоть стой, хоть падай. Столько суток угробили из-за какой-то прокладки.

А первый пуск дробилки? Предвкушали, будет как в кино: нажмём кнопку и завертится! Ещё и заминка вышла, кому честь такую предоставить – на кнопку нажать. Нажали! Машины гудят, а руда не идёт. Ленту перетянули, её и прижало... И здесь праздник пришлось немного отложить.

Этажза этажом

Опытную партию ковдорской руды обогащали в Оленегорске. Среди тех, кому довелось этим заниматься, был мельник оленегорской фабрики И. Ф. Литомин. Мягкая поначалу шла горная масса. Хоть, минуя дробилки, загружай мельницы прямо из КраЗа. В первые годы в Ковдоре так и было. Никаких тебе негабаритов.

Двадцать лет – фактически срок жизни целого поколения. Очень соблазнительно сопоставить сколько тогда продукции выпускали, сколько сейчас. А машины? А механизмы? Если ещё в проценты перевести, вообще внушительно получится. К тому же, надо обязательно упомянуть, что «железный» ГОК за это время перешёл на комплексное использование месторождения, в дополнение к положенному железному концентрату стал выпускать апатитовый и бадделеитовый. Отчётливо видятся реальнее перспективы перехода комбината на полностью безотходные рельсы.

Первое двадцатилетие. Оно зафиксировано в летописи из кирпича, бетона и стекла. Дома и улицы Ковдора, Дворец культуры и бассейн, профилакторий и кинотеатр, больничный городок и спорткомплекс, школы и детские сады.

Наверное, для нашего разговора это был бы слишком упрощённый путь. На солидном фоне зданий и сооружений как-то неудобно вспоминать о небольшом конкретном вкладе того или иного человека.

Все работали! Все старались!

Конечно, ту злополучную заглушку в мазутопроводе, в концовконцов, обнаружили бы, так или иначе утряслись бы другие трудности. Учились же чему-то люди, не случайно в Ковдор съехались. Нам же с вами надо разобраться в истоках энтузиазма, который в каждой трудной ситуации заставлял искать кратчайшие пути. Почему им, так сказать, больше всех надо было?

Проверка на прочность

Было бы преувеличением утверждать, что коллектив строящегося комбината подбирали по образцово-показательному принципу. И тогда встречались желающие поменьше отдать, побольше получить. Они не задерживались. Как выразился Султан Бесланович Нахушев, проверка на прочность проходила на рабочих местах. Её прошли обыкновенные люди с самыми обыкновенными слабостями. Сейчас уже можно признаться: да, всячески обходили сухой за-

кон, заведённый на стройке в предпусковые месяцы. Что было, то было, из песни слов не выкинешь.

По-разному воспринимаются те трагикомические эпизоды, о которых упоминали. За иным деловым товарищем не заржавеет – обвинит тогдашний штаб комбината в недостаточной инженерной компетенции. Возможно, будет прав. Мы же ещё раз напомним о том, что улыбка над своими ошибками и просчётами – сама по себе гарантирует от повторения. Многие ли из молодых скептиков способны на такое мужество – на улыбку над собой?

Комбинат по такому не симпатичному показателю, как текучесть кадров, ничуть не обгоняет предприятия, находящиеся в куда более солнечных климатических условиях. А с точки зрения количества ветеранов предприятия, что трудятся на нём со дня пуска, – наверное, перегоняет. Вот и в нынешнем приказе ко Дню металлурга упомянуты 136 фамилий работников, чей непрерывный трудовой стаж на комбинате равняется 20 годам. Не надо ссылаться на «полярки» и прочие льготы. За эти годы разное бывало. И статистика подтверждает: в Ковдорском ГОКе не самая большая в районе средняя заработная плата.

Частица себя

Что же держит здесь людей, что привлекает? Не будем о возвышенном, хотя оно, безусловно, имеет место. Тут срабатывает эффект, оценённый ещё древними. Человек, посадивший дерево и вырастивший его, никогда не сломает на нём ветку. Потому, водитель, начинавший в Ковдоре на латанном-перелатанном стареньком ЗИСе до седых волос привержен истине – механизмы надо беречь.

Пусть время берёт своё. Пусть мы больше заинтересованы теперь не столько в производственных рекордах, сколько в стабильном течении техпроцесса. Перевыполнять нормы в отдельных звеньях хорошо, но ещё лучше всем выполнять их на 100 процентов. Это человек может рывками, а механизмом сподручнее работа без толчков. Иная ступень, иные горизонты. Мы до них доросли, и вправе гордиться.

И ещё мы гордимся слиянием обязанностей и долга. Когда работа приносит наслаждение, как выразился Вилий Андреевич Мороз. Можно удивляться, почему это специалисты комбината сами спокойно не живут и разным инстанциям дремать не дают. То доказывают прямую выгоду комплексного использования месторождения, теперь вот – на безотходное производство замахиваются. А можно и задуматься об истоках этой непоседливости.

Проект первой очереди комбината предписывал складировать штаффелитовые руды. Побаивались обилия в них фосфора, нежелательного для железного концентрата. Руду складировали у здания фабрики. Гора росла, отвлекая транспорт, требуя лишних затрат и т. д. и т. п.

Приказ есть приказ, даже если он заключён в проектный переплёт. Текучки у работников ЦЗЛ и тогда хватало. Так что Викторию Васильевну Новожилову, теперешнего начальника обогатительной лаборатории, никто бы не упрекнул, если бы она прошла мимо этих рукотворных залежей, достигших к

тому времени двух миллионов тонн. А она к ним прикипела взглядом. Опробовала штаффелитовые руды на обогатимость. Раз, другой, третий. И обрадовалась: фосфор легко раскрывается!

Проектным институтам осталось принять к сведению полученные ею данные и снять запрет на использование штаффелитовых руд. Кусочки этой зеленоватой, вроде лаком покрытой, руды сейчас можно встретить разве у ревностных коллекционеров ковдорских минералов. Кстати сказать, у истоков этого полезного увлечения тоже стояла Новожилова.

Овации – за концентрат

Первые жители будущего Ковдора любили глазеть на генплан города. Как это, на месте топкого болота будет бетонная дорога? И вообще, что вы об асфальте говорите, когда после небольшого дождичка на центральной площади «Москвич» по оси сел в грязь и его лишь бульдозером удалось вытащить?

Счастлирое поколение, эти ветераны! При всех масштабах нашего строительства, много ли найдётся в других городах старожилов, что помнят, где были забиты первые колышки. А ведь им, большинству из них, ещё далеко до пенсионного возраста. По понятиям средней полосы да за минусом горняцких льгот – вообще самый расцвет.

Тем приятнее, должно быть, молодым перенимать эстафету из таких твёрдых рук. Поработаешь год другой бок о бок, и от скольких ошибок и просчётов на всю жизнь застрахован.

Все как один старались, всё построено-возведено... Так-то оно так, но это как посмотреть. Например, такая головоломка: чем богаче ремонтная база в цехе технологического транспорта, тем, как бы это сказать, не равноценнее отдача. Или всё те же ремонты, плановые и текущие, без которых на механизированном предприятии не обойтись.

Уже не утопия, уже реальность: вышедший из строя насос давно не трагедия, а резиновые прокладки – не дефицит. Система опробована и показала свою надёжность. Остановка за тем, чтобы внедрить её на всех переделах.

Много сделали ветераны, много трудностей преодолели. Наверное, нет, да и подумают про себя: молодым выпало бы такое, умели бы лучше ценить то, что имеют. Простим им бурчание. Возраст как-никак. Да и по праву они гордятся реальными ценностями, в которые вложили себя.

А что касается причитающихся порций фанфар, так при случае, все вместе или по-одному, расскажут о прокрутке первой мельницы. Бригада, её монтировавшая, была по совместительству самодеятельным духовым оркестром. Естественно, когда запускали агрегат, вся эта музыкальная медь грянула что было сил. Получилось, как в испорченном телевизоре: картинка есть, а музыки не слышно. Грохочущая мелодия работающей мельницы заглушила духовой аккомпанемент. Однако овацию музыканты всё же заработали. Это когда мельница дала первый концентрат.

В каждой притче есть намёк. И мы не будем надувать щёки, а попробуем себя в деле. Будем помнить: пока работаем на Ковдорском ГОКе, овации нам

причитаются всё же за концентрат.

У ПРИРОДЫ НЕТ ПУСТОЙ ПОРОДЫ
(Сибирское отделение Академии наук СССР,
«ЭКО – Экономика и организация
промышленного производства», № 10 (124) 1984 г.)

В половине шестого утра от Ковдора отчалила кавалькада легковых вездеходов. Руководители горно-обогатительного комбината и треста «Ковдорстрой» поехали на бюро горкома в Апатиты. Разговор там предстоял не из лёгких: мощности второй очереди апатито-бадделейтовой фабрики, крупнейшей стройки Мурманской области, – не введены в срок.

Обсуждение затянулось

У входа в горком, пока команда его разминала отёкшие ноги, директор комбината Сухачев посчитал нужным ещё раз напомнить:

– Отвечать на вопросы коротко, ничего не скрывая. Ни в коем случае не валить на трест! Как бы наши друзья-строители этого не заслуживали! Не для того двести вёрст отмахали, чтобы с соседями счёты сводить.

Обсуждение затянулось. В перерыве Сухачев, давно и напрочь отказавшийся от сигаретного допинга, заглянул в кабинет заведующего промышленно-транспортным отделом, перебросился несколькими фразами с членами бюро. Разведывал обстановку? Скорее, пользовался случаем обменяться информацией. Не без того, конечно, чтобы уловить по интонации отношение собеседника к предмету раздора. С предполагаемыми выводами его ознакомили ещё до начала бюро. Виновных в срыве ввода мощностей ожидала полная катушка.

На резкие, не снисходящие до дипломатичности, вопросы членов бюро директор отвечал большей частью сам, лишь изредка просил дополнить кого-либо из своих заместителей. Признавал ошибки ровно, спокойно, пункт за пунктом. Да, изменения в чертежи вносили поздно. Да, в монтаж выдали не всё оборудование. Да, пульта управления из-за нерадивые хранения оказались разукomплектованными...

У директора имелись веские оправдания. Новый склад оборудования комбината значился в одном титульном списке с мощностями фабрики. Строители в предпусковой период свернули на нём работы. Ни одного мостового крана не пустили, тепло и канализацию не подвели. А прежним складом пользоваться нельзя – еготерритория попала в зону расширения карьера.

Директор не ссыался на объективные причины. Нечего сбивать бюро на разбор взаимных претензий между заказчиком и подрядчиком. Они вечны и вполне согласуются с принципом работы в одной упряжке.

Понимали это и члены бюро. Запальчивую реплику молодого секретаря парткома строительного треста по поводу неповоротливости служб заказчика

пропустили мимо ушей. Да, план ввода мощностей, как ни крути, сорван. Но все знали, что букет выговоров лишь обозначит принятие мер, создаст видимость деятельности. Хотя и отведёт от членов бюро горкома обвинения в недостаточном внимании и руководстве.

Истинная причина срыва ввода мощностей – за пределами Ковдора. Химическая промышленность, финансировавшая строительство фабрики в составе Ковдорского ГОКа, оказалась не готовой к освоению новой продукции. Первая очередь фабрики, введённая в начале 1975 года, простаивала из-за отсутствия сбыта.

Оттого дотошные госснабовцы переадресовывали оборудование мимо неперспективной стройки. Оттого энтузиазм строителей и эксплуатационников поослаб. Не планом единым жив человек, работа впустую его не вдохновляет. Ну, а крупные неурядицы всегда ведут за собой череду мелких.

Бюро Кировского горкома по вопросу срыва ввода в строй мощностей в Ковдоре решило ограничиться обсуждением. Пронесло...

Приглашённые на бюро потянулись общей компанией пообедать. Перед обратной дорогой. А Сухачев заспешил к машине. Через час самолёт на Москву. Завтра ему держать ответ на коллегии министерства. Там своих, черметовских, срывов хватает. А тут ещё этот химический подкидыш – фабрика, в которую никак не вдохнуть жизнь...

Первые практические шаги по созданию чёрной металлургии Северозапада были предприняты до войны. Тогда были открыты Заимандровское месторождение железистых кварцитов и Ёнское железорудное, позднее переименованное в Ковдорское. Их нынче разрабатывают два горно-обогачительных комбината – Оленегорский и Ковдорский.

На строящийся Ковдорский ГОК Алексей Иванович Сухачев прибыл главным инженером. Работал в этой должности в предпусковой и пусковой периоды. Вскоре возглавил предприятие. При нём комбинат освоил проектные мощности по выпуску 2,4 млн. т железного концентрата и постепенно (после нескольких очередей расширения и реконструкции) довёл выпуск сырья для чёрной металлургии до 5,7 млн. т в год. Стал одним из столпов в системе «Союзруды». Поставляет сырьё для домен в Череповец, Магнитогорск, Липецк и – значительный объём – на экспорт.

Доменное производство в Череповце рассчитывалось на шихту из смеси оленегорского и ковдорского сырья. Но не осилить было одновременное строительство обоих комбинатов. Предпочтение отдали Оленегорскому – из-за близости месторождения к железнодорожной магистрали. К пуску Череповецкого металлургического завода поспел лишь оленегорский концентрат. Металлурги (и не только они) слали в Ковдор депеши одну грознее другой. В конце 1961 года в Череповце вошла в строй третья доменная печь. Без ковдорского концентрата завод не мог обходиться – не хватало сырья. Обстановка сложилась горячая, нервная.

С того тяжёлого времени Алексей Иванович считает шутку необходимым элементом во взаимоотношениях между людьми. Показателем, если хотите, здорового коллектива. Не шёл мазут на сушке, при каждом случае эту исто-

рию на комбинате вспоминают. Насосы перебирали, трубы продували – не идёт! Прежде чем ревизовать всю схему, решили проверить стыки. Раздаётся изумлённый голос:

– Что же ты, опытный слесарь, а прокладку на фланце без дырки поставил?

– Как без дырки? Неужели без дырки?

Общий хохот подействовал сильнее административных мер. Долго слесарю икалась эта прокладка. А разговор о трудных проблемах на комбинате до сих пор начинается с вопроса:

– А может, прокладка без дырки?..

На два фронта

На оперативке Сухачев, если не в духе, обязательно ввернёт поговорку: «Инженер сказал народу: нет руды – гони породу!» Притом, что слова «руда» и «порода» – родственные термины для Ковдорского месторождения. Геологи пришли в эти места за слюдой. А железные руды оказались ключом к подземным кладовым. Ковдорский ГОК, созданный для их добычи и обогащения, доказал: ключ попал в добросовестные руки. Мурманский совнархоз нацелил рождающийся Ковдорский ГОК на слюду. Это было рационально. Тем не менее, если бы руководители Ковдорского ГОКа упёрлись, ссылаясь на трудности предпускового периода, они нашли бы поддержку в своём ведомстве. Ещё не стали на ноги, а уже работай на два фронта. Не отказались. Прошли ствол шахты, более трёх километров штреков большого сечения. Без чего не определить запасы слюды – флогопита и вермикулита.

Комбинат создал лаборатории, переросшие в опытные фабрики по обогащению вермикулита, исследованию электроизоляционных свойств флогопита. Впервые в мировой практике ковдорчане применили мокрую сепарацию при обогащении вермикулита. Они же явились первыми поставщиками на внутренний рынок этого изумительного по своим качествам теплоизоляционного материала – сыпучей золотистой массы из мелких слюдяных чешуек.

Промышленную партию вермикулитового концентрата Ковдорский ГОК поставил потребителям примерно за год до официального ввода в строй своих железорудных мощностей. Он же выступил заказчиком при строительстве первой в стране стационарной вермикулитовой обогатительной фабрики. Передал возведённые корпуса по принадлежности – Министерству промышленности строительных материалов РСФСР. Специализированная отрасль лишь через десять лет, в 1975 году, пустила фабрику в строй.

... Флогопит подоспел как нельзя вовремя. На одном из электровозостроительных заводов готовые локомотивы стояли в ожидании изоляционных материалов. Сырьё для них – 200 тонн флогопита – по просьбе республиканского совнархоза поставил Ковдорский ГОК. О достоинствах слюды из нового месторождения с похвалой отозвались такие предприятия, как заводы «Электросила», «Динамо», харьковский «Электротяжмаш».

Но главный итог вмешательства «железного» ГОКа и его директора в разведку и разработку непрофильной слюды был в другом. В сроках. О них на Кольской земле до сих пор вспоминают с завистью. Активная помощь ком-

бината помогла намного приблизить время защиты нового месторождения в Государственной комиссии по запасам и спустя год приступить к промышленной добыче флогопита.

Всё, вроде, встало на свои места. В Ковдоре возник комбинат «Ковдорслюда», Ковдорский ГОК передал слюдяную эстафету в специализированные руки и смог спокойно отдаться выполнению своих прямых обязанностей перед чёрной металлургией.

С точки зрения количества и качества железного концентрата всё шло нормально, опережая проектные показатели. Расчётные 62 процента железа в концентрате вскорости перекрыли. Чуть ли не каждый год обогатители добавляют в этот показатель по одной десятой процента, которая оборачивается десятками тысяч тонн добавочного металла. К 1971 году мощности комбината по железному концентрату выросли до 3,2 миллиона тонн в год. Коллектив привык к заслуженным премиям. Ряды личных гаражей вокруг города перегнали по темпам роста жилые кварталы.

Однако директор ещё долго остерегался носить почётную медаль лауреата Ленинской премии. Чтобы не забыться. Вдруг ненароком в Москве в коридорах Минчерметаему напомнят, что медаль получена за слюду, а не за железный концентрат.

В период триумфа флогопитовой линии в составе Ковдорского ГОКа появилось ещё одно подразделение – опытная установка по обогащению апатита из отходов действующей железорудной (магнито-обогатительной) фабрики. Опять-таки непрофильное для чёрной металлургии производство.

Без права на пересдачу

Десять лет мне довелось видеться и разговаривать с Алексеем Ивановичем Сухачевым почти ежедневно. Разные это были годы. На пики, отмеченные высокими государственными наградами, порой наплывали тучи. То проползёт слух, что директору предложили престижный пост в главке. То вдруг его фамилии не окажется в списках кандидатов в депутаты горсовета. Понижающие люди соображали, что к чему и откуда ветер дует.

Сухачева эти нюансы будто не касались. Раз только, помню, в самый разгар очередного противостояния – не то на местной почве, не то с родным министерством – Алексей Иванович заявил на оперативке, что слухи об его уходе на пенсию сильно преувеличены. Что он не собирается предпринять такой шаг в ближайшие годы и никому не советует сбавлять обороты в ожидании административных перемен.

Северный стаж плюс горняцкие льготы несколько сместили в Ковдоре обычные представления о пенсионном возрасте. Карьера (а чего бояться этого слова?) Сухачева впечатляет и по нынешним меркам доверия к молодым. В 33 года – главный инженер крупнейшего в области строящегося предприятия, в 36 – директор. Казалось бы, при таких темпах останавливаться грех. Прояви себя на ещё более крупном деле. А он вроде бы притормозил. Даже в науку по совместительству, как время велит, не пошёл.

Шутливый «Принцип Питера»: человек перестаёт взбираться по служебной лестнице, когда достигает уровня своей некомпетентности, – не относится к руководителям предприятий. У них не жизнь, а сплошные экзамены на умение принимать решения. В текущих производственных делах, в перспективных. Учёная степень с её строгими формальными требованиями не то чтоб не под силу грамотному хозяйственнику. Человек, привыкший рационально распоряжаться минутами рабочего дня (ненормированного!), призадумается: стоит ли их тратить на аспирантуру, то есть на получение ещё одного высшего образования?

Ковдорский ГОК по количеству кандидатов наук не отстал от соседних предприятий. Они – обогатители, психологи, геологи – защитились по темам, имеющим отношение к деятельности комбината. В осуществлении предложений учёных-производственников директор комбината принимает участие. Подаёт идеи, ставит задачи. Например, относительно геофизических методов разведки руд месторождения или методики обогащения.

Тут справедливее было бы присуждение учёного звания по совокупности работ. Неужто талант хозяйственника и его вклад в осуществление научных идей на производстве ничего не весит? Мы же не считаем экспериментаторов научными работниками второго сорта. А здесь удачные, с реальным выходом, эксперименты проводятся не в лаборатории – в масштабах крупного предприятия. Ежедневно и буднично.

В маленьком городе живёшь, как актер на сцене. Весь на виду. Слушок, что директору конструкторский отдел диссертацию пишет, возник бы ещё до того, как директор подумал обратиться за копией чертежа. Такого себе первый руководитель позволить не может. Потом никакими подпорками не восстановишь авторитет.

А подать-ка сюда инициатора!

Сухачев многого достиг в жизни. На его пути хватало событий, достойных определения «добрый след на земле». Но! К началу шестидесятых годов геологи окончательно разобрались в строении и составе Ковдорского месторождения. По наличию пятиоксида фосфора руда немного уступает хибинской. Но её ведь всё равно вынужденно добывают. Фосфор вредную для железа примесь, удаляют при обогащении. В отходах магнито-обогажительной фабрики столько апатита, что речь об его извлечении нужно вести отдельно.

Проектировщики предложили жёстко завязать на одной технологической нитке обогащения три разные производства. Железо извлекать в магнитных сепараторах, остальные две фракции – с помощью флотации и гравитации. Иначе говоря, осваивать месторождение комплексно.

В родном Минчермете задумались: а не отразится ли эта комплексность и непрофильная для чёрной металлургии номенклатура на качестве и количестве железного концентрата? К тому же, в начале 70-х годов, окончательно стало ясно, что мощности комбината по железу необходимо увеличить. Директор Сухачев, обогатитель по образованию, уверен? Что ж, работать ему! Но отчитываться-то вместе. Опять же с апатитом он прежде дела не имел.

Сложности с рудой начнутся. Не по одному, по трём компонентам её придётся усреднять. Не в три, в десятки раз сложнее. Любой обогатитель скажет.

К моменту окончания строительства первой очереди новой фабрики, Сухачева стали тревожить... перспективы сбыта. Апатитовые мощности на выходе. Не сегодня, так завтра строители рассчитаются. Месяц, два, ну полгода – и колёса завертятся. А плановые потребители готовой продукции до сих пор не определены, хотя весь предыдущий год опытная установка отсылала на пробу партии концентрата.

Директор как в воду смотрел. Составы с новой продукцией натолкнулись на грозные телеграммы: «Прекратите отгрузку концентрата...». «Оплачивать не будем...».

Какой уж выход по апатиту на проектные мощности, если новое сырьё выводит из строя целые заводы! Обилие магния – бесспорное достоинство ковдорского апатита – превращалось при кислотной переработке концентрата в недостаток. Заказчик – Минхимпром – посчитал за благо в создавшихся условиях раз за разом корректировать план ковдорской фабрики. В сторону уменьшения.

Надо ли после этого удивляться экономическому парадоксу: предприятие, первым на Кольском полуострове приступившее к рациональному комплексному использованию руд месторождения, оказалось кругом в долгах. Затраты на содержание новой фабрики полностью легли на основную продукцию комбината, на железный концентрат. Опять же цена на ковдорское сырьё для чёрной металлургии тогда не учитывала природных его легирующих свойств. Передовой доселе коллектив оказался на планово-убыточной скамье. Министерство чёрной металлургии вынуждено было покрывать химические издержки за свой счёт.

А строительство второй очереди фабрики продолжалось. Приостанавливать его не имело смысла, консервация обошлась бы дороже. Бюро горкома, как мы знаем, решило ограничиться обсуждением причин срыва ввода мощностей. Коллегия Минчермета призвала директора к ответу за финансовые последствия перспективного начинания в части комплексного использования месторождения. Минхимпром – чужой монастырь, а Сухачев – вот он! За трудности, свалившиеся на родную отрасль, отвечай по максимуму. И исправляй. Инициатор, на нашу голову!

Юмор делу не помеха

Обычно директора видят там, где и советовал Чапаев в одноименном фильме: впереди на лихом коне. В президиуме, на трибуне, за председательским столом на различных совещаниях. За ним если не первое, то уж последнее слово – обязательно.

Возможно, стиль Сухачева не назовёшь оптимальным. В силу приказов он верит и пользуется предоставленным правом. Но лучше, когда подчинённый сам прочувствует, что другого выхода нет. На комбинате частенько кадровым перемещениям предшествуют коллективные обсуждения.

Как-то рассматривалась кандидатура возможного начальника одного из цехов. Вырос человек на комбинате из техников, институт заочно закончил, грамотный, решительный, знающий. Директор охарактеризовал специалиста положительно. Но, как бы проверяя себя, произнёс:

– И всё же я не торопился бы с назначением. Понимаете, нет у человека чувства юмора. А без такого качества человек на руководящей должности может сломаться.

Тут не завуалированная игра в демократию. Тут принцип. Если отдельные звенья руководящей цепи не приучатся заниматься самоналадкой, не будут подогнаны одна к другой – срывов не избежать. Другое дело, что директор порой взваливает на себя ответственность, которая предписана его заместителям.

Один из свежих фактов. Сроки, как водится, поджимали, а ёмкость для мазута ещё не имела полной готовности. Цистерны тем временем прибыли к сроку. Отказываться от горючего? Легко сказать! Впереди долгая зима, ТЭЦ комбината – единственный в городе источник тепла для технологических и коммунальных нужд. Сухачев приказал слить мазут в ещё не принятую от строителей ёмкость. Город всю зиму спал спокойно. *(Просочившиеся в землю несколько тонн горючего лет через пятнадцать обернулись для Сухачева большими неприятностями. Вокруг бушевала гласность. Обиженные да ущемлённые обрадовались случаю вытащить из-за пазухи компромат. Убеждён, директор не отменил бы своего приказа, даже если бы какой провидец предупредил его о нехороших последствиях в далёком будущем. – Я. М.)*

При всём притом Сухачев плохо воспринимает отступления своих подчинённых от технологических правил. И от этических норм поведения – тоже. Очень трудно бывает переубедить его, что человек случайно ошибся, сделал (или не сделал) не по злему умыслу. Сразу – вообще невозможно, говорить не станет. Через месяц – остынет. Не до конца, настороженность у него остаётся. Хочешь уйти с комбината, уехать из города – не держит. Обратное принять – призадумается.

Не работой же единой! Видели бы вы директора, когда он достаёт из кармана фотографии внуков. Гордится, что сын и дочь пошли по стезе родителей, стали горными инженерами. Редко он так раскрывается. Считает некорректным нагружать собеседника своими эмоциями. Для руководителя – некорректным. Для человека, чьи взаимоотношения с людьми строятся на деловой основе.

Недолгий предшественник Сухачева на посту директора комбината завёл двухчасовой обеденный перерыв. Поест успевал, соснуть часок. Зато казался двужильным, утром и вечером выбрит, и свеж, как стёклышко. До сих пор, где технология позволяет, обеденное время на предприятиях города длится час пятнадцать и дольше.

Рабочий день Сухачева начинается с объезда цехов. По известному только ему распорядку и маршруту. Сегодня направится на поле хвостохранилища – огромное рукотворное озеро, завтра – на горизонты карьера или на ремонтные площадки рудника. К 9.00 – он в своём кабинете. Во время селекторного

совещания никого не принимает. Чай пьёт, слушает. Иногда вмешается репликой. Порой и взбучкой. Чаше молчит, пометки в календаре или в записной книжке делает.

Вечерами без особой надобности не задерживается. В субботу и воскресенье, как правило, по несколько часов проводит в кабинете. На звонки не отвечает и сам никому не звонит. Дверь открыта, секретаря нет. Все об этом знают, но никто не приходит. Не мешают.

Людям нужны благоустроенные квартиры, школы, больницы, детские сады, профилакторий, дворец культуры, стадион с бассейном, сауны в цехах – тут всё чётко. Сухачева с позиции не собьёшь. Ковдор первым в области освободился от бараков. Но что касается общества огородников и базы отдыха на лоне природы – долго сомневался. Поверил, когда строители для себя такую базу соорудили. Директор нашёл более оригинальное решение: взял на баланс комбината опустевший посёлок лесозаготовителей. Отличная база отдыха получилась.

Или сентиментальный пример. С цветочками. В одном из цехов пустовал утеплённый коридор. Нашлись энтузиасты, муж и жена, предложили устроить в нём парники. Теперь юбиляры и именинники комбината отмечают персональные даты с букетами калл и астр в руках. А ведь многие годы за цветами из Ковдора ездили на рынок в Мурманск и даже в Ленинград. ОРС лишь в начале марта перекидывал воздушный мост на Кавказ, за мимозами да тюльпанами. И то не каждый год.

Цветочные парники обернулись для морального климата в коллективе выгодным помещением капитала. Хотя букеты не продают по коммерческим ценам, а выдают бесплатно. Но чего скрывать: почти все строгие комиссии находили нужным фиксировать в актах своё возмущение по поводу парников: два человека оформлены рабочими участка обогащения, а вместо того цветочки выращивают. А директор на такое нарушение финансовой дисциплины закрывает глаза...

Равняясь на Алексея Ивановича, на комбинате принято обращаться друг к другу по имени отчеству. И за глаза редко по фамилии. Более двадцати лет вместе проработали. Сухачев среди руководителей комбината самый старший по возрасту, 58 лет ему.

В выходные дни директор техническую литературу просматривает. Две стопки книг и журналов. Выписывает и покупает всё, что касается комплексного обогащения полезных ископаемых. Остальные вопросы – в новинках технической библиотеки комбината. Выписки делает. Статистику уважает. Цифры у него постоянно работают. Сопоставительные таблицы – по самым последним данным. На память не жалуется, но сверяется по записным книжкам. Сводные данные – при себе, в левом кармане пиджака. Вопросами из области горнорудного дела или обогащения не застанешь врасплох. Не только первоисточники приведёт, посоветует, какими лучше воспользоваться. В таком же порядке – все сведения о многогранной жизни комбината.

Редко жизнь директора состоит сплошь из производственных радостей. По количеству инфарктов на директорскую душу эта небольшая прослойка на-

селения обогнала среднестатистические показатели. Перенапряжение, вредные условия труда. И пожаловаться некому. Да и не принято в директорском корпусе жаловаться. Непоймут такого руководителя. Это он в разговоре с подчинёнными обязан выбирать выражения и взвешивать каждое слово. С ним вышестоящие граждане не церемонятся. Считается, что уровень у собеседников солидный, времени в обрез и нечего разводить антимонии. Только суть, для сокращения разговора. Разберитесь и примите меры. Вот и все рекомендации, они же ценные указания.

Стрессовые эмоции снимает дома. Вряд ли Сухачев без постоянной поддержки жены, Галины Сергеевны, тоже обогатителя по профессии, смог бы так настойчиво гнуть свою производственную линию. Они в одной группе в институте учились. Галина Сергеевна до ухода на пенсию на том же комбинате, что и муж, работала. Не на особо начальственной должности.

Ведомственные шпильки

С превращением посёлка в благоустроенный город в Ковдоре постепенно обосновались предприятия различных ведомств. И хотя на Ковдорском ГОКе и его дочерних подразделениях занято 60 процентов трудоспособного населения, на средства чёрной металлургии построено более 90 процентов объектов общего пользования, проходящих по статье «соцкультбыт».

А как же служба единого заказчика? Она рекомендована, она проверена и позволяет предприятиям-застройщикам получать жильё пропорционально долевому участию. Обязывает вносить свой пай на остальные нужды города. Но нет такой службы в Ковдоре. Соседи ориентируются на чистое жильё, на квартиры «без нагрузок».

В строительство нового здания поликлиники соседний комбинат «Ковдорслюда» рубля не вложил. Зато после новоселья тут же принялся с размахом отделывать кабинеты «своих» цеховых врачей. Пациентам же банковские тонкости непонятны. Они знают, что строить лечебные заведения положено. И своими глазами видят, какой руководитель проявляет заботу, а какой вроде бы и не спешит. Мелкий факт, но не такой безобидный, как может показаться.

Чего в городе ни коснись: асфальтирования улиц, строительства молокозавода, телевизионного ретранслятора или гаража автобусного парка, дороги до трассы Ленинград-Мурманск, реконструкции железнодорожной станции – та же история.

Думаю, у Сухачева хватило бы сил образумить не в меру выгадывающих соседей. С помощью того же «долгого ящика» – взрослого варианта детской игры в гляделки. Кто кого пересмотрит, кому скорей надоест. Потому что если дорога необходима для развития района, она когда-нибудь да появится. Если по нормам положен молокозавод, он когда-нибудь будет построен. Когда? В том-то вся и штука.

Потери из-за местных ведомственных амбиций всё равно не идут ни в какое сравнение с убытками от отсутствия генеральной схемы развития регио-

на. Это проблема не только Ковдора. Но в Ковдоре вследствие компактности и многокомпонентности его месторождений она стоит особенно остро.

Два раза Кольский филиал Академии наук СССР созывал координационное совещание по вопросу генеральной схемы. Съезжались представители двадцати академических и отраслевых институтов. Никто не сказал, что генеральная схема может подождать, все настаивали – необходима! И как быстрее. Расчёты подтверждают: схема быстро окупится. Но у Кольского филиала голос совещательный. А четыре заинтересованных ведомства – Минчермет, Минцветмет, Минудобрений и Минпромстройматериалов (не говоря уже о пятом – лесного хозяйства) – не спешат объединять усилия. А сырьё для четырёх добывающих отраслей разложено не по полочкам, оно густо перемешано на небольшой площади в 45 квадратных километров. Добывать его раздельно – втридорога обойдётся

Генеральная схема снабдила бы заинтересованные инстанции всеми необходимыми сведениями. Поскольку разрабатывалась бы исходя из перспектив: какому ведомству сколько, чего и когда нужно?

Возможно, самый рациональный выход – создание в Ковдоре промышленного горно-добывающего объединения, единого поставщика сырья для перерабатывающих отраслей. Оно объединило бы средства, отпущенные на развитие тех или иных производств сообразно с потребностями народного хозяйства. Тогда апатит перестал бы ложиться тяжким бременем на чёрную металлургию, а при добыче слюды фосфорсодержащее сырьё не сбрасывали в отвалы.

Чьего мнения не могу привести на предмет слияния ведомственного и межведомственного способов управления в Ковдоре, так это мнения А. И. Сухачева. Он считает, что вопрос ещё не созрел. «Назрел, но не созрел...».

Идущим следом – легче

Вторая очередь апатито-бадделеитовой фабрики (АБОФ) Ковдорского ГОКа была всё же сдана в эксплуатацию. Но ещё лет десять апатитовые мощности комбината работали вполсилы. Персонал обучен, техпроцесс отлажен, машины гудят, а на выходе – половина объёмов проектной продукции, 600 тысяч тонн. Наконец, химическая промышленность, вернее, предприятия Минудобрений, подтянула тылы. Но фабрика, оснащённая сотнями механизмов, опутанная десятками километров труб гидротранспорта – не автомобиль «Жигули», враз скорость не увеличишь. Машины – да, потянут. А персоналу предстоит переучиваться и перестраиваться.

Сухачев – хозяйственник, администратор. За ним коллектив, каждому члену которого он обязан создать нормальные условия для работы. «Чтобы было чем семье кормить!»

Все годы, пока АБОФ работала вполсилы из-за трудностей со сбытом, хозяйственника Сухачева заботило, что реагенты позволяют извлекать из пульпы лишь две трети апатита, в то время как на комбинате «Апатит» извлекают почти весь продукт. Потери равнозначны производительности целой фабрики! Пока строили АБОФ, осваивали её мощности, неудобно было заикаться,

что жёсткая, без буферов на стыках, схема обогащения не способствует рациональному техпроцессу. АБОФ флотировать отходы магнитообогащительной фабрики. Успели извлечь, из них апатит – хорошо, не успели – сливай пульпу в хвостохранилище. Иначе комбинат остановишь.

Замешкались железнодорожники с товарняком – та же история, ёмкостей для складирования апатитового концентрата хватает лишь на несколько суток. Руду всё равно добыли, привезли и переработали, извлекли из неё железо, а апатит, как говорится, «извините, не наш!». Пульпу откладывать про запас нельзя, через несколько дней после контакта с водой апатит никакими реагентами не извлечёшь.

Другое дело, что отходы апатитового производства нынче тоже взяты на учёт. Они оказались ценным продуктом для внесения в кислые почвы, могут служить сырьём для получения плавящихся фосфатов. Мало того, учёные взяли на учёт карбонатные породы: их запасы в Ковдоре значительны. После извлечения апатита (все руды в Ковдоре многокомпонентны) известняк можно использовать для спекания с хибинским нефелином в глинозёмном производстве. Это, очевидно, выгоднее, чем везти нефелин в Пикалёво Ленинградской области, оттуда обратно глинозём, на Кандалякшский алюминиевый завод. Кстати, при спекании известняка с нефелином получаются почти в одинаковых пропорциях глинозём и содопродукты, а из оставшейся массы – цемент. Его тоже пока область завозит за тысячу и более километров.

Так что перспектива перехода на безотходное производство – реальная. И эта перспектива, может быть, главное, к чему шёл все годы Сухачев.

Не случится ли так, что к концу века железный концентрат станет побочной продукцией комбината? Что апатитовый перегонит его в количественном отношении?

Сухачев не провидец, он реалист. И хозяин. Ещё в середине шестидесятых годов он, инженер, видел и громко говорил о том, что нерентабельно, нерационально выбрасывать фактически годный к переработке продукт, на получение которого уже затрачены средства. Сделал всё от него зависящее, чтобы включить этот продукт в номенклатуру своего предприятия.

Размышляя о том, чего директор добился, а чего нет, не будем сбрасывать со счетов годы становления химической отрасли в Ковдоре. У комплексного освоения природных богатств есть теперь отечественные аналоги. Комплексность использования полезных ископаемых доказала свою жизнеспособность.

Идущим следом – легче.

НАПИШЕМ ИСТОРИЮ КОВДОРА **(«Знамя пятилетки», № 55 (1459), 8 мая 1990 г.)**

Районный краеведческий музей расправляет плечи. К коттеджу (своего рода тоже реликвия, в бытность свою гостиницей он давал приют большинству высоких гостей города) форсированным темпом пристраивают помещения,

что позволят развернуться экспозиции.

И ещё приятная примета. Всё чаще знакомые фамилии сопровождаются дополнением: дескать, сын такого-то или внучка того-то. Ковдор давно не новостройка на карте области. Не только впитывает опыт и знания. Готови отдавать.

Реликвии, документы – связующее звено между прошлым и будущим. Они нам напоминают, что живём не на пустом месте, что и до нас был не только потоп.

Много ли учителя истории и другие преподаватели общественных дисциплин знают об истории города и района? Литературы нет, она все ещё в планах Мурманского книжного издательства. Разве что вырывают вырезки из районки да из «Рудного Ковдора» десятилетней давности.

Потому и явилась мысль вернуться, с дополнениями и изменениями, к публикации воспоминаний Почётного гражданина Ковдора Александра Васильевича Косарчука. Воспользоваться мемуарами других первостроителей города.

Материалы, как говорится, уже в работе, не позднее чем с июня районная газета предоставит им свои страницы. Продолжим рубрику «Без срока давности» – о людях и событиях, о которых до самого недавнего времени не принято было писать и говорить. Как будто ничего не было в наших краях в промежутке между 1933 годом – годом открытия месторождения и 1953 годом – годом начала строительства. Вроде само по себе пролегло накануне войны железнодорожное ответвление от Пинозера, вроде бараки, о которых ещё помнят старожилы города и района, были оставлены геологами, а не печальной памяти концентрационными лагерями.

И ещё сообщение, которое, возможно, заинтересует читателей. Почётный гражданин Ковдора Алексей Иванович Сухачев, выполняя обещание, данное год назад – перед уходом на пенсию – товарищам по работе, начал писать книгу «30 лет в Ковдоре, воспоминания горного инженера». Вчерне закончил первую её часть – «Железо», работает над второй. Обстоятельно, кропотливо, в архив комбината заглядывает, чуть ли не ежедневно.

Так что, по всей видимости, редакция изменит свои первоначальные планы и начнёт публикацию материалов об истории именно с воспоминаний А. И. Сухачева. Чтобы по горячим следам опереться на дополнения очевидцев. Чтобы, как писал недавно в газете ветеран-геолог Аркадий Иванович Куклин, избежать пробелов и просчётов, когда слово, набранное на печатном станке, вдруг приобретает статус факта.

Но в любом случае, у книги, даже по истории, рамки очерчены строго. Невсё в неё вместится. Зато подготовительный материал можно печатать по максимуму. И удовлетворить естественную жажду жителей молодого города и района к корням да истокам.

Выборные кампании идут на спад. С конца мая – начала июня газета начнёт регулярную, из номера в номер, подачу страниц мемуаров. Надеемся, что сообщение заинтересует тех читателей, что по привычке прерывают на летние месяцы подписку. Цена комплекта за эти три месяца – рубль с копейка-

ми. Зато вернёшься из отпуска, просмотришь газеты, вырежешь страницы, подошьёшь их – и книга для первого чтения об истории района готова.

Кстати сказать, если у кого есть соображения до начала публикации – о порядке, возможных авторах и тому подобное – звоните, пишите. Будем рады подсказке.

ДАНИЛОВ, ГЛАВНЫЙ **(«Полярная правда», № 21 (18.763), 31 января 1992 г.)**

Виктор Степанович не пытался скрыть досаду:

– Напишите-распишите про главного инженера, а слесарь прочтёт и поморщится. Мол, как махал двадцать лет назад кувалдой, так и продолжаю...

Разговор грозил угаснуть в самом начале. Что возразишь? Сослаться на слесаря, который так не думает? Помнит же, как и в каких условиях приходилось работать до прихода Данилова. Это не аргумент. Человека, для которого интеллигентная привычка быть недовольным собой и предъявлять претензии в первую очередь себе – не поза, а черта характера, такими рассуждениями не успокоишь.

Развесь я уши, Виктор Степанович надиктовал бы целую тетрадку: и до того руки не дошли, и этого не успел сделать. Долгое время Данилов был заместителем главного механика Оленегорского горно-обогатительного комбината. Ледовый дворец, гордость и украшение полуострова, для него не просто солидный кусок жизни. До сих пор мерещатся комиссии да проверки. И ещё большой вопрос: добавил ли ему лет тот дворец или отнял. В Ковдор пригласили на должность главного инженера управления, специализирующегося на ремонте горного оборудования. Согласился и не жалеет. Работа интересная, по силам и знаниям. Жаль, от Хибин далековато.

К Хибинам мы ещё вернемся. А пока поговорим о восхождении по ступеням служебной лестницы. До самой её вершины Данилов не добрался. Можно бы в соответствии с веяниями времени кивнуть на принципиальность да беспартийность. Было дело, имело место. При переаттестациях задавали вопросы. Отвечал, что не созрел. Нет, не потому, что уже тогда всё понимал и соображал.

Что-то останавливало. Возможно, пример отца, который более полувека платил партвзносы, а нет-нет, да и возмущался некомпетентностью иных секретарей ЦК.

Алексей Трофимович Могильный, начальник управления, признался:

– Уезжаю в отпуск или в длительную командировку – без проблем. Единственное, что переспросит Данилов – кому и что пообещал? Вернусь – как не уезжал. Только Данилов осунулся. Не из-за работы, тут всё в порядке. По райкомам-исполкомам утрясать – для него мука зверская.

Со специалистами достигнуть взаимопонимания – без проблем. Такой опытный дока, как многолетний главный механик Ковдорского ГОКа В. М. Хабаров, даром что заказчик, быстро нашёл с Даниловым общий язык и ни-

когда не советовал, с какой стороны к тележке экскаватора подобраться.

Может быть, вступи Данилов в партию, как было принято, он продолжал бы шагать вверх по ступенькам карьеры. Достиг бы по закону Питера уровня компетенции, не соответствующего должности... Зато сейчас он при деле, которое знает и любит. Начальство его ценит, подчинённые уважают.

Так что не надо, не будем жалеть Данилова. Командная система не подмяла человека, застой не сломал. В моральном праве иметь своё мнение ему не откажешь. 20 августа прошлого года в исполкоме райсовета в те часы, когда ещё далеко не было известно и понятно, что к чему, Данилов назвал действия гэкачепистов заговором и переворотом. А недавно – также вслух – сказал, что в правоте тех своих высказываний засомневался.

Не бравада да оригинальничание. Человек привык думать самостоятельно и до всего доходить своим умом.

...Опытный инженер, со стажем и перспективами, влюбился в студентку-практикантку. Круто ломает налаженную жизнь, едет с молодой женой в Оленегорск, куда она получила после института направление. Мужчины, твёрдо на ногах стоящие, прокрутите ещё раз эту информацию. Много ли найдётся желающих поступиться привычным ради того, чтобы спутнице жизни было интересно не только рядом с тобой, но и на работе?

Подросли дети. Сын институт закончил, тоже механик. Дочь на экономиста учится, по стопам матери. А им с Марианной Васильевной всё так же интересно друг с другом. Увлёк жену туризмом, а там и детей. Камни из последних походов привозят. Агат размером с двухпудовую гирю и такого же веса – километров двадцать от турецкой границы нёс на плечах. Выстроились в ряд аметисты с Терского берега. В отпуске на велосипедах с другом из Оленегорска до Варзуги махнули. Потом – с сыном, по морю и пешком.

Но чаще – горы. В студенчестве судьба сводила в альпинистском лагере в Приэльбрусье с Собчаком. Тем самым. Одногодки, оба в августе родились. Фамилия необычная, потому и отложилась в памяти. Опять же представляли столичные города. Данилов – москвич, Собчак – ленинградец.

Хибины исходил с друзьями вдоль и поперёк, водил по тропам подшефных оленегорских школьников. А как отпуск – так с женой хоть на Камчатку. В компании единомышленников. Редко пользовался северным бесплатным проездом, неудобно как-то. Этой зимой Данилов запереживал, прикинул, что с Чукоткой придётся повременить, пять тысяч на одного потянет дорога туда и обратно. Но есть в запасе не пройденный маршрут по Печоре до Нарьян-Мара.

Не удержался, спросил у Виктора Степановича: если бы всё сначала, изменил бы что-нибудь в своей жизни? Удивился он, не понял. Зачем менять? Хотя нет. Больше настойчивости проявил бы, чтобы сын с дочерью художественную да музыкальную школы посещали, иностранными языками глубже увлеклись.

Стучат часы шахматные. По воскресеньям. Соперники сменяют друг друга, а Данилов сидит, вроде к стулу прирос. Не то, чтобы самый сильный в городе шахматист, но марку держит, проигрывает не часто.

Но всё это – в редкие часы досуга. Вотпуске. Должность с ненормированным рабочим днем. Опять звонок. Хотя рабочий день давно кончился.

– Это не по моей части. Вы позвонили главному инженеру, мне бы о болтах да чертежах поговорить, но если вас интересует моё мнение, то извольте...

Последовала коротенькая лекция о рыночных отношениях, которые работникам вневедомственной охраны не следует путать с вымогательством. Если плата за услуги достигает фонда заработной платы работников охраняемого объекта, то, сами прикиньте: управлению несколько вахтёров содержать обойдётся дешевле.

Время неумолимо. Виктор Степанович и Марианна Васильевна уедут из Ковдора. К детям. Глядишь, и к внукам. Увезут с собой книги, коллекцию камней, альбомы фотографий, коробки со слайдами. Воспоминания о путешествиях. Уедут поездом, не в собственной машине. На неё два инженера так и не заработали.

И ещё прихватят с собой спортивные кубки да набор почётных грамот. Спросил о государственных наградах. Тоже имеются. Две медали «Ветерана труда».

**«МОГУЧАЯ КУЧКА» О. М. РИМСКОЙ-
КОРСАКОВОЙ («Полярная правда», № 46 (18.788), 7 марта
1992 г.)**

В Ковдоре две улицы носят имена геологов: К. М. Кошица – первооткрывателя месторождения, и В. И. Тернового, разведавшего уникальные запасы слюд. Имя кандидата минералогических наук О. М. Римской-Корсаковой – из этого же ряда первопроходцев. Сошлюсь на свидетельство лауреата Ленинской премии, главного геолога Ковдорской ГРП Б. И. Сулимова. Он писал: «Высочайший авторитет учёного, педагога... сочетался с удивительным качеством Ольги Михайловны – её скромностью. Скромность её была легендой. Выдвигая имена других, подчёркивая их достижения и заслуги, сама она стремилась оставаться в тени».

Довелось увидеть своими глазами, как относятся к Ольге Михайловне остепенённые коллеги. Весной 1984 года координатор усилий учёных и производственников, усилий, направленных на углублённое использование Ковдорского месторождения – Кольский филиал Академии наук СССР в лице его Горного института – созвал в Ковдоре представителей ведущих научных и проектных организаций страны. Обратил тогда внимание, с каким пиететом доктора наук и члены-корреспонденты относились к Ольге Михайловне. Как слушали её выступление. Римская-Корсакова вновь и снова напомнила, что природа подарила Ковдору эталонное месторождение и что мы не имеем права такое богатство неграмотно эксплуатировать.

Шестнадцатью годами ранее, летом 1978 года, Ковдор встречал гостей по случаю своего 25-летия. На прогулке нежно и заботливо поддерживал Ольгу Михайловну лауреат Ленинской премии, профессор, ректор Ленинградского

горного института Владимир Иванович Терновой. Им, соратникам и продолжателям, была предоставлена честь открытия мемориальной доски К. М. Кошицу. Подчеркнуто уважительно В. И. Терновой склонялся к своей соседке за столом президиума. В тот день им обоим были присвоены звания Почётных граждан Ковдора.

Поймал себя на мысли, будто задним числом прошу прощения у читателей за то, что О. М. Римская-Корсакова была лишь кандидатом и доцентом, а не профессором и академиком. Не мне судить, но в науке звания да регалии и авторитет учёного – не синонимы. Авторитет никакими приказами, грамотами установить невозможно. Он или есть, или – извините... Что, собственно, и хотелось подчеркнуть.

Тогда же, на праздновании первого юбилея Ковдора, посчастливилось познакомиться с Ольгой Михайловной, затащить её в редакцию «Рудного Ковдора», убедить в необходимости перенести на бумагу геологическую историю города.

Прямая, стройная, немногословная женщина. Она обладала завидным искусством слушать собеседника. Такому преподавателю стыдно на экзаменах нести околесицу – внимает, будто ты одолжение ей делаешь своим ответом. Жаль, тогда не решился порасспрашивать о научных интересах О. М., о её жизни. Или это я по прошествии лет так думаю. Собеседница на дальних подступах вежливо, но жёстко отсекала вопросы с личным подтекстом, направляла их в сторону от себя. Мог в учебники-справочники хотя бы заглянуть. Там ссылки на работы О. М. Римской-Корсаковой. Учёный выявила и исследовала особую слюду – тетраферрифлогопит, обнаруженную впоследствии во многих точках Земли. Именно эта слюда стала одним из диагностических признаков алмазоносных горных пород – ламприотов. То есть алмазы заранее побеспокоились о своих «визитных карточках». Благодаря трудам учёного мы знаем, как они выглядят.

Надо бы убедить О. М. рассказать о себе, а я просил и уговорил написать о других. Не каждый учёный добровольно взвалит на себя бремя сотрудничества с многотиражкой. Доцент Римская-Корсакова подготовила двенадцать очерков о людях, открывших и описавших залежи железа, апатита, бадделеита, вермикулита, флогопита, карбонатита. Всего того, что обобщило название «Ковдорское месторождение» и что стало (или пока ожидает своего часа) продукцией горно-обогатительных предприятий района.

Среди героев её очерков – геологи, минералоги, производственники, буровики.

Можно, конечно, сказать, что ноша не особенно тяготила О. М. Как-никак, человек с головой в материале, 25 (двадцать пять!) полевых сезонов провела в Ковдоре с 1945 года. Её, молодого учёного, рекомендовал в экспедицию академик А. Е. Ферсман.

Но, во-первых, не каждый очевидец наделён даром рассказчика. Во-вторых, несколько очерков О. М. посвятила довоенным изысканиям, в которых не участвовала. И, в-третьих, прежде чѐм сесть за очередной отчёт (здесь правильнее было бы воспользоваться этим научным термином), разыскивала по

архивам материалы, встречалась с участниками событий, вовлекала в круг забот многих и многих людей. Знаю это точно. Поскольку иные ковдорские знакомые нехорошо косились. Дескать, снился им «Рудный Ковдор» с его сотрудниками, но как Ольге Михайловне откажешь!

Кстати, и это тоже штрих к портрету учёного, среди ковдорских специалистов, так или иначе связанных с геологией, много учеников О. М. – по университету и даже по кружку минералогии, который она вела в Ленинградском Дворце пионеров. Например, инженер-минералог Ковдорского ГОКа, создатель известного в области музея минералогии Т. Н. Поганкина.

Очерки, предназначенные для публикации в многотиражке, О. М. готовила так же тщательно, как статьи для научных изданий. И текст, и фото – в двух экземплярах. В том числе – снимки ковдорчан. Как будто нельзя было поручить часть работы сотрудникам газеты. Нет! О. М. лишь тогда отсылала пакет, когда все страницы были несколько раз вычитаны, ссылки и цитаты перепроверены. А фото надписаны, чтобы случайно не перепутали. Заранее посылала письмо или телеграмму. Дескать, ждите!

Это не перетягивание внимания на себя, это уважение к чужому труду, в данном случае – к труду журналиста из многотиражки. Чтобы сориентировался и оставил место в газете, чтобы «подача успела к сроку». Те элементы организации труда, интеллигентной обязательности, к которым мы лишь теперь привыкаем.

Давно уже не секрет «компетентных органов», какие испытания выпали на долю потомков композитора Н. А. Римского-Корсакова – ветви одной из древнейших дворянских семей России. Ольга Михайловна приходится композитору внучкой. И её, даром, что избрала профессию естественника, не обошли стороной беды, обрушившиеся на близких родственников, не пожелавших после революции сменить страну проживания.

В конце войны умер, возвращаясь с фронта, муж – Алексей Фаворский. Тоже минералог, учились вместе. Верность и любовь к мужу вдова сохранила до конца своих дней. «А свои нерастраченные чувства отдала своим детям, близким, своим друзьям, своим студентам, школьникам из клуба юных геологов», – цитирую по подборке воспоминаний о светлом человеке, который «учил нас думать», помещённой в газете Ленинградского университета.

А я ведь – что теперь каяться? – позволял в письмах нет-нет да поплакаться на перипетии судьбы. Не думаю, что О. М. пропускала мои горести мимо глаз, но не реагировала. Плетью обуха не перешибить, потому нечего расслаблять человека сочувствием? Впрочем, вру. Реакция была, и я обязан был её ощутить. На каждое грустное письмо О. М. отвечала немедля. Писала о задержке с проявлением плёнок, о только что прочитанной книге, о хлопотах по поводу отъезда дочери в экспедицию. В незамедлительном ответе – подтверждение, что меня выслушали, не оттолкнули. Разве не поддержка в трудную минуту?

Переиздать бы отдельной книгой очерки Римской-Корсаковой, опубликованные в «Рудном Ковдоре» десять лет тому назад. (*К счастью, под заголовком «Симфония камня» часть статей Ольги Михайловны о геологах Ковдора*

были в 2014 году изданы отдельной книгой. Знаменательно, что книга вышла в свет к столетию со дня рождения учёного – **Я. М.**). Да, они слегка суховаты – научный стиль! – без эмоций и метафор, без второго смысла между строк. Но когда автор забывалась, позволяла себе раскрепощаться, факты вдруг становились зримыми, а события объёмными.

Благодаря О. М. мы побывали в гостях в интеллигентной, уходящей корнями в прошлый век, семье старшего преподавателя Ленинградского университета Константина Михайловича Кошица, где бережно хранят воспоминания об отце первооткрывателя руд Ковдора – лесничем из Сестрорецка. Иматери – балерине Мариинского театра. Ощущаешь тепло абажура, под которым так уютно сидеть за столом, понимаешь радость и удивление домашних, которые в далёком 48-м лишь из газет узнали о присуждении главе семейства Государственной (Сталинской) премии...

Прервусь. Как-то попытался сослаться на газетную публикацию, которая утверждала, дескать, Кошиц догадался о существовании магнитной аномалии в районе озера Ковдор по отклонению стрелки компаса. Легенда эта шагает из издания в издание. Ольга Михайловна ознакомилась с моей рукописью и прислала гневную отповедь на полях, примерно такую: «утку» придумали студенты-недоучки! Вам-то как не стыдно повторять заведомую глупость! Столько лет проработали в производственной газете, встречались и общались... (О. М. *выразилась деликатнее, но за суть её замечания – ручаюсь*). Моя рецензентка допускала, что Кошицу в какой-то степени повезло с Ковдором. Но при этом была убеждена, что и Ковдору повезло – его открыл человек большого научного багажа и высоких душевных качеств. А всякие легенды-анекдоты – для недоучек!

Ещё гремела война, когда в составе небольшого отряда геологов минералог О. М. Римская-Корсакова прибыла к озеру Ковдор. Сказалась деталь из её трудовой биографии – она участвовала в изучении подобных районов Карелии. Геологи везли с собой инструменты, амуницию и двухмесячный паёк, полученный вперёд по карточкам. Добирались на лодках, автомашинах, двухместных самолётах.

Озеро кишело рыбой, непугаными стаями уток – калорийным, уж извините, и полузабытым дополнительным пайком. Молодёжь находила время и силы для развлечений. Наиболее храбрым командир пограничной заставы разрешал прокатиться на своём жеребце. Одну из практиканток (дело, кажется, было позднее, на рубеже пятидесятых) конь носил на спине до тех пор, пока не притомился. «Зрелище было ужасающим!» – фразу из очерка О. М. запомнил дословно.

Опять прокручиваю в памяти абзацы текста, как кадры киноплёнки. Ковдорская геологоразведочная партия времён В. И. Тернового, споры допоздна. Хозяин кабинета умел их будить и направлять. Разгорались дискуссии о методах расщепления пластин флогопита. Благодаря автору очерка полный эффект присутствия. Даже слышишь учащённое дыхание волейболистов, отошедших после горячей баталии. И только о вкладе автора воспоминаний в общую работу – ни слова. А ведь О. М. играла в том слаженном и сыгранном

ансамбле специалистов далеко не последнюю скрипку.

В рассказе об открытии и освоении железорудного месторождения О. М. не забыла никого, даже практикантов и лаборантов. О себе – опять молчок. Это потом уже, в разговоре с А. И. Сухачевым, четверть века возглавлявшим Ковдорский ГОК, я узнал, что О. М. по поручению и просьбе комбината выезжала в Череповец, разбиралась с «цинковой обманкой», напугавшей металлургов, с другими тонкостями, мешавшими на первых порах освоению ковдорского сырья.

Как-то, пользуясь правом редактора, поменял местами фамилии в очерке. Стыдно признаться, почему это сделал, но что было – того задним числом не исправишь. Вдруг получаю из Ленинграда разнос. Лучше бы он был не таким корректным. Мол, стилистика-лингвистикой, тут вам, журналисту, виднее. Нотам, где не по вашей части, могли бы и переспросить.

Что тут возразишь?

Понимаю, о деньгах вспоминать не к месту, но в строку. Многотиражка гонорара не платит, затраты труда, не говоря уже об издержках на перепечатку материалов и подготовку фотографий, О. М. никто не компенсировал. Доцент университета к тому времени попала под каток движения за омоложение кадров, жила на более чем скромную пенсию. Да, продолжала вести занятия в университете, но большей частью, как выражались тогда, на «общественных началах». Впрочем, об этом статусе О. М. и студенты не догадывались. Что уж говорить о тех, кто на расстоянии.

Наградой автору стали благодарные отзывы читателей и специалистов, страницы многотиражки разлетелись по стране.

В отпуске как-то подумал, а не заехать ли в Ленинград? Написал об этом О. М., в ответ пришёл полосатый авиаконверт, что она на даче, что случайно повстречалась с моим посланием, что переживает – могла и разминуться с письмом. Далее следовала подробная инструкция с приложением плана-чертежа: как доехать, где выходить, куда идти и сворачивать.

И ещё типографское расписание движения пригородных поездов.

Невоспользовался приглашением. Неожидал его, собственно говоря. Просто ляпнул к слову, и на тебе! А была возможность прогуляться по тому самому Комарову. Если бы повезло, побывал бы на представлении домашнего Комаровского детского театра, в нём О. М. была режиссёром и сценаристом, костюмером, гримером и т. д.

Чем старше становлюсь, тем чаще задумываюсь о значениях слова «интеллигент». Наверное, это ещё и человек, которого о чём ни попросишь – сделает. И так повернёт, что ты, принимая от него услугу, вроде оказываешь ему самую большую приятность в жизни.

Ольгу Михайловну в её ленинградской квартире всё-таки посетил, на улице Маклина (в честь лидера английского рабочего движения). Была чисто заполярная погода, промозглая, с метелью. Такие дома до революции называли доходными. Неуютный лестничный пролёт с прилепившимся сетчатым коломцем лифта, высокие потолки. Чуть ли не коммуналка. В прихожей под ногами путались два курчавых блондина-близнеца. Соседские.

Хозяйка познакомила меня с дочерью Татьяной, она палеонтолог. Женщины обрадовались, что могут угостить гостя не только ужином и чаем, но и отличной телепередачей. Ленинградская балерина Максимова подготовила фильм-балет по мотивам произведений Твардовского. Чёрно-белый кинескоп основательно подсел. Чтобы все па рассмотреть и насладиться (гость не возражает? – Что вы, что вы!), выключили верхний свет.

За свет – спасибо. Постеснялся признаться, что балет не то зрелище, что способно удержать меня у экрана. Комнату плохо осмотрел – жаль. В углу небольшой рояль, в шкафах – минералы, минералы... По словам Татьяны Алексеевны, их осталось немного, основная часть коллекции – в университете. На стенах увеличенные фотографии. Кого? Может, и рояль – реликвия, и тоже потом перекочевал в Тихвинский дом-музей Н. А. Римского-Корсакова? Ещё при жизни Ольга Михайловна передала этому музею много мемориальных предметов, в том числе вещи своего дедушки – великого русского композитора. Исвоей бабушки. Неудобно было, неловко спрашивать-расспрашивать. В гости же позвали, не на экскурсию. А теперь уже не спрошу О. М. об отце учёном-энтомологе, как и о многом другом, что оставлял на потом.

Знаю, в недавние времена названия улиц, если они выходили за рамки обоймы вождей и других канонизированных лиц, утверждались где-то на самом верху. Многие нынче переименованы. И Ленинграда больше нет на карте.

Но мы не о Санкт-Петербурге, мы о Ковдоре. Было бы справедливо и верно, если бы одна из улиц города, выросшего рядом с уникальным месторождением, в открытие которого внесла весомый вклад Ольга Михайловна Римская-Корсакова, носила бы имя этой трудолюбивой и талантливой женщины.

Уверен, мои земляки меня поддержат.

УСАДЬБА ПЕНСИОНЕРА ТИХОМИРОВА («Полярная правда», № 100 (18.842), 26 мая 1992 г.)

Всю дорогу активист-краевед Евгений Зинченко говорил о Павле Степановиче Тихомирове. Отмечаю про себя: этот упорный следопыт так увлечённо рассказывает разве что о событиях времён войны, над которыми ему и его товарищам удалось приподнять завесу. Вот и сейчас не удержался, сообщил, что километрах в ста к северу, в тайге, ржавеет трёхтонка, ЗИС–5. Надо бы выбрать время да осмотреть. И снова возвратился к повествованию о первом своем начальнике участка на руднике «Ковдор», куда он, Зинченко, прибыл молодым специалистом.

Ковдор – город компактный, в нём не разминёшься. Спервых минут знакомства ощутил: что-то в облике Павла Степановича мне давно знакомо. Тот же взгляд, что и у его родного брата, Сергея Степановича, прославленного в семидесятые-восемидесятые машиниста бурового станка рудника «Железный», кавалера высших орденов Союза, неизменного члена президиумов. И

ещё этот брат Тихомирова на писателя Солженицына похож. За двойника сошёл бы. Хотя Солженицын брезентовую робу да резиновые сапоги давно сменил на партикулярное платье, очки резинкой не крепит и не говорит с вологодским нажимом на «о».

Считай, года два, не больше, как пенсионер Тихомиров «взял в аренду» у дочерей двадцать соток земли и возглавил садово-огородническое товарищество «Оптимист», организованное при производственном объединении «Ковдорслюда». Участок примостился в аккурат за бездействующими корпусами пегматитовой фабрики, у дороги из Ёнского на Риколатву.

Есть что показать, чем гордиться. Два парничка – огуречный и помидорный – под стеклом и плёнкой. В прошлом году соседи-огородники – украинцы, белорусы, молдаване – дивились урожаю, семена просили.

Клубничная плантация на шестьсот кустов. Огорожены аккуратными колышками побеги крыжовника, красной смородины. Дажевишенки и яблони. Приживутся? Несколько рядов чёрной смородины. От земли два вершка, но жерди и поперечины уже готовы поддержать веточки. А как же! Вдруг не выдержат веса ягод, полягут, в земле перепачкаются. Малину не спешит заводить. У неё корневая система мощная, всё вокруг заглушит.

И картошка. Большая часть огорода. Даром, что начало мая, навоз ровным одеялом прикрыл землю. Так лучше прогреется до конца месяца, до начала посадки. Без картошки хозяйству не выжить.

Ботву с забора козы сжевали. Какая пожёстче – просушена. Осталось спалить, а золу разбросать. Клубни – в сыром и варёном виде – живности на прокорм. Морковь, свекла, репа – само собой, но не дают того урожая.

За зиму сто десять петушков на мясо пустили. Как посветлело, куры нестись стали, до десятка яиц в день. Диетических, пусть и без печати. И ещё овцы, обросшие шерстью до ушей. Приплод принесли, было три – стало шесть. Бегают, блеют на разные голоса. В хлеву – бычок и телочка. По весне молочными в совхозе купили, десять тысяч выложили. В долговую яму попали – молокореzко вздорожало. Пока выпоили, ещё три тысячи ушло. Наконец-то Буян и Бурёнка – внучка так назвала – на сено перешли. С осени заготовленное. Лежат телята, от еды осоловели, переваривают. К зиме мясо будет, к будущему лету – молоко.

Тридцать лет в шахте, откуда крестьянской сноровке взяться? А всё оттуда, из детства. Под стол пешком бегал, а не выветрились из памяти имена отцовских лошадей и коров. Раскулачили их. Из Вологодчины в Карелию сослали. Давно их деревни – Большая Божия – нету на карте, под воду ушла. Водохранилище её погребло. А может, и не помнит он ничего, маленьким был. Рассказы матери и бабушки видения оживляют.

Отец в финскую погиб, даже голос его подзабылся. Но как с плотничьим инструментом тот обращался – до сих пор перед глазами. В Карелии на пустом месте строиться довелось. Дядя Никита, дядя Вася, дядя Артём навалились, помогли. Обида, что скрывать, саднила. Неподдались. В лагерях ГУЛАГа у заключённых не было другого способа доказать, что они не «враги народа», как выполнять и перевыполнять треклятые нормы.

Потомков деда Кузьмы судьба уберегла от сумы и от тюрьмы. И только. Труда, чёрного и неблагодарного, хлебнули по макушку. Выдюжили. От здорового корня сорняк не вырастает.

После войны Павел в Кировский горный техникум подался: стипендия. Ещёи работать умудрился, подкормил себя. В активисты вышел, на ударной стройке комсомольскую организацию возглавлял. В Ковдор прибыл по комсомольской путёвке на самой заре города. В числе первых месторождение слюд осваивал. Директор рудоуправления как раз из Москвы с совещания приехал. Собрал бригаду, достал из кармана жёлтой кожанки записную книжку и зачитал слова Никиты Сергеевича Хрущёва:

– Довольно нам с заграницей золотом расплачиваться за флогопит и вермикулит, пора собственные месторождения осваивать!

Осваивал. Большею частью в подземке. Мастером, начальником участка. Перед пенсией сердце стало прихватывать – в плотники попросился. А что наград, даже ветеранской медали, не выслужил – так «ходить легче, пиджак на плечи не давит». Следовало бы объяснить, отчего и почему такая несправедливость, да обойдёмся без подробностей. Как будто сами не знаете: человек, выбивающийся из ряда, непохожий на других – вызывал подозрение. С последующими оргвыводами.

Странный тип. На рыбалку ли, охоту – не нагружал машину покупной снедью и спиртным до треска в рессорах. Соорудил заимку на Гирвасе ещё тогда, когда считалось само собой разумеющимся, что все дороги к изобилию ведут через магазин. Капитально обустроился. Легковушку в гараж заводил, лодку выкатывал. И на другой берег озера. Там изба с печкой, подвал, банька, сеновал, огород. Вместо забора – валуны, из земли их повыворачивал. Картошку выращивал, клубнику. Ту самую, что ровными рядочками на новой усадьбе высажена. Картофель до сих пор там сажает. Да привлекает она охочих поживиться на дармовщину. Клубни вытащат, ботву сверху аккуратно положат, не поленятся.

Куркуль-кулак, как такого не грабануть?! И чего это мужик в земле копается? Никому не надо, а ему, Тихомирову, требуется. Такие мелкие гадости с моральным давлением на психику в былые годы не сравнить. А зарубки на сердце остаются. Спорить, искать справедливости – себе дороже. Косые взгляды не копит, не коллекционирует. Страхивает с плеча:

– На людей нельзя обижаться. Обида – начало зла, а зла и так много вокруг.

Рукой рубанул, как точку поставил. И опять меня кольнуло: что-то когда-то виденное и прочувствованное. Что? Белая зависть к человеку, которому подвластно мне недоступное? Запрячь лошадь, срубить избу – об этом лишь в книгах читал, руками не пробовал.

С заимкой пришлось расстаться, Нина Борисовна настояла. Сердце. А если приступ? Обживаться по новой сложно, а что поделаешь. Работа дураков любит – это уж точно. Но она и жизнь продлевает. Кто теперь скажет, что уютный домик под двухскатной крышей с резными подзорами под кровлей и наличниками на окнах – обыкновенный вахтовый вагончик по происхож-

дению? Опять же веранда за стеклом, она же и яровизатором служит. Радостными подзорами колодец украшен.

Про колодец в центре участка – особый разговор. Вдвоём с Ниной Борисовной, не торопясь, потихонечку на шесть метров выкопали. Вода всю зиму и всё лето. И соседям хватает. А пока рыли – те глазом не повели.

– Не помогли бы, хоть вызвались, – улыбается в бороду Павел Степанович, мне бы и то приятно было.

Доставать воду из колодца – одно удовольствие, маховик на воротах напряжение с руки снимает. Но в парники да скотине вёдра таскать не перетаскать. А зачем? Наклони ведро над раковиной, вода по трубам сама пойдёт, само тёком. Кудатрубу повернёшь, туда и побежит. Хоть в баньку, что почти под крышу выросла, хоть к дому и хлеву на другой конец участка. Купил по случаю в Риколатве избу, разобрал. Осталось собрать. Успеть бы до зимы скотину подальше от дороги перевести, чтобы машины за стеной не урчали, не нервировали.

Третий год Павел Степанович с Ниной Борисовной живут здесь. При керосиновой лампе. Отдыхают на пенсии. За скотиной, огородом ухаживают. Без радио и телевизора могут. Без освещения – никак. Хозяин с хозяйкой в общем-то рады отлучению от информационных щедрот цивилизации – говорящие ящики не отвлекают. Гостя для поддержания светского разговора можно и спросить:

– Как же так, куда идем? Светлое будущее испарилось, а завтрашний день – в тумане...

Должно быть, послушайся Тихомиров вестей и известий – решительнее высказался бы. Но нету у человека времени на сбор информации. Да и сил. С хозяйством управиться бы.

В прошлом году делили в «Ковдорслюде» между огородниками мотоблоки. Ветерана, как водится, обошли. Тысячу рублей он ещё нашёл бы, а двадцать тысяч пенсионеру за два года не собрать. Пощёлкал языком, отказался от затеи. От надежды на облегчение. Недавно между бумаг технический паспорт обнаружил, тайна Нины Борисовны и раскрылась. Понял, почему у кровати стопка бухгалтерских документов выросла. Чтоб муж не знал, жена шабашку взяла: с долгами побыстрее рассчитаться.

Неловко Павлу Степановичу, не привык он за счёт кого бы то ни было въезжать в рай. Даже за счёт жены. Но понимает, она его сердце жалеет. На мотоблоке землю враз вскопаешь. Опять же пилу к нему можно приладить. Или насос.

С хозяйкой не удалось словом перекинуться. Положила себе урок на тот день – картошку из погреба поднять, семена отобрать. Головы не подняла. Чай заварила, картошку наказала на плиту поставить, банку маринованных помидоров подняла, в миску солёных волнушек насыпала. И яйца, прямо из-под наседки.

Кожура картофельная от ножа отскакивает. Пилы заточены. Плотничий, под руку, инструмент – один к одному. Сбоку – в банках и баночках – гвозди по размеру, хотя и гнутые. От разборки дома остались. Зачем выбрасывать,

выровнял – и снова в дело. Павел Степанович приподнял за шляпку ржавую железячку и снова положил на место.

Вспомнил, почему зацепился взглядом за руки Павла Степановича! Полтора десятка лет тому назад отдел пропаганды и агитации КЦ – Киевского ЦК (подпольное название ЦК КПУ) арестовал в типографии один из толстых республиканских журналов. Из-за обложки. Потом другую напечатали и вручную вклеили. Напугала идеологов репродукция с портрета известной на всю Украину героини труда. Измождённое лицо, яркие, радостные пятна орденов на выцветшем жакете. И руки, натруженные, узловатые, как обнажённые корни дерева. Они-то и всполошили блюстителей нравственности. Показались им злостной карикатурой и клеветой на советского труженика.

Надо же так перекосить сознание людей, чтобы орден считался доблестью, а руки земледельца чем-то постыдным.

Продукцией со своего хозяйства Павел Степанович не торгует. Поздно, считает, бизнес осваивать. Но на всю большую семью – на трёх дочерей с зятьями и внуками еды хватает. Ещё и племянникам остаётся. Родила бы рожь, вообще, уверен, можно было без магазина обходиться.

– Будь я начальником, разрешил бы завозить в область картошку лишь для детских садов, школ да больниц. Остальным гражданам вполне по силам себя обеспечить овощами. Не ленись только, земля воздаст. А полезный труд на свежем воздухе сил прибавит.

Но Павлу Степановичу Тихомирову в начальники пробиться не суждено.

ЖЕЛЕЗО, СЛЮДА И ТИТАНОВЫЕ БЕЛИЛА **(«Полярная правда», № 108 (18.850), 5 июня 1992 г.)**

Инопланетяне живут среди нас.

Ну, не совсем так, не в прямом смысле представители цивилизаций из космического далёко. Но что для них тайны Земли и Вселенной – как открытая книга, это точно.

Написал и осёкся. Надо бы вычеркнуть не в меру ударное начало. Как бы к Борису Ивановичу Сулимову не приклеилась обидная кличка. Хотя вряд ли. Его имя в геологических кругах котируется высоко. Профессорас академиками не прочь пообщаться с ковдорским геологом на высоком языке математики и цифр. Разве что улыбнутся они шутке. Для горняков Ковдора и Апатитов главный геолог Ковдорской ГРП – авторитет непререкаемый и давний. Читателям, далёким от геологии, остаётся поверить и не придирается к слову.

Б. И. Сулимов попал на Кольский полуостров после окончания Петрозаводского университета, в 1958 году. По национальности – карел, по составу крови – и русский, и татарин, и карел, и, кажется, немного украинец. Смесь, возникшая естественно в результате переселенчества в северные края. В трудовой книжке – одна запись: Ковдорская ГРП. Начинал, как и полагалось, с

коллекторов. Была такая обязательная ступенька для новичков. Затем – геолог, старший геолог, главный геолог. В 1964 году принял дела у своего предшественника – В. И. Тернового. С тех пор, все двадцать восемь лет, в одной и той же должности.

На любом предприятии таких однолюбков сотни и тысячи. Разве я спорю? Просто ещё не всё сказал. Борису Ивановичу, когда он стал главным, не было тридцати. Однако имя молодого кандидата наук успело прогреметь на всю страну. В солидной компании учёных и хозяйственников – в том же 1964 году – ему была присвоена Ленинская премия. За открытие и передачу в эксплуатацию уникальнейшего по своим запасам месторождения слюды-флогопита.

Другое дело, что по прошествии нескольких десятков лет – ох уж это обозримое будущее! – слюда оказалась никому не нужной. Перед рудником «Ковдор» замаячила перспектива закрытия. Конъюнктура – подробности сиюминутные. К вечности, к точным сведениям о запасах полезных ископаемых отношения не имеющая.

Перед молодым человеком с таким иконостасом регалий открылись пути, один заманчивее другого. Все они вели из Ковдора на научный Олимп. С гарантией карьеры, зарплаты и бытовых благ по высшему разряду.

Отказался и ни разу не пожалел.

«Зацикленности на Ковдоре» пришёл конец совсем недавно, лет семь тому назад. Сыграл свою роль случай, помноженный на знание характера Сулимова геологическим начальством. К этому моменту в биографии нашего героя мы ещё вернёмся. А пока, прошу вас, не будем снисходительно жалеть человека за то, что он сам, своими руками, оградил себя от соблазнов, сам выбрал свою дорогу и не свернул с неё. Лучше позавидуем упорству и целеустремленности, умению выбрать главное в жизни и сконцентрироваться на нём.

Что Кольский полуостров – один из древнейших блоков земной тверди на планете, школьнику известно. Иных континентов в помине не было, а наш полуостров уже существовал. Так и подмывает подбросить эту информацию разнокалиберным специалистам по перекройке границ. И тогда отпадут все сомнения, какой регион на карте имеет историческое право считаться коренным, и куда не мешало бы присоединить Европу с Азией.

Самаяюная точка на Кольском полуострове – Ковдорское месторождение. Всего-то ему около 380 миллионов лет. Оно – напоминание о вулкане, что здесь прорвался на свободу. Приличное даже же для той эпохи извержение, площадь жерла шесть на семь километров. Похулиганил, покуражился вулкан, успокоился, заснул. Время срезало его до основания, до корней. В них-то геологи и обнаружили рудные образования и карбонатиты.

Ещё нагляднее последствия выветривания сказываются по прошествии миллиардов лет. В тридцати километрах к юго-западу от Мурманской геологи наткнулись на месторождение титанового минерала – ильменита. Скорее всё-таки надо бы сказать: вычислили, предположили. И оказались правы. Проехать к месторождению несложно. Через поле главного в области аэродрома (иначе пока никак), затем километров двадцать заброшенной дорогой лесоза-

готовителей и ещё десять – на вездеходе через топи. Если считать по временной вертикали, это всё равно, что опуститься на парашюте с ковдорской отметки в триста восемьдесят миллионов до отметки в три с половиной миллиарда. Лет. Тогда образно говоря, попадёте на самую древнюю кору из магмы. Ниже уже ничего нет, только космическая пыль, из которой, собственно, и образована Земля.

Для Б. И. Сулимова, специалиста по генезису – образованию Земли, – такое путешествие во времени отнюдь не абстрактное занятие. Слушаешь образный рассказ и, кажется, тебя обжигает дыхание ковдорского вулкана, затвердевшего задолго до эпохи динозавров. Пауза. Пронизывает трепет, с каким первооткрыватель ступает по магме в районе Гремихи-Вырмеса, где на болотных кочках освобождена от векового заточения космическая пыль.

Перед глазами картинка – за гранью возможного. Пусть астрологи якшаются с мировым разумом посредством кабалистики и заклинаний. У нашего собеседника за каждым словом – горы вещественных доказательств, спрессованных в пробах пород.

Не лучшую пору переживают геологические партии, лишённые твёрдой поддержки бюджета. Всё равно инженеров да лаборантов не сократишь. А Борис Иванович как положил себе за правило, так и продолжает: сам должен обязательно прочесть каждый керн. После обеда ему лучше не звонить, всё равно не подойдёт к телефону. Переодевается и вперёд, в тишину – к кернам. Чтобы лично удостовериться и убедиться. Или с вечностью пообщаться. Это уж как вам больше нравится.

Удивлю ковдорских любителей камня: коллекционированием образцов Сулимов никогда не занимался. Оно, конечно, досуг и времяпровождение, но зачем отдыхать от работы, когда смена занятий и есть лучший отдых? Борис Иванович никогда не забивал себе голову рыбалкой или охотой. Жалко времени, бесполезной его траты. За ягодами собрался впервые, когда жена написала, что сыну витамины нужны. И транспорта личного нету, не обзавёлся. А на государственной машине как же по своим личным делам выезжать? Себе не позволяет и подчинённым не советует.

Работать с Сулимовым не сахар, догадались. Если с каким начальником ГРП не сработается, он, начальник, и подыскивает себе место. Всё равно в адрес главного геолога худого слова не скажет. Себя будет ругать за то, что не смог, не дотянулся.

Сулимову повезло с семьёй. Не лукавит, искренне говорит. Жена – коренная ленинградка. В Ковдоре ей не климат, кислороду не хватает. Ему в Ленинграде (в Петербурге) уже на третий день скучно и тошно. Вот так счастливо, душа в душу, и живут врозь. Отвстречи до встречи. Когда сыну двенадцать стукнуло, отец ощутил: пацану необходимо мужское плечо, хотя бы в отпусках... Сын летом геологический факультет университета заканчивает, по стопам отца пошёл. Жаль, косточка у него другая, чистая наука влечёт. С полевыми сезонами, но кабинетная. Бывает, свою голову не поставишь.

Близкая душа, родная кровь. А такого полного взаимопроникновения, как с Владимиром Ивановичем Терновым, впоследствии профессором и ректором

Ленинградского горного института, не получается. Правда, тогда ведомым был он, Сулимов. Терновой заставил кандидатской заняться, столько сил на неё угроблено. Соавтором книги о Ковдорском месторождении сделал. Единственная монография, и та на двоих.

Как-то директор Ковдорского ГОКа А. И. Сухачев, замыкающий в том памятном списке лауреатов высшей в стране премии, упрямил занять должность главного геолога комбината. По совместительству. Самый мрачный период в жизни. Не обязанности, с ними просто. Оперативки да совещания с их говорильней – забодали. Хуже и беспросветнее – разве собрания, активы, заседания. К такого рода посиделкам у Сулимова аллергия. И нюх. В ГОКе и зарплата была втрое выше. Всё равно при удобном случае распрощался, больше ни в какие престижные должности не позволял себя впутать.

Первые годы работы оказались самыми насыщенными. По результатам. Тогда рядом был локомотив – Терновой. Определили, обчислили запасы флогопита. Опирались на бурения и разведочную шахту. Производственникам оставалось прикинуть, каким экскаватором добывать да какую гайку на какой болт насадить. Остальное выдали им на тарелочке, в трёх экземплярах геологического отчёта! С фотографиями, схемами, чертежами. Вплоть до рекомендаций: на какой фабрике слюду обрабатывать и для каких изоляционных материалов она годится. Школу прошёл на всю жизнь!

Гремихинским месторождением заинтересовалось объединение «Апатит». Сначала профильными залежами фосфорсодержащих руд. Но ильменит, основа для производства титановых белил, перевесил. Титановые белила, если интересно, необходимый компонент в производстве лучших сортов бумаги. Никакой по-настоящему белой краски без них не получить. Госплан в своё время закупал означенные белила за валюту. Пока она имелаась.

В мире добывается около пяти миллионов тонн ильменитового концентрата в год, что позволяет выпускать до двух миллионов тонн титановых белил. Больше вроде и не требуется, рынок насыщен. Примерно половину поставляет Австралия, значительную часть Норвегия.

Но! У них там в продукте разные примеси. Технологи, как только не изощряются, чтобы получить чистый продукт. Сырьё же Гремихинского месторождения наиболее близко к эталонному. Недаром у финских бумажников, а они короли в этом деле, слюнки потекли, когда получили опытную партию концентрата.

У объединения «Апатит» к окиси титана чисто коммерческий интерес. Это полезное ископаемое поможет догрузить мощности АНОФ-3. И ещё выйти на мировой рынок с продуктом высокого качества. В условиях сокращения запасов традиционного сырья такая перспектива ой как важна для предприятия.

Сулимов и его команда занимаются детальной разведкой одного из участков месторождения под Мурмашами. К 95-му году, считает, можно работу предъявлять в Государственную комиссию по запасам, а к 97–98-му – пойдёт первая продукция. Карьер на шесть миллионов тонн руды даст возможность получить около миллиона тонн ильменитового концентрата – одну пятаю

мирового производства. Не так уж мало для начала.

Спешу успокоить ревнителей экологии: карьер здоровью людей не угрожает. Есть сложности, не без них. Километрах в десяти от месторождения, из устья реки Туломы, жители областного центра воду пьют. Но ведь сами по себе горные работы не отравляют окружающую среду. Скорее Имандре может достаться – перерабатывать руду планируется на действующих мощностях. Однако всесторонне подготовиться, например, избежать флотационного метода обогащения вполне можно. Убереечь тем самым озеро от стоков агрессивных реагентов. Или оборудовать дополнительные очистные. А ещё лучше – попробовать отделять полезный продукт с помощью гравитации. По удельному весу, в водной среде.

Новая отрасль пробьёт себе дорогу. Борис Иванович Сулимов нисколько не сомневается. Просчитал уже. Очень может быть, что титан перекроет дивиденды от шельфовых месторождений нефти и газа. Не взвешиваю на весах, какой продукт нужнее для экономики. Сами сопоставьте. На карте мира сотни и тысячи месторождений энергоносителей, а титановых – раз-два и обчёлся.

Гремиха, уверен Сулимов, не пойдёт по путям, проторённым «голубыми городами» области, обойдётся без посёлка рядом с карьером. Разве что, и то надо проработать, появятся несколько жилых домов в Мурмашах. Если проложить тридцать километров асфальта и подтянуть железнодорожную ветку для вывоза руды, то поездка займёт минут сорок. В крупных городах люди до работы дольше добираются.

Понимаю, не всем выпадает счастье жить работой да наукой. Только ими и ничем другим. Простому советскому (в прошлом) человеку ещё чего-то для души требуется: болеть за футбол-хоккей, читать газеты. Последнее – весьма полезное занятие, Сулимов готов подтвердить. Особенно «Советскую индустрию» в недавнем прошлом, а нынче – «Инженерную газету». На её страницах промелькнула информация про месторождения скандия. А ведь этот элемент и в Гремихинском месторождении присутствует! Попросил сына Романа покопаться в университетской библиотеке. Странно, упоминание о скандии лет пятнадцать как исчезло со страниц зарубежных научных изданий. По всему видно, американцы положили на него глаз при разработке проекта СОИ. Сам же, элемент довольно распространён в природе, вот и в ёнских-пигматитах обнаружен. Выяснил, понял, что к чему. Больше его скандий не интересует.

Живём, стремимся, добиваемся... Всё нам кажется, что впереди – годы и годы и что на нас законы мироздания не распространяются. Хотя срок, отмеренный человеку, – лишь искорка на фоне вечности. В старой книге наткнулся на определение масштаба времени – на высокую гору раз в год прилетает орёл, коснётся клювом с одной стороны, с другой и улетает. Когда он таким образом гору сотрёт в порошок – это будет лишь... миг вечности.

До вас дошло? И мне трудно охватить мысленным взором такую прорву времени. Сулимову же – этому инопланетянину – она проста и понятна, как дважды два. Потому никогда не тратит сил на выяснение отношений, с под-

чинёнными, с начальниками, с домашними. Уверен: рассудят дело результаты, всё остальное – беллетристика.

Уже год, как получает северную пенсию. А что пора перебираться в Петербург, в уют, к домашней пище – ах, какая кулинарка жена – не загадывает и не задумывается. Что вы, ей-Богу! Как же не высыпать на ладонь гремихинский концентрат из первой промышленной партии? Не взять на палец первые титановые белила из Кольского сырья? А там и поговорим о пенсионном житье-бытье.

Как жил студентом от стипендии до стипендии, так и живёт от получки до получки. Что получка могла бы быть полновеснее, так деньги хитрая субстанция – их всегда не хватает. Чего на этом факте заострять внимание?

Говорят, средней грамотности человек прочитывает за свою жизнь две-три тысячи книг. Эрудиты – до десяти тысяч. Примерно столько томов проштудировал Б. И. Сулимов, если приплюсовать специальную литературу. Но кроме того он внимательно изучил более миллиона погонных метров кернов из разведочных скважин. Как минимум каждый столбик, по два разаразглядывал. Сразу после извлечения на поверхность. Потом – в расколотом виде.

Бесконечные штабели кернов, каменных страниц, уложенных на носилки, высятся вокруг здания с легкомысленным названием «керноколка». Каждая под своим номером, пробы друг от друга аккуратно отделены дощечками.

Для кого – тёмный лес, а для кого – увлекательнейшее чтиво.

А ЛЮДИ – КАК АТОМЫ.ОНИ НЕДЕЛИМЫ **(«Полярная правда», № 121 (18.863), 25 июня 1992 г.)**

Виктория Васильевна Новожилова, начальник лаборатории обогащения Ковдорского ГОКа, не вмешивается в межгосударственные споры о судьбе Крыма. Своих забот выше головы. На апатитовом переделе обогатительного комплекса завал из-за реагентов. Опять же огород требует сил и внимания. Внучка растёт-подрастает...

Политикам недосуг, а могли бы и её мнением поинтересоваться, спросить. Как-никак Виктория Васильевна в Симферополе родилась, в паспорте отметка имеется. Предки её по материнской линии жили в городах-колониях Тавриды задолго до Рождества Христова. Онив русском фольклореслед оставили, помните: «Ехал грека через реку...».

С предками – вообще интересно. Среди них были француз (солдат, отставший от армии Наполеона), потомки запорожских казаков поляки, сосланные под надзор полиции... В силу этих обстоятельств родители в пятый пункт анкеты дочери вписали: «русская». По культуре и воспитанию так оно и есть. А всё равно наивные они люди были, за соломинку хватались. Думали, если вписано в паспорт – не вырубишь топором. Те, кому следует, так не считали. Вырубали. Вместе с головой.

В Ковдор молодой специалист-обогачитель, выпускница Ленинградского горного института В. В. Новожилова, приехала за год до официального пуска

ГОКа, в 1961-м. Из столичного города на край света, в недавние каторжные места, посылали с разбором. Самых достойных. И активных. Сказалась наследственность. Юность матери и тётки, её сестры, прошла в комсомоле.

Снисходительно улыбаемся по поводу чрезмерных увлечений тех лет иллюзией всеобщего блага. Но отрицать, не считаться с искренностью порывов, наверное, нельзя. Мне представляется, что это была защитная реакция организма, чуть ли не физиологическая по истокам, на грубую и страшную действительность.

Верноподданническая, по определению девятнадцатого века, позиция не спасла, не отвела беду. Когда людей калибровали по записи в паспорте, никакие заслуги в зачёт не шли. Били по голове сентенцией: «Сейчас все за Советскую власть!». Дескать, нечего примазываться. Особенно выпускникам гимназий-университетов.

Отец лет двадцать, до самой войны, преподавал математику в Симферопольском университете. С поэтом Максимилианом Волошиным дружил. Одно это обстоятельство могло стать причиной ареста. Карандашный автограф стихотворения с посвящением Василию Васильевичу Лопатину, отцу Виктории Васильевны, и несколько акварелей Волошина удалось сохранить, не потерять. Несмотря на все несчастья, обрушившиеся на семью.

Теперь это реликвии, цены им нет. Но ведь и рядовые поступки чудом сохранившихся осколков того тончайшего слоя, который именовали русской интеллигенцией, вполне можно поставить вровень с произведениями искусства. В годы фашистской оккупации семья осталась в Крыму, отец был связным у партизан. Параллельно исхитрялся посылать продукты бедствовавшей вдове Волошина, Марии Степановне, в Коктебель. В дом, где в разные годы находили кров и пищу Марина Цветаева и Илья Эренбург, Евгений Евтушенко и Юнна Мориц. Иначе русский интеллигент В. В. Лопатин поступить не мог. Русский по паспорту, по составу крови – украинец и француз.

Может, лишнее наговорил, не относящееся прямо к нашему разговору. Всё оттягиваю рассказ о той страшной осенней ночи 1944 года. Беда тогда прошла стороной, но след оставила.

Фронт откатился далеко на запад, но жизнь спокойнее не стала. Взбудоражили слухи: выселяют татар. Всех подряд, без разбору. Люди, обрабатывавшие эту землю веками, были прямыми потомками половцев. Тех самых, кровных врагов и кровных друзей древних русичей. Князь из гнезда черниговских Ольговичей – Игорь – воевал с ханом Кончаком. Благодаря опере Бородина мы это проходили. Однако из летописей известно, что годом или двумя раньше Игорь вместе с Кончаком ходили воевать Киев. Сына своего новгород-северский князь женил на дочери удалого хана. У Кончака Игорем были общие внуки...

Не минула горькая чаша остальных аборигенов Крыма. К партизанскому связному Лопатину октябрьской ночью заявили трое в форменной одежде, потребовали паспорта и гаркнули:

– Вы двое (отцу и дочери) оставайтесь, а ты, гречанке (матери), чтоб в полчаса собралась!

Знал бы мифический Грека, какая доля суждена его пра-пра-правнучке, попытался бы объехать стороной реку, в которой впоследствии завелись раки в форме НКВД. Да разве на века вперёд рассчитаешь...

Отец голоса не повысил. Он умел говорить, и он убедил. О ком только не приходилось ему хлопотать. Было этой части признанным авторитетом. Многим облегчил участь в годы довоенных арестов. Когда над его близкими нависла чёрная беда, откликнулись добрые люди. Но это уже было потом, после его смерти.

Похоронен в Симферополе. В последний приезд дочь могилу отца не нашла. Знает только, на каком кладбище он навеки успокоился. Теперь вот не выбраться в тот город, не поклониться. Другая страна, ещё чуть-чуть – и визу на границе потребуют. А приглашение прислать некому.

В 49-м, более известном борьбой с космополитизмом, по Крыму прокатилась вторая волна борьбы за чистоту расы местного населения. Маму вызвали в милицию, предложили подбру-поздорову подыскать себе место жительства на просторах родины чудесной и очистить территорию. Иначе – пригрозили – этапом выдворим!

Была ещё свежа в памяти история с родной сестрой, тёткой Викторией Васильевны. Четверо детей было у маминых родителей. В советское время, когда вновь вернулись к системе паспортов, их записали, чтобы никому не обидно – двоих русскими, двоих греками. Маму – понятно почему, из-за греческого имени Деспина... Приехала тётя, значит, из мест поселения, куда эта русская по паспорту женщина отправилась добровольно за мужем, немцем, а тут как раз милиция нагрязнула документы проверять. И обомлела: родные сестры, а национальности разные!..

– Ваш паспорт, – сказали гостье, – с собой берём, завтра в милицию зайдёте, там и вернём!

Как мама ни просила не трогать документ, как ни кричала сестре «Не отдавай паспорт!», та бровью не повела. Как же так: родной милиции и не верить? Бывали перекосы, не без этого, лес рубят – щепки летят. Но не верить...

За девять месяцев, которые тётя провела в тюрьме по обвинению в покушении на бандитизм и в попытке скрыть истинную национальность, мозги у неё прочистились. Бывшая комсомолка объявила голодовку. Начиталась, понимаете ли, литературы про политкаторжан и вознамерилась бросить тень на стражей советского закона...

Поддалась мама на угрозу, бросила квартиру, уехала из Симферополя. Потом-то уразумела, что напрасно снялась с насиженного места. В ржавом механизме что-то не сработало. Или руки не дошли – кампания против космополитов забрала все силы компетентных органов. О поголовном выселении остатков греков, болгар, крымчаков и караимов вскоре просто забыли.

Выручила библиотека отца, за книги с картинками удалось наскрести денег на дорогу. В Орловскую область. Там работу с квартирой пообещали. Большая часть маминых книг кочевала по стране в посылках. Можно предположить, что это были за книги, если впоследствии несколько сот томов с благодарностью приняла публичная библиотека имени Салтыкова-Щедрина

в Ленинграде. Не было у дирекции средств выкупить такое богатство, Деспина Васильевна и подарила. Раз уж с дочерью в этом смысле не повезло: постриглась в технари, в горные инженеры.

Всё равно одна из легенд Ковдора – библиотека Новожиловой. Даже после того как в ней покопались –безотдачи –заезжиенаучные работники. Своими глазами видел дореволюционное издание Маяковского с вклеенным под обложку некрологом из «Известий». Не помню автора, но он в конце грустных строк бодро заверял читающую публику, что на смену певцу революции идут стройные ряды пролетарских поэтов.

Первостроители города всегда готовы рассказать легенды о самой Новожиловой. Молодой инженер, она сумела доказать, что штаффелитовые руды легко раскрываются и годятся для переработки. Ну а когда ковдорчане на опытной фабрике опробовали флотационные методы обогащения апатита, случилась вообще детективная история. Профессионалы из Кировска почему-то не допускали к своим секретам местный персонал. Виктория Васильевна как-то заметила в магазине, что гости гребут с полок крахмал. И задумалась: с чего бы это? Остальное стало делом техники. И химии. Сунула в ре-агент лакмусовую бумажку – посинела. Так и есть: кировчане крахмал применяют.

Пишу, пишу, а о самом главном, на мой взгляд – об атмосфере или, если хотите, ауре вокруг Новожиловой, всё не получается слово вставить. Ну хотя бы такой факт. Работали рядом в одной лаборатории три инженера-обогапителя. Должность старшего – на десятку выше, но должность только одна. Кого назначить? Убедили директора: не надо нам старших, все три будем рядовыми. Так несколько лет и проработали бок о бок. На дисциплине, на результатах труда отсутствие узаконенного шефа не отразилось.

Случилось несчастье, подругу по работе сбила машина. Все долгие месяцы, пока она лежала в областной больнице, друзья, в том числе и Новожилова, к тому времени бабушка и начальник лаборатории, брали по очереди отпуска, ездили в Мурманск, дежурили у постели больной. А как иначе? Иначе нельзя!

Печальный случай: обокрали минералогический музей комбината. Сидит компания, пригорюнилась. Вдруг один из товарищей голос подал:

– Как же вор экспонаты упёр, невидно ни одного обрывка бумаги. Неужто не заворачивал? Грани же может попортить.

Это не библейская левая-правая щека, это искреннее непонимание: как можно не уважать красоту? Даже если ты вор.

Не секрет, работать рядом с Новожиловой, как бы это точнее выразиться, не совсем комфортно. И в прежние трескучие годы на парткомах-заседаниях за словом не лезла в карман, хотя и беспартийная была. И сейчас может вслух поделиться:

– Если уж ездить за границу, договариваться с фирмачами, то в свите директора. Тогда на руки полновесные командировочные получишь...

Не боится, что за язык её рак клешней цапнет. А это ведь куда неприятнее, чем тем же инструментом – за руку. *(После публикации очерка в «Полярке»*

тогдашний директор ГОКа действительно цапнул, не постеснялся. – Я. М.)

Хорошо бы у человека тылы были. А то ведь никаких. Копила-копила деньги на квартиру в средней полосе. Накопила. От тех тысяч один пшик остался.

В Крыму, на земле пращуров – она иностранка. А в Ковдоре, где всю сознательную жизнь провела, ну как бы это помягче, выпадает порой из ряда. По крайней мере из того, который госнаградами отмечен.

Близиких, с кем по работе сошлась, уже почти никого в живых не осталось. Военное поколение, хлипкое.

Было время, над Новожиловой нависли чёрные тучи. Выговор, строгий выговор. Тутещё пожар в лаборатории, электрики забыли рубильник поднять. Виктория Васильевна готовилась к худшему. Вдруг приехали представители управления комбината. Нет, не те, что приказы готовят, а те, что по технической части. Почему-то пожарного инспектора с собой прихватили. Тот и выписал начальнице штраф по максимальной шкале – десять рублей. Сами же смотались в сберкассу за квитанцией. Успели! За одно прегрешение два наказания не полагается...

Большой коллектив, маленький, а в нём, как в семье, разное бывает. Но я не представляю, за кого другого на Ковдорском ГОКе стало бы горой столько людей. Это, кстати, к вопросу о том, как наше слово в сердцах людей отзывается и как нас понимают.

Виктория – сиречьпобеда! Поверхностная аналогия. Имя случайно досталось. Страна в тот год бредила Чкаловым. Но в загсе попалась глуховатая, тётя, ей говорят Валерия, а она пишет Виктория. Вот и в обогатители попала ненароком. Школьная учительница в химию влюбила. Трамвайные попутчики убедили: больше всего химии – в горном, на обогащении.

Что не согнулась и не сломалась – это уже от корней и от характера. Ну не поступила в вуз, где проверяли подноготную до третьего колена. Ичто? Всё равно стала профессионалом высокой пробы.

В Крыму, в Бахчисарае, на родине отца Новожиловой, в музее хранится надмогильная плита, латынью выбито: «Валерий Варон, 36 лет, третий Итальянский легион». Вот и вся эпитафия. Постучал по дереву, но если провести аналогию, то о жизненном пути Виктории Васильевны можно сказать ещё короче: фамилия, имя, отчество и дальше – Ковдорский ГОК.

Многие ли из нас могут похвастать такой ёмкой лаконичностью в биографии?

Знатока отечественной истории Льва Николаевича Гумилёва как-то спросили: куда подевались хазары?

– Ну это же так просто. – Дальше последовали подробности: где и в какой среде растворился древний народ.

Целые расы растворяются друг в друге. А люди – как атомы, они неделимы. Они переплывают реку времени, независимо от паспортных данных.

И каждый неповторим.

НАЧАЛЬНИК ЦЕХА **(«Полярная правда», № 194 (18 936), 6 октября 1992 г).**

От Сидоренкова никогда не «пахло президиумом», хотя он в них достаточно насиделся. Обоганительный комплекс обеспечивал Ковдорскому ГОКу извлечение трёх компонентов из одной и той же руды, стабильно и по нарастающей. Коллектив работает, начальнику – почёт и уважение. И государственные награды.

Незаметно для себя Анатолий Петрович заработал право на внеочередные моральные льготы, как ветеран предприятия. Поступил начальником смены в сентябре 1962 года, в месяц официального открытия. Уже более двадцати лет кряду возглавляет один и тот же цех, ставший под его началом из фабрики – обоганительным комплексом.

В техникамах-институтах (Сидоренков последовательно, очно и заочно, закончил оба специальных учебных заведения) основ руководства коллективом не преподают. Больше нажимают на сопромат, детали машин и прочие премудрости. Науку руководить Сидора (к Сидоренкову давно прилипла эта кличка, ничего неуважительного в ней не вижу, скорее – по интонациям – наоборот) постигал без отрыва от выполнения плана.

Сидоренков всерьёз пытался совместить интересы производства с интересами каждого исполнителя. Добивался, чтобы работать в рабочее время было выгодно, а сидеть на бюллетене – не заботиться о своем здоровье! – не выгодно. Ещё немного, ещё чуть-чуть, и добился бы в одном отдельно взятом цехе полного взаимопонимания между трудом и капиталом. Да рухнула в одночасье уравнительная система, похоронив под обломками одну из наивных потуг улучшать её снизу.

Впрочем, иные из подпунктов нововведений Сидоренкова на почве научной организации труда – хотя бы определение вклада итээрцев – остались и действуют. Приносят реальную пользу. Комплекс – чуть ли не единственный цех комбината (хотя и крупнейший, около тысячи работников), куда со стороны специалистов не приглашают, растят на месте. Ещё и с управлением комбината кадрами делятся. На ключевые посты.

Пролёт участка обогащения с его девятью секциями двухстадиального измельчения руды по площади да насыщенности трубами и агрегатами не уступает машинному залу Кольской атомной станции. Разве что в белых халатах тут не ходят. При Сидоренкове к магнитным сепараторам добавились флотационные машины (апатит) и гравитационные станки (бадделеит). Продлён, так сказать, конвейер. И ещё реконструировано без остановки прежнее обогащение. Как при этом было выполнять и перевыполнять плановые задания – производственникам объяснять не надо.

Сидоренков вник, разобрался, организовал, возглавил. А до кандидатской диссертации руки не дошли. О чём жалеет. Если быть точным – недавно пожалел. На переговорах с зарубежными партнёрами. В тот момент, когда остались без переводчика и как бы онемели. Не ленись в своё время, займись

наукой, пришлось бы кандидатский минимум сдавать, а с ним и иностранный язык. Тогда бы уж выучил, от зубов отскакивало. Дурочку сваял, да не догнать.

Давно знаю Петровича. Что-то, признаюсь, меня в его активности настораживало. Слишком уж её было много, с запасом и перехлёстом. Только теперь, из-за случайной обмолвки, уразумел, почему. В войну мать с тремя детьми (Анатолий – младшенький) оккупанты угнали в Германию. В Дахау упекли. Не подоспей американцы на танках, может, и не дожили бы до Победы.

Клеймо висело на человеке. А что отец погиб на фронте и (простите за святотатство, но так в те времена если не говорили, то думали) своей кровью смыл позор жены и детей – это уже второй вопрос. «У всех отцы погибли...». Приходилось доказывать, что ты как бы не запятнан, не по своей воле оказался на территории, оккупированной врагом. Иных такой пресс подминал и ломал. Я им не судья. Сидоренкова заставил собраться, выложиться и вломиться в производство, стать профессионалом, специалистом высокого класса.

Сидоренков упорно отказывался от престижных назначений. Не стал секретарём парткома комбината, секретарём райкома партии. Против течения плыл. Не то, чтобы побаивался. Уже понимал, не маленький, иезуитскую глупость вопроса анкеты про нахождение на оккупированной территории. Но анкета оставалась. И если бы ему этот вопрос и не задали, сам бы не утерпел, ответил. А зачем?

Тут бы пора вернуть слова о том, как Сидоренков предчувствовал да предугадал. Не дал себя охмурить ксёндзам из партийного аппарата. Не думаю, что Сидору такая догадка обрадует, какой бы выигрышной она сегодня не представлялась. Не тот он человек, чтобы перелицовывать костюм своих прежних верований и устремлений да шить из него себе новомодную одежду.

Вряд ли свой категорический отказ баллотироваться в освобождённые секретари считал геройством. Сознал, что глупость сморозил. Секретарство открывало возможность в ближайшей перспективе занять более ответственную должность на производстве. Сидоренков по всем параметрам был готов.

Только пользу принёс бы. А за донкихотство отказа его тогда вычеркнули из списков, представленных к награде. И порекомендовали несколько лет сидеть тихо и не высовываться.

Чихал он на подобные рекомендации! Своеобразно. Не боялся при всех, на очной оперативке, сесть рядом с попавшим в опалу коллегой, тоже начальником цеха, продефилировать с ним под руку перед очами директора или кого повыше. Или на собрании выступить. Прекрасно зная, что «в проекте решения» совсем другое мнение отражено. С нынешних высот демократии и раскованности факты, которые привожу, представляются такими же комичными, как ссылки Фамусова из «Горя от ума» на героев царских приёмов времён Екатерины. Так-то оно так, но за большинством митинговых храбрецов последних лет (Ковдор – город маленький, все на виду) я не припомню ни одного подобного поступка. Анекдот в курилке, вот и вся их храбрость. Си-

доренков все годы, как сказали бы наши друзья англичане, возглавляет на комбинате оппозицию Её величества. Убедится, что был не прав, первым признается. Без напоминания и вслух. Но пока уверен в своей линии – не отступится. Не устает повторять, что нечего вмешиваться в действия начальника цеха, подменять его. Спрашивайте за результат. Обеспечьте материалами и ресурсами. Но не опускайтесь до оскорбления недоверием.

Реформаторы-рыночники подсказывают: реноме руководителя определяет прибыль, которую он обеспечивает. Остальные требования – от лукавого. К такой же точно мысли Сидоренков пришёл своим путём. Понятия «результат» и «прибыль» в данном случае близнецы-братья. Подчинённых так воспитывает. Потому и растут они, как на дрожжах. Уверен и убеждён Сидоренков, что рамки, в которые миражи идеологий и концепций загоняют реальную жизнь, стесняют. Не без того. Но поступательности движения не препятствуют. Любые рамки. Будь то почин строить жильё своими силами, конкурсы самодеятельности или уборка закреплённых за цехом улиц. От всех тех починов коллектив комплекса получал реальную отдачу. Хотя бы в виде квартир. А шефство над детским садом оборачивалось не омрачёнными болезнью малышей лицами молодых матерей.

Всё в прошлом. Не под силу Ковдорскому ГОКу тянуть на себе детские сады. Потихонечку сбрасывает их на плечи муниципальной власти. Концы с концами не свести. Откуда богатству взяться – при социализме ли, при капитализме ли, – если вместо семи секций обогащения в работе лишь четыре? И то сбыта нет. Но это уже вопрос, не относящийся к компетенции начальника цеха.

Человек вырос на комбинате, сросся с ним. Стань Сидоренков директором, наверное, удалось бы в последние годы избежать резких скачков при определении стратегии и тактики развития предприятия, при подборе кадров. Но он сам решительно ушёл в сторону во время первых и последних выборов промперсонала. Был уверен тогда, что свежая кровь в управлении нужнее.

Директором мог стать, министром. Что теперь прокручивать варианты! Ковдорский ГОК остался бы с прибылью. Министерство выиграло бы. А обогатительный комплекс комбината проиграл бы, это точно. Так уж получилось, что этот цех стал для Сидоренкова делом всей его жизни. Его имя-отчество, кличка, если хотите – своего рода фирменный знак, без которого ни комплекс, ни Ковдорский ГОК уже не представляешь.

(Воспользуюсь правом автора и спустя тридцать лет добавлю немного лирики в портрет нашего героя. Даже не лирики, а цветов, живых цветов. Десятилетиями Ковдор был связан с цивилизацией узким горлышком пригородного – до Кандалакши – поезда раз в день. Потому мороженое, к примеру, сюда, за Полярный круг, завозили исключительно в зимнее время. А цветы к Восьмому марта мужики выращивали на подоконнике. Все, кроме рабочих обогатительного комплекса. Начальник цеха нашёл энтузиастов, мужа и жену, положил им зарплату, и они в бывших тёплых переходах между отсеками возвели настоящую оранжерею, благодаря чему обеспечили цветами именины, свадьбы и прочие семейные праздники работников цеха. Согласен,

в сравнении с другими свершениями Анатолия Петровича на посту начальника – мелочь, случившаяся как бы походя. Но, согласитесь, весьма ароматная и добрая. – Я. М.)

Во время разгула митинговых страстей Сидоренкову волей-неволей довелось столкнуться с местными говорунами. Он пытался объяснить им, что ломать – не строить. Он всё доискивался положительной программы, интересовался: а что конкретно взамен предлагаете?

Задолго до Февральской революции русский философ В. В. Розанов писал: «Вообразить легче, чем работать: вот происхождение социализма (по крайней мере – ленивого русского социализма)». В представлении иных рьяных поборников демократии, так и не научившихся за всю свою жизнь работать, будущее кажется простым и ясным: замени на вывеске один «изм» другим, и всё само собой завертится. Ватрушки – прямо по Гоголю – начнут в рот запрыгивать, успевай разевать.

На пороге – акционирование с приватизацией. Чем чёрт не шутит, возможно, придёт богатенький хозяин, скупит на корню акции комбината и взмахом колена под зад перебросит Ковдорский ГОК вместе с коллективом в новую капиталистическую эру.

Допустим, Форд или Крупп приезжают в Ковдор и приступают к его полной капитализации. Интересно, с чего они начнут?

Мне так видится, что, если они люди умные и не привыкли бросать капитал на ветер, они первым делом наведаются к Сидоренкову. Может, поллитру прихватят, может, кофеварку. Это уж дело вкуса. Поговорят о погоде, об урожае брусники. И как бы между прочим, но настоятельно, предложат-попросят Сидоренкова повременить с пенсией (по северным понятиям), поработать ещё, пока Форд (или Крупп) не станет в Ковдоре на ноги. А там – можно и в консультанты фирмы. За те же деньги.

Если так оно случится – нет вопросов, хозяин-частник Ковдорскому ГОКу достался соображающий. Дело под его началом пойдёт в гору.

Поживём – посмотрим. Ждать осталось всего-ничего.

Приложение

ЭКСПРОМТЫ ПО ГОРЯЧИМ СЛЕДАМ

Жертва совещаний

Да что же это получается?
Опять по мне работа плачет.
Чем совещанье отличается
От забастовки от сидячей?!

Гостеприимство

На природе, да в палатке,
Да на зорьке, да с улыбкою...

Что такое взятки – гладки?
Это взятки свежей рыбкою.

На тормозах

Или – или! Обсудили.
Или ли? Не или ли?
Не решили. Отложили.
А потом – за–или–ли.

Причитается!

Ясен лозунг нам с тобою,
Как сознательным борцам:
«Пьянству – бой!»
Но перед боем
Нам положены сто грамм!

Раздвоение

Его стыдили вновь и снова:
– Да вы же не хозяин слова!
Он веско отвечал на это:
– Зато хозяин кабинета!

Скороговорка

Шапке Сенька мал маленько.
Сенька шапку взял в охапку.
Разве дашь по шапке Сеньке,
Если не по Сеньке шапка?

Совет советчику

Не втемяшуйте в реляцию
Журналистскую науку.
Я не врач реанимации,
Чтоб держать на пульсе руку.

Последствия

Пить её? Не пить её?
Рюмками иль сразу?
Ни к чему сомнения, убедился лично:
Если не умеючи – всыплют по Указу,
Ежели умеючи – сядешь на больничный.

По нитке

Мелкие убытки,
А глубокий след.

Каждый взял по нитке
И рубашки нет!

Хороший тон

Воспитанность среди грибов слаба.
Но нам ли их притягивать к ответу?
Срывая головной убор с гриба,
Не говори, что учишь этикету.

Страшный сон

– Что случилось?
От чего ты встрепнулся?
– Мне приснилось,
Что президиум проснулся.

Ни да, ни нет

На любой вопрос ответит,
Что пока не решено.
Не бросает слов на ветер –
Складывает под сукно.

Слово – не воробей

Ему – «на вид», чтоб впредь не врал,
Мне – выговор, чтоб закалялся...
Он слово взял и не сдержал,
А я узнал и не сдержался.

Сплошной дефицит

В гостинице спросил я как-то:
– У вас имеют место факты?
Прервал администратор жестом:
– И факты не имеют места!

Мотаю на ус

Признаюсь, опыт вороша,
Что губят смех подвохи.
Пусть шутка трижды хороша –
С начальством шутки плохи.

Синонимы

В бумагах мы поднаторели
И, переписывая набело,
Меняем слово «пустомеля»
Расплывчатым: «коммуникабелен».

И знаем, что приём наивен,
Но легче и привычней вроде
Взамен решительного «лодырь!»
Вписать: «безынициативен».

Тактика

За то, что плюнул в душу, – не убьют.
А если станут придирается к факту,
Возьми и докажи, что ты – верблюд,
Что проявил не хамство, а характер.

По телефону

Гудки и нервных ноток звон:
– Мне не докладывает он!
Какой сарказм и гнев монарший...
Какой набор разящих фраз...
Спасибо вашей секретарше –
Составил мнение о вас.

Двойное удовольствие

Рыбалка – спорт! Не просто крючок
И полкило продовольствия.
Обругаете рыбку – она молчок!
Получаете удовольствие.

Дань традиции

Тревожат кстати и некстати,
По поводу и независимо.
Что за комиссия, Создатель,
Всё время принимать комиссии!

Узкий специалист

Смахнула дочь тетрадку на пол:
– Чему тебя учили, папа?!
Отец опешил от разноса:
– Ну, как чему? Решать вопросы...
– Ага, – сказала дочка плача, –
А кто же мне решит задачу?

Шарада

Без того Косой был кос,
Вдруг – над глазом шишка.
На кого упал вопрос,
Поднятый Зайчишкой?

Красное словцо

Он говорил, и не однажды:
– Пойду в разведку я не с каждым!
Пока не оборвали едко:
– А кто пошлёт тебя в разведку?

Прицелом точным

И какой бы не вскрыли изъянец,
В строгих пунктах решительных мер
Вспоминаем прогульщиков, пьяниц,
И т. д., и т. п., ИТР.

Иносказание

Чтоб себе не портить слуха,
Не тревожить потроха,
Вместо слова «показуха»
Говорим: «ВДНХ!».

Тихой сапой

Ну чем не аттестация,
Дожившего до плечи:
«В конфликтных ситуациях
Товарищ не замешан».

Без промаха

Я не против, я сторонник мер.
Только вот загадочка с природы:
Кто не пойман – тот не браконьер,
А кто пойман – тот не в штатах инспектуры...

Жертва застолья

По части звонких тостов был он мастер,
И каждый раз посуду бил, на счастье.
Тарелки бил, и блюда бил, покуда
Не стало в доме счастья и посуды.

Алиби

Козлами вместо коз заполнил штаты,
Предвидел далеко и глубоко.
Поди спроси его за молоко,
Пожмёт плечами: «Кадры виноваты».

Наравне

Женщины не стали разве

Полноправными вполне?
Отдыхают в женский праздник
Вместе с нами наравне!

Ёлки-палки

Трест к сроку смонтировал ёлки,
И некуда деться от факта.
– Простите, но где же иголки?
– Иголки помечены в актах.
– В каких?
– В послесловиях мелких.
– А если точнее?
– В недоделках.

Ревизия

Ну, прямо идиллия, прямо картинка –
На складе братаются Кошка и Мышь:
– Тебе половинка, и мне половинка...
Отгадка: не членам комиссии – шиш.

Скрытый намёк

Фраза «Подвели итоги», –
В сущности, сигнал тревоги.
Как ни глянь, подумать можно,
Что итоги... ненадёжны.

Для пользы дела

Ах, для пользы дела было бы желательно
Отправлять за пополнением в роддом
Разбирающихся в детях воспитателей...
– А родителей?
– Родителей потом!

Божественный обман

Встречались и в те времена демагоги,
Теперь-то мы знаем, чего добивались.
Легенду «Горшки обжигают не боги» –
Придумали боги!
Обжечься боялись.

Петушиная слепота

Не работа, на смех курам –
Перекур за перекуром.
Петуха, что перекурится,
Куры дразнят мокрой курицей.

В часы приёма

Всегда будь вежлив и готов ответить правду.

Ты – для людей, и ты желаешь им добра.

Не говори обидных слов: «Зайдите завтра!».

А сожалей, что не напомнили вчера.

Раздел III

ПЕРИОД ПОЛУРАСПАДА

В Киеве, по возвращении, поразило большое количество новых лиц на вершинах власти. Пока не сравнил да не сопоставил. Во времена Перестройки и постперестройки из ковдорских щелей да углов вылезали разные активисты, доселе неизвестные на ниве благих деяний. Город маленький, люди все на виду.

Балаболы и пустобрехи быстро исчезали со сцены. В их числе – второштантный инженер цеха технологического транспорта. Сей трибун много лет пытался наладить мойку большегрузных самосвалов, да так ничего путного не придумал. Зато активность на собраниях-митингах вознесла его в кресло начальника цеха.

Руководителю такого ранга мало уметь говорить. Ему штатное расписание предписывает думать-соображать. С этой стороной жизни и творчества у господина была, как говорили в те времена, большая напряжёнка. Вскоре после моего отъезда он слетел с тёплого местечка. Где приземлился? Не знаю.

А его украинские братья по разуму, по-видимому, просочились в Киев, пристроились к властным эшелонам. До сих пор там обитают. Обжились. Среди современных киевских витиев нет ни одного киевлянина по рождению. В киевском горсовете уроженцев города единицы. Зато на всех ступенях пруд пруди бывших провинциальных рационализаторов по линии мойки большегрузов (или деятелей из комсомольских кооперативов).

Убежали из мест, где их знали, как облупленных. Чувствуют себя в безопасности.

Сравним. Заверение Н. С. Хрущёва в шестидесятых годах, дескать, в восьмидесятых «советские люди будут жить при коммунизме» аукнулось разочарованием в эпоху М. С. Горбачёва. Дескать, обманула партия, дескать, коммунизм ещё далее за горизонтом. Взамен скукожившейся цели новый генсек со товарищи подсунули Перестройку. Ну, ладно, решили граждане, перетерпим год-два-пять. Однако распад страны отдалил радужную перспективу на десятки лет.

Сколько надежд погребла горбачёвская Перестройка – не сосчитать. Уйма народу поверила в неё. Недаром само слово «Перестройка» писали с большой буквы. Чем дальше, тем реже хочется это делать. Надежда обернулась грандиозным обманом. Исправлять задним числом высоту заглавной буквы в слове – сути свершившегося не изменит. От чего на душе ещё горше.

В Киеве постоянно вспоминаю, «как хорошо мы плохо жили» до начала внедрения перестроечных и постперестроечных планов и ре-

форм. Страшно сопоставлять и сравнивать. Прошло не двадцать. Почти в два раза больше – 35 лет. С большим гаком. Поворота к лучшему, всё нет и нет. Об элементарной стабильности мечтаем, как о великом благе.

Один из очерков, представленных в этом разделе – «Маршальский жезл старшего лейтенанта» – подвинул меня отойти от хронологии по дате публикации. В нём отражены события августовского, 1991 года, путча. Те самые, что резко повернули ход истории страны. Истинные пружины происходящего были в те муторные дни мало кому известны. Они раскрылись спустя годы.

Эх, остановиться бы в Перестройку да присмотреться к первым «ростам новой жизни». От них уже тогда пахло отнюдь не амброзией.

Поздно пить боржом. Да сей напиток теперь большинству не по карману. Как говорится в одном старом советском фильме: «Что выросло, то выросло».

Пошёл ли урок впрок? Будем надеяться.

ЗаклЮчить третий раздел захотелось эпиграммами из цикла «Вернулся я на родину». Думаю, будут не лишними.

И НАЗВАНИЕ, И НАЧЕРТАНИЕ **(«Знамя пятилетки», № 134 (1382), 11 ноября 1989 г.)**

О том, как сотрудники редакции постараются «осуществить» да «приложат все силы, чтобы оправдать», газета не раз писала в период подписной кампании. Она, подписная кампания, показала, что читатели искренним намерениям поверили.

Спасибо за поддержку, приступаем к выполнению.

Надеемся, штрихи нового на газетных полосах, что появились благодаря прямой подсказке авторского актива, не прошли незамеченными. С благодарностью редакция восприняла остальные пожелания и предложения. Как в части тем и проблем, так и касательно оформления газетных полос. Не всё сразу, будем разворачиваться и набирать скорость постепенно.

Однако о заголовке газеты – как о самом названии, так и о его начертании – имеет смысл обменяться мнениями, не откладывая. Чтобы, допустим, с Нового года сменить и то, и другое. Совсем не потому, что, используя наблюдение из записной книжки И. Ильфа, «новый редактор в ужасе схватился за заголовки».

К начертанию букв «Знамени пятилетки» претензии давние – оттеночные шрифты не используют нынче даже в рекламных плакатах. Их помпезность чем-то напоминает те самые излишества – ложные колонны на фасадах зданий, стандартные фигуры безымянных физкультурниц на фронтонах, – от которых архитекторы отказались давно и напрочь.

Суть в другом. В наше революционное время хотелось бы – имею в виду журналистов районки и её авторский актив – писать и жить под более не-

зыблемой «шапкой» Это, во-первых. Во-вторых, в большинстве названий районных газет присутствует имя города: «Кандалакшский коммунист», «Мончегорский рабочий», «Североморская правда» ... Мы же рядом с названием газеты пока обязательно прибавляем «...Ковдорского района». Недавно журнал «Журналист» – его выпускают газета «Правда» и Союз журналистов СССР – подсчитал, что каждая десятая газета в стране начинается или заканчивается словом «знамя». Всё хорошо в меру. Именовалась газета «Знаменем пятилетки» почти десять лет. Ихватит. Тем более, что за разрешением теперь далеко ходить не надо, право смены заголовка по предложению издателей – райкома партии и исполкома райсовета – предоставлено обкомам КПСС.

Итак, подумаем вместе, как же назвать газету. Мне лично нравится «Горизонты Ковдора». Есть в этих словах, кроме всего прочего, горняцкий оттенок. Не протестовал бы против «Ковдорчанина» или «Ковдорчанки». Но, может, читатели более приемлемое имя предложат?

Давайте думать не откладывая. Заглавие газеты не только утвердить надо, его ещё нарисовать предстоит, клише изготовить.

ДАВАЙТЕ ШАГАТЬ ВМЕСТЕ И В НОГУ **(«Знамя пятилетки», № 150 (1389), 19 декабря 1989 г.)**

До чего живучи предубеждения. Особенно если с ними мы боремся не экономическими методами, а исключительно уговорами. О чём я? Да всё о том же. Чуть ли не двадцать лет, если не больше, различные районные и областные инстанции время от времени берутся за восстановление мира и дружбы между руководителями предприятий в Ковдоре и в его окрестностях. Невзирая на различные меры – от «ограничиться обсуждением» до «строного с занесением» – война Монтекки и Капулетти не утихает.

Лично я несколько бы не удивился, если бы в нерабочее время застал за дружеским столом и дружеской беседой упомянутых хозяйственников. Известно, в таких креслах долго не удержишься, если нет головы на плечах и набора человеческих качеств, освящённых ещё библией. В хозяйственники идёт естественный отбор куда тщательнее, чем в отряд космонавтов. Ктов него попал, тот всегда найдёт общий язык и общие интересы с соседом.

Так в чём дело? Да в ведомственности, что разрешила нашу жизнь на дольки. Её ни соединить, ни склеить.

Нынешнее поколение вряд ли знает, что бурному развитию Ковдора, минимальным срокам от открытия до освоения месторождений оно обязано не только энтузиастам-первостроителям. Вернее, не им одним. А ещё – экономическим условиям. Конкретно – совнархозам. Мурманскому совнархозу в частности.

Не за тридевять земель, в областном центре можно было ставить и решать вопросы. Потому и принялся только-только встающий на ноги «железный» Ковдорский ГОК за непрофильную добычу и разработку слюды. Первая промышленная продукция, кстати сказать, была отгружена отнюдь не в Оле-

негорск или в Череповец. Наименование той продукции – вермикулитовый концентрат. И здание нынешней вермикулитовой обогатительной фабрики возведено благодаря Ковдорскому ГОКу. Здание построили лет за десять до торжества пуска фабрики в эксплуатацию.

Совнархозы давно ликвидированы. Потому можно сколько угодно призывать директоров (с помощью секретарей парткомов) взяться за руки и шагать в ногу. Они бы с радостью. Но у каждого за спиной свой министр в Москве. А у министра в руках фонды да ресурсы. К кому директор пойдёт за помощью и от кого он зависит? Разве не ясно.

Вся эта присказка вспомнилась недавно на бюро райкома партии, когда хозяйственные руководители выкладывали свои намётки относительно экономической политики района в будущем году.

Не скажу, изменения имеются. Например, строители больше не собираются винить заказчиков во всех грехах. Обещают сдавать объекты под ключ. Обеспечивать стройку оборудованием и материалами. От заказчика требуется всего ничего. На 1 января иметь в наличии средства, дабы было чем расплатиться.

По нынешним временам легко сказать – иметь средства. Пока заказами на концентраты закрыты все 100 процентов мощностей, но кто гарантирует, что потребители не передумают? Вот и начинает Ковдорский ГОК урезать строительные аппетиты – поставил на консервацию здание вычислительного центра. Понятно, расширение очистных сооружений ГОК на потом не отнесёт. От них жильё зависит. Но и контраргумент имеется. ГОКу вместе с его инфраструктурой уже построенных очистных за глаза хватит. Остальные застройщики, что к сетям подключаются, пусть входят в долю...

А как же! Все мы теперь на хозрасчёте.

Иные времена, иные нравы. Уж пусть простит меня Алексей Иванович Сухачев. Как-то он рассказал историю появления в Ковдоре ещё одного застройщика – Ковдорского леспромхоза. Предприятие, что одним из первых в лесной отрасли, по крайней мере – в нашей области, стало строить для своих рабочих стационарное жильё в пятиэтажках. Директор ГОКа внял заботам директора леспромхоза и согласовал подключение домов к сетям комбината.

Но контролирующие да проверяющие органы не дремали. На одном из областных совещаний одно очень важное лицо блеснуло экономическими выкладками:

– Живут рядом, конторы – рядом, одно и то же солнце светит обоим директорам. Но у одного жильё обходится на 22 рубля дешевле за метр площади, чем у другого...

По первым рядам прошёл гул и смешок. Хозяйственники из задних рядов как в рот воды набрали. Они-то понимали, что на плечи основного застройщика ложатся затраты на сети да коммуникации. А тот, кто пришёл «в приимы», платит только за чистое жильё. Разумеется, без встроенных магазинов. Хозяйственники покивали головами: одно ведомство побогаче, – другое – победнее, надо хоть на местах нивелировать такие ножницы. Как не понять.

Что было – прошло и быльём поросло. Тем не менее, при переходе на ини-

циативу да предприимчивость, про взаимовыручку прошлых лет не стоит забывать. Не все традиции надо выкорчёвывать.

Не помоги тогдашнему директору леспромхоза тогдашний директор ГОКа, не появились бы у лесозаготовителей городские адреса. Или их было бы намного меньше.

Но прошлое наградило нас не только стоящими традициями. А той же уверенностью строителей, что им ни к чему брать на себя заботы о долевом участии в городских тратах. Не принято, и весь разговор! Не секрет, это «не принято» укоренилось именно потому, что строительные ведомства диктовали свои условия заказчикам.

Возможно, нынешний кооперативный бум – не выход. Уже и кирпич теперь проблема. И если один расторопный потребитель исхитрился урвать стройматериал для будущего концертного зала музыкальной школы, то остальные, которые менее расторопные, вообще под этот прецедент остались без кирпича.

Тем более, нужно концентрировать силы!

Бурно обсуждали участники пленума райкома партии предвыборную программу коммунистов района, особенно пункты про экономическое обоснование. Жаль, большинство всё-таки проголосовало против идеи, что реальный путь борьбы с ведомственной разобщённостью – в создании ассоциации предприятий района, производственного объединения «Ковдор». Ассоциация в программе осталась. Но как пожелание, не больше.

На мой взгляд – это единственный путь. Ведь если на заре промышленного освоения региона, удалось без достаточной производственной базы опытных кадров, буквально за считанные годы, если не месяцы, разведать и освоить месторождение, переданное впоследствии руднику «Ковдор», то как же можно рвануть сейчас... Только бы объединить да сконцентрировать силы!

Будем надеяться, что Иван Иванович с Иваном Никифоровичем, поссорившиеся ещё при Гоголе, вынуждены будут полюбить друг друга, поскольку ссориться стало невыгодно – «ссора» и «разорение» для хозяйственников отныне слова-синонимы.

И в шестидесятые годы не всё давалось просто. За красивые речи и в те годы производственникам Ленинскую премию не присваивали. Но ведь получилось же!

Все мы на перепутье, все мы ждём-пождём очередных законов, чтобы, наконец, стало ясно и понятно. А пока туман по линии ресурсов да материалов. Воти на будущий год резко подрезаны фонды на горючее. Ждём, что подскажут любящие нас главки да министерства.

Согласен, традиционные связи – вещь великая. Но инициативу тоже не грех проявлять. Не будем забывать, что «партию умеренного прогресса в рамках закона» Ярослав Гашек создал в своё время для шутки. Не на полном серьёзе.

ПОКА БЕЗ ВИЗЫ

(«Знамя пятилетки», № 109 (1513), 11 сентября 1990 г.)

В отпуске привычно обхожусь без записной книжки. Вэтот раз по приезде в Ковдор, когда серые тона пасмурного неба наложились на цветные изображения впечатлений, пожалел об этом. Особенно – о последней неделе отпуска, когда на автобусе проехал от Вильнюса до Риги с остановками в Лиепае и Елгаве.

Что сказать? Магазины с зарубежными не сравнить. На прилавках – привычное однообразие и поднадоевшая пустота. Если на чём остановишь глаз, тут же на чистом русском языке продавец требует визитку, удостоверяющую, что вы – местный житель. И теряет к вам всякий интерес. На рынках продукты подороже, чем, скажем, на Украине или Белгородчине. Зато полное изобилие в отделах с договорными ценами. Не знаешь, на что и смотреть: то ли на импортные тряпки с видеотехникой, то ли на ценник. Ите, и другие руками лучше не трогать. Правда, попадались торговые точки, где цифры приемлемые. Всё ставила на свои места пририсованная латинская буква, перечёркнутая двумя полосками. То есть сумму полагается уплатить в долларах.

И такая ещё разница. В Литве, на взгляд мимолетного пассажира, сытнее и обильнее, чем в Латвии. А в Латвии с куревом меньше проблем, хотя и за двойную цену. Акцизный сбор идёт в республике на доплаты малоимущим, студентам и прочим лицам с хилыми доходами.

В Вильнюсе отсутствуют на дверях учреждений таблички, дублировавшие прежде название на русском языке. В иных местах их с мясом вырывали. Впрочем, химчистки, ремонтные мастерские от дубляжа вывесок не отказались – заинтересованы в клиентах.

В подъезде здания штаб-квартиры Саюдиса собирали подписи под каким-то воззванием. Желających поставить автограф немного. Или это был поздний час. На двух заборах резанули аршинные масляные надписи. На одном латинскими буквами: «Иван – домой!», на другом: «Оккупанты – гоухом!». Пешеходы на эти воззвания внимания не обращают. То ли привыкли. Толи считают их примитивным хулиганством. Тогда почему не стерли?

Вечером в аэропорту вперемешку с милиционерами – люди в цивильных пиджаках, но с зелёными повязками Саюдиса на рукавах. Утром в камере хранения – неприятность. Автобус вот-вот отойдёт, а на дверях – замок. Спомощью дежурного по вокзалу удалось отыскать молодого здорового работника, что коротал время в другом конце здания за дружеской беседой. Ни тени раскаяния. Дескать, государство мало платит, к нему и все претензии. Нет, он лично не против Советской власти, когда бы платили побольше. Замечание, что на плату может рассчитывать тот, кто на работе работает, парень пропустил мимо ушей. Хотя не до морали было, спасибо хоть до отхода

автобуса успели вещи получить.

В киосках Литвы – только местные газеты и журналы, на русском почти ничего. Потом узнал: местные работники связи – и в Литве, и в Латвии – отказываются распространять издания, которые исповедуют взгляды, расходящиеся с устремлениями победителей на здешних выборах. Аргумент: «не пользуются спросом». Лишь в Каунасе купил газету на русском. Покоробила шапка: «Ушёл из Каунаса Ильич, даст Бог, не возвратится никогда». Почти на всю первую полосу – фоторепортаж о том, как по решению местных властей демонтировали в городе памятник Ленину.

Тягостное впечатление, фотограф вроде искал ракурс, чтобы стрела крана напоминала виселицу... Вообще, в части вкуса, а точнее, элементарной этики, иные издания, на словах исповедующие объективность, сорвались со всех тормозов. Газета Народного фронта Латвии не удержалась от интервью с гомосексом. Мироощущения интервьюируемого вынесла в заголовок: он, видите ли, с Горбачёвым бы не спал. Такая вот агитация и пропаганда.

Кстати, о символике. Если в прошлом году значками с изображением национальных символов и флагов в той же Риге торговали из-под полы, и они были предметом бизнеса, то нынче за нормальную цену предлагают в каждом ларьке. Зато на Украине (где уже и киевское «Динамо» оделось в жовто-блакитные цвета, и флаг этой же расцветки полощется у входа в горсовет, в самом центре Крещатика) до продажи новой символики в государственных торговых точках дело не дошло. Ими торгуют разбитные добровольцы в местах, где вечерами собираются люди, чтобы поговорить да отвести душу. Вряд ли (или это так мне показалось?) сторонники радикальных преобразований пошли в распространители национальной символики из чисто идейных соображений. Значки из металла сбывают по 3–5 рублей, из пластмассы по 3 с полтиной. А корочки из мягкого пластика, где написано, что это обложка «паспорта гражданина Украины» – по 5.

Не поднял настроения и пленум горкома Лиепай на платформе КПСС. Знаете, не покидало ощущение, что попал в позавчерашний день. Казалось бы, уже получили обухом по голове. Всё равно участники прений, а среди них и делегаты XXVIII съезда КПСС, большую часть времени посвятили разбору промахов... центрального руководства партии. Наих взгляд. Почти ни слова о том, что самим на своих местах делать. Хотя обстановка уж никак не располагает к пассивному ожиданию спасительных указаний.

– Кто даст гарантию, что меня как коммуниста не уволят первого (из выступления рабочего)?

– Какая власть нынче у горкома? Выдать билет, забрать его? И то этим скоро будут заниматься первички (из выступлений первого секретаря горкома).

Мотаю на ус. В качестве программы на будущее звучат требования серьёзно подготовиться к грядущим, через пять лет, выборам. Иные ссылаются при этом на опыт эстонской ассоциации «Интеграл». Где коммунисты на деле, а не на словах, защищают интересы рабочих.

Отмечаю самое для себя любопытное. Единственным достижением своей

парторганизации коммунисты Лиепай считают партийную газету, которую стали издавать чуть ли не в подполье – печатают в типографии Калининграда. Больше года, как потеряли влияние на местную прессу, им не пробиться на страницы лиепальских, да и республиканских изданий. Обрели, наконец, голос. Но опять же купить эту газету можно лишь в горкоме да в парткомах крупных предприятий. Зато работники аппарата – секретари, завотделы и инструкторы, – приходят в редакцию газеты не с ценными указаниями, –с заметками в зубах. Эх, если бы в своё время не прохлопали, не проморгали. Теперь вот локти кусают.

В Латвии много изданий противника Народного фронта – Интерфронта. В той же Лиепе – «Трибуна» с приложением «Мнение».Итому подобные. Но раскроешь – и тошно становится от перепечаток из «Молодой гвардии», «Литературной России» и прочих псевдопатриотических трибун. Столкнувшись с местным шовинизмом, товарищи, прикрывающиеся интернациональными лозунгами, ничего лучшего не придумали, как опереться на сторонников великорусского шовинизма. Выяснить, да ещё печатно, какой народ умнее да разумнее, – много извилин не надо.

Довелось пообщаться с представителями противоположного лагеря. На курсах при Ленинградской ВПШ в своё время познакомился с редактором Елгавской газеты. Он теперь активист Народного фронта Латвии, член парламента. Знаете, позавидовал. Нет, не атрибутам власти.Атому, как эти господа ведут дело. Газета финансово независима, сама себя окупает. И тираж велик, и бизнесом сотрудники успевают заниматься. На своих страницах и в различных, приложениях газета рекламирует продукцию предприятий города, – того же «РАФа», колхозов. Те взамен не отказывают в спонсорстве. Редакция городской газеты тем временем продумывает, как бы акции типографии прибрать к рукам, чтобы снимать жирные пенки с выгодных заказов.

О деловой жилке. В детском саду колхоза у каждой из шести групп свой выход, веранда пристроена к корпусу. В плохую погоду не надо перебежками к ней пробираться. В группах дети учатся лепке, изготовлению поделок из кожи, дерева. Имеется, пусть простое и небольшое, но оборудование. Тот же миниатюрный автоклав для обжига керамики. Посему дворец управления колхоза (не подыскал другого слова) украшен оригинальными изделиями из глины, кожи, дерева...

А если вспомнить про колхозный цех мебели, где в одном конце распускают на доски сосну и берёзу, а с другого увозят гарнитуры и модные, под старину, решётчатые рамы для колхозных новостроек... Да и сами новостройки. Многоэтажные, не повторяющие друг друга дома для молодожёнов. Коттеджи для тех, кто решил навсегда связать свою судьбу с сельским хозяйством. В подвале – гараж, на втором этаже – спальные комнаты.Наусадьбе, из того же красного кирпича –хозяйственные постройки.

Овощные и фруктовые консервы, чай из трав, всевозможные приправы, хрен и такое прочее – всё это продукция колхоза.

Ну и последнее. Обратил внимание, что большинство газет, в том числе «Советская Латвия», печатают сводки: сколько и каких товаров республика

произвела, сколько вывезла за пределы. Так вот, за полгода – несколько сот тысяч кубометров лесоматериалов вывезла в капстраны. Это безлесная Латвия! Интересно бы узнать, хотя бы за одну тысячу кубов (за десятые сотых процента вывозки леса за пределы республики) предъявила ли хоть одному экспортёру какая серьёзная организация такие же претензии, как не так давно Ковдорскому леспромхозу наши местные стражи? Помните, леспромхоз попытался наладить приграничную торговлю с помощью нескольких сот кубометров баланса...

Ну вот, уже и на параллели с родным районом вышел. А ведь в отпуске о работе думать не рекомендуется.

МИТИНГ НА ПЛОЩАДИ **(«Ковдорчанин», № 39 (1599), 21 марта 1991 г.)**

Эти заметки писал в минувшее воскресенье. Чтобы не расплескались впечатления от митинга, проведённого накануне активистами Демократической России. КПД митинга, то есть результаты референдумов в Ковдорском районе, ещё не были известны. К 11 утра на моём участке побывала лишь пятая часть избирателей. Пришедшие вместе со мной – опоздали. Не к урнам – к буфету: там осталось лишь кофе с селёдочными бутербродами.

Несколькими днями ранее я был приглашён, как официальное лицо от прессы, на исполком райсовета, которому предстояло санкционировать митинг. Или воздержаться. Сразу же возникли сложности. По закону заявку следует подавать за десять дней, организаторы спохватились за пять. Сказалась отдалённость Ковдора – пока дошли инструкции, пока местные активисты их обмозговали. Ушло время. Про инструкции от направляющего центра (дабы не путать, написал это слово с маленькой буквы, надо же отличить другой Центр – с большой буквы, против которого нарождающееся под демократическими лозунгами движение активно борется), про эти инструкции точно не знаю. Но догадываюсь. Перед ковдорским митингом довелось в пятницу вечером побывать в Мурманске. Там группы людей с мегафонами, под тем же трёхцветным знаменем, но окрашенным погуще, созывали мурманчан на митинг. На то же число и в то же время: 16 марта, в 12 часов дня. Знаете, я уже достаточно пожил на свете, чтобы воспринимать такие совпадения как случайные.

Исполком, в конце концов, митинг санкционировал. Прокурор района убедил. Дескать, на отступление от законных десяти дней он закроет глаза.

Признаюсь, шёл на центральную площадь несколько в скептическом настроении. Достаточно наслушался и посмотрелся на сессиях районного Совета на ковдорских приверженцев линии Б. Н. Ельцина, чтобы принимать их всерьёз. Что касается представителей депутатского корпуса, выступавших под трёхцветным знаменем и с трёхцветными повязками на рукавах, – то, в общем, не ошибся. Их аргументы и доказательства ни логикой, ни глубиной мысли не отличались. Брали скорее горлом. Это им удавалось. А вот предсе-

дателя местной ячейки Демроссии А. Н. Кочедыкова наблюдал впервые. Пожалел, что прежде не проявлял к нему интереса. С таким оппонентом любопытно бы поспорить. Надеюсь, возможность ещё представится.

Пока на кузове грузовика ораторы сменяли друг друга, молодые парни ходили по площади и собирали на ватмане подписи в защиту позиции Б. Н. Ельцина. Неутомимый ведущий В. И. Рытов под конец сообщил, что подписей набралось около 800. «Надо бы тысячу, – размечтался Виталий Иванович, – но и столько для маленького города достаточно».

...Недавно попала на глаза двухтомная книга Л. Д. Троцкого «Моя жизнь». Чем больше читал, тем сильнее напрашивались мостики с исповедью Б.Н. Ельцина. Привёз её после отпуска из Риги. Это произведение издательство тамошнего Народного фронта мигом выпустило в свет. Рассчитывали, чего скрывать, поместить жирные куски в районной газете, дабы подхлестнуть подписную кампанию, подрезанную резким скачком цен на газеты и журналы. Приехал, значит, а в ларьках – газеты с той же исповедью, распространённые по России в тех же коммерческих целях издателями из Свердловска.

Троцкий писал книгу в начале изгнания, по горячим следам своего поражения от бюрократов, сплотившихся вокруг Сталина. Естественно, не скупился на злые слова в адрес удачливого соперника. Доказывал и показывал отсутствие идей, самостоятельных мыслей у «самой выдающейся, – как он определил, – посредственности». Борис же Николаевич редко в строках, большей частью между строк, низвергает абзац за абзацем Горбачёва. Не столько по поводу тактических или стратегических разногласий, скорее выливает мелкие обиды: Горбачёв не прочёл вовремя его, Бориса Николаевича, письмо, не там живёт, не так отдыхает... Если добавить, автор и сам не скрывает, что книгу помогала ему писать группа журналистов (прогресс в сравнении с Брежневым, ту команду писателей мы узнали лишь после смерти лауреата всех возможных премий). А Троцкий как-никак, все свои произведения писал сам, то тем более закольцовывается вывод (мой собственный, никому не навязываю), что в высших эшелонах власти всё-таки негоже опускаться до жалоб учительнице (читателям) на соседа по парте. И по многолетней партийной принадлежности.

Но митингу, питающемуся свежими впечатлениями от пустых полок в магазинах, такого рода литературоведческие экскурсы ни к чему. Отрезвление, похмелье обычно приходит потом. Дай бог, чтобы не поздно. Прибалтика, Молдова, Грузия, Азербайджан с Арменией кочевали из уст в уста. Но мало кто обратил внимание на расхождения в подходах к суверенитету народов. Хотя сторонники Ельцина свою линию и не собирались скрывать.

Да, Центр одинаково уважает суверенитеты народов, как имеющих выход к морю, так и не имеющих оно. Но как же можно говорить тут о «нечистоплотных кознях коммунистов»? Всё как раз наоборот, коль уж принять за основу термин «нечистоплотные козни». Надо же знать хоть немного историю с демографией. Корректно ли противопоставлять, скажем, один миллион эстонцев шести миллионам татар? Опять же порядки в Великом княжестве Литовском по средневековым меркам вряд ли были гуманнее татаро-

монгольского ига. Уже умолчу о том, что собиратели земель русских скопировали государственное устройство с образца Золотой Орды.

На кузове грузовика ораторы сменяли один другого. Отметил про себя, что активисты Демроссии учатся на ходу. Тот же В. И. Рытов в исполкоме из себя вышел, когда его спросили: предоставит ли слово лицам, исповедывающим противоположные взгляды? Здесь же, смотрю, не отказывает. Правда, при этом динамики почему-то начинают заикаться, пропадает звук, скопившиеся у машины сторонники свистят и кричат. Не постеснялись обхамить ветерана войны. Ну а что ведущий не упустил случая прокомментировать «нето выступление» – то это уже маленькие хитрости, которые произошли по недоразумению, а не нарочно. Поверим.

Не пересказываю речей сторонников Ельцина. По той причине, что большинство ораторов известно читателям по выступлениям в «Ковдорчанине» накануне референдума. Знакомые всё лица. Они или собственноручно приносили письма, а газета их печатала. Или выступили в качестве подписантов листовки, солидная часть которой также была опубликована. Плюрализм так плюрализм.

А вообще-то, тональность митинга чем-то смахивала на выпускной школьный вечер, когда иные ученики, наконец то, набрались храбрости и высказали в глаза учителям всё, что они о них думали до того. До последнего экзамена обиды, как фигу, в кармане держали, а тут чего бояться – получайте!

Именно, как осмелевшие десятиклассники. По принципу: и хочется, и колется. Один из оседлавших кузовов долго примерялся: надевать трёхцветную тряпочку на рукав или не надевать? Вдруг завтра его за эту повязку да в кутузку? Будете смеяться, но успокоили его... партаппаратчики, те самые, в адрес которых изгалялись динамики. Активист принял информацию к сведению и позволил окольцевать свой рукав. Но нет-нет, да и закладывал руку за спину.

Пишу без всякой иронии. На кузове, к моему удивлению, вырисовались в недалёком прошлом лидеры официальных общественных организаций. Прежде они шли круглыми отличниками, то есть вещали с трибун об успехах этих общественных организаций под их личным руководством. Ну что ж, тем весомее довод в пользу изменения институтов власти, на верхотуру которых в прежние годы имели возможность взбираться граждане не по деловым, а по анкетным достоинствам.

Чем поразил митинг, так это полиэтиленовым пакетом с деньгами, собранными – пока шли дебаты – в помощь бастующим шахтёрам. Здесь, как сказал бы поэт, «ни убавить, ни прибавить». Организаторы митинга уловили настроение людей и направили в русло своих лозунгов. Спонтанно возникший сбор средств не сравнить с привычными списками в Фонд мира, когда участие обещало реальные блага. В том числе – опубликование имени дарителя в газете.

Словом, есть повод для раздумий да размышлений. В том числе сотрудникам редакции. И не только. Особенно если оглянуться на беспомощность в нештатных ситуациях трибунов по должности.

И всё же, и всё же... В Кандалакше да в Апатитах, где алчущие посочувствовать «обманутым ветеранам» сплотились давно и надёжно, они постепенно, но верно утрачивают свои позиции. Там тоже выступают одни и те же ораторы, но всё меньше желающих их слушать. И читать не шибко грамотные издания, которые, громко возникнув, лопаются один за другим.

Почему? Да потому, что волна протестов против «лимитирования пасты и мыла» укомплектовала Верховные органы власти разными людьми. И что же? Они себе заседают, выступают. Но они же, чего нам по телевидению не показывают, на основании специального решения отовариваются в спецмагазинах спецодеждой (импортной чаще всего) и спецпайками. И автомобилями престижных марок. «Волгами», например. От такого транспорта не нашли сил отказаться оба представителя наших округов в Верховном Совете Федерации. И противник, и сторонник Б. Н. Ельцина. Такие вот пироги. Вернее, «Волги» последней модели и по льготной цене.

Но мы – про носки да картошку. Кстати, о последней. Такие времена настали, что любое начинание в верхах оборачивается своей противоположностью. За что верхи эти, не жалея слов и голоса, бьём по голове. А можно бы, как призывал один из немногих ораторов, по сторонам оглянуться. Ну хотя бы –до или после митинга –зайти в овощной магазин. И убедиться, что картофель уже без очереди. Хотя по талонам, февральским и мартовским.

На этом примере проиллюстрируем постулат: нельзя на отдельно взятом острове (районе, области, республике) строить райскую жизнь. Ковдор, в сравнении с соседями, картошкой на зиму обеспечил себя вдоволь. Однако соседи, ограждая свои интересы, ввели талоны. Магазины нашего города подверглись набегам варягов. При таких темпах второго хлеба могло не хватить до лета. Родной исполком скопировал с опозданием ограничения. Мгновенно выстроились очереди. Объяснения, что талоны в районе выдают под имеющиеся в наличии продукты (за исключением разве что сыра) никого не успокаивали. Понятно, напуганы.

Следующее решение исполкома – об ограничении выдачи в одни руки, только на один талон – опять привело к всплеску недовольства. Лишь к середине марта большинство отоварилось. Ажиотаж спал, заходи, когда удобно. Ну а то, что мусорные ящики наполовину заполнены сгнившими в домашних условиях клубнями – это опять же издержки нашего дефицита. Пенять на издёрганных покупателей рука не поднимается. Но поливать в хвост и в гриву начальников, окопавшихся в четырёхэтажном доме – из-за тех же очередей за картофелем –у многих ораторов митинга не заржавело.

Площадь – в центре пересечения городских путей, центральный гастроном рядом. Люди прибывали и убывали. Пожилой мужчина, видимо, фронтовик, плюнул и пошёл, везя за собой хозяйственную сумку на санках:

– Эх, слышали бы мои товарищи, что полегли в болотах под Ленинградом...

Два молодых парня презрительно глянули вслед убелённому сединами и опять принялись одобрять непечатными словами ораторов, изгаляющихся в адрес исполкома да райкома.

Организаторы митинга не скупались на заигрывание с молодёжью. Грустно, если новое поколение воспримет лозунги иных новоявленных радетелей, не вникая в их смысл.

Ломать – не строить. Американцы могут себе позволить снести до основания здание посольства в Москве, возведённое нашими строителями, и на его месте поднять другое. Триста миллионов – туда, триста – сюда, их бюджет выдержит. Но и они думают: а может, дешевле разрушить лишь верхний этаж и три достроить? Так зачем же под прогрессивным лозунгом приватизации растаскивать по кирпичам заводы и фабрики? Не лучше ли, не проще ли приспособить под изменившиеся условия уже готовое?

Лозунги, лозунги. Противостояние. Консолидация. Я лично не собираюсь сплачиваться с кем бы то ни было под флагом журнала «Наш современник». Мне ближе «Огонёк», чем «Российская газета». Во многом согласен с Отто Лацисом, в который раз жалею, что недобрал он несколько десятков тысяч голосов в споре за депутатский мандат с Оболенским.

У кого-то, в том числе и у моих товарищей по партийной принадлежности, другое мнение. Ничего страшного в этом не вижу. Довольно, столько лет стриглись под одну гребёнку.

Неприятно слышать, если хотите, и поверхностные обвинения в адрес так называемых националистов. Большую часть сознательной жизни провёл в родном Киеве, посещал одни и те же литературные студии с деятелями, которых освежающий ветер Перестройки вывел в ряды лидеров. Но даже в те годы, когда неприятности грозили только за чтение «Аз и Я» Олжаса Сулейменова (осмелился половцев поставить наравне с русскими!) или произведения украинца Винниченко, эти ребята не опускались до сведения счётов, до деления коммунистов на честных рядовых и бесчестных секретарей. Есть же более верный критерий – соотносится или повторяет, как попугай. Работает головой или локтями.

Доводилось писать, что в самые застойные времена, когда иные из нынешних прозревших стригли купоны со своих партийных и комсомольских должностей, хватало людей, которые подготовили гласность и Перестройку. Не отношу себя к ним, сил не хватило. Уехал в более благодатный климат, из Киева на Север. Но ведь и здесь, когда многотиражка несколько лет вела борьбу за огородничество, находились ответственные лица, что поддерживали это начинание, в том числе и в обкоме партии. При недружелюбном поведении иных нынешних агитаторов за картошку с укропом.

Трудно определить порой, где левые, где правые, куда пойти и с кем податься. Тоталитаризм отучил за годы думать самостоятельно, только по подсказке. Но если мы повзрослели, распрямились и стали сомневаться в привычном подсказчике, почему нужно верить на слово первому встречному?

Не моя мысль, недавно прочёл. Единственные полки эти дни и месяцы не пустуют, глаза разбегаются – полки книжных магазинов. Прежде в спецхранах по спецразрешению не получить, нынче, пожалуйста – читай, думай! Это ли не ошутимое достижение Перестройки? Книга Троцкого, на которую ссылался выше, была издана в 1930 году в Берлине и впервые переиздана в на-

шей стране спустя шестьдесят лет. Стотысячным тиражом. Исповедь же Ельцина вышла многомиллионным числом экземпляров в нескольких издательствах. Пусть гонорар за написанный чужими руками труд Борис Николаевич передал в фонды милосердия. Сыграл нашими рублями на свою популярность. Но ни в строках, ни между строк не упомянул, что выйти в свет его произведение смогло именно благодаря Перестройке, начатой его политическим противником... Плюрализм!

* * *

Когда будете читать эти мои заметки, итоги референдумов станут достоянием гласности. Население страны выскажется за какой мы Союз – Союз погорбачёвски или по-ельцински. Это я не огрубляю и не унижаю вопросы референдумов. Это – сведённые к одному знаменателю лозунги, под которыми активничали организаторы митинга.

Корректно ли «был поставлен вопрос» – народ высказался. Теперь посмотрим, как с нашим мнением будут считаться. И левые. И правые. И консерваторы.

КОНТРАБАНДИСТЫ БЕЗ КОНТРАБАНДЫ **(Сибирское отделение Академии наук СССР. Эко – экономика и организация промышленного производства, № 4 (202), 1991 г.)**

Московское радио и центральное телевидение в программе «Время» рассказали и показали: контрабандисты из Ковдорского леспромхоза доставили на приграничный пункт Кундас штабель баланса (сырьё для выработки бумаги). В разоблачительных репортажах древесину назвали пиловочником, т. е. сырьём для выпуска пиломатериалов.

Бревно в глазу конкуренту

Ковдорский леспромхоз по масштабам отрасли – карликовое предприятие. Егорасчётная лесосека до недавнего времени составляла около 200 тыс. кубометров древесины. В начале 1990 г. была сокращена наполовину. Всё правильно, северная тайга не столь богата, чтобы можно было хозяйничать в ней без предела.

Директор Ковдорского леспромхоза В. А. Егоров первым среди своих коллег обнаружил, что фирмачи из сопредельных стран готовы платить за бросовое по нашим понятиям сырьё – за сухостой. У нас эти деревья идут лишь на дрова и являются своеобразной нагрузкой при выработке делянок. А за сухостой зарубежные фирмы готовы платить на порядок (один нолик) выше, чем за деловую древесину. Готовы фирмачи и дрова покупать, которые в области особым спросом не пользуются.

Информация из тех, что пробуждает деловую жилку. Кто только не кинулся стричь купоны с прибыльных сделок, гарантирующих быстрое приобретение товаров ширпотреба с легковыми «Вольво» посередине. Одних кооперативов, специализирующихся на добыче сухостоя, появилось в облас-

ти более десятка. Не говоря уже о работниках лесоохраны – лесохозяйственного производственного объединения. Навалились скопом и добились...

Предложение перевесило спрос. Фирмачи стали сбивать цену. Если и повышают, то с тем лишь условием, что взамен принудительно продают «Жигули», много лет использовавшиеся экономными финнами по назначению. Правда, заново покрашенные. Фирмач, несколько подняв цену на сухостой, тут же покрыл издержки из кармана советского компаньона. Простенько и со вкусом.

Про волчьи законы рынка, к которому мы так стремимся, мы в своё время узнавали на лекциях по политэкономии. Теперь вот понимаем, что не придавали прежде значения краеугольным законам конкуренции – качеству и количеству товара, его цене.

Когда за одним прилавком оказалось сразу несколько продавцов, некоторые опростоволосились, погнавшись за подержанными «Жигулями». Другие же решили (это я о лесозащитном ведомстве) рассчитаться с конкурентом освящённым десятилетиями способом: сообщили куда следует о том, что Ковдорский леспромхоз под видом сухостоя желает продать деловую древесину. Сигнал дан – сигнал услышан. Остальное, как говорится, дело техники.

Ковдорские представители лесохозяйственного производственного объединения, выполняя директиву руководства из Мурманска, поведали перед всесоюзной телекамерой и микрофоном, что это никакой не баланс привезён на границу, а самый что ни на есть пиловочник.

Стенка на стенку

Компетентное ведомство, которому подчинены пограничники, прихлопнуло до особого разбирательства окно на пограничном пункте торговли. До особого разбирательства. Вдалёкий Ковдор зачастили одна за другой комиссии. Из главка, из министерств. Переворошили весь штабель сверху донизу, все восемьсот кубометров. Брёвна как брёвна, четыре метра в длину. Тонких куда больше, чем толстых.

Ведомственная тонкость подхода к этому штабелю заключалась в том, что ГОСТы на баланс и пиловочник почти дословно дублируют друг друга. Разве что брёвна до 18 см диаметром – сырьё для досок, а те, что тоньше, не годятся для них. Но оставим нюансы специалистам. Тем более, они в большинстве своём подтвердили: Ковдорский леспромхоз не нарушил условия лицензии Минлесхоза на продажу за границу 2000 кубометров баланса.

На второй день после теле-радио-разоблачений рабочие ковдорского леспромхоза не поехали с утра на делянки, пришли к зданию райисполкома. Нет, предупредили сразу: не забастовка, потерянные часы отработаем (и отработали). Люди пришли к представителям местной власти за справедливостью. Их оскорбило растиражированное на всю страну обвинение в промышленной контрабанде. И ещё они обиделись за директора, Вадима Алексеевна Егорова.

Как-никак приграничная торговля сухостоем и частью деловой древесины (около одного процента от годового плана лесозаготовок) обеспечила коллективу дополнительное поступление продуктов питания, одежды, бытовой техники, легковых автомашин и, в ближайшем будущем, – получение современной лесозаготовительной (на резиновом ходу) и лесообрабатывающей техники. Что позволит вывести из делянок губительные для молодых деревьев неповоротливые тракторы и увеличить выход готовой продукции при уменьшении рубок.

Рабочие стеной встали за своего руководителя. Вряд ли из-за боязни отлучения от источника с заграничными тряпками да тушёнкой. На импровизированном собрании в райисполкоме рабочие единогласно решили выгодно обменять (у коллектива тяжёлое финансовое положение) десяток импортных легковушек, приобретённых за сухостой, на советские рубли. Наверное, и об этой сделке в иных инстанциях скажут, что спекуляция. Однако ни рубля не отпустят предприятию. Даже в долг и под проценты. Ходоки Ковдорского леспромхоза за несколько месяцев пооббивали пороги в Мурманске, добились официального запроса от депутатов областного Совета, добрались до Москвы. Требование одно – извиниться перед коллективом за оскорбление. Ещё в июле в адрес председателя Гостелерадио ушло аргументированное письмо. Ответ – тишина.

Право есть, прав нету

Через три месяца ответственные товарищи внесли ясность. Старший прокурор отдела областной прокуратуры по надзору за соблюдением законов в хозяйственной деятельности в социальной и экономических сферах Л. Л. Шамшурин и начальник следственного подразделения управления КГБ СССР по Мурманской области Н. Я. Мухаев, выступили в качестве соавторов письма. Областная газета «Полярная правда» поместила его под заголовком «Была ли контрабанда?».

Управлением КГБ на основании всей совокупности материалов, было принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела по факту покушения на контрабанду лесоматериалами. Соавторы заверили, что не было такого факта. Зря, так сказать, поверили в эту утку теле-радио-слушатели страны. Ошибочка вышла.

Однако извинение своё, авторы утопили в трёхсотстрочном послании, пытаясь доказать, что было всё же отступление от инструкций-параграфов, но ГОСТы на пиломатериалы составлены так, что «пролазы-лазейки позволяют определённой категории руководителей отправлять за рубеж дефицитное для страны сырьё».

Фамилия директора Ковдорского леспромхоза В. А. Егорова рядом с этим прозрачным намёком не стояла, но тень на человека брошена. И это буквально в следующем абзаце после вынужденного – под напором фактов и проверок – извинения. Понятно, товарищам, что одним мановением руки могут перекрыть тропки приграничной торговли, палец в рот не клади. Они если по головке поглядят, на том месте шишка вскочит.

На приграничном пункте Кундас – тишина. Собран арестованный и растасканный комиссиями на брёвна штабель баланса. Рядом, правда, вырос штабель сухостоя и дров. В пределах тысячи-полутора тысяч кубометров каждый. Это я для специалистов цифры сообщаю, они-то знают, что цифры мизерные, в любом леспромхозе страны гноили и продолжают гноить – такова технология заготовки и обработки древесины – куда больше. А здесь отходы обещают валюту.

За несколько месяцев до разоблачения леспромхоз продал пару вагонов обрезков, которые и на дрова не идут на внутреннем рынке. Финские и шведские фирмачи – молодцы, научились и такие отходы перерабатывать. Мы пока нет. Так не выбрасывать же!

Однако шлагбаум приграничной торговли дляковдорских лесозаготовителей не открыт. Непотому, что авторитетные авторы никак не могут отличить торговлю от контрабанды, и гнут в сторону обязательств по госзаказу. Конкретики избегают. Ибо догадываются: поставь они рядом цифру госзаказа, спущенного предприятию (она в несколько десятков раз больше!) и от обвинения в покушении на контрабанду останется пшик.

...Если бросить на чашу весов зарплаты членов многочисленных комиссий, что так и не оправдали надежд ведомства, обвинившего леспромхоз в контрабанде, если приплюсовать зарплаты остальных теневых участников этой истории, включая провоз туда и обратно столичных журналистов на «Волге», то окажется, что проверка длиною в три месяца с хвостиком обошлась налогоплательщикам куда дороже возможного ущерба.

Я уже не говорю о том, что союзное правительство ещё весной 1990 г. предоставило предприятиям Мурманской области право продажи части готовой продукции в капиталистические страны с целью закупки там продовольствия. Видимо, союзное правительство не согласовало своё решение с некоторыми ведомствами из Мурманской области. И те обиделись.

В начале ноября 1990 г. член Верховного Совета Российской Федерации, председатель подкомитета по внешнеэкономическим связям Л. Б. Гуревич во время коротких парламентских каникул посетил Ковдор, встретился со своими избирателями. Побывал и на Кундасе, поскольку пострадавшие от конкурентов работники леспромхоза попросили. Убедился в том, что там складировано и что открыть этот пункт для регулярного товарообмена с сопредельной страной можно и нужно.

Бывший журналист, он попытался нарисовать воображаемый зрительный ряд. Как везут из Финляндии вокруг всего Кольского полуострова (Кундас же закрыт!) на трейлерах лесозаготовительную технику для Ковдорского леспромхоза. Ту самую, что предприятие закупило в обмен на сухостой. Кстати – за дополнительную плату – там же в Финляндии обучают обслуживающий персонал. Чтобы как прибудет техника – сразу на делянки.

Депутат Гуревич сценарий между делом набросал. Останавливает, значит, где-то на полдороге, в районе Мурманска репортёр кавалькаду машин, берёт

интервью у ковдорчан. А они счастливы и горды от того, что сами заработали средства на новые машины.

Здесь-то, считает бывший корреспондент мурманского радио, а теперь депутат, не мешало бы вернуться к той июньской информации о вымышленной контрабанде стратегическими брёвнами. Извиниться перед незаслуженно оскорблёнными.

Наивные люди эти депутаты, переqualифицирующиеся в политиков. И прежде в руках радиожурналиста был лишь магнитофон. Запись в эфир пускали совсем другие люди.

ИГРА В ОДНИ ВОРОТА **(«Ковдорчанин», № 73 (1633), 6 июня 1991 г.)**

Если кто помнит, несколько лет тому назадцены на водку были стабильными. Внедряли «улучшенные» сорта напитка миллионов. Накануне торговых работников всех рангов мобилизовывали и призывали. Целую ночь они трудились, не разгибая спины. Сдирали с бутылок старые этикетки, клеили новые. Вот и вся нехитрая реформа с улучшенным ассортиментом.

Такое впечатление, что авантюра с этикетками непрерывно совершенствуется. Те же выборы. Раньше всё мы понимали, посмеивались, но молча отпускали бюллетени и выбирали из одного кандидата одного депутата. Теперь же самый демократический в истории парламент республики предложил нам сориентироваться и определиться на выборах Президента за 20 (двадцать) дней... А как можно сотне миллионов избирателей выяснить, кто из шести претендентов на главный кабинет в Федерации компетентнее да грамотнее? Если один широко известен, двух других знаем весьма приблизительно, а о трёх оставшихся слышали мельком.

Под новым соусом, но опять выбираем из одного кандидата одного депутата. А говорят, что смена этикеток на бутылках изобретение застоя.

Ещё капитан Врунгель учил: «против лома нет приёма, если нет другого лома». Нету другого. За двадцать дней кто облетит все восемьдесят с хвостиком областей? Даже если не болел в детстве корью. Оттого и мрачновато на душе. Под треск и гром о низвержении ошибочных измов получаем ту же конфетку. Только в другой обёртке. Пардон, фантике.

И вообще, куда мы идём, если любой, казалось бы, прогрессивный, шаг вперёд при ближайшем рассмотрении оборачивается регрессивными двумя шагами назад.

Полгода страну раздирали споры: предоставлять свободу российскому радио и телевидению или повременить? Свобода пришла. И какое же она сказала первое слово? Включите радио, вторую программу телевидения. Чего только ни услышишь с утра до вечера о пятиконкурентах заглавного претендента. От бывшего предсовмина Н. И. Рыжкова, лихие свобододолюбцы вообще не оставляют ни рожек, ни ножек. Поделом ему, Николаю Ивановичу. Интеллигент, не ответит. Неопустится до спора с возражениями.

Лица, облечённые российской властью, всю дорогу вразумляют по российскому радио и телевидению, что коней на переправе не меняют. Иначе они, кони, то есть лица облечённые, убегут следом за коренником. А телега пусть гибнет. Вот вам и принципиальность, вот вам и боль за народ. Не хотите по-нашему – умоем руки. Используем святое право работника верхних эшелонов власти ни за что не отвечать.

А чего пугать и страшать? Как будто кто сомневается, что выборы за двадцать дней из одного разрекламированного претендента – никакая не лотерея, а игра в одни ворота? С заранее известным счётом.

Не скрою, когда в рядах ковдорской делегации, представлявшей местные Советы всех уровней, ехал в Мурманск на встречу с Председателем Верховного Совета РСФСР В. Н. Ельциным, я не причислял себя к сонму его беззаветных сторонников. Признавался уже, доверие к Борису Николаевичу несколько поколебали текст и подтекст его книги. Ехал, слушал, присматривался, сомневался. Может, чего не понимаю или недопонимаю.

Оказывается, один из самых рьяных ковдорских почитателей претендента № 1 свои пристрастия делит поровну между Ельциным и Кашпировским. Благодаря последнему у него шов на ноге разошёлся. Не верите? Он показал бы, наверное, если бы разговор зашёл не в ресторане во время обеда. Впрочем, не соответствующее для стриптиза место сторонника № 1 как раз не смутило.

В Мурманске, на подходе к Дворцу имени Кирова толпа сгушалась. Трёхцветные российские флаги цвели яркими пятнами. И лица, лица. То ли отрешённые, то ли ожидающие чуда с небес. Как на стадионах во время сеансов Кашпировского. Кажется, увидят кумира, прикоснутся к нему и тогда уже точно обойдутся без талонов да купонов, будут питаться одними воспоминаниями. Не иронизирую, отнюдь. Сам своими ушами слышал, как захлебывался от счастья пожилой мужик, мимо которого высокий гость проскользнул в машину.

Что правда, то правда: на подходах и в самом дворце, хватало лиц в форме и без, никаких таких эмоций не испытывающих. Они находились при исполнении и отвечали за порядок, профессионально прощупывая взглядом плащи и сумочки прохожих. Ещё на подступах. Давали от ворот поворот подозрительным машинам. Двум членам ковдорской делегации – места были расписаны заранее – пришлось искать себе пристанище в других рядах. Ибо два товарища, что сидели у прохода, явно не ковдорскими лицами, предъявили красные удостоверения.

О кандидатах, тем паче во время усечённой предвыборной кампании, по народной традиции принято говорить только хорошее. Вданном конкретном случае сам претендент № 1 освободил нас от принудительного ассортимента комплиментов. На пресс-конференции после последнего Съезда он сообщил, что у него сугубо деловая поездка, что ему важно собственными глазами увидеть. А на предвыборные игры жалко дорогого времени.

Полтора часа, отведённые на общение с избранным народом в лице депутатов всех уровней, пролетели быстро. Час претендент говорил, полчаса

отвечал на вопросы. И ещё пять минут – до и после – председатель областного Совета Ю. А. Евдокимов убеждал, как нам всем повезло, что Борис Николаевич выкроил время и лично посетил.

Областные газеты оперативно донесли до читателей изложение речи и встречи. Жаль, теперь не принято сопровождать отдельные репризы ремаркой про бурные аплодисменты. Они имели место. Не там, разумеется, где Борис Николаевич сообщил, что полки в мурманских и североморских магазинах не уступают общереспубликанскому стандарту. Когда же прозвучали слова о льготах в части использования в местных целях десяти процентов продукции, о разрешениях на выдачу лицензий для приграничной торговли на уровне областных организаций о квартирах для военных моряков – тут восторг взлетал под потолок. Ещё бы, претендент № 1 сам лично подписал документ. Десять минут тому назад.

Это потом, когда дошло до подробностей, узнали – из тех же областных газет, – что самостоятельность предприятий в смысле распоряжения десятипроцентной продукцией вступит в силу лишь с будущего года, что остальные бумаги (пока чернила на подписях не высохли) ещё придётся визировать в московских кабинетах.

Если нынешний визит был сугубо деловым, если претенденту некогда и неинтересно опускаться до предвыборной борьбы, то зачем же тогда начинать и заканчивать (классическая драматургическая рамка!) посулами в адрес северян? Вопросы, вопросы. Многие записки тоже остались без ответа. Например: «Помните ли Вы текст своего заявления о приёме в партию?».

Зал с удовлетворением принял заявление гостя о том, что они с Горбачёвым не такого уровня деятели, чтобы опускаться до сведения личных счётов. Однако резанула интонация, с какой глава высшего органа власти республики общается с Президентом страны. Не иначе, как учитель со школяром. В приказном да ультимативном порядке. Оппонентам в Верховном Совете ещё меньше повезло. Они для Председателя просто «шестёрки». И прочее, и прочее.

Волей-неволей закрадывалось сомнение, что Борис Николаевич не столько председательствует с неограниченными полномочиями, сколько, говоря словами А. Т. Твардовского, возглавляет «комитет по делам перестройки вечной». Тут тебе и немедленная деполитизация армии и милиции, да грядущие осенью выборы мэров всех уровней, тут тебе и укрепление исполнительности на местах посредством назначения уполномоченных из центра. Когда при такой бурной деятельности заниматься прозой: пахать, сеять, строить – уму непостижимо.

Не излагаю предвыборную программу претендента. Она – в решениях последних Съездов народных депутатов РСФСР, в практических шагах по установлению экономических связей между республиками обновленного Союза и между бывшими нашими союзниками по соцлагерю, в предоставлении большей самостоятельности на местах. Не ясно лишь, как обеспечить благие начинания. Ломать до основания – понятно. А что взамен? А взамен, если отбросить демагогический туман, – ещё большая централизация, всё меньше

поддающаяся контролю. Это мой вывод, не навязываю. Просто вывел его для себя из текста выступления высокого гостя. Автор одной из записок спросил Бориса Николаевича: «Как же так, вы поднялись на волне борьбы против привилегий, а сами поощряете привилегии для депутатского корпуса, который возглавляете?»».

Ответил:

– Вы не имеете представления, какими привилегиями пользовались члены Политбюро.

И сорвал аплодисменты.

Это потом начинаешь сопоставлять: в ареопаге непогрешимых, в Политбюро, вместе с секретарями – от силы человек пятнадцать, а в Верховном Совете РСФСР – около полутора тысяч депутатов. Соотношение один к ста. Да ещё враз, а не постепенно избранных. И тут же облаканных льготами.

Не буду больше о различиях. Они на каждом шагу.

Чем сличать да сопоставлять, проще поверить в чудодейственную силу Кашпировского. Сестру телевизора, впереться взглядом в кумира и отключиться от будничных забот. Побалдел час – и выздоровел. Без всяких усилий.

Представители высших эшелонов власти Российской Федерации, не стесняясь, стригут дивиденды, фотографируясь на фоне икон. Перед телекамерами, ручкаются, как говорят на Украине, с протоиреями, имамами и буддийскими монахами. А как с библейской прописью – не сотвори себе кумира – как с нею быть? Или нам привычнее млеть от лицемерия на асфальте следа, оставленного штиблетой претендента № 1?

Страна полгода – по нарастающей – возмущалась цензорскими замашками нового руководителя Центрального телевидения. В мае РСФСР завладела, наконец, вторым каналом. И что же? Сразу же мутный поток брани обрушился на головы остальных претендентов. Зато претендент № 1, выступает, как горный орёл под облаками. По непогрешимости приближается к достопамятному «отцу народов». Или к его китайскому коллеге, который в семьдесят лет переплывал Янцзы.

«Консервативная» первая программа ЦТ предоставила политическое убежище всем шести претендентам, ведёт с ними по очереди часовую беседу. Будем надеяться, что ЦТ удастся собрать вместе всех соискателей высокого поста Федерации за одним столом. Чтобы можно было сравнить да взвесить. Без эффекта Кашпировского да режиссёрской рати вокруг.

Кажется, Леонид Утёсов рассказывал о пароме, переправлявшем одесситов на другой берег лимана. Пассажиры забавлялись тем, что дружно переходили с правого борта на левый и наоборот. Доводя капитана до исступления. Но лиман-то мелкий, риска никакого. Одноудовольствие.

А сколько можно раскачивать корабль громадной страны? Перевернётся – не выплыть никому. Ни правым, ни левым. Всех поглотит воронка.

– Почему такая спешка, почему выборы Президент РСФСР назначены на 12 июня, а не осенью? – Записка из зала.

Борис Николаевич мгновенно отреагировал:

– Я уважаю законы, это решение Съезда народных депутатов РСФСР.

Не уверен, но догадываюсь, что точно так же Б. Н. Ельцин (ещё в ранге первого секретаря обкома партии или московского горкома) сначала рекомендовал, настаивал на решении возглавляемого им органа, а потом ссылался на его законность и требовал неукоснительного исполнения...

Как всё это до боли знакомо.

МАРШАЛЬСКИЙ ЖЕЗЛ СТАРШЕГО ЛЕЙТЕНАНТА (Киев, журнал «Радуга», прежнее название – «Советская Украина», № 8–9, 2002 г.)

*Давайте делать что-то
И, чёрт нас подери,
Поставим Дон-Кихота
Уму в поводыри...
Решай скорее, кто ты,
На чьей ты стороне...*

Борис Чичибабин

Бронебойная информация

В конце августа 1991-го мировую печать обошли снимки седого красавца, взобравшегося на танк, припаркованный к Дому Советов РСФСР. К Белому дому, как позднее здание это стали называть. Любопытно, композиция снимков до деталей копировала памятники Екатерине II: в центре и на возвышении – сама императрица, а по бокам и вокруг по нисходящей – фавориты и прочие птенцы её гнезда. Согласимся, танк в виде трибуны для провозглашения указов выглядел посolidнее, чем броневик в качестве фундамента тезисов, о которых нам столько говорили на уроках истории.

Ещё утром, когда по приказу деятелей из Государственного комитета по чрезвычайному положению лавины бронетехники запрудили улицы и площади Москвы, такой поворот событий представлялся чем-то из области фантастики. Какие баррикады? Пощёлкают как семечки и не поперхнутся. Зимой в Вильнюсе несколько танков оставили кровотокающий шрам, а тут не батальон – дивизии. На гусеницах да на колёсах.

Сценарий, разработанный ещё в начале века, предусматривал захват почты, телеграфа, вокзалов и прочих узловых зданий. Боевые машины выполнили первую часть поставленной задачи, блокировали Белый дом. Замерли, выключив двигатели. Зрачки пушек и пулемётов принялись ощупывать окна дома, уперлись во входы и выходы. Внезапно опустившаяся на площадь тишина наполнила ожидание зловещим предчувствием. Вот-вот бабахнут из всех стволов.

Сдвоенный хлопóк подошв о брусчатку разнёсся по площади, ударил по нервам. С головной машины прыгнул офицер, жестом приказал подчинён-

ным не следовать его примеру. Затянувшуюся паузу внезапно разорвали мегафоны защитников Белого дома.

Диктор чётким отстранённым голосом читал присланную из Киева распечатку событий вчерашнего дня, 19 августа. По часам и минутам. Некий старший лейтенант, дежуривший на командном пункте армии ПВО, зафиксировал приказы и сообщения, что транзитом проходили через Киев в Крым и обратно. Защитники баррикад убедились в правоте своего порыва. Президент страны не болен. Жив, здоров, но находится под арестом на даче. В заложниках у самозванцев, захвативших власть.

У людей, разбирающихся в тонкостях военной терминологии, не осталось сомнений относительно незаконных действий спецназа, десантников, связистов и т. д. Информацию подытожило звание и должность младшего офицера по фамилии Хрупало, её передавшего. Это как вторая подпись на мандате времён революции: «Секретарь такой-то». Подтверждение достоверности.

Командир колонны грохнул шлемофон о землю. Дикторы на мгновение прикусили язык, как бы давая ему слово. Майор произнёс фразу, достойную занять место в учебниках истории:

– Пацан, старший лейтенант, не побоялся, разоблачил самозванцев. А я – старый вояка – что? Своего мнения не имею? Преступные приказы отказываюсь выполнять!

Не исключено, что головная машина колонны, которую привёл к Белому дому майор, и попала пьедесталом в эпохальный снимок. Точнее не скажу, не очевидец тех событий. Они меня застали в маленьком городке за Полярным кругом на границе с Финляндией. В минуты, когда танкового майора вдохновил пример старшего лейтенанта, поезд привёз областную газету с моим отчётом: «...19 августа над Ковдором летал вертолёт, кружил, пока не выжрал всё горючее из баков. Его надоедливый храп – единственное, что привнесло нервозность в жизнь города. Хотя, конечно, теле- и радиосообщения из Москвы, перемежаемые классической музыкой, не настраивали на благодушный лад».

Далее следовали блицинтвью с жителями города, привожу самое характерное: «Такой неограниченной властью, какую сосредоточил в своих руках Государственный чрезвычайный комитет, обладала только Ставка Верховного главнокомандующего в Отечественную. Сумеют ли товарищи воспользоваться ею не в ущерб народу?.. Слова-то в Обращении правильные. Однако за последние шесть лет чего-чего, а недостатка в обещаниях да уверениях не испытывали...».

Обещание ГКЧП ввести в отдельных местностях чрезвычайное положение сроком на шесть месяцев казалось нам издали бумажным тигром. А по улицам в Москве громыхла бронетехника. Аргумент! Весьма и весьма наглядный. Ктознает, как бы всё повернулось, если бы старший лейтенант из Киева не снабдил защитников Белого дома бронебойной информацией. Спустя одиннадцать лет один из активных участников противостояния действиям ГКЧП, чья звезда до сих пор не закатилась на политическом небосклоне России, – Г. А. Сатаров, – почти слово в слово повторил мне по теле-

фону то, что сказал родителям старшего лейтенанта вскоре после подавления путча:

– Валентин здорово помог! Его сообщение транслировали громкоговорители у Белого дома, радиостанция «Эхо Москвы». Валентин помог разоблачить уловки «группы товарищей», пытавшихся захватить власть.

Закон обратных чисел

В шестидесятые годы прошлого столетия годовщина январского (1918 год) восстания на киевском заводе «Арсенал» отмечалась как самый главный праздник в Киеве и на Украине. Не было отбоя от начальствующих персон городского, областного и республиканского ранга, желавших лично прикоснуться к революционному прошлому и пожать руку оставшимся в живых боевикам. Это сейчас, после событий 11-го сентября 2001 года в Нью-Йорке, «боевик» и «террорист» – синонимы. А в те годы именоваться боевиком было едва ли не почётнее, чем носить на груди орден Красного Знамени УССР. После революции и такой орден одно время вручали.

Чем дальше восстание удалялось в историю, тем больше в президиуме и в первых рядах зала оказывалось его участников. Один из них изводил редакцию заводской многотиражки доносами, требовал опровержения четырёх строкам эпиграммы, написанной – можно уже раскрыть секрет – начальником 20-го цеха, а впоследствии, главным инженером завода Валентином Николаевичем Сахаровым:

Не знаю, как к боям,
А к почестям привык, –
Поскольку верит сам,
Что боевик.

Юмор ситуации в том, что фамилия обиженного отсутствовала в авторском посвящении. Это не мешало ему требовать персонального опровержения. Пишу не для того, чтобы задним числом назвать врагами народа участников арсенальского восстания против Центральной Рады. Те, кто нынче так считают, – опоздали. Большинство боевиков были этим клеймом отмечены «по указу от 37-го». В братоубийственной войне только правых и только виноватых не бывает. Участники событий по обе стороны баррикад – и палачи и жертвы одновременно. Понять и простить их можно. А судить? Не берусь.

С высоты сегодняшнего дня рост числа боевиков в годы Хрущёвской оттепели – обыкновенная заводская самодеятельность. Примазались к революционной славе ну пятьдесят, ну сто человек... Не то что теперь, когда от августовских событий 1991 года нас отделяют уже 11 лет. Или всего 11 лет. (Тут уж кто и как посмотрит.) На глазах разбухает отважное плечо, подтолкнувшее в пропасть машину тоталитаризма.

Нет, сии борцы себя не записывают в ряды сидевших за убеждения в психушках и тюрьмах, протестовавших против ввода танков в Чехословакию и

ввода «ограниченного контингента» в Афганистан. Ума хватило сообразить, что узкий круг диссидентов чётко очерчен.

На каком же основании они оказались после августовских событий у кормила и кормушки? Представляю, как иные из «столпов демократии» удивятся, узнав, что разгуливает без охраны человек, благодаря которому история не повернула вспять. События, если образно, обстояли так: горепожарные подключили шланги-рукава к ёмкостям с керосином и готовились дать залп из тысяч стволов по тлеющему пламени. Но старший лейтенант передал ногой магистральный рукав. На командном пункте тык-мык, а горючка не поступает...

Тем, кто оборонял баррикады у Белого дома в Москве, было легче. Они чувствовали локоть друг друга. А каково было нашему старлею на командном пункте армии войск противовоздушной обороны? Мечутся зловещие приказы и команды. И надо, как учил поэт Борис Чичибабин, что-то делать. Не успеешь – опоздаешь навсегда. Старший лейтенант решил и решился. По совести, поступил. Не по лжи.

Как по-писаному

Споры-разговоры о том, дескать, что литература возвышает да укрепляет дух, – обойдутся без нашего участия. Нет прямых переключек между штудированием на уроках, скажем, образа Татьяны Лариной и сухим остатком в головах учеников. Однако для многих и многих чтение стало синонимом приятных и глубоких открытий. Нашему герою повезло – родители дружили с живым классиком, с поэтом Борисом Алексеевичем Чичибабиным. С дядей Борей. До сих пор Валентин смотрит на мир сквозь призму его поэзии. Страну, где родился и поначалу в школу ходил, называет не иначе как строкой из стихотворения Чичибабина – «моя медвяная Литва».

Личная библиотека Валентина началась с «Гаргантюа и Пантагрюэля» Франсуа Рабле в пересказах Николая Заболоцкого. Её в честь Нового, 1974 года, подарили Борис Алексеевич и его жена Лилия Семёновна. С пожеланиями быть здоровым, добрым и справедливым, как учит эта книга.

...Августовские события 91-го свалились на нашу голову под скрежет всеобщего дефицита. Полки продуктовых и промтоварных магазинов оголились до безобразия. Вход по карточкам-талонам, как в войну. Реальная и номинальная стоимости разбежались по сторонам. Зато читалось вдоволь. Сотысячными и миллионными тиражами публиковались произведения, на которые прежде в спецхранах одним глазом не разрешалось взглянуть. Этот пир и, если хотите, обжорство души как-то заштриховали давнее понятие «читать газету», что на языке наших отцов и дедов означало «голодать». За обильной и разнообразной духовной пищей не очень замечалось, что в тарелках пусто.

Все годы считалось неприличным не прочесть роман или повесть, взволновавшие сослуживцев. Среди бестселлеров – «Остров Крым» Василия Аксёнова. Интерес к заокеанскому произведению автора «Апельсинов из Марокко» подогрела залповая критика со страниц «Правды» и «Комсомольской правды». Тут уж и ёжику понятно. Прозевал вступить в ряды трёх миллионов подписчиков журнала «Юность» – записывайся в очередь к соседу.

Сюжет в общем-то, хорошо знаком каждому бывшему пацану: фантазии на тему, а что было бы, если бы... Аксёнов представил, что Крым – остров, окружённый со всех сторон водой, и что на излёте гражданской войны корабль Антанты случайно помог Врангелю расколошматить армии Фрунзе.

Воображение писателя нарисовало красочную утопию. На острове установилась демократия западного образца со всеми ее притягательными признаками. Заводы выпускают вполне конкурентоспособную продукцию, хоть и под дореволюционными российскими марками. Например, автомобили «Руссо-балт». Граждане черноморского государства свободно разъезжают по всему миру. Им никто не препятствует, они знают по несколько языков. Ну и рестораны с магазинами. Видимо, постоянное присутствие на страницах торговых заведений, чьи полки и прилавки ломались от всевозможных товаров народного потребления, подвигло тогдашних блюстителей советской нравственности на обструкцию «Острова Крым».

Напрасно тревожились. Наш с вами собеседник прошёл мимо признаков материального достатка, не споткнулся от зависти. В его душу запало, что по всему острову установлены памятники лейтенанту английского флота Ричарду Бейли-Лэнду. Не «мрамор лейтенантов – фанерный монумент», – как писал поэт военного поколения, а бронзовые, гранитные и мраморные скульптуры. Главный праздник островного государства назывался Днем Лейтенанта. Его отмечали не менее торжественно и свято, чем День взятия Бастилии во Франции или День Независимости в США.

Старлей войск ПВО, как и положено уважающему себя офицеру, мечтал о маршальском жезле. Не без этого. Но памятники лейтенанту у него вызвали совсем другие ассоциации. Подобно большинству соотечественников он не представлял центральной площади населённого пункта или плаца военного городка без фигуры с протянутой правой рукой и с кепкой, зажатой в левой. Впрочем, возможны варианты. В деталях скульптуры. Нив коем случае не в персонификации самого «статуя», как говаривали во времена Гаврилы Романовича Державина.

Поступок (поначалу – проступок) лейтенанта флота Её величества заставил призадуматься. Незаметный винтик военной машины, сменный командир одной из башен главного калибра линейного корабля, меткими залпами направил течение истории в другое русло. Тщедушный лейтенантик то ли с похмелья, то ли по застенчивости оставшийся на борту линкора, загнал на боевые посты пушкарей и открыл огонь по наступавшим лавинам красных. Произошло то, чего в жизни не случилось...

Большинство произведений, хлынувших к читателям после снятия цензурских заград, протестовало против уподобления человека безропотному исполнительному винтику. Впрочем, наш-то старлей, электронщик по базовому образованию, прекрасно понимал, что выпавший из гнезда винтик может машину остановить. А то и вывести из строя.

Не будем списывать поступки героя лишь на счёт литературных примеров для подражания. К двадцати шести годам человек обрывает собственным опытом. Опять же, офицер был каким-то краем причастен к событию, став-

шему в некотором роде визитной карточкой перестроечного периода. С его неразберихой и судорожными поисками виноватых.

«Руст приземлился на Красной площади.

Взлетел маршал Соколов!»

В 1987 году мне выпала семейная путевка в Международный дом отдыха журналистов на озере Балатон. Перед отъездом нас инструктировали: как себя вести за границей и где обменивать рубли на форинты. Слушали в пол-уха. Насбольше занимал воздушный хулиган, умудрившийся приземлиться на Красной площади. До поезда оставалась куча времени, всем кагалом поехали смотреть на нарушителя конвенции. Но самолётик уволокли ещё утром.

В Будапешт прибыли с рассветом, накупили местных газет. Встречала нас симпатичная представительница трёхзвёздочного журналистского дома отдыха. Она любезно перевела аршинные заголовки с первых страниц. В разных вариантах повторялась одна и та же острота, вынесенная в заголовок этой главки – о судьбе министра обороны СССР.

Герой знаменитого довоенного фильма пролетел под мостом. Кадр длился несколько экранных секунд, но растревожил и запомнился многим поколениям зрителей. А тут не в кино, наяву человек пронизал полстраны, проскочил сквозь рогатки противовоздушной обороны. И когда? Короткой майской ночью. Не сбился с курса, не свернул себе шею на малой высоте.

Часов за двенадцать до переполоха на Красной площади лейтенант Хрупало имел о самолёте Руста почти полное представление. Только год, как свежеиспечённый выпускник Киевского высшего инженерного радиотехнического училища прибыл по предписанию в таллиннскую дивизию ПВО. Боевой пост ему определили на командном пункте дивизии. Лейтенант отвечал за передачу и документирование информации, следил за исправностью оборудования. Дежурство, а оно совпало с Днем пограничника, перевалило экватор. Вдруг от радиотехнического подразделения на мысе Локсапоступило сообщение о появлении воздушной отметки. Затем дозор погранотряда услышал со стороны моря шум легкомоторного самолёта. Самолёт пересёк береговую полосу и направился вглубь территории.

Передаю слово нашему собеседнику:

– Самолёт Матиаса Руста засекли радары, когда он находился в 25 километрах от государственной границы. Лётчик шёл на предельно малой высоте, но самое современное на то время цифровое оборудование станции позволило более-менее точно идентифицировать цель. Для самолёта скорость не-большая, вполне сопоставимая со скоростью полёта косяка птиц. Но отличия всё же имелись. По инстанциям ушёл доклад, что обнаружена именно цель.

Ах, этот военный жаргон! Когда-то довелось поплавать с морскими пограничниками вдоль Южного берега Крыма. Намалом морском охотнике, на «мошке». Интересные кораблики. Огней не зажигали, встречные-поперечные суда по первому сигналу докладывали им: кто такие, куда и зачем идут. Каждой «мошкой» командовал триумвират (командир, помощник, механик) из «пятнадцатилетних» капитанов. Вернее – капитан-лейтенантов. Габариты судёнышка не позволяли расти в звании. Вот и служили офицеры, чуть ли не по пятнадцать лет на посудинах, вооружённых крупнокалиберным пулемётом да пушечкой. До увольнения в запас.

Сидим, ужинаем, «травим» на футбольные темы. Рулевой спокойно докладывает:

– Командир, вижу цель.

Влетаю в рубку и глазам не верю. Навстречу движется ярко иллюминированная ёлка. Праздничная, в кружевах весёлой музыки. Прошу у рулевого его «очки» (бинокль) и читаю разборчивую надпись на борту. «Иван Франко»! Пассажирский теплоход, одно из самых престижных судов Черноморского пароходства. Билеты заказывают, чуть ли не за год вперед – такой вокруг этой посудины, её кают и умопомрачительного буфета творился ажиотаж. И на тебе! Для военных – всего лишь цель.

Вернёмся на командный пункт дивизии ПВО. Нарушителя полчаса вели как боевую цель. Никакая не стая перелётных птиц, направляющаяся на летние квартиры. Самолёт! Чужой самолёт. Оперативный дежурный дивизии передал свои заключения по команде. Авиации ПВО не составляло труда прижать нарушителя к ногтю. Зенитчики вообще обошлись бы одним пуском. Легкомоторный самолёт тупо нарывается на неприятности, и он их получит!

Комдив и его свита связались с КП Ленинградской армии ПВО и терпеливо ждали указаний. Как не оглядываться на начальство, когда свежи в памяти разборки после недавнего ЧП на Дальнем Востоке, где стражи нерушимых советских границ сбили пассажирский «Боинг» южнокорейской авиакомпании. Экипаж лайнера отклонился от своего коридора и тем самым вырыл себе и сотням пассажиров могилу в океане. В штабах ПВО прекрасно знали, что, к чему и почему так произошло.

Ещё один инцидент, вероятность получить тем же концом по тому же месту никому из старших офицеров не улыбалась. Они старательно передавали по цепочке сведения о нарушителе. В тайной надежде, что вышестоящий начальник возьмёт на себя ответственность.

Пока суд да дело, с аэродромов ПВО, расположенных в Эстонии, взлетели две пары МИГов-23. Темнело. Скорее – серело. В конце мая в тех широтах наступают если не белые, то серые ночи. Видимости никак не прибавляя. Опять же минимальная скорость истребителя этого класса – 450–500 км – вчетверо превышала скорость самолётанарушителя. И нижний предел допустимой высоты не сравнить. Однако летуны свою работу знали. В просвете между облаками лётчик увидел самолёт западного производства «Сессна» без опознавательных знаков и с голубой полосой на борту. Нырнул под обла-

ка, сбоку на высоте 100 метров вновь зафиксировал нарушителя. Доложил отцам-командирам. Немедля на связь с МИГом вышел оперативный дежурный армии:

– Ты точно видел самолёт?

– Так точно, видел!

После посадки глазастого лётчика разыскали на аэродроме и попытались по радио втолковать:

– Что ты... голову морочишь! Это были гуси! Стая гусей.

– Никак нет, – стоял на своем упрямец, – я видел самолёт!

Низкая облачность, дождь не позволили МИГам соседнего объединения подтвердить информацию. Да и Руст не дремал. Пошёл над Ладожским озером на бреющем, исчез с экранов радаров. За погранзоной стояли устаревшие, менее чувствительные станции слежения. Потеряли нарушителя.

Переполох сошёл на нет. Команды удвоить бдительность не последовало. Нарушитель спокойно, как на заре воздухоплавания, ориентировался по артериям железных дорог. И так по шпалам добрался до намеченной цели.

На ночь ничего лучше лозунга «Спокойствие, только спокойствие!» – не придумаешь. Дескать, перебдели защитники западных рубежей в честь праздника пограничников, приняли стаю диких гусей за самолёт. Никакая хваленая «Сессна» не пролетит такое расстояние без дозаправки. Явно – гуси. Нечего морочить голову. С паникёрами утром разберёмся.

Утром самолёт Руста попрыгал по брусчатке Красной площади и погасил скорость, заложив крутой вираж под пустыми бойницами крепостной стены Кремля. В тот момент лётчик ещё не знал, не ведал, что гуси, которые по легенде спасли когда-то Рим, записали на свой счёт ещё один подвиг. Виртуальный.

Нарушитель заглушил мотор. Ав штабах армий и округов грянул гром и за сверкали молнии, имея целью вывести на свет виновника позора противовоздушной обороны великой страны. Отдыхать личному составу, дежурившему на КП таллиннской дивизии, не пришлось. Вслед за грозными звонками явились облачённые полномочиями визитеры. Нашему лейтенанту и его начальнику, отвечавшим за аппаратуру, что фиксирует информацию на бумаге, магнитной ленте и прочих носителях, пришлось трудиться в поте лица. Они снова и снова наносили на карту засечки цели и к концу дня выдали заказчикам 19 (девятнадцать!) экземпляров документов.

Все девятнадцать неопровержимых доказательств не отвели беду от оперативного дежурного по дивизии и его помощника. Подполковнику и майору предъявили обвинение в халатности на боевом дежурстве. Статья более чем суровая для военного человека. Обоих арестовали и препроводили в следственный изолятор.

Далее рассказ нашего героя несколько расходится с информацией, почерпнутой из других источников. Доводилось читать, что военный трибунал осудил офицеров на шадящие сроки, но подоспевшая амнистия по случаю 70-летия Великой Октябрьской революции (не ей ли Руст посвятил свой полет?)

скостила сроки пребывания за решёткой и оба стрелочника оказались на воле.

Из рассказа непосредственного свидетеля вытекает, что до трибунала дело не дошло. Офицеры части возмутились несправедливым арестом и послали коллективный протест в эстонские республиканские партийные органы. Большинство подписало письмо, хотя под ногами постоянно вертелся бледный замполит. Всё-таки на дворе стояла Перестройка с её гласностью.

Так или иначе, но оба офицера вскоре оказались на свободе. Однако у лейтенанта осталась зарубка на сердце: сложно оправдаться подчинённому, если он назначен виновным. Прав низложенный классик: чтобы потом не было мучительно больно, умей вовремя принимать решения. Не будь бараном, готовым на закланье. Всегда найдутся желающие пожертвовать пешкой, чтобы сохранить фигуру. Свою. И вообще, если тебе на себя плевать, то и другому хочется – верно шутили вновь разрешённые кавээнщики.

Рябь «Лебединого озера»

А через год после приезда к новому месту назначения наш герой снова попал в эпицентр событий. Воистину исторических. Вначале и здесь не обошлось без литературной аналогии – с повестью Александра Куприна. В «Поединке» один из офицеров заштатного гарнизона готовился поступить в военную академию. Старший лейтенант Хрупало Валентин Олегович тоже подал рапорт о поступлении в адъюнктуру родного училища – КВИРТУ. Чтоб знаний поднабраться и жить поближе к родителям. Но адъюнктов в училище не ставили на квартирный учёт. А если служить на командном пункте армии, тогда жилплощадь как-никак светит.

... Старлей заступил на боевое дежурство утром 19 августа 1991-года. (Распросить бы астрологов или каких других приверженцев магии, что означает столкновение на площадке одного дня трёх единиц и трёх девяток?) Ехать на службу чуть ли не через весь город – часа полтора. Чтобы не тревожить домашних, радио не включал. В транспорте ничего необычного не заметил. Люди досыпали, кто стоя, кто сидя.

Офицер, которого сменял, встретил вопросом:

– Почему заявился без красных флажков?

– Какие флажки? Принимать на грудь надо не до рыбалки, а во время или после...

– Так в стране переворот!

– Шутить, братцыкролики, изволите?

– Поверни голову, парень, убедись!

В оперативном зале вопреки инструкции, запрещающей отвлекаться на постороннюю информацию, подмигивал экран телевизора. Диктор металлическим голосом читал обращение к народу Государственного комитета по чрезвычайному положению. Через строчку – призывы сохранять спокойствие и обещания в считанные месяцы поднять покупательную способность населения да развить демократию. Диктора сменил квартет маленьких лебедей вместе с остальными действующими лицами балета «Лебединое озеро». Глядь, на бере-

гу озера вырисовывался президиум. Группа товарищей, сдерживая трясущиеся руки, что-то пыталась объяснить и обосновать.

Неужели гражданская война? Мало им Карабаха, Тбилиси и Вильнюса! Всю страну решили кровью залить?

Мыс вами, подключённые к официальным источникам информации, отнюдь не сразу догадались и поняли подоплёку событий 19 августа. Говорю о первых часах того утра, а не о реакции «провидцев» спустя месяцы и годы. Глядя теперь на их стройные и монолитные ряды, невольно засомневаешься: и чего было опасаться и переживать, когда все поголовно были против переворота.

Глубоко под землю на командный пункт армии ПВО никакие дуновения и звуки с поверхности не проникают. Рутинное дежурство, наполненное сдержанным гулом аппаратуры. Но от приказов и команд, фиксируемых приборами, погоны у дежурного персонала вставали дыбом. Казалось, кондиционеры наполняли помещение не очищенным воздухом, а пороховым дымом. Весёлая блондинка-журналистка, донимавшая на пресс-конференции косноязычных гэкачепистов вопросами, ещё могла думать, что перед нею солисты заштатной оперетки. Офицеры на КП всю серьёзность положения уяснили с первых команд. Другое дело, виду не подавали. С Системой лучше не связываться. Сиди и молча, выполняй свои служебные обязанности. А если тебе померещилось, будто члены самозванного комитета наведут, наконец, порядок в стране, – тогда выполняй свои обязанности с удовольствием.

В 8.00, не успев старший лейтенант занять штатное место, прошёл приказ министра обороны маршала Язова о приведении войск в боевую готовность. Если кто не догадывается, что такой приказ означает, раскройте историю Великой Отечественной. Приказ по сухопутным войскам о полной боевой готовности поступил тогда, когда гитлеровские войска смяли заслоны пограничников и продвинулись на десятки километров вглубь нашей территории. Своевременно, то есть за сутки до вторжения, такой приказ был отправлен лишь на военно-морские базы наркомом Кузнецовым, что позволило флотам и флотилиям выйти из первых столкновений почти без потерь.

В 8.10 штаб ПВО страны отстучал приказ начальнику Бельбекского аэродрома: перекрыть двумя тягачами взлетно-посадочную полосу и обеспечить экипаж тягачей средствами радиосвязи.

Уж кому-кому, а офицерам командного пункта армии ПВО хорошо известно, что в Бельбеке пришвартован президентский Ту-134, начинённый аппаратурой спецсвязи и аппаратурой управления ракетами стратегического назначения. Они состыкованы с тем самым «чёрным чемоданчиком».

Следом поступил приказ заблокировать МИ-8 – личный вертолёт Горбачёва. Одним махом главу страны отсекали от средств связи и передвижения. Лишили, если провести историческую параллель, короны, скипетра и державы. Атрибутов и орудий власти. Мало того, ещё с 4 часов утра президентскую дачу на мысе Сарыч окружил севастопольский спецназ с объявлением режима «неподлёта, неподъезда и неподплыва». 16 кораблей Черноморского флота перекрыли подходы с моря.

Беседуем мы с бывшим старшим лейтенантом о событиях одиннадцатилетней давности. Тем временем новостные блоки телеканалов сообщали о трагедии в небе над Южной Германией. По вине швейцарских диспетчеров на высоте десять тысяч метров над землёй столкнулись пассажирский и почтовый самолёты. Картинки разбросанных по полям обломков перемежались съёмками внутри помещения авиадиспетчеров. А там – экраны радаров, компьютеров, бегущие строки. Чтобы полнее представить себе обстановку на командном пункте армии ПВО, я несколько раз спрашивал собеседника: напоминает КП авиадиспетчерскую и чем?

– Да, – отвечал военный инженер-радиолокаторщик, – внешне помещения смахивают друг на друга.

– А приборов и обслуживающего персонала на КП больше?

– Возможно, больше.

– Или меньше?

– Возможно, меньше.

Надо же, одиннадцать лет, как человек уволился из армии, а тайны, которые дал подписку не разглашать, из него клещами не вытащить.

...Наряду со зловещими приказами ГКЧП через командный пункт армии в обратном направлении шли сообщения, явно противоречащие объяснениям «группы товарищей» о тяжёлой болезни президента. «Больной» не подозревает о плачевном состоянии своего здоровья. С самого рання размялся на берегу и поплавал.

Что в такой ситуации мог предпринять старший лейтенант, присягнувший на верность народу и президенту? Офицер, чуть ли не самый младший на командном пункте армии, как по возрасту, так и по званию. Даже не член партии. Он стал записывать в личную тетрадь проходящие по линиям связи команды. Минута за минутой. Ещё не решив, как этими записями воспользоваться. Но отлично представляя: в случае обнаружения по головке не поглядят.

Главный штаб ПВО не переставал интересоваться президентскими летательными аппаратами. В 10.42, в 10.55, в 11.05... И так до самого вечера, пока МИ-8 не отогнали в Симферополь, а ТУ-134 – во Внуково. Инструкция строго предписывает во время стоянки снимать аппаратуру спецсвязи с президентского самолёта. Погружают её за час до того, как глава государства поднимется по трапу.

Самолёт вместе с аппаратурой управления ядерным арсеналом улетел без президента. И вновь информация из центра управления ПВО. Заказанный Горбачёвым накануне для возвращения в Москву «трёхэшелонник» – спецрейс со специальным режимом сопровождения – в оговорённое время в Бельбек не прилетит. Когда прилетит – неизвестно.

15.10. Оживлённые переговоры между генералами. Дословно: «Пресечены попытки окружения бывшего президента прорваться к Горбачёву. В случае возобновления подобных попыток, в частности, в районе Фороса, всех задерживать и передавать службам КГБ».

Во второй половине дня путчисты всё чаще обращали свой взор на другие точки на карте. Поступил приказ привести в готовность под Запорожьем десять военно-транспортных самолётов Ил-76 для отправки десанта в Волгоград. Дабы показать тамошним властям и гарнизону, кто в стране хозяин.

Дальше – больше. Между 18.10 и 18.40 в Борисполе приземлились 12 транспортных бортов с десантниками из-под Бреста – в качестве подтверждения широких полномочий генерала армии Варенникова. Он ещё утром прибыл в Киев, но к его удивлению на улицах всё было спокойно. Заготовленный заранее приказ № 1 – «Взять под охрану хозяйственные и административные центры» – применять не пришлось. Надо думать, десантники орудовали бы не только сапёрными лопатками, как в Тбилиси. Обошлось.

Пока обошлось. А что случится через час или три? Вот уже командующий войсками ПВО приказал перевести на боевое дежурство подразделения радиотехнических войск. Они в мирное время к боевой работе не привлекаются...

Тайное и явное

Тетрадь с хроникой тайных событий первого дня военного переворота убеждала: танки и бронетранспортеры на улицах Москвы – всего лишь прелюдия. Хотя в Киеве спокойно и солнечно, но ведь даже снег (по тонкому наблюдению председателя Верховного Совета УССР Кравчука), стоит ему выпасть в Москве, – через три дня доберётся до Киева. Если кровавая метель выйдет из-под контроля, её не остановить, пока она сама не захлебнётся в братоубийственном месиве.

Валентин не притронулся к еде. Попросил отчима дать телефон давнего друга семьи Г. А. Сатарова. Лет пятнадцать тому назад этот молодой московский учёный вместе с отчимом занимался вопросами профессионального отбора претендентов на учёбу в военные училища. С тех пор дружат. Семьями. Запрещённые песни Галича и других бардов Валентин впервые услышал в его исполнении.

У мамы, как у женщины, был несколько другой взгляд на вещи. Она никак не могла взять в толк, почему это в трёхкомнатной квартире Сатаровых, что в московских Черёмушках, краны на кухне и в ванной текут, а хозяин считает это пустяком, не стоящим внимания... Но, когда касается принципиальных вопросов, на Георгия Александровича можно положиться. В этом и мать, и отчим уверены. Да и тетрадка – по части Сатарова, возглавляющего общественно-политический фонд «Информатика для демократии» («Индем»).

Звонить Сатарову или нет? Отчим, боевой офицер, не потерявший в запасе военной выправки, спросил:

– Ты понимаешь, что натворил? Уже натворил. Тем, что переписал и вынес с КП секретные материалы? Ты за это можешь дорого поплатиться. Твоя военная карьера, считай, загублена. Зина, что молчишь, скажи ему!

Зинаида Дмитриевна повела себя, как учительница на экзамене. Поплакала потом, чтобы ни муж, ни сын не видели. Учительская профессия вьелась в плоть и кровь, демонстрировать свои слабости вне педсовета не приучена:

– Как я могу влиять, он взрослый человек, сам отец семейства. Если считает нужным так поступить – значит, ему виднее.

– Ты ещё скажи, что это – поступок человека, который болеет за свою страну! Дон-Кихот выискался! В нынешнем хаосе голова с плеч слетит, заметить не успеешь. А что из армии выпрут – тут без вопросов.

Как в воду смотрел.

... Георгий Александрович не удивился звонку, понял с полуслова.

Но попросил перезвонить Сергею Станкевичу, в Белый дом.

(Уроженец и воспитанник Украины, Станкевич, не потерялся в Москве. Его знания и способности пригодились ко двору. А что в какой-то период попал в опалу и вынужден был скрываться в Польше, так с честными и открытыми людьми чаще всего такое случается. Думается, на родине Станкевич тоже пригодился бы. Как-то в газету, где я тогда работал, пришла одноклассница Станкевича, принесла материал с красноречивым названием «Не верю!». Но хозяева газеты не позволили напечатать. Не приняли материал и в других киевских редакциях. Мало ли уроженцев Киева и воспитанников школ с Соломенки разбрелось по свету? О каждом «отработанном материале» писать прикажете! Извините, понимаю, не к месту, просто к слову вспомнилось.)

Через пару часов, когда перепроверка сведений по другим каналам подтвердила правильность информации, из Москвы перезвонили совсем другим голосом, попросили уточнить некоторые цифры и фамилии. Обратились по имени-отчеству – Валентин Олегович. Ага, сделал вывод самостоятельный Штирлиц, глубоко успели копнуть. В разговоре со Станкевичем представился старшим лейтенантом Хрупало, без всяких инициалов.

Сообщение из Киева документально и убедительно опровергло официальные сведения, будто Горбачёв тяжело болен и лежит в реанимации. Он жив-здоров, но находится под арестом. Разницу между беспамятством и тюрьмой в наших широтах объяснять не надо. Почти каждый, если не сам столкнулся, так родственники или знакомые эти университеты проходили. В двадцатые, тридцатые, пятидесятые, семидесятые годы.

Концентрированная информация пробила брешь в наступающих порядках. Заколебалась надежда и опора заговорщиков – армия. Повинуясь приказу, она вывела боевую технику на улицы Москвы. Но ведь присягала народу и Президенту... Народ не в восторге от манёвров под окнами, а Президент арестован. Волей-неволей стоишь перед выбором. А сомневающийся солдат – уже не солдат.

В мои намерения не входило сравнивать поступок лейтенанта БейлиЛенда с действиями старшего лейтенанта Хрупало. Хотя, говоря красиво, а красиво в данном случае говорить хочется, нашего героя вели боль и переживания за родину. Англичанина, придуманного писателем Аксёновым, подтолкнуло простое любопытство. Валентин Олегович – человек глубоко послевоенного поколения, а всё равно не только из кастрированных учебников знал, к чему ведёт братоубийственная война. Одно то, что, в отличие от Ричарда с двойной фамилией, Валентин дальше дедов по обеим линиям в своей родословной никого не знал, – более чем красноречивое свидетельство. Как будто его

предки не жили на этой земле тысячу лет, а спустились с Марса после революции 1917 года – точки отсчёта «всех наших побед».

Двое суток между дежурствами прошли у радиоприёмника да телевизора. Вдохновители переворота лихорадочно искали пути к отступлению. Хотели, очень хотели, сохранить лицо. И должности. Тем не менее, когда 22 августа старший лейтенант переступил порог КП, воздух в помещении был всё тем же – наэлектризованным переворотом.

По гражданским каналам пришло сообщение, что к полету в Крым, к Горбачеву, готовится Ту-134. С Руцким (вице-президент РСФСР), Силаевым (пред. Совмина РСФСР), Бакатиным (член президентского Совета СССР) и с группой народных депутатов СССР на борту. Обычно гражданским самолетам пэвэошники присваивают какую-нибудь литеру и под ней их ведут.

Ту-134 ещё не вырулил на взлётную полосу, а уже значится в документах под боевым номером. Как нарушитель границы или какой другой подозрительный объект. Боевым номером оперативный дежурный на КП таллиннской дивизии обозначил самолёт Руста. Не его вина, что на каком-то из этапов командной цепочки посчитали, что это всего лишь стая гусей. Боевой номер позволяет в любой момент уничтожить подозрительную цель.

Два с хвостиком часа, или сколько там освободители Горбачёва летели из Внуково в Бельбек, самолёт каждую секунду находился под прицелом смертоносной техники и вполне мог разделить судьбу лайнера, что рухнул в море за островом Сахалин. Не исключено, экипаж и пассажиры самолёта догадывались о такой возможности. Но и они не могли предвидеть приказа, поступившего командиру бельбекского полка Нецветаеву.

Подполковнику прямым текстом предписывалось выставить на взлётную полосу в Бельбеке прожекторные установки и ослепить лётчиков, заходящих на посадку. Офицер Нецветаев (что-то не встречалась фамилия этого человека в реляциях победившей демократии) отказался выполнить преступный приказ. Двумя днями ранее он несколько часов саботировал исполнение команды по блокированию президентского самолёта. Двумя днями позднее – не откликнулся на звонки генералов, спешно пытавшихся замести следы. Интересно бы узнать, как в дальнейшем сложилась судьба этого офицера? Кто-нибудь из нынешних властей предрежащих ему хотя бы сказал спасибо?

(После публикации газетного варианта очерка настырные телевизионщики через Министерство обороны Украины разыскали телефон Сергея Геннадьевича Нецветаева. Слухи о том, что он давно генерал и служит в вооружённых силах России, не подтвердились. Как жил, так и продолжает жить в Севастополе. Единственное, с чем нашего офицера можно поздравить, так это с присвоением очередного звания. Ещё в 1993 году. Но третья полновесная звезда на погонах скорее смахивает на подслащённую пилюлю. Одновременно с нею 37-летнего полковника уволили в запас. Даже сейчас, в 46 лет, если бы остался служить, Сергей Геннадьевич не считался бы переростком среди полковников. Но, видимо, люди, умеющие принимать решения и брать ответственность на себя, бывают востребованы лишь в переломные моменты истории.

Не стал сыпать соль на раны, не повторил вслух вопросы, что роились в голове. Спросил лишь:

– Среди ваших наград есть награды независимой Украины или Российской Федерации?

– Нет).

... На этот раз старший лейтенант связался со Станкевичем, не отходя от своего служебного стола. Обстановка на КП позволила. В посыпавшихся из Москвы приказах команда «отбой» преобладала над всеми остальными. Разжатую было пружину, вновь поставили на место, где ей положено быть по штату мирного времени.

Ещё через два дня, 25 августа, разные начальники из Москвы то и дело требовали на связь подполковника Нецветаева. Час, второй, третий. На четвёртый поступил окончательный отбой. Вместе с сообщением о поголовной смене руководства войсками ПВО. Но уже минут через пятьдесят после кадрового землетрясения с самой верхотуры пришло строжайшее предписание: изъять оперативные журналы и заменить новыми—закончились страницы или нет! В переводе на понятный язык – прячем концы в воду.

Роковые минуты истории позади. Наступила пора выяснений, кто истинный патриот, а кто прикидывается. Личная тетрадка старшего лейтенанта Хрупало обернулась сборником компромата. В Киев командировали корреспондента прогрессивной на то время газеты «Мегаполис-экспресс» Юрия Радченко (может быть, псевдоним, но такая подпись стоит под материалом, опубликованным на 9 странице 41-го номера газеты, вышедшей в сентябре 1991 года). Материал почти целиком состоял из записей Валентина Хрупало на КП от 19, 22 и 25 августа. Записи по замыслу редакции были призваны обосновать вывод, набранный в конце материала полужирным шрифтом: *«высокопоставленные военные, нынче заявляющие о своей поддержке законного правительства СССР, далеко не так наивны, как может показаться из официального интервью»*. И ещё: *«...подготовка к путчу началась ещё в апреле-мае, когда бурно активизировалось строительство именно в районе мыса Сарыч»*.

Судьба старшего лейтенанта, поспособствовавшего в меру сил и возможностей предотвращению путча, московскую газету и газетчика, по всей видимости, мало интересовала. Валентина к тому времени отстранили от дежурств. Домашние запроторили его на дачу: сиди и не высывайся. Когда генералы дерутся, – перефразируем добрую украинскую поговорку, – у лейтенанта одна возможность сберечь свой чуб: исчезнуть с глаз долой. Копать на даче картошку.

Честь имею!

Легко задним числом утешать себя. Совесть чиста, и это главное. А если бы карты легли иначе и путч восторжествовал? То есть, имел ли старший лейтенант право рисковать спокойной старостью родителей, будущим жены и дочери?

Вычислить ведьму в своём коллективе особистам не составило бы труда. Продвинутое средство связи не даёт гарантию, что разговор между двумя обойдётся без ушей третьего. А тут и очных ставок делать не надо. Сам, наглец, подтвердил, не постеснялся. В газете рассекретил служебную тайну. Тучи над головой старшего лейтенанта нависли мрачные. Отстранение от дежурств вкупе с запретом появляться на территории части – только начало.

Примерно та же история, только с точностью до наоборот, происходила в перестроечные годы с диссидентами, осуждёнными «за клевету на советскую власть». Книжки, за распространение которых они мотали сроки, наводнили прилавки магазинов, а «злостные клеветники» продолжали сидеть... Руководители путча и их подручные морально и в административном порядке преданы анафеме. А человеку, противодействовавшему антиконституционным приказам, грозит расправа.

За что мы любим свою родину, так это за то, что в ней ничего не меняется. Статья, по которой ты виноват, всегда найдётся.

Тягомотный разговор с военным прокурором, дескать, почему сын не является на беседу, перебил межгород, звонок из Москвы. Сергей Станкевич от имени Президента РСФСР и от себя лично поблагодарил Зинаиду Дмитриевну за воспитание такого сына.

– Старший лейтенант Хрупало сделал великое дело, и если бы не он...

Почти такими же словами начали разговор посланцы новоиспечённого председателя КГБ Бакатина. Их специально командировали для встречи со старшим лейтенантом Хрупало. Он как на грех отсутствует. Но гости есть гости. Пока Зинаида Дмитриевна их потчевала своими знаменитыми жареными-пареными овощами с мясом, кофе с ними попивала, Александр Александрович привёз Валентина из-под Кагарлыка, с дачи.

Люди в штатском с места в карьер сообщили Валентину Олеговичу, что такие храбрые и грамотные офицеры должны работать в органах. В переломные моменты это особенно важно и нужно. Просим взвесить и дать согласие.

У мамы – глаза на лоб, но смолчала. Валентин поблагодарил за доверие и заметил, что у него нет юридического образования, что он инженер не только по образованию, но и по духу. Люди в штатском попросили разрешения перезвонить. Или ещё напроситься в гости.

Их опередил всё тот же Станкевич. Предложил перебраться в Москву и служить по основной специальности. Сергею проще было ему, киевлянину по рождению, объяснять, что обжитый Киев менять на Москву не хочется.

День за днём между молотом и наковальней. Уехать, хоть и с повышением, значит, косвенным образом расписаться в своей неправоте. И жить под постоянным прессом – сложновато.

Противно жаловаться, а пришлось. Всё тому же другу семьи Сатарову. Лишь после его вмешательства колесо приостановилось. Старшего лейтенанта Хрупало перестали вызывать на допросы. Подобревший и полюбезнивший офицер военной прокуратуры сообщил, что дело прекращено за отсутствием состава преступления. Привлекать к ответственности вроде бы не за что.

...Вот уже одиннадцать лет, как Валентин Олегович Хрупало сменил офицерский мундир на гражданский костюм. Стал сугубо штатским человеком, хотя с детства мечтало военной карьере. После восьмого класса поступил в Минское суворовское училище, окончил его среди лучших. Получил право выбирать военное училище. Выбрал КВИРТУ.

(В скобках замечу: никак не отделаться от впечатления, будто жизнь соткана из повторений. Попались на глаза воспоминания диссидента, харьковчанина Генриха Ованесовича Алтуняна. Прежде чем судить и осудить за инакомыслие, его исключили из партии и уволили из армии. К тому времени – майора и преподавателя военного училища. То есть, не зелёного юнца. Алтуняна тоже уволили из армии по служебному несоответствию, без выходного пособия. Никаких других поводов быстро избавиться от непокорных военные юристы за четверть века не придумали.)

Человеку предложили выбирать между круговой корпоративной порукой и честью офицера. Он выбрал единственно для себя возможное. Не торговался и не сомневался. Сказал: «Честь имею!» и не отступился.

Уволили из армии «по служебному несоответствию».

Тот случай, когда экзекуция – превыше ордена. Или внеочередного звания. Было, есть и будет: инициатива – наказуема. А уж если из благородных побуждений – наказуема неизбежно.

Памятник при жизни не поставили, как тому литературному герою, – не беда. Какие его годы! Ещё будет иметь возможность проявить себя. Позор «служебного несоответствия» зарубцуется. Мужчин, говорят, шрамы украшают.

Ну а что случилось бы с нашей страной и её соседями, когда бы одиннадцать лет назад старший лейтенант Хрупало не встал на пути заговорщиков – читатель сам может домыслить. Чуток воображения, и вырисуются такие картины да эпизоды, которые писателю Аксёнову (в одиннадцатую годовщину путча отметившего свое 70-летие), может, в страшном сне не приснятся.

За одиннадцать лет после тех августовских событий колесо истории могло повернуться и в лучшую сторону. Кто спорит. В смысле экономики и уровня жизни. Но здесь уже старший лейтенант Хрупало точно не при чём.

ГРАНИЦЕ НУЖЕН НЕ ЗАМО́К, А ЗА́МОК!

ТАМОЖЕННЫЙ.

(«Полярная правда», № 179 (18.668), 14 сентября 1991 г.)

Церемония заняла минут десять. Одновременно поднялись два шлагбаума: наш зелёно-красный и цветов финского флага бело-синий метрах в пятидесяти. Одновременно вышли навстречу друг другу офицеры-пограничники, о чём-то побеседовали.

Появились четыре гостя. Ковдорчане их узнали, издали приветствуют. Но сначала, как и положено, таможенный досмотр. Старший инспектор Мурманской таможни В. П. Бушуев управился быстро.

К переговорам приступили в машине. В недавнем прошлом мер коммуны Салла, а ныне директор-распорядитель акционерного общества «Салкор» ЭскоКокконен, сообщил, что мэрия встретила с министром иностранных дел страны и попросила содействия в открытии двух таможенных пунктов на границе – на Кундасе и в районе Алакурти. Министр воспринял просьбу со всей серьёзностью.

– Но и вам, ковдорчанам, надо со своей стороны терпеть свои власти.

Между высокими договаривающимися сторонами установилось полное взаимопонимание. Делегация соседней с Ковдором коммуны впервые за годы общения добралась до райцентра за три часа, включая церемонию перехода границы. Прежде довольствовались пунктом пропуска в Лотте. Учитывая двухсоткилометровую дорогу до Мурманска да трассу от Мурманска по нашей области, девять часов непрерывной езды. Добавьте вынужденный объезд по Финляндии. Самолётом через Ленинград – быстрее и не так утомительно.

Отбросим личное. Грузы тоже проделывают такой путь, накручивают дополнительные затраты. Вущерб потребителям.

Возить есть что. Доводилось писать, как бдительные стражи нашей экономической нравственности арестовали штабель леса, приготовленный к продаже Ковдорским леспрохозом. Прошло больше года, а последствия того вмешательства все ещё сказываются. Штабель в две тысячи кубометров до сих пор на Кундасе. Грозит перейти из разряда «балансов» (сырьё для бумаги) в категорию дров.

Не хочется задним числом пинать органы, что не всегда демонстрировали достаточную компетентность. Однако убытки леспрохозу они не собираются покрывать. За их самоуправство расплачивается государственное предприятие и его коллектив.

Сопредельных бизнесменов интересует бадделеитовый концентрат – продукция Ковдорского ГОКа. Объединение «Ковдорслюда» отправляет финским потребителям флогопит и вермикулитовый концентрат – тоже кружным путём, по железной дороге и морем. А можно бы напрямую, автотранспортом.

Окном на госгранице вполне могли бы воспользоваться предприятия Кировска, Апатитов, Мончегорска. ВУмбе совместное предприятие выпускает домики из сухостоя. Собирает, разбирает и всё так же – везёт через Кандалакшу, Мурманск и Лотту.

Умолчим о туризме. Сколько можно на эту тему впустую разговаривать.

Между фирмачами, финскими и доморощенными, состоялся очередной этап переговоров о судьбе совместного предприятия по добыче и обработке облицовочного камня – габбронорита. Финны провентилировали спрос и готовы кроме каменных блоков принять в год 2–3 тысячи кубометров архитектурно-строительного щебня фракции 5–20 миллиметров. Прихватили с собой специалиста – профессора строительной лаборатории ХейкиАйкиуворииз города Оулу.

Профессор, переобувшись в резиновые сапоги и вооружившись фотоаппаратом, попрыгал по карьере Ковдорского специализированного строи-

тельного управления. И соседнему, принадлежащему объединению «Ковдор-люда».

Похоже, финны склонились к мысли, что лучше направить средства на оборудование. В дополнение к тем, что советская сторона вложила в развитие карьера. Обучив персонал, можно сразу выйти на объёмы, обеспечивающие акционерам хлеб с маслом. Но финские банки напуганы непредсказуемостью событий в нашей стране, утроили осторожность. Проще для начала вложить минимум капитала в ту же буровую амуницию. Авместе с отдачей, увеличивать инвестиции.

На том и порешили. Отложили до начала октября, до следующей встречи, согласование устава совместного предприятия уставного фонда. В том числе такого подпункта соглашения, как «должен (или не обязательно) директор-распорядитель быть членом правления совместного предприятия». Любопытный штрих. Рефреном на прежних встречах делегаций звучали недобрые слова в адрес отечественной бюрократии всех рангов. Дай этим крючкотворам повод поволокитить, они своего не упустят. Финские бюрократы не спешают осваивать стремительно меняющиеся законы Российской Федерации. Ссылки на осторожность банков – по обе стороны стола понимающе закивали – не оправдание. Речь ведь об укреплении взаимовыгодных связей между соседями.

Пока участники переговоров переводили стоимость из рублей в марки и наоборот, представитель таможни ввёл меня в курс относительно таможенного пункта (или поста) в Ковдоре. Как понимаю, предприятиям района, заинтересованным в приграничной торговле с зарубежными партнёрами, расходы по карману. Построить да оборудовать несколько зданий и офис не сложно за несколько месяцев. Соответственно начинить. Зато после открытия в районе Ковдора форточки в Европу затраты многократно окупятся.

В тот же день часа через три финны были дома. Вернулись через Кундас. А когда обе заинтересованные стороны заасфальтируют дорогу, поездка займёт не больше часа. Как от Мурманска до Оленегорска.

Разве это расстояние?

ИСПОРЧЕННЫЙ ТЕЛЕФОН И ЕГО АБОНЕНТЫ

(«Полярная правда», №181 (18.671), 18 сентября 1991 г.)

Человек вернулся из отпуска и слёг. Очнулся в больнице.

Расширим информацию. Директор фабрики, поправив своё здоровье в средней полосе, приехал полный сил и желания перевыполнять госзаказ. Первый же встречный в родном городке обрадовался:

– Как вы на свободе?! Говорят, вас давно посадили? За взятки и нехорошие махинации.

Ничего не ответил директор. Через час прикатила «скорая» и увезла бедолагу с давлением под 200 и с kloкочущим пульсом.

Такая история.

Началась она с телефонного звонка. Куда следует. Те, кому следует, отреагировали, взяли сигнал на заметку и ну его раскручивать. По своим каналам. Чтобы убедиться. Или разубедиться.

Врач, при всём остаточном принципе, загнавшем медицину в тупик, не позволит себе изрезать больного с ног до головы, дабы сказать, что к аппендиксу пациента у него нет претензий. Не варвар, чай, в институтах-университетах обучался. Гиппократу на верность присягал. А специалисты по охране нас и нашего имущества, сначала тебя исполосуют вдоль и поперёк и лишь потом согласны вписать в протокол, имеется аппендикс стязательства или не обнаружен.

Остановились мы на том, что поступил сигнал. По телефону. В отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности. Кажется, это единственное заведение в окружающей нас действительности, что спешит избавиться от сдвоенного «С» в аббревиатуре, не желает поступаться принципами в части расставания со словом «социалистический» и замены его на «суверенный». За ради благозвучия.

Инспектор БХСС приступил к исполнению. Изъял на фабрике все 45 томов бухгалтерской документации за последние годы. Кому как, а для стража закона полное собрание накладных и приходно-расходных ордеров – увлекательное чтиво. Плавно переходящее в душевную беседу с работниками фабрики, приглашёнными посредством повестки. Надо же обменяться впечатлениями со сведущими людьми. Ну там про погоду, про виды на урожай брусники. И ещё инспектор, как бы между прочим, спрашивал, а не давал ли его собеседник взяток директору? И не требовал ли тот у него мзду? Уточните, пожалуйста! Как-никак директор устроил вам «девятку» по госцене.

– Ах, и речи быть не могло! Ну хорошо, я вам верю, дорогой свидетель. Пока свидетель. Другой бы сомневался, а я с открытой душой. Но подумайте, всё-таки, повспоминайте. Вот и телефончик мой служебный. Помните, я жду от вас искренности и ничего больше. У нас достаточно других поводов и оснований, не беспокойтесь.

Милая, душевная беседа. Хоть в погонах, а отец родной, да и только.

С одним поговорил, с другим, с третьим. Сметливые свидетели высчитали: с разбором вызывает. Не по алфавиту. По списку, только тех, кто благодаря фабрике легковушку купил или другими льготами воспользовался.

Свидание с инспектором БХСС отличается от посещения сеанса эротического видика – впечатлениями не с каждым встречным поделишься. По фабрике поползли слухи:

– Поймали директора на горячем, посадили, отпуск догулять не дали.

И то сказать, в детской игре в испорченный телефон шепнёшь соседу слово на ухо... Каким оно к тебе через десятые уста вернётся? А тут – не одно слово, да каждому разное, да всё о том же...

Про 45 папок с приходно-расходными ордерами вы уже в курсе. Как на грех и главбух в отпуск укатила. Так ей и поверили, что в отпуск! По одной из устных версий – сбежала с документами под мышкой в Финляндию, про-

дала капиталистам секреты платёжных ведомостей. По тысяче финских марок за кило. И теперь жирует. Там у неё свобода и супермаркеты, а здесь по ней тюрьма плачет.

Волны слухов захлестнули городок. Кому интересно разбираться – ты ли шапку украл или у тебя её свистнули? Зато за годы и годы прежних взаимоотношений люди запомнили, что райком с исполкомом всегда правы, народный контроль с милицией вне подозрений, а руководители предприятий – самые удобные мальчики для битья.

Есть на карте нашего полуострова населённый пункт городского типа. Уж такого городского, что в нём всего одно крупное предприятие – леспромхоз. Но органов – руководящих, направляющих и проверяющих – под завязку. В том населённом пункте глава головного и единственного предприятия-кормильца более двух-трёх лет в своём кресле не задерживался. Секретари, председатели и прочие начальники района сиднем сидели, десятилетиями. А директор менялись, как перчатки. То есть, хозяева многочисленных кабинетов оправдывали своё существование. Потому как бдели, «принимали меры по укреплению руководства предприятием».

Вернёмся, однако, к нашей истории. Уезжал директор в отпуск на коне достижений и успехов вверенного ему коллектива, а вернулся домой и на тебе-здрасте!

Вслед за героем доперестроечного фильма я готов провозгласить, что наш суд и наши правоохранительные органы – самые справедливые в мире! Они на страже, они разберутся и убедятся. После этого выдадут справку тому же директору, что он никакой не взяточник, а честный человек. С печатью, гербовой.

Директор может эту справку пришпилить себе на лоб. Тогда слухи мигом прекратятся. К всеобщей радости сотрудников БХСС, которые, как оказывается, и не заводили дела, а просто занимались текущим выяснением.

Какие могут быть к инспекторам-оперуполномоченной претензии? У вас они имеются? Ну-ка, ваша фамилия, адрес? То-то...

Возникает вопрос: что это я всё вокруг да около и никаких привязок к месту и времени? Признаюсь, самому хочется обнародовать ФИО того энергичного инспектора из отдела охраны. Но воздержусь. Он себя, надеюсь узнает. А накликать на директора ещё одну волну, даже волну участия да сочувствия – всё равно что размазывать по лицу только что смытую грязь.

У нашей истории относительно счастливый конец. Человек выписался из больницы. Его снабдили упаковкой заграничного лекарства со словами:

– Как проснётесь утром, не вставая, посчитайте пульс, если около шестидесяти – примите полторы таблетки, если больше – тогда две.

Вот и всё, а вы боялись.

Человек выписался из больницы и уехал в командировку. За сырьём, оборудованием. За всем тем, что прежде фонды гарантировали.

Думаю, директор вернётся не с пустыми руками, фабрика не собьётся с ритма.

А я сам себе думаю: вдруг кто, шутки или корысти ради, подбросит очередной ложный след бдительному оперуполномоченному? И тот опять начнёт выспрашивать встречных-поперечных на предмет «откуда дровишки?». Выдержат ли очередной удар, уж извините за рифму, нервишки у директора? Не уверен.

Трижды постучал по дереву, а всё равно не уверен.

**РЭКЕТ ПО-КОВДОРСКИ,
или 2000 рублей... за сломанную челюсть
(«Полярная правда», № 183 (18.673), 20 сентября 1991 г.)**

Информация о том, как год назад в Ковдоре поймали на горячем двух рэкетиров, просочилась на страницы областного издания – газеты «Контакт». Поскольку дело давнее, позволю себе напомнить, как оно обстояло.

Рабочие ковдорского кооператива «Супер» Аркадий Дмитриевич Казарин и Владимир Викторович Кузьмин позарились на доходы Павла Викторовича Филиппова, что занимался индивидуальной трудовой деятельностью – откармливал свиней. Уж больно удачливый этот свиновод. «Жигулёнка» последней марки приобрёл и вообще ни в чём себе не отказывает (из предположений потерпевшего).

Рэкетеры предложили свиноводу поделиться сверхприбылью, полученной от реализации сала и мяса. Потребовали – опять же по версии потерпевшего – две тысячи рублей наличными. Свиноводу ничего не оставалось, как уступить силе. Онсебе позволил поторговаться. Всёнадеялся, что вымогатели одной тысячей удовлетворятся. Её и приготовил, переписав номера купюр. На память.

В условленный час любители лёгкой наживы нагрянули к Филиппову на квартиру. Далее, как вы, наверное, уже догадались, события завертелись стремительно. Не успели злоумышленники прикрыть за собой дверь, как были повязаны по рукам и ногам. Группа захвата сработала чётко.

Преступники пытались замести следы. Кузьмин, пока его вели из машины в здание райотдела, выбросил из кармана два свёртка с деньгами. Но жалкие потуги рэкетиров доказать, что они эти свёртки с купюрами видят впервые, разбились о железную логику фактов и улики. Опять же номера на документе и деньгах совпали.

На этом можно бы поставить точку, что и сделал автор публикации, на которую мы выше сослались. Если бы во время следствия и суда картина преступления не обогатилась новыми красками. Начнём с того, что вымогатели и их жертва были знакомы между собой. Переговоры о взаимных расчётах начали вести месяца за три до случившегося. Интересные переговоры, с погоней на автомобильном и железнодорожном транспорте, со спорами и возражениями.

Казарин с Филипповым и другие действующие лица вошли в тесное соприкосновение между собой ещё в День международной солидарности трудящихся. Предмет спора история умалчивает. Но, поскольку злоумышленники разбавили праздничное настроение изрядной долей спиртного, не мудрено, что вскоре между ними «приключилась драка», как констатировал бы незабвенный Михаил Михайлович Зошенко. Филиппов врезал Казарину кулаком по лицу, ещё ногой поддал.

На второй день, протрезвев, Казарин, с ужасом ощутил, что у него переломана в двух местах челюсть и сломаны два ребра. Вместе с другом он провёл частное расследование и пришёл к выводу: именно Филиппов нанёс ему телесные повреждения. Дружеское выяснение отношений с драчуном закончилось устным соглашением. Филиппов платит Казарину 500 рублей на лечение, и у Казарина к Филиппову претензий нет.

Но то ли свиновод не взял в расчёт стремительную инфляцию, то ли дружки спохватились, что продешевили, но через три месяца, когда они встретились, наконец, с обидчиком, гонорар за молчание подскочил до 2000 рублей. Тут уж Филиппов встал на дыбы, рост расценок никак его не устраивал. В милицию поступил сигнал.

Остальное вы знаете.

Суд не счёл смягчающим вину обстоятельством поруганную челюсть и шепелявость одного из рэкетиров. Он оценил вымогательство наказанием в виде лишения свободы (условно) с обязательным привлечением к труду в соответствующих местах на срок три года. Без конфискации имущества.

Специально проконсультировался у юристов. Обратись Казарин своевременно в суд с жалобой, Филиппову уж точно пришлось бы оплачивать из своего кармана лечение потерпевшего. Вполне возможно, сумма оказалась бы больше вождеденных двух тысяч.

Теперь поздно. Водителю цеха технологического транспорта Ковдорского ГОКа П. В. Филиппову самому грозит продолжительная отсидка в исправительно-трудовой колонии. Правда, не по делу об избиении одного из неудавшихся рэкетиров.

Вскоре после суда над рэкетирами (он состоялся в ноябре прошлого года) Филиппов сам стал обвиняемым. Жительница Ковдора Надежда К. обвинила своего хорошего знакомого Филиппова в нехороших поступках. Филиппов систематически, на протяжении нескольких месяцев, её истязал. Как точно установило следствие, в последний раз, 8 марта с. г., не только избил даму своего сердца, но и подоспевшим спасателям в лице наряда милиции от него досталось. Даже наручники не утихомирили драчуна. Есть все основания предполагать, что Филиппов получит возможность обдумать свои поступки там, где в таких случаях и положено.

Справедливость восторжествовала. А неудачные рэкетирсы и их псевдожертва остались при своих интересах.

КИРПИЧ ДОРОЖЕ БУТЫЛКИ

(«Полярная правда», № 186 (18.676), 25 сентября 1991 г.)

Сразу успокою сомневающихся граждан, речь не о поллитре вместе с содержимым, а о пустой бутылке, на торговом языке именуемой «стеклопосудой». Той самой, которую необходимо иметь с собой, чтобы получить возможность отоварить соответствующие талоны. И которую теперь можно сдать по 50 копеек за экземпляр.

Так вот, каждая кирпичина красного цвета, выпускаемая областным монополистом – Кильдинским заводом, – обходится с 1 июля с. г. потребителям в 79 копеек за штуку. Не спешите раскошелиться. В розницу этот стройматериал всё равно не отпускают – только тысячами, по 790 рублей.

Ещё недавно, с 1 января с. г., кирпич обходился в 594 рубля за тысячу. Однако экономисты монополиста, с благословения Мурманского главка, переименованного в территориальное строительное объединение, подбили дебит с кредитом и решили, что только 790 рублей покроют издержки устаревшей технологии.

Надо ли говорить, как разрушение вертикальных связей и замена госнаблюдательских фондов услугами биржи больно отразились на строительных организациях. Управляющий трестом «Ковдорстрой» А. Е. Агарков за голову схватился – потенциальные заказчики неплатежеспособны... Горнодобывающие предприятия Ковдора переживают не лучшие времена. Комплектование плана строительно-монтажных работ на 1992 год под угрозой. Чтобы сберечь коллективы, тресту приходится искать заказы на стороне, выставляя первое условие – обеспеченность строительными материалами.

Из-за биржевых цен стоимость стандартного 60-квартирного дома подскочила в четыре раза – с двух до восьми миллионов. Не мудрено. Квадратный метр древесно-стружечной плиты обходится теперь в 16 рублей. Рубероид, которым прогрессивные плоские крыши покрывали – 18 рублей за кв. метр. Прежде – 72 копейки. Поневоле задумаешься, может, дешевле вернуться к двухскатным кирпичным крышам. Хотя опять же, где взять кирпич?

А кирпич, если кому интересно, не так давно покупали вообще по 72 рубля за тысячу. Теперь же, по примеру торговых работников, придётся объявлять заказчику: «Хочешь иметь жильё, сдай такое-то количество пустой посу... простите кирпичей!»

Грустная шутка, сам придумал. Да боюсь, окажусь провидцем.

ЭКСПЕРТЫ

(«Полярная правда», № 193 (18.683), 4 октября 1991 г.)

Накануне поездки в Полярные Зори узнал последнюю ковдорскую новость. Местные власти приняли решение отключить от теплоснабжения гаражи. Горючего у ТЭЦ только-только, придётся зимой уменьшать подачу тепла в квартиры. Тут не до жиру, быть бы живу.

Поневоле возрадуешься: область не зависит от внешних поставщиков электроэнергии, Кольская атомная покрывает две трети потребностей полуострова.

На станции стал невольным свидетелем разговора между специалистами. Когда собираются больше трёх – обязательно сворачивают на политику, на августовские события. И тем не менее:

– Если бы мы остановили подачу тока, да ещё резко – вывели бы из строя большинство предприятий, особенно металлургических с их непрерывным циклом. Поезда остановились бы, порты. Последствия до морозов не расхлебали бы.

Противоречия между политическими пристрастиями и служебным долгом. Долг взял верх. Им, специалистам, виднее, чем чревато простое нажатие кнопки.

По случаю окончания работы миссии Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) для журналистов области была организована пресс-конференция. Миссия проанализировала безопасность реакторов первого поколения типа ВВЭР-440/230. Оба блока проектировались в шестидесятых годах, около двадцати лет тому назад вступили в строй и, как записано в пресс-релизе, «не могут в полной мере соответствовать современным стандартам безопасности».

Пятнадцать экспертов миссии, включая штатных членов МАГАТЭ, представляли восемь стран с развитой атомной энергетикой, суммарно эксперты проработали в этой отрасли более 300 лет. Таких профессионалов на мякине не проведёшь, они знают, куда смотреть, им есть что подсказать.

Познакомлю читателей с членами миссии, организациями и странами, которые они представляют. Эшли Эрвин – руководитель группы эксплуатации, МАГАТЭ, США; Анник Карнино – МАГАТЭ, Франция; Мартин Боудинг – управление администрацией, США; Ларри Келли – подготовка и аттестация персонала, США; Янец Дулар, Югославия, и Мигуэль Доменик, Испания, – эксплуатация; Жан Поль Бемер – ремонтно-техническое обслуживание, Франция; Брайан Томас – противоаварийное планирование, Англия.

Группу проекта возглавил Клаудио Альмейда, МАГАТЭ, Бразилия. В группу вошли: Сушид К. Кэпил – конструкция активной зоны, США; Жан Люк Миллем – анализ систем, Франция; Раймо Пауссу – механическая и структурная целостность, Финляндия; Альфредо Альварес-Менендес – КИ-ПиА, Испания; Мирослав Блазичко – электроснабжение, Югославия; Ж. П. Вебер – анализ аварий, ФРГ.

Каждый эксперт внёс свою лепту в обобщающий доклад из 344 страниц. Как заверили организаторы пресс-конференции, доклад будет доведён до сведения правительства страны. Второй экземпляр остаётся в Полярных Зорах, с ним может познакомиться каждый желающий. Это уже ответ на вопрос относительно гласности экспертизы.

Депутаты местных Советов – Апатитского и Кандалакшского – привлекли внимание к недавней статье в «Комсомольской правде» о якобы «международной атомной мафии под водительством МАГАТЭ». Смуглый бразилец

Клаудио Альмейда попытался найти взаимопонимание с аудиторией на уровне житейских подробностей. Дескать, не для того съехались со всех концов планеты и на три недели оторвались от семей, чтобы пускать пыль в глаза. Почувствовав, что ссылкой на семью нашу публику не пронять, земляк знаменитого Пеле сказал, что большинство членов миссии никак не зависят от МАГАТЭ. И вообще у представителя страны третьего мира в голове не укладывается связь между коммерческим интересом и безопасностью. Это же интернациональная забота!

Руководитель группы эксплуатации Эшли Эрвин на вопрос об отношении к партиям «зеленых» – идейных противников атомных электростанций – ответил:

– В современном мире надо стремиться к равновесию между энергетикой, жаждающей на энергии атома, воды, угля. В критике тот положительный момент, что она не даёт успокаиваться, уверовать в свою непогрешимость. Жаль, что зачастую критике зелёных недостаёт конструктивности и компетенции.

Директор Кольской атомной В. А. Шмидт поделился в кругу своего аппарата впечатлениями от поездки в Швецию. МАГАТЭ привлекает его и других советских инженеров к своим экспертизам. Авторитет наших специалистов среди энергетиков мира высок. Возможно, он проистекает из того – воспользуемся аналогией с воздухоплаванием – что на отечественных станциях приходится не столько доверять «автопилоту» (компьютерное обеспечение поотстало), сколько «компьютеру» собственной головы.

Требования к безопасности персонала в Союзе и в Швеции сходны, максимальная годовая доза облучения – 5 рентген. Доза не опасна для здоровья. А раз так, никаких дополнительных льгот за вредность шведам не полагается. Ни допайка, ни допотпуска. Рабочая неделя короче, но опять же одинакова для всех – работаешь ли ты у реактора или следишь за батареями отопления.

Впрочем, наши льготы скорее выглядят компенсацией всёужесточающихся условий жизни. Решили на АЭС поощрить ветеранов. Они за семнадцать лет работы на станции получили в сумме около тридцати рентген. То есть в год менее двух при пяти допустимых и безвредных. Таких и сорока человек не набралось. Им вручили по баночке икры.

Миссия МАГАТЭ обследовала 4 электростанции с подобного типа реакторами – в Болгарии, Чехословакии, под Воронежом и на Кольском полуострове. Как выразился Эшли Эрвин, сказывается относительная изоляция от международного сообщества. Тем не менее, запас прочности, заложенный в проекте и при строительстве, нивелирует некоторое отставание. Защитит, в частности, от землетрясений. Опять же Кольская АЭС возведена в относительно спокойном сейсморайоне.

Другое дело, что системы защиты нуждаются в модернизации. Как с точки зрения обеспечения контрольно-измерительными приборами и автоматикой, так и размещения средств пожарной защиты. Они дополняют, смогут дублировать друг друга, если не будут находиться в одном месте.

Не мешало бы ввести в планы общеобразовательных школ области обязательное посещение Кольской АЭС. День открытых дверей, думаю, не дезорганизовал бы работу станции.

Слышать и читать одно, а когда благодаря персональному дозиметру лично убедишься, что не схватил на экскурсии ни одного лишнего микрорентгена, когда это же подтвердят приборы у выхода – разница! Опять же есть возможность перекинуться словом с операторами да программистами и понять, как они кровно заинтересованы в безопасности станции.

Сюда же и разговоры в столовой:

– С новой партией компьютеров не знаком, прибыли в августе, я в отпуске был. Но, говорят, и в них завёлся компьютерный вирус.

– Завёлся, мешает работать, замедляет режим.

– Игры – разносчики заразы, попробуй уследить...

Как понимаю, к приезду миссии МАГАТЭ здания станций совершенно неожиданно помолодели. Яркая окантовка, цветные пятна преобразили прежний казарменный вид. Правда, как водится, кое-где не успели пройти кистью. Теперь уже вряд ли руки дойдут. И краску где взять?

Директор АЭС В. А. Шмидт в своё время сказал, что дешевле построить новую очередь станции, чем реконструировать первую. Директор от своих слов не отказался. Третья очередь станции, решение о строительстве которой принято, позволит компенсировать вывод из эксплуатации первых двух блоков. Более мощные водо-водяные реакторы дадут возможность увеличить выработку электроэнергии. Заместитель начальника главного управления эксплуатации АЭС Минатомэнергопрома А. М. Кириченко заверил, что ежегодные капитальные вложения в модернизацию – как запланированные, так и на основании предложений экспертов данной миссии – гарантируют безопасную эксплуатацию вплоть до выработки реакторами проектных ресурсов.

Особо волновали аудиторию способы захоронения радиоактивных отходов. Могильник на территории станции изолирует от окружающей среды низкорadioактивные отходы – производственный мусор, детали машин, трубопроводов и тому подобное. Топливо же и оборудование реакторов сначала выдерживают несколько лет в специальных контейнерах, потом вывозят в хранилище где-то в Сибири.

Ежегодно при остановке на замену топлива реактора он подвергается тщательной ревизии и лишь после этого следует заключение: можно ли его эксплуатировать ещё год или нет. Ещё одна гарантия безопасности.

Любопытно, – это уже из разговора после пресс-конференции, – как выйдут из положения суверенные государства, объявившие о национализации на своей территории союзной собственности? Закрывать атомные электростанции в условиях надвигающегося энергетического кризиса нереально. А каналами получения топлива и захоронения отходов станции напрочь завязаны в общую энергосистему. Запад не спасёт и не поможет, это уж точно.

В длинных коридорах Кольской атомной, в переплетениях трубопроводов сам чёрт ногу сломит. Вдруг в глаза бросается родное и близкое – амбарные замки и колодезные цепи на ремонтируемом венти́ле. Красочные ан-

шлаги про ремонт висят рядом, но замок с бумажкой, как на запертом магазине, обязателен. Ещё одна система защиты, от дурака. Предписана инструкциями. Их более тысячи, для каждого подразделения, каждой профессии. Перед началом работ изволь заглянуть. И зафиксировать в журнале.

Миссия подтвердила, насколько важно персоналу станции придерживаться духа и буквы инструкций. Её эксперты не в восторге «от терпимости администрации к неподчинению персонала правилам и нормам». У них, на цивилизованном Западе, если отступил от инструкций – никакой профсоюз с парторганизацией за тебя не заступятся.

Поверим инженерам, техникам и рабочим Кольской АЭС, что они не враги нам, не враги себе и своим семьям. Прислушаемся к миссии МАГАТЭ, что «высоко оценила усилия руководства АЭС и её персонала при организации работы миссии и сотрудничестве с нею, за их открытость при обсуждении всех затронутых вопросов».

Будем помнить, от кого зависят свет и тепло в нашем доме, работа наших предприятий. И пусть в души энергетиков не закрадывается сомнение, будто мы им не доверяем.

А миссии МАГАТЭ за подсказки – спасибо.

ИДЕАЛИСТ ЛЯЦКИЙ **(«Полярная правда», № 195 (18. 684), 9 октября 1991 г.)**

Кандидаты в депутаты верховного органа власти республики по нашему национально-территориальному округу, а их, если помните, набралось шестнадцать, разбились на две группы и наносили коллективные визиты избирателям. Вместе разъезжали по районам. Соблюдали джентльменское соглашение, обхаживали владельцев голосов на глазах друг у друга.

Претенденты, у кого в графе «партийность» стоял прочерк, то и дело привлекали внимание собравшихся к этому своему достоинству. Не повезло, правда, с биографией прокурору из Оленегорска. Но и он нашёлся:

– А где вы видели прокурора – беспартийного?

Лишь один кандидат не тушевал свою принадлежность к политическим партиям. Напротив, начал с того, что он один из организаторов (или координаторов, уже запамятовал) социал-демократической партии России. Владислав Борисович Ляцкий, подошла его очередь выступать, в основу предвыборной программы положил отказ от централизованного управления экономикой, равноправие и конкурентоспособность различных форм собственности – при неременной социальной защищённости всех слоёв населения. Ещё претендент уверен, что соблюдение прав человека важнее государственных и национальных интересов, любой идеологии.

На фоне эмоциональных до театральности выступлений соперников речь социал-демократа впечатления не произвела. Оратор убеждён в своей правоте, это хорошо. Но уж больно бесстрастно излагает свои прописи. Аудитории бы чего-нибудь популярного и привычного. Хотя бы историю про мурман-

ских детишек, которым прислали подарки из Норвегии. Одному из кандидатов – радиожурналисту – стыдно было присутствовать при раздаче. Зал его поддержал. Наш человек, о детях переживает! А тут поднадоевшие со школьно-институтской скамьи научные термины: «различные демократические партии», «свободные демократические выборы», «демократический и гуманный порядок» ...

– Знаем мы эту демократию, без централизма сверху донизу она никуда. Наслышались, натерпелись!

И то сказать, учёный, заведующий отделом Полярного геофизического института, в космосе витает... А что коммунистическое учение считает утопией, внедряемой насильственными методами, так разве идея виновата? Однако не до философских споров, время, отпущенное претендентам на общение с народом, истекло.

Ляцкий потерпел поражение, занял четвёртое место из шестнадцати. Не попал во второй тур. Недобрал какие-то доли процента, а всё равно не попал. Пусть каждый третий избиратель в Апатитах отдал предпочтение ему, пусть до такого рейтинга популярности никто из земляков не поднялся – пилюля от этого слаще не стала. Слава «широко известного в узких кругах» не тешила самолюбия.

– Что ж, значит, не пришло моё время. Или, точнее, наше время, – по прошествии полутора лет Ляцкий оценил ту ситуацию. – Но если взвесить, не успех ли? Зато получил возможность выпускать частную газету, независимую от государства и общественных организаций. Окажись я в депутатском корпусе, разве смог бы столько времени ей уделять?

Пытаюсь свернуть с серьёзного разговора, привожу в пример Юлиа Цезаря, что умел обращать плохие предзнаменования себе на пользу. Наафриканской земле к великой панике приближённых споткнулся, сходя с корабля, растянулся на берегу. Тутже нашёлся:

– Африка, я обнимаю тебя!

Классический образец Владислав Борисович пропустил мимо ушей. Он уверен, что все эти эффектные словеса отдают популизмом, заигрыванием с массами. Политика должна быть честной и делаться чистыми руками.

Свою предвыборную кампанию скрупулезно вёл в рамках закона и договора с остальными претендентами. Ни интервью свои не навязывал газетам, ни на радио-телевидение не прорывался...

Однако давайте начнём сначала. Хотя бы с вопроса, почему один из ведущих теоретиков в своей отрасли знаний до сих пор не доктор, а только кандидат физико-математических наук?

Докторская диссертация Ляцкого легла в основу монографии. Позднее. А накануне защиты в родной Ленинградский университет пришла телеграмма. Из Апатитов. Нет, не с опровержением выводов молодого учёного. По научной части не подкопаешься. В телеграмме выражалось сомнение: достоин ли человек высшего научного титула, если его брат уехал за границу?

Вам смешно? Вот и смейтесь, а учёный совет университета отложил защиту на неопределённое время.

Давно потеплело. Ляцкому не раз и не два намекали, дескать, хватит, взрослый человек, должен понять, не по злему умыслу, а принято так было. Ляцкий стоит на своём, требует публичного извинения и ни на какие компромиссы не идёт. Впрочем, в науке звания и титулы не равнозначны должности. На авторитет признанного теоретика околонучные игры не повлияли.

Иной читатель, воспитанный на постулате «мы пойдём другим путём», скажет: «Мгм, понятно». И ошибётся. Людей, живущих формулами и прочими абстракциями, больше всего волнует, чтобы им не мешали работать. Табличка на дверях и зарплата – второй вопрос.

Ляцкий не воспринял отмену защиты диссертации, как поражение. Он возрадовался сохранившемуся ощущению свободы и отсутствию зависимости от титулованных бонз. Такили иначе, они требуют моральную мзду за принятие в круг избранных. Пусть лучше при встрече испытывают некоторую неловкость.

Физик-теоретик смог со спокойной душой отдаться увлечению. Нет, не изучению языков, чтобы мозги вхолостую не прокручивать. «Даже на английском не могу говорить!» – записал дословно. Читать – другое дело. Но в анкетах, думаю, не сообщает, что «со словарём». А может, причина в отсутствии разговорной практики – за границу на симпозиумы не посылали. Числился невыездным.

Лет пятнадцать тому назад Ляцкий всерьёз занялся политической деятельностью, начал изучать и систематизировать литературу. Удивился: при наличии серьёзных заведений, того же Института востоковедения, в политологии зияют пробелы. От эволюции Османской империи до общественных процессов в тоталитарных странах. Наблюдения и анализ легли в основу книги «Преодоление ленинизма». Научной, не популярной.

Опубликовать не удалось. Хотя мысленно – слаб человек! – примерял на себя премии закордонных престижных фондов. Или, на худой конец, отечественную, поощрительную. В виде ссылки. Как у академика А. Д. Сахарова.

Каналы для пересылки рукописи за рубеж были к тому времени перекрыты. Кого из единомышленников не выдворили, те попали в места не столь отдалённые. Компетентные органы дремать не собирались.

С началом перестройки Ляцкий предложил главы из брошюры журналу «Нева». Хранит хвалебные отзывы и обещание опубликовать в таком-то номере. На этом путь к массовому читателю закончился.

А книги за его подписью в издательстве «Наука» выходили. Одна за другой. «Физика авроральных явлений», «Магнитосферно-ионосферное взаимодействие». Тиражом самым научным, не более тысячи экземпляров. Всё равно бестселлеры своего рода. Возможно, и даже точно, открытия. Но такого рода литература рассчитана на читателей и изучателей. Почитателей она не прибавляет.

Несколько лет тому назад «Комсомолец Заполярья» ощутил на себе гнев некоторых придирчивых любителей изящной публицистики. Поводом послужила беседа редактора молодёжки с много о себе возомнившим научным сотрудником из Апатитов Владиславом Ляцким. Учредители-работодатели

ничего не имели против полёта творческой фантазии редактора, уважали его право на выбор собеседника. Но почему Ляцкий? Неужто все передовики производства уже воспеты?

А, во-вторых, что за галиматью тиражирует редактор? С чего это взял физик-теоретик, что путь к демократии чреват военным положением? А уж грядущий распад Союза – вообще чушь и клевета! Какие на фиг общенародные референдумы, если каждой сестре-республике розданы флаги, гимны и гербы с интернациональными колосьями?!

Надо ли удивляться, что Владислав Ляцкий встал у истоков одного из первых в стране Добровольного общества содействия перестройке. Её он воспринял всерьёз и сразу. Дошёл своим умом: без изменения общественного строя и экономических отношений мы можем догнать Америку только по количеству ядерных зарядов на душу населения.

Из кружка его единомышленников, не насчитывающего и полусотни активистов, вышел народный депутат СССР, соперник самого М. С. Горбачева на Первом съезде, А. М. Оболенский. Можно бы гордиться, что рядовой профсоюзный деятель небольшого академического института вознёсся на такую орбиту. Благодаря стартовому ускорению, полученному на собраниях кружка.

Однако Владислав Борисович не считает удачу Оболенского своей. Мало того, когда знаменитый Александр Митрофанович стал сопредседателем Социал-демократической партии, Ляцкий – один из учредителей этой партии – вышел из неё. Вместе К. Каспаровым, А. Н. Мурашовым, В. И. Селюниным принялся организовывать новое движение – Либеральный союз.

– Александр Николаевич Яковлев, – попытался я вставить слово, – не собирается вступить в ваши ряды?

– Не знаю, но посчитал бы за честь, если бы политический лидер такого масштаба и авторитета присоединился к нам, – серьёзно констатировал Владислав Борисович.

Социал-демократия предполагает государственное регулирование экономики. Либералы же в полном соответствии с латинским корнем этого слова отдают предпочтение свободе личности во всех её проявлениях. Государство допустимо и желательно только для того, чтобы эти свободы – экономические, политические, социальные – обеспечить. Своим предшественником на политическом небосклоне сторонники Либерального союза считают партию кадетов – Конституционных демократов, которую в начале века возглавляли знаменитейшие умы России.

Возможно, А. М. Оболенский, пройди он полный курс обучения в апатитском ДОСПе, дорос бы до либерализма. Но занят депутат, в Апатитах бывает наездами. Про исторические корни известного деятеля скромно повествует лишь доска профсоюзной жизни в Полярном институте геофизики, его фамилия в числе лиц, награждённых медалью «Ветеран труда».

Доживём, какие наши годы, до медали «Ветеран борьбы за демократию». А. М. Оболенский один из претендентов на эту награду. Хотя, по мнению Ляцкого, сей питомец его гнезда пошёл в другую сторону. Вообще Ляцкому

претит заигрывание, скажем так, не с самой образованной публикой. Призывы не к разуму, а к инстинктам.

Могу огорчить поклонников Б. Н. Ельцина, знамени и надежды измученных безвременьем людей. Председатель Апатитской организации ДПР призывал избирателей... игнорировать июньские выборы. Усиление президентской власти в ущерб парламентской, уверены Ляцкий и его сторонники, ведет к диктатуре, к подавлению инакомыслия. При всём уважении к авторитетам логика событий подтолкнёт к обратному, к тоталитаризму. Ни к чему другому.

Кстати, о выборах. Ляцкий возглавил Апатитскую ДПР благодаря абсолютному большинству голосов. В бюллетенях – листы чистой бумаги. Каждый вписал фамилию наиболее, на его взгляд, авторитетного лидера.

В редакции «Кировского рабочего» мне показали статью В. Ляцкого, опубликованную в дни августовского путча. Принёс он её 20 числа, когда ситуация даже для активных слушателей «Би-би-си» и радиостанции «Свобода» была далеко не ясной. Позволю себе привести некоторые цитаты. Они в строку: «Насилие неизбежно рождает насилие, а эскалация политического насилия приводит к тому, что в результате люди теряют даже те скудные права и ту степень цивилизации, которую имели, общество оказывается отброшенным назад на десятки лет... Хотя сейчас в стране экономический бедлам, новые идеи принесли надежду на иную, лучшую жизнь... Они (*руководители путча – Я. М.*) всё больше теряют почву под ногами, создаётся впечатление, что дни их сочтены».

В заключение автор написал: «Инициаторы переворота – политические безумцы, они социально опасны, их пребывание во главе ядерной державы опасно вдвойне и втройне. Надо сделать всё, чтобы они немедленно ушли, после чего мы решим оставшиеся более простые задачи и, наученные горьким опытом, будем более терпимо относиться друг к другу».

Эти строки были написаны не после, а во время того.

Мне бы тоже хотелось, чтобы идеолог либерализма Ляцкий более эмоционально и, если хотите, популярно излагал свои мысли. Чтоб на прочном фундаменте теории лежали броские и понятные лозунги. Наверное, икается моё образование да воспитание. Засели в голове лозунги-команды: «Заводы – рабочим! Земля – крестьянам! Мир – народам!». Ляцкого команды смущают. Он уверен и убеждён, что к мыслям-поступкам каждый должен созреть и подойти сам, без направляющей подсказки.

Разве что с помощью газеты «Северные записки». Её учредители – не общественные или какие другие организации, не трудовой коллектив редакции, а частные лица – Е. А. Еремёнко и В. Б. Ляцкий. Последний ещё и редактор. Вышло четыре номера, пока примерно два раза в месяц, в плане – еженедельное издание, с начала будущего года. Тогда и подписку объявят.

В подзаголовке – «Независимая либеральная газета». Сотрудники редакции занимаются политикой в свободное от научных открытий время Е. Г. Белова, А. Б. Кашин, В. И. Рубинштейн – из того же питомника свободомыслия, из геофизического института. П. А. Калугин – сотрудник Полярного ботани-

ческого сада, В. А. Шубин – мурманский журналист, Ю. А. Симуков возглавляет Мурманскую областную организацию социал-демократов. Все работают на общественных началах, реализация газеты едва компенсирует затраты на бумагу и типографию.

Спокойствию и корректности тона «Северных записок», интеллигентности – если настаиваете, – могли бы поучиться иные крикливые издания, что кипят своей независимостью. В каждом номере – сжатый, тщательно подготовленный обзор событий в области и в стране, информация о демократических движениях, интервью с лидерами различных партий, включая коммунистическую. Даже полезные советы специфические: как определить, подслушивают ваши телефонные разговоры или нет.

Привлекает язык газеты. Не только сдержанный, но и грамотный, литературно отделанный, никаких ярлыков и оскорблений. Аргументы, факты, при необходимости – комментарии.

Владислав Борисович убеждён: 5 тысяч тиража – не предел, «Северные записки» станут самой популярной газетой в области. Мои сомнения, дескать, в теперешнем море прессы сложно застолбить свою нишу, что массовые издания на все случаи и на все вкусы ещё никому не удавались, что нужно учесть инерцию пристрастий – Ляцкий не счёл нужным оспаривать.

Он верит, что интеллигенции нужна своя газета, что его поддержат думающие читатели. А там и масса присоединится. Пока же только так: информировать, объяснять, растолковывать. Без нажима. Страницы открыты для всех. Если есть что сказать. И если умеешь свои мысли формулировать. Покушающихся на права личности – просят не беспокоиться. С ними не по пути.

Расстались мы на начальной стадии консенсуса. Да и не стремились перевербовать один другого в свою веру. Знаю лишь, что «Северные записки» постараюсь читать регулярно. Они мне интересны.

ПАССАЖИР ВИШНЁВОГО «МОСКВИЧА» **(«Полярная правда», № 209 (18.698), 29 октября 1991 г.)**

День выдался как по заказу – солнечный, бодрящий, без мошкары. И место попало урожайное. За несколько часов каждый из взрослых пассажиров «Москвича» и «Запорожца» собрал почти по два ведра брусники. Попили чаю у костра, зафиксировали это событие на фотоплёнке и – в обратный путь. Ехать километров восемьдесят, а дорога лесная, начерно проложенная. Петляет между болотами.

«Москвич» впереди, за рулём более опытный водитель. Позади «Запорожец». Старались не рассыпать на ухабах бруснику, прикидывали, если ничего не случится, добраться до Ковдора часа через полтора-два.

Но – случилось. И очень скоро. Из-за поворота выскочила «вишнёвая молния». Дальше тишина. Сидевшая впереди женщина сквозь помехи, смахивающие на потрескивание в радиоприёмнике, различила голос своего сына

Василька:

– Мама, мама, открой глаза, мама!

Очнулась. Лучи солнца скрежетали на рваных изломах лобового стекла. На руле повис водитель весь в крови, сзади изошлась в крике жена его, Татьяна.

Подскочили друзья из ехавшего следом «Запорожца», открыли двери, положили на землю сиденья, помогли выйти. Лицо мужчины, что сидел рядом с Васильком, покрыла синяя маска. Кровь, много крови. От одного вида матери Василька стало плохо. Тогда казалось, именно потому.

С сыном всё в порядке: ни царапины. Женщина посмотрела на застывшую «вишнёвую молнию». Тоже «Москвич», но последней модели. Врезался в бампер немного сбоку, капот задрался. Стекло уцелело, но трещинами пошло. В приоткрытую дверь свешивалась рука водителя. Пузыри изо рта, как у ребёнка в сладком сне. Его попутчики переговариваются между собой, но не выходят. Мелькнула тень. Вдогонку женский голос:

– Беги, беги! Не скроешься, мы тебя узнали!

Действительно, это был Чёткин, заместитель начальника райотдела милиции. Встречалась с ним не раз по работе. Но остальные-то, остальные. Сидят, не вышли, не помогли. А женщина продолжает кричать от боли. Впоследствии врачи определяют – у неё сложный перелом руки.

Друзья, как смогли, оказали первую помощь. Водитель «Запорожца» мотнулся на заставу к ближайшему телефону, вызвал «скорую». Тревожное ожидание. Иногда женский крик затихал – Татьяна теряла сознание. Стоило ей чуть повернуться – и опять. Глаз у соседа совсем заплыл. Друзья развели костерок, собирали мха для постелей. Мужики из вишнёвого «Москвича» разминались у машины, но не подходили, от чего спокойствия не прибавлялось: иди знай, что замыслили. Часам к семи приехали медики в сопровождении старшего инспектора дорожно-патрульной службы и следователя. К тому времени офицер Чёткин, облачённый по случаю выходного дня в партикулярную одежду, вышел из лесу и присоединился к своим попутчикам. Исчез его подчинённый – сержант в штатском.

Возможно, меры принимал, сообщал об аварии на дороге. Опоздал, помощь уже выехала.

Врач и медсестра метались от одного пострадавшего к другому, делали уколы, накладывали шины. Следователь опрашивал свидетелей, замерял расстояния. Инспектор ГАИ тронул за плечо водителя – виновника случившегося. Тот мотнул головой, протёр глаза и выпалил:

– Козлы! Что вы сделали с моей машиной?!

Ему предложили пройти в милицейский «уазик» и скорей в Ковдор – свидетельствовать на предмет алкоголя. Визуальное наблюдение, характерный запах, беспробудный сон, – косвенные доказательства. Слово за экспертизой.

Никуда не денешься – явное нарушение правил дорожного движения. Пострадавший водитель «Москвича», кстати сказать, профессиональный шофёр, работавший таксистом в Ленинграде, потом прокомментирует:

– Каких только столкновений за свою жизнь избежал, а тут хоть взлетай!

И то верно. Инспектор ГАИ зафиксировал: водитель прижал жёлтый «Москвич» к самой бровке, а затормозить не успел. Да и не смог бы. Любое другое его действие обернулось бы куда большей трагедией.

«Скорая», погрузив четырёх пострадавших, укатила на малой скорости. Ей ещё часа четыре ковылять до Ковдора. Есть у нас с вами время обдумать случившееся, посочувствовать травмированным. В городе о факте аварии стало известно часам к семнадцати. Никаких подробностей, кроме той, что «машина всмятку». Каково такое услышать?

С одной стороны, «установлен факт употребления алкоголя» ... Здесь мы оборвём цитату из документа. Ибо, с другой стороны столько времени прошло от момента аварии до прибытия в больницу. Взята была, как положено, у водителя вишнёвого «Москвича» кровь. Для определения всё тех же признаков опьянения. Что показал анализ – не могу сказать. Тайна следствия. Впрочем, почти месяц спустя после происшедшего в деле отсутствовали результаты анализа крови.

Зафиксированных косвенных улик – с лихвой. Карманы задних дверей вишнёвого вспухли от бутылок со спиртным. Как опорожнённых, так и не дождавшихся своей очереди. Не будет же хозяин машины и пассажиры утверждать, что всю батарею везли ради испытания стеклопосуды на прочность...

Надо сказать, бутылки проявили себя блестяще, выдержали удар, ни капли не пролили. Сопровождавшие их в вишнёвом «Москвиче» лица тоже ^{отделались} лёгким испугом. Никто из них не обратился к медикам за помощью.

Ведомственность в недавние годы раздирала общество на лоскуты. Ведомственность в расшифровке Михаила Жванецкого означает: «Что охраняешь – то имеешь, ещё с друзьями делишься». Стоишь на страже закона – сможешь воспользоваться ходами-выходами, которые для подданных остальных структур как локоть – не укусишь.

И я скажу: в подавляющем большинстве в правоохранительные органы идут люди особого склада. С них хоть майора Пронина рисуй, хоть капитана Анискина. Но ведь бывает же, попадают в стаде нетипичные овцы.

Память нам не изменяет. В газетах доперестроечной поры о милиционерах ни одного худого слова. Знаете, почему? По негласному указанию Щёлокова с Чурбановым ни один редактор не имел права на критику в адрес стража порядка. Механика получения разрешения на публикацию была такой ржавой, что в лучшем случае приходила бумага: «Спасибо, паршивая овца уволена из органов, вопрос исчерпан».

Давно убрали охранительную инструкцию. Но дух её живет.

И питает кое-кого уверенностью в собственной неприкасаемости. Иначе почему бы – был такой случай – инспектор БХСС, застуканный на браконьерстве, подал в суд на газету за... оскорбление чести и достоинства. Он, видите ли, за запрещённые орудия лова руками не держался, только рядом стоял. И вообще совершенно случайно оказался в одной машине с браконьерами.

Смеетесь? Вот вам другая цепь случайных совпадений. Несколько лет тому назад в одном из посёлков области инспектор Госпожнадзора случайно

проходил мимо магазина, где именно в тот день выбросили на прилавок импортную радиотехнику. Офицер раз-раз себя по карманам. На счастье, случайно обнаружили деньги. Вся сумма – три тысячи. Я уже не говорю, что здание магазина деревянное, с печным отоплением и от левой ноги пожинспектора торговая администрация никак не зависела. Но цепь совпадений налицо, вместе с презумпцией невиновности. Иначе говоря – не подкопаешься. С юридической точки зрения. Какие у вас претензии к инспектору? Или вы жаждете, чтобы он подал на вас в суд за оскорбление?

Верю, верю, другая эпоха на дворе.

Офицер Чёткин вместе со своими подчинёнными в свободные от службы часы просто делали пеший променад вдоль госграницы. Их нагнала машина с московскими номерами:

– Ба, случайные знакомые! Садитесь, подвезём. Покажите, где здесь брусника водится.

Готов поверить, что это ЧП на дороге разбирали следователи милиции, чьи кабинеты совершенно случайно находятся рядом с кабинетом тов. Чёткина. Десять дней разбирали, с 21 сентября до 1 октября с. г. Лишь тогда дело под свою опеку взяла заместитель прокурора района Л. А. Сюдюкова. Ради объективности рассмотрения. Взяла и положила в сейф. До выхода из отпуска прокурора района Б. Б. Борисова. Последний как приступил к исполнению 9 октября, так и дал делу законный ход – поручил разобраться следователю прокуратуры.

Так что, граждане, тише, идёт следствие! Не будем мешать.

Профессионалы! Что им стоит задним числом восстановить истину и воздать должное всем участникам и соучастникам?

Можно ли по прошествии стольких дней подтвердить (или опровергнуть), какую дозу спиртного принял экипаж вишнёвой машины? Вот-вот, и я сомневаюсь.

Не побеспокоился о своем алиби и Чёткин, не съездил в тот злополучный вечер в больницу, не взял справку. Зачем? Правила дорожного движения не он лично нарушил. И вообще, человек, то есть он лично, в лесу после аварии заблудился, а эти самые пострадавшие даже не вздумали ему «ау!» крикнуть.

Не знаю, не знаю. Боже упаси, если этот газетный материал товарищ офицер и его подчинённые представят как давление на следствие и суд.

Беседовал с людьми, находившимися в пострадавшей машине. С оперативными работниками, прибывшими на место происшествия. С невольными свидетелями. Большинство не сомневается, что водитель вишнёвого «Москвича» и его пассажиры изрядно «подзаправились». В кавычках и без. Понятно, чем. Иначе бы не неслись по ненадёжной дороге со скоростью восемьдесят километров.

В конце почти часового разговора с В. Н. Чёткиным в его кабинете заместителя начальника Ковдорского РОВД напрямую спросил: как он мог сесть в машину, где водитель лыка не вязал? Почему не оказал помощи пострадавшим – дал дёрну? И вообще, чувствует ли он себя ответственным за происшедшее?

Не получил прямого ответа. Ни одного. Зато узнал, что после суда он, В. Н. Чёткин, постарается привлечь клеветников за клевету.

Верю, постарается. Поэтому не спросил, имеет ли моральное право офицер милиции оставаться в своём кабинете и руководить охраной правопорядка, пока суд не подтвердит его версию? Сослуживцев, каюсь, спрашивал, а Владимира Николаевича не спросил.

У него собственный взгляд. Он уверен, что закон своего стража защитит в первую очередь.

Ах, как хочется быть наивным и считать, что перед Законом все равны!

ЧЕРНОБЫЛИ НЕ ХОДЯТ В ОДИНОЧКУ **(«Полярная правда», № 213 (18702), 2 ноября 1991 г.)**

«Мы не от старости умрём, от старых ран умрём...» – напрозорчил поэт после той далекой войны. Не одному себе. Мрачное предвидение продолжает сбываться. Хотя давно не наливают в кружки «трофейный рыжий ром». Пьют, что раздобыть удаётся. И умирают. Как определяют при вскрытии – «от чрезмерной дозы алкоголя». Про старые раны, про невидимые раны без шрамов и бинтов, судмедэксперты в отчётах не упоминают. Дело прошлое. Для нас с вами прошлое. А у юноши, прошедшего огонь, воду и радиационные трубы, оно, прошлое, застряло в теле и, в конце концов, утащило с собой.

Почти год папка пролежала в моём столе. Не решался, боялся к ней прикоснуться. Документы, письма, записи бесед с косвенными участниками событий последних месяцев жизни парня. Ему едва минуло 24 года. Наверное, стихи, которые я процитировал, он и не знал. Родился через тринадцать лет после смерти поэта. Пока рос и мужал, в ходу были другие песни про войну. Ниперед боем, ни после солдат в них не ронял слезы, был горд неукоснительным выполнением приказов командиров и позволял городу думать, что «где-то ученья идут».

Служил солдат в железнодорожных войсках, строил мосты и дороги в разных концах Союза. Подразделение дислоцировалось в Чернигове. Сразу после чернобыльской аварии оказался если не в самом пекле, то около. Начальники военного ведомства понимали, что к чему, меняли спасателей-ликвидаторов через три, через десять дней. Задержаться пришлось в конце службы – рота расчищала территорию для нового вахтового посёлка энергетиков ЧАЭС.

Сады от груш-яблок ломаются, в речке купайся хоть нагишом – жителей подчистую вывезли. В непогоду бери в школьной библиотеке любую книгу. Одну домой привёз. Мать и сестра до сих пор не знают, как поступить с книгой этой, с форменной одеждой, в которой в запас уволился. Память о родном человеке. Но поди знай, не заминированы ли вещи радиацией?

Размеры горя, обрушившегося на три республики, в голове не укладываются. Если в миллионах поражённых гектаров и в тысячах жизней... Вот ещё одна... Уроженец Кольского полуострова, Валерий, участвовал в ликвидации

последствий аварии на Чернобыльской АЭС и остался жив. Приехал домой, устроился на работу. Однако невидимые раны, нанесённые радиацией, убили его спустя несколько лет.

Здесь и далее привожу строки из писем его матери. В различные инстанции. Писем, оставшихся по существу без ответа.

«После демобилизации, как и подобает военнообязанному, сын становится на военный учёт и предъявляет карточку «учёта доз радиоактивного облучения (в сумме –12,65 рентгена)». На учёт взяли и забыли. Почти за четыре года по линии военкомата сын ни разу не проходил медицинского освидетельствования. Как-то я обратилась в военкомат с просьбой, чтобы солдаты – ликвидаторы аварии – пользовались столом заказов. Мне объяснили, что они сделали запрос в областной военкомат. На этом наши связи с райвоенкоматом закончились».

А просьба матери про стол заказов впечаталась. Хотя осталась без реагирования. В разных районных инстанциях мне не в лоб, а как бы между прочим, намекали: мать не справедливости в память о сыне добивается (*«Как засну, так и вижу его, он все спрашивает: «Мама, что же ты меня не защитила?!»*), её льготы больше волнуют. Льготы. До них ли, когда в документе о смерти сына бьёт по нервам строка: «умер от чрезмерной дозы алкоголя».

Льготы, льготы... Разъели они наше общество хуже ржавчины. Не живём, а стоим в одной громадной очереди. И следим, как бы кто вперёд нас не протиснулся. Мудрые и добрые слова о любви к ближнему да о сострадании к чужому горю заменяет нам хамская формула «Вас тут не стояло!».

Мать никто слышать не хотел. А она надеялась. Нена сочувствие, на внимание.

«В июне 1989 года у сына заболели глаза, он обратился в больницу, ему выдали бюллетень. Проходит день, двадцатый – улучшения нет. Он мне говорит: что-то меня лечат, а мне всё хуже и хуже, теряю зрение. Тогда я обратилась к окулисту Ивановой. Она мне объяснила, что с таким заболеванием, как у сына, держат в больнице по месяцу. Тогда я ей сказала, что он был в Чернобыле. Она назначила сыну пройти анализы, а сама уехала в отпуск. Карточку сына направила цеховому врачу Петровой. Анализы оказались очень плохие. Цеховой врач направила сына в стационар для определения диагноза. От стационара сын отказался и пошёл на работу».

Юноше едва за двадцать. Руки-ноги целы, ему стыдно ошиваться по больницам. Но почему врачи не настояли?

– А как бы вы на их месте поступили? – позволю себе ответить вопросом на вопрос.

Сколько их, Чернобылей, невидимых и не обнаруженных пока счётчиками-датчиками, расплзлось по многострадальной нашей стране? Сколько осколков от бумажных взрывов по линии разных ведомств погребли под собой не только здравый смысл, но и нормальную человеческую реакцию на происходящее?

Можно, и я пытался, предъявить врачам претензии: почему не поставили на учёт человека, прошедшего чернобыльские круги ада?

Не могли поставить. Не имели они на руках официального документа, дающего на это право. Потому и отсутствовала пометка в карточке больного. Сейчас уже не определить: то ли райвоенкомат забыл переслать бумагу, то ли не имел указания, а, следовательно, и полномочий её пересылать.

Цеховой врач Петрова на основании анализов заподозрила неладное, направила парня в стационар на обследование. Он отказался. Терапевт Сидорова по просьбе матери закрыла бюллетень. Опять же потому, что в карточке не было никаких пометок. Держать в голове информацию, почерпнутую из разговоров, врачам при конвейерной системе общения с пациентами да обилии обязательной писанины, – это уже за пределами возможного.

«Он был такой балагур, жизнерадостный. А в последнее время замкнулся, с работы придёт, поест и ложится отдыхать. Прежде за ним такого я не наблюдала. У него всегда было столько энергии, посещал духовой оркестр. Разговаривали насчёт его женитьбы. Сказал: подожду год. Приезжал к ним в часть медицинский бог из Москвы и посоветовал после армии лет пять не жениться».

Ни этот медбог, ни боги из других ведомств не сочли необходимым разослать свои советы по военкоматовской цепочке. А может, на пути оказался какой-нибудь бдительный страж и решил, что такие сведения подорвут морально-политические устои? Когда информация в сейфе, то её вроде нету. И проблемы нету. Зачем, так сказать, волновать людей и сеять панику?

«5 апреля 1990 года сына призывают на военные сборы, на четыре недели. Не предупредили заранее, утром 5 апреля прислали домой нарочного, чтобы явился в военкомат. Начальник отдела кадров с моей работы позвонила туда, сказала, что мать плачет, что сын больной. Ей ответили: каждая мать ищет для своего сына болезнь, лишь бы не служил. Я хотела тут же пойти к военкому, но сын не разрешил: «Не унижайся, отслужи».

Знаю, перед призывом на краткосрочные сборы на медкомиссию направлять необязательно. Всё равно спросил у военкома:

– Как же так, почему не поверили матери, не поинтересовались здоровьем солдата сами?

Тот не понял:

– Что же он ко мне лично не обратился? Всегда спрашиваю, имеются ли жалобы и какие?

Чёрт возьми, как будто юноши все как один спешат записаться в инвалиды! Да среди сверстников, тем более перед строем – какие жалобы?

«Служил неподалёку. На воскресенье их отпускали домой. В последний его приезд, 22 апреля, удивилась, почему шею перевязывает платком. Горло, говорит, заболело. Гляжу на шею ишики, на лимфоузлах. Пробовала убедить не ездить в часть, сходить в военкомат и всё объяснить. Не захотел подводить своё военное начальство. Только сказал, что совсем плохо стал видеть. На срочной службе, говорит, стрелял на «отлично» с 350 метров, а теперь и с 25 метров не попадает.

Расстались мы. Утром мне нужно было срочно по семейным обстоятельствам уехать. А 29 апреля меня догнала телеграмма, что сын скоропостижно скончался...».

Не буду утаивать. После окончания сборов Валерий с приятелем выпил лишнего. Доза для ослабленного организма оказалась чрезмерной. Умер от алкогольного отравления. Что и показало вскрытие.

Судмедэксперт про чернобыльскую дозу облучения не знал – в карточке не значилась. А если бы и знал, всё равно написал бы, как было: в крови 4,8 процента алкоголя.

Мать не могла поверить, что причина смерти сына только в этом, обращалась в прокуратуру, в управление здравоохранения облисполкома. Приходили ответы. Дескать, остальное не доказано, а алкогольное отравление налицо.

Пить вредно. И трофейный рыжий ром, и отечественную водку. Опасно для здоровья... Твои сверстники и одноклассники встречаются с девушками, женятся, иные папами стали, а ты еле-еле до кровати доползаешь. Всё думаешь, вот выпишься и проснёшься здоровым и бодрым. Не получается. И боль в голове по утрам не проходит, и слабость. В ванну хоть не садись – вся в волосах, причёсывать уже нечего. Да и лицо мутнеет в зеркале – видишь всё хуже и хуже. Когда такое враз навалится – трудно придерживаться трезвости, как нормы жизни.

Не оправдываю – размышляю. Вы уже, наверное, догадались, что фамилии действующих лиц я изменил. Не могу взять на себя смелость обвинять кого бы то ни было в смерти человека. Не могу, пока на все сто процентов не буду убеждён.

Во-вторых, если по большому счёту, все мы жертвы Чернобыля. Бюрократического. Врачам, затурканным бумажной системой нашего здравоохранения, на больного некогда глянуть, не то что выслушать его. Самостоятельно, без официальной бумаги, они не имеют права вносить в карточку больного никаких сведений. В военных комиссариатах – свои инструкции-предписания. Не смей отступить от них ни на сантиметр.

Поступила команда – другое дело. 28 апреля 1990 года – обратите внимание на дату: за день до смерти Валерия – в адрес районной больницы и в копии – облвоенкомату (порядок есть порядок!) за подписью райвоенкома ушла бумага: *«Направляю уточнённый список лиц, принимавших участие в ликвидации последствий аварии на ЧАЭС в период прохождения срочной службы и проживающих в настоящее время на территории нашего района».* Первой в списке из двух человек названа фамилия Валерия, 1966 года рождения, там-то проживающего, там-то работающего. Правда, в графе «доза облучения» стоит: *«неизвестна».*

Держал в руках этот военкомовский бланк. Рядом с фамилией Валерия карандашная приписка: *«Умер».*

Официальный документ – это уже основание для записи в карточке больного, для постановки на учёт. Для льгот, если хотите. Но Валерию они уже ни к чему.

Известно, в Японии люди, пострадавшие от атомных бомбардировок, в среднем живут дольше остальных, не поражённых радиацией. Отношение общества, уход, постоянное врачебное око – поэтому и живут. Не будь покровы тайны над списками ликвидаторов последствий аварии на Чернобыле, может, мы и не завидовали бы по этому пункту японцам.

Сейчас никто с уверенностью не скажет, оборвалась бы жизнь Валерия, когда бы после увольнения в запас он был бы обогрет государством в лице представителей ведомств. Государством, чью волю он выполнял, разбирая завалы под Чернобылем. Могли ли помочь переломить судьбу родственники и друзья, если бы настоятельно подсказали Валерию, что водка – не выход? Тоже не знаю, не берусь судить.

До конца дней матери будет сниться сын.

Снись! Обязательно. Только, пожалуйста, не говори ей больше несправедливых слов:

– Что же ты меня не защитила, мама?!

Прости, пожалуйста, Валерий, что я и твоё имя изменил.

Прости, всех нас, если можешь.

ПРИКАЗЫ НЕ ОБСУЖДАЮТСЯ **(«Полярная правда», № 223 (18.712), 19 ноября 1991 г.)**

Начну с конца. С разговора в кабинете Ковдорского районного военного комиссара В. Г. Моторкина, проходившего в присутствии В. А. Кабакова–его заместителя.

Изложил ситуацию, попросил прокомментировать. Не успел глазом моргнуть, как был ошарашен обидой с патриотическим уклоном:

– Мало на армию за последние месяцы грязи вылили, так вы со своей газетой туда же!

Любая военная доктрина, насколько мне известно, включает в себя вечно новый завет о том, что «лучшая защита – это нападение». Но я всё же обиделся. Потому как за душой ни одного неуважительного слова по адресу армии не числю. Да и откуда им взяться? Рос в военных городках, отец был офицером. И вдруг такое обвинение.

Пришлось предъявить копии документов, наряд с гербовой печатью, предписывающий директору Ковдорского леспромхоза поставить 3 октября с. г. к 8 часам в Ковдорский райвоенкомат грузовой МАЗ–509 с прицепом для осуществления контрольного пробега – 500 км. Типографский текст наряда растолковал детали: *«Автомобили... должны быть поставлены лучшие, технически исправные, с положенным комплектом запасных частей, приборами и инструментами, техническими паспортами на них и полной заправкой горючего»*. Заканчивалось предписание недвусмысленно: *«За срыв, некачественное и неполное выполнение наряда на поставку техники виновные несут ответственность по закону»*.

Приказ есть приказ. В 8.00 3 октября с. г. заправленный горючим грузовик

бил копытом у дверей военкомата. Василий Георгиевич Моторкин, военный комиссар, объяснил мне, что имеет право и обязан проверять в течение года несколько десятков единиц гражданской техники. Однако, учитывая нынешние сложности предприятий, сократил контрольные проверки до минимума. И всегда готов рассмотреть претензии хозяйственников, их просьбы. В данном конкретном случае жалоб не поступало, потому ему непонятна цель моего визита.

– Известно ли вам, что вместо контрольного пробега машину использовали для перевозки груза, принадлежавшего частному лицу?

Районному комиссару пришёл на помощь его заместитель В. А. Кабаков:

– Какая разница, что вывозили! Попутно машину всё равно проверили...

Владимир Андреевич знал, что говорил. Поскольку именно он сидел в кабине призванного на службу МАЗа и указывал дорогу. Как частное лицо он лично приобрёл порубочный билет и договорился с кооперативом «Надежда» о заготовке купленной на корню древесины. Доставить хлысты, то есть брёвна – дело техники. Принадлежащей леспромхозу. Так же, как освободить древесину от коры, разрезать на части и погрузить в вагон. Что и было исполнено.

Как вы – не знаю, а персонально яне сомневаюсь, что вагон Кольской древесины отправился в Житомир за ради благих целей. Мне только не совсем понятно, зачем было призывать на службу автомашину МАЗ–509с прицепом? За вагон, если интересно, зам. военкома В. А. Кабаков заплатил из собственного кармана, не выписывал железной дороге наряд на контрольный пробег Ковдор – Житомир. Насколько информирован, от подобной дани освобождены авиаторы. Их в порядке наряда не заставляют подгонять скоростной лайнер прямо к крыльцу, дабы переправить по воздуху отпускников – служащих военкомата – к берегу лазурного моря.

В давней повести Александра Козачинского «Зелёный фургон», дважды экранизированной (и оба удачно), милиционеры просили начальника угрозыска выдать им из вещественных доказательств во временное пользование по четыре фунта постного масла. Так то были безграмотные стражи порядка первых лет революции. Они не видели разницы между положенным им пайковым довольствием и реквизированными на базаре продуктами. Опять же, служба рисковая...

Узнал я об истории с автопробегом по предписанию военкомата в начале ноября – на собрании водителей и деревообработчиков Ковдорского леспромхоза. В октябре нижний склад предприятия простоял более 50 часов из-за отсутствия сырья – леса для пиления. Ибо «в начале месяца шофера раскачиваются, мало привозят древесины». Вагон леса, доставленный на нижний склад третьего и четвертого октября за время контрольного пробега МАЗа, позволил бы сократить на треть вынужденный простой.

Кстати сказать, двухсменный пробег МАЗа обошёлся бы нанимателю с учётом налога примерно в 400 рублей. Собственно, так и расплачиваются работники леспромхоза, если кому из них требуется машина для перевозки личных грузов.

С материальным ущербом разобрались. А с моральным?

Если поручик или, как в данном случае, майор шагает не в ногу, разве вся армия виновата?

Вооружённым Силам без военной тайны не обойтись. Понимаем. Жили и дальше проживём, не зная и не ведая, в каком сейфе хранятся мобпредписания и на каком складе противогазы дожидаются сигнала тревоги. Но когда под видом военной необходимости грузовик госпредприятия снимается с линии и используется для перевозки частных грузов, с такого приказа не грех снять покров совсекретности. Хотя бы потому, что пятый пункт цитированного выше документа гласит: *«Предназначенная к поставке техника доставляется в сроки и по адресам, указанным в наряде, с закреплёнными за ней водителями из числа сержантов и солдат запаса, а при их отсутствии – другими водителями, работающими в организации, учреждении, на предприятии».*

Приказы не обсуждаются. Будем благодарны майору из военкомата, что для попутной проверки на боеготовность ему лишь МАЗ потребовался. Всего лишь МАЗ с прицепом. Не 80-тонный БелАЗ и не атомный ледокол...

А чего мелочиться? В срок, по адресу – и точка!

ПУСТАЯ КОШЁЛКА ПРИ ПОЛНОМ КОШЕЛЬКЕ («Полярная правда», № 226 (18.715), 22 ноября 1991 г.)

С апреля по октябрь с. г. зарплата деревообработчиков Ковдорского леспромхоза выросла на 171 процент. Конечная продукция – не абстрактные кубометры древесины, которые столько лет камнем висели на балансе леспромхоза. Солнечные кухонные гарнитуры и табуретки идут нарасхват. Цена покупателей не останавливает, что обеспечивает предприятию довольно стабильное финансовое положение.

Всёбыло бы хорошо и прекрасно, если бы не один нюанс. В апреле, в сравнении с октябрём, уже после второго повышения зарплаты, цех произвёл на пару комплектов мебели и на пару десятков табуреток меньше.

Евгений Онегин, как нас учили в школе, был глубокий эконо́м. В переводе на современный язык – начитанный экономист. Он знал, «как государство богатеет, и чем живёт, и почему не нужно золота ему, когда простой продукт имеет». Что касается золотого запаса страны, мы уже разобрались и прослезились. Но ведь и с «простым продуктом» (эти два слова в строфе А. С. Пушкин выделил курсивом) ситуация, как теперь говорят, неоднозначная...

Администрация Ковдорского ГОКа всё чаще оглядывается на счастливое время, на середину прошлой (и последней, увы) пятилетки, когда жили по принципу «давай-давай». Домны Череповца и родное министерство того требовали. Вдруг оказалось, что традиционные потребители могут легко и свободно обойтись без ковдорского сырья. Приходится сдерживать, ограничивать выпуск.

Зарплата рабочих, техников и инженеров, если в цифрах на дензнаках тем

временем растёт. Всёравно не поспевает за ценами в госмагазинах. Не говоря уже о коммерческих. Ещё недавно, считайте, на днях, 250-граммовую пачку зёрен кофе предлагали за 50 рублей. А как просочилась информация про грядущую либерализацию (то есть освобождение – в переводе с иностранного) цен, так хозяева торговой точки нарисовали новую этикетку: 75 рублей. Глядеть можно задаром, с расстояния в два метра.

В апреле с. г. довелось пообщаться с начальником не самого ведущего отдела Кольской АЭС. Страну сотрясали забастовки шахтёров. Многие экономические требования забастовщиков, в конце концов, были удовлетворены, о чём мы узнали из средств массовой информации. Параллельно, без огласки и шума, повысили, и резко, зарплату персоналу станций Минатомэнерго. Правительство Павлова, как понимаю, подстраховалось – приостановка подачи электроэнергии грозила бы полной катастрофой.

Одинсреднеоплачиваемый специалист Кольской атомной в апреле подсчитал:

– Прежде добавлял к зарплате сотню и мог купить цветной телевизор. Теперь после увеличения (плюс «павловская» и отраслевая компенсации) мне тоже не хватает только сотни для покупки цветного телевизора. В апреле с. г. новая цена ящика с цветным изображением – 1500 рублей – если и пугала, то не очень. Осенью в Ковдоре появились холодильники по договорной цене – 5000 рублей. В считанные дни их размели. В коммерческих магазинах к апрельской стоимости телевизора добавили нуль, цифра стала пятизначной. Аппараты пока стоят. Надолго ли?

Вряд ли за несколько месяцев зарплата атомных энергетиков стала пятизначной. Хотя и продолжала расти. В порядке индексации. Трижды клятые ведомства страны ушли в тень, но остались при исполнении. И каждое тащит одеяло общественного богатства на себя. Промелькнуло сообщение, что в октябре с. г. на комбинате «Североникель» в третий раз за год увеличили тарифы и оклады, причём существенно – в 2,25 раза.

В Мончегорске деньги не упали с неба. Медь значительно подскочила в цене, вот и появилась возможность. На Ковдорском ГОКе, хоть он и относится к тому же министерству металлургии, другая ситуация. Комбинат «Североникель» – бывший цветмет, а КГОК – чермет. На сырьё для чёрной металлургии цены только с будущего, 1992 года, собираются поднять.

А есть, пить и одеваться надо сегодня. Профсоюзный комитет комбината вынес на внеочередную конференцию вопрос, поднятый стачкомом одного из ведущих цехов – цеха технологического транспорта: повысить зарплату вдвое с 1 ноября с. г. Иначе...

Иначе – понятно. Не для того выбирают стачечный комитет, чтобы он призывал потуже затягивать пояса. Правда, в ходе обмена мнениями, а он шёл бурно, часов шесть кряду, выяснилось: пока собирали конференцию да утрясали пункты – требования устарели. В два раза мало, надо бы повысить втрое.

Всё так, кто спорит. Но и Ковдорский ГОК при стремительном росте денежной массы на зарплату (за девять месяцев – в 2,1 раза) произвёл товарной

продукции на десять-пятнадцать процентов меньше, чем за такой же период два года назад. Значительная часть её лежит на складах, сброшена в хвостохранилище. «Простого продукта», о котором говорил А. С. Пушкин, получили меньше и продали меньше. Как же прикажете богатеть?

Судили, рядили. Подавляющим большинством голосов конференция решила: не бастовать! Бесполезно. Демонстрация силы и сплочённости подорвёт предприятие окончательно. Согласились с предложением администрации – в ноябре и декабре, досрочно, получить «тринадцатую зарплату» и вознаграждение за выслугу лет. А с нового года вернуться к переговорам, к двукратному (или ещё большему) повышению зарплаты.

Обратили внимание? Газеты всё реже публикуют полные тексты выступлений государственных и общественных деятелей. Перестали собирать зрителей теле-радио трансляции различных съездов и заседаний.

В романе Анатолия Кузнецова «Бабий Яр» есть такая характеристика жителей окраины Киева – Куренёвки. Относится она к довоенному времени. Политика населения этой огородной окраины интересовала только в одном смысле: позволят или не позволят торговать редиской.

Грустно, но из-за сплошных дефицитов и дороговизны вся страна стала жить по кодексу обитателей Куренёвки. К чёрту обещания и посулы – я сегодня хочу себя и свою семью оградить от разрухи!

Оленегорский ГОК – относительно благополучное по нынешним временам государственное предприятие. Администрация комбината заблаговременно подумала о создании производств с выходом на конечную продукцию. Но при очередном повышении зарплаты руководители допустили чисто психологический просчёт. Дозабастовки и стачечных комитетов он не довёл, но ропот поднял приличный. Всё потому, что при солидных льготах да привилегиях при распределении продуктов питания и одежды, при значительном опережении соседей в зарплате и компенсациях, размер «кормовых» (ещё один неологизм нашего времени) в ОГОКе определили минимальный.

Зарплата с авансом – два раза в месяц, штаны и телевизор тоже не ежедневно покупаешь. А в столовую каждый божий день обязательно заглянешь. И когда к талону приходится добавлять по трёшке – поневоле задумаешься. И позавидуешь соседям с маломощных предприятий, что никаких добавок к зарплате пока не имеют, зато «кормовые» получают на полную катушку.

Говорят, рыночные отношения да свободная конкуренция – это и есть способ передвигаться с помощью ног. А не прыгать, отталкиваясь от земли головой. Может быть, может... Сами не пробовали, но верим и надеемся.

Зарплату пока получаем рублями. Кошелёк пухнет, если мелкими купюрами. Куда их девать при натуральном товарообмене? То и дело слышишь: три вагона леса махнули на яблоки, полиэтиленовую плёнку – на утюги, 7 тонн сахара (был такой случай на Кольском полуострове) – на 7 тысяч бутылок коньяка по договорной цене. И так далее, и тому подобное.

С Ковдорским ГОКом один из его потребителей согласился поделить готовой продукцией, отгрузить вместо необходимых 10 тысяч тонн металла – 50 тысяч. Прокат да профили в умелых руках – валюта! Куда лесу или рыбе.

Заживём припеваючи! Я тебе – свободно конвертируемый швеллер, ты мне – видеотехнику и пылесосы.

Слушайте! Не перестать ли нам ждать и надеяться, пока высокие инстанции позаботятся о конвертируемости рубля? К чёрту эти денежные знаки! Перейдём на зарплату в натуральном исчислении. Что производишь – то и получаешь, потом идёшь на рынок-биржу менять. Горняки-обогатители могли бы получать зарплату в «конах», от слова «концентрат». Рыбники за единицу отсчёта возьмут щуку, в ведомости начнут расписываться за «щуки». Благодаря чему выражение «я его ущучил» приобретёт строгий экономический смысл. Кто у нас остался? Строители? Те в «кубах» (железобетона) и в «кирпах» (кирпичах). Остальных переведём в обслуживающий персонал. Кому-то же надо учитывать и менять шило на мыло, концентрат на колбасу.

Горькая шутка, сам понимаю. Цены растут, как на дрожжах, которые, кстати, тоже исчезли из продажи. Валюты для бартерных обменов «простого продукта» не прибавляется. Наоборот.

Ну ладно, секреты менеджмента мы пока не освоили. И высшую математику подзабыли. Даже если кто её учил. Потому логарифмы отставим и алгоритмы тоже.

Но арифметику помним, не выветрилась. Государство богатеет, а в этом был уверен в начале девятнадцатого века Евгений Онегин, «когда простой продукт имеет». Ту самую готовую продукцию, которую мы с вами чуть было в конвертируемую валюту не перевели – в «коны», «щуки» и «кирпы». А когда этого простого продукта – припомним школьное арифметическое действие – государство не имеет или имеет, но во всё меньшем и меньшем количестве, оно, государство (правильно!) беднеет...

Впрочем, ещё отец Онегина из романа А. С. Пушкина с такой арифметикой был не в ладах, не понимал и не принимал её. Потому «земли отдавал в залог». В переводе на нынешние понятия – брал кредиты за рубежом, влезал в долги.

Но это уже тема не наших с вами сфер.

В приватном разговоре инженер обогатительного комплекса Ковдорского ГОКа Татьяна Ивановна Николаева поделилась:

– За сотые процента качества железного концентрата годами бились. А когда видишь, что продукцию, доведённую до совершенства, в отвал сбрасывают, что никому она не нужна – руки опускаются, на работу идти не хочется.

Вот так и живём. Ни тебе морального, ни тебе материального стимула.

АВАНТЮРИН – ВЕНЕЦ РАСЧЁТА И ПОИСКА

(«Полярная правда», 22 ноября, 1991 года, № 226 (18.715))

С упразднением министерства геологическая отрасль переживает не лучшие времена: на 60 процентов сократились бюджетные ассигнования. Ёно-

Ковдорская геолого-разведочная партия не исключение. За короткое время число работающих сократилось с 400 до 100 человек. Чтобы сохранить коллектив, а остались в большинстве не просто кадровые, с многолетним опытом специалисты, остались люди, влюблённые в свою профессию. Им приходится браться за непривычные работы: выполнять мелкие строительные заказы, проводить изыскания перед закладкой фундамента жилых домов и такое прочее.

И продолжать заниматься тем, ради чего, собственно, была вскоре после войны создана стационарная геолого-разведочная партия на юго-западе полуострова – доразведывать запасы Ковдорского месторождения. Заканчивается подсчёт объёмов рудного тела, которое разрабатывает рудник «Железный». Уже ясно, что оно простирается до глубины 2500 метров, не «выклинивается». Причём содержание железа и апатита растёт, что является достаточным обоснованием для развития на месторождении суперкарьера или закладки подземных выработок. По заказу второго крупного горнодобывающего предприятия района – ПО «Ковдорслюда» – геологи разведали и оконтурили залежи оливинитов.

Правда, дальнейшее развитие и тех, и других производств грозит сносом большей части города. Но есть варианты. Километрах в 50 южнее Ковдора, на Вуори-Ярви, открыты и защищены запасы руд, по своим параметрам сходные с ковдорскими. Они несколько беднее по содержанию и объёмам, зато включают в себя редкие металлы. Возможно – дело за экономистами – эта рудная база спасёт Ковдор от переселения в новое место, улучшит в городе экологическую обстановку. Тем более, что по соседству ждёт своего часа месторождение на Саланлатве – запасы баритов, утяжелителей для нефтяных растворов.

Как рассказал начальник ГРП Геннадий Андреевич Кротов, геологи Ковдора за последние годы значительно расширили географию изысканий. По заказу Министерства минудобрений разведаны многомиллиардные запасы апатитсодержащих руд – километрах в тридцати западнее Мурманской. На первый взгляд, руды бедные, всего 3–4 процента двуокиси фосфора (Ковдорский ГОК в отвалы больше выбрасывает). Но руды легко обогатимы и содержат к тому же двуокись титана – необходимое сырьё для производства красителей. Не только эти элементы. Наименование руд: апатит-титан-магнетит-ильменитовые – говорит само за себя.

Предполагалось организовать там суперкарьер годовой производительностью в 50 миллионов тонны руды, но остановились на 5–6 миллионах. Года через два разведка будет закончена, и лет через пять карьер выдаст первую промышленную руду для ПО «Апатит».

Здесь перспективы ясны. На очереди – разведка глин на Коашве. Крупных месторождений этого сырья на Кольском полуострове известно немного. И если пласт глины, залегающий на глубине 60 метров, окажется мощным, а к этому имеются все предпосылки, то отпадёт потребность в завозе в область кирпича из средней полосы.

Надо, наверное, сказать и о детальной разведке подземных вод под Ковдором, как резервного источника снабжения города чистой питьевой водой. И о запасах штаффелитовых руд – сырья для фосфорсодержащих удобрений. И о карбонатах, оконтуривающих Ковдорское месторождение и являющихся, практически неисчерпаемым источником для производства строительных материалов, а после переработки – соды, поташа и алюминия. Конечно же и скальный грунт, пригодный для изготовления строительного щебня. На эти цели пойдут вскрышные породы без вкраплений железа, которые, кстати сказать, и лишают камень необходимой степени крепости.

Природный камень. Мурманская геологическая экспедиция разрабатывает два месторождения красивейшего оттенка гранита в районе Печенги. А неподалёку от Ковдора обнаружены запасы белого кварцита, пронизанного слюдой, эффектного, переливающегося на свету поделочного камня, названного авантюрином.

Рассказ, наверное, будет неполным, если не добавим, что ко многим изысканиям Ено-Ковдорской ГРП проявили заинтересованность фирмы сопредельных стран. К тому же Гремяхинскому месторождению, что неподалёку от Мурмашей. Пока что западным фирмам приходится завозить подобное сырьё из Австралии.

ЗВОНОК ИЗ РАСПРЕДЕЛИТЕЛЯ **(«Полярная правда», № 230 (18.719), 28 ноября 1991 г.)**

Виктор Александрович большой оригинал. Осточертели ему ловкачи да обманщики. Решил бороться. В одиночку. «Терпець», как выражаются братья-украинцы, у него оборвался.

Виктор Александрович Никитин хоть и небольшой начальник по масштабам Ковдора, а всё-таки не пешка. «Если не я, то кто?!» – припомнил он недооплёванный лозунг, издал распоряжение и пустился с ним наперевес на разросшиеся до непомерных размеров отдельные недостатки. Повторил манёвр Алонсо Кихано Доброго, более известного под именем Дон Кихот. Того самого, что сокрушал мельницы,

Оставим на время нашего героя наедине с мечтой о всеобщей справедливости и введём читателя в курс причин, побудивших к действию энергичного хозяйственника. Население города за девять месяцев истекшего года уменьшилось более чем на 450 человек. Уезжают люди с Севера, Ковдор не исключение. Но только считанные единицы сдали телефоны вместе с квартирами.

Задумался начальник узла связи. По долгу службы задумался. Потому как новая телефонная станция никак не вступит в строй. Впрочем, чуть ли не о каждом городе и посёлке в области (и в стране!) можно сказать, что это тот самый населённый пункт, в котором пять (десять, пятнадцать, двадцать) лет строится телефонная станция. А очередь на телефоны растёт. Начальник ломает голову, где ему взять свободные номера для удовлетворения заявок. Хо-

тя бы внеочередников. Тех самых, на чьей стороне разные серьёзные постановления, от одной подписи под которыми в дрожь бросает.

Начальник голову ломает, а поделывать ничего не может. Нет свободных номеров и взять неоткуда. Станция строится, конца стройке не видать. Оборудование на корню ржавеет и дорожает. А тут ещё, по достоверным сведениям, приватизация запускает свои щупальца. Недожидаясь официального благословения. То и дело слышишь, как правдами и неправдами квартирисьёмщики продают государственную жилплощадь. С телефоном – дороже.

Начальник узла связи готов бы закрыть глаза на издержки перехода из социализма в капитализм, на ловких сограждан, что под шумок обогащаются. Да от разгула купли-продажи его ведомство терпит прямые убытки. Не капает мзда за подключение-переключение, чахнет ручеёк платы за установку телефонов.

Можно было бы попросить помощи у коммунальных служб, у милиции. Коллективно взяться за руки и в поход! Но как тут простым ведомствам договориться, когда бывшие братские республики ведут себя так, будто они никакие не родственники. И даже не соседи.

Виктор Александрович вознамерился бороться в одиночку. Как и подобает рыцарю, на опыт которого по борьбе с мельницами мы ссылались.

Тем более у него рычаг под рукой имелся. По нынешним временам самый что ни на есть пробивной. Дефицит называется. А именно – телефонный справочник. Каждый абонент подтвердит: лучше его иметь, чем очередь в справочную под номером 09 с вечера занимать.

Идя навстречу пожеланиям трудящихся В. А. Никитин заказал в типографии список абонентов района. Влучших традициях нашего общества, а других пока не имеем, вознамерился этот дефицит распределить между жаждущими.

Всё честь по чести. Собственный коллектив обеспечил под расписку, районному обществу инвалидов 100 экземпляров подарил. Знай наших! Чай, милосердие в крови каждого связиста. Остальное – в продажу.

И тут-то начальник Никитин издал распоряжение, позволяющее одним махом семерых убивахом. Одарил абонентов дефицитом по 3 рубля 90 копеек за штуку. Хоть и тощая брошюрка, зато сколько действующих лиц под обложкой собрано! Никакая модерновая пьеса сравнения не выдержит.

Это – в тексте распоряжения. А в подтексте, или, как считают последователи Константина Сергеевича Станиславского, в сверхзадаче – заодно выявить всех тех нахалов, кто живёт не по месту прописки и нелегально пользуется телефонными благами.

Пустил в продажу 1785 экземпляров справочника, дескать, всем частным абонентам хватит. Приходи и покупай. По одной штуке в одни руки из расчёта на семью. Но прежде предъяви жировки об уплате за услуги связи. И паспорт прихвати. Не носишь с собой? Погранзона всё-таки. Нехорошо. Изволь опять домой сбегать.

Проверим: на законном основании на дефицит претендуете или чужим телефоном пользуетесь.

Не так давно, когда нехватки только входили в моду, торговые работники навязывали товар с нагрузкой. До чего унижительной была принудилровка.

Новое – всегда хорошо забытое старое. Много раз мы ссылались на авторитеты. Ещё добавим. Поскольку видим, как ошибался древний математик. Ему – греку с острова Сицилия – нужно было не точку опоры искать, а дефицит. Тогда бы не то чтоб землю перевернул бы, любого должника мигом заставил бы внести плату за переустановку телефона.

Чем закончился эксперимент с продажей справочников в Ковдоре – не знаю. Очень может быть, что он помог выявить одного-двух зазевавшихся неплательщиков.

Лес рубят – щепки летят. Цель оправдывает средства. Проходили данные постулаты, зубрили. Теперь выдавливаем из себя по капле. Жаждем шагать в ногу с цивилизацией, а ничего кроме: «Равняйся! Смирно! В демократию строем шагом марш! Запевай!» – ничего, кроме заученных команд, из уст не вылетает.

ПРИМЕРЯТЬ ЗА ШИРМОЧКОЙ

(«Полярная правда», 3 декабря 1991 года, № 233 (18.722))

Знакомство с совместным малым предприятием «Нега» началось с короткой экскурсии. Обратил внимание: в швейном цехе не содраны с люминесцентных светильников прозрачные кожухи. Всё правильно: хотя они и уменьшают световой поток, зато ликвидируют подрагивание лучей. Глаза у швей не так утомляются. Побывал в помещении, где планируют разместить линию пошива детской одежды, поглядел на будущий раскройный цех. Убедился, везде тепло и уютно.

А со склада готовой продукции – а она разногабаритна, постарался побыстрей ретироваться. Не могу описать, какие кружева и разные там рюшки украшают изделия. Эту номенклатуру женского туалета как-то неловко разглядывать человеку противоположного пола. Она первый и основной пока вид продукции, которое освоило и выпускает малое предприятие.

Учредителями предприятия выступили Симферопольская швейная фабрика и ... трест «Ковдорстрой». Не будем углубляться в подробности, как и почему совпали интересы столь далёких друг от друга госпредприятий. Но общее детище у них получилось, и оно нужно северянкам.

Кстати сказать, симферопольцы полвека специализируются на данной части ассортимента дамской амуниции. Продукция не залёживается на прилавках, пользуется спросом в стране и за рубежом. Поскольку в ней почти нет синтетики – шьют из хлопчатобумажной ткани. Симферопольские монополисты поделились с ковдорчанами машинами, технологией, на первых порах – наставниками. Здание предоставил и переоборудовал трест «Ковдорстрой».

Персонал набран 25 человек. Уже просматриваются перспективы второй смены, расширение производства.

Директриса Раиса Александровна Романцева уверена: на будущий год предприятие – если в деньгах – выйдет на объём в два миллиона рублей, даст около 400 тысяч прибыли.

Презентация «Неги» состоялась ещё 3 октября. В день ковдорчанки шьют по 220 изделий. С Нового года цифру предстоит утроить, выйти на 12–13 тысяч штук в месяц. Запланировано и новшество – совмещённая нижняя одежда, бюст-комбинация.

Первая опытная партия разошлась в подразделениях треста. Женщины остались довольны, в том числе ценой, по 12 и 13 рублей с копейками за экземпляр. Уже заказал пару тысяч изделий Ковдорский горно-обогатительный комбинат, следом за ним – ОРС комбината. «Нега» готова откликнуться и на просьбы жительниц соседних районов.

Не всё так просто. В Ковдоре в месяцы освоения лишь собирали готовые изделия. Раскрой и прочие комплектующие высылает Симферополь. Наверное, это и правильно. Нечего самим изобретать велосипед, легче приобрести навыки на апробированном. А уж после того осваивать технологию раскроя, подумать о собственных моделях.

Если бы только этим приходилось заниматься малому предприятию. Не одну неделю гонялся за Раисой Александровной. Как и подобает современному бизнесмену, не вылезает она из командировок. То нитки добывает, то ткани, то фурнитуру, то кружева. Где, что и сколько – бесполезно спрашивать: коммерческая тайна! Зато можно сообщить читателям «Полярки», что предприятие собирается в ближайшие месяцы увеличить объёмы и ассортимент. Вот и весь отчёт о проделанном в командировках.

Прошу подробностей. Интересен же хотя бы цвет основного вида ассортимента. До конца года – розовый, затем – есть уже материал – белый. Спектр размеров – на любую фигуру, начиная с подростковых. Ну а к летнему сезону – детские костюмчики от панамки до трусиков, мужские сатиновые трусы.

Согласитесь, когда на руках такая информация, уже как-то легче на душе.

ПОСИДЕЛКИ **ценой в 2,5 миллиона** **(«Полярная правда», № 238 (18.727), 10 декабря 1991 г.)**

В ночь с 7 на 8 декабря, спустя трое суток и ещё один час забастовки, водители цеха технологического транспорта Ковдорского ГОКа приступили к работе. Девять рабочих смен они приходили в цех, переодевались, но не выезжали на линию. Что и повлекло за собой остановку всей технологической цепи комбината. Потери, если в денежном выражении и в нынешних ценах на сырьё, – более двух с половиной миллионов рублей.

Забастовку водителей не поддержали рабочие остальных цехов комбината. Они строго придерживались решений внеочередной профсоюзной конферен-

ции коллектива, которая состоялась 2 ноября. Конференция, с оглядкой на тяжёлое финансовое положение предприятия, постановила приостановить переговоры с администрацией о резком повышении заработной платы. До 1 января. Дотого времени, когда будут отменены фиксированные цены на продукцию комбината.

Водители добились своего. Им было обещано небольшое повышение тарифных ставок. Они приступили к работе. Воспользовались, так сказать, поводом к почётному отступлению. Может быть, и дальше прогуливали бы без отрыва от рабочего места, да рабочие остальных цехов отказались бастовать. Хотя тоже ощущают на себе, на бюджете своих семей, что зарплата катастрофически отстаёт от роста цен. Но если всем вместе, то перетерпеть ещё несколько недель можно. Трудно, но можно.

Профсоюзный комитет и администрация отказались признать забастовку законной. Ссылки водителей на соседние горнодобывающие комбинаты, где в ноябре-декабре изыскивали средства для двойного-тройного повышения зарплаты, признаны некорректными. Теперь всему коллективу придётся поднапрячься, чтобы ликвидировать вынужденное (из-за простоя) отставание в выпуске продукции. Иначе под угрозой срыва взаимные обязательства администрации и коллектива, принятые на внеочередной профсоюзной конференции. Другого пути просто нет. У комбината и так более 40 миллионов рублей долга банкам. Забастовка подорвала доверие кредиторов, и любая заминка с выпуском продукции грозит предприятию закрытием – со всеми вытекающими последствиями.

ВНУКИ ИВАНА КУЗЬМИЧА **(«Полярная правда», № 243 (18.732) 17 декабря 1991 г.)**

Пусть вас, дорогой читатель, не смущает заголовок. В тексте не будет никаких параллелей, только меридианы. Из нашего времени в те далёкие годы, когда жили и страдали персонажи Михаила Михайловича Зощенко. Не все скопом, а один из них, герой рассказа «Монтёр», Иван Кузьмич Мякишев.

Напомню, если кто забыл. Театральный монтёр Ив. К. Мякишев разбился на управляющего театром за невыделенные контрамарки, выключил рубильник и произнёс свою знаменитую фразу, намекая на привилегированного тенора: «...пушай одной рукой поёт, другой свет зажигает».

Нечто подобное, но в пересчёте на современные условия, произошло утром в недавнее воскресенье в Ковдоре. В кабеле, питающем подстанцию совхоза «Ковдорский», пропала фаза. Остались без электричества ферма крупного рогатого скота на 200 голов и ещё два свинарника-маточника на 500 голов. Замер конвейер, подвозящий корм. Остальная техника. Темно к тому же.

Случай из разряда чрезвычайных происшествий. Администрация совхоза срочно позвонила диспетчеру района электрических сетей.

– Высылаю бригаду дежурных монтёров!
Час прошёл, второй, третий. Нет бригады.

Обратились к вышестоящему руководителю, к начальнику этих самых сетей В. В. Голованову. Начальник успокоил. Напомнил, что свинарники да коровники относятся к объектам третьей категории, ликвидировать аварию на них положено в течение суток. Можно и сразу, но в течение суток инструкция разрешает. А во-вторых:

– Как могу приказать монтажерам выехать в совхоз, если администрация хозяйства и её патрон – Ковдорский ГОК – кровно обидели коллектив электросетей. Первая не выделили мяса в дополнение к талонному, второй ни разу не поделился плодами бартерных сделок – обувью, одеждой и всякой там видеотехникой. Хотя общее дело делаем.

Чтобы покончить с инструкциями, скажу сразу: к ликвидации аварии на подстанции совхоза монтажеры В. В. Голованова приступили лишь на исходе вторых суток. Оправдались тем, что им перебежало дорогу ЧП на объектах первой категории. Беда, знаете ли, не ходит в одиночку. Хорошо ещё, что мороз помилосердствовал, а всё равно поросятам пришлось несладко.

Не знаю, как по остальным параметрам, а по пункту «ты мне, я – тебе» мы уже догнали и перегнали развитые капиталистические страны. С грустью читаешь, что на бывшем гниющем Западе умер знаменитый писатель Довлатов. Умер, пока его везли в больницу, где лечат не имеющих страховку, а не в ближайшую. Но чтоб отказываться от выполнения своего профессионального долга только потому, что заказчики мясом и ширпотребом не поделились, – это уже чисто постперестроечное достижение. У них, на диком Западе, в их «асфальтовых джунглях», как было модно говорить во время оно, до такого рода взаимоотношений с заказчиком ещё не додумались. Кишка тонка.

Долго разговаривал с В. В. Головановым. У руководителя небольшого коллектива проблем выше головы. Так и хочется войти в положение да посочувствовать. Не от хорошей жизни он пошёл по пути Ив. К. Мякишева, пытаясь доказать, кто главнее – монтажеры электросетей или свинарки со скотниками?

Внеугасимых распрях о приоритете представителей той или иной профессии на льготы при распределении общественного пирога мы так далеко забежали, что ещё раз процитируем Зоценко: «Факты всегда сами за себя говорят». Это в его, в двадцатые годы, так считали. Сейчас факты кричат, голос сорвали.

Неужто не услышим, не опомнимся?

БАРТЕР НАМ ЕЩЁ НЕ ТАК НАКОСТЫЛЯЕТ **(«Полярная правда», № 245 (18.734), 19 декабря 1991 г.)**

Город взбудоражили слухи. По нынешним временам взрывоопасные. Судите сами. На талон в ковдорских магазинах сахар по килограмму продают. Аиные ловкачи целыми мешками таскают. Не иначе мафия орудует, а правоохранительные органы дремлют. С чего бы это?

Не буду дальше закручивать интригу. Рабочий контроль и депутатская комиссия вскоре напали на след. Привёл этот след к воротам Ковдорского хлебозавода. Сверили накладные и рецептуру, всё сошлось тютелька в тютельку. Экономия за счёт овсяного печенья не разбазарена. Печенье не выпускают по другой причине – отсутствуют жиры.

Сахар, который мешками, вообще к фондам под продукцию не имеет отношения. Он получен по бартеру (спасибо, одно из предприятий Ковдора товаром для обмена поделилось) на Рыльском сахарном заводе Курской области. В количестве 8 тонн. Вместе с расходами, на транспортировку да стоимостью мешков – по 3 рубля с копейками за килограмм работникам хлебозавода обошёлся. Профком делил по списку. Каждому члену коллектива по 50 кг, по мешку досталось. Не забыли пенсионеров и временных работников.

Как не возмутиться! Одним – по килограмму на месяц, другим – в 50 раз больше. Какое уж тут равенство перед лицом либерализации цен?!

Однако умерим пыл, погодим с раскулачиванием. Сошлёмся на столь популярный в недавние годы справочник «Мы и планета», который чёрным по белому разъяснял, что по потреблению сахара мы, если не впереди планеты всей, то уж в первых рядах. Если верить справочнику, почти по 50 кг сахара в год на душу населения мы съедали. Японцы с немцами – в два раза меньше. То есть в пересчёте на год порция размером с мешок на нашего едока – как раз норма.

Послушаем лучше директора Ковдорского хлебозавода Анну Тимофеевну Кулькову:

– Предприятие весь район обеспечивает хлебом. Цены выросли, но не настолько, чтоб поднять рабочим зарплату до уровня средней по району. А ведь производство сменное, ручного труда достаточно. Женщине приходится строенные формы с буханками тысячами из печи на конвейер перекидывать.

Приходят люди после изнурительного труда в магазины и что видят? Кур выдают по спискам рабочим ОРСа и Ковдорского ГОКа – это их бартер. То одно предприятие, то другое завозит для своего персонала растительное масло и овощи, консервы и сыры. Про одежду с обувью, радио-видеотехнику уже не говорю. Руководитель одного из обделённых производственных участков города список из 27 дефицитных товаров составил. Товаров, что прошли мимо рук его подчинённых, но достались работникам комбината, который означенные подчинённые обслуживают.

Что прикажете делать? Коллектив хлебозавода создавался годами. Продукция, сами понимаете, какая – каждый житель района ежедневно контролирует. Отсюда и требования. Вот и уходят люди туда, где больше платят, где зарплату можно с пользой потратить. Пришлось искать бартер. Спасибо спонсору, предложившему нам товар для обмена. Но если сравнить мешок сахара с теми продуктами, что так или иначе получили в качестве добавки к талонам на остальных предприятиях района, мы явно проиграем. И в общем весе, и в разнообразии.

Не буду комментировать, не берусь. Вначале треклятой антиалкогольной кампании был в ходу анекдот: употребляйте спиртное в одиночку, предпоч-

тительнее в тёмной комнате и под одеялом. Точно так же, наверное, пора обходиться с плодами бартера. С видиками, джинсами, канистрой постного масла или мешком сахара... Иначе сосед, кому не досталось, и кто из другого ведомства, возмутится и не поймёт.

В любом случае время, когда каждый руководитель барахтался в одиночку, пытаясь поддержать на плаву вверенный ему коллектив, подходит к концу. Делить поровну не получается, убедились. Никогда не удастся примирить тех, кому досталось, с теми, кто вытянул пустой билет. С учителями, врачами или милиционерами, кому вообще в обмен на продукты и тряпки предложить нечего кроме своих цепей. Простите, забот. Чем дальше в лес, тем больше дров ломаем. Чем больше бартерных костылей у рубля, тем сильнее он хромот.

Вдиректора хлебозавода А. Т. Кулькову я лично камень не брошу. Помните, самое-самое оправдание из детства: «Не она первая начала!»

Готов этот факт подтвердить. Хоть на Библии, хоть на Коране. Как сейчас принято.

ЗНАХАРСКИЕ МЕТОДИКИ ДОКТОРА МАКАРЕВИЧА

(«Полярная правда», № 251 (18.740), 27 декабря 1991 г.)

Где те времена, когда мы весело посмеивались над рекомендацией, якобы рождённой в Одессе: «Если хочешь сил моральных и физических сберечь, – пейте соков натуральных: укрепляют грудь и плеч!».

С точки зрения укрепления «грудь и плеч» – мысль актуальна, кто против... Сложнее с натуральными соками и другими витаминами. Напряжённость с каждым днём всё отчетливее. Эпидемия гриппа – опять у порога. Что делать? Хоть запрещай собираться в одном месте больше трёх. Уже под санитарно-эпидемическим предлогом. Иначе – труба. Ваптеках ни антибиотиков, ни жаропонижающих.

Не всё так мрачно. Особенно если не ждать милостей от Минздрава. Того самого, что не уставал громко предупреждать о вреде курения, а ныне вещает в треть голоса о сокращении выпуска лекарств.

Впрочем, врачи давно уразумели, что к чему. Один из них – педиатр из Ковдора Владимир Витальевич Макаревич. Ещё на дальних подступах к тотальному дефициту лекарств он пришёл к выводу, что его личное увлечение траволечением перерастает рамки обычного хобби. Доктор проштудировал достижения медицины в этом плане за последние двести лет. Дореволюции всевозможные «Травники» и прочие рецепты народной медицины издавались довольно широко. Владимир Витальевич на основании веками освящённых рецептов составил методики как профилактического, так и индивидуального лечения. Курс довольно длительный – лекарства, настоянные на травах, лишены ударного действия современных препаратов. Зато не имеют побочных эффектов.

Администрация районной больницы образовала бригаду из десяти человек

во главе с заместителем главного врача Н. И. Радиным, заключила договор с поставщиками лечебных трав. Сертификаты гарантируют: сырьё для снадобий экологически чистое.

В прошлом году профилактический курс прошли воспитанники детского сада «Колокольчик» Ковдорского ГОКа. Они пили отвары из трав, бальзамы, то есть коктейли из них же, лакомились кислородными коктейлями. Не вперемышку, а строго по методике. Результаты получились ошеломляющими. Но инициаторы внедрения этого хорошо забытого новшества просили не фиксировать на них внимание. Сверхудачный опыт, но пока что в одном экземпляре.

Витаминные яства обходятся детскому саду в 14–15 рублей (на одного ребёнка). Но если сравнить затраты с уменьшением более чем в три раза заболеваемости детей, и не экономисту станет понятно: деньги на фитотерапию выброшены не зря.

С приготовлениями и раздачей настоянных на травах коктейлей справляется медицинский работник сада. Всё равно ей вменено в обязанности заниматься профилактикой, кормить таблетками, закапывать в нос капли. Чашечка с ароматным напитком – это вам не пипетка с лекарством. Наладка же оборудования, кислород, набор трав – забота бригады из райбольницы.

На нынешний год планы намечались грандиозные – охватить фитотерапией всех дошкольников района. Но эксперимент пока продолжается в восьми детских садах, принадлежащих объединению «Ковдорслюда», Ковдорскому леспромхозу и совхозу «Ёна».

С осени проходят курс фитопрофилактики, работники хлебозавода. Спросил у директора А. Т. Кульковой: ну как?

– Эпидемия гриппа всё равно сказывается, но людям нравится. Вместе с профкомом изыскиваем средства, чтобы от профилактики перейти к лечению травами.

Шеф и организатор этого дела, заместитель главного врача районной больницы Н. И. Радин, поведал, что при поликлинике в самое ближайшее время будет открыт фитобар. Кислородные коктейли, содержащие суточные нормы витаминов, необходимых человеку, будут всегда в ассортименте.

Эксперимент с фитопрофилактикой в Ковдоре, можно сказать, – в разгаре. Оглянемся на одесскую частушку – про возможность «сил моральных и физических сбережь». А что! Это вам не соки, неизвестно из каких фруктов и как извлечённые. Это витамины, таящиеся в ромашке и чабреце, брусничном листе и зверобое, в травах и растениях, что честно служат человеку уже не одно тысячелетие.

ЖИВИТЕЛЬНЫЕ АРОМАТЫ

(«Полярная правда», 28 декабря, 1991 года, № 252 (18. 741))

Заканчивает последние приготовления к зимним школьным каникулам коллектив санатория-профилактория «Кристалл» профкома Ковдорского

горно-обогатительного комбината. Со 2 января начнётся традиционный заезд родителей с детьми. Школьники смогут здесь не только отдохнуть, но и основательно подлечиться.

На пятьдесят детских мест поступило более трёхсот заявок. Даже «ужавшись», удастся принять только около восьмидесяти ребят. Не так уж мало, если вспомнить, что не более двух-трёх десятков юных ковдорчан имеют возможность попасть в течение года в южные и иные здравницы страны.

В Ковдоре, как убеждён главный врач профилактория С. А. Хохлов (по изначальной своей специализации – педиатр), условия для лечения много лучше. Тут с успехом применяют грязи, иглоукалывание, массажи. Ну и конечно, кислородный коктейль. Имеются и более прогрессивные виды лечения, считает врач.

Юным пациентам предложат подводный душ-массаж, а ещё ароматерапию. Правильно догадались – лечение запахами целебных трав и цветов. Впервые эту методику опробовали космонавты и, говорят, остались довольны.

КЛЮЧИ – ЧЕРЕЗ АУКЦИОН **(«Полярная правда», № 6 (18. 748), 10 января 1992 г.)**

Газетчики тоже ошибаются. За всех не расписываюсь, скажу о себе. Как-то на страницах «Полярки» печатно усомнился в жизнеспособности намерений управляющего трестом «Ковдорстрой» А. Е. Агаркова. Он в начале ноября подписал приказ о переносе праздничных дней на два последних числа декабря. Дескать, чтобы встретить Новый год не впопыхах, а как следует.

– М-да, – подумал я вслух, – как это строители обойдутся без 29 и 31 декабря? Дваёмких дня в конце года они давно и основательно застолбили для проведения торжественных сборов членов государственных комиссий на пусковых объектах.

Признаюсь, прежний опыт дал осечку. 29 декабря только что минувшего года в конце короткого предпраздничного рабочего дня в управлении треста «Ковдорстрой» окна не горели. Собирался домой и управляющий трестом Алексей Ефимович Агарков. С большинством пусковых объектов его подчинённые действительно рассчитались. А те два, что остались в незавершёнке, общей радужной картины не портили. Да их и нельзя было сдать – оборудование не подошло.

Помимо воли эти запланированные и осуществлённые свершения бросали ответ на беседу с управляющим, на его планы приступить в наступившем году к строительству квартир «под ключ». Термин не нов, давно на языке и на слуху. Но что это такое и с чем его едят – представляет далеко не каждый.

Всёпотому, что долгие годы взаимоотношения между строителями и заказчиками зиждились совсем на других принципах. Один вкладывал финансы, другой обеспечивал фондами, третий строил. При этом все друг друга контролировали. Денно и ночью. В воздухе ощущалась напряжённость с социализмом, но учёта хватало.

Агарков убеждён, что монополизм строителей уходит в прошлое, что пора становиться фирмой, желательно многопрофильной. Иначе не прожить и не прокормить сложившийся коллектив. Жильёмого не обеспечить. А что сапожнику суждено обходиться без сапог – слабое утешение.

Раньше какой-никакой ручеек всё-таки тёк. Строители обкладывали заказчика десятипроцентным налогом на жильё (десятиной, если по-старому): мы вам за ваши финансы возводим дом, вы нам за наши трудовые усилия отдаёте каждую десятую квартиру. Мало, но другого источника всё равно нету.

Под нажимом инфляции интерес крупных заказчиков к строительству жилья поутих. Не до жиру, на зарплату с компенсацией-индексацией хватило бы.

Как быть? Не терять же высококвалифицированных работников, не оставлять же втуне средства, предшественниками накопленные. А за счёт чего строить? За счёт банковских ссуд! Трест поднатужится, построит дом, придаст квартирам привлекательный вид и выставит на продажу. Вложения и окупятся. Сприбылью.

Ага, скажут иные экономисты, тут её, прибыль, и прихлопнут. На основании свежеиспечённых законов.

Не прихлопнут, аукционы на что! Первые тридцать шесть квартир в уютном девятиэтажном доме будут выставлены на аукцион на исходе текущего года. Любой покупатель, будь он частное или юридическое лицо, сможет заплатить в кассу деньги и получить ключ от квартиры. За трёхкомнатную будь готов выложить 250 тысяч рублей, за двухкомнатную – 180 тысяч.

Пауза в разговоре. Это я прикидываю, сколько же лет мне откладывать зарплату вместе с гонораром, чтобы гордо и независимо подойти к прилавку да небрежно выложить хрустящие пачки купюр? Алексей Ефимович успокоил:

– Продавать будем не только за наличные, но и в рассрочку.

Тоже интересно. Опять задумался, уже надолго. Эдак, если с процентами, никакой жизни не хватит. Не квартира –долговая яма.

Так бы и умножал в уме месяцы на годы, а годы на десятилетия, если бы не вспомнился старый анекдот про отсутствие спроса на чёрную икру в бывшем Елисеевском гастрономе.Находчивый заведующий отделом успокоил настырного иностранца фразой:

– Потому и нет в продаже, что спросу нету!

Сейчас, если верить прилавкам магазинов, ни на что спроса нет – ни на телевизоры, ни на холодильники, ни на машины, в том числе и стиральные. И на машинки –швейные и пишущие.

Лежали бы они спокойно в витринах, тогда и dospорили – есть у покупателя потребности или отсутствуют.

Спрос на квартиры – уверен Агарков – проявится вслед за предложением. Скажет слово альтернативная экономика в лице предпринимателей, заинтересованных в производительном труде наёмных работников. Возникнут варианты у госучреждений, которых богатые соседи не спешат брать в долю. Заботливых родителей тоже нечего сбрасывать со счетов. Квартира на свадь-

бу – лучший подарок. Иначе новобрачные дождутся собственного жилья не раньше, чем внуками обрастут.

Рыночные отношения в чистом виде. Имеешь деньги, милости просим. Вот тебе ключи, выбирай на вкус, какая квартира на тебя смотрит. Не имеешь и не надеешься – становись в очередь на муниципальное жильё. Как в соседних цивилизованных странах, принятых теперь за образец для подражания.

Благодаря выручке от продажи квартир у треста появятся средства, чтобы строить жильё для собственных очередников. Они чай ему, тресту, не посторонние.

Дойдёт черёд до улучшенных проектов. Трёхэтажных домов, не выше, сложенных из цветных шунгизито-бетонных блоков, с черепичной двускатной крышей. Жить в таком здании радостно, и улицы они украсят, разбавят унылое однообразие конвейерной продукции домостроительных комбинатов.

Перспектива! В Ковдор в ближайшем будущем герои Рязановского фильма «С лёгким паром!», заплёванные энтузиастами антиалкогольной кампании, не заедут. Архитектурные сооружения с не общим выраженьем лица разрядят бетонные коробки и не дадут перепутать адрес. Таких привлекательных домов в других населённых пунктах не встретите, они проектируются в конструкторском бюро треста «Ковдорстрой».

На втором этапе строительства квартир под ключ покупатели ещё на дальних подступах смогут прицениться да покрутить носом. Проектировщики по их индивидуальным заказам спальню расширят или, наоборот, кухню. За особую плату, разумеется.

Но это мы размечтались. А как с конкретной датой аукциона? Управляющий трестом пропустил вопрос мимо ушей. Должно быть, из суеверия. Как бы чего не вышло и не случилось.

А чего сомневаться? Впереди – рынок. Егоне минешь и не объедешь. Так что, уважаемое граждане, копите деньги и ценные бумаги! Встретимся в сентябре сего года. Тогда поговорим и приценимся.

КРИЧИТЕ, РЕБЯТА, БУДИТЕ ПЕРЕМЕНЫ

(«Полярная правда, 15 января 1992 года, № 9 (18.751)»)

Ещё летом чайки у этого дома дневали и ночевали. Торты уплетали за милую душу, другими вкусностями не брезговали. Теперь вот вынуждены поститься. Холодильники пусты и вряд ли скоро наполнятся. Пациентки, как заметила заведующая отделением, казённым харчем перестали брезговать, кашку по утрам подъедают.

Было бы странным, если бы оазисы изобилия сохранились. В магазинах шаром покати, откуда разносолам взяться? И всё равно этот дом можно назвать самым радостным зданием в городе. Сюда несут цветы, здесь часами под окнами танцуют счастливые папаши. Лестниц, правда, как прежде быва-

ло, ко второму этажу не подставляют, но металлическую решётку забора приспособили.

Правильно догадались, речь о роддоме. Пусть не самое благозвучное слово досталось нам в наследство, зато каким содержанием наполнено. 33-й год хозяйкой в этом доме – Ирина Владимировна Викторова, по штатному расписанию – заведующая акушерско-гинекологическим отделением центральной районной больницы. Почти каждый юный гражданин Ковдора появился на свет при её содействии. Если всех припомнить – целый город получится.

По 800 и более детей рождалось ежегодно в Ковдоре. Сейчас меньше, с каждым годом меньше. Но жизнь не остановилась, жизнь продолжается. Это ли не чудо!

А мальчик ли родился, девочка, Ирину Владимировну интересует в последнюю очередь:

– Главное, чтобы ребёнок здоровым появился, кричал! Тогда порядок.

Ещё одна неожиданность для меня. Прежде считалось, что рожать лучше поближе к культурным центрам да благодатным местностям. С точки зрения обслуживания и фруктов. Теперь всё чаще студентки столичных вузов приезжают домой к родителям. Становятся мамами, там, где сами появились на свет.

Новогоднюю ёлку не допустили в палаты: стерильность, мол, нарушится. 2 января родился первый в этом году ковдорчанин. В Рождество – сразу трое, девочка и два мальчика. За десять дней года район пополнился 15-ю новыми гражданами.

Счастья вам, здоровья и бодрости! Растите на радость мамам, папам, бабушкам и дедушкам. Кричите, ребята, будьте перемены!

КОШЕЛЁК ОБНОВЛЯТЬ НЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО («Полярная правда», № 10 (18.752), 16 января 1992 г.)

Повезло. В последних числах декабря в Ковдорское отделение акционерного инвестиционно-коммерческого Промстройбанка поступило в три-четыре раза больше денежных знаков, чем обычно. В цифровом выражении – примерно половина ежемесячной «подпитки», поступающей из области. Запасы купюр позволяют спокойно прогнозировать январь. Задержек с выплатой зарплаты, тем более пенсий, не предвидится.

Не спешите увязывать денежную массу, навалившуюся на банк, с либерализацией цен. Дензнаки у населения выкачали плоды бартерных сделок, реализованные предприятиями района своим работникам. К тому, накануне Нового года появилась возможность отоварить талоны на спиртные напитки.

С первых же дней января – спад, и резкий. Магазины промышленных товаров вообще закрылись на инвентаризацию да переоценку. Впродовольственных – ничего, кроме хлеба, молока и мойвы. Ещёталонное мясо, отпугивающее покупателей внешним видом и ценой.

Раз уж отвлекли от дел управляющую банком Валентину Ильиничну Двойнишникову, как не спросить, а хватит ли площадей в подвалах для размещения миллионов? Оказывается, волноваться на этот предмет не сто́ит. В последнее время поступают пачки с крупными купюрами, та же сумма умещается на куда меньшей территории. Про себя делаю вывод: с покупкой нового бумажника можно не спешить – старый от зарплаты не разбухнет. Если она даже вырастет, получу не десятками, а двухсотенными.

Видимо, обещанные пятисотенные и тысячные купюры будут от сотенных отличаться разве цветом да рисунком – ни в коем случае размером. Имеющиеся в наличии счётные машинки не потянут другие габариты.

В конце дня, когда пачки пересчитаны и упакованы, из-под каждой машинки работницы выгребают «денежную пыль». Собрать её и переплавить в звонкую монету – невозможно. Обыкновенная грязь.

Кстати, о ветхих деньгах. Если в магазине не берут у вас порванную купюру и рекомендуют отнести в банк – не спешите соглашаться. Торговые работники проинструктированы, как с утратившими платёжеспособность дензнаками поступать. Перекладывание обязанностей кассира на плечи покупателя инструкцией не предусмотрено.

Купюры с кляксой или там с записью авторучкой уже не изымаются, как прежде, из обращения. Чем тратиться на печатание новых денег, пусть такие, с небольшим изъяном, ещё послужат.

Наверное, приходилось обращать внимание, как на почте или в Сбербанке кассиры чуть более пристально осматривают пяти- и двадцатипятирублевки? Да-да, есть подозрение, что в республике появились фальшивые купюры этого достоинства. Но в Ковдоре они пока обнаружены не были. Как-то, правда, смутила сторублевая ассигнация. Но компетентные центральные органы успокоили – волнения напрасны.

О «меди» да «серебре» всё реже будем вспоминать. Дефицитвозник из-за охлаждения Монетного двора к этому виду продукции. Заодно уж – полезная информация. Монеты пересчитывает специальная машинка, в магазины их отправляют в холщовых мешочках. И если в кассе бросаются в глаза столбики денег, завёрнутые в бумажку, – это уже самодеятельность работников прилавка, а не банковская расфасовка.

– Хватит ли денежных знаков для выплаты пенсий и зарплаты? – повторил я свой вопрос.

Валентина Ильинична заверила:

– В январе задержек не будет! А там...

Вот именно. До февраля ещё дожить надо.

**КОВДОРСКИЙ ГОК
И ГЛАЗУРОВАННЫЙ «ЧЕРЕПОК»
(«Полярная правда», № 13 (18.755), 21 января 1992 г.)**

Опытное производство – цех керамической плитки Ковдорского ГОКа –

решительно переходит на режим постоянной эксплуатации. Третий год, как на оперативных совещаниях продукция цеха, измеряемая в квадратных метрах, настойчиво теснит традиционную и первородную – кубические метры горной массы, тонны руды и концентратов.

Здание насквозь пронизала конвейерная линия электропечей в блестящих кожухах. На одном конце пресс сбрасывает на ролики матовые квадратики, на другом – работницы укладывают в ящики готовую продукцию, покрытую зеркальным слоем глазури – белой, цвета слоновой кости, коричневой. Заправь иной краситель – плитка станет чёрной или голубой. На любой вкус.

Начальник цеха Вячеслав Федорович Петухов уверен, что до конца года удастся выйти на проектную отметку. Только бы добавить ещё одну мельницу для шихты, несколько единиц оборудования. Да перейти на непрерывный цикл работы. К чему подталкивает цена энергоресурсов. В печах поддерживается температура от 200 до 1000 и более градусов, при остановках конвейера их всё равно полностью не отключишь. Так пусть трудятся не вхолостую.

Почти половина сырья – отходы основного производства комбината. Сероватая пудра кажется маслянистой на ощупь, как тальк. На свету играют микроскопические блёстки слюды, тоже измельчённой в порошок. В смеси с глиной, которую приходится пока завозить, рождается тот самый квадратик или «черепок», как говорят технологи. Настолько неординарный по качеству, что стандартные пресс-формы оказались великоваты. После обжига плитка не усыхает на три миллиметра припуска.

Очень может быть, что месторождение глин на Коашве, которым занимаются геологи Ковдорской ГРП, в ближайшем будущем поможет отказаться от завоза вяжущего материала из-за пределов области. Но сначала надо убедиться, подходит ли местная глина для керамического производства.

Смесь перед пресс-формами высушивают до состояния пудры. В таком виде она поступает из бункеров. Под давлением частицы притираются друг к другу, в печах спекаются. Щёлкнешь пальцем – звенит.

А как же с рисунками и целыми панно из керамики? Здесь разворотливые кооператоры обогнали государственное предприятие. Наносят трафаретом зверюшек-цветики, цена изделия сразу подскакивает. Что ж, в планах реконструкции есть и такое производство, оно вступит в строй тоже в нынешнем году.

Последняя отметка – 53 тысячи квадратных метров в год. «Кровь из носу, – именно так и выразился Вячеслав Федорович, – выйдем на 100 тысяч. Пора уже». Делю на пять (столько примерно метров плитки требуется для отделки ванной и кухни в новой квартире) и получаю результат в 20 тысяч. Для всех новостроек области хватит и ещё останется.

Ушли безвозвратно добиржевые времена, когда фонды обеспечивали стабильное поступление в район машин, материалов и продуктов. Плитка стала той палочкой-выручалочкой, которая заменила Ковдорскому ГОКу валюту в расчётах с поставщиками. За рубли гидровакуумные насосы или комбикорма для совхоза «Ковдорский» не купишь. Но положишь сверху плитку – и пожалуйста! Приезжайте, получайте.

Знаю, как долго и трудно приходилось сторонникам комплексного использования Ковдорского месторождения убеждать иных производственников, что отходы обогащения – тоже золотое дно. А ныне коллектив цеха плитки – а это меньше одного процента численности комбината – нет-нет да и вставит своё слово на бурных конференциях:

– Мы весь ГОК и город кормим!

Представителям ведущих цехов всё чаще нечем возразить.

НАДО ЛИ ГОКАМ МЕНЯТЬ ПРОФЕССИЮ?

Мысли вслух первых руководителей Оленегорского и Ковдорского горно-обогатительного комбинатов
(«Полярная правда», № 14 (18.756), 22 января 1992 г.)

Лелеешь надежду, что симпатичные дикторши в модном загаре перестанут вещать о пустых прилавках и кровавых перестрелках. Утром понимаешь: вчера ещё было терпимо. В магазинах тоска. Разговоры на работе ничем не отличаются от перебранок в очереди за талонным мясом.

Хочется дух перевести, пообщаться с людьми, которые знают, «куда ведёт нас рок событий». Или хотя бы представляют, как невзгодам противостоять.

В гостях у «Полярки» генеральный директор Оленегорского ГОКа Виктор Васильевич ВАСИН и генеральный директор Ковдорского ГОКа Вячеслав Петрович ЛЯХОВ. Ничего лучшего для завязки разговора не придумал, как спросить с интонацией из старого детективного фильма: «На кого вы работаете?»

Собеседники не приняли шутливого тона. Виктор Васильевич и Вячеслав Петрович говорили серьёзно и обстоятельно. Для упрощения далее буду указывать только их инициалы.

В. П. Министерства, главки всегда были только надстройками. Любого хозяйственного руководителя, хотел он этого или не хотел, ответственность за вверенный коллектив, ощущение, что от тебя, от твоего умения работать и предвидеть зависят тысячи твоих подчинённых – подталкивали на конфронтацию с вышестоящими инстанциями

В. В. Всегда на первом месте – интересы коллектива. Министр и его окружение никогда не были для меня пугалом. Многие из них сами прошли школу директорства. В технических отраслях без всестороннего опыта и знаний – на ключевых постах никак.

В. П. На недавней профсоюзной конференции комбината один из активистов последнего времени, то ли пожалел меня, то ли, наоборот, решил подковырнуть. Дескать, что вы от Ляхова хотите? Он такой же наёмный работник, как и мы. Будь он собственником, хозяином фирмы – иначе бы поступал,

иначе распоряжался.

В. В. Знаете, активист прав в одном: личным своим имуществом распоряжаться легче. Есть же разница, сидишь за рулём собственной автомашины или по доверенности родственника. Хотя, что я говорю! Ни у кого из директоров крупных предприятий с балансовой стоимостью в сотни миллионов и даже миллиардов рублей ничего дороже автомобиля в личной собственности нет.

В. П. Прежде ощущал нажим, порой поддавался ему. Чем снимал с себя ответственность за решения. Теперь куда ни кинь – всё сам. Ниминистр денег на жилой дом не подкинет, ни управление рабочего снабжения отрасли деликатесами к празднику не выручит.

В. В. А надежды иных подчинённых на «барина», который приедет и рас судит – остались. «Барин» и рад бы побывать на местах, одарить, как бывало, шубой со своего плеча. Дане может. Ни зарплатами, ни тарифами, ни «полярками» уже не распоряжается.

(В скобках замечу. Оба моих собеседника не родились директорами, специальных академий не заканчивали. Ещё Карел Чапек, правда, в эссе о журналистах, подметил, что не встречал в газетах выпускников журналистских университетов. Там работают люди, у кого есть призвание и способности.

Васин и Ляхов – горные инженеры, один – по образованию горняк, второй – обогатитель. Оба начинали с первой ступеньки. Васин – горным мастером, Ляхов – машинистом мельниц. Васин – на одном из ГОКов Курской магнитной аномалии, Ляхов – в Оленегорске. Здесь и кандидатскую диссертацию защитил. Как-то оба вообще работали рука об руку. Васин возглавил Оленегорский ГОК, Ляхов был у него заместителем по производству.

Ко времени нашей беседы словосочетание «Содружество Независимых Государств» только-только вошло в обиход. Показалось любопытным озаглавить таким же образом взаимоотношения между цехами комбинатов. Что, если подразделениям выйти из-под жёсткой опеки управлений предприятий и образовать своё содружество, основанное на взаимных экономических обязательствах? – Я. М.).

В. В. Упаси Боже от прямых заимствований. За шесть с половиной лет, пока политика с экономикой шагали вразнобой, дожили до шоковой терапии. Я бы с заменой взаимоотношений не торопился, хотя бы потому, что необходимо время, и не малое, дабы в цехах подобрались экономисты, появились юристы и прочие грамотные специалисты.

В. П. В политике – опасно, в экономике – катастрофа делать ходы по методу посредственного шахматиста. Выбирать лучший ход, исходя из сиюминутной ситуации? Себе дороже. Оттянуть развязку, спасти на какой-то период позицию сможешь, но партию неминуемо проиграешь.

В. В. Законы и указы, по которым жили в последние годы, часто противоречили один другому. Поскольку не были подкреплены так называемыми подзаконными актами, механизмами реализации. Пусть меня отнесут к консерваторам, но убеждён: идеи должны не только овладеть массами, но и созреть. Люди к их восприятию – тоже.

В. П. Простая арифметика. В Ковдорском ГОКе – пятнадцать цехов, завязанных на единый технологический процесс. Стоит одному звену в цепи повраться – остановится комбинат. Заснуть же государственным или, как принято было говорить, социалистическим предприятием, а проснуться утром капиталистическим – не получится. Кстати сказать, в ряде развитых стран – в Японии и Германии – не увлекаются самостоятельностью подразделений фирм, аналогичных нашим цехам. Там идут по пути кооперации между специализированными предприятиями.

В. В. Без надлежащей производительности труда никакой экономической закон не действует. Задумывались ли вы, пресса (*вопрос ко мне, с оглядкой на средства массовой информации вообще, а не на нашу газету в частности – Я. М.*) о чём говорите и пишете?! За последние три года СМИ ни разу не призывали просто работать, не вспомнили о тех, кто добросовестно трудится. Зато нашему брату-руководителю спуска не даёте. За любой просчёт, явный и мнимый. Надо поднимать заинтересованность в результатах труда. Неждать приватизации. На крупных предприятиях, особенно горнодобывающих, приход хозяина-частника – дело будущего.

В. П. В нашей стране стало модным использовать медицинские термины применительно к обществу. Но состояние экономики определяется не эффективностью лечения. Исключительно организацией функционирования, работой. Только и слышишь: шоковая терапия, лечение больного общества... Преодолеть болезнь можно одним путём – увеличивая производство. А мы всё делим и делим.

В. В. Ни дядя-директор, ни сам Ельцин не изменят ситуации с помощью деления. И гуманитарная помощь не спасёт, пока сами не станем лучше работать, производить больше товаров. Мы же годами, в том числе и с помощью КЗоТа, прививали обществу иждивенчество: какой бы ты ни был лодырь, но в результатах твоего труда (зарплата!) виноват... мастер, начальник цеха, директор. Только на них и кивали.

В. П. Я бы задумался о нынешней роли профсоюза на государственных предприятиях. От кого профсоюз защищает рабочих? От такого же наёмного работника? Лучше бы направил энергию на создание дружной или, правильнее бы сказать, дружественной атмосферы между рабочими и инженерно-техническими работниками. На консолидацию между ними.

В. В. Можно забастовкой потряхнуть предприятие. Сейчас это просто. Призывы не плевать в колодезь воспринимаются как абстрактные. Такое будет продолжаться до той поры, пока не переломим убеждённости, что «всё вокруг колхозное, всё вокруг ничьё»,

(Люди среднего возраста представляются нынешним молодым сказочниками. Невероят, что кило ржаного хлеба стоило 12 копеек, докторской колбасы – 1.70, а пол-литра водки – 2.87. Свободно лежали – без талонов и карточек. И что передовик производства порой отказывался переезжать в трёхкомнатную квартиру – дорого платить.

Да что вспоминать! Оба моих собеседника ещё в середине декабря были предупреждены – по официальным каналам и с помощью прессы, – что энер-

гетики области вознамерились поднять плату за электроэнергию в 7–9 раз – Я. М.).

В. В. Демарш, энергетиков вызовет снежный ком удорожаний, потом не остановить.

В. П. А если «Колэнерго» придётся приобретать по такой же взвинченной цене металл в Череповце? Не секрет, наши два комбината и Костомукшский ГОК предложили увеличить цену на доменное сырьё в пять раз. Однако ассоциация «Северсталь» прежде, чем принимать наши выкладки на веру, решила пересчитать каждую статью расходов.

В. В. Слово за администрацией области. Возможно, следует перекачать налогами средства из одной отрасли в другую, дотировать смежника за счёт более удачливого соседа. В принципе в удорожании энергоносителей нет большой беды, иначе к разумному расходованию их не придёшь. Другое дело, что, будь ты трижды монополистом, цены нельзя устанавливать с потолка.

В. П. Под цену необходимо подводить расчёты, иначе это уже никакой не рынок, а рэкет.

В. В. У другого монополиста – железной дороги – разве иные повадки? То же играет в одни ворота. Взвинчивают штрафы. Протестовать бесполезно. У транспортников, кто спорит, поднакопилось сложностей. Но в экономике надо вместе выходить из трудного положения, не пытаться решать свои проблемы за счёт соседа. Опять же считать и считать. В первых заместителях главы администрации области – доктор экономических наук. Ему и карты в руки.

(Не удержался, каюсь, от прямой подковырки. Дескать, комбинаты-соседи, а Оленегорский ГОК не согласовал шаги, взял да увеличил с 1 ноября прошлого года зарплату. Пусть в прессе об этом факте – ни гугу, но информация достигла Ковдора в тот же день. Бомба зависти рванула. Ещё бы, те же условия работы, те же экскаваторы, БелАЗы, мельницы, а тарифы – никакого сравнения... – Я. М.).

В. В. Начну с конца. В 91-м году Оленегорский ГОК, может, единственный среди горно-добывающих предприятий полуострова, а то и страны, нарастил объёмы производства на 4 процента. Не снизил – нарастил. Всё потому, что наряду с традиционным концентратом освоил выпуск щебня, швейных изделий. Отсюда и возможности.

В. П. О рынке да его составляющих – разговоры на каждом шагу. Но большинство населения продолжает относиться к реалиям рыночной системы, как к лекциям о жизни на Марсе. Зато в плоть и в кровь въелось убеждение: хлеб и штаны во всех концах Федерации должны стоять одинаково. Уравниловка являла собой торжество справедливости. Для многих поколений. Не спрашиваем, забыли об этом, а что ты лично сделал и что ты лично произвёл? Зато зарплатой поинтересоваться – всегда готовы.

В. В. Рынок подгоняет. И диктует, как бы сказали ещё не так давно, «свои волчьи законы». Ковдорский ГОК – мне друг, но ведь и самому выжить надо. Что оставалось делать, если – «Североникелю» – рядом в Мончегорске – развязали мешок, позволили продать на сторону часть стратегического преж-

де никеля? Он резко повысил зарплату. Заним потянулись механический и силикатный заводы Оленегорска. Не последуем мы их примеру – люди побежали бы с комбината.

В. П. В качестве компенсации удорожания жизни Ковдорский ГОК смог заранее лишь выплатить компенсацию за выслугу лет. Уверен, после января-февраля подтянемся по остальным параметрам. А там, глядишь, и обойдём. Есть резервы – месторождение-то комплексное. Можно и нужно варьировать выпуск концентратов. То есть, заниматься своим прямым делом, чему учились, на что настраивались все предыдущие годы.

В. В. Нынче только так. Живёмс того, что, образно говоря, «производим своей трубой». Будь это железный концентрат, спортивные костюмы или щебень.

(Насколько я в курсе, с января основная (она же первородная) продукция обоих ГОКов на внутреннем рынке будет всё равно стоить раз в десять дешевле, чем на внешнем. Мировая цена на железорудное сырьё колеблется в пределах (больше-меньше) 13 долларов за тонну. Покупают прекрасно! Подачки выпрашивать стыдно, а торговать готовым продуктом – почему бы и нет? Опять же родной военно-промышленный комплекс умерил аппетиты. Понятно, лучше бы продавать не яйца, а курицу, то есть продукцию машиностроения. Но нет на неё покупателей, не те кондиции. Чем свёртывать добычу, лучше с выгодой для страны торговать тем, что производим. Опять же закомбинатами – инфраструктура городов. – Я. М.).

В. В. На балансе Оленегорского ГОКа около 7200 квартир, треть из них занята работниками сторонних организаций. Убытки за содержание жилья целиком ложатся на тонну концентрата. Я не о нахлебничестве, я о справедливости... Почему работники комбината должны тянуть на себе двойную ношу? На областном ли, на муниципальном уровне уже сейчас можно отрегулировать налогами эти разночтения, не ждать, пока приватизация жилья расставит всё по своим местам.

В. П. С 1992 года работникам бюджетных организаций обещано повышение зарплаты в 2,8 раза. Дензнаков хватит, напечатают. А нам как быть? Ведомственные детские сады ГОК не потянет. Горняки с обогатителями опять платят дважды. Без того содержание каждого ребёнка в саду обходится в 17 рублей за каждый день.

В. В. 7200 квартир, о которых упомянул, не к небу подвешены. Грядёт налог на землю. Опять нам платить из тощего кошелька, пополняемого продажей концентрата. Мелкие предприятия, расположенные большей частью на земельном отводе комбината, снова в выигрыше.

(Позволил себе прервать собеседников. Уж здесь кому решать, как не им. Оба – депутаты областного Совета. Вот и вышли бы с законодательной инициативой... – Я. М.).

В. П. Киваем на Запад, но хотел бы посмотреть хотя бы на одну промышленную фирму, что покрывала бы расходы на содержание многоплановой инфраструктуры за счёт основного производства. И Дворец культуры в Ковдоре, и Ледовый дворец в Оленегорске висят на балансе комбинатов.

В. В. Небольшие предприятия, в том числе альтернативные-кооперативные, не связаны по рукам и ногам жильём и соцкультбытом. Опять они оказываются в выигрыше, всю прибыль пускают на зарплату.

В. П. А инженерные сооружения? Для жилья, принадлежащего ГОКу, с лихвой хватило бы очистных, построенных в своё время за счёт комбината. Но волей-неволей приходится изыскивать средства для расширения сооружений, иначе город не сможет расти.

В. В. А как умолчать о Законе о приватизации торговли? Он тоже больно ударил.

В. П. Когда в рабочей столовой, заломят, так сказать, истинную цену, рабочий не на хозяина заведения обидится, он предъявит претензии администрации комбината. Потому общественное питание на промплощадке выпускать из своих рук пока не собираемся.

В. В. Не сговаривались, а поступим точно так же. Чтобы рабочий человек хорошо поработал, он должен хорошо поесть. Столовые на промплощадке – в известном смысле часть технологической цепи. Да и не в каждые руки отдадим свои столовые. Столько сил и средств комбинат в них вложил!

(Под конец предложил собеседникам спрогнозировать, что станет с возглавляемыми ими предприятиями через год? Привожу эту часть разговора почти дословно. Единственное, убрал окончание каждого предвидения: «если не произойдёт обвала...» Рефрен, что сродни суеверному стуку по дереву. Потому как, иди знай, не выкинут ли чего железная дорога? Владельцы энергоносителей? Не разгорятся ли карабахи? – Я. М.)

В. П. Опытом оленегорцев меня попрекают даже собственные рабочие. Всё равно я убеждён: путь подъёма экономики Ковдорского ГОКа – в углублении использования уникальных возможностей месторождения.

В. В. Природа по-разному одарила наши месторождения. Но человеку нужно жить сегодня. Не только спортивными штанами. Мы суперконцентратом продолжаем заниматься. Заключили контракт с инофирмой, совместно построим опытную установку.

В. П. Не о том я... Разброс побочных производств в Оленегорске вызван тем, что возможности месторождений в основном выработаны, начался естественный спад. Швейное производство я бы понял, если бы костюм от резинки до ткани изготавливали на месте. Но вы же материалы приобретаете за счёт продажи железного концентрата. Не проще ли за ту же валюту купить более широкий ассортимент готовых изделий?

В. В. Швейное производство в нынешних зыбких обстоятельствах имеет преимущества. Продукция высококонвертируемая внутри страны. Во-вторых, она даёт солидную прибыль. Быструю отдачу, в-третьих. Сегодня вложили средства в оборудование, через считанные месяцы пошёл товар. И четвёртое – трудоустройство женщин, им нынче не так-то просто найти работу.

В. П. В Ковдоре освоили керамическую плитку, сырьём служат отходы основного производства. Вовлечение в переработку отходов прежних лет позволит увеличить выпуск апатитового и бадделеитового концентратов. Объединение «Апатит» вынужденно сбавило темпы. Нет недостатка в потреби-

телях фосфорсодержащего сырья. Бадделеит – вообще золотая жила.

В. В. Я не критикую твою техническую политику. Чего меня убеждать, ты перед своим пролетариатом отчитывайся...

(Хотел было выбросить этот абзац, да раздумал. Пусть и директорпро-чувствует обстановочку, когда последнее слово не за ним, а за собеседником. Как-никак, в одном чине и ранге – Я. М.).

В. П. С Череповцом – понятно, мы созданы друг для друга. Вот-вот появится ещё один постоянный потребитель сырья – НПО «Тулачермет», с нами он вынужден считаться. Как основным поставщиком. Застолбили резерв и для экспорта. Задел – та же керамическая плитка, плавленные фосфаты. Опять же под углом комплексной переработки сырья. Ну и – строительный щебень. Через полгода установка пойдёт. Боюсь, как бы мы не стали для железнодорожников более удобным грузоотправителем, чем ОГОК.

В. В. В связи с сокращением выпуска железного концентрата комбинатам приходится снижать численность работающих. Никудане денешься. Но эта вынужденная мера пока что нивелирует отток населения с Севера. Что же касается приватизации, то повторюсь: ещё рано. Сначала аренда. По акциям трудового коллектива намерены уже нынешней весной выплатить дивиденды. Ну а там перейдём к акционированию предприятия. Удалось бы пробудить трудовой энтузиазм! Тогда увеличили бы в 1992 году объёмы производства товарной продукции процентов на пять. Постараемся не снижать выпуск ассортимента подсобного хозяйства, колбасного участка. Со второго квартала пойдёт продукция рыбоперерабатывающего цеха. В то же время из-за гонки за зарплатой вынуждены притормозить жилищное строительство.

В. П. При совхозе «Ковдорский» откроем цех переработки мяса. Откажемся от завоза грубых кормов, заготовим и просушим сено на месте. Огородники, а Ковдор окружён участками товариществ, доказали, что картофель и овощи, клубника растут и неплохо. Словом, жила бы страна родная, а уж планы коллективов предприятий – сбудутся...

Довольно долго шагали в ногу, привыкли. Получали за свой труд по одной шкале. Ничего нет страшного в том, что два соседа, два комбината, не копируют сегодня друг друга, ищут свои пути.

Пойдут ли за руководителями люди, посчитают ли намеченные цели своими? У бояр древней, ещё Киевской, Руси не было принято перечить князю, когда он звал их за собой. Но если бояр что-то не устраивало, они поступали своеобразно, они «идучи не идяху». Топтались на месте, ни назад и ни вперёд. Темобрекали себя и своего князя на поражение.

Кто не знает: нефтедоллары продлили агонию административно-командной системы. Но та система держалась ещё и на хозяйственниках. На их опыте, на их нервах. За что первые руководители становились... козлами отпущения. Поднимите любое личное дело – как выговор на выговоре, так ясно, про какую должность.

Экономика продолжает держаться на директорах предприятий. С точки зрения производства материальных ценностей. Больше пока не на

КОМ.

ДОПШАЁК ДЛЯ СТУДЕНТОВ («Полярная правда», № 16 (18.758) 24 января 1992 г.)

Недавно заочник одного из престижных вузов Санкт-Петербурга получил уведомление об отмене зимней сессии. Бедолага успел передумать всякое, даже мысли о ликвидации учебного заведения посетили. Пока не догадался позвонить в деканат. Причина оказалась самой прозаической – в создавшихся условиях администрация вуза не гарантирует питание в студенческой столовой, потому сочла за благо перенести экзамены на более позднее время. В надежде, что удастся подкопить продуктов.

Студентам-очникам не легче. Им-то как быть? За всех объясняться не берусь, а уроженцам посёлков, находящихся под эгидой Ёнского сельского Совета Ковдорского района, можно сказать, повезло. Постоянная депутатская комиссия сельсовета по торговле, возглавляемая механиком рудника «Чалмозеро» Н. Н. Одинцом, внесла предложение. Исполком сельсовета его утвердил.

Сдекабря прошлого года родителям студентов вузов, учащихся техникумов и ПТУ, обучающихся за пределами района, – а таких только в посёлке Ёнском набралось 90 человек – выдают талоны на продукты с расчётом на студентов: масло, мясо, сахар, чай. С января добавили крупы.

Как заверил секретарь исполкома сельсовета Л. М. Попов, никаких дополнительных ресурсов для этого не потребовалось. В основном сэкономили за счёт лиц, злоупотребляющих гостеприимством. В маленьких посёлках – все на виду.

Родители теперь спокойны за детей, хоть минимумом продуктов да обеспечат. А сельсовет кровно заинтересован в душевном покое своих избирателей. И в том, чтобы студенты и учащиеся вернулись домой специалистами, не прервали учёбу из-за трудностей с питанием.

Талоны на табак и спиртное, даже если «по возрасту положены», в дополнительный студенческий паёк не вошли. Тут исполком сельсовета стоит твёрдо, потому, как убеждён: отсутствие сигарет и водки в родительских посылках как раз благотворно повлияет на успехи учащихся и студентов.

РЕГЛАМЕНТ ДИКТУЕТ... ТЕЛЕСЕРИАЛ

(«Полярная правда», 28 января, 1992 года, № 18 (18.760))

Как никогда бурно прошла в минувшую субботу конференция по заключению коллективного договора в Ковдорском леспромхозе. Неприятные минуты довелось пережить здесь генеральному директору объединения «Мурманлес» П. Д. Корнееву. Действительно, как можно требовать 100-процентного выполнения госзаказа, когда объединение не снабжает ковдорчан механизмами, транспортом и материалами даже на 10 процентов требуемого. Всё это приходится как-то доставать. Сложностей нынче много даже в тех случаях, о

которых прежде не задумывались. К примеру, пара рабочих рукавиц обходится предприятию в 26, поллитра молока – в 9 рублей.

Но все пункты колдоговора удалось утрясти за четыре часа! В былые годы и в шесть не укладывались. Почему?

Сказалась, конечно же, всесторонняя подготовка конференции со стороны администрации леспромхоза и профсоюзной организации. Но есть основание подозревать, что большинство ораторов вместе с тонно-кубометрами и рублями держало в памяти ещё и программу телепередач. Во всяком случае многие делегаты конференции в тот день получили возможность лично убедиться, чем закончилась очередная серия мексиканского сериала «Богатые тоже плачут» ...

НЕ В СВОИ САНИ НЕ... БАЛЛОТИРУЙСЯ **(«Полярная правда», № 40 (18.782), 28 февраля 1992 г.)**

«Требуем снять Гимазетдинова с занимаемой должности, иначе будем вынуждены предупредить вас о забастовке... Ни одна машина из гаража на уборку мусора не выйдет. Или все работники гаража будут вынуждены одновременно уволиться». Такими словами заканчивалось письмо в адрес главы администрации Ковдорского района Н. В. Гончаренко. Копию авторы переслали в «Полярную правду». Под письмом – десятки подписей.

Сразу скажу, большинство фактов – чистейшая правда. Особенно в той части, где описывались грубость, циничность и высокомерие *«новоявленного князька»*. Присутствовал на собраниях в гараже и банно-прачечном комбинате, на общем собрании предприятия. Услышал и не такое. Руководитель стоял, краснел, время от времени подытоживал: *«Здесь моя ошибка, это я признаю»*. Но легче на душе не становилось. У человека было достаточно возможностей исправить прегрешения, не дожидаясь взрыва страстей.

Без малого два года ГикрамНуртдинович Гимазетдинов проработал начальником производственного предприятия жилищно-коммунального хозяйства Ковдорского райисполкома. И умудрился настроить против себя весь коллектив. Как же так – спросите, – как незрелый человек смог пробраться в руководящее кресло? Самым что ни на есть демократическим путём. Прочёл в газете про конкурс на замещение вакантной должности, подал заявление и победил в борьбе с шестью претендентами. Назаключительном этапе обошёл конкурента на две трети голосов.

Всё это я рассказал не для того, чтобы напомнить авторам письма украинскую поговорку, в русской транскрипции она звучит примерно так: *«Бачили очи, що купували?! Йижтэ, щоб вы повылазылы!»*. (Видели очи, что покупали?! Ешьте, чтоб вы повылазили!). Как не понять, собрание двухлетней давности прошло на волне демократического подбора руководящих кадров. Человек со стороны приглянулся коллективу своим рабочим происхождением: электрослесарь высокого разряда, закончил институт без отрыва от производства. Свой человек, властью не испорчен!

Готовя материал, заинтересовался у бывших коллег Гимазетдинова на обогатительном комплексе Ковдорского ГОКа. В один голос утверждают: отличный электрик! До сих пор жалеют, что ушёл с участка. Что же получается? Производство потеряло исполнителя высокого класса, а коммунальное хозяйство города приобрело посредственного, если не сказать резче, руководителя. Куда ни кинь, всюду нехорошо.

Не будем спешить подводить черту, вспомним, какое хозяйство досталось начальнику, избранному на альтернативной основе. Дыр у коммунальщиков столько, что за всю жизнь не залатаешь. А работники чаще всего рекрутируются из тех, кто по понятным причинам не прижился на ведущих предприятиях города, где и зарплата повыше, и условия получше. Так сложилось, ничего не попишешь.

Претендент со стороны это понимал и честно сказал: что за два ближайших года значительных улучшений не обещает. Сконцентрирует усилия на реконструкции автотранспортного участка, городской бани и прачечной. Чем окончательно подкупил: реально смотрит на вещи, золотых гор, не обещает. А что в запущенности виноваты не только мастера, но и рабочие – кто возражает? Скажите, что делать и чем делать – мы мигом!

Мигом не получилось. Волны всеобщего развала накатились на бюджетно-дотационные организации, к каковым относится ПП ЖКХ. А у Гимазетдинова за плечами ноль целых и столько же десятых опыта руководителя. Разве что в годы юности значился неосвобождённым комсомольским вожаком. И депутатом горсовета был, если уж «Личное дело» пролистать. Но энтузиазм субботников да вечеров отдыха к делу не подошьёшь. Человек всю жизнь работал электрослесарем. Окружённый инструкциями да наряд-заданиями, выполнял, как и положено, от сих до сих. Дальше голова не болела. Вечерами учился, добросовестно писал контрольные и курсовые, защитил диплом, опроверг скептиков, которые «не верят в загробную жизнь и в заочное образование». Предложили бы Гимазетдинову должность в отделе главного энергетика, он бы справился, применил бы знания.

А здесь омы да ватты – побоку, здесь требуется оперативно устранить течь в потолке и выклянчить запчасть для автомобиля. И ещё убедить подчинённых, что на работе работают, а не грибы собирают.

Гимазетдинов начал с дисциплины. Электрослесарь, у него в крови выполнение задания в срок и без отклонений. Как это можно укатить по личным делам без разрешения на грузовой машине, прийти на работу с похмелья – не хотел и не мог понять. Нарушил – получи на полную катушку, в приказе и под расписку.

Строгость всегда прощают, если она справедлива. Но незаметно для себя новый начальник перешёл ту грань, где заканчивается принципиальность и начинаются личные придирки. На одну доску с производственными упущениями Гикрам Нуртдинович стал ставить непочтение к нему лично: не так сказал – обратился, не так ответил...

Догадываюсь, человеку не до тонкостей. Предстояло резко и быстро отчётность наладить, подпереть реконструкцией извечного пасынка – банно-

прачечный комбинат. Кто спорит, лишь при Гимазетдинове крыша перестала течь, в баню не страшно войти. Добился, что в городе площадки для мусорных ящиков забетонированы и обнесены решётками. Появился новый КамАЗ для уборки мусора. Подобран коллектив специалистов-экономистов.

Вопреки поговорке хорошее забылось. Заслонили злые слова, брошенные походя начальником. А ещё начальник, дождавшийся, наконец, собственного кабинета с секретаршей в прихожей, чаще думал, как бы не пасть лицом перед вышестоящими да отчётность к сроку представить, чем вникал в нужды подчинённых.

Что не звал к себе, как Чапай, в полночь за полночь чайком побаловаться – ему бы простили. Коробило, что в гараж месяцами не заглядывал. Норовил «решать вопросы», не выходя из кабинета. До анекдота. Утвердил инициативу главного инженера забетонировать наружную стоянку машин. Но твёрдое покрытие погребло под собой канализационный колодец. Шоферам из-за такой заботы о машинах не помыться после смены. Остальные удобства в виде туалета-скворешни во двор переместились. Делов-то, чтобы промашку исправить, на неделю, а люди год маются. Про то, чтобы сауну, простите, оздоровительный комплекс, наладить, уже и не вспоминают. Не до того.

Когда на фоне жёстких канцелярских требований люди видят такое отношение к себе – чего обижаться на их непокладистость?

Начальнику виднее, кто спорит. Но если водитель, несколько лет мусорубирающий, просит не делать выходной 31 декабря, в день традиционной генеральной уборки, – почему бы не прислушаться? И зачем при этом ссылаться на Указ Президента про праздники? То есть обвинять в неподчинении Закону?

И так далее, и тому подобное.

В большом, пусть и небогатом хозяйстве – как? То гостиничную мебель списывают, то на складе лишние комплекты постельного белья обнаружатся, то трактор на металлолом пора отправлять... При ледяном дуновении тотального дефицита, в век господина Бартера начальнику нелишне в первую очередь о подчинённых подумать. То ли предложить в лотерею излишки разыграть, то ли иначе найти возможность продать ненужное. Побывшей госцене.

Гимазетдинов до нужд да запросов подчинённых не снисходил. Исключительно интересовался порядком в отчётности. Есть заявление, сбоку – резолюция. Какие проблемы?

Пошли слухи: друзьям благоволит, себя не забывает. Как проверить и как опровергнуть? Назавтра уже никому не интересно, чья шапка. А тут ещё...

Но хватит, наверное, углубляться в конфликт. Шапка Мономаха оказалась великоватой. Гикрам Нуртдинович это и сам понял. Ещё в январе с. г. написал заявление, стал себе место подыскивать. Сообщил об этом факте на собрании, где обсуждали коллективное письмо. Ему на слово не поверили, настояли на голосовании. Тайном... Раздали чистые листки бумаги, предложили собравшимся заполнить. Из шестидесяти присутствовавших девять написали «оставить», трое воздержались, не заполнили бланки. Сорок восемь разными почерками вписали одно и то же слово – «снять» ...

Долго мы разговаривали с Гикрамом Нуртдиновичем. Боюсь, он так и остался при мнении, что происки недругов да завистников водили рукой людей, вынесших его деятельности столь суровый приговор. Так и не понял, что сам в первую голову виноват. Взялся за дело, которое не по плечу.

Когда-то газеты увлекались рубрикой «Если бы директором был я...». Большую почту она собирала, отбоя не было от жаждущих посидеть в кресле начальника. Теперь-то понимаем: до чего же хорошо, что не все и не у всех мечты сбываются.

Хорошо для коллектива. И для себя лично.

«СВОБОДНЫХ МЕСТ ... ЕСТЬ!» **(«Полярная правда», № 53 (18.795), 18 марта 1992 г.)**

Командированным людям среднего возраста не надо объяснять, откуда взят заголовок. Из давней кинокомедии. Рядом с рабочим местом администратора гостиницы красовался трафарет со вписанным от руки вдохновляющим словом «есть». В реальной жизни такого рода чудеса встречались редко. Попасть без нервоуражения в гостиницу – всё равно, что в наши времена купить автомобиль по доперестроечной цене.

Как всё изменилось! Администратор ковдорской городской гостиницы С. И. Баранова то и дело просила:

– Об этом не пишите! Как бы клиентов не распугать...

И то верно. Из 55 мест здесь обычно занято от силы 40. В крупных городах, наверное, и того меньше. Почему? Много причин. Но одну из них прошу взять на заметку лицам, что возлагают надежды на туризм. Кто спорит: наше народное достояние – долгую полярную зиму – надо использовать полнее. Любители лыжного спорта готовы озолотить северян за возможность промчаться с ветерком с горы. Но нынче даже традиционные гости – команды *спортсменов* – вынуждены отказываться от поездок. Нет, снега навалом – как в старые добрые времена. Но ковдорчанам ресурсов продуктов для прокорма самим не хватает.

Да и командированный люд пошёл нетот. Редко встретишь товарища, что приехал отдохнуть за государственный счёт и околачивается без дела по коридорам гостиницы.

Благие перемены на гостиничном фронте ознаменовались не только ликвидацией буфета. Не стало звонков из руководящих и направляющих кабинетов: в какой номер кого селить. Гости теперь не удобствами интересуются, а ценой. Правда, расширяется прослойка лиц, заполняющих анкету не глядя. Например, коммерсанты из Чеченской республики, что приезжают в Ковдор на грузовиках, набитых спиртными напитками.

Подкатила светлая «восьмёрка» с литовскими номерами. Надо же! – по телевизору – километровые очереди кукуют у бензоколонок, а тут бензина,

оказывается, хватает на путешествие из Паневежиса в Ковдор и обратно. Господа привезли в универмаг трикотажные изделия. Пропуск на въезд в погранзону оформлен в поселке Ёнский. Не останавливался бы на этом факте, если бы в графе «занимаемая должность» гости из ближнего зарубежья не написали: «безработные». Тоже интересно. Будем знать, что у безработных из Литвы всегда найдётся в кармане сумма, необходимая для оплаты самого дорогого гостиничного номера.

В шкафу администратора высится горка шахматных досок. Спрашиваю:

– И как – пользуются спросом?

– Уже забыла, когда. Нынешним приедем не до шахмат.

СИЛЁН, БРОДЯГА! **(«Полярная Правда», № 55 (18 797), 20 марта 1992 г.)**

Хлебом нас не корми, дай поверить кому-нибудь на слово. Вот и дожили: хлеба не хватает. Зато слов вокруг – море разлитое, от звона в ушах голова раскалывается.

Лет десять тому назад к Ковдорскому горно-обогатительному комбинату, к его обогатительному комплексу, прибило инженера-механика Ф. А. Абударова. Слесарь, бригадир, механик подсобного хозяйства, механик участка сушки железорудного производства. Вполне приемлемые ступени роста по служебной лестнице для инженера с некоторым стажем. Даже если стаж поначалу заработан в молочной промышленности.

Подоспело указание прорезаться демократии. В начальники участка Абударов на её волне попал. Тут же пообещал рабочим водрузить конвейеры на воздушную подушку. Обогащители понимали, что сие практически невозможно, но как вдохновенно говорит человек! Ещё круче выступает на партийных конференциях. И в бровь начальство критикует, и в глаз.

– Силён, бродяга! – вырвалось из задних рядов. – Ну и чешет, воздушной подушкой его забодай!

Окончательно звезда Абударова оседлала небосклон, когда настал черёд следующей фазы демократизации. Пока аборигены Ковдорского ГОКа раздумывали, выдвигать свою кандидатуру на пост директора комбината или не выдвигать, Абударов заявление написал. На собеседовании выяснилось: инженер и в экономике плавает, и в технологии. Но! «Для тонкостей и нюансов имеются в управлении комбината отделы, а в них опытные специалисты», – наметил в общих чертах свою платформу претендент. Последовал наводящий вопрос: «В каком ведре переносят фазу резервного электропитания»? Абударов всё понял, снял свою кандидатуру и вместе с платформой перешёл на запасной путь.

– Силён, бродяга! – констатировали товарищи, причастные в те времена к назначению и смещению директоров.

На этом присказка заканчивается, пора сказку сказывать. Пропустим страницы из истории района про годы ударного строительства никому не нужной, как оказалось, Ёнской пегматитовой обогатительной фабрики. В период великих свершений и не такое случалось. На счастье, Министерство электронной промышленности подыскивало помещение для развития мощностей и купило на корню почти готовые здания у комбината «Ковдорслюда».

Кому новое и незнакомое дело возглавить? Правильно, отыскался в районе недоразвернувшийся на полную катушку руководитель.

– Потянете? – спросили у Абударова.

– А как же!

Министерство, даром, что попало в полосу замены вертикальных связей на горизонтальные, отвалило директору почти миллион рублей на обзаведение и первые нужды. Подбросило автомашины, видики с телевизорами и прочую амуницию. Директор набирал, сокращал и вновь набирал штат помощников. И обещал, обещал... То грозил в одночасье завалить Мурманскую область противоугонными устройствами для автомобилей, то вознамерился переключиться на дефицитные терморегуляторы. Между делом сложил в папку более двухсот заявлений от желающих работать на новом предприятии. Тут уж весь посёлок Ёнский подтвердил:

– Силён, бродяга! Безработица району не страшна!

Заявления пылились без движения. Зато новоявленный завод «Ферронорд» в лице директора Абударова учредил сразу два малых государственных предприятия. Ну, не на двести человек, а на десять-пятнадцать. Но всё равно! На тех же микроэлектронных площадях. Одно собиралось заняться строительной деятельностью, второе – глубокой переработкой древесины. Оба вместе – выпускать товары народного потребления и внедрять да разрабатывать новые технологии. Никак иначе, мы такие! Кто против?

До сих пор помещения административно-бытового корпуса несостоявшейся пегматитовой фабрики, а это более двух тысяч метров тёплых и светлых площадей, завалены досками. Купленными ещё тогда, когда их продавали по объёму, а не на вес. Лежат, дорожают, кушать не просят. Лишь на втором этаже станочки гремят. Пять штук. Носки вяжут. В зале, где впору в футбол играть.

Я тоже так подумал, что носки к электронике не имеют никакого отношения. Ошибался. Имеют! Хотя и несколько опосредованное. Министерство выделило родному «Ферронорду» полтора десятка единиц своей продукции – видики и цветные телевизоры. Абударов бóльшую часть аппаратуры разделил по-братски со своими подчинёнными. По госцене. Себя не забыл. Что осталось – передал на обзаведение малому предприятию. Оно и обменяло видеотехнику на вязальную. Так что никакое это не разбазаривание госимущества, а коммерческая деятельность на благо сплочения коллектива.

Да что мы к носкам привязались! Камазовский молоковоз вообще к электронике не пришей, не пристегни. Подвернулся во время одной из коммерческих операций, Абударов и купил. Затем продал. Свободного времени навалом, почему бы не размять застоявшиеся мозги.

Я так себе думаю, что Абударов малость ошибся в выборе профессии. Его всепоглощающее увлечение – автомобили. Пусть вас не смущает схема будущего завода по производству ферритовых магнитов, на фоне которой директор восседает в своём кабинете. Хозяин и сам на неё редко оглядывается. Поглощён мыслями о моторах с колёсами. Выделило министерство заводу «УАЗик» и «РАФик» – мало показалось. Приобрёл грузовую «УАЗку». Потом «РАФик» обменял на «Волгу». И ещё на одну «УАЗку».

И всё это мотохозяйство вертится, крутится, бегаёт туда-сюда. А в кассе пусто, зарплату платить нечем. Директор пошёл на жертву, издал приказ по вверенному ему госпредприятию. Дескать, так и так, ввиду тяжёлого финансового положения повелеваю выставить на продажу одну, самую новую, «УАЗку». Затем, уже устно, распорядился подобрать для автомобиля надёжного покупателя. Члена коллектива, первого на очереди.

Этим покупателем оказался... Абударов Ф. А. Никакой не однофамилец или родственник. С семейственностью на «Ферронорде» ведут борьбу. Сам директор и купил. За 21 тысячу рублей, по розничной цене. Сколько бухгалтер сказала, столько и уплатил. До копейки.

* * *

Часа полтора беседовал с Абударовым, сидючи под чарующей схемой будущего завода. Так он и не ответил, почему за два с лишним года своего директорства не нашёл с пользой для электроники применения пустующим площадям административно-бытового корпуса. Почему не позаботился об обучении будущего персонала? Сам же утверждает, что в следующем году пуск первой очереди...

– Всё идёт по плану, – заверил собеседник. – Заказать, получить и установить оборудование – не проблема. Дирекция «Ферронорда» в концерне, департаменте и министерстве на хорошем счету. Через неделю или месяц в Москве соберутся заинтересованные лица. Министерство богатое, отвалить миллиард на строительство завода ему ничего не стоит. А уж когда появятся деньги – найдём им применение. Специалистов-технологов привезём, всю Россию ферритовыми магнитами забросаем.

– Силён, бродяга! – это уже я. Не удержался.

Директор продолжал развивать тему об успехах на ниве договоров с проектировщиками и строителями. Ещё немножко, и заштатная Ёна станет центром Ковдорского района, а может, и области. Не знал Абударов, что глава Ковдорской администрации накануне получил телеграмму из Москвы, от руководителя концерна Гладкова: «...подготовлено ходатайство в департамент электронной промышленности Министерства промышленности Российской Федерации об освобождении т. Абударова от занимаемой должности, как не справившегося со своими обязанностями...».

Про телеграмму Абударов ничего не знал. Заключил свой спич самым весомым, на его взгляд, аргументом. Руководители концерна его, как специалиста-организатора, уважают и ценят. Недаром упростили заключить контракт сроком на пять лет. Предложили сразу на десять, но он, Абударов, не согла-

сился. Ему едва сорок минуло, самое время расти. Про оклад не скажет, о таких вещах нынче не принято говорить. Но пока сумма Абударова устраивает. Силён, бродяга...

НА БИРЖУ НАДЕЙСЯ, ДА САМ НЕ ПЛОШАЙ («Полярная правда», № 63 (18.805), 1 апреля 1992 г.)

Назовите самую популярную фразу. Отвечайте, пожалуйста, не задумываясь. Сами удивитесь, как из уст выскочит: «Нет проблем!». Не корите себя за глупость да недомыслие. Пару этих слов вам телевидение вдолбило, а вы и не почувствовали. Сколько раз голливудоподобные дивы и джентльмены врываются в экран и увещевали, что без биржи жить нельзя на свете, нет! Запомните волшебный номер телефона с телефаксом и радуйтесь, что проблемы испарились, будете жить, как у Бога за пазухой.

Не знаю, как вы, а я и хотел бы держать карман шире. Да нечего в него положить. Кроме зарплаты. Потому решил пообщаться с человеком, у которого проблем выше головы, и он этого не скрывает. С заместителем генерального директора Ковдорского ГОКа Л. В. Чижаевым.

Леонид Васильевич меня огорошил: ни акций, ни брокерских мест на биржах предприятие не приобрело.

Ага, выперло из меня наружу телевнушение – потому и сложности, что комбинат не спешит воспользоваться услугами биржи. Попал пальцем в небо. Отсутствие посредников позволяет ГОКу пока оставаться на плаву, экономить для дела жирные проценты с тощих прибылей.

Государственные структуры распределения фондов рухнули в одночасье. Не будем о них жалеть. Снявши голову – по волосам не плачут. Да и некогда. Взамен вертикальных пришлось срочно налаживать горизонтальные связи. Те самые отношения, о которых в народе говорят: «Ты – мне, я – тебе». Снабженцы перестали отоваривать фонды, снабженцы стали добытчиками. Иначе никак. Чтобы Ковдорский ГОК продолжал выпускать железный, апатитовый и бадделеитовый концентраты, его должны постоянно подпитывать сотни производителей машин, механизмов и материалов. Прежде так и было. В принудительном порядке. Комбинату взамен строго предписывалось, куда, сколько и кому отправлять готовой продукции.

В прошлом году пришла свобода. Думай сам за себя. Хочешь жить – договаривайся с поставщиками, налаживай горизонтальные связи.

Как это на практике? А так. Скажем, Ковдорскому ГОКу крайне необходимы лампы накаливания и люминесцентные. ГОК закладывает данные в компьютер и отгружает бадделеит производителям огнеупоров. Взамен – лампы? Неспешите вы! Огнеупорные кирпичи транспортируют на стекольный завод. А тот в свою очередь – правильно, уже нащупали цепочку – отправляет стекло ламповому заводу. За радостную возможность работать завод отстегивает Ковдору лампочки Ильича, Кузьмича и Николаевича... На комбинате – праздник, полярная ночь не страшна. Плюс кое-что в загашнике для обмена

или, как принято элегантно изъясняться, для бартера остаётся.

Железо с апатитом – продукт специфический. Не водка или женские сапоги. С руками не отрывают. Лампы – другое дело, лампы уже валюта. Их за одежду предложить можно. Например, в Нижнем Тагиле. Там никакого другого товара к оплате не принимают. За одежду тагильчане согласны поставить в Березняки известняк. Химики из него соду получают. Ту самую, без которой в Ковдоре апатитовое производство остановится.

Правда, поставщики соды готовы махнуться напрямую. Не глядя. Металл на соду. Тонну реагента за тонну проката. Любопытная арифметика. Череповецкий металлургический завод отгрузил Ковдорскому ГОКу целевым назначением – «для производства обменных операций» – 15 тысяч тонн проката. Но сода – лишь один из множества компонентов, без которых Ковдорскому ГОКу не жить.

Мы с вами ещё не говорили о ценах. Он тоже не для слабонервных.

Буквально вчера карьерный бульдозер можно было купить за 350 тысяч рублей. Сегодня комплект гусениц для него обходится дороже. Тем не менее комбинат, пусть и снизив из-за сложностей со сбытом выпуск железорудного сырья, всё-таки стабильно отработал первые два месяца года. Вступил в март. Заглянуть на квартал, на полгода вперёд – смелых нет. Дожить бы с утра до вечера да ночь продержаться.

С января белорусские шиноизготовители не поставили большегрузным самосвалам ни одной обуви. Их ультиматум: или выкладываете за каждую шину по 3600 долларов и, так уж и быть, по 90 000 рублей сверху, или мы с вами не играем. Заартачился другой монополист, из другого самостоятельного государства. Получив ценник из «Азовстали», ковдорские обогатители ломают головы: что они там стержни для мельниц из золота вытачивают?

В свою очередь не дремлют поставщики взрывчатых веществ, долот для бурения скважин, горючего... Чтобы выбраться из долговой ямы, комбинату приходится поднимать цену на свои традиционные концентраты. Нев сто и более раз, как вокруг принято, но тоже прилично. Значит, станет дороже металл. Вновь подпрыгнут в цене машины.

– Смогут ли купить через месяц-другой килограмм хлеба пенсионеры? – задал мне вопрос Леонид Васильевич. А может, и себе. А, может, и всем нам.

* * *

...Давным-давно, в год Московской Олимпиады, Умбский рыбозавод получил ответственное задание: отправить в столицу несколько десятков тонн семги.

– Ну и как, справились? – как-то поинтересовались журналисты у директора завода.

Он подумал и ответил:

– Выдюжили. Олимпиада прошла успешно!

Этот утвердительный ответ могут, мне кажется, в наши дни повторить руководители многих государственных предприятий, серьёзно воспринявшие

клич о горизонтальных связях. Плохо, хорошо ли – с дополнительными издержками на командировки и бартер, – но большинство выплыло в хаосе реформ. Сбавили обороты, но держатся.

И вдруг – Указ Президента от 20 февраля с. г. «О мерах по стабилизации работы предприятий Российской Федерации». Производственники его внимательно изучили и проштудировали. Пригорюнились: опять госзаказ! Только-только налаженные связи – побоку. Заключай по новой. Прямо, как в застойные года: бодро шли, но не туда! Поворачивай на 180 градусов!

Оставим заместителя генерального директора комбината наедине с мрачными думами. Он отвечает за стабильную работу коллектива, ему и решать. Чего лезть с советами под руку?

Перебил затянувшуюся паузу вопросом:

– Может, всё-таки биржи выручат?

– По количеству бирж Россия впереди планеты всей. А что толку? Перестал просматривать биржевые таблицы в «Деловом мире» – настроение на весь день портится. Да и зачем комбинату посредничество в приобретении, к примеру, того же экскаватора. С заводами-изготовителями у нас многолетние контакты. Сами договоримся, ничего биржевикам не отломим. Смотрите, что они с ценами на металл делают! Когда у производителя можно было купить за 300–500 рублей, они по 10 000 за тонну запрашивали. У них тонна оцинкованного железа за сто тысяч перешагнула.

...Вечером под канонаду теле-радио-рекламы подумалось: «А что если предприятия – производители товаров – разобьют себе лбы о цены и вынуждены будут одно за другим закрываться-останавливаться? Интересно, что они на биржах будут продавать? И кому?»

КЛИН КЛИНОМ ВЫШИБАЮТ

(«Полярная правда», № 80 (18.822), 24 апреля 1992 г.)

Смешно вспоминать, лет 10—12 тому назад энтузиастов первого в Ковдоре садово-огороднического общества третировали с трибун примерно такими словесными пассажами:

– Как на субботники по озеленению города, так калачом не заманишь, а как частнособственнические инстинкты развивать – так пожалуйста!

«Идеологического обоснования» и впоследствии хватало с избытком. Седой становилось всё хуже и хуже. А северная нива оказалась не такой уж скупой. Если руки приложить. Особенно к картошке, требующей индивидуального подхода. Ковдорчане, задержавшиеся по названной выше причине на старте, впоследствии своих соседей догнали. В прошлом году около 2150 семей возделывали 190 га земли. В этом к ним прибавилось ещё 450 семей, надел увеличился почти на 50 га.

В условиях Севера первые годы огород не гарантирует урожая. Другое дело – подготовленная совхозом пашня. Прошлой весной совхоз «Ёна» выделил горожанам 15 га своего поля. 514 семей учителей, врачей, слюдодобыт-

чиков собрали осенью вполне достаточно картофеля. В магазинах продажа картофеля резко сократилась.

Ещё в прошлом году, как известно, торговые организации получали овощи по фондам, завозили их из средней полосы. Всё в прошлом, фондов нет. ОР-Сы Ковдорского ГОКа и производственного объединения «Ковдорслюда» вступили в полосу реорганизации. Потому администрация района убедила руководителей совхозов «Ёна» и «Ковдорский» увеличить частный картофельный клин втрое – до 45 гектаров. Естественно, за арендную плату.

Правда, на 10 гектаров придётся самостоятельно завозить минеральные удобрения. Но для работников предприятий это дешевле, чем платить мелиораторам за услуги.

По расчётам, будут удовлетворены заявки всех желающих. Прошлогодний опыт подсказывает: трёх соток для семьи достаточно. Арендowanными наделами в этом году смогут воспользоваться не только работники больших и малых предприятий и учреждений района, но и ветераны труда. Для них специально отведены четыре гектара в непосредственной близости от города.

«МНОГАЯ ЛЕТА»

(«Полярная правда», 25 апреля 1992 года, № 81 (18.823))

В Ковдоре нет пока православной церкви. Приобщить его жителей к церковному песнопению взялись участники детского хора «Надежда» местной музыкальной школы. Сегодня, в начале пасхальной недели, на сцене Дворца культуры хор под управлением учителя школы А. И. Сиротинина исполнит часть утренней пасхальной службы – «Многая лета», «Пресвятое», «Причастен», «Воскресный», «Свет тихий». Произведения русских композиторов прошлого века. В репертуаре хора также католическая пасхальная мелодия «Мизере» – на латинском языке.

Хористы, а на спевки второй год собираются более 70 учеников 4–9 классов, осваивают технику пения без музыкального сопровождения – а' капелла. Демонстрировали они своё искусство и перед, так сказать, квалифицированными слушателями. Как-то приняли участие в вечерней церковной службе в Мурманском храме. Настоятель храма отец Никодим подарил хору двухтомную Библию и благословил на добрые дела.

ТАЛЕРЫ МЕСТНОЙ ЧЕКАНКИ?

(«Полярная правда», № 83 (18. 825), 29 апреля 1992 г.)

Глава администрации области Е. Б. Комаров в начале недели побывал в Ковдоре. Первый визит его в новом качестве в район, где он несколько лет работал, откуда был избран депутатом областного Совета последнего созыва.

Вряд ли удастся найти на просторах страны место, которое бы обошли трудности и сложности переходного периода к рынку. Ковдор – не исключение. Так что разговор с руководителями предприятий особого оптимизма не

вселил. Подтвердил непререкаемость классической мысли: спасение утопающих – дело рук самих утопающих.

В конце встречи Евгений Борисович то ли оговорился и выдал секрет акции, подготовленной администрацией. Толи решил проверить идею на публике. В целях ликвидации дефицита наличных денег есть план приступить к выпуску разменной монеты достоинством до 50 рублей. Пока что название этой областной денежной единицы, вынесенной в заголовок, чисто условное. Вспомним, что и доллар по происхождению – тот же талер, просто в иной транскрипции.

Как я понял, чеканка областной валюты (имеется предварительная договорённость) позволит снять напряжённость в обеспечении населения деньгами. Мурманские монеты будут иметь хождение исключительно внутри области, потому послужат плотиной, закрывающей расторопным коробейникам из других регионов вывоз наличности. Им придётся обращаться в банки для обмена местных денег на рубли.

Появятся ли областные монеты в обращении или администрация области пока воздержится от их введения – должно стать окончательно ясно уже сегодня. В Мурманске к главе областной администрации придут на совещание главы районных администраций, председатели районных Советов и руководители ведущих предприятий полуострова. В числе других будет обсуждён и этот вопрос.

ГЛАГОЛЫ НЫНЕШНЕЙ ВЕСНЫ:

– Я должен!

– Ты должен!

– Они должны!

(«Полярная правда», № 87 (18.829) 6 мая 1992 г.)

На исходе удвоенных праздничных дней по Центральному телевидению прошло тревожное сообщение. Диктор на фоне карты Кольского полуострова рассказала о финансовом конфликте между производителями и потребителями электроэнергии. Но обрадовала: пока что удалось противостояние погасить, не допустить остановки таких промышленных, гигантов, как «Североникель», «Печенганикель» и «Апатит». Со всеми неприятными последствиями для непрерывных производств.

Среди задолжников по расчётам за электроэнергию не назвали Ковдорский ГОК. У него не те масштабы. К маю комбинат не доплатил «Колэнерго» более 17 миллионов рублей. Всего-навсего...

За удовольствие иметь возможность работать, надо платить – кто спорит. Но как, из каких средств? Основные потребители железорудного, апатитового и бадделеитового концентратов месяцами не переводят денег за отгруженную в их адрес продукцию. Взять в банке кредиты? Во-первых, не дают. А во-вторых, в случае просрочки платежей, припаяют 100 процентов штрафа. Тогда банкротство неминуемо.

Утром 5 мая работники коммерческой службы Ковдорского ГОКа позвонили в Череповец:

– Ну как? Где наши сто миллионов за сырьё?

– Что как? На 30 апреля долг нашего металлургического завода – из-за неплатёжеспособности потребителей металла – превысил 4,5 миллиарда рублей. На ближайшее время никакого просвета...

Вот и приехали. Где выход? Требовать предоплаты по примеру поставщиков энергоносителей? Прекращать отгрузку продукции при задолженности, которая тянется свыше месяца? То есть, форсированным маршем вести коллектив к банкротству?

Думают на комбинате, соображают. А у виска как пистолетный ствол – угроза энергетиков из Полярных Зорь отключить рубильник...

ЕЩЁ НЕ КОНВЕРТИРУЕМЫЙ, НО УЖЕ НЕРАЗМЕННЫЙ

(«Полярная правда», 7 мая 1992 года, № 88 (18.830))

Ковдору ещё повезло в сравнении с другими районами области. Зарплату большинству предприятий и бюджетных организаций платят более-менее регулярно, без особых сбоев.

Не спешите завидовать, лично проверил. Два выходных дня толкался по очередям с 500-рублёвым билетом в руке. Наслушался окриков продавцов-кассиров, их требований надеть очки и пристроиться к гражданам, что терпеливо дожидаются сдачи.

– Все мы в таком положении – утешила директор Ковдорского отделения акционерного инвестиционно-коммерческого Промстройбанка В. И. Двойнишникова. – Уже несколько месяцев не получаем подкрепление купюрами меньше двух сотен, про звонкую монету вообще забыли. А тут ещё слухи поползли. Во многие страны СНГ пятисотенные и тысячерублёвые купюры не завезены, вот люди и запасаются на отпуск.

Попросился в святая святых банка, в операционную кассу. Рядом с новыми счётными машинками, которым безразлично, что доллары, что рубли считать, висится небольшая горка «неразменных» денежных знаков. И ещё приличная кучка чеков. Вот и вся наличность. В «обработке» – тоненькая пачечка рублёвок и трояков, да ещё резервный мешочек с копеечными монетами, на 19 рублей. И всё.

– Единственное, стараемся обеспечить мелкими купюрами узел связи, чтобы пенсионеры не страдали.

Н. Д. Полякова, заведующая самым крупным продовольственным магазином в городе, подтвердила:

– За воскресный день в начале Пасхи, когда от покупателей отбоя не было, сдали в банк выручку: 76 пятисоток и 31 тысячник. У себя оставили так называемую мелочь – 16 десятков, 46 трёхрублёвок и так далее. – Это уже в от-

вет на мой вопрос, пользуется ли магазин правом не сдавать обменную наличность, чтобы с утра торговля не буксовала. С открытием магазина везёт 2–3 посетителям. Остальные терпеливо ждут у касс. С перерывом на обед.

Естественно, торговля теряет в выручке. А что делать? Даже стеклянную посуду, без которой никак нельзя, принимают не каждый день. Нечем расплачиваться. Большинство жалоб в книге – опять же об этом. Раньше, помните, нас нервировала грубость продавцов, теперь уяснили: главное, чтобы сдачу давали.

На площадках и в ларьках бойко идёт торговля ненавязчивым ассортиментом – водкой, сигаретами, кроссовками. Цену заезжие коммерсанты округляют – мелочь не требуется. Вот ещё куда уплывают наличные из области. Но это, как понимаете, тема другого разговора.

ГОЛУБЬ ПЕТУХУ НЕ ТОВАРИЩ

(«Полярная правда», № 99 (18.841), 23 мая 1992 г.)

Высоко-высоко по центру голубого купола застыли еле различимые точки. Человек задрал голову, следит, наслаждается. И радуется. Нет ветра – не снесёт голубей. И что туч нету – повезло, обзор птицам не закроют. Растренированы после долгой зимы, могут и заблудиться.

Сколько себя помнит Николай Михайлович Серга, столько держит голубей. Жаль, его увлечение не по нутру иным должностным лицам. То голубятню на крыше пятиэтажки в щепки разнесут, то со двора потребуют выметаться. Сжалился городской архитектор, предложил свободный пятачок на окраине. Но куда ему, инвалиду II группы, с травмированным позвоночником так далеко забираться? Наконец, позволили пристроиться на краю оврага.

Попробуйте разговорить голубятника – много интересного узнаете, кое-что припомните. Голуби живут только парами, петухи с их гаремными привычками им не пример. Птицу своего сердца голубь обцеловывает, и она не сидит чурка-чуркой. Раз уж решили потомством обзавестись... До обеда голубка высиживает яйца или за птенцами присматривает, после обеда супруг на смену заступает. Пропускает, не ропщет, моцион на свежем воздухе. А птичье молоко – не такая уж эфемерная субстанция. Первую неделю родители отпрыгивают из зоба в родной клювик настой переваренной пищи. Постепенно на отруби и крошки переходят, но предварительно в зобе еду водой размочат.

Километров за пятьдесят на рыбалку Николай Михайлович брал с собой своих питомцев. Возвращается, а они на крыше сидят – хозяина дожидаются. Зимой, в бескормицу, дикари на постой просятся. Но верность однажды избранной подруге и те блюдут. Положил Николай Михайлович глаз на одного квартиранта, по оперению, видать, – полукровку. Холостой голубке решил пару подобрать. На какие только ухищрения ни пускался. Неделями в квартире держал, «жена чуть не заклевала». Крылья подрезал. Ничего не помогло.

Как потеплело, дармоед грудь надул, разъярился и убежал за первой встречной дикаркой.

... Дорожает корм. Мешок отрубей пенсионеру не по карману. Прежде соседи по подъезду выручали, хлеб приносили. А если в суп птицу? Что вы! У голубятника на такое святотатство рука не поднимется. Хотя слышал, что где-то на Украине разводят мясную породу, голуби там вместе с курами по двору шастают.

У этого вида пернатых другие достоинства. Почтари за тысячи километров находят дорогу к дому. Русские – такие круги в небе выписывают, залюбуешься! Ну а бабочки на одном месте зависают. Чем больше часов в небе простоит, не запыхается, тем дороже ценится.

Пять птенцов через неделю-другую на крыло встанут, из двух яиц птенчики вот-вот вылупятся. Коренные северяне, с родной голубятней их не разлучишь. За лето окрепнут, жирок нагуляют.

Чем по осени кормить – вот забота.

ДЕМОКРАТ ПЕРВОЙ КАТЕГОРИИ «Полярная Правда», № 101 (18. 843), 27 мая 1992 г.

Назовите ругательное слово из трёх букв. Упрощу задачу: ни одной гласной, только – согласные. Правильно: «К», «Г» и «Б»! Есть такие буквы в этом слове! Три подряд угадали, две чёрные коробочки полагаются. В какой из них премия? В большой или маленькой?

В премии весь секрет. С неё всё и началось. Непосредственный начальник лишил инженера первой категории Кольской АЭС А. И. Колпакова февральской премии. Не целиком, на 50 процентов. За должностное прегрешение. Обиженный инженер первой категории грозился объявить голодовку. Но передумал. Решил, что посредством письма в газету начальнику больше насолит. Без ущерба собственному здоровью.

Начальник Колпакова – и здесь автор письма не погрешил против истины – действительно служит в органах, отвечающих за безопасность. Такая должность. Вряд ли кто будет возражать против введения её на объектах атомной энергетики. Объекты эти всё же отличаются от, скажем, базы промышленных товаров. Здесь лучше перебдеть, чем позволить каждому встречному-поперечному сигать через забор да устраивать променады в реакторном зале. Или в хранилище радиоактивных отходов. Достаточно на нашу голову одного Чернобыля, случившегося из-за головотяпства.

А если по злему умыслу? То-то...

Пусть за соблюдением режима на атомных станциях следят специалисты. И Колпаков в том числе. Его инженерные обязанности сводятся к оформлению пропусков да проведению инструктажей. За окошечком сидит, за порядком следит. Времени свободного – завались.

Среди клиентов станции появились малые предприятия, деньги за ремонт и прочие услуги стригут. Почему бы не приобщиться (без отрыва от рабочего места и в рабочее время) к малому бизнесу, взимая дань за каждую подпись?

На чём и погорел... Схлопотал строгий выговор с частичным лишением премии.

Позора Алексей Иванович не снёс. Обнаружил в действиях своего начальника «нарушения инструкций, амбициозность, узурпацию власти и законности». Разумеется, «посягательство на гласность». В довершение добил ссылками на директивный документ. Нашёл в Указе Президента России подходящую цитату, обкорнал её с двух сторон и вдарил обидчика по голове. Знай своё место! КГБ теперь нет, все мы равны.

С полчаса говорю с Алексеем Иванович Колпаковым в его кабинете, за окошечком. Вдруг выясняю, что он сам – офицер КГБ в отставке, сам восемь лет служил заместителем директора Кольской АЭС по режиму. Исполнял обязанности своего нынешнего обидчика. Опыта кое-какого поднабрался. Но возраст. Перешёл на вольнонаёмную должность с зарплатой инженера первой категории – в качестве добавки к офицерской пенсии...

Мои возражения, что сей факт из его биографии меняет дело, что ему негоже качать права и жонглировать модными словесами, Алексей Иванович пропустил мимо ушей. Продолжал в хвост и в гриву честить своего преемника. Себя выставлял непоколебимым борцом за справедливость и гласность. Борцом со стажем. Колпаков А. И., по его уверениям, стоит за правду, чуть ли не со второго дня после своей отставки...

Упаси нас Господь от таких союзников.

МЛАДЕНЕЦ-НЕЛЕГАЛ («Полярная правда», № 102 (18.844), 28 мая 1992 г.)

«Мой совет: до рождения ребёнка паспорт не теряй!» – так примерно звучало бы сегодня нравоучение Мельника из оперы «Русалка» композитора Даргомыжского. Что делать, в каждом веке – своё понятие о ценностях. Опять же по темпам девальвации рубль теперь уступает лишь поцелую, потому петь о такой мелочи – народ смешить.

Родился мальчик. Аукает, напоминает мамочке о её обязанностях, есть просит. Из тех ёмкостей, извините, что под бюстгальтером скрыты. Папу-папулечку не зовёт. История, увы, банальная. Нету рядом отца. Сделал своё дело да испарился. Пенять на пробел в метрике несколько поздно.

Потеряла будущая мама голову, влюбилась. Бывает. Приэтом ещё и паспорт посеяла. Последствия столь вопиющей неосмотрительности не заставили себя ждать. Потому вполне здоровый младенец – вес такой-то, рост такой-то – после своего появления на свет сразу вынужден был перейти на нелегальное положение. Вписать его регистраторам из районной администрации было некуда – мамаша беспаспортная.

Лишь молочная кухня не отшвырнула новорождённого нелегала. В остальных заведениях и говорить не хотели. Сначала покажи им паспорт родительницы, потом подсовывай живого младенца. Иначе они его в упор не увидят. Что и не преминули продемонстрировать.

На милицию грешить не будем. Не она виновата, что почта нынче торопится. Дубликат паспорта, взамен утерянного молодая мать получила через три месяца и пять дней после того, как родила. Чему тут же душевно обрадовались в районном загсе. Метрику выдали, поздравили с рождением нового гражданина республики. Есть документы – получай, что положено.

Месяца полтора тому назад я поинтересовался у начальницы загса Г. В. Драй: как же так? Человек родился, справка из роддома имеется относительно полного соответствия сего факта законам природы. С другой стороны, не крещён до сих пор, простите, имя в метрику не вписано. И сама метрика не выдана. На нелегальном положении живёт.

Галина Васильевна посмотрела на меня, как на идиота, и отпарировала:

– По инструкции документ о рождении выдаётся на основании паспорта родителей. Паспорт матерью потерян. По-человечески, я её понимаю и сочувствую, но ничего поделать не могу.

Тут вот ведь какой подтекст. Матери младенца, если она нигде не работает, полагается государственная помощь. При рождении ребёнка матери выдают единовременное пособие, потом – ежемесячное. Плюс добавка, если её признают матерью-одиночкой. А как всё это проверить при отсутствии паспорта?

Я продолжал приставать к занятой начальнице. Кормящей маме надо питаться и питаться, а продукты дорожают. Галина Васильевна обиделась:

– Что же мамаша меня в известность не поставила? Последним куском с нею поделилась бы! Но в государственный карман без её паспорта залазить не буду, не заставляйте...

Надоедал я и другому официальному лицу в районной администрации, начальнице отдела социальной защиты населения (по-старому – собес) Л. А. Левченко:

– Малыш плачет, у матери молока не хватает...

– Попытаюсь что-то предпринять. Впишу мать с ребёнком в клиенты гуманитарной помощи. Из Финляндии как раз посылки подошли.

Выполнила обещание. Отпечатков пальцев не потребовала, только подпись в ведомости. Мать Даниила привезла домой в коляске 22 килограмма продуктов, собранных милосердными людьми из сопредельной страны.

А помощи от родного государства до сих пор дожидается. Пусть не всю целиком, но хотя бы по минимуму, по одной позиции – за рождение ребёнка можно было бы выдать?

Не положено без паспорта! Или вы хотите, чтобы первая встречная комиссия загс вместе с собесом забодала?

Сполучением дубликата паспорта хождения по инстанциям не закончились. Я ведь не сказал ещё, что будущая мать влюбилась и потеряла голову вдали от родного Ковдора. В самый последний момент вернулась в родные пенаты, обрадовала свою маму тем, что вознамерилась сделать её бабушкой. Так что блудной дочери вместе с сыном ещё прописаться надо.

Только после того она будет вправе явиться в собес с целью оформления бумаг на «денежное вспомоществование», как говаривали наши предки в де-

вятнадцатом веке.

Сотрудники собеса пересчётами пенсий завалены по макушку. В лучшем случае мама Даниила деньги получит в июне. Или в июле. Как бы к тому времени реальная покупательная способность пособия не скатилась до полкило масла. Или маргарина. Ешь – не хочу!

Мать Даниила тоже хороша, кто спорит. Раззява она, и вообще человек легкомысленный. Жаль, что мы с вами упустили время, не прочли ей вовремя нотацию, не вразумили, как себя вести и как поступать. Теперь, когда ребёнок на руках и есть-пить просит, морализировать несколько не ко времени. Наши критические стрелы могут ребёнка рикошетом поранить.

«Отец народов» поучал, что дети за родителей ответственности не несут. Ни уголовной, ни административной, ни моральной. На словах поучал. На практике поступал прямо противоположно. Боюсь, этот урок нам не скоро из себя по капле выдавить.

СКАЗ ПРО ОТКАЗ СО ССЫЛКОЙ НА УКАЗ («Полярная правда», № 104 (18.846), 30 мая 1992 г.)

Пять тонн семенного картофеля из того количества, что закупила за валюту администрация области, достались Ковдорскому району. Местная администрация распределила посадочный материал между ветеранами войны, инвалидами, пенсионерами, многосемейными. Взяла с них половинную цену, по 7 рублей за килограмм – за счёт Фонда социальной защиты. Из тех же средств оплатила нуждающимся аренду земли в совхозах «Ковдорский» и «Ёна».

Вовремя управились. До сева – считанные дни. Теперь уж от самих арендаторов, от их разворотливости зависит будущий урожай...

Не торопитесь, не всё так просто. Если совхоз «Ковдорский» подготовил для малоимущих арендаторов лучшие и удобные площади, то в совхозе «Ёна» в последний момент к арендаторам повернулись спиной.

Здесь будет к месту небольшой экскурс в недавнее прошлое. На одной из зимних сессий районного Совета директор Н. А. Арнаутов сорвал аплодисменты предложением выделить индивидуальным арендаторам в дополнение к 15 прошлогодним ещё 10 гектаров. Инициатива руководителя совхоза «Ёна» легла в основу распоряжения районной администрации. Арендаторы, а среди них, как мы помним, наиболее нуждающаяся часть населения, успели приглядеть участки. Кое-кто взялся за подготовку почвы.

Вдруг, как снег на голову, заявление того же директора Арнаутова. Ничего он не знает и ничего он не помнит, у него на столе Указ Президента. Он в первую очередь обязан наделить землёй фермеров, пожелавших выделиться из совхоза. Их пять человек, они положили глаз именно на те самые 10 гектаров, и он обязан удовлетворить их пожелания!

На балансе хозяйства не одна сотня гектаров пашни. Есть из чего выбрать. Но просьба фермера – закон для директора. Он и не подумает идти наперекор предначертаниям Президента! Он, директор блюдет законы и никому не советует их нарушать!

Ах, этот старый приём доведения до абсурда любого указания свыше. Оказывается, легко и просто одним и тем же Указом жახнуть по голове арендаторов и фермеров. Одних по лбу, других – по затылку. Натравить их друг на друга. И снять с себя ответственность за посевную кампанию. Благодаря такой уловке, посевная, по всему виду, в завале. Дескать, и рад бы в рай, да Указ Президента спутал все карты.

Не всё ещё потеряно. Администрация района сумеет, надеюсь, призвать к порядку директора. Арендаторы не останутся без земли, а фермеры без наделов. Но сколько уйдёт времени и сил на эти баталии? Не лучше ли их потратить на всестороннюю подготовку к посевной?

КЫШ С ПЛОЩАДКИ! **(«Полярная правда», № 107 (18.849), 4 июня 1992 г.)**

Ко всем сложностям надвигающихся школьных каникул в Ковдоре добавилась ещё одна. По решению местных властей ликвидирована детская площадка с аттракционами. Карусели и электромобили уступят место торговым рядам. Куда юному гражданину бескрайним летним днём податься?

Нет спору – рынок городу необходим. За единым забором окажутся все коммерческие ларьки и неорганизованные купцы. Благодаря чему каждый коммерческий рубль будет поставлен на строгий учёт под неусыпным контролем.

Но почему за счёт интересов юного поколения, детей?

Нельзя не войти в положение администрации. Отсутствуют в тощем бюджете города средств на содержание столь убыточного заведения, как детская площадка. Всё так. Но ещё два с половиной года назад акционерное общество «Металлист» наладило на площадке увеселительную технику, запустило аттракционы. Убытки – более 60 тысяч рублей за год – общество покрывало из своего кармана. Всем это было ясно и понятно, кроме... специалистов из налоговой инспекции, отдела регистрации предпринимательской деятельности и других контролирующих органов. Спросил у заместителя главы администрации В. М. Галигузова:

– Почему кооперативам, поставлявшим товары для обмена на продукцию, скостили отчисление в местный бюджет, а «Металлисту» – ни копейки?

– А почему ассоциация письменно не поставила этот вопрос? – обезоружил меня собеседник.

Ох уж это неумирающее «тебе надо – ты и бегай!». И его оборотная сторона: «Что мне, больше всех надо?». Не мытьём, так катаньем «Металлист» с января вынудили отказаться от дополнительной обузы.

Администрация же не смогла наскрести средств даже на охрану площадки. Дети – народ любознательный: Поломали всё, что поддалось. Что не поддалось – тем более... В конце весенних каникул одна из детских шалостей обернулась трагедией. Тогда-то в недрах администрации родилось решение: ликвидировать площадку и отдать святое для детей место торговле.

Рынок, в конце концов, нас накроет. Понимаем и не рыпаемся. Грустно лишь, когда эта перспектива приобретает столь конкретные очертания: вместо нерентабельной детской площадки – рентабельный во всех отношениях городской рынок.

КОМУ Я ДОЛЖЕН – ВСЕМ ПРОЩАЮ **(«Полярная правда», № 120 (18. 862), 24 июня 1992 г.)**

Почти шесть лет назад, если точнее – 20 ноября 1987 года, житель Ковдора Виктор Моисеевич Полозков заключил с местным телеателье договор на абонементное обслуживание телевизора «Рекорд-726». Все годы исправно вносил плату, сначала по 5 рублей 60 копеек в месяц, пока не дошло до 70 рублей. Сколько требовали, столько и платил. Дисциплинированный товарищ. Но взнос за март с. г. ему вернули, сказали: больше не нуждаемся в ваших копейках. И вообще телеателье отныне не существует, оно передало дела частному предприятию «Орион». А ему, «Ориону», возиться с телевизором Полозкова невыгодно, тем более – менять кинескоп. Жаль, конечно, что кинескоп проморгал перестроечные времена, вовремя не вышел из строя. Теперь поздно. Недовольны – пишите письма мелким почерком!

Оглянуться не успеешь, как станешь жалобщиком. Районная администрация отсылает незадачливого телевизоровладельца в суд, суд – в юридическую консультацию. Может быть, В. М. Полозков и перестал бы ходить по инстанциям, добился бы ответа от бывшего спонсора телеателье – Апатитского завода телерадиоаппаратуры. Да инфаркт перенёс, побаивается, как бы поиски справедливости не лишили его возможности вообще в чём-то нуждаться.

История, каких – миллион вокруг. Предвижу реакцию иных остряков. Дескать, чего гражданин переживает? По теленовостям скучает? Так если не знать, чего творится в Карабахе или Тирасполе – здоровее будешь. Вот так и превращаемся в унтер-офицерскую вдову. Ту самую, что сама себя высекла и во всём сама виновата.

Побывал я в бухгалтерии райбыткомбината – ему прежде телеателье подчинялось и прибыль переводило. Поговорил с заместителем директора частного предприятия «Орион» Т. И. Корнишкиной, – в прошлом приёмщицей телеателье с большим стажем. Совсем стало не смешно.

В конце марта с. г. механик телеателье А. Д. Кукишев выкупил предприятие со всеми потрохами, стал частным владельцем. За мелочёвку и запчасти выложил чистоганом более двухсот тысяч рублей (теперешних). Однако оборудование ему комбинат не продал, сдал в аренду. На льготных условиях. Работай, проявляй здоровую инициативу на радость заказчикам и счастье собственной семьи!

Адрес у частного владения, и телефон остались прежними. Но став новой метлой, владелец принялся и мести по-новому. Что касается оборудования рабочих мест, штатов – мало что изменилось. Здесь частновладелец – прямой

наследник телеателье. А вот от обязательств бывшего госпредприятия – отрёкся. Всё, что было не до его, Кукишева, эры, – его, Кукишева, не касается!

Абонементники остались с носом. Пять-шесть лет кряду они регулярно подкармливали Кукишева со товарищи, вносили плату вперёд. Таких доверчивых в Ковдоре набралось около пятисот. Только автор письма в редакцию внёс свыше 470 рублей. Большею частью ещё теми, свободно конвертируемыми на товары. Услуг получил едва ли на десятую часть своего взноса. Предвидь клиент телеателье, как всё повернётся, он за те же деньги загодя купил бы запасной телевизор. Или два. Горя бы теперь не знал. Впрочем, чего говорить о том, где соломку подстелить? На все случаи жизни всё равно не подстрахуешься и не напасёшься.

Сам А. Д. Кукишев и его боевой заместитель Т. И. Корнишкина – тогда скромные советские труженики – шесть лет подряд на оперативках отчитывались по пункту «абонементное обслуживание населения», показывали пример остальным подразделениям службы быта, как нужно грамотно доить клиента ради премии и прогрессивки.

«Кому я должен – всем прощаю!» – воскликнул А. Д. Кукишев, став частным владельцем предприятия. И понятно почему. Руководители районной службы быта, продавая имущество частнику, позабыли о суммах, изъятых под будущие услуги в долг у клиентов. Ну а если они позабыли, то новому хозяину зачем помнить о чужих долгах?

...Финский город Торнио от шведского соседа отделяет чисто символическая граница. По нашим понятиям. Шведы пересекают мост – за продуктами, финны – за промышленными товарами. Оба государства недополучают пошлину, но строгий контроль обошёл бы дорожке. Потому порешили, что каждый может купить в сопредельной стране за один раз товаров на 1500 марок.

Но ведь можно же обойти предписание! Проверок на дорогах нету – поступило рацпредложение от туристов из СНГ.

Хозяева долго соображали, что к чему, наконец, объяснили:

– Тюрьма да штрафы нарушителю конвенции да, не грозят. Но репутацию подмочишь. Из-за нескольких сот марок выгоды навсегда лишишься возможности подвизаться в бизнесе или работать на государственном предприятии.

Только и всего.

Почему всплыл в памяти тот разговор? Да потому, что частновладелец Кукишев вроде никаких законов не нарушил. Может быть, даже не обманул. Не он, в конце, концов, придумал абонементную форму обслуживания. А что пользовался её плодами, так разве он один? Но как бы то ни было – он ущемил интересы постоянных клиентов. В обществе с устоявшимися рыночными отношениями одного этого факта достаточно, чтобы навсегда подпортить бизнесмену реноме. Человеку, который хотя бы раз замечен в неэтичном поступке, там не верят. Постараются вести дела с владельцем без пятна неответственности.

Пока что конкуренты в Ковдоре Кукишеву не угрожают. Но если появится ещё одна фирма по ремонту теле-радио-аппаратуры – ему несдобровать. Репутация делового человека химической чистке не поддаётся.

**«КУЗЬКИНА МАТЬ»
В ИСПОЛНЕНИИ «КОЛЭНЕРГО»
(«Полярная правда», № 165 (18.907), 26 августа 1992 г.)**

Недавно «Полярка» поместила подборку официальных материалов, посвящённых жизни и деятельности администрации области. Заголовок – «В «Колэнерго» щёлкнули выключателем» – выделил наиболее острый момент первой декады августа. Если быть точным, «Колэнерго» воспользовалось не выключателем, а рубильником (или фидером). Но что щёлкнули по носу Ковдорскому ГОКу, и больно – это точно.

Администрация области однозначно отреагировала на скандал в благородном семействе государственных предприятий. Как значится в документе, «обратилась к вице-премьеру России В. С. Черномырдину с просьбой направить комиссию для разбора инцидента».

Не собираюсь добавлять соли на рану. Живём в пору кардинальных экономических реформ. Если потребитель не платит по счетам – не рынок, а пародия получается. Однако из чего, где найти средства для взаимных платежей, если подавляющее большинство предприятий сидят на картотеке, как птички на проводах?.. Лапки прилипли. Ни вздохнуть, ни взлететь. Вряд ли в означенном ряду энергетики наиболее обижены.

Рычагов воздействия у них больше. Тут никто не спорит. Да, любая аналогия страдает. К примеру, если матрос у помпы разобидится на водолаза и перекроет кислород, то такой аргумент в прениях сторон, согласитесь, трудно признать этичным.

Директор «Энергонадзора» ПО «Колэнерго» Г. А. Караганов полчаса собирался с духом. Дал команду включить рубильник (или фидер) обратно. Дескать, поугади водолаза, то бишь Ковдорский ГОК – будет с него. Пущай снова дышит во все лёгкие, мы люди не кровожадные.

Необходимо отметить: руководители энергетической отрасли нашего полуострова на кнопку нажали не вдруг. Папка входящих-исходящих телеграмм распухла донельзя. Одна сторона требовала и предупреждала, другая – пыталась разжалобить, доказывая, что долг за электроэнергию для неё превышает всего и расплачивается с ним впереди собственной заработной платы. Пятнадцать миллионов за время первых переговоров погасили, потом ещё пять. А как только потребители рассчитаются за концентраты – так сразу остальное.

Тем временем желание проучить остальных должников на участии Ковдорского ГОКа, показать, как говаривал Никита Сергеевич «кузькину мать», заглушило голос разума.

До ковдорчан дошло: дядя не шутит. Времени до «минуты икс» оставалось

всего ничего. Ковдорчане принялись умолять хотя бы немного оттянуть показательную порку.

Придётся сделать небольшое технологическое отступление. Обогащительный комплекс Ковдорского ГОКа извлекает из руды три полезных компонента. На едином конвейере. Стоит обесточить один участок – вынужденно остановится цепочка. Чтобы весь комплекс «трёхпрограммного проигрывателя» вывести без потерь из рабочего ритма – требуется минимум рабочая смена. Что ж удивляться: получасовая остановка обернулась потерей 3594 т железного, 1770 т апатитового и 4,6 т бадделеитового концентратов общей стоимостью почти в 6 миллионов рублей.

Никто не спорит, энергетикам области не сладко. Но скажите, какой душе, измученной нарзаном пустых обещаний, грядущий день несёт отраду? Из-за отсутствия сбыта, который месяц простаивает объединение «Ковдорслюда». Притормозило объединение «Апатит». Следовательно, спрос на электроэнергию падает. Так зачем же пытаться придушить курицу, которая пока что несёт яйца, гарантирующие в ближайшем будущем оплату долгов? Только за ради доказательства, кто самый главный начальник в области? У кого под рукой рубильник?

Нетрудно представить последствия. Ну остановятся одно за другим предприятия, без того зачумлённые налогами, хозяйственным хаосом и не всегда продуманными, скажем так, высочайшими указаниями да инструкциями. Кому тогда будет отпускать свою скоропортящуюся продукцию «Колэнерго»? Товар же у него специфический: что не пошло в дело, то пропало. При тех же затратах. Плакал тогда «косинус фи» (есть такой показатель у энергетиков). Финансы вместе с ним.

Ну попужали водолаза, ну заставили его по предоплате (новый, с сентября, пункт в договоре с потребителями электроэнергии) рассчитываться за будущие услуги. А дальше что? Если некому будет заделывать пробоину, судно вместе с помпой на палубе и обслуживающим её персоналом булькнет под воду.

Этого добиваемся? К этому стремимся? Тогда нужно так и говорить, прямым текстом. А не ссылаться на правомерность построения развитого капитализма в одном отдельно взятом областном ведомстве.

ПАЦИЕНТ ПАЛАТЫ № 7 («Полярная правда», № 167 (18. 909), 28 августа 1992 г.)

Впитанный с молоком школьных завтраков старопесенный афоризм «Всё вокруг колхозное, всё вокруг моё» ещё не раз отрыгнётся. Случай, произошедший в Ковдорской райбольнице, подтверждает это нерадостное предположение.

Тринадцать дней августа находился на излечении в палате № 7 хирургического отделения по поводу болей в локтевом суставе плотник СпецСМУ Н.

Ф. Чирик. Лежална полном государственном пансионе плюс средняя заработная плата по больничному листу.

Николай Федорович не настаивал на перевыполнении предписаний врачей. Не покушался на три дневных порции уколов за один присест. Не требовал, извините, клизму двойной ёмкости. Глаза его разгорались при виде больничной пищи.

Лично ему хватало. Вкусовые качества и количество калорий в борщах и гуляшах по нынешним временам вполне конкурентоспособны. В сравнении с приготовленными в домашних условиях. Николай Фёдорович с трудом отрывался от стола. Говорил «спасибо». И вновь к буфету. Объяснял, что заботится о лежащих больных.

Регулярно уносил тарелки в палату и... выливал содержимое в бидончик, по случайному стечению обстоятельств, оказавшийся под его кроватью. Тут опять же случайно, домашние с визитом. Через них добытчик посылал горячие приветствия скучающей без хозяйской ласки собаке.

За время лечения бережливый плотник сэкономил, считай, с пол-ящика водки. Если по свободным государственным ценам. Питание одного койко-места в сутки обходится теперь в больнице в 100 и более рублей.

Соседи по палате снисходительно отнеслись к предприимчивости Николая Федоровича. Сошколы помнили постулат: «Если от многого берёшь немножко, то это не кража, а просто дележка».

Насторожились братья и сёстры в белых халатах. Вроде отпускают еду по счёту, а зазевавшимся больным не хватает. Попытались пристыдить Чирика. Дескать, сначала возлюби ближних своих, а потом уже ставь на казённое довольствие собственную собаку.

Вышел скандал. Со швырянием тарелок в буфетчицу, с хлопаньем дверьми, с угрозой вывести на «чистую воду» весь персонал больницы. Николай Фёдорович, раздосадованный бдительностью распределителей еды, качал права.

На тот случай, если собаколюбивый Н. Ф. Чирик вздумает затаскать автора публикации по судам за поруганную честь и достоинство пациента бесплатной медицины, сообщаю: документально завизировал рассказы медсестёр, буфетчицы, врачей и соседей по палате № 7. Ещё кое-какие подробности остались в блокноте.

ВЕСТЕРН СХОДИТС ЭКРАНА

(«Полярная правда», № 167 (18. 909), 28 августа 1992 г.)

Ночью 15, 16 и 17 августа на улицах Ковдора гремели выстрелы. Все три происшествия смахивали на ожившие кадры заокеанских боевиков. С поправкой на местные условия, на реалии нашей сегодняшней жизни. Следователи райотдела милиции разбираются в деталях и нюансах. Потому воздержимся от обнародования фамилий действующих лиц, подождём, пока суд определит степень вины каждого подозреваемого. Но факты настораживают.

Звонок заставил дежурного райотдела срочно кликнуть наряд милиции:
– На «Арбате» – убийство! Стреляли из пистолета...

Не сразу машина подъехала к месту происшествия. Ночью вмиг не сообразить, какой из двух городских «Арбатов» имел в виду взбудораженный свидетель. К большинству блошиных рынков провинции успел напрочь прирасти не самый уважаемый синоним старинной московской улицы.

Кровь пролилась неподалёку от гостиницы «Уют». Владелец одного из ларьков поссорился с приятелем. Продемонстрировал ему револьвер системы «Наган». Выпуска ещё императорского оружейного завода. С семью патронами в барабане, с пулями, утопленными в гильзах.

Дореволюционное оружие не произвело на собеседника должного впечатления. Тогда хозяин ларька нажал курок. Потерпевшего увезла «скорая». Врачи борются за его жизнь.

Найти в ближайшем леске под деревом орудие преступления для специалистов было делом техники. Они с ним справились оперативно. Одно уже ясно: револьвер приобретён незаконным путём, у хозяина нет прав на его хранение.

А на другом ковдорском «Арбате» выстрелило охотничье ружьё. Здесь с законностью хранения гладкоствольной стреляющей единицы всё в порядке. Следователи разбираются: по каким таким причинам гражданин спутал охотничью тропу с центром города?

Вкратце предыстория такова. Водитель одного из ковдорских предприятий часа в два ночи купил в ларьке бутылку водки. Что само по себе уже интересно, хотя по новейшим инструкциям ненаказуемо. В сдаче с пятитысячной купюры недосчитался ста пятидесяти рублей. Переговоры с хозяином ночного торгового заведения к консенсусу не привели. Водитель плюнул и отправился дегустировать покупку.

Через некоторое время до него дошло, что в споре за справедливость он употребил не самые убедительные доводы. Под утро снова оказался у ларька. С двуствольным аргументом наперевес. Бабахнул над ухом прижимистых благодетелей два раза, потом ещё. Больше не успел. Коммерсанты ему быстро доказали, что кулаками и другими подручными средствами ближнего боя можно запросто рёбра пересчитать. Особенно, если напасть с трёх сторон. Особенно, если других развлечений больше нету.

Ну и погоня! Всё было – полный комплект. Попытка столкнуть прилипчивую милицейскую «Ниву» в кювет, риск задавить зазевавшегося прохожего, снести угол дома вместе с забором.

Злоумышленники угнали КраЗ с площадки известкового завода. На предупредительные сигналы преследователей не отреагировали. Даже заднюю фару не выключили. Вдруг притормозили. Не успели сотрудники милиции подскочить к дверце, тут же газанули. Вот уже к городу свернули, скорость всё увеличивают. Последствия нетрудно представить.

Офицер дал предупредительный выстрел в воздух. Не обратили внимания. Пришлось разрядить обойму по задним колёсам. Прочная резина у КраЗа,

шины долго травили воздух. Или это преследователям показалось. По счастью, угонщики упёрлись в перекопанной переулок.

Только тут стало ясно, что за рулём не пьяный, а скучающие от безделья четыре пацана. Старшему едва шестнадцать минуло. Правда, на его счету уже несколько удачных попыток покататься на оставленной без призора технике.

Следующая неделя прошла в городе более-менее тихо. Если не считать, что на одном из ковдорских «Арбатов», опять же ночью, выгорел дотла коммерческий ларёк. Торговавший водкой.

ПОЖАЛУЙТЕ К СТОЛУ!

(«Полярная правда», 1 сентября 1992 года, № 169 (18.911))

Пару лет тому назад в мебельных магазинах области появились кухонные гарнитуры из массивной древесины. Покупателей поначалу отпугивала цена. Потом разобрались. Стол на фигурных ножках, стулья с резными спинками изготовлены из добротного дерева, сучки и волокна придают поверхности особый шарм. К тому же, они легче, чем стандартная продукция из древесно-стружечных плит или прессованной фанеры. Долговечнее. И без всяких канцерогенных примесей.

Спрос пошёл. Небольшой мебельный цех в Куропте едва успевал выполнять заказы оптовых покупателей из таких капризных регионов, как Ленинградская область и Прибалтика. Просили по тысяче комплектов и более.

Ковдорчане подумывали о создании мощного мебельного производства, но неудержимый рост цен отвратил покупателей от не самых насущных приобретений. Торгующие организации добавили свои накрутки и окончательно превратили куроптскую мебель в музейные экспонаты. Хочется посмотреть да погладить, порадоваться солнечным бликам, перекатывающимся по полированному столу. Да живущим на зарплату – ни купить, ни прицениться.

Небольшой коллектив, занятый прогрессивным выпуском товаров народного потребления, одним из первых в Ковдорском леспромхозе ощутил на себе злые перепады рыночного спроса. Квалифицированным плотникам пришлось предложить на всё лето воспользоваться сомнительными благами неоплачиваемого отпуска.

На складе скопилось около сотни комплектов. Отправлять их в торговлю – омертвить капитал на долгие годы. А если самим продавать? В магазинах любая мебельная единица стоит теперь от десяти тысяч рублей и выше. Потому четыре и пять тысяч, если сравнивать, не такие большие деньги. Но к безмагазинному приобретению вещей, минуя торговлю посредника, не все враз привыкают.

Понимаю, моя корреспонденция сильно пахнет рекламой товара. За такую услугу – с целью поддержания финансового состояния родной газеты – надо деньги брать. Но ведь для хорошего дела не жалко. Люди, которые

воспользуются добрым советом, уверен, скажут спасибо. А это – надёжный капитал, он не обесценивается.

БЛЕСК И НИЩЕТА «КОВДОРСЛЮДЫ» («Полярная правда», № 173 (18.915), 5 сентября 1992 г.)

Одно из старейших горнодобывающих предприятий полуострова – производственное объединение «Ковдорслюда» – вплотную скатилось к черте, за которой банкротство. Официальная дата рождения – 1934 год, тогда выдал первую продукцию рудник «Ёна». Вокруг него возник посёлок Слюда. Но ещё монахи Соловецкого монастыря добывали в горе Риколатва прозрачный, красноватых оттенков, минерал. Московское государство поставляло его в Европу для окон. Отсюда, по преданию, название слюды – мусковит.

Самое грустное, именно два старейших рудника стали гирями, ускорившими падение предприятия в финансовую пропасть. Реального выхода из неё – да ещё быстрого, чтобы раз-два и в процветающие дамки – не видят в Ковдоре, Мурманске и Москве.

Взлёт на космической тяге, посадка без парашюта

Наверное, Ёнское рудоуправление никогда не стало бы комбинатом и производственным объединением, если бы не «железный» – по первородному виду продукции – Ковдорский ГОК да Мурманский совнархоз, патронировавший инициативу на местах. В считанные годы после открытия в Ковдоре флогопитового и вермикулитового уникальных месторождений удалось в начале шестидесятых наладить их добычу. Ковдорская слюда, возможно, не годится для тонкой электроники, зато с лихвой удовлетворила аппетиты промышленности в электро- и теплоизоляции. Львиную долю прибыли – до 80 процентов – приносили «Ковдорслюде» рудник «Ковдор» и возникшие при нём обогатительные производства. Большую часть капитала ведомство вкладывало в развитие именно этих подразделений комбината.

Ружьё, как учили нас классики русской литературы, повешенное в первом акте, должно выстрелить в последнем. Оно и выстрелило. К этому эпизоду мы ещё вернёмся, а пока несколько слов о других причинах краха предприятия.

Слуду большей частью поглощала оборонка и связанные с нею отрасли. Потребители платёжеспособные и, казалось, самые надёжные. Недаром, титановое сооружение в честь покорителей космоса у ВДНХ отдавало для посвящённых слюдяным блеском.

Конверсия подвела черту. Первыми оказались на мели поставщики сырья. Спрос на все виды слюд стал год от года падать. С ростом цен вообще прекратился. В этой ситуации руководители объединения сочли за благо с середины мая с. г. остановить конвейер и отпустить персонал в неоплачиваемый отпуск. Предполагали – через месяц-другой обстановка прояснится и где-то с июля рудники заработают. Но и в июле на фронте сбыта продукции – ни

проблеска. Пришлось продлить вынужденное безделье до октября.

Билет на ушедший поезд

Почти на каждой сессии районного Совета народный депутат, он же генеральный директор ПО «Ковдорслюда», П. И. Васёв, брал слово, чтобы напомнить: социальная сфера посёлков Слюда, Риколатва и Ёнский тяжёлым грузом лежит на его предприятии. Только отопление жилфонда посёлков обойдётся в наступающую зиму дороже стоимости годового объёма продукции. А ещё – детские сады и школы с клубами.

В печатных выступлениях П. И. Васёв обращался к облечённым полномочиями читателям с просьбой обратить внимание на специфику горного производства и убеждал, что без государственных дотаций ни о каком перепрофилировании производства или консервации речи быть не может. Подсказывал, как рациональнее и с выгодой для объединения использовать средства муниципального и федерального бюджетов.

Погрешу против истины, если не скажу о планах спасения от надвигающейся катастрофы, рождённых в недрах штаба, подчинённого генеральному директору. Это и выпуск нетрадиционных видов продукции, вплоть до слюдяного порошка, заинтересовавшего парфюмеров. И производство нагревательных элементов, львиную долю комплектующих для которых пришлось бы заказывать и завозить. Пока прикидывали да примерялись – надобность в элементах отпала.

Словом, генеральный раз за разом оказывался в положении человека, у которого на руках билет на отошедший поезд. Опоздал на пять минут или на два часа – какая разница. Обвальные отказы традиционных потребителей от продукции объединения оставили предприятие у разбитого корыта. «Ковдорслюда» первой в области ступила на стезю банкротства.

У замов – иная генеральная линия

В штабе объединения далеко не все разделяют точку зрения генерального, – дескать, лишь в государственных субсидиях спасение. Группа вторых руководителей предприятия учредила товарищество с ограниченной ответственностью «Слюда». Обезопасила таким образом своё личное будущее.

Служебная проверка, проведённая в управлении объединения в июне-августе с. г., выявила, что господа-учредители товарищества – заместители генерального директора Г. В. Охотин и А. И. Лучина, главный бухгалтер Л. Г. Чернышова – без отрыва от прямых служебных обязанностей за короткое время успели (цитирую по документу):

«По четырём счетам продать товариществу «Эра» сантехническое оборудование (раковины, сливные бачки и так далее) на общую сумму 98920 рублей». После установления акта продажи накладные были переоформлены через две недели. В свою очередь «Эра» продала сантехническое оборудование «Колэнерго» по обязательствам объединения.

В мае 1992 года члены товарищества «Слюда» продали в ущерб предпри-

ятию АО «Металлист» партию подшипников по ценам 1991 года. Подшипники в своё время были закуплены для ремонта автомобильного транспорта и другого оборудования».

Ещёвыдержки из документа. Другого. Из протокола заседания профкома объединения от 12 августа с. г. В первых строках настораживает утверждение, что *«всё руководство объединения погрязло в коммерческой деятельности»*. Упомянута и фамилия Васёва. Сына генерального. Сын возглавляет в Санкт-Петербурге малое предприятие «Митекс», ему «Ковдорслюда» поставляет по бросовым ценам и в кредит сырьё и металлы. Однако наибольшую активность проявляет уже упомянутая группа вторых руководителей. В разных сочетаниях их фамилии значатся в числе учредителей ещё четырёх малых предприятий, кроме упомянутой выше «Слюды». В переводе на понятный язык, группа прибирает к рукам материальные ценности, числящиеся за государственным предприятием.

Короче, профком потребовал от генерального директора расторгнуть трудовой договор с членами ТОО «Слюда» и передать акт служебной проверки в правоохранительные органы.

Бунт на корабле

Боюсь, решительность профкома не произведёт впечатления на генерального директора. По чисто техническим причинам. Несколькими неделями ранее генеральный отпустил не в меру ретивых замов в ... отпуск. На полгода. Как их теперь назвать для откровенного собеседования?

Обстановка в объединении «Ковдорслюда» чем-то напоминает, хотя и в фарсовом варианте, ситуацию накануне развала СССР. Правда, без всякой политики, только экономика. И там, и здесь верха уповали на чудо и кредиты. Темвременем маховик борьбы с центром набирал обороты.

В объединении флаг движения за самостоятельность подняли начальник рудника «Ковдор» В. Г. Посохин и начальник вермикулитовой фабрики Г. Е. Миронов. Как мы помним, они руководят наиболее технически оснащёнными и перспективными подразделениями предприятия. Естественно, выступали они в духе времени: от имени и по поручению трудовых коллективов. О чём тетради с подписями имеются.

Поначалу поддержал раскольников начальник рудника «Чалмозеро» В. В. Костюков. Его подразделение поставляет сырьё для фарфоровых фабрик, падение спроса на продукцию рудник не задело. Отсюда надежда выбраться из финансовой ямы самостийно. Без координирующей и дорогостоящей надстройки управления «Ковдорслюдой».

Начальник рудника «Ковдор» В. Г. Посохин не устаёт повторять, что судьба посёлков при убыточных рудниках ему и его коллективу безразлична. Будут прибыли (а их обещают прямые выходы на потребителей), рудник отстегнёт часть средств на консервацию банкротов, готов взять в штат высвобождающихся работников.

Но сначала надо сбросить с себя путы надстройки в виде управления объединением. С помощью акционирования ли, приватизации – это уже детали.

Чем с октября прошлого года он и занимается. С привлечением самых высоких инстанций, вплоть до московских – на уровне заместителя премьера. Однако генеральный директор не отпускает рудник на свободу.

Скоро год, как генеральный и начальник рудника выясняют: кто кого... Ни времени, ни сил у них на внимание к рутинной текучке, видимо, не остаётся...

Риск ценою в двадцать окладов

Бумаги, подписанные иными из областных администраторов, противоречат одна другой. Начальник Мурманского территориального управления Государственного комитета по антимонопольной политике и поддержке новых экономических структур П. Н. Юшко то благословляет самостоятельность вермикулито-флогопитового комплекса, то забирает своё «добро» обратно: *«В связи с выявлением новых обстоятельств... просим наше согласование считать аннулированным... До выявления всей совокупности вопросов предлагаем приостановить действие решения Комитета от 15.07.92 № 30 «Об утверждении устава а/о открытого типа «Флогопит»».*

Когда «отменить» – понятно. А «приостановить» – нету такого юридического термина. Для предписанного месячного срока на регистрацию акционерного общества указание «приостановить» не является аргументом.

Знакомая до боли картина. В области и в столице думают и сомневаются, взвешивают да перевешивают. На местах, у районной администрации, чубы трещат, она оказывается опять крайней. Поскольку согласно закону, ей надлежит без промедления документально оформлять местную инициативу.

МУЗЕЙ – НЕ РОСКОШЬ

(«Полярная правда», 8 сентября, 1992 г., № 174 (18.916))

Ровно три года минуло со дня реконструкции Ковдорского краеведческого музея – филиала областного. К одному из двух коттеджей решили пристроить зал для экспозиций, выставочный зал. Слово «коттедж» в данном случае надо бы писать с большой буквы. Это скорее нарицательное название. Ещё на заре города управляющий строительной организацией построил двухэтажные особнячки для себя и для заказчика – директора Ковдорского ГОКа. Но по стране как раз прокатилась волна борьбы с привилегиями, в результате оба дома так и не были использованы по целевому назначению.

Дальнейшая судьба коттеджей – не менее занимательна. Явилась отражением вкусов и требований меняющихся эпох. На излёте перестроечного времени местные власти (руками и финансами основателя города – Ковдорского ГОКа) приспособили один из коттеджей под музей, затем вознамерились его расширить.

Минуло три года, любопытных и неповторимых. Прошедшей зимой неизвестные лица похитили с площадки поддон кирпича. После чего заведующая

А. Н. Каверина добавила к благоприобретённым профессиям куратора и вдохновителя стройки ещё и навыки круглосуточного сторожа.

Все муки позади, в том числе связанные с охлаждением взаимоотношений между Ковдорским ГОКом и его подрядчиком – СУ «Центрметаллургремонта». Остались косметическая отделка помещений, стыковка кровель.

Пока что коттедж скорее напоминает забитый до отказа склад. К ценнейшим экспонатам не подобраться. Среди них геологические инструменты и личные вещи первооткрывателя Ковдорского месторождения К. М. Кошица. Около тысячи единиц хранения имеют историческую ценность. Скоро придут из Санкт-Петербурга художники. Музей обещает стать храмом истории города и района, визитной карточкой. Выставочный зал устлан зеркальным ковром кузреченского гранита, зал для экспозиций – золотистым паркетом. Здание смотрится и снаружи, впечатляют высокие стрельчатые окна.

Кстати сказать, уже положили глаз на новое здание сторонники возникновения в городе духовного центра. Некоторые малоинформированные бабули даже считают, что это церковь строят. Удивляются только, почему без купола с крестом.

Хорошо бы, чтобы музей справил новоселье к 30-летию Ковдорского ГОКа, к началу октября. Не ради галочки об ударном идеологическом мероприятии. Ради сыновей, внуков и правнуков первостроителей. Они выросли в Ковдоре, для них этот город малая и единственная родина.

ОТ ПРЕДОПЛАТЫ –

К ПРЕДЫНФАРКТНОМУ СОСТОЯНИЮ

(«Полярная правда», 9 сентября 1992 года, № 175 (18.917))

Чрезвычайное происшествие на железнодорожной станции Ковдор чуть ли не кадр за кадром повторило сценарий фильма «Остановился поезд». Помните, с Олегом Борисовым в главной роли? И здесь состав порожняка был загнан в тупик, и здесь рабочие по халатности да по разгильдяйству не подложили под колёса «башмаки», не подкачали воздух в тормозах. За сутки давление в системе упало до нуля. Состав пошёл под уклон.

Снёс ворота склада горюче-смазочных материалов Ковдорского ГОКа, смёл тупиковый запор. Дальше вагоны катились не по рельсам, а как придётся, врассыпную. Порвали паропровод. К счастью, не хватило кинетической энергии, чтобы покорёжить мазутопроводы. А в них – топливо под давлением в десятки атмосфер. Страшно представить, что случилось бы, кабы вагоны не притормозили.

Склад висел на волоске от гибели. В лучшем случае, горючее разлилось бы по окрестностям. Надолго, если не навсегда, погубив озеро Ковдор. И полноводную реку Ёну. В худшем – вспыхнули бы громадные цистерны с мазутом и с дизтопливом, бензином...

Судьба в тот злополучный четверг, 3 сентября, уберегла город от большой беды.

Компетентная комиссия по горячим следам разобралась в причинах, установила степень разгильдяйства по всей технологической железнодорожной цепочке. Оставим специалистам подсчитывать убытки от неподставленного «башмака» и недопроверенной тормозной системы.

Главное, обошлось без человеческих жертв. Последствия аварии в общем и целом ликвидированы – подняты три из четырёх опрокинутых «коробок». С последней придётся повозиться, ремонтники колдуют: как бы её вызволить, не порушив трубы. Меньше чем через двое суток после случившегося цистерны подали под разгрузку, приём топлива возобновился. Грядущие морозы жителям города и его предприятиям не страшны.

Производственники знают: стоит расслабиться, потерять бдительность – и что-нибудь неприятное обязательно случится. В данном случае – возьму на себя смелость предположить – авария была в некотором роде предопределена. Истоки её следует искать не в Ковдоре.

Основной грузоотправитель – Ковдорский ГОК – в последние месяцы испытывал трудности со сбытом продукции. Потребители, оказавшиеся на финансовой мели, один за другим отказывались от железорудного и апатитового концентратов. А механизм железной дороги враз не перестроишь. Вагоны стали скапливаться на подъездных путях станции-отправителя.

И это ещё не всё. Транспортное ведомство, отчаявшись получить с должников свои кровные, выдвинуло требование о предоплате услуг. На этих днях довелось побывать в Ковдорском леспромхозе. Там за голову схватились. Необходимо срочно отправлять пиломатериалы, но нечем оплатить наперёд транспортировку. Пришлось отказаться от заказанных ранее вагонов.

Неудивительно, что станция в Ковдоре забита порожняком до отказа. Не от хорошей жизни путейцы поставили состав на ветку, ведущую к складу ГСМ.

Ну, а к чему привела теснота, мы уже рассказали,

Предоплата – это на финансовом языке. Врачи выразились бы точнее: «предынфарктное состояние».

МУЖИЧОК С НОГОТОК И ПОСУДНАЯ ЛАВКА

(«Полярная правда», 10 сентября 1992 года, № 176 (18.918))

Василий Большаков, неоднократный чемпион Союза, республики и области по городкам, недавно побывал на знаменитом Дулевском фарфоровом заводе. Там он осваивал профессию литейщика-формовщика гипсовых форм. Специалистов такого дела в Ковдоре ещё не было. По эталонным формам Василий может отливать из гипса своеобразные штампы для изготовления бокалов, пепельниц, чашек, заварных чайников. Серийное фарфоровое производство требует в месяц до 50 форм для каждого изделия. Чай, не тарелки и блюда, их не доверишь автомату.

А пока Василий Большаков работает в будущем керамическом цехе по первой своей специальности – сварщика. Дел невпроворот. Но уже можно представить, каким будет цех. Выстроились в ряд обжиговые печи, маленькие и большие, поднялись фундаменты для автоматов. Производство фарфора имеет многовековую историю, но технология мало изменилась. Достаточно сказать, что блюдце или чашка, четыре раза подвергается обжигу.

Прежде при налаженных связях редко укладывались в намеченные временные рамки. Теперь «когда чего только нет» – и подавно. Однако керамическая фабрика – подразделение ассоциации «Металлист» – вышла на финишную прямую.

Фарфоровую массу – есть прочная договорённость – будут поставлять пермяки. Они кровно заинтересованы: их снабжает один из учредителей нового производства – комбинат «Карелслюда». Почему не находящееся под боком ПО «Ковдорслюда» – разговор особый и длинный. Остальные учредители – местные юридические и частные лица. В их числе трест «Ковдорстрой», Облрыболовпотребсоюз и сам директор ассоциации «Металлист» М. А. Чунахан.

С ковдорской посудой имели возможность познакомиться покупатели области. Остались довольны. Второй год ковдорчане осваивают технологию на привозных полуфабрикатах. В последние месяцы жители города сразу раскупают готовую продукцию.

С запуском новой фабрики, надеемся, будет ликвидирован фарфоровый дефицит на полуострове. Уже в сентябре-октябре говорит М. А. Чунахан, фабрика выпустит первые чисто ковдорские чайные и кофейные сервизы, тарелки и чашки. Чтобы к концу года выйти, если не на проектные мощности, то хотя бы выпускать до 300 единиц фарфоровой утвари в день. Плюс сервизы.

Фабрика далеко не гигант, даже по меркам своей отрасли. Скорее карлик, мужичок с ноготок. Работать будут 30 человек. Этого числа хватит, чтобы избавить жителей области от заботы, где достать чайную пару. Заходи в посудную лавку – и выбирай на вкус.

Не огорчаться же из-за каждой разбитой чашки.

БРОШЕННАЯ «ПЕРЧАТКА»

(«Полярная правда», № 179 (18.921), 15 сентября 1992 г.)

Признаюсь, никогда прежде не слышал, что в длинном списке сырья, добываемого на Кольском полуострове, значится такой минерал, как кварц. С особыми свойствами: кварц плавочный. Да и не мог слышать. Сырьё это проходило под грифом «сов. секретно» – из него изготавливали оптическое стекло для приборов военного назначения.

Вряд ли потенциальный противник пребывал в неведении. Со спутника давным-давно сфотографировали и расшифровали, чем занимается вахтовый посёлок и что за рукотворный лунный пейзаж на месте развороченной соп-

ки, именуемой «Перчаткой» – за сходство контуров с растопыренными пальцами руки. Наблюдатели из космоса, наверное, потешались: до чего же примитивным способом добывают здесь искрящийся камень. Из техники – бульдозер да перфоратор. Даже экскаватора нет. Допотопная дробилка на обогатительном участке. Лотки, смахивающие на амуницию старателей прошлого века. Мешки с бирками для готовой продукции...

Неподалёку, километрах в десяти, – рудник «Ёна», обладающий солидным техническим потенциалом. Вот и подтверждение: прилегающую возвышенность перепоясали железные трубы, по ним подавали воду для буровых скважин. Металл ржавеет без толку.

Возьми на себя горняки – специалисты комбината «Ковдорслюда» – заботу о кварцевом месторождении, удалось бы без проблем перейти с сезонной на круглогодичную добычу, раза в три-четыре уменьшить количество рабочих. И жил бы персонал в человеческих условиях, а не в сляпанных на скорую руку времянках.

Легко этому спутнику-шпиону посмеиваться свысока. Откуда ему знать, что «Перчатка» расположена на территории другого суверенного района – Кандалакшского. Когда в начале 80-х на карте области возникла новая административная единица с центром в Ковдоре, никто не подумал, что призрачные границы между районами области когда-нибудь будут иметь вес и значение. Из Ковдора по бездорожью сюда сложно добраться, из Кандалакши – вообще никак. А не мешало бы своими глазами убедиться, до какого безобразия довели за десяток лет временщики красивейшую сопку.

Временщики – никакое не оскорбление. Констатация фактов, уходящих своими корнями в ведомственные споры-раздоры. Добычей кварца (1 кг стоил раз в десять дороже хлеба) занялось Министерство геологии, поручив это дело собственному подразделению – «Северкварцсамоцветам». Тому самому, которое оставило не менее варварский след на Терском берегу, у мыса Корабль. Говорят, на просторах Ловозерского района оно тоже порезвилось.

Дорогой и непродуктивный вахтовый метод всё равно приносил прибыль. Пока оборонка потребляла в неограниченных количествах ослепительный камень. Только давай! В 1990 году добытчики поставили около 170 тонн сырья. В нынешнем – его требуется не более 60. Конверсия... Потому на рекультивацию (облагораживание изуродованных земель) не хватает финансов. Сам посёлок с выцветшим до вида половой тряпки флагом над головной халупой, нет сил поддерживать в жилом состоянии. Сторожа на зиму не нанять. Каждый сезон десантникам из Санкт-Петербурга приходится начинать с ремонта раскуроченной техники да с латания уцелевших от огня домиков.

Перекинулся несколькими словами с начальником партии и её техноруком В. Д. Петровым. Из средств связи – подрукой радиоприёмник, и тот помалкивает. Дизель стараются зря не гонять, экономят горючее. Почта – «Ковдор, до востребования». Её привозят раз в неделю вместе с хлебом. Случись что, вся надежда на пограничников. К ним час добираться на тракторе, чтобы с заставы вызвать «скорую». За несколько часов по объездной дороге помощь подоспеет. Если рана терпимая.

Не позавидуешь такой жизни и такой работе.

Осточертевший дождь перекрасил пейзаж за окнами вездехода в мутные серые тона. Воспоминание о солнце разве что полыхает на жёлтых листьях берёзы. Вдруг под кустом сверкнула белая головка – как нерастаявшая грудка сахара на дне стакана. Красиво. Но добытчик кварца головы не повернёт. Он знает, что влага скрыла от глаз прожилки, по которым только и можно определить: годится камень для кварцевого стекла или это пустая порода...

РАЗВЕСИСТАЯ ВЕТЧИНА

(«Полярная правда», № 180 (18.922), 16 сентября 1992 г.)

Слова незатёртые, прямо из свежего постановления. Типографская краска не успела обсохнуть. Звучат, что рок-музыка: приватизация, акционирование, ваучеры... И прилагательные – тоже с ног до головы в импортном лоске: эксклюзивный, холдинговый... Если бы не приписка в конце директивы. Родная, знакомая. «В срок до... явка (простите, исполнение) обязательно...». От сердца отлегло – нашенское, кровное! Похоже, из того же ряда, что и поголовная коллективизация, электрификация и химизация. Осталось ухватиться всем враз навалиться – и завтра же наступит светлое изобилие. В коммерческих структурах.

Ура! Ура! И вперёд!!!

Разве что, совсем немножечко достроить-перестроить. Чтоб дела шли как по маслу и тикали, как часы.

Так вот – о перестройке. Расскажу на примере не шибко большого здания на окраине Ковдора. Лет десять или двадцать тому назад одно серьёзное ведомство посчитало, что в пограничной зоне для полного счастья недостаёт утеплённого пропускного пункта. Вскоре за карьером рудника «Железный» поднялось кирпичное строение. Только тогда компетентные органы глухо извинились перед Ковдорским ГОКом. Дескать, спасибо за помощь из госкармана, но пока проживём без КПП.

Форпост бдительности простоял без дела до внеочередной кампании за поголовную перестройку пустующих площадей под свинарники. Как возведём при каждом уважающем себя предприятии, так свинины будет – завались. Пустующий форпост попал в поле зрения администрации треста «Ковдорстрой». Она, администрация, отвалила 100 или даже 200 тысяч рублей. В стабильных ценах. На реконструкцию. И расширение. Дабы было где развернуться тележке с кормами, а персоналу из девяти человек отдохнуть от трудов праведных.

Красная ленточка, речи и всё такое. Под аккомпанемент жизнерадостного хрюканья.

Энтузиасты затылки чесали потом. Когда подсчитали: килограмм мяса в таком подсобном хозяйстве обходится в 20–30 раз дороже, чем в магазине. Содержать прожорливую ферму – никаких прибылей не хватит.

Здание осиротело.

Но где-то кто-то кому-то сказал, что готовая продукция во сто крат выгоднее сырья. Надо свинину превратить в окорока. Или в ветчину. Экономическая служба треста засела за калькуляцию и пришла к выводу: пушай совхоз «Ёна» свининой поделится, а кооператив «Успех» подсобит... Сырья получим столько, что всю область окороками завалим. Деликатесы – золотое дно.

Здание, как вы догадались, снова перестроили. В сторону расширения. Коптить – так с размахом. Ещё самую малость, ещё чуть-чуть – и завози оборудование, подключай да вдыхай в обе ноздри аппетитные ароматы.

Так бы оно и случилось. Кабы на финише перестройки здания не иссяк источник мяса. Сырья, то есть. Комбикорма вздорожали, свиноводство на Севере стало нерентабельным.

С декабря прошлого года коптильня законсервирована. Непосвящённым объясняю: от стеклоблоков в окошках остались одни дребезги, из помещений исчезли светильники, двери. Словом, стройматериалы, поддающиеся тихой приватизации при помощи лома.

Спрашиваю у заместителя управляющего трестом «Ковдорстрой» по экономике М. А. Большакова, зачем опять и снова сотни тысяч без пользы угрожали?

– Вложенные средства не пропали, – парировал заместитель по экономике. – Здание как стояло, так и стоит. Может, в нём рыбу коптить будем. Или продадим с аукциона. Запас карман не тянет.

М-да... Накопления, пользы от которых как от козла молока, иначе величают. Но кто же спорит со специалистом? Ему видней.

Как вы, не знаю, а я обеими руками за приватизацию с акционированием. Лишь бы наступил конец «перестройки вечной». Словосочетание сие, если интересно, одолжено из послевоенной поэмы Твардовского «Тёркин на том свете».

По ушам бьёт новое громкое обещание. Дескать, за этим поворотом получим по ваучеру в зубы, и на сём документе закончатся исторические реформы.

Верю и надеюсь. Согласен и потерплю. С одним условием. Или просьбой. Чтобы уж эта перестройка оказалась последней!

Не знаю, как с другими объектами в округе, а к зданию «КПП, тире свиарник, тире коптильня» уже ничего не присобачишь. По причине отсутствия места для экспериментов. Или придётся сносить-переносить железный забор. За дополнительную плату.

СВЯТО МЕСТО ПУСТО НЕ БЫВАЕТ

(«Полярная правда», № 184 (18.926), 22 сентября 1992 г.)

На производственное объединение «Ковдорслюда» свалилась финансовая поддержка. Начальник государственной налоговой инспекции по Ковдорскому району В. Н. Стрельников направил руководителям объединения заманчивое предложение: *«В связи с увеличением штата инспекция просит*

сдать в аренду служебные помещения площадью 300–500 квадратных метров». Далее приписка: «Просим также сдать в аренду две тёплые гаражные стоянки для легковых служебных автомобилей».

Ковдор не Москва и не Киев, где арендная плата за несколько комнат офиса зашкаливает за миллион. Обнищавшей «Ковдорслуде» и сотня тысяч – как находка.

Довелось плотно поговорить с начальниками рудников объединения, терпящего бедствие. Каждый считал своим долгом бросить кирпич критики в управленцев, сидящих на шее товаропроизводителей. Ну там конструкторов, геологов, маркшейдеров, бухгалтеров, снабженцев, механиков и прочих оконторившихся специалистов. Кого-кого, а их, по мнению начальников рудников, в первую очередь должна справедливо коснуться костлявая рука сокращений и безработицы.

Налоговая инспекция, (в надёжных источниках информации ей не откажешь) сориентировалась и высчитала: в самое ближайшее время два из четырёх этажей управления «Ковдорслуды» опустеют. Пока что инспекции больше не требуется.

Пообщался с инспекторами и советниками налоговой инспекции. Не по должности величаю, а– берите выше! – по чину. Чтобы вы знали и не путали, инспектор первого ранга ниже по служебной лестнице советника третьего ранга. Так вот, слушал их слушал, и оторопь взяла. Ссылаясь на точные компьютерные данные, мои собеседники утверждали, что они и есть самые полезные для общества государственные служащие. Всего за три месяца трудов непосильных они с лихвой окупают свою годовую зарплату и покрывают расходы на содержание своей конторы. Включая ксероксы, телексы и факсы. Оставшиеся девять месяцев приносят в копилку общества чистый доход. На основании пятидесяти и более статей налоговых платежей. Время – деньги!

И ещё любопытные подробности, не получившие достойного освещения в средствах массовой информации. В дополнение к чину и мундиру инспекторам и советникам полагается продуктовое довольствие. Такое же, как личному составу милиции. Правда, пока око видит его, а зуб неймёт. То ли золотого шитья на форменную одежду не хватило, то ли закавыка в упаковке для пайков. Ничего, специалисты в инспекции подбираются один к одному, палец им в рот не клади. Что положено – отдай и не грехи. Или сами заберут.

Какие могут быть возражения, когда в разгаре генеральная перестройка государственного механизма?!

Налогоплательщики – народ не гордый, потерпят без прогрессивки. Скорей бы прогресс наступил.

Вот и начальник финансового отдела Ковдорской районной администрации покипел и умолк. Пытался удержать сотрудницу, что намылилась постричься в налоговые инспектора. Куда ему! У финорганов против нарождающейся структуры кишка тонка.

Идея льгот и привилегий проста как валенок. Когда налоговый советник защищён от соблазнов зарплатой и пайком – с него спросить можно по всей строгости. Только где гарантия, что гражданин не войдёт во вкус и не посчи-

тает, что государство его мало ценит?

Демократия шагала по просторам, подгоняя впереди себя волну борьбы с привилегиями. Оглянуться не успели, как очередная новая опора и надежда общественного строя оказалась при апартаментах, чинах да служебных машинах. Неужто поговорка «не подмажешь – не поедешь» в первую очередь административного аппарата касается?

Навёл справки. Неделю тому назад апатитские налогоизыскатели справили новоселье в двухэтажном особнячке детского сада, построенного в пору, когда лозунг «всё лучшее – детям» на каждом шагу глаза ел. Вселились, но не успокоились. Требуют для украшения помещений 14 телефонов. Подпрыгнувшая до космических высот плата за установку и пользование переговорным устройством инспекцию не пугает. И не останавливает.

Их Мончегорские коллеги тоже пришли к выводу, что лучшее здание в городе должно принадлежать определённой инспекции. В Кандалакше сборщики дани заполнили двухэтажное строение, где в оные годы квартировал горком партии, а после него – музыкальная школа. Школе пришлось выметаться на все четыре стороны.

Кто спорит, пусть инспекция растёт и процветает на основе налоговых поступлений. Для подъёма страны не жалко. Опять же три четверти добытых средств в госкарман направляется. Пригодятся, нет спору.

Однако, за лето число безработных в Ковдоре подскочило с шести до двухсот человек. Процесс пошёл. На грани закрытия несколько рудников объединения «Ковдорслюда». В половину своих мощностей производит продукцию Ковдорский ГОК. В других регионах области не легче

Редуют ряды налогоплательщиков. Падает производство. На этом фоне бурный рост штатов налоговой инспекции вкуче с новосельями, мебелью, оргтехникой и служебными машинами смотрится как пир во время чумы. Уж простите за такое сравнение.

Припомнился анекдот застойных времён – про отечественных статистиков. Они умели выжимать из лимона литр сока. Или два. Как скажут-прикажут. Очень может быть, что налоговые инспекторы, поднаторев да извернувшись, переплюнут активистов статистического ведомства по части изыскания скрытых резервов. Но где мы наберём для них столько лимонов, когда сеятелей и сборщиков урожая всё меньше?

В ящиках с гуманитарной помощью такого количества плодов не наскреести.

ПОДНИМАЙ ЦЕНЫ ИЛИ ПЕНЯЙ НА СЕБЯ! **(«Полярная правда», № 186 (18. 928), 24 сентября 1992 г.)**

В годы изобилия постановлений, пленумов и починов ходила легенда о посещении бывшим купцом Елисеевым магазина своего имени на Тверской. Престарелый наследник владельца остался доволен иллюминацией в торговом зале, кассовыми аппаратами и холодильниками-прилавками. Но в рыб-

ном отделе его прорвало. Показал внуку место, где прежде стояли бочки с красной икрой и с чёрной:

– Спрашивается, кому это мешало?!

Вопрос риторический. Негрех им воспользоваться, чтобы уяснить для себя события вокруг одного из новых ковдорских магазинов. Пусть не те масштабы и ассортимент.

Жители города быстро нашли дорогу к частному заведению коммерсанта А. Н. Макаренко. Рыбные консервы и копчёности, мука и крупы, манка и детское питание. А когда настал сезон помидоров, картофеля и слив... Никакого сравнения с остальными магазинами! Постное масло – по 55 рублей за литр. Как встретишь гражданина с трёхлитровой ёмкостью в руках, сразу догадаешься, откуда он идёт.

Покупатели радуются. Хозяйинне внакладе. Капитал быстро оборачивается. Поставщики оценили аккуратного клиента. А он всё новые источники ищет. Недавно заключил договор с совхозом «Ёна» на парное мясо и молоко.

Спрашивается, кому это мешало?

Нашлось кому.

Дождливым августовским вечером зашли в магазин двое неизвестных. Поглазели, прикинули, отозвали хозяина в сторону. Чтобы без свидетелей.

– Купим весь товар оптом. Ещё и сверху накинём!

Макаренко было подумал, что молодые люди шутят. Стал им говорить про престиж торговца, про постоянный круг покупателей. Многих уже знает в лицо, по имени-отчеству. Особенно пенсионеров. Как же так, придут они завтра со своими невеликими купюрами, а полки пустые?

Оба-два визитера покривились от неуместного случая лирики. У них – деловое предложение, а им гуторят про бабушкино «спасибо», которое не булькает.

Но раз престиж – так престиж. У каждого свои игрушки. Настойчивые визитёры зачитали второй и последний вариант декларации:

– Тогда поднимай цены!

Макаренко, наконец, сообразил, с кем имеет дело и что за оптовики-благодетели свалились на его голову. Парень решительный, жестом указал на дверь. С этой-то трибуны и прозвучало ему в спину последнее и решительное слово:

– Тогда пеняй на себя!

Два дня владелец магазина размышлял: поделиться или не поделиться возмущением с милицией? Эмоций через край, а доказательств нету. Даже физиономии визитёров незнакомы.

Если гора не идёт к Магомету, Магомет присылает нарочного в штатском. Или повестку. Причина оказалась другой, и повод иной. Но ковдорского Елисеева поразили знакомые нотки, прозвучавшие на допросе:

– Сознаться, не тяни! Всё равно тебе в городе не жить, у кооператоров к тебе серьёзные претензии...

Верить на слово частнику, униженному и оскорблённому на допросе, рискованно. Потому спросил у заместителя начальника Ковдорского РОВД В.

Н. Чёткина и ответственного за борьбу с экономическими преступлениями А. Н. Сосевича, поручали ли им кооператоры повторить анонимную угрозу? У одного из этих двух знатоков вырвалось:

– Ну и жук! Успел уже в редакцию пожаловаться.

Слово – не воробей. К делу его не подшить, но картину проясняет. На этом замолкну, чтобы не навредить следствию. И рефрен: «Кому мешало?» придержу. Сразу перейду к третьему акту драмы, удивительным образом связанной единством места, действия и времени.

Может, сходство чисто внешнее, но уж очень бросается в глаза.

Правда, руководитель следственного отдела РОВД М. В. Бураков другого мнения. Ему не бросается. И пока не получит всего комплекса доказательств – он обязан сомневаться.

В ночь, на 4 сентября с. г. М. В. Бураков лично участвовал в поимке злоумышленников, покушавшихся на магазин Макаренко.

Около трёх ночи по звонку жителя дома, в котором размещается магазин, группа захвата вскочила в дежурную машину. Можно было бы и пешком минуты за три дойти. Вразвалочку. Но на колёсах солиднее. Представляете: ночь, тишина, и вдруг, сверкая, как ёлка огнями, появляется в конце улицы служебная машина с таинственной мигалкой. Стоявшие на стрёме злоумышленники бросились в рассыпную. Но куда там! Милицейский транспорт несколько раз взвизгнул тормозами и всё было кончено.

А из разбитого окна тем временем выпрыгнул ещё один злоумышленник, по стеночке прокрался за угол, только его и видели. До сих пор ищут.

Картина в магазине удручающая. Не столько конфет унесли, сколько помидоров и муки перепортили. На 1400 рублей, как значится в оперативке начальника РОВД. Привязка ко времени – 5 утра. Подняли с постели хозяина, он и написал заявление, принятое к производству. Смогично убедиться: даже спустя два часа после поимки оба подозреваемых лыка не вязали.

Третье действие закончено. Занавес!

Сколько ещё актов в пьесе – предсказывать не берусь.

Кому мешают сравнительно низкие цены в магазине Макаренко – мы уже более-менее прояснили.

Озадачивает своеобразное участие в событиях некоторых сотрудников милиции. Не исключено, что по законам детективного жанра они гнут свою, непрозрачную для простаков, линию. Нераскрывают до поры карты. Со своей стороны расчищают путь покупателю к дешёвому прилавку.

Поживём – увидим.

«ЗОЛОТАЯ» ПЛОМБА

(«Полярная правда», 29 сентября, 1992 года, № 189 (18.931))

Расскажите им, что где-то когда-то через всю страну с севера на юг прогромыхал опломбированный вагон, и никто бумажки с него не сорвал, не проверил, что там внутри, – расскажите всё это товароведам базы ОРСа Ков-

дорского ГОКа. Они посмотрят на вас, как на авторов сценария о тысяче и одном дне и ночи, из жизни Марианны и Луиса Альберто.

Товароведов Л. Н. Сараеву и Т. А. Рогачикову можно понять. Поговорил с ними, послушал – волосы дыбом встали, не расчесать.

За последние полгода на базу не прибыл ни один вагон со «жраниной» (привыкайте к неологизму, от слова «жрать» происходит), на котором не были бы повреждены первородные, прижатые поставщиком, пломбы. Взамен болтаются свинцовые метки, повешенные на станциях Орехово-Зуево, Ховрино (чаще всего). В редких случаях вагону удаётся проскочить опасное Подмосковье, тогда уж заменят повреждённые пломбы железнодорожники из Петрозаводска или Кандалакши.

Приходит вагон к станции назначения, товароведы совместно с представителем станции вскрывают вагон и убеждаются, что злоумышленники одними пломбами не удовлетворились. Проредили ящики с яблоками и грушами.

Для нас с вами белоснежный рефрижератор представляется чем-то вроде сейфа на колёсах, а железнодорожному вору ничего не стоит сорвать все четыре пломбы, сдвинуть стальные ворота – и таскай, не ленись.

В последнем случае рука берущего таскать устала где-то на шестисотом с хвостиком килограмме полукопчёной колбасы. 13-ти ящиков как не бывало. Видимо, они побежали догонять 518 баночек консервированного молока, исчезнувших накануне из другого вагона.

По самым грубым подсчётам работников базы, за время пути испаряются примерно 5–10 процентов груза. Более точные данные могут дать железнодорожники. Они каждый акт проверяют, перепроверяют и выплачивают компенсацию за причинённый ущерб. Через полгода после случившегося. Например, 14 сентября ОРС получил 10892 рубля. И ещё 18383 рубля.

Слушал я специалистов по приёмке товара и размечтался: неужто доживу до того момента, когда в музее выставят пломбу грузоотправителя, допустим, из Краснодарского края, которую никто не потревожил, не сорвал на всём пути следования?

Власть предержавшие упорно вещают про стабилизацию да изобилие товаров. Мы им верим на слово, мы их слушаем, как султан Шахерезаду. По усам мёд течёт, с ушей лапша свешивается, а в рот ни то, ни другое не попадает.

Сохранившая свою неприкосновенность пломба – это уже лучик света в конце туннеля. Дожить бы до такого радостного события. Атам поверим и в приватизацию, и в рынок.

Если пломбу уберём, то уж ваучеры, или как их там, обеспечим.

КЛИЕНТ И КОРМУШКА

(«Полярная правда», № 192 (18.934), 2 октября 1992 г.)

В степях Украины в голодные послевоенные годы районное начальство накладывало на колхозы персональную дань: привозило на фермы собственных поросят и доверяло выращивать их на дармовых харчах. Бригадир чтобы

не дай Бог не перепутать, чья именно эта собственность, на спине хряка выводил чёрной краской фамилию владельца.

Непредсказуемый пасьянс аппаратных кадровых перемещений как-то посадил в кресло министра культуры УССР секретаря одного из глубинных райкомов партии. Здесь-то его и настигла давняя история про подsunутую исполнительным колхозником свинью. Злые театральные языки утверждали, что поросёнок будущего министра узнавали не по иероглифам на спине, а по самой грязной и жирной морде. Анекдот оброс фантастическими подробностями, достигших размеров бороды Черномора и, в конце концов, выкинул министра из тёплого кресла. Анекдот, а не кургузые культурные горизонты доконал главу культурного ведомства. Не выдержала душа насмешек, попросилась на пенсию.

Насколько мне известно, это был последний случай, когда использование колхозной кормушки в личных целях вызвало смех окружающих. Народ посерьёзней, изменил отношение к персональным поросёнкам.

Лет двадцать тому назад, если помните, роль поросёнок на откорме повсеместно играли ковровые изделия. Очередь за ними растягивалась по городу, смахивая по массовости на майское шествие.

В Ковдоре за распределением ковров и дорожек следила секретарь тогдашнего горисполкома. За очередью следила, без очереди хапала. О чём в сердцах как-то проговорилась в частной беседе директор универмага. Навострил перо, пообещал пропечатать «активистку от кормушки». На всякий случай поинтересовался:

— Сможете подтвердить сказанное документами?

— Откажусь, ничего я вам не говорила! Я первая же загремлю за разбазаривание дефицита. Ни в жизнь не доказать, что это меня принуждали. Сама же и окажусь крайней...

О, времена, о, нравы!

Год-два назад правоохранительные органы области принялись разыскивать мафию в верхних эшелонах торговых ведомств. В Ковдоре тогда арестовали заместительницу начальника ОРСа. Запомнилась мне фраза, обронённая начальником ОРСа:

— О поступлениях модных тряпок на базу я узнавал на второй-третий день. Как на моей заместительнице обновка, значит – ясно, было поступление. Но точно такую же одежду и в те же сроки надевала на себя супруга милицейского чина, который столько месяцев меня допрашивал...

Новые песни придумала жизнь. Новые названия появились у кормушек.

Недавно пытался выведать секреты передового опыта у хозяина одного коммерческого заведения. С целью распространения положительного примера – как торговать дешёвыми и высокого качества товарами с прибылью. И себе, и людям.

Оба раза в обеденный перерыв нам не давали поговорить. Сначала заявила депутация служащих банка. Привезла тару с прищипленными фамилиями владельцев. Не могут же люди, занятые пересчётом наших денег, стоять в общей очереди за картошкой и постным маслом! Ну а представитель нало-

говой инспекции вообще ни на кого не глядел, ни до кого не снисходил... Он сообщил владельцу магазина, какой товар и в каком количестве требуется. Только тогда позволил продолжить нам беседу...

Всё течёт. Иногда вопреки классическим философским построениям вспять течёт. Не ровен час, на совхозных фермах и в свинарниках процветающих фермеров появятся постояльцы, требующие откорма на льготных условиях.

Как вы думаете, чьи фамилии будут вписаны несмываемой краской на спинах животных?

Читатель ждёт конкретных имён, отчеств. Как будто загвоздка в фамилиях, а не в смене кадрового состава караула при кормушках.

Прежде толкались идеологические структуры. Нынче – коммерческие. Разница существенная?

Корма пороссятам всё равно не хватает.

ОКТАБРЬ УЖ НАСТУПИЛ. НА БЕНЗОБАК («Полярная правда», № 193 (18.935), 3 октября 1992 г.)

Что такое постепенное повышение цен – знаем и понимаем. На примере бензина. Обрадовала официальная информация, что горючее, поступившее в ёмкости заправочных станций, в сентябре будет продаваться по прежним ценам. А которое подвезли попозже, – с 1 октября подорожает в четыре раза... Успеешь проскочить в зазор между вчерашним и завтрашним преЙскурантом – считай, что повезло.

У Ковдорской бензозаправки набралась в последние сентябрьские дни длиннющая очередь из желающих пробиться в ряды везунчиков. Люди дисциплинированные, списки составили, дежурство установили. Не нервничали, знали: содержимого цистерны должно хватить на всех. А привыкать к новым ценам потом начнём.

Не тут-то было. Утром 1 октября только автолюбитель взял за горло шланг на бензозаправке, как ему под нос телеграмму за подписью директора Кировской нефтебазы В. А. Климова:

– С 1 октября перейти на новые цены без оглядки на дату завоза горючего!

Это уже не шоковая терапия, это что-то вроде удара дубиной по голове.

Очередь разгневанных мужчин высказала королевам бензоколонки всё, что они, мужчины, думают о правительстве и о беспрекословных исполнительницах воли непосредственного начальника.

Выпустили пар, отвели душу и помчались искать справедливость в администрацию района. После нервных переговоров с мурманскими нефтераспределителями выяснилось, что забвение указания о постепенном переходе к новым бензоценам – целиком самодеятельность руководителя Кировской нефтебазы.

Он же и отменил свое решение. После консультаций. Позволил, так уж и быть, кинуть очереди пару бензовозов.

Мужики прикинули: если по 60 литров на машину, то согласны, а там видно будет. Авось, привыкнем. Насколько мне известно, двумя бензовозами запасы ранее прибывшего горючего не исчерпываются.

У вас есть вопросы? У меня нету. И вообще, чего огорчаться? Радоваться надо. Справедливость объёмом в два полных бензовоза восторжествовала на один день. Не так-то часто в последнее время подобное случается.

Приложение

ИЗ ЦИКЛА «ВЕРНУЛСЯ Я НА РОДИНУ»

«Беломор» доканал

О том, что я кругом не прав,
Что огорчу родню,
Меня предупреждал Минздрав
Раз двадцать пять на дню.

Клюём не глядя

Лохи мы все – с плавниками и без.
Ловят нас прямо с крыльца.
Кто на блесну из пустышек-словес,
Кто на живца.

Вишенка на торте

Если уж пошло на откровение –
На душе тоска и дребедень.
Без щепотки чудного мгновения
Сер Международный женский день!

Совет советчику

Не втемяшуйте в реляцию
Журналистскую науку.
Я не врач реанимации,
Чтоб держать на пульсе руку.

Загребущий

До глубин освоил он
Хапанья науку,
Для него и сон – не сон,
Если сон не в руку.

По эстафете

Когда потомкам без проблемы

Забалтывать ильделать больно,
То комиссары в пыльных шлемах
Идут в отставку.
Добровольно.

Время, ау!

Трудно прошлое востребовать,
Держится на волоске.
То ли было? То ли небыло?
То ли с нами? То ли с кем?

Всё те же грабли

Убеждают нас при каждом случае,
Что живём почти что, как в Америке:
Снова о своём благополучии
Узнаём по радио и телеку.

Пустоцветы

Срывает время маску и личину
С героев телерадиовещания.
Ну разве настоящие мужчины
Могли б играть в пустые обещания?

Цена демагогии

Давно показано на примерах:
Слова, расходящиеся с деяниями,
Есть порча народного достояния
В особо крупных размерах.

Жищпротестант

Жаждет вниманья.
И так, и сяк
Закручивает интригу.
А раскулачишь его кулак –
Увидишь большую фигу.

Эволюция гласности

В годы горбачёвского шатания
Гласность называли испытанием.
Время шло. И прокуроры прыткие
Умудрились гласность сделать *пыткою*.

Глупый вопрос

Проливает свет на личность
Интеллект или наличность?

Первые шаги олигарха

– Сам жую, и с женой жуём,
Черпаем полной чашею.
Вижу, плохо лежит –
Моё!
Всё остальное – наше!

Особая арифметика

Сумей отнять, сложить, умножить
И будешь, говорят, умно́ жить.

Опять и снова

Снова с нами, это ль не загадка,
Буйство планов, громадьё задач.
И опять мы о своём недостатке
Узнаём из телепередач.

Мечтать не вредно

Холить будем лень свою,
Кушать водку с огурцом –
Обещают выдать пенсию
С человеческим лицом.

Хенде – хох!

Нам с тобою не до брэндов,
Кошелёк усох.
Слышим даже в секунд-хендах:
–Секонд, хенде-хох!

Тактика

За то, что плюнул в душу, не убьют.
А если станут придира́ться к факту,
Возьми и докажи, что ты – верблюд,
Что проявил не хамство, а характер.

Единство противоположностей

Две маячат фигуры
В море блеклых оттенков:
Справа – Симон Петлюра,
Слева – Пётр Симоненко.

На старый лад

Опять мы ищем виноватого.

Не мудрствуя, вставляем в план
Вопрос по типу «пункта пятого»:
– А ты прошёл через Майдан?!

Или – или!

Что ни слово – обналичка
Грязных сплетен, хамских острот...
Гюльчатой, открывая личико,
Закрывай, пожалуйста, рот!

Напрасные усилия

В галантный век и в век железный
С мещанством, вот что огорчает,
Стихом бороться бесполезно...
Стихов мещане не читают.

До того...

Слову верен, родину любил,
Гривны не разменивал на центы...
Знаете, каким он парнем был
До того, как вышел в президенты!

Ждём – пождём

Чтоб обрадовать нас заранее,
Перестанет счастье сутулиться...
Пусть не на нашей улице –
Хотя бы на меридиане.

У протезиста

Идею, как антитезу,
Украла власть втихомолку.
И требует не протезы,
А зубы покласть на полку.

Разблокируем?

Сколько их, блоков различных оттенков:
Блок Порошенко и Блок Тимошенко...
Каждый заботой о людях согрет,
Каждый к электорату с любовью...
А я выбираю блок сигарет –
Меньше вреда здоровью!

Нью-учителя

Учат жить и понимать
Задом наперёд.

Кто предаст отца и мать –
Тот и патриот!

Англоман наполовину

Повезло нам с президентом, братцы,
По-английски может изъясняться.
Но вдвойне бы поклонились низко,
Если бы ушёл он по-английски.

Шоколадная терапия

Лечат, будь они неладны,
Лечат год, и два и три
Терапией шоколадной...
Ладной – сверху, шок – внутри.

Традициям верны

Львовским плевать витиям –
Это не их пенаты.
Сдали Киев Батью,
Теперь сдают униатам.

Неожиданность?

Дали слово радикалам.
Завалили Раду калом.

Не глядя...

В лозунге: «Махнём, не глядя!» –
Наших бед истоки.
Те, кто в Раде, – в шоколаде,
Остальные – в шоке.

Единица измерения

Как спросить у вождей современности,
Чем Европа для них хороша?
Почему европейские ценности
Измеряются в долларах США?

Другу детства

Львовяне беспардонны,
Их тьмы, и тьмы, и тьмы...
Из в Киеве рождённых
Остались только мы.

Зубовный скрежет

Это правда, а не грубость,

Правда всегда права:
Все три зуба у Тризуба
Не заменят тридцать два.

Кыш, Миш!

Саакашвили карта бита,
Кругом конфузия.
–Кыш, Миш! – сказали одесситы.
И Грузия.

Хуже супостата

Наши власти – те и те –
Хуже супостата.
По своей по простоте
Думают простатой.

Свет в конце туннеля

В яме мы сидим глубокой,
Но наступит благодать.
Нам бы – в пику Тягнибоку –
Век «Свободы» не видать!

Библейской притче вопреки

Сорок лет (без малого) в дороге.
Еле дышим. Еле тащим ноги.
Но, боюсь, страдания наши – зря,
Потому, что нет поводыря.

Родственникам в Торонто

Пусть летят ваши годы, как птицы!
Пусть к вам счастье стучится активно!
Говорят, за канадской границей
Западынцы не так агрессивны.

Спасибо за науку

Благодаря тугой узде
Тарифно-газовой атаки
Узнали мы: когда и где,
А также как зимуют раки.

Ни хвоста, ни гривы

Поработал кабмин продуктивно,
Прорывные реформы верша.
До копейки скукожилась гривна
И не стоит теперь ни гроша.

Нью-Бонапарт

Итог в сравнении видней.
Наполеон сказал сурово:
– Зеленский и его сто дней –
Одно сплошное Ватерлоо.

Учат нас, учат

Благодаря тугой узде
Тарифно-газовой атаки
Узнали мы, когда и где,
А также, как зимуют раки.

Трансгендер по духу

Отвратительней нет уroda,
Чем Берёза мужского рода.

Удушающий запашок

Чім тхне істерика **Ницой?**
Гнильцой, дрянцойи подлецей.

Сторонники-потусторонники

Кто Порошенко чтит эпохою,
Тому страна и люди по ...боку.

Ударение со взломом

Нарастает обещаний муть,
Луч надежды вновь грозит усохнуть.

Нам бы хоть чуток передохнУть!

Нам в ответ желают передОхнуть.

Дм. Гордону

Разобрались без поллитры,
Ясно с первых слов уже:
То в Московии Лжедмитрий,
В Украине – Дмитрий Лже!

Бывший идеолог бывшего Киевского ЦК

Не знали мы о Кравчуке,
Что это он (чем не сюрприз нам?!)
Шёл в бой за дело коммунизма
С винтовкой Геринга в руке.

Экс-министру внутренних дел

Покинув пост,

Гонимый в шею
Провозгласил он:
– Честь имею!
И вновь попался
На обманке –
Он спутал честь
Со счётом.
В банке.

Учат нас, учат
Учит нас
Врать,
Унижаться
И красть
Наша родная
Зеленская
Власть!

Президент
Больно за него и стыдно,
Врёт он уморительно.
Что не Бог он –
 это видно,
Что не лох –
 сомнительно.

Раздел IV

В О Д Н О М Э К З Е М П Л Я Р Е

В Ковдор приехал, имея за плечами опыт работы в заводской многотиражке, в украинских республиканских газетах (комсомольской и пионерской) и в газете Киевского военного округа. Как оказалось, именно военная газета предохранила от многих неприятностей. По понятиям того времени редактор многотиражки (и районки) обязан был самостоятельно, без дружеской помощи цензора, следить за тем, чтобы никакие государственные секреты не проникли в печать. Когда был штатским сотрудником газеты дважды Краснознамённого военного округа – от придирок цензоров на душе образовались мозоли. Благодаря им рулил в Ковдоре многотиражкой почти без проколов, запо-

нил назубок, что военные гарнизоны дислоцируются исключительно в областных центрах.

Больше, разумеется, помогал мой многотиражный опыт. Десять лет жизни (из них пять в штате) отдал газете киевского революционного завода «Арсенал». Был такой завод, основанный ещё Екатериной II. При мне завод отмечал двухсотлетие со дня основания. Насколько знаю, до 250-летия предприятие не дожило. Из пятидесяти тысяч работающих, осталось несколько сотен инженеров в центральном конструкторском бюро. Здания цехов растащили фирмы, желающие располагаться поближе к офису президента и к Кабмину. Документацию изделий оптом и по частям нынешние менеджеры «Арсенала» распродали в страны дальнего зарубежья. Как-то друзья по заводу подарили красиво разрисованную бутылку китайской водки, в неё в марте втыкаю цветок жене.

В мою бытность «Арсеналець» – так называлась газета – отводила много места для популярных в хрущёвскую оттепель стихотворных репортажей и фельетонов. Сложился довольно приличный коллектив авторов. Могли мы чуть ли не весь номер запузырить в стихах. Если учесть, что официально газета издавалась на украинском языке, а стихи мы писали по-русски, то понятно, почему бывшее ведомство, располагавшееся на бывшей улице Орджоникидзе (теперь снова Банковая) резко одёргивало партком завода. Отделом пропаганды в ЦК КПУ руководил не кто-нибудь, а будущий президент Украины Л.М. Кравчук.

В первый же год работы в Ковдоре мне захотелось воспользоваться опытом и перелить в легкомысленные стихи производственные вопросы. Заканчивался 1973 год, впереди – 1974-й – начало превращения железорудной обогатительной фабрики ГОКа в АБОФ – в железопатито-бадделеитовую фабрику. Не сразу дошло, что к такого рода текстам надо читателей загодя готовить, что все мои навыки и устремления (а я даже диплом на заочном отделении факультета журналистики Уральского университета защитил практический – «Стихотворный фельетон в газете») надо отложить в сторону.

Кстати, моя преддипломная практика совпала с подготовкой к очередному съезду КПСС. Газеты получили негласное указание всякую критику приберечь до окончания партийного форума. Так что, грабли, на которые наступил в Ковдоре, мне были хорошо знакомы.

Однако стихотворное обозрение, открывающее раздел II «Страда стройки» возымело некоторое положительное продолжение. Четырёхугольник комбината – дирекция, партком, профком и комитет ВЛКСМ – уразумел, что на нужды редакции, как-то телефон (поначалу он был спарен с дежуркой женского общежития), помещения, зарплаты сотрудников, премии, наконец – можно рассматривать исключительно после того, как будут подготовлены приветствия в адрес организаций, от которых так или иначе зависел комбинат.

Так появились послания в Череповец, в Гипроруду, в Оленегорск и т.д. Черновики почему-то сбереглись. Прежде, чем бросить на даче в печку, подумал, что и эти послания – своеобразные следы своего времени и тогдашних отношений. Поясняю первый попавшийся факт. Долгое время сауны и бани считались принадлежностью погранзастав. И если бы не инициатива начальника жилищно-коммунального управления комбината Льва Саркисова, наверное, до сих пор цеха ГОКа и других предприятий города не обзавелись бы собственным «цехом здоровья».

Думаю, в этот раздел следует также поместить странички записных книжек, заполненные на разного рода заседаниях-совещаниях. И на них лежит печать времени, отголосок взаимоотношений.

ДАТСКИЕ (к датам) СТИХИ

КОЛЛЕКТИВУ МЕСТОРОЖДЕНИЯ ПРОЕКТОВ

Во глубине Гипроруды
(А глубина длиной в полвека)
Проектировщиков ряды
Корпят на благо человека.
От Мойки, от её истоков,
Шагнуло в гору столько ГОКов,
Что, если их поставить в ряд, –
Луны достигли б, говорят.
Родные стены-коридоры,
Мы здесь, как дома, не в гостях.
Вся подноготная Ковдора
На ваших вскрыта чертежах.
Мы родились, и тем горды
Во глубине Гипроруды.
Во глубине Гипроруды,
Наискосок от Механобра,
Есть отпечатки и следы
Работы творческой и доброй.
Ах, как бы было одиноко,
Когда б не шествовал над ГОКом
Такой передовой отряд,
Где все талантливы подряд,
И где без долгих разговоров
(Когда на смете деньги есть)
Навстречу рудному Ковдору
Пойти считается за честь.
Мы родились, и тем горды
Во глубине Гипроруды.

Во глубине Гипроруды,
Среди расчётов, синек, калек
Мужи, и мудры, и седые,
Такие клады отыскали,
Что скоро (разве это мало!)
Работать будет без отвалов,
Отходов без Ковдорский ГОК.
Кто выдумать бы лучше мог!
Ах, дорогой наш гипро-папа,
Наш золотой, наш юбиляр!
Перед тобой снимаем шляпу,
Медаль тебе подносим в дар.
Мы родились, и тем горды,
Во глубине Гипроруды!
(сентябрь, 1981).

ЧЕРЕПОВЕЦКОМУ МЕТЗАВОДУ

Ах, двадцать пять! Солидный возраст!
Приятный самый на веку.
И поумнеть ещё не поздно,
И в то же время ты в соку.
Ах, двадцать пять! Не возраст – сила!
Мне столько же когда-то было.
Но это ж надо понимать,
Когда заводу – двадцать пять!
Мужал и креп он с каждым слитком,
И с каждой тонной чугуна.
Теперь гордится вся страна
Делами Северной Магнитки!
В успехи ваши, сколько мог,
Внёс лепту и Ковдорский ГОК.

Надёжный смежник и опора,
И это всё в одном лице.
Фундамент города Ковдора
Заложен был в Череповце.
Густым ковдорским концентратом
Мы с вами делимся, как с братом,
И ЧМЗ, как мудрый брат,
Доволен нами, говорят.
Металла огненные тонны
И ощутимы, и видны.
Притоком Волги и Шексны

По праву стала речка Ёна.
В глухой тайге её исток.
Там и возник Ковдорский ГОК.

За эти годы дружбы нежной
Не раз нас выручал завод.
Мы убедились в том, что смежник
Нас никогда не подведёт,
Что договор он ценит строго,
И что железную дорогу
Он убеждает, скажем так,
Не жадничать на порожняк.
Короче, много слов похвальных
И добрых заслужил завод.
Пусть молодеет и растёт
Наш потребитель генеральный!
Сырьё ему поставим в срок –
На тот стоит Ковдорский ГОК!

ОЛЕНЕГОРСКОМУ ГОКУ

Пока огни прокатных станов
Ещё нужны, прогресса для,
Трудиться будем неустанно,
Руду на мельницах меля.

Известно (есть такое мнение)
Всегда мы рядом с давних пор.
И слава станции Оленья
Не меньше станции Ковдор.

Оленегорск, и это свято,
Мы величаем старшим братом!
При встрече говорим и пишем:
Что, брат, осилим план во вскрыше?

Заботы, хлопоты, тревоги –
Едины в них. И потому
Любые по плечу дороги:
Есть с кем,
Есть кем
И есть кому!

Нам рано подводить итоги,
Освоим, сдюжим до конца

Во славу,
В честь Череповца!

ПРИВЕТ ПОГРАНИЧНИКАМ!

Над Ковдором солнце и над Ёной,
Как обычно, в этот майский день
К нам спешит весна в своей зелёной
Форменной фуражке набекрень.

В праздник можно чуть не по уставу.
Но мы знаем, и наверняка:
В энских точках энские заставы
Охраняют энский город «К».

День и ночь по топям да по высям,
Бодростью заряжены в момент.
(Говорят, что даже Лев Саркисов
В банном деле им не конкурент).

Будни пограничников суровы,
Но для шуток тоже есть резон.
Ну а мы всегда помочь готовы
И в брусничный, и в грибной сезон!

Любим вас всем обществом и лично.
Шлют приветы от себя и жён
Даже те, кто знаком пограничным
Ещё только будет награждён.

Над Ковдором солнце и над Ёной,
Как обычно в этот майский день
К нам спешит весна в своей зелёной
Форменной фуражке набекрень.

РАЙОТДЕЛУ МИЛИЦИИ

Приносит праздник отдых и разрядку,
Хоть отоспишься, ублажишь мечту.
А эти люди служат без оглядки,
Рыбалки без и без отгулов сладких.
Блюстителю покоя и порядка
И в праздники, и в будни – на посту!

За намёк, прошу, не примите,
Но случайно ль могло случиться:
После выпивки – вырезвитель,
После праздников – День милиции!
Их в штатском узнаешь и в форме строгой,
В Ковдоре нет подтянутой мужчин.
И если к дому позабыл дорогу,
Ну, скажем, закусил совсем немного,
Они тотчас приходят на подмогу
И говорят: «Пройдёмте, гражданин!».
Это ясно, как дважды два,
И как звёздочки на погоне:
Защищают наши права
Словом,
 грудью
 и дыркой в талоне!

А если кто родного «Жигулёнка»
Отправился проведывать в гараж,
Они побудут вежливо в сторонке,
Послушают стаканов голос звонкий,
И тёпленького, нежно, как ребёнка,
Посадят в жёлто-синий экипаж.
Мы ими гордимся! Об этом и речь,
Вместе успехи множим.
Нашей милиции нас беречь
Всей
 дружиной
 поможем!

ИЗ ПРИВЕТСТВИЯ ПИОНЕРОВ НАДЦАТОЙ ПАРТ-ПРОФ-КОМС-КОНФЕРЕНЦИИ

Мамочки! Сколько в Ковдоре всего:
Есть ЖКУ, ЖКК, ЖКО!
Но для развития спорта
Нет хоккейного корта.
Просим и просим,
Но снова в ответ:
– Тренера нет,
Освещения нет,
Шланга, воды...

И подумали мы:
– Может быть, в городе нету зимы?
– Есть, – отвечают, – зима и мороз,
Правильно ставите, дети, вопрос.
Только решать его нам не по рангу –
Нет освещения, тренера, штанги...
Жаль, не помочь нам никак сорванцам...
Жаль, детвора во дворах заскучала...

Словом, у песенки нету конца,
Каждой зимой начинаем сначала.

**ОДА ПО СЛУЧАЮ ПЕРЕВОДА
главного инженера Ковдорского ГОКа
НИКОЛАЯ ПЕТРОВИЧА ЕРШОВА
на должность Генерального директора
Костомукшского ГОКа**

Что ж ты наделал? Как же, Коля,
Поддался ты на уговор?
Чему тебя учили в школе?
Чтоб бросил ты родной Ковдор?
Такой, сякой и нехороший,
Пошто обидел папу Лёшу?
И даже более того,
Ты отпуска лишил его!
И Треничев поставил визу...
Подумать только, профсоюз,
А допустил такой конфуз
С благословения ОТИЗа.

И тот тебя не покарал.
Не смел, товарищ генерал!

Я знаю, к юмору Вы чутки,
Оцените, что мы правы,
Что заменили, ради шутки,
Сердечным «ты» пустое «вы».
Оно, конечно, не похвально
«На ты» якшаться с генеральным,
Но, согласись, предел мечты
С самим Ершовым быть «на ты»!
Бежали дни легко и плавно.

Но жизнь решила, ей видней.
Отныне стал ещё главней
И без того наш самый главный.
Но помнит он, где возмужал...
Я прав, товарищ генерал?

Земля ковдорская богата,
Не колос вырос здесь – колосс!
Вослед и вместе с комбинатом
В райцентр посёлок перерос.
Шагаем бодро мы, влекомы
Своим родным райисполкомом.
А в области идут на спор:
Чего ещё родит Ковдор?
И впрямь Ковдор родит немало.
С высоким качеством родит
Бадделеит и апатит,
И реки чёрного металла.
Здесь видным человеком стал
И ты, товарищ генерал!

Конечно, расставаться жалко.
Но главк не прошибёшь. Стена!
А Вам железная закалка
«Железным» рудником дана.
И если надо, клич лишь бросьте,
И лишь «полярки» заморозьте,
Тогда мы к Вам примчимся в гости
Брать Костомукшу на буксир...
Приказывайте, командир!
Мы с Вами прошагали много,
Горды, что Ваш замечен рост,
Что по плечу Вам новый пост!
Осталось выпить на дорогу
И закусить, чем ОРС послал...
За Вас, товарищ генерал!

Приложение к «Датским стихам»

ИЗ ЦИКЛА «ОШМЁТКИ ЭКСПРОМТОВ»

Сравним?

Хотя Москва Ковдора поболе,

Но и Ковдору есть чем гордиться:
В одной нашей семнадцатой школе
Больше музеев, чем в целой столице!

И то, и это

О шефстве над школами беспокоясь,
Нужно сделать и то, и это:
Направить на комбинат бронепоезд...
Или просто Семёнову Фету...

Движущая сила

Потому и вертится Земля,
Что учили нас учителя.

Быльём поросло

Зайдёшь в профком,
Предъявишь печень...
И ты путёвкой обеспечен!

Вите Смирнову (Эйдельману)

Служишь сыновьям примером
Знаешь ты наверняка,
Что карьера вне карьера
Недостойна мужика!

Перспектива

Кто же больше знает слов
О такой-то матери?
Скоро конкурс матюков –
Будешь председателем!

Сенька и шапка

Поговоришь, и явно
Жалеешь на манер:
Как жаль, что этот Главный
Совсем не инженер!

Даёшь АБОФ!

Не могу, не в силах прозой,
Только мучает вопрос:
Как бы к атеросклерозу
Не привёл АБОФеоз!

Ах, где мне взять...

Ах, нету сил глазами хлопать
И не заснуть под зуд вещания...
Ах, где мне взять такую ж...,
Что усидеть на заседаниях!

Идеолог райкома

Кулагина поймашь взгляд,
И вздрогнешь: невменяемый...
К тому ж, лицо его и зад
Взаимозаменяемы.

Активист районного масштаба

Сей супчик – есть такое мнение –
От кончиков волос до носа
Весь состоит из донесения.
А если проще – из доноса.

Фрагмент Перестройки

Лекторисса в антракте
О любви говорит.
Человеческий фактор
На неё не стоит.

Загадка

Впереди, не на задворках:
Две семёрки и шестёрка.
Долго думать нет причины,
Расшифрую, мне не жалко:
На райкомовской машине
Мчит Кулагин на рыбалку.

Говорящие фамилии

Зайдёшь в райком, там все свои,
И весело нет слов:
Налево – Горюшко А.И.,
Направо – Горюнов.

Япона-мать

– С ними мне якшаться рано,
Камацу я не хоцу! –
Так ответил Лёвоч-сана
Господину Сухацу.

Октябрь в Крыму

Плакал отпуск, деньги плакали
И на юге нету лета:
В шубу белого каракуля
Море Чёрное одето.

Гостеприимство

На природе, да в палатке,
Да на зорьке, да с улыбкою...
Что такое взятки-гладки?
Это взятки свежей рыбкою.

Постараемся!

Чтоб судьба нам потакала,
Станем чуточку добрее:
Сбережём от травм бокалы –
Ёлку в Новый год побреем!

Что в имени твоём?

– Кампель, объясни соседям:
Кто ты – Феликс или Федя?
– Ну зачем же или-или?
Говорите просто: Филя.

Подмена

Мне, конечно, всё равно,
Рад почтить овацией.
Но зачем взамен кино
Теле-Кампеляция?

Весна на носу

Видим все её красу,
Никаких вопросов!
Пара дырочек в носу
У весны курносой.
Ай-да, Праздник, номер восемь.
Приходи! И ждём, и просим!

Сидорино горе

Сбой в режиме – бьём тревогу,
И не ясно, чья вина.
Как узнать? Начальства много,
А насосная одна.

Литовский армянин

Не будет ни за что подписывать,
Просить о ставках не пытайтесь,
Ведь прозвище у В. Саркисова
Литовское: «Нематюкайтесь!»

Местный выдвиженец

– Скажите без обиняков,
Кто есть такой гер. Румаков?
– Отвечу, не боясь греха,
Что наш он, и не «ге», а «ха».

А.В. Треничеву

При Невском в давней той поре,
Наш Кольский назывался «Тре».
Прошли года... После всего
Приплюсовали «ничаво».

Разные запахи

Я с Сидорою знаком,
И знаком с Малайчуком.
Юра пахнет как президиум,
Толя пахнет коньяком.

Имя-отчество

Время пусть
Течёт,
Как песок,
Наносное –
Ему отсеивать...
– Ваше имя?
– Ковдорский ГОК!
– А по отчеству?
– Алексеевич!

Факт, не реклама

Мы все здесь питомцы Ковдорского ГОКа.
Без ГОКа тоскливо и так одиноко!

ОГЛАВЛЕНИЕ

Раздел I

ЛЮДИ И ОБСТОЯТЕЛЬСВА.....	3
ОХОТА К ПЕРЕМЕНЕ МЕСТ.....	4
ПРАВИЛА ИГРЫ.....	4
«МЕНЬШЕ ТЕКСТА – МЕНЬШЕ ГЛУПОСТЕЙ»	8
ДЕЛО И ТАБАК.....	10
КНИГИ «ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ»	11
НЕУМЕСТНЫЕ ФЕЛЬЕТОНЫ.....	12
КТО СВИСТЕЛ?	13
СЕДЬМАЯ БУКВА.....	14
СНЕЖИНКИ – АГЕНТЫ СИОНИЗМА.....	15

ПРАБАБУШКА УНИВЕРСАЛЬНОЙ ОТМЫЧКИ.....	17
НА ГРАНИЦЕ ТУЧАТ ХОДЯТ ХМУРО.....	19
И СЕБЯ ПОКАЗАТЬ.....	20
САМ СЕБЕ ЦЕНЗОР.....	20
АССЕНИЗАТОР И ПЕНСИОНЕРКА.....	22
ОТ ПЕРВОГО КОЛЬШКА.....	24
ЖЕНСКАЯ ЛОГИКА.....	26
ВНУЧКА РИМСКОГО-КОРСАКОВА.....	27
СМИРНОВ, КОТОРЫЙ ЭЙДЕЛЬМАН.....	29
ИГОРЬ, ИГОРЬ ДМИТРИЕВИЧ.....	30
ЗАКОНЫ ГОСТЕПРИИМСТВА.....	32
ИСТОРИЯ МОЕЙ МАШИНКИ.....	33
НА ВКУС И ЦВЕТ.....	34
ТЕНЬ НА ПЛЕТЕНЬ.....	34
«КОГДА Я БЫЛ ПРЕМЬЕР-МИНИСТРОМ...».....	35
КОВАРНЫЙ ПРОЦЕНТ.....	36
ПСЕВДОНИМ!.....	37
СУПРУГА ПУШКИНА.....	38
В ОСОБО КРУПНЫХ РАЗМЕРАХ.....	39
РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬ ДУХОВНОЙ ПИЩИ.....	41
КОЛБАСНЫЕ ОБРЕЗКИ.....	42
ЕСТЬ КОНТАКТ!.....	43
КТО ВО ЧТО ... «ГАРАЖ».....	44
ОТДУШИНА.....	45
РОМАН В ТЕЛЕГРАММАХ.....	46
ДИРЕКТОР.....	47
ИСТОРИЯ МОИХ «БОГОСЛОВОВ».....	49
МЫШКА НАРУЖКА.....	50
РЕЦЕНЗЕНТЫ.....	51
СЕВЕРНАЯ ЭКЗОТИКА.....	52
БРАТЬЯ МЕНЬШИЕ.....	53
ЛАПША НА УШАХ И В МАГАЗИНАХ.....	55
ЗАКАТ.....	56
РАВНОПРАВИЕ.....	57
В ВОЗДУХЕ ПАХЛО ГРОЗОЙ.....	58
КОРНЕТ ОБОЛЕНСКИЙ.....	59
БАЦ, БАЦ И ВСЁ ПО СВОИМ.....	60
АКТИВИСТ ОУЧВа.....	61
ГОРОД ДУРАКОВ.....	63
ОТРАБОТАННЫЙ МАТЕРИАЛ.....	64
НА ЛИХОМ КОНЕ.....	65
МОЗАИКА ВРЕМЁН ПЕРЕСТРОЙКИ.....	65
ДЕЛО ПРИНЦИПА.....	68
СП И ЧП.....	69
СЛУЧАЙНОЕ СОВПАДЕНИЕ.....	70
КОРМИЛИЦА И ПОИЛИЦА.....	71
ДВА ОЧКА.....	72
РЕНТАБЕЛЬНОСТЬ.....	73
МОБПРЕДПИСАНИЕ.....	74
АВТОГРАФЫ МАКСИМИЛИАНА ВОЛОШИНА.....	75
ШТАМПЫ И ШТАМПИКИ.....	76
«НАШЕЕ – ПУСТЬ ПОЛЕЖИТ!».....	78

«ХАБАРОВСК-НА-ДНЕПРЕ»	78
ОДНА СТРОКА.....	80
НАС НЕ НАДО ЖАЛЕТЬ.....	81
КРЫЛАТЫЕ СОСЕДИ.....	83
ХОТЬ НА ОДНУ ШЕСТНАДЦАТУЮ.....	84
ГОСТУ ВОПРЕКИ.....	86
НАЧАЛО КОНЦА.....	87
НА ШАРУ, СЭР!	88
ОТТОПЫРЕННЫЕ УШИ ТУПИЦЫ.....	89
ВНАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО.....	92
ВОШЛИ ВО ВКУС.....	93
УЧИТЕЛЬ ФИЗКУЛЬТУРЫ.....	94
ЛЯП ЗА ЛЯПОМ.....	96
ПОГОНЩИКИ «ПОДСАДНЫХ УТОК»	99
У ПАРАДНОГО ПОДЪЕЗДА.....	100
ВИСЯЧАЯ ДОЛЖНОСТЬ.....	101
СТОП, КАДР!	103
УЧЕБНИКИ ЖИЗНИ.....	105
ВОСПОМИНАНИЯ О ДЕТСКИХ САДАХ.....	105
НА ТРЕЗВУЮ ГОЛОВУ.....	107
ДЕЛО СЛОВА.....	107
ОВЕРШТАГ НА СУШЕ.....	109
ХУДО ИБЕДНО.....	110
ПОДВИГ РЕДАКТОРА РАЙОНКИ.....	110
СИЯНИЕ СЕВЕРА.....	113
БРОНЕБОЙНАЯ ПОДПИСЬ	116
ПЕРЕЧИТЫВАЯ КОНЕЦКОГО.....	118
<u>Приложение</u>	
ИЗ ЦИКЛА «СЕВЕРНЫЙ КАЛЕЙДОСКОП»	120
ДВЕНАДЦАТЬ МГНОВЕНИЙ ЗАПОЛЯРЬЯ.....	125

Раздел II

СТРАДА СТРОЙКИ.....	127
ВЗВАЛИЛИ МЫ ПО СИЛАМ БРЕМЯ.....	128
К ДРУГУ – ЧИТАТЕЛЮ.....	131
КАРМАННЫЙ СЛОВАРЬМОЛОДОГО СПЕЦИАЛИСТА	132
ДАЁШЬ АБОФ! ИНФОРМАЦИЯ ДНЯ.....	134
БОЛЬШОЙ СЕКРЕТ.....	135
С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ ОПЕРАТИВКА?	136
ПРАКТИЧЕСКИ ВОЗМОЖНО.....	137
ЗАМЕТКИ ПИШУТ ДОБРОВОЛЬНО.....	140
СКОЛЬЗКО!	142
ОБОЗНАЧИТЬ ИСПОЛНЕНИЕ.....	143
ОТ ПОСЁЛКА ДО ГОРОДА.....	144
МОЩНОСТИ ПРИНЯТЫ.....	146
ПРОПАВШАЯ ГРАМОТА.....	146
УСЫПЛЯЮЩАЯ МАГИЯ ПРОЦЕНТА.....	148
КРЕСЛО ОСКОЛКОВА.....	151
НЕРВЫ НАЧАЛЬСТВА.....	156
ЗУБ РАСХЛЯБАННОСТИ.....	157
КОВДОРСКИЙ ГОК: вехи, цифры, факты.....	158
ВЕДОМСТВЕННЫЕ «БАСТИОНЫ»НА УЛИЦАХ КОВДОРА.....	160

ТЁПЛЫЙ СНЕГ.....	164
МОЛОДОСТЬ КОМБИНАТА.....	168
У ПРИРОДЫ НЕТ ПУСТОЙ ПОРОДЫ.....	173
НАПИШЕМ ИСТОРИЮ КОВДОРА.....	184
ДАНИЛОВ, ГЛАВНЫЙ.....	185
«МОГУЧАЯ КУЧКА» О. М. РИМСКОЙ-КОРСАКОВОЙ.....	187
УСАДЬБА ПЕНСИОНЕРА ТИХОМИРОВА.....	192
ЖЕЛЕЗО, СЛЮДА И ТИТАНОВЫЕ БЕЛИЛА.....	196
А ЛЮДИ – КАК АТОМЫ. ОНИ НЕДЕЛИМЫ.....	201
НАЧАЛЬНИК ЦЕХА.....	206
<u>Приложение</u>	
ЭКСПРОМТЫ ПО ГОРЯЧИМ СЛЕДАМ.....	209

Раздел III

ПЕРИОД ПОЛУРАСПАДА.....	216
И НАЗВАНИЕ, И НАЧЕРТАНИЕ.....	217
ДАВАЙТЕ ШАГАТЬ ВМЕСТЕ И В НОГУ.....	218
ПОКА БЕЗ ВИЗЫ.....	221
МИТИНГ НА ПЛОЩАДИ.....	224
КОНТРАБАНДИСТЫ БЕЗ КОНТРАБАНДЫ.....	229
ИГРА В ОДНИ ВОРОТА.....	233
МАРШАЛЬСКИЙ ЖЕЗЛ СТАРШЕГО ЛЕЙТЕНАНТА.....	237
ГРАНИЦЕ НУЖЕН НЕ ЗАМОК, А ЗАМОК! ТАМОЖЕННЫЙ.....	253
ИСПОРЧЕННЫЙ ТЕЛЕФОН И ЕГО АБОНЕНТЫ.....	255
РЭКЕТ ПО-КОВДОРСКИ, или 2000 рублей... за сломанную челюсть.....	258
КИРПИЧ ДОРОЖЕ БУТЫЛКИ.....	259
ЭКСПЕРТЫ.....	260
ИДЕАЛИСТ ЛЯЦКИЙ.....	264
ПАССАЖИР ВИШНЁВОГО «МОСКВИЧА».....	269
ЧЕРНОБЫЛИ НЕ ХОДЯТ В ОДИНОЧКУ.....	273
ПРИКАЗЫ НЕ ОБСУЖДАЮТСЯ.....	277
ПУСТАЯ КОШЁЛКА ПРИ ПОЛНОМ КОШЕЛЬКЕ.....	279
АВАНТЮРИН – ВЕНЕЦ РАСЧЁТА И ПОИСКА.....	282
ЗВОНОК ИЗ РАСПРЕДЕЛИТЕЛЯ.....	284
ПРИМЕРЯТЬ ЗА ШИРМОЧКОЙ.....	286
ПОСИДЕЛКИ ценой в 2,5 миллиона.....	287
ВНУКИ ИВАНА КУЗЬМИЧА.....	288
БАРТЕР НАМ ЕЩЁ НЕ ТАК НАКОСТЫЛЯЕТ.....	289
ЗНАХАРСКИЕ МЕТОДИКИ ДОКТОРА МАКАРЕВИЧА.....	291
ЖИВИТЕЛЬНЫЙ АРОМАТЫ.....	292
КЛЮЧИ – ЧЕРЕЗ АУКЦИОН.....	293
КРИЧИТЕ, РЕБЯТА, БУДИТЕ ПЕРЕМЕНЫ.....	295
КОШЕЛЁК ОБНОВЛЯТЬ НЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО.....	296
КОВДОРСКИЙ ГОК И ГЛАЗУРОВАННЫЙ «ЧЕРЕПОК».....	297
НАДО ЛИ ГОКАМ МЕНЯТЬ ПРОФЕССИЮ?.....	298
ДОПШАЁК ДЛЯ СТУДЕНТОВ.....	305
РЕГЛАМЕНТ ДИКТУЕТ ... ТЕЛЕСЕРИАЛ.....	306
НЕ В СВОИ САНИ НЕ... БАЛЛОТИРУЙСЯ.....	307
«СВОБОДНЫХ МЕСТ ... ЕСТЬ!».....	310
СИЛЁН, БРОДЯГА!.....	311
НА БИРЖУ НАДЕЙСЯ, ДА САМ НЕ ПЛОШАЙ.....	313

КЛИН КЛИНОМ ВЫШИБАЮТ.....	316
МНОГАЯ ЛЕТА.....	317
ТАЛЕРЫ МЕСТНОЙ ЧЕКАНКИ?.....	317
ГЛАГОЛЫ НЫНЕШНЕЙ ВЕСНЫ: Я должен! Ты должен! Они должны!.....	318
ЕЩЁ НЕ КОНВЕРТИРУЕМЫЙ, НО УЖЕ НЕРАЗМЕННЫЙ.....	319
ГОЛУБЬ ПЕТУХУ НЕ ТОВАРИЩ.....	320
ДЕМОКРАТ ПЕРВОЙ КАТЕГОРИИ.....	321
МЛАДЕНЕЦ-НЕЛЕГАЛ.....	322
СКАЗ ПРО ОТКАЗ СО ССЫЛКОЙ НА УКАЗ.....	324
КЫШ С ПЛОЩАДКИ!.....	325
КОМУ Я ДОЛЖЕН – ВСЕМ ПРОЩАЮ.....	325
«КУЗЬКИНА МАТЬ» В ИСПОЛНЕНИИ «КОЛЭНЕРГО».....	327
ПАЦИЕНТ ПАЛАТЫ № 7.....	329
ВЕСТЕРНСХОДИТС ЭКРАНА.....	330
ПОЖАЛУЙТЕ К СТОЛУ!.....	331
БЛЕСК И НИЩЕТА «КОВДОРСЛЮДЫ».....	332
МУЗЕЙ – НЕ РОСКОШЬ.....	336
ОТ ПРЕДОПЛАТЫ – К ПРЕДЫНФАРКТНОМУ СОСТОЯНИЮ.....	337
МУЖИЧОК С НОГОТОК И ПОСУДНАЯ ЛАВКА.....	338
БРОШЕННАЯ «ПЕРЧАТКА».....	339
РАЗВЕСИСТАЯ ВЕТЧИНА.....	340
СВЯТО МЕСТО ПУСТО НЕ БЫВАЕТ.....	342
ПОДНИМАЙ ЦЕНЫ ИЛИ ПЕНЯЙ НА СЕБЯ!.....	344
«ЗОЛОТАЯ» ПЛОМБА.....	346
КЛИЕНТ И КОРМУШКА.....	347
ОКТЯБРЬ УЖ НАСТУПИЛ. НА БЕНЗОБАК.....	348
<u>Приложение</u>	
ИЗ ЦИКЛА «ВЕРНУЛСЯ Я НА РОДИНУ».....	349
Раздел IV	
В ОДНОМ ЭКЗЕМПЛЯРЕ.....	357
ДАТСКИЕ (к датам) СТИХИ	
КОЛЛЕКТИВУ МЕСТОРОЖДЕНИЯ ПРОЕКТОВ.....	358
ЧЕРЕПОВЕЦКОМУ МЕТЗАВОДУ.....	359
ОЛЕНЕГОРСКОМУ ГОКУ.....	360
ПРИВЕТ ПОГРАНИЧНИКАМ!.....	361
РАЙОТДЕЛУ МИЛИЦИИ.....	362
ИЗ ПРИВЕТСТВИЯ ПИОНЕРОВ НАДЦАТОЙ	
ПАРТ-ПРОФ-КОМС-КОНФЕРЕНЦИИ.....	363
ОДА ПО СЛУЧАЮ ПЕРЕВОДА главного инженера Ковдорского ГОКа	
НИКОЛАЯ ПЕТРОВИЧА ЕРШОВА.....	363
<u>Приложение к «Датским стихам»</u>	
ИЗ ЦИКЛА «ОШМЁТКИ ЭКСПРОМТОВ».....	365